

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Жан Луи Тьеро

**Маргарет
ТЭТЧЕР**

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Annotation

Жан Луи Тьеро, французский историк и адвокат, повествует о жизни Маргарет Тэтчер как о судьбе необычайной женщины, повлиявшей на ход мировых событий. «Железная леди», «Черчилль в юбке», «мировой жандарм антикоммунизма», прицельный инициатор горбачевской перестройки в СССР, могильщица Восточного блока и Варшавского договора (как показывает автор и полагает сама Маргарет). Вместе с тем горячая патриотка Великобритании, истовая защитница ее самобытности, национально мыслящий политик, первая женщина премьер-министр, выбившаяся из низов и посвятившая жизнь воплощению идеи процветания своего отечества, и в этом качестве она не может не вызывать уважения. Эта книга написана с позиций западного человека, исторически настороженно относящегося к России, что позволяет шире взглянуть на недавние события и в нашей стране, и в мире, а для здорового честолюбца может стать учебником по восхождению к высшим ступеням власти и остерегающим каталогом соблазнов и ловушек, которые его подстерегают. Как пишет Тэтчер в мемуарах, теперь она живет «в ожидании... когда настанет пора предстать перед судом Господа», о чем должен помнить каждый человек власти: кому много дано, с того много и спросится.

-
- [Жан Луи Тьеро](#)
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [Глава первая](#)
      - [Больной человек Европы](#)
      - [Основа «государства всеобщего благоденствия»](#)
      - [Лейбористы у власти: создание государства-провидения](#)
      - [Обманчивое благополучие «общества изобилия»](#)
      - [Так проходит имперская слава](#)
      - [Закат британской мощи](#)
      - [Духовный кризис в Соединенном Королевстве](#)
    - [Глава вторая](#)
      - [Самый скучный город Англии](#)
      - [Дочь пастора](#)
      - [Образцовая ученица и образцовая девушка](#)
      - [Тайный сад, тайная трещина](#)

- [С отцом на дорогах политики и войны](#)
- [Выбор карьеры](#)
- [Отцовское наследство](#)
- [Глава третья](#)
  -
  - [В Оксфорде — питомнике элиты](#)
  - [Первые шаги в политике](#)
  - [Молодой химик](#)
  - [Дартфорд — первый опыт электоральной борьбы](#)
  - [Муж, который ей нужен: Деннис Тэтчер](#)
  - [В ожидании подходящего округа Мэгги производит двойню](#)
  - [Финчли — начало длинной истории](#)
- [Глава четвертая](#)
  -
  - [На разведку в палату общин](#)
  - [Первая речь как толчок судьбы](#)
  - [Заднескамеечники](#)
  - [Младший министр](#)
  - [Величие и рабство семейной жизни](#)
  - [В оппозиции](#)
  - [В теновом кабинете](#)
  - [«Что не так с политиками?»](#)
  - [В ожидании выборов в министерстве транспорта и министерстве образования](#)
- [Глава пятая](#)
  -
  - [Столкновение культур](#)
  - [Безнадежная битва против компрехенсив скулз](#)
  - [Маргарет Тэтчер — похитительница молока\[85\]](#)
  - [От пугала и жупела до любимицы](#)
  - [Удачи и неудачи в правительстве](#)
  - [Многообещающее начало](#)
  - [Время перемены курса](#)
  - [Падение — «ужасный урок»](#)
- [Глава шестая](#)
  -
  - [Консерваторы — это люди, всё забывшие и ничему не научившиеся](#)
  - [Консервативная революция на марше. Завоевание умов](#)

- [Еще одно поражение Тэда Хита](#)
- [Уход тех, чьи полномочия истекли. Ослабление соперников](#)
- [Кампания по избранию лидера партии](#)
- [В кресле Тэда Хита](#)
- [Глава седьмая](#)
  -
  - [Первые месяцы](#)
  - [Партийная конференция в Блэкпуле](#)
  - [Как достичь международного уровня](#)
  - [Достоинства мускулистого прагматизма](#)
  - [Дорога, усеянная ловушками и засадами](#)
  - [1978 год, когда все было поставлено на карту](#)
  - [«Зима недовольства»](#)
  - [Единственный шанс](#)
  - [Избирательная кампания 1979 года](#)
  - [Победа](#)
- [Глава восьмая ОСНОВЫ ТЭТЧЕРИЗМА](#)
  -
  - [В начале была вера. Речь перед Генеральной ассамблеей Шотландской церкви](#)
  - [Вдохновители](#)
  - [Макроэкономические выборы: свобода и эффективность рынка](#)
  - [Достоинства социального неравенства](#)
  - [Закон и порядок](#)
  - [Принципы международной политики: не иметь никаких принципов](#)
  - [«Огненные колесницы» — тэтчеровский проект в картинках](#)
- [Глава девятая](#)
  -
  - [Кабинет компромиссов](#)
  - [Оздоровить макроэкономические основы](#)
  - [На дне пропасти. «Эта леди не поворачивает назад!»](#)
  - [Шоковая терапия: добродетели умеренности и сдержанности](#)
  - [Суровое испытание закона и порядка](#)
  - [Диктатор приходит на помощь: вторжение на Фолкленды\[145\]](#)
  - [Победа на краю света](#)
  - [Политическое возрождение](#)

- [Выборы 1983 года](#)
- [Глава десятая](#)
  -
  - [Формирование кабинета министров и время «банановых шкурок»](#)
  - [Приватизация, или Начало «народного капитализма»](#)
  - [«Большой взрыв» и дух предпринимательства](#)
  - [Нация собственников](#)
  - [«Чудо Лоусона»](#)
  - [Обуздание профсоюзов](#)
  - [Еще одна горячая точка: Ирландия](#)
  - [Обуздание «феодалов»](#)
  - [Время скандалов](#)
  - [На пути к третьему мандату](#)
- [Глава одиннадцатая](#)
  -
  - [Выиграть выборы](#)
  - [Против консенсуса: управлять для того, чтобы руководить](#)
  - [Хорошая битва в хороший момент](#)
  - [Жизнь на Даунинг-стрит, 10](#)
  - [Ближний круг](#)
  - [Ослабленный кабинет министров, но сохраненный парламент](#)
  - [Лицом к королевскому семейству](#)
  - [«Глаза Калигулы, рот Мэрилин Монро»](#)
- [Глава двенадцатая](#)
  -
  - [Главное направление: Америка](#)
  - [Границы «привилегированных» отношений](#)
  - [Роль Великобритании в большой игре 1980-х годов: СОИ, Горбачев, разоружение](#)
  - [Запутанная бюджетная интрига](#)
  - [На службе у Общего рынка](#)
  - [Речь в Брюгге и ее последствия](#)
  - [Управлять имперским наследством](#)
  - [Перед фактом падения коммунизма](#)
- [Глава тринадцатая](#)
  -
  - [Кабинет утомленных сторонников и молодых амбициозных волков](#)

- [Конец «чуда Лоусона»](#)
  - [Социальный тэтчеризм](#)
  - [Странный подушный налог и избирательный ажиотаж](#)
  - [От «политических Чернобылей» до смещения с поста](#)
  - [В ожидании суда Господа](#)
  - [Заключение](#)
  - [Слова благодарности от автора](#)
  - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
  - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР](#)
  - [КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)

- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)

- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)

- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)

- [184](#)
  - [185](#)
  - [186](#)
  - [187](#)
  - [188](#)
  - [189](#)
  - [190](#)
  - [191](#)
  - [192](#)
  - [193](#)
  - [194](#)
  - [195](#)
  - [196](#)
  - [197](#)
  - [198](#)
  - [199](#)
  - [200](#)
  - [201](#)
  - [202](#)
  - [203](#)
  - [204](#)
  - [205](#)
  - [206](#)
  - [207](#)
  - [208](#)
  - [209](#)
  - [210](#)
  - [211](#)
  - [212](#)
  - [213](#)
  - [214](#)
  - [215](#)
  - [216](#)
  - [217](#)
  - [218](#)
  - [219](#)
  - [220](#)
-

Жан Луи Тьеро

Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов

Посвящается Клементине Тассен

Через теснины к вершинам, через трудности к цели

Эта книга является данью уважения и почтения тому вкладу, что внесла Великобритания в дело борьбы за свободу во всем мире.

Особую благодарность автор выражает офицерам, солдатам, морякам и летчикам, которые в Дюнкерке поспособствовали погрузке французских войск на суда и позволили его деду, офицеру 2-й легкой моторизованной дивизии, избежать тягот плена.

Желание одержать победу присуще большинству из нас и является врожденным, воля к победе — это уже вопрос подготовки и тренировки, способ и манера одерживать победу — это уже вопрос чести.

Деннис Тэтчер

Высоты, на которые вознеслись великие люди, не были достигнуты в результате внезапных взлетов. Нет, пока их спутники спали, они ночью совершали утомительное восхождение к вершинам.

Генри Уодсуорт Лонгфелло

Margaret Thatcher

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во Франции Маргарет Тэтчер стала фигурой мифологической. С точки зрения правых, она — образец, средоточие всех добродетелей, «Железная леди», которая сумела вернуть свою страну на рынок, свернуть шею профсоюзам и придать прежние яркие краски весьма полинявшему «Юнион Джек»^[1]. Сколько раз мы слышали: «Нам нужна Маргарет Тэтчер!»

Если же смотреть с точки зрения левых, то совершенно очевидно, что в их глазах она являет собой полную противоположность. На ее личности как бы фокусируются все страхи и вся враждебность обывателя. В ней видят апостола ультралиберализма, поборницу идей коренной жесточайшей (воистину драконовской!) реструктуризации общества, штрейкбрехершу. Чтобы оценить, сколь велика ненависть, которую у некоторых вызывает ее имя, достаточно вспомнить слова песни известного французского шансонье Рено «Мисс Мэгги», звучавшей на всех волнах в 1985 году. В ней говорилось буквально следующее: «Все убийцы — братья, и женщины не могут с ними соперничать, за исключением, быть может, госпожи Тэтчер. Я превратился бы в собаку, если бы после смерти мог остаться на Земле, а в качестве фонаря, у которого ежедневно задирает бы ногу, выбрал бы госпожу Тэтчер».

Подобная персона, естественно, вызывает массу вопросов, и масса эта столь велика, сколь велико противоречие этих двух точек зрения. Как ни странно, во Франции нет полной биографии Маргарет; небольшая книжечка Катрин Кюллен, опубликованная в 1991 году, сегодня вся распродана. Есть, правда, несколько работ преподавателей университетов, которые посвящены «эре Тэтчер», а больше нет ничего! И это удивительно, потому что мы имеем дело с личностью, занимающей свое особое место в пантеоне славных побед, одержанных Англией, с женщиной, чья восковая фигура в музее мадам Тюссо в Лондоне покинула зал, предназначенный для персонажей современной, сегодняшней жизни, чтобы переместиться в зал исторических деятелей.

Итак, эта книга предназначена заполнить некую пустоту. Она, надеюсь, сможет удовлетворить любопытство историка, но сможет также дать ответы и на вопросы адвоката. Вот уже много лет автор наблюдает, как французы покидают Францию, чтобы обосноваться за Ла-Маншем. Разумеется, он знает, почему они это делают. Но он не может не находить

это очень печальным явлением, учитывая тот факт, что речь часто идет о самых блестящих умах Франции. А потому он только и может задаваться вопросом: «Что же сделала эта чертова баба, чтобы так изменить свою страну?» Вот почему следует склониться и присмотреться к Маргарет Тэтчер, чтобы понять, какова была ее жизнь и каковы были те радикальные реформы, которые она осуществила.

Французский читатель будет удивлен, потому что Англия, которую он для себя откроет, окажется совершенно не похожей на ту, что известна ему по клише и штампам. Действительно, у всех нас есть несколько общеизвестных образов, вроде ярких картинок смены караула гвардейцев возле Букингемского дворца или ужасных язв нищеты лондонского дна в фильмах про мужской стриптиз, где столь ярко воплотились идеи так называемого мизерабилизма^[2], течения, призывавшего как можно более верно отображать в кино и литературе самые ужасные явления социальной жизни. Англичанин в нашем представлении — либо лорд, либо нищий, и не может быть никем иным. Мы представляем себе англичанина либо охотящимся в благородном красном сюртуке со сворой гончих собак, либо потягивающим плохое пиво в пабе на углу в каком-нибудь городишке, в районе, обезлюдившем от нищеты.

Соединенное Королевство Маргарет Тэтчер совершенно другое. В некотором роде оно не столь яркое, как королевство франтов-наездников на породистых лошадях и грубых работяг из Йоркшира. Это мир представителей среднего класса, поднимающихся вверх по социальной лестнице с Библией в руках путем упорного труда и экономии денег. В этом восхождении есть нечто от эпохи Луи Филиппа, нечто, роднящее саму Маргарет Тэтчер с господином Гизо^[3], как будто она — Гизо в юбке.

Ее жизнь сама по себе — увлекательное приключение, если не авантюра. Рожденная в семье мелкого лавочника, бакалейщика из Грантема, Маргарет сумела добиться права учиться в Оксфорде, в святая святых английской аристократии. В 1959 году она стала депутатом от партии консерваторов в палате общин. В 1975 году организовала и блестяще осуществила настоящий путч, чтобы стать лидером партии. В 1979 году одержала победу на выборах. Она стала первой женщиной премьер-министром в крупной стране Европы и продержалась у власти 11 лет и 8 месяцев, превзойдя в «долгожительстве» всех премьер-министров XX века! Внезапно была изгнана из власти в ноябре 1990 года своей же собственной партией, низложившей ее с необычайной жестокостью после десятилетия безраздельного владычества. В 1992 году она вошла в палату лордов и была

награждена орденом Бани. Какой путь! Можно подумать, что это сказка о принце и Золушке, с тем лишь различием, что ей не понадобился принц, чтобы достичь таких высот...

Великобритания вышла из этой сказки преображенной. Страна, в 1979 году считавшаяся «больным человеком Европы», 25 лет спустя стала украшением Европейского союза. И это во многом заслуга Маргарет Тэтчер. Чтобы этого добиться, ей пришлось сражаться очень жестко и упорно, вести борьбу с большими государственными расходами, с инфляцией, с профсоюзами. Она облачилась в доспехи главнокомандующего во время войны за Фолклендские острова и в ходе борьбы против ирландских республиканцев из ИРА^[4]. Она не боялась встретиться лицом к лицу с «улицей» и столкнуться с ней, каковы бы ни были последствия для ее популярности. Она не дрогнула даже тогда, когда ее образ был запятнан кровавыми следами репрессий. Как бы там ни было, она всегда в конце концов одерживала победу и потерпела поражение только в своей последней битве, когда захотела осуществить реформу жилищных налогов и платы за жилье. Это, как оказалось, было уже слишком. Грех гордыни способен овладевать даже лучшими и приводить их к падению.

Итак, совершив путешествие, пройдем по ее пути, который будет представлен без прикрас. Читатель не найдет в этой книге ни пикантной элегантности мира Джеймса Айвори, ни симпатичной грубости мира Кена Лоуча^[5], но будет присутствовать на зрелище триумфа воли той, у которой «упорный труд все победит», если вспомнить слова Вергилия, будет следить за историей жизни, похожей на роман, и за историей реформы, похожей на чудо.

Глава первая

КОГДА НАД АНГЛИЕЙ ЗАХОДИЛО СОЛНЦЕ

Больной человек Европы

Конец 70-х годов XX века. Перефразируя Шекспира, можно было сказать: «Неладно что-то в английском королевстве»^[6].

Однако, казалось, что всё как всегда. Корона все еще блистает тысячами огоньков. При смене караула между конными статуями маршалов Уолсли и Робертса все так же, как и прежде, перед очарованными туристами при всем параде маршируют королевские гвардейцы из Гренадерского и Колдстримского полков в своих красных мундирах и медвежьих шапках. Ежегодно в июне Королевская конная гвардия салютует Ее Величеству Елизавете II во время церемонии выноса знамени. Состоящий из сыновей лучших семей королевства, Королевский конногвардейский полк, похваляющийся украшенными красными перьями гребнями шлемов и черными мундирами, проводит время в вечном соперничестве за первенство с Лейб-гвардейским конным полком, кичащимся белыми перьями на шлемах и красными мундирами. Году придают некий особый ритм великолепные церемонии: процессия лорд-мэра Лондона в мае, день рождения королевы в июне, парад лорд-мэра в октябре и Тронная речь королевы в ноябре. Раз в три года алебардчики лондонского Тауэра, облаченные в роскошную униформу времен правления династии Тюдоров, в красные камзолы с гофрированными воротниками, выходят из-за стен Тауэра, чтобы прошествовать с большой помпой и совершить действие, именующееся «отбиванием границ» (в старину на Вознесение или перед Пасхой священники обходили свои приходы и, ударяя по столбам, деревьям и заборам, как бы обозначали границы приходов. — Пер.). Впереди шествует капеллан в черной сутане и белом стихаре; все вместе они обходят вокруг крепости и бьют палкой по тридцати одному столбику, что обозначают границы крепости. Ежегодно 5 декабря в память о так называемом «пороховом заговоре»^[7] торжественная процессия отправляется из Сити в Вестминстер, чтобы удостовериться в том, что подвалы парламента не заминированы. Ежедневно охранники сокровищ Короны^[8], так называемые йомены, то есть лейб-гвардейцы, являющиеся стражами Тауэра, символически закрывают Тауэр в ходе

особой церемонии на семь минут, и ни минутой больше или меньше. В 9 часов 53 минуты начальник стражи Тауэра покидает башню Байвард и, держа в одной руке старинный фонарь, а в другой — ключи, выходит из крепости. К нему присоединяются стражники, и вот так, шествуя вместе с эскортом, начальник стражи закрывает все ворота и двери. Венцом церемонии является диалог между ним и караульным, стоящим на посту возле Кровавой башни, всегда один и тот же: «Кто идет? — Ключи. — Какие ключи? — Ключи королевы Елизаветы. — Боже, храни королеву! — Аминь». В десять часов церемония завершается. Ключи вновь возвращаются в Королевскую башню.

Внешне общество тоже кажется неизменным. Высшие классы, аристократия и крупная буржуазия, продолжают отправлять своих сыновей в паблик скулз^[9] Итона и Регби. Главной дорогой к власти, «королевской» дорогой, по-прежнему остается «Оксбридж»^[10]. Студенты Оксфорда и Кембриджа ежегодно борются за первенство в ходе чрезвычайно почитаемых в Англии соревнований по гребле на Темзе, и можно смело утверждать, что эти соревнования — событие национального масштаба. Джентльмены ведут неспешные беседы в клубах, таких как «Карлтон-клуб» или «Атенеум». Мир делится на «вхожих в клубы» или «членов клубов» и всех прочих. На скачках в Аскоте или Эпсоме элегантные дамы соревнуются друг с другом, щеголяя самыми невообразимыми шляпами. Невозмутимый «Ройял-яхт-клуб» тешит зрителей ослепительным блеском Каусских регат, несмотря на мелкий морозящий дождь, туман и затянутое облаками небо. Английская сельская местность остается все тем же райским уголком между коттеджем и ровно подстриженным газоном, каким он был описан в 1909 году Валери Лабро, влюбленным, как сумасшедший, во все эти «прелестные деревушки и эти удаленные от больших дорог поселочки, куда можно попасть только после того, как откроешь и закроешь двадцать или тридцать калиток или ворот в изгородях; в эти тропинки, вьющиеся и петляющие среди цветущих изгородей, в эти поля ячменя, в это скошенное сено, которое наполняет своим ароматом всю Англию»^[11]. А в кварталах Манчестера, Бирмингема и Ливерпуля, населенных простым рабочим людом, отупевшим от усталости, от пива и невежества, работяги у стойки паба или кафешки, где подают жареную рыбу с картошкой, заказывают на несколько пенсов порцию жареной камбалы или кальмаров в панировке.

Короче говоря, в общем все совершенно нормально. Перед нами вечная Англия, основанная на неравенстве и несправедливости,

чрезвычайно снобистская, *старая добрая Англия*, в которой каждый, бедный и богатый, живет своей жизнью и проживает ее на том месте, которое было ему предопределено Провидением, ни на что и никому не жалуясь...

Однако в королевстве Виндзоров что-то испортилось, что-то стало барахлить. Начиная с 1970 года все огоньки замигали красным, а стрелки измерительных приборов будто сошли с ума. Относительный спад превратился в полный упадок. При первом же нефтяном кризисе страна открыла для себя такое явление, как стагфляция, то есть инфляция без роста производства, или застой с инфляцией. Цены росли постоянно, и скорость роста увеличивалась: в 1969 году — на 15 процентов, а в 1975-м — уже на 27 процентов. Роста же производства не было. Углублялась пропасть между торговым и платежным балансами. В 1976 году правительство Вильсона вынуждено было обратиться к Международному валютному фонду с просьбой о предоставлении займа в сумме 3,5 миллиарда фунтов стерлингов. Англию ожидало ужасное унижение, ибо МВФ согласился предоставить заем только на своих условиях, потребовав введения режима чрезвычайно жесткой экономии, то есть действуя в отношении Великобритании точно так, как действовал бы в отношении любой страны третьего мира. Правда, в 1975 году государственные расходы достигли 60 процентов от ВВП (внутреннего валового продукта), хотя при этом рост безработицы не прекратился. Впервые после окончания войны уровень безработицы в 1 миллион человек был достигнут в 1972 году, а в 1,5 миллиона — в 1976-м. Призрак Веймарской республики с ее банкнотами, превратившимися в ничего не стоящие бумажки, и с длиннющими очередями безработных, замаячил вдалеке, постепенно приближаясь. Недовольство в обществе росло, как и количество забастовок: в 1969 году из-за них были потеряны 6 миллионов рабочих дней, 24 миллиона — в 1972 году, 10 миллионов — в 1977-м. Обязательные (предварительные) вычеты в виде налогов и взносов душили экономику. Водитель лондонского такси должен был платить 83 процента налогов от выручки! В стране воцарялся беспорядок (еще не хаос, но уже беспорядок). Уже нельзя было говорить об обеспеченности энергетической безопасности страны. В 1972 году крупная забастовка шахтеров вынудила Эдварда Хита, премьер-министра от партии консерваторов, ввести трехдневную рабочую неделю. На улицах громоздились кучи мусора... И правительство в конце концов сдалось. События в Ирландии отравляли политический климат. После «кровавого воскресенья» в Лондондерри в 1972 году волна насилия перелилась через край и захлестнула саму Англию. В 1979 году

двоюродный брат самой королевы, лорд Маунтбеттен, был убит ирландскими экстремистами из ИРА. Англия шла к упадку. Гарри Кроссленд, депутат, близкий к лейбористскому правительству, вынужден был в 1976 году сделать вызывающее жалость признание: «Все, что мы можем сделать, так это нажимать на все кнопки, не зная, существует ли та, при нажатии на которую будет достигнут желанный эффект».

Стране, в которой возникло понятие «государства всеобщего благоденствия» и именовавшейся «государством-провидением», теперь было далеко до такой страны, где могли гарантировать каждому гражданину безопасность «от колыбели до могилы», как похвалялись это сделать лейбористы в 1945 году! Так называемая «народная культура» тоже внесла свой «вклад». Так, группа «Секс пистолз» имела оглушительный успех с песней «Анархия в Соединенном Королевстве», занимая на протяжении нескольких месяцев первую строчку в хит-парадах лучших дисков, наиболее востребованных покупателями. На фоне такого обилия несчастий множились всевозможные «Кассандры»^[12]. В 1975 году появился труд Корелли Барнетта «Коллапс британской власти». Некоторые исследователи продолжали традиции Гиббона^[13], как, например, Мэри Уайтхауз, утверждающая, что различает черты близящегося «коллапса в сфере морали». Другие находили причины упадка в «экономических подходах». В 1977 году Питер Джей придумал новую болезнь, «англичанит», и описал ужасные симптомы упадка Великобритании^[14]. В то же самое время Колумбийский университет организует colloquium на тему «Умирает ли Великобритания?». В 1978 году Питер Дженкинс, «знаменитое перо» «Гардиан», написал передовицу, прославившую автора еще больше: «Ни одна страна не прошла еще путь от развитости до отсталости. Вероятно, Англия первой вступила на этот путь». Гельмут Шмидт^[15] нанес неожиданный удар, сравнимый с последним ударом матадора израненному быку во время корриды. Так, в 1979 году в ходе официального обеда он изрек: «Англия более не принадлежит к числу развитых стран». Таким образом, Англия, подобно Османской империи в недалеком прошлом, стала «больным человеком Европы».

Не случайно в те годы самым большим успехом пользовался фильм Джона Бурмана «Лео Последний», в котором рассказывалась история принца, преисполненного добрых намерений, внимательного к нуждам самых слабых, желавшего творить добро, но шедшего от поражения к поражению, чтобы в конце прийти к полному хаосу...

Когда в 1979 году Маргарет Тэтчер пришла к власти, на нее свалились

все эти проблемы, которые надо было как-то решать. Чтобы выполнить эту задачу, достойную египетских фараонов, у нее ничего не было, кроме собственной воли. Пришедшая ниоткуда или почти ниоткуда, в стране, где принадлежность к определенной касте или сословию возносится до небес, эта дочь бакалейщика, про которую говорили, что от нее все еще пованивает селедкой, ибо яблоко от яблоньки недалеко падает, эта бывшая ученица обычной школы, простая стипендиатка одного из наименее престижных колледжей Оксфорда, ставшая членом Консервативной партии, где доминировали так называемые «старые добрые друзья», бывшие ее соученики по паблик скулз, она, эта мать семейства, член парламента, среди депутатов которого было менее 4 процентов женщин, сумела подняться в 1975 году до партийной вершины, став лидером партии, а в мае 1979-го — первой женщиной премьер-министром! Она оставалась на этом посту до ноября 1990 года, побив все рекорды, потому что трижды одерживала победу на выборах после лорда Палмерстона^[16] и первой после лорда Ливерпуля^[17] так долго правила страной без перерыва.

Каковы бы ни были мнения о том, что совершила Маргарет Тэтчер, каковы бы ни были стигматы, которые она оставила после себя, несомненно одно: за десять лет она придала старому британскому льву, до нее лениво дремавшему на штандартах Виндзоров, новый жизненный порыв.

Но прежде чем перейти к изучению этой необычной судьбы, попробуем понять, каким образом Англия могла пасть так низко.

Основа «государства всеобщего благоденствия»

Невозможно понять, каким было Соединенное Королевство в период с 1945 по 1970 год, не обратив свой взор ко Второй мировой войне. Война эта была той матрицей, в которой зародилась идея «государства всеобщего благоденствия», «государства-провидения».

С трудом выйдя из кровавой бойни 1914 года, еще истерзанная великим кризисом 1929 года, принудившего более 20 процентов населения к безработице, «гуманно» раненная социальной помощью, принимавшей оскорбительный облик тестов, именовавшихся «проверкой нуждаемости»^[18] (столь строгих и жестоких, что впору было вспомнить испанскую инквизицию), Англия очень быстро оказалась в полном одиночестве перед гитлеровской гидрой. Кстати, Чемберлен в 1938 году заверял Англию в том, что «господин Гитлер — джентльмен» и что

Мюнхен — «это мир для нашей эпохи». Оказалось, что Черчилль, старый медведь Черчилль из Чартуэлла, консерватор-пессимист, утомлявший членов палаты лордов своими мрачными предсказаниями, был прав! «У вас был выбор между позором и войной, вы выбрали позор и вы получите еще и войну».

В 1940 году, когда Черчилль вернулся к управлению страной, он не мог предложить англичанам ничего, кроме «крови, пота и слез», по его же выражению. Польша, ради которой Англия вступила в войну, была разбита за три недели. Франция, обладавшая, как полагали, лучшей армией мира, была разгромлена танковыми дивизиями Гудериана и 17 июня обратилась с просьбой о перемирии. Британский экспедиционный корпус вынужден был под огнем неприятеля в Дюнкерке вновь погрузиться на суда, оставив на пляжах большую часть своей техники. Оплотом демократии оставалась только Англия, наполовину обезоруженная, едва-едва защищаемая своим «каналом», как англичане называют Ла-Манш. Но этот оплот будет держаться стойко и выстоит. Ценой огромных жертв за три месяца летчики Королевских ВВС Великобритании нанесут поражение спесивым асам из люфтваффе Геринга. Лишенные превосходства в воздухе, немцы будут вынуждены отказаться от мысли захватить остров, на который со времен Вильгельма Завоевателя не ступала нога неприятеля. «Никогда еще столько людей не были обязаны столь многим столь малому количеству своих собратьев» — так можно перевести известную фразу Черчилля.

Однако теперь пришел черед гражданскому населению платить дань войне, и платить кровью. Настало время варварски жестоких «блицев», стремительных массированных налетов и ковровых бомбардировок самых густонаселенных городов страны. В Лондоне, Ковентри, Манчестере и других городах были превращены в прах и пепел более миллиона домов, 23 тысячи мирных граждан погибли всего за несколько недель. И так продолжалось всю войну, потому что после «блицев» начались регулярные бомбардировки, а за ними и обстрелы ракетами ФАУ-1 и ФАУ-2...

Но, как это ни парадоксально, страдания объединили, спаяли Англию. Кокни^[19] из Лондона увидели, что спасение пришло от джентльменов из королевских ВВС, а джентльмены-летчики были признательны лондонским кокни за ту помощь, что они оказывали разрушенным городам. Гражданская оборона спланировала людей вокруг пожаров, которые надо было тушить, вокруг раненых, которым требовалась помощь, вокруг всеобщего затемнения, которое требовалось соблюдать. Перемещение населения в сельской местности разрушило некоторые социальные границы, прежде казавшиеся незыблемыми. Королевское семейство

подавало в этом пример. Оно ведь могло покинуть Лондон и спрятаться от бомб в одном из своих бесчисленных замков, но оно оставалось в Букингемском дворце или в Виндзоре, разделяя участь своих самых обездоленных подданных. Никогда прежде чувство братства, возникшее от осознания совместно пролитой крови, не содействовало в такой мере тому, чтобы Великобритания стала «единой нацией»^[20]. Дух борьбы, появившийся в период «блица», охватил все души и умы.

Никогда прежде Великобритания в такой мере не заслуживала наименования Соединенного Королевства^[21]. Черчилль, истинный консерватор, создает правительство национального единства. Клемент Эттли, президент Лейбористской партии, становится вице-премьер-министром; еще один лейборист, Эрнест Бевин, взял на себя обязанности министра в министерстве труда; лейбористам было доверено также руководство и другими, менее важными министерствами. Даже Либеральная партия, находившаяся в упадке, была польщена оказанным ей доверием в лице сэра Арчибальда Синклера, возглавившего министерство воздушного транспорта. Депутаты палаты общин, избранные в 1935 году, почти единогласно проголосовали за продление полномочий палаты до конца войны.

Позволила Великобритании стать «арсеналом демократии и демократических правительств» до и после вступления в войну Соединенных Штатов ее либеральная довоенная экономика, частично превратившаяся в экономику управляемую. В 1939 году было создано министерство снабжения. Уровень цен и заработной платы часто устанавливался правительством. Была введена воинская повинность. В силу закона о чрезвычайном положении государство присваивает себе право вмешиваться в экономику, вводя карточную систему, нормирование промышленного сырья и субсидируя производство предметов первой необходимости, облагая 100-процентным налогом прибыль, полученную в военный период, или уступая иностранцам некоторую долю в доходах предприятия ради возможности финансировать военные программы. Около 60 процентов валового национального продукта (ВНП) таким образом временно переходят под контроль государства. Социальный мир был куплен ценой обязательных переговоров и заключения соглашения с профсоюзами, что выразилось в реальном росте заработной платы на 44 процента за период войны. Впервые профсоюзы становятся настоящими партнерами правительства, в то время как раньше с ними вступали в переговоры только по случаю забастовок. Мобилизация рабочих как на

настоящий фронт, так и на трудовой очень быстро уничтожила безработицу.

Битва продолжалась, и умы кипели от желания не утратить дух борьбы, родившийся в период «блица», не впасть в трагический довоенный пауперизм, сохранить некоторые положительные аспекты приобретенного опыта, привнесенного управляемой экономикой, а также от желания в конце концов внести некоторую долю социальной справедливости. Тогда были в моде кейнсианские^[22] идеи нового подъема экономики, поддержанные относительными успехами «Нового курса» Рузвельта в Соединенных Штатах. В 1941 году магистр Темпл, архиепископ Йоркский, призвал заменить понятие: «Страна, находящаяся в состоянии войны» понятием: «Государство-провидение»^[23]. Слово было произнесено, оно произвело настоящий фурор.

В 1942 году экономист Уильям Беверидж опубликовал доклад, в котором определил пять главных факторов, представляющих огромное зло для общества: «нищета, болезни, невежество, нездоровые условия жизни, лень». Он ратовал за создание системы социального обеспечения, финансируемой за счет введения специального налога, так, чтобы эта система защищала как активное население, так и пенсионеров с безработными от «колыбели до могилы». Доклад вызвал волну энтузиазма в стране. Автор, ставший тем временем членом парламента, развил свои идеи в другой работе под названием «Полная занятость в свободном обществе». Он предложил более не рассматривать безработицу в качестве переменной величины, требовавшей выравнивания в экономике. Государство должно гарантировать такой уровень безработицы, который не превышает двух процентов, путем инвестирования средств в экономику и ценой создания столь необходимого общественного дефицита. Этот превосходный учебник кейнсианства стал новой «библией» населения Англии и значительной части британской элиты. Параллель с программой Национального совета Сопротивления во Франции просто поразительна. Послевоенный период можно понять только в свете принципов, выработанных во время войны^[24].

Черчилль, пребывая в состоянии восторга по поводу капитуляции гитлеровской Германии, совершенно не видел того, что надвигалось. Он думал, что нация не сможет лишиться себя ореола творца победы. Когда 22 мая 1945 года лейбористы разорвали соглашение с правительством, он полагал, что одного его величия будет достаточно, чтобы выиграть выборы. Социальные вопросы его не интересовали нисколько. Он не мог по

достоинству оценить драматическую точность попадания в цель «Белой книги», опубликованной несколькими месяцами ранее его службами, где были высказаны предположения, что уровень безработицы достигнет после войны 8,5 процента и его невозможно будет снизить. Некоторых социальных мер, предпринятых его правительством, ему казалось вполне достаточно: введение семейных пособий, бесплатного школьного образования, обязательного обучения в школах до пятнадцатилетнего возраста, реорганизации системы образования при создании так называемых классических школ и средних современных школ. В остальном же Черчилль вновь взялся за назойливое исполнение старой песни о «красной угрозе».

Лейбористская партия увидела слабое место власти. Ее программа под названием «Заглянем в лицо будущему» повторяла основные предложения Бевериджа, прибавив к ним идею о частичной национализации промышленности. Левое крыло Лейбористской партии, возглавляемое Анейрином Бивеном, нажало на самое больное место: «Простые люди всегда опасаются того, что их будут использовать <...>. Мы еще не так далеко отошли от войны, чтобы не помнить, как они нас использовали, и о том, что Уинстон Черчилль был среди них».

Ко всеобщему удивлению, лейбористы одержали на выборах в июле 1945 года убедительную победу, получив на два миллиона больше голосов, чем консерваторы, что дало им 393 депутатских мандата против 213 у консерваторов. Черчилль подал прошение об отставке. Королевой Клемент Эттли был назначен на должность премьер-министра. Проблемы социального обеспечения и «денежная политика» одолели «старого льва».

Впервые в истории Великобритании Лейбористская партия, не вступая в союз ни с какой другой партией, обладала большинством в палате общин [\[25\]](#). По сему поводу один из заднескамеечников [\[26\]](#), Хартли Шоукросс, гордо воскликнул: «Теперь мы хозяева!» Это означало: чтобы сделать явью государство-провидение.

Лейбористы у власти: создание государства-провидения

Даже при том, что у Лейбористской партии был опыт пребывания у власти, а ее лидер Клемент Эттли заслужил уважение Уинстона Черчилля тем, что поставил «этику убеждения» после «этики ответственности», даже при том, что ее вожди, в частности Эрнест Бевин, оценивали, какую опасность представлял СССР в лагере победителей в 1945 году, не следует

забывать, что это — марксистская партия. Конечной ее целью, как громогласно провозглашалось в IV пункте ее устава, была «коллективная собственность на средства производства». Но Лейбористская партия предпочитала скорее не революционный подход, а прагматический, постепенный, ибо в большинстве своем лейбористы хотели избежать кровавых всплесков, свойственных всем революциям.

Первым этапом установления коллективной собственности должно было стать проведение политики национализации в очень больших масштабах. Идеологическая цель была ясна. Речь шла об установлении контроля над главными секторами экономики страны для того, чтобы придать им желаемый вектор развития. В 1946 году правительство Эттли национализировало Английский банк. Речь шла и о том, чтобы взять в свои руки политику установления процентных ставок и налогообложения, чтобы заставить «вернуть нагребленное» тех «денежных воротил», что саботировали политику Рэмси Макдональда в период между двумя мировыми войнами. В 1947 году настала очередь национализации угольных шахт, гражданской авиации, телефонной связи и железных дорог, в 1948-м — электросети, а чуть позже и предприятий черной металлургии. Подобное отчуждение имущества, разумеется, очень дорого обошлось Казначейству Ее Величества, так как ущерб от этих действий возмещался более чем в скромных размерах.

Другие меры, предпринятые правительством лейбористов и оказавшие большое влияние на страну, были осуществлены под руководством кипучего Анейрина Бивена, министра здравоохранения: в 1946 году был принят закон о национальном страховании, который гарантировал каждому подданному Ее Величества защиту от болезней и безработицы, пенсии по старости и инвалидности, социальные пособия, что финансировалось в равных долях государством (вот где оно играло знаменитую роль перераспределителя налогов), работодателями и работниками.

Меры, подразумеваемые введением этого закона, дополнялись созданием системы государственной службы здравоохранения, которая де-факто означала национализацию английской медицинской помощи и лишала ее либерального статуса. Отныне обслуживание у городских врачей и в больницах должно было обеспечиваться бесплатно. Взамен же пациенты получили «возможность» посещать только строго определенного врача-терапевта. Что до самих врачей, то они стали получать установленную заработную плату, выплачиваемую государством и дополняемую премиальными выплатами пропорционально количеству оказанных услуг. Теперь все имели доступ к медицинскому обслуживанию,

но эта бюрократизация медицины, это приравнивание врачей к государственным служащим неизбежно привели к созданию двух разных медциин «с разной скоростью»... Самые богатые отныне стали посещать врачей, не входивших в систему государственной службы здравоохранения, обычно самых известных и самых компетентных, другие же должны были довольствоваться теми, что остались.

Закон о национальном страховании и закон о государственной службе здравоохранения, часто подвергавшиеся изменениям при внесении поправок, но никогда не отменявшиеся, являлись двумя столпами, на которых покоилось государство всеобщего благосостояния.

Закон о жилье, принятый в 1946 году, дал толчок воплощению амбициозной политики в сфере жилищного строительства, в соответствии с которой за пять лет предполагалось возвести около девятист тысяч квартир. Закон о градостроительстве, принятый чуть позже, давал местным властям новые полномочия, позволявшие воплощать настоящие планы урбанизации, даже если они подразумевали массовую экспроприацию собственности.

Институционные реформы, то есть реформы, касавшиеся основных институтов государственной власти, были весьма умеренны. Существованию палаты лордов ничто не угрожало, правда, ее право вето было ограничено сроком в один год.

«Последний, но не наименьший или не наихудший» закон о промышленных конфликтах, принятый в 1927 году, утратил свою силу. Этот закон налагал запрет на забастовки, что принуждало работника примкнуть к профсоюзу, члены которого составляли большинство на предприятии; этот закон также налагал ответственность на профсоюз за ущерб, нанесенный так называемыми незаконными забастовками. Смысл отмены этого закона заключался в организации диалога между социальными партнерами. Однако, надо сказать, Лейбористская партия была тесно связана с теми профсоюзами, что объединились в мощную федерацию под названием Британский конгресс тред-юнионов (БКТ) и в большинстве своем вносили в партийную кассу взносы, финансируя львиную часть партийных нужд. Даже штаб-квартира Лейбористской партии находилась в помещении исполкома Профсоюза транспортных и неквалифицированных рабочих, так называемом Транспорт-хаусе. Но, действуя таким образом, лейбористы неосознанно открыли ящик Пандоры. Хорошо организованные, мощные, обладавшие почти абсолютной неприкосновенностью профсоюзы обрели огромную власть и за несколько лет превратились в главное «действующее лицо» английских политических

институтов, практически полностью их парализовав... Во вред не только консерваторам, но и лейбористам.

Чтобы профинансировать все эти меры, установили налогообложение высоких доходов (75 процентов), наследства, капитала и производства некоторых продуктов первой необходимости, таких как табак и алкоголь. Так как этого было недостаточно, то дефицит средств должны были покрыть займы. В 1945 году Дж. М. Кейнс отправился в Вашингтон, чтобы получить заем в сумме 3,75 миллиарда долларов, подлежащий погашению в течение пятидесяти лет, в то время как долг Англии уже составлял 17 миллиардов фунтов стерлингов в результате военных расходов. Взамен Англия должна была подписать Бреттон-Вудское соглашение, чтобы восстановить конвертируемость фунта стерлингов в течение года и сделать доллар основной международной валютой. Так было покончено с превосходством фунта стерлингов в качестве единицы при осуществлении международных сделок и расчетов. Однако процесс восстановления конвертируемости фунта пришлось приостановить. В 1948 году на должность канцлера Казначейства^[27] был назначен деятель гораздо более ортодоксальных взглядов, сэр Стаффорд Криппс, сменивший на этом посту Хью Далтона. Но успеха это не принесло. План Маршалла и ассигнованные по нему два миллиарда долларов должны были дать находившейся на последнем издыхании Англии немного свободных денежных средств. Но торговый и платежный балансы находились в таком состоянии, что стрелки заходили за красную черту, а станок для печатания бумажных денег работал без остановки. Инфляция достигла 23 процентов. И в 1949 году пришлось девальвировать фунт стерлингов на 30 процентов, чтобы сохранить конкурентоспособность английских товаров.

Однако все эти трудности не следует приписывать кабинету Эттли. Великобритания вышла из войны чрезвычайно обессиленной. Она была опутана цепями тяжких долгов, около трети своих инвестиций вынуждена была уступить иностранцам. Хотя по сравнению с другими странами Европы ей повезло, потому что ее территория не была завоевана врагом. В 1948 году уровень потребления в семьях достиг довоенного, в 1950-м промышленное производство на 30 процентов превзошло уровень 1939 года и постоянно росло, безработица снизилась. Но цена, которую пришлось за это заплатить, была высока: инфляция, дефицит бюджета, все новые и новые долги, — со всеми этими бедствиями английская экономика будет бороться весь послевоенный период.

Даже домохозяйки не были избавлены от трудностей. Достигнутые успехи обошлись им дорого: в Англии вплоть до 1950 года действовала

строгая карточная система распределения продовольствия. В 1947 году по причине крайне суровой зимы были введены очень жесткие, буквально драконовские нормы выдачи автомобильного бензина для частных машин. Чтобы добиться замены сломанного водонагревателя, несчастный подданный Ее Величества должен был сначала обратиться к властям с соответствующей просьбой, точно указав обнаруженные неполадки, дождаться визита эксперта, посланного службой снабжения, и только после этого, получив разрешение на заказ нового прибора, он мог сделать этот заказ, вызвав сантехника. Средняя продолжительность этой процедуры составляла около полугода^[28]. Надо ли говорить, что «свободный англичанин» с большим трудом приспосабливался к этим кафкианским правилам.

В ходе выборов в октябре 1951 года лейбористы потерпели поражение и отправились в оппозицию, а Уинстон Черчилль, словно сделанный из нержавеющей стали, вновь оказался на Даунинг-стрит с программой «Дайте людям свободу».

Обманчивое благополучие «общества изобилия»

Однако экономическая политика изменилась не так уж сильно. И в этом не было ничего удивительного! Экономика утомляла Черчилля, ведь он любил политику, которая разыгрывается на международной арене, где на заднем плане слышен грохот сапог и звучат возгласы, прославляющие Корону. Кстати, он охотно признавал, что в 1920-е годы был «наихудшим канцлером Казначейства, коего Англия когда-либо имела». Но он сознавал, что британцы привержены идее «общества всеобщего благоденствия», а потому принимал некоторые чисто символические меры по приведению фасада в должный вид, вроде денационализации черной металлургии.

В остальном Черчилль и его «наследники» на посту премьер-министра будут проводить одну политику вплоть до 1970 года, вне зависимости от партийной принадлежности: консерваторы Энтони Иден в 1955–1956 годах и Гарольд Макмиллан в 1956–1964 годах или лейборист Гарольд Вильсон, пришедший к власти в 1964 году.

Консенсус был столь велик, что по поводу этого периода даже говорили о таком явлении, как «батскеллизм»; слово было употреблено впервые в 1954 году в «Экономисте», и в нем были соединены фамилии последнего министра финансов в лейбористском правительстве Эттли, господина Хью Гейтскелла, и фамилия господина Ричарда Батлера,

канцлера Казначейства в правительстве Черчилля. Что же собой представлял «батскеллизм»? Это была политика стимулирования спроса, политика требования новых подъемов экономики, сочетавшихся с попеременным принятием строгих мер, что приводило к созданию системы с постоянной сменой команд: «стоп» и «вперед». Каждое перегревание экономики, которое влекло за собой подъем уровня заработной платы, выливалось в увеличение потока импорта, в возникновение дефицита торгового баланса и в неизбежное давление на фунт стерлингов. Повышение налогов, удорожание кредитов и ограничение уровня заработной платы были тотчас же узаконены путем принятия соответствующих законов, чтобы ослабить напор инфляции. Применение этого классического дефляционного арсенала вызывало снижение спроса, который нужно было повернуть в другую сторону раньше, чем проявится рецессия, и тогда надо было вступать в новую фазу стимулирования спроса^[29]. Идея «управляемой или регулируемой экономики» была очень популярна и разделялась почти всеми, так что именно консерваторы создали в 1962 году Совет национального экономического развития (по-английски сокращенно NEDC или фамильярно — Недди), который был не чем иным, как «верховным комиссариатом» по претворению в жизнь «Великого плана», наделенным огромными полномочиями.

Дебаты шли в основном внутри партий. В 1950-е годы в лоне Лейбористской партии образовалось левое меньшинство, возглавляемое Майклом Футом и Ричардом Гроссменом, старавшимися еще более увлечь партию в сторону ортодоксального марксизма. Это им сделать не удалось, зато удалось помешать Гейтскеллу убрать из устава партии пресловутую IV статью. В конце 1960-х настал черед Тони Бенна потребовать от партии совершить резкий вираж влево. А в партии консерваторов такие деятели, как Энок Пауэлл, потребовали совершить вираж вправо, но остались в меньшинстве. Так что вокруг идеи «управляемой экономики» продолжал существовать сложившийся консенсус.

Но цена этого консенсуса была высока: обязательные вычеты в виде налогов и взносов достигли 45 процентов ВВП (внутреннего валового продукта) в 1970 году против 35 процентов в Соединенных Штатах. Чередование команд «стоп» и «вперед» совершалось в сумасшедшем ритме (в среднем цикл длился всего два года), что делало невозможным планирование долгосрочных инвестиций. Стране угрожало сокращение капиталовложений. В то время как в странах Организации экономического сотрудничества и развития рост инвестиций превышал 22 процента ВВП, в Великобритании он никогда не превышал 18 процентов. Более того, по

причине инфляции и давления со стороны системы налогообложения доходность капиталовложений в Англии неуклонно стремилась к нулю, что было очень опасно...

Однако, несмотря на все вышесказанное, результат экономического развития вроде бы был вполне удовлетворителен: годовой прирост составлял в среднем около 2,2 процента, уровень безработицы стабилизировался и составлял около 3 процентов, так что возникло «общество изобилия», описанное Джоном Кеннетом Гэлбрейтом еще в 1958 году. Гарольд Макмиллан провозгласил идею создания этого общества главной задачей в ходе предвыборной кампании в 1959 году. «Никогда еще не было так хорошо!» — восклицал он, а британцы, уверовав в лозунг, обеспечили ему триумфальное переизбрание.

Однако, если взглянуть пристальнее, «тридцать славных лет» скорее принесли Великобритании разочарование, хотя в других странах они ознаменовались замечательными успехами. С 1950-х по 1970-е годы прирост экономики составлял в Англии 2,2 процента в год, в то время как во Франции он достигал 4,6 процента, рост производительности составлял 2,3 процента в год, а в странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, в среднем достигал 4 процентов; ВВП в расчете на одного жителя оказался таков, что Соединенное Королевство, занимавшее в 1961 году 9-е место, как раз после Германии, опустилось на 16-е место в 1971 году и на 18-е место в 1976-м, после Новой Зеландии. Так что вывод был неутешителен: Англия переживала спад в экономике и находилась в состоянии упадка относительно других развитых в промышленном отношении стран. Таким образом, это трио — администрирование, налогообложение и инфляция — явно не способно выиграть партию на международной шахматной доске...

Итак, мы оказались в 70-х годах XX века, в те времена, когда Маргарет Тэтчер действительно «родилась» для политической жизни, заняв пост министра образования в правительстве Эдварда Хита. Отдавая себе отчет, сколь велико отставание Соединенного Королевства от других развитых стран, она, вероятно, была одним из тех редких политических деятелей, кто не закрывал глаза на иллюзорность кажущегося благоденствия. Кстати, политика других стран жестоко напоминала ей об этом.

Так проходит имперская слава

Ослабление влияния Великобритании в мире действительно было

беспрецедентным.

В 1945 году власть английского монарха распространялась на четверть суши, на 420 миллионов человек, на десятки стран, протекторатов или доминионов, отмеченных красным цветом на картах и глобусах, к великой гордости британцев. Мир, казалось, представлял собой «большой парк, разбитый Господом-садовником для джентльменов Соединенного Королевства»^[30]. Двадцать лет спустя империи уже не существовало, она была рассеяна великим ураганом деколонизации, а ее останки были разбросаны на прилавке магазина уцененных товаров. Разумеется, у всех империй одна и та же участь, все они распались, но для Англии пилюля была еще горше, чем для всех остальных.

Разве не превратила Англия свою империю в основу, в опору и ось своей мощи, а свой флот — в оружие своего превосходства и доминирования? Когда в 1876 году Дизраэли подарил своей государыне, королеве Виктории титул императрицы Индии, в короне засиял последний увенчавший ее бриллиант, и последняя черепица была положена на конек крыши прекрасного здания под названием «Рах Britannica» («Британский мир»).

После 1945 года колонии одна за другой стали освобождаться и отходить от Англии, словно их уносило прочь ветром истории. Повсюду «Юнион Джек» спускали с флагштоков: в Рангуне — в 1947-м, на Цейлоне, в Палестине^[31] и Индии — в 1948-м. Особо тяжелую травму Великобритании нанесла утрата Индии, ведь она была воплощением грез целой нации.

Именно там Киплинг осознал, что такое «бремя белого человека». Это была единственная колония, управлением которой занималось отдельное министерство. Англичане и иностранцы как замороженные взирали на роскошь, окружавшую индийских магараджей, усыпанных золотом и драгоценными камнями. Самые престижные и прославленные полки английской армии с гордостью несли там службу. Для младших сыновей знатных семейств достойным венцом карьеры считалась служба в министерстве по делам Индии. Когда лорд Маунтбеттен, последний вице-король, уступил власть в Индии Джавахарлалу Неру, а в Пакистане — Мухаммеду Джинне, была закрыта славная страница английской истории. Можно отметить, что процесс деколонизации прошел довольно мирно. Если и были межобщинные жестокие столкновения между индуистами и мусульманами, то все же Англии, к счастью, не пришлось вести колониальную войну. Но из 420 миллионов подданных у нее осталось всего

лишь 67 миллионов в заморских территориях.

А «кровопускание» продолжалось, будто невидимая рука вырывала страницы из атласа мира. В 1957 году пришла очередь Ганы, в 1958-м — Нигерии и Кипра, в 1960-е годы — Танзании, Уганды, Кении, Малави, Мальты, острова Маврикий, Йемена. К 1970 году не осталось почти ничего, какие-то жалкие крохи великой империи...

Метрополия, разумеется, сохранила многочисленные связи со своими бывшими колониями при помощи создания Содружества (государственного объединения Великобритании и большинства ее бывших колоний и доминионов). За исключением Бирмы, Пакистана и Южной Африки^[32], все обретшие независимость страны согласились стать членами этой организации. Чтобы позволить таким республикам, как Индия, войти в состав Содружества, коренным образом был пересмотрен Вестминстерский статут 1931 года (акт парламента о положении британских доминионов). Члены Содружества не должны давать клятву верности английской Короне. Английский монарх становится «главой Содружества». Главы государств, входящие в состав организации, и главы правительств регулярно встречаются все вместе. В промежутках между встречами канцелярия, располагающаяся в Лондоне, осуществляет постоянную связь со странами — членами Содружества. Совершенно очевидно, что эта организация — довольно мощный рычаг для оказания влияния, имеющий большое значение для Великобритании. Не говорил ли Неру о Содружестве, что это «независимость плюс кое-что еще»? Истина состоит в том, что в 1970 году около 30 процентов торгового обмена Англия осуществляла именно со своими бывшими колониями. Но создание Содружества не избавило их от внутренних ссор. Поведение бывшей метрополии вызывало упреки в нерешительности по поводу жесткого осуждения политики апартеида, проводившейся в Южной Африке^[33], или по поводу расистских наклонностей Яна Смида в Южной Родезии^[34] и его попыток отделения этой территории. Короче говоря, Содружество — это красивый остаток империи, постепенно утрачивающий свою привлекательность.

Закат британской мощи

В конце Второй мировой войны Англия еще могла убаюкивать себя иллюзорными грезами о том, что она все еще принадлежит к числу великих держав. На конференциях в Касабланке и Ялте Черчилль понял, что его страна является всего лишь «самой малой из трех великих держав» и

находится позади США и СССР. Кстати, проведение высадки союзников на территорию оккупированной гитлеровцами Европы в июне 1944-го было доверено американскому генералу Эйзенхауэру, а не англичанину. И все же Англия все еще оставалась одной из великих. У нее было свое постоянное место в Совете Безопасности ООН, были свои военные базы, разбросанные по всему свету от Северной Атлантики до южной части Тихого океана, и она была привилегированным партнером США. Несмотря на все попытки левого крыла Лейбористской партии под руководством Анейрина Бивена сохранить дружбу с Советским Союзом, холодная война началась.

Министр иностранных дел Эрнест Бевин прекрасно отдавал себе отчет, особенно после Потсдамской конференции, что от Сталина нельзя ждать ничего хорошего. Бевин почти полностью разделял взгляды старого Черчилля, который в своей знаменитой Фултонской речи 5 марта 1946 года подверг жесткому анализу политику Сталина и разразился гневными тирадами против «железного занавеса, разделившего Европу».

Правительство поддерживало доктрину Уинстона Черчилля о существовании «трех кругов» влияния: в центре первого, главного круга находились Соединенное Королевство и империи, во втором, чуть более удаленном, — США, а в третьем — Европа, короче говоря, «большие просторы» были важнее «континента», а соответственно, мировая политика была важнее политики региональной. В духе этой доктрины англичане поддерживали антикоммунистические режимы в Греции, Турции и на Балканах. Англия приняла «План Маршалла», который Сталин с презрением отверг. Британцы со смирением и чувством покорности судьбе констатировали, что Европа с каждым днем все более и более распадается на две части. Центральная Европа превращаясь в «красный рай серпа и молота»: поочередно пали Прага, Будапешт, Варшава, София, Бухарест. В ход шло все: государственные перевороты, принуждение противника делать одну уступку за другой, подрывная деятельность внутри патриотических организаций — ничто не могло устоять против агентов Москвы. Когда в ответ на создание Тризонии (объединение трех зон оккупации Берлина — американской, английской и французской) Советский Союз установил блокаду Западного Берлина, королевские ВВС разделили с американскими летчиками славу создателей воздушного моста, спасшего от голода аванпост Запада.

Но Великобритания уже была на последнем дыхании. Колонии отпадали одна за другой, а жестокие законы неумолимой экономической реальности постепенно вынуждали Англию, обескровленную долгами, уступать первое место Америке. Трумэн был безмерно рад тому, что его

страна стала наследницей старой метрополии и лидером в политике сдерживания «гидры коммунизма». Военно-морской флот США сменил королевский ВМФ в качестве главенствующего флота в акватории Средиземного моря; американская помощь стала поступать в Грецию и Турцию вместо помощи английской, что и помогло правительствам этих стран одержать окончательную победу над бунтовщиками-марксистами.

Хуже того: неколебимая догма британской дипломатии была забыта, отмечена в сторону. Англия всегда отказывалась связывать себе руки обязательствами вступить в войну автоматически в силу тех или иных договоренностей, ибо дорожила своей свободной волей самостоятельно принимать подобные решения. В 1914 году документы Антанты (или «Сердечного согласия») довольно расплывчато формулировали военные обязательства каждой из сторон. Британский кабинет министров долгое время провел в спорах, прежде чем Англия вступила в войну на стороне Франции. Решение было принято только после того, как Германия нарушила нейтралитет Бельгии. После Второй мировой войны, 4 апреля 1949 года, при подписании Северо-Атлантического договора (или пакта), положившего начало созданию НАТО, с этой свободой собственных суждений и вынесения решений было покончено. Всякое нападение на страну — члена НАТО рассматривалось как нападение на каждого из членов. Островная изоляция просуществовала долго, но теперь, впервые после отступления от стен Кале (1588 год), Англия была неразрывно связана с участием Европы. Она также должна была играть свою роль в других организациях, таких как Европейский совет и Европейский союз.

Но Англия еще пребывает в нерешительности. Военный союз? Да, это ей подходит. Экономическая интеграция? Нет. У нее есть чем заняться, например налаживать связи с большим миром. Итак, Англия отказывается вступить в Европейское объединение угля и стали в 1953 году, несмотря на то, что пригласили ее «отцы-основатели» современной Европы Жан Монне, Робер Шуман и Альcide де Гаспери. Она запретила себе вступать в ЕЭС (Европейское экономическое сообщество), основанное странами «Большой шестерки» в 1957 году. Форин оффис (министерство иностранных дел) пошел еще дальше, пытаясь создать и развить конкурентоспособный альянс, Европейскую ассоциацию свободной торговли, куда вошли Австрия, Дания, Швейцария, Норвегия, Швеция и Португалия. Но деятельность этой организации была строго ограничена вопросами свободного перемещения товаров. Однако это была неудача. Уже с 1960 года обмен товарами Соединенного Королевства с ЕЭС был уже гораздо обширнее, чем со странами, входящими в Европейскую ассоциацию

свободной торговли.

Что же касается грез о том, чтобы Англия снова играла важную роль на мировой шахматной доске, то они очень быстро улетучились. В период возвращения консерваторов к власти Соединенное Королевство, казалось, вновь обрело былое могущество. В 1954 году Иден сыграл главную роль в свержении генерала Моссадыка, угрожавшего в Иране интересам Англо-иранской нефтяной компании. Если ЦРУ было той рукой, что совершила государственный переворот, то Даунинг-стрит, 10 (резиденция премьер-министра Англии. — *Пер.*) был одним из мозговых центров, спланировавших операцию. Казалось, заключение в 1955 году в Багдаде особого соглашения подтверждало факт возрождения британской мощи. Иран, Турция, Ирак и Пакистан становились союзниками Англии, чтобы преградить путь поползновениям Советского Союза оказывать влияние на регион Персидского залива. США были страной, всего лишь «присоединившейся» к пакту. Но в Древнем Риме Тарпейский холм, с которого сбрасывали преступников, осужденных на казнь, находился рядом с Капитолийским. Вновь было обретенные яркие цвета «Юнион Джека» быстро поблекли. Словом, было очень похоже, будто старый актер прощается с публикой, уходя на пенсию.

Пришедший к власти в Египте в 1953 году — после свержения короля Фарука, очень близкого к англичанам, — полковник Гамаль Абдель Насер принял 26 июля 1956 года решение национализировать Суэцкий канал, после того как англичане и американцы отказали ему в займе средств на возведение Асуанской плотины. Англия проснулась словно с похмелья после этого экономико-политического грабежа. Суэцкий канал — узкий проход, через который транспортировалось около 50 процентов товаров ее внешнеторгового оборота, — являлся превосходным источником значительных доходов и, что особенно важно, был одним из последних стратегических бастионов на старом пути в Индию. Энтони Иден, получив согласие Франции^[35] и Израиля, принял решение восстановить контроль Англии над зоной канала. Совершенный 29 октября воздушный налет, сопровождавшийся продвижением израильских танков в сторону Египта, дал французам и британцам предлог направить в зону боевых действий соответствующие силы для обеспечения безопасности главной артерии мировой торговли. Экспедиционный корпус добился полного успеха. Французские парашютисты и парни из специальной военно-десантной службы Великобритании за несколько часов взяли под контроль шлюзы. Порт-Саид был оккупирован 5 ноября. Но военный успех потерпел фиаско в сфере дипломатии. Мировое сообщество в большинстве своем осудило

эту операцию. Соединенные Штаты, с которыми не посоветовались, отказались поддержать действия, расцениваемые ими как воскрешение старых колониальных демонов старушки-Европы, и предприняли крупную международную спекулятивную игру против фунта стерлингов. Что же касается России, то она просто пригрозила использовать против двух бравых вояк ядерное оружие. Ни больше ни меньше. Уже 6 ноября Иден был вынужден принять решение о прекращении огня. Англичане вернулись на суда под градом грубых насмешек возбужденных арабов, более чем когда-либо готовых броситься в объятия «резвого» покровителя в лице Советского Союза, расточающего щедрые посулы.

Итак, полное поражение. Канал закрыт. Стала ощущаться нехватка нефти. Снова была введена система нормированного отпуска бензина. Отношения с Дядей Сэмом испорчены до предела. Англия испытывает ужасное унижение. Бездарно растрочен капитал симпатий, которым Англия располагала на Ближнем и Среднем Востоке со времен героических подвигов Лоуренса Аравийского. Под угрозой оказалась и дружба с Францией, ощущавшей себя обманутой из-за «отступничества» Англии. Мечты о том, что над миром вновь зазвучит «Правь, Британия, морями...»^[36], развеялись. Какой-то египетский раис принудил пойти на попятную победителей фюрера! Какой-то ничтожный египетский офицеришка одержал верх над сынами королевы Виктории и Уинстона Черчилля! Форин оффис на протяжении тридцати лет будет страдать «симптомом Суэца» и стремиться не делать ничего такого, что могли бы принять за «политику канонерок», а также станет на любые действия испрашивать согласие США.

Энтони Иден как политик умер и подал прошение об отставке. Если Макмиллану, сменившему Идена на посту премьер-министра, и удалось восстановить «особые отношения» с Америкой, то воспрепятствовать дальнейшему упадку страны он не мог. Когда две державы боролись против советской экспансии в Иране или в Кувейте, Лондон всегда оказывался на вторых ролях. К тому же финансовые затруднения никак не улаживались. В 1960 году пришлось отказаться от создания баллистических ракет «Блустрик». Слишком дорого! Королевский военно-морской флот должен был покупать американские ракеты «Поларис», хотя американцы и не сообщали всех технических подробностей их устройства и действия. Так был пройден еще один этап попадания в зависимость.

Эра Вильсона нанесла еще одну огромную травму в области дипломатии. Дела в финансовой сфере не улучшались. Напротив, становились все хуже и хуже. Великобритания уже не могла себе позволить

тратить на оборону более 6 процентов ВВП. В 1967 году было принято решение до 1970-го сократить «военный бюджет» до 4,6 процента ВВП, и для этой цели потребовалось сократить «купол английского парашюта». В отчаянии Гарольд Вильсон вынужден был решиться на страшный шаг: объявить о закрытии всех английских военных баз на Дальнем Востоке и в Азии до 1971 года. Это было отступление Британии к западу от Суэца, ведь восточнее ее присутствие просто прекращалось. Этот шаг не так сильно шокировал общественное мнение, как экспедиция в зону Суэцкого канала, потому что здесь не было крови, но это был момент перелома, ставшего настоящей травмой для британской элиты. Впервые за несколько столетий, чтобы сэкономить несколько миллионов фунтов стерлингов, Англия отказывалась от своей роли мировой державы. Опытным наблюдателям, дипломатам и деловым людям пришлось признать, что Англия перестала быть мировой державой, став «региональной силой», чей сектор действия — Северная Атлантика и Средиземное море благодаря Гибралтару. Итак, партия окончена. Экономический упадок поглотил последние жемчужины, унаследованные от империи.

Так что же осталось? Европа! Иден относился к ней со свойственным британцам снобизмом, Макмиллан ею пренебрегал, но она оказалась единственным якорем спасения как в экономике, так и в дипломатии. Принуждаемая обстоятельствами, Англия вдруг обнаружила, что становится «еврофилкой». Слишком поздно, по мнению многих. В 1961 году Гарольд Макмиллан официально объявляет, что Англия готова вступить в ЕЭС. Де Голль, несколько не стремившийся к тому, чтобы в семью европейских народов вернулась страна, гораздо более «чувствительная к призывам Великих Просторов (Большого Пространства), чем к нуждам континента», долго вел переговоры и торговался, прежде чем в 1963 году наложил свое вето. В 1967 году Гарольд Вильсон опять предложил Великобритании в качестве возможного члена Европейского сообщества. Франция, тогда втянувшаяся в упорное противостояние с США по поводу объединенного командования войсками стран — членов НАТО, снова ответила отказом по той причине, что уж слишком близки были Англия и ее заморский сосед. И опять последовало вето. Как и во всем мире, это было время грубых отказов и грубых окриков.

Третья попытка оказалась удачной. Эдвард Хит провел через кабинет министров и через парламент «Закон о Европейском сообществе», в каком-то смысле преодолев раскол среди политиков, хотя 69 депутатов-лейбористов проголосовали против, а 39 консерваторов — за. Имея за плечами поддержку парламента, он уже мог вступить в переговоры с

Брюсселем. Эдвард Хит был убежденным сторонником союза с Европой, тонким и опытным переговорщиком, к тому же обходительность и откровенность Помпиду уже пришли на смену недоверчивости и непримиримости де Голля, а европейская экономика была очень заинтересована в том, чтобы укрепить свои силы перед лицом собиравшихся на горизонте грозных туч. Договор о вступлении был подписан в 1972 году, и 1 января 1973 года Великобритания стала полноправным членом Европейского экономического сообщества. Какой путь! Британское величие осталось лишь далеким воспоминанием. Оставалось как можно лучше познакомиться с Европой, излечиться от ностальгии по прошлому, а главное, воспрепятствовать развитию кризиса...

В это время Маргарет Тэтчер была членом кабинета Эдварда Хита. Таким образом, события, связанные со вступлением Англии в Европейское сообщество, совпали с ее первыми шагами на политическом поприще и с первыми ответственными постами, о чем она никогда не забудет.

Духовный кризис в Соединенном Королевстве

Даже если все почтенные общественные и властные институты королевства, как казалось, достойно противостояли ударам современности, ибо были сильны своей многовековой силой и славой, то все же надо было признать, что экономический упадок и спад в сфере политики еще и сопровождались совершенно беспрецедентным духовным кризисом, разразившимся в 1970-е годы. Этот кризис не был чисто британским явлением. Все развитые страны пережили подобные кризисы при вхождении в общество потребления. Старые ценности и обычаи, покрытые патиной времени, а также и так называемая традиционная мораль были отправлены в лавку старьевщика.

Но в Великобритании эти перемены приобрели особые черты. Ведь Англия — страна резких классовых различий, страна, где произношение становится своеобразным клеймом, как каленым железом отмечая всю жизнь человека, свидетельствуя о его происхождении (стоит вспомнить о знаменитом произношении Би-би-си), о его положении на социальной иерархической лестнице. «Англией, — как говорил Дизраэли, — правит не аристократия, а аристократический принцип». Вплоть до 1950–1960-х годов за исключением небольшой рабочей прослойки, исповадовавшей идеи марксизма и отмеченной некоторыми отзвуками наследия фабианства,

все общество принимало неравенство^[37] или смирялось с ним.

Кстати, социологи отметили, что среди простых людей часто употреблялись противопоставляемые слова «мы» и «они»: «они» — это сильные мира сего, «мы» — бедные. Это лишь повторяло ту фразеологию, что была хорошо известна в XIX веке, когда говорили «наши» и «те, кто лучше нас»^[38].

Если прибавить к этому духовную пустоту общества, все более и более пресыщавшегося богатствами «общества изобилия», то все старые рамки затрещали. Паблик скулз и «Оксбридж» еще продолжали быть на привилегированном положении, но количество университетов постепенно увеличивалось. В 1939 году там обучались 50 тысяч студентов, а в 1970-м — 238 тысяч. Именно в университетах встречались представители разных классов и слоев общества. Молодежь более не видела причин существования старых каст, к тому же подвергала критике все общество потребления, при этом пользуясь его благами. Она ведь не знала ни жестокого кризиса, ни войны, ни настоящей нищеты, а потому могла очертя голову броситься в пожар бунта избалованных детей, достаточно испорченных излишней лаской, чтобы ломать свои собственные игрушки. В 1950-е годы эти настроения охватывали незначительное меньшинство. Их воплощением стали «сердитые молодые люди», описанные писателем Джоном Осборном, а немного позже — стиляги или пижоны в невообразимых одеяниях, которые громко отстаивали свое право на исповедование идей утопического социализма анархистского толка, к тому же окрашенного в тона дендизма. Пока это были группы и группочки, но они задавали в обществе тон и отчасти определяли дух времени. В 1958 году марш в Олдермастоне за одностороннее ядерное разоружение объединил многих сторонников идей пацифизма и мирного разрешения проблем; возглавил это шествие своего рода английский Мартин Лютер Кинг на коротеньких ножках, каноник Коллинз. Некоторые даже заговорили о «религиозном возрождении». Но в основном это были плоды того кризиса, что переживали подростки, утратившие смысл жизни и не находившие смысла в смерти.

Сколь бы малое число людей ни было вовлечено в эти движения, все же они влияли на общество. В 1960-е годы перестали считать уголовно наказуемыми деяниями гомосексуальные отношения, если в них подростки вступали по обоюдному согласию; была облегчена процедура разводов; был провозглашен принцип равной оплаты мужчин и женщин за одинаковый труд при равной квалификации. Эффект не замедлил сказаться

на демографии. От 27 тысяч разводов в 1955 году в 1981-м пришли к 177 тысячам. Уровень рождаемости постоянно снижался, и в 1974 году был преодолен порог, считавшийся священным (два ребенка на одну женщину, способную к деторождению), так что нельзя было говорить о смене поколений и восстановлении численности населения.

Что касается Церкви, то в тот период произошло резкое падение посещаемости. Англиканская церковь, главой которой является монарх со времен принятия «Акта о супрематии» (1531 год) в период правления Генриха VIII, насчитывала не более 5 процентов верующих, регулярно посещавших храмы, в то время как еще в 1916 году около 20 процентов англичан относились к числу таковых^[39]. Более чем когда-либо Высокая церковь (одно из направлений Англиканской церкви, тяготеющее к католицизму) становится Церковью общественных институтов, особо ценимой за ту роль, которую она играет в обществе. Но все чаще и чаще на ум многим приходит один известный каламбур, гласящий, что «символом веры англичан является стойкое убеждение, что Бога нет, но что все же следует время от времени возносить к нему свои молитвы». Церкви, часто считающиеся более «религиозными» и более искренними, чем Англиканская, церкви неконформистские, такие как пуританская, пятидесятническая, баптистская и квакерская, — тоже вступили в период охлаждения со стороны последователей своих идей. Даже Католическую церковь постигла та же участь, хотя она познала в конце XIX — начале XX века удивительное обновление и возрождение благодаря чрезвычайно строгому поведению ее самых знаменитых представителей, ее «рупоров», таких как кардинал Ньюмен, перешедший из англиканства в католичество.

В 1960-е годы пребывавшая в зародышевом состоянии эволюция общества, внезапно взорвавшись, превратилась в культурную революцию. Бывший тогда в необычайной моде роман Колина Макиннеса под названием «Абсолютные новички» вывел на сцену молодежь, ощущавшую свой абсолютный разрыв с прошлым и видевшую в себе новое поколение, носителей одновременно обещаний зари жизни и надежд грядущего бунта. Наступило время вездесущей, проникавшей повсюду молодежной культуры. Ссылки на «Битлз» стали просто необходимы. «Роллинг стоунз» пели про секс, наркотики и рок-н-ролл перед охваченными психозом толпами. Девушки млели и падали в обморок при виде Мика Джаггера, а парни ощущали революционную дрожь под ритмы Джоан Байез, доносившиеся с виниловых пластинок. И вот наступил 1968 год, принесший великую приапею (песнь в честь Приапа или просто непристойное зрелище. — *Пер.*). Впрочем, при взгляде из нашего времени

«грохочущие двадцатые» выглядят воплощенной добродетелью, а «свингующие шестидесятые» — весьма умеренной вакханалией. Молодежь покуливает сигареты с наркотиками на лужайках Уэмбли, брюки-клеш слетают со всех под ритмы сексуальной революции, а хиппи, носители «длинных волос и коротких идей», выползают, мрачные, бледные, почти зеленые, из сомнительного вида спальных мешков на поиски новых эмоций и шатаются по улицам, пока передозировка наркотика не принудит их к вечному молчанию или какой-нибудь скинхед со столь же «короткими идеями» не проломит череп... Разумеется, это карикатура. Эти мирные бородачи, облаченные в рубахи, изукрашенные цветами, довольно дурного вкуса, в стиле ретро, конечно же совсем не так злы и опасны. Люди, руководствующиеся призывом «Мир и любовь», никогда не причиняли никому зла. К тому же в Великобритании не было своего Латинского квартала и тех событий, что происходили в этом квартале в Париже. В Англии было несколько спорадических вспышек, вроде выступлений против войны во Вьетнаме на площади Гросвенор-сквер, перед зданием посольства США, были бунты в Эссексе и Сассексе, но по сути ничего серьезного.

Однако «благородные» идеи 1968 года порой окрашивались в трагические кровавые тона. Идеи марксизма, смешанные с зажигательной смесью идей Герберта Маркузе^[40], столь модных тогда в университетских кампусах, создали и развили целую теорию «государственного насилия», которая даже в демократических странах оправдывала его применение; причем под государственным насилием воспринимались такие явления, как отбор при поступлении и учебе в университетах; бедность и конкуренция объявлялись социальным насилием и т. д. И следовал вывод: если все в этой жизни — насилие, если государство — это орудие угнетения по природе, то, значит, все позволено. И на насилие государства можно ответить «контрнасилием». Эту риторику довели до полного абсурда в своих жутких сагах «Красные бригады», «банда Баадера» и «Прямое действие».

К счастью, в Соединенном Королевстве не оказалось достаточного числа буйнопомешанных, чтобы зайти так далеко, кроме членов ИРА, но это особый случай^[41]. Однако в английском общественном мнении от тех настроений остался некий след сочувствия к тем, кто совершает насильственные или незаконные действия — при условии, что это «силы прогресса»; ими могли быть и «красные кхмеры», и вьетконговцы, и британские тред-юнионы.

Все эти кризисы не могли остаться без последствий. Общество расслаивалось. В эти годы родилось такое явление, как массовое хулиганство на стадионах и в других общественных местах. Это было время жестких, яростных действий профсоюзов, когда, случалось, уничтожались средства производства, применялись насильственные меры в борьбе с так называемыми «желтыми»^[42] или штрейкбрехерами, парализовывались коммунальные и прочие службы общественного назначения, в том числе медицинские^[43]. Эти годы характерны взрывом преступности: в 1939 году было зарегистрировано 283 тысячи преступлений, в 1969-м — 1 миллион 439 тысяч^[44]. Разумеется, речь не идет о том, что все эти крайности порождены 1968 годом. Скажем только, что возник благоприятный климат для таких явлений. В любом случае они способствовали тому, что в обществе вновь возобновились разговоры о Вестминстерской модели как о высшей степени политического либерализма^[45] и представительной демократии. Рожденная от Великой хартии вольностей (1215 года) и от «Закона о неприкосновенности личности» (1679 года), всегда подвергавшаяся исправлениям при помощи поправок, но никогда не отменявшаяся, Вестминстерская модель правления представляет собой такую систему, при которой истинным властителем в стране является парламент, премьер-министр несет перед ним ответственность, а монарх царствует, но не правит. Всем своим поведением в 1960–1970-е годы англичане, казалось, отрицали эту систему, хотя на словах очень ею гордились; конечно же весьма небольшое, но шумное меньшинство действительно желало, чтобы власть покинула скамьи палаты общин и попала «в руки улицы».

И уже неважно, был ли кризис и в самом деле глубок или просто возникло чувство нарастания кризиса, но само общество вдруг предстало в виде тяжелобольного. И демократии также. Самая старая демократия в мире, сформированная идеями Берка, воспетая Вольтером, вызывавшая восхищение у Бенжамена Констана, неужели эта демократия умрет? Именно этого боялось то «молчаливое большинство», на роль представительницы и защитницы которого на всем протяжении своего политического пути претендовала Маргарет Тэтчер. Это молчаливое большинство желало порядка и узнавало свои мысли в словах Кита Джозефа^[46]: «Рим пал, разрушенный изнутри... Все, что требовалось бы, так это проявление государственной власти в ее истинном значении, нужна полиция, а не нянька».

Англия еще не была старой колымагой, пригодной лишь для того,

чтобы быть задвинутой на задворки истории, куда-нибудь поближе к третьему миру, но в упряжке ощущался изъян, карета раскачивалась и грозила перевернуться. Карете требовался новый кучер, который мог бы править ею твердой рукой, а также нужны были новые скакуны, чтобы заменить старых выдохшихся кляч, называвшихся «государством-провидением» и «управляемой экономикой». Этим кучером станет Маргарет Тэтчер.

Глава вторая

ОТ БАКАЛЕЙНОЙ ЛАВКИ ДО ПАЛАТЫ ОБЩИН

Самый скучный город Англии

«Человек, от которого пахнет его провинцией», — зло говорил Марсель Пруст о Морисе Барресе^[47]. Никакое определение не могло бы лучше подойти Маргарет Тэтчер.

Она родилась в 1925 году в Грантеме^[48], небольшом городке с двадцатью тысячами жителей, печальном, как и все небольшие английские городки Мидлендса, то есть центральных графств Англии. На большой дороге, ведущей из Лондона в Эдинбург, в центре плодородных полей Линкольншира вытянулись в линеечку скромные домики из красного кирпича, кое-где украшенные окнами с эркерами, витринами бедных, жалких лавчонок. Ничего там не было красивого, блестящего, сверкающего! Так, несколько исторических «сувениров»: средневековая таверна, в которой Ричард III принял решение о том, что Эдуард V должен умереть, церковь Святого Вульфрана, чья устремленная ввысь колокольня в готическом стиле вызывала восторженные вздохи Рескина, и статуя Исаака Ньютона, родившегося неподалеку от Грантема в 1642 году. На лице городка видны стигматы промышленной революции: железная дорога, выплевывающая клубы дыма, тяжелые грузовики, чьи тормоза скрежещут на каждом перекрестке, особенно с шоссе, ведущим в Ноттингем, наконец, три завода, три крупных предприятия металлургической промышленности, где производят локомотивы, сельскохозяйственные машины и военную технику, несколько пивоварен и множество контор субподрядчиков. Соответственно и население в основном составляют рабочие заводов и пивоварен, лавочники, мастеровые и несколько именитых граждан.

Отец Маргарет стал одним из них, хотя был далеко не из высших слоев общества. Родился Альфред Робертс в 1892 году в многодетной семье и был одним из семи сыновей деревенского сапожника. Он очень быстро увлекся учебой, хотел стать школьным учителем, но учеба стоила дорого. Пришлось пойти работать и сменить множество «мелких работенок». В 1913 году он стал первым приказчиком у некоего господина Клиффорда, бакалейщика и олддермена^[49] Грантема, то есть старшего советника

муниципалитета. Альфред обучался там своему ремеслу и экономил пенни за пенни. Он любил рассказывать, что из 12 фунтов стерлингов, получаемых в месяц, десять тратил на питание, одежду и жилье, а два всегда откладывал, так что в 1917 году смог завести собственное дело и купить лавку на углу Саут-Перейд, на окраине городка, у дороги, ведущей в Ноттингем. Теперь он мог жениться и достойным образом содержать семью.

Свою суженую, Беатрис Стефенсон, Альфред Робертс встретил в церкви. Родилась она в 1888 году и по социальному положению была не выше его самого. Ее отец, как о том застенчиво пишет Маргарет Тэтчер в мемуарах, был «служащим на железной дороге». На самом деле он следил за туалетами на вокзале в Грантеме, если говорить на французский лад, был «дамой-пипи», только мужского пола. Заработок его был невелик, и Беатрис тоже приходилось зарабатывать на жизнь шитьем платьев из материала заказчиц. Но после свадьбы с этим было покончено и она полностью посвятила себя работе в лавке и домашнему хозяйству.

Дела у семейства Робертсов шли неплохо. Лавка привлекала и случайных клиентов, и рабочих с соседней фабрики, и мелких местных буржуа. В 1919 году отец Маргарет купил еще один магазинчик по соседству. Правда, амбициозному Альфреду не хватало зажиточной публики, проживавшей в центре города, но в 1923 году он добился и этого, купив лавку на Хантингтауэр-стрит, напротив вокзала. В 1925 году товары Робертса были названы в «Грантемском альманахе» в списке лучших. Он стал рекламировать их в газетах, а в качестве слогана выбрал следующую фразу: «Если вы покупаете у Робертсов, то покупаете лучшее».

Вот в этой среде мелких торговцев и открыла глазки Маргарет 13 октября 1925 года, уже имея сестричку Мюриэл, родившуюся в 1921 году. Да, происхождение не слишком высокое! Настолько невысокое, что некоторые без колебаний решили его приукрасить, ведь премьер-министр Ее Величества ну просто не может прийти из таких низов! Не будем забывать о том, что речь идет об Англии, стране Теккерая и его незабываемой «Книге снобов», о стране, где «Книга пэров Берка» прекратила выходить в 1970 году, но до сих пор существует «Дебретт», ежегодный справочник дворянства для любителей «голубой крови». Порывшись в старинных неразборчивых рукописях и книгах, специалисты в области генеалогии сделали открытие: якобы прабабушка Маргарет носила фамилию Каст, принадлежавшую лордам Браунлоу, чей родовой замок Белтон-хаус стоит менее чем в десяти километрах от Грантема. По мнению некоторых из них, Маргарет является правнучкой некоего

Кристофера Каста, десятого герцога Крафтона. Говорят, он был неисправимым ловеласом и расплодил незаконнорожденных детей по всему графству. Но данная гипотеза, сколь она ни привлекательна, не выдерживает экзамена при сопоставлении дат и скорее говорит о том, каково было состояние умов в Англии в начале 1980-х, чем о самой Маргарет^[50].

Нет, происхождение Маргарет из среды мелких лавочников не вызывает сомнений. И ее первые воспоминания связаны именно с лавкой: «За прилавком находились три великолепных шкафчика красного дерева со множеством выдвижных ящичков, украшенных ярко надраенными медными ручками; наверху стояли три огромные черные лакированные коробки, где хранились разные сорта чая. Одна из задач, которую мне, еще совсем девочке, доверяли, состояла в том, чтобы извлекать продукты из ящичков и коробок, в которых их привозили, затем взвешивать их и наполнять мешочки по фунту или два фунта весом. В прохладе комнатухи за лавкой, которую мы называли старой пекарней, свешивались с крюков куски бекона, которые надо было освободить от костей и нарезать. В лавке и в доме витали чудесные ароматы пряностей, кофе и копченой ветчины».

Кроме освоения принципов торговли, юная Маргарет открывает для себя, что частное предприятие может играть в обществе важную роль. Кстати, отец Маргарет владел также почтовой концессией в Грантеме, обеспечивая жителям городка банковские услуги, а именно выплату пенсий, что ему давало хороший дополнительный доход. Вот почему через его лавку проходила едва ли не половина жителей городка.

Из опыта торговли Маргарет извлечет три основных урока: отличное качество товаров, хорошее обслуживание и важность международной торговли. Чтобы процветать и отличаться от своих конкурентов в лучшую сторону, мелкий торговец должен предлагать покупателям лучшие товары по самым низким ценам. Истина эта банальна, но она предполагает долгие часы поисков и сделок с оптовиками. «Мой отец всегда старался предлагать покупателям лучшие продукты, и вид его лавки об этом свидетельствовал», — вспоминает Маргарет Тэтчер. Надо также предоставлять самое лучшее обслуживание, всегда улыбаться, без конца повторять как можно приветливее подходящие к данному случаю слова: «Могу ли я вам чем-то помочь?»; «Мы всегда готовы оказать услуги». Разумеется, имелась вывеска с указанием времени работы лавки, но чем надежнее можно привязать к себе постоянного покупателя, как не тем, чтобы выручить его в неурочный час, скажем, поздно вечером или в уик-энд, когда кому-то не хватило муки для пудинга или бекона для яичницы-болтуньи или омлета?

Наконец, продукты, продававшиеся в бакалейной лавке, представляли для жителей городка нечто вроде «концентрированной вселенной», ведь там были и индийский чай, и карри с острова Цейлон, и сахар с Антильских островов, и кофе из Южной Америки. Эти названия несли на себе отблески солнечных лучей и рождали в душе маленькой девочки из Средней Англии мечты о небесах более ярких и радостных, чем печальные и дождливые небеса Грантема. Как она пишет в мемуарах, у нее возникало чувство, «будто весь мир прибывал в лавку моего отца, чтобы предложить себя покупателям». Вот так интуитивно она стала сторонницей идеи свободной торговли.

Дочь пастора

Но прежде всего она была методисткой. Невозможно ничего понять в Маргарет Тэтчер, если не ухватить самую суть методизма, которым она была пропитана.

Методистская церковь — одно из ответвлений, отколовшееся от Англиканской церкви. Создана она была братьями Джоном (1703–1791) и Чарлзом (1707–1788) Уэсли, пасторами из Оксфорда. Изначально их цель состояла в том, чтобы заставить студентов глубже изучать Священное Писание и вести более духовную жизнь, избегая соблазнов светской жизни, что было свойственно прихожанам Англиканской церкви, слишком приверженной пышным ритуалам. Короче говоря, речь шла о возвращении к истинным идеям Реформации. В противовес епископальной системе управления Церковью, признанной среди иерархов Англиканской церкви, братья Уэсли предлагали верующим вести самостоятельно религиозную жизнь, обогащенную ежедневным изучением Библии, воодушевляясь проповедями самозванных пасторов, облеченных «всеобщим священством», далеких от злата и великолепия литургии, считавшейся слишком «папистской». Так братья присоединились к большому числу британских неконформистов: пуританам, пресвитерианам, баптистам, пятидесятникам, квакерам, составлявшим около трети христиан королевства. Очень часто неконформисты оказываются наиболее прогрессивно настроенными или менее всего приверженными установленному порядку, если только это не установленный ими самими порядок.

«Притча о талантах» является краеугольным камнем идей методистов. Отдавать лучшее в себе, лучшее из всех даров, полученных от Бога, — это

самый верный способ выказать почтение Господу и спасти свою душу. В методизме есть некий метод, система действий, направленных на обретение покоя. Притча о талантах, одна из притч Христовых, и включает в себе такую систему. Она предписывает человеку подчиняться жестким требованиям морали и накладывает на него обязательства много и тяжело трудиться, чтобы достичь большего, а также выполнять свой долг, состоящий в том, чтобы исправлять ошибки ближнего, когда тот их совершает, указывать на них и помогать ему, но только если он того заслуживает. Понятно, что от требовательности в сфере морали до нетерпимости всего один шаг, и сделать его очень легко. Что касается милосердия, то когда его проявление зависит от достоинств того, к кому оно должно быть проявлено, то вполне резонно спросить, идет ли речь действительно о милосердии. В любом случае, бизнес и религия в методизме весьма удачно сочетаются. Некоторые злые языки даже высказывают мнение, что методизм есть не что иное, как «Небеса для Доброго Господа, а земля — для банкиров». В социологическом же плане методизм, по выражению Питера Дженкинса, «это религия удачливых торговцев и богатых фермеров».

Грантем не был исключением из правил. Члены аристократических семейств, проживавших в окрестностях города, и представители лучших семей промышленников посещали церковь Святого Вульфрана, принадлежавшую Англиканской церкви. Представители же среднего класса из числа торговцев посещали уэслианскую церковь на Финкин-стрит. Именно там по воскресеньям юная Маргарет часто слушала проповеди отца. В этом мрачном, суровом здании, не освещаемом ни одной свечой, где не ощущался запах ладана, он гордо стоял среди рядов кресел с высокими спинками в своем белом стихаре, прямой и негибкий, как справедливость и правосудие; глаза на этом угловатом лице были скрыты толстыми стеклами очков. Своим мощным, низким и суровым голосом он вещал о праве Господа и об обязанностях человека, о его долге перед самим собой, о долге перед семьей, перед соседями, перед общиной, перед городом, перед родиной. Всегда только о долге, ни о чем кроме долга, и никогда о милосердии и сострадании, или так редко и так мало... На какую маленькую девочку эти суровые речи не произвели бы впечатление? На ком эти жесткие рамки не оставили бы след на всю оставшуюся жизнь? В особенности когда ко всем этим впечатлениям еще примешивалась и добрая доля восхищения?!

Но сколь же тягостной была жизнь методистов! Все вертелось вокруг приходской церкви, в особенности по воскресеньям: в 10 часов утра —

урок Закона Божьего и чтение катехизиса, в 11 — служба, в 14 — спевка церковного хора, в 17 часов — вечерняя служба, а еще позже, вечером — обед в суровой, холодной атмосфере, у Робертсов или у соседей с обязательным присутствием прихожан. Да и на неделе членов семьи отягощали заботы прихода: Беатрис готовила пакеты с едой для бедняков (мы не смеем сказать «для своих бедняков»), а Маргарет их разносила по домам, что позволило ей говорить о том, что она не понаслышке знает, что такое безработица тридцатых годов. Конечно, были еще обязательные занятия в кружке кройки и шитья, членство в скаутской организации и песнопения в церковном хоре.

Пропитанный методистскими убеждениями, Альфред был чрезвычайно требователен к Маргарет. Она никогда не должна была тратить время зря, предаваясь мечтам или играя без всякой полезной цели с подружками. У нее не было подружек детства, по крайней мере, нам не известно ни об одной. «Было очень важно, чтобы мы посвящали наши жизни неким высоким целям», — напишет позднее Маргарет. А ее отец чеканил: «Никогда не делай чего-то только потому, что другие это делают». И не раз повторял: «Никогда не иди за толпой». Это были стальные принципы, которые вооружают человека и заковывают его в латы на всю жизнь, давая ему средства для преодоления трудностей: дух сопротивления, способность говорить «нет», нечувствительность к гвалту и суматохе масс, а также, как это ни покажется парадоксально, при полной убежденности в своей правоте странную свободу в манере держать себя и абсолютный антиконформизм.

С Мюриэл обращались несколько иначе. Будучи на пять лет старше Маргарет, она все время держалась за материнскую юбку и занималась домашним хозяйством, не проявляя ни к чему особого интереса. Отцу она не была особо интересна, и он позволял ей делать то, что ей хотелось. В 1942 году она покинет Грантем, чтобы изучать методику проведения занятий по лечебной физкультуре в Бирмингеме; в 1950-е годы она выйдет замуж за фермера из Эссекса, занимавшегося разведением свиней.

Образцовая ученица и образцовая девушка

Маргарет была совсем другой. Она была для Альфреда тем сыном, которого у него не было, всегда с удовольствием, даже с жадностью училась, всегда хотела узнать что-то новое и что-то понять. В 1930 году в возрасте пяти лет она отправилась на Хайтингтауэр-роуд в Каунтер-скул,

лучшую начальную школу графства. За несколько месяцев она научилась читать и читала постоянно и всюду: дома, на переменках, по пути в школу. Она уже была очень амбициозна и всегда во всем хотела быть первой. Когда в девять лет она получила первый приз за успехи в сочинительстве стихов, одна из знакомых дам поздравила ее: «Тебе очень повезло». — «Нет, я это заслужила!» — ответила в ярости Маргарет. В этих словах был заключен уже сложившийся характер. У нее уже была и своя философия: «Упорный труд все преодолееет», окончательно сформировавшаяся в последующие годы, когда она посещала классическую школу Кестевен-энд-Грантем-Герлз-скул. Классы там были разделены в зависимости от уровня знаний учениц на группы «А» и «Б». В первый год, после успешной сдачи вступительных экзаменов, давших ей право на получение стипендии, Маргарет была зачислена в группу «Б». Но это был единственный раз. Все последующие годы она провела в группе «А», оканчивая каждый учебный год первой ученицей, кроме одного, когда она оказалась второй. Похоже, она неплохо относилась к соученицам, держалась, правда, особняком, но всегда была готова прийти на помощь менее одаренным, чем сама, но в остальном в школьную жизнь не вмешивалась. Скажем так: другие девочки ее не интересовали. Она не была какой-то выдающейся ученицей, но выделяла некоторых преподавателей, и те выделяли ее из общей массы. В особенности почитала она свою преподавательницу истории, мисс Офелию Хардинг, старую деву, преданную своим ученицам и своему делу; эта дама с блеском излагала историю формирования Соединенного Королевства и с восторгом повествовала о его расцвете и об апофеозе Империи. Пятнадцатилетняя ученица хорошо запомнила эти уроки: вчерашний день формирует день завтрашний; народы, не имеющие памяти, обречены на смерть. Какое предвидение у совсем юной девушки! В ее школьных дневниках можно прочесть записи преподавателей о том, что «ее уровень понимания и постижения материала выше среднего», что «идеи у нее ясные и логичные», а поведение соответствует поведению «прекрасной ученицы». Своим столь ранним развитием Маргарет обязана тому, что она постоянно пребывала в возбуждении от духовной связи с отцом. «Дети познают от родителей гораздо больше, чем от других источников жизненного опыта, — пишет она. — Я видела моих родителей за завтраком, во время ланча, за обедом. У нас было много времени, чтобы вести разговоры, и я очень им за это признательна». Для юной Маргарет обмен мнениями был всегда процессом захватывающим. Правда, ее отец презирал светские сплетни и не позволял вести за столом болтовню, которую так любят женщины. Он говорил только о прочитанных книгах и о проглатываемых им газетах,

увлекался экономикой, историей, политикой и биографиями различных деятелей, выписывал ежедневную газету «Дейли ньюспейпер», несколько еженедельников и первый общественно-политический журнал «Пикчер пост», выходивший с 1938 года. Положение дел в стране и мире не имело для него тайн. Еженедельно Альфред Робертс брал в муниципальной библиотеке книги: две «серьезные» для себя и для Маргарет и один роман для жены. И всегда подчеркивал различие между «серьезным», полезным, подобающим почтенным и уважаемым людям, и «развлекательным», пригодным «лишь для гинекея^[51]». Как большинство людей, не имевших возможности получить должного образования, он прилагал массу усилий, чтобы при помощи самообразования заткнуть дыры в своих познаниях и культуре. И делал это с явным успехом! Даже притом что искусство и литература были так далеки от его профессии! Спустя полвека его дочь с восторгом будет вспоминать, сколь блестяще он объяснял ей, что такое «золотой стандарт» и «стабильность в сфере финансов или в сфере денег».

Появление в 1935 году первого радиоприемника было настоящим событием. Впервые в гостиную ворвался огромный мир. Политические деятели, чьи речи публиковались в газетах, стали гораздо ближе, как и события, происходившие в мире, где на горизонте уже сгущались тучи. Маргарет с волнением вспоминает, как все семейство собиралось вокруг лампового приемника марки «Филипс», чтобы, несмотря на легкое потрескивание, послушать короля Георга VI, объявившего о вступлении Англии в войну, или раздраженного, ворчливого Черчилля, сулившего «кровь, пот и слезы». Робертсы слушали и классическую музыку, и радиоспектакли, а когда родителей не было дома, из радиоприемника доносились звуки легкой музыки, всякие танцевальные ритмы, которые наверняка не пришлись бы им по вкусу и встретили сопротивление их сурового и мрачного ригоризма.

Беатрис занималась воспитанием дочерей, обучала их игре на пианино, вышиванию, шитью, глажке белья, приготовлению пищи, ведению хозяйства. Несмотря на имевшуюся домработницу, будущие хозяйки и матери семейств должны были научиться все делать сами: печь хлеб, натирать мастикой полы, полировать мебель, менять постельное белье. Мэгги, похоже, стала «асом» по выпечке кексов и «королевой» приготовления ростбифа с семенами вереска. Стоит ли говорить о том, что уровень культуры миссис Робертс, увлеченной хозяйственными делами, был гораздо ниже уровня мужа. В одном из интервью ее дочь, ставшая депутатом парламента, чуть пренебрежительно высказалась о ней так: «Мама не принимала участия в домашних дискуссиях. Она чаще всего

удалялась на кухню». Чуть позже она добавила: «После пятнадцати лет совместной жизни нам нечего было сказать друг другу... Но это не ее вина. Все время находясь дома, она была одержима домом». Короче говоря, образцовая девушка выбрала для себя совсем другой идеал.

Тайный сад, тайная трещина

Если в своих мемуарах Маргарет Тэтчер и предается ритуальному вознесению похвал «очень сплоченному семейству Робертсов», у нас все же нет полной уверенности в том, что в действительности картина была столь уж идиллической. Похоже, брак ее родителей представлял собой «джентльменское соглашение», довольно распространенное в те времена. «Сплоченность» — весьма подходящее слово, чтобы говорить о взаимных обязательствах, за которыми скрывалось глубокое равнодушие. В детстве и юности Маргарет не заметно ни единого следа нежности, рядом с ней были бесцветная сестра и отец, умевший пробуждать в ней интерес ко многим вещам, но не ведавший, что такое ласка. Она никогда не испытывала чувства семейной сопричастности, которое сродни чувствам участников некоего заговора. По официальной версии, из-за необходимости постоянно обслуживать покупателей в лавке, а на деле, быть может, и по другим причинам члены семейства Робертсов никогда не ездили на каникулы вместе. Ежегодно Беатрис одна возила дочерей к морю, на скромный курорт Скергесс. Альфред проводил неделю в одиночестве, развлекаясь игрой в шары. Вероятно, безотчетно Мэгги от этого страдала.

Но что, несомненно, оставило в ее душе глубокий след, так это чувство экономии, возведенной в ранг главной добродетели, — еще одно наследие методизма. Хотя семья Робертсов жила в относительном достатке, в доме экономили на всем: никогда никакого алкоголя, только для гостей, да и для них спиртные напитки стали подавать только после войны. Одежду носили только сшитую своими руками, простую, без малейшего намека на украшения, ибо она должна быть практичной, удобной и ноской. «Не смотрите во все глаза на дешевую шубу, ведь драповое пальто хорошего покроя может оказаться гораздо более выгодной покупкой», — говорили в семье. «Главным правилом поведения родителей было найти вещи наилучшего качества, соответствовавшие их доходам». В конце 1930-х годов многие представители среднего класса обзаводились машинами, в семействе Робертсов об этом и речи не было, ведь это излишний расход на предмет роскоши. По правде говоря, мистер Робертс был первостатейным

скрягой, и его скупость граничила со скопидомством. Простой пример: он требовал, чтобы домочадцы не выбрасывали обрывки веревок, а использовали их по второму и третьему разу. Если ко всему присовокупить лишения, связанные с войной, легко можно себе представить, в какой неприятной атмосфере всеобщей скупости прошли юные годы Маргарет. Она и сама рассказывала, как завидовала девочкам и девушкам-католичкам, их белым платьицам для первого причастия, их красивым разноцветным лентам, мальчикам из хора в красных стихарях, ведь это был другой, яркий мир, так резко контрастировавший с монотонным и тусклым миром лавки и ее дома, где никогда не было модных вещей и безделушек.

Конечно, теперь Маргарет может писать, что «это было трудно, но справедливо», хотя тогда мечтала об ином. Она признает, что пять церковных служб по воскресеньям было многовато. В особенности когда она открыла для себя новый мир: Лондон и его чары. Описание своего пребывания в столице у почтенного господина Скиннера, друга отца, можно отнести к числу самых волнующих воспоминаний ее юности. При чтении их ощущаешь ту свинцовую тяжесть, что угнетала нашу маленькую провинциалку из скучного городишки Средней Англии: «Самым главным событием в первые годы моей жизни, вероятно, была поездка в Лондон, когда мне исполнилось 12 лет <...>. Мое первое впечатление было совершенно невероятным. Лондон очаровал меня <...>. На городе лежал блеск столицы империи и столицы торговли. Впервые в жизни я увидела иностранцев, на некоторых из них были традиционные одеяния народов Индии и Африки <...>. Лондонские здания производили поразительное впечатление еще по одной причине: почерневшие от сажи, они поражали своей мрачной роскошью, постоянно напоминая мне о том, что я нахожусь в центре мира». Маргарет проделала путь «идеального туриста», посетив самые знаменитые места столицы и увидев Трафальгар-сквер и стаи тамошних голубей, Букингемский дворец, собор Святого Павла, где когда-то вел службы Сэмюэл Уэсли, Вестминстерский дворец, Биг-Бен, Тауэр, Уайтхолл, квартал, где расположены министерства. Она пишет: «Оказавшись на Даунинг-стрит, я, в отличие от Гарольда Вильсона^[52], не имела предчувствия, что однажды мне выпадет честь сфотографироваться у подъезда дома № 10». Далее она добавляет: «Восторг мой достиг пика во время посещения Кэтфорд-театра в Льюишеме, где мы посмотрели знаменитую оперетту Зигмунда Ромберга „Песнь пустыни“. Я оказалась в каком-то ином мире, я была покорена, как была покорена дерзким героем Рэда Шедоу героиня оперетты <...>. Этот спектакль подарил мне ощущение того, что Талейран называл „радостью жизни“».

Разумеется, возвращение в Грантем было грустным. Надо было найти какую-то отдушину, которая позволяла бы ее мыслям витать подальше от бакалейной лавки и запахов провианта. Прежде всего этой отдушиной станет поэзия, которой Маргарет, по ее признанию, увлеклась довольно рано. Разумеется, поэмы и стихи, которые она ценит, весьма невинны и окрашены суровым чувством долга и превосходства, коими отмечено стихотворение Лонгфелло, предваряющее эту книгу как эпиграф. Примерно те же чувства выражены и в стихотворении Киплинга «Стипендиаты», где красной нитью проходит мысль о том, что «они побывали далеко и многому научились, и многое из того, чему научились, охотно бы забыли, но теперь они вернулись, и мир, обязанный им многим, многое им должен».

Маргарет сохранит большую любовь к поэзии. Под рукой у нее всегда будет антология «Оксфордская книга английской поэзии», из которой она знала наизусть множество отрывков и часто использовала их в своих речах.

В конце 1930-х годов в Грантем проникло кино, и именно оно скрасило жизнь Маргарет. Несмотря на то, что ее родители довольно холодно и даже настороженно относились к фильмам, окрашенным «розовой водой», Маргарет создала себе воображаемый мир, чуть менее холодный, чуть более гламурный, чем тот, что окружал ее в реальной жизни. «Я стала пленницей романтического мира Голливуда», — вспоминает она. За девять пенсов она любила погружаться в полумрак кинозала, смотреть выпуски новостей перед тем, как ее захватит художественный фильм, выбор коего всегда должен был быть одобрен ее родителями: «Четыре белых пера», превозносивший приключения в период колониальных войн; «Красный первоцвет», навсегда излечивший Маргарет от колдовских чар Великой французской революции, по поводу которой, кстати, у нее изначально не было особых иллюзий; «Мистер Смит в сенате», окончательно убедивший ее в том, что политика — дело серьезное; «Ниночка», в котором она с радостью наблюдала за тем, как божественная Грета Гарбо высмеивала большевиков. В особенности же она любила фильм «Унесенные ветром», считала его самым лучшим фильмом в истории кино, восхищаясь очаровательным легкомыслием Вивьен Ли и колдовской улыбкой Кларка Гейбла.

С отцом на дорогах политики и войны

С середины 1920-х годов Альфред Робертс стал участвовать в делах

городского управления. Это было вполне логичное следствие как его методистских убеждений и жизненных ценностей, среди коих не последнее место занимал долг служения общественному благу, так и обретенного им нового статуса преуспевающего коммерсанта. В 1923 году он был избран членом торговой палаты; в 1927 году стал муниципальным советником, представляющим приход Святого Вульфрана; в 1943-м был избран олдерменом и мировым судьей; наконец, в 1945–1946 годах он стал мэром Грантема, а потом опять стал старшим муниципальным советником и занимал этот пост вплоть до 1952 года^[53]. Кроме выборных должностей он был также председателем гражданского суда, председателем клуба «Ротари», то есть клуба деловых людей, президентом совета управления сберегательной кассы, председателем правления классической школы, во время войны стал начальником службы гражданской обороны; короче говоря, должностей он занимал столько, что в одной газете на него даже была помещена карикатура, где он изображен утром перед рядом шляп колеблющимся, к какой же из них, олицетворяющих одну из должностей, протянуть руку.

В те времена в Англии люди, избиравшиеся в местные органы управления, чаще всего были аполитичны, по крайней мере официально, потому что и выборы были аполитичны. Итак, Альфред Робертс не состоял ни в одной партии. Разумеется, он был в жесткой оппозиции по отношению к Лейбористской партии, выставлявшей против него своих кандидатов и к тому же поддерживавшей кооператив, снабжавший рабочих продовольствием, что причиняло ущерб мелким торговцам и составляло нечестную конкуренцию, по мнению Робертса, мелким лавочникам. Ну а уж это в глазах коммерсанта — непростительный грех. Был ли он таким уж консерватором, был ли он на самом деле тори, если употреблять этот термин? Маргарет говорит, что он был «либералом в духе былых времен», иначе говоря, был сторонником идей Гладстона, идей свободной торговли, но при этом опирался на ценности консерваторов^[54]. Альфред Робертс восхищался работой Стюарта Милля «О свободе». В 1950 году, когда Робертс принимал участие в одном из предвыборных митингов, организованных сторонниками его дочери в Дартфорде, он сам назвал себя либералом, ставшим консерватором. «Прежде всего он был кандидатом налогоплательщиков», — вспоминает Маргарет.

На протяжении двадцати лет ему доверяли возглавлять комиссию по финансам и налогам. Там тоже суровость и жесткость были непреложным правилом. Расходы на общественные нужды, так сказать, пропускали

сквозь частый гребень и не терпели малейших отклонений. Альфред Робертс вел дела своей коммуны так, как вел свои собственные. Орган местного самоуправления должен был финансировать жизненно необходимый минимум, и каждый член общины обязан был оплатить то, что он потребляет. По мнению мистера Робертса, это был наилучший залог эффективности и экономии. Так, он отказался передать в распоряжение городских рабочих социальное жилье, чтобы те его отремонтировали. «Сами жители должны поддерживать порядок в своих квартирах», — говорил он. Несколько лет спустя он также отказал классической школе, председателем правления которой был, в праве пользоваться косилкой, принадлежащей мэрии. Никакого смещения «жанров», строгость и суровость во всем и всегда. Маргарет прошла хорошую школу, и ей пригодилась эта наука, когда много лет спустя она сама безжалостно и без колебаний примется резко сокращать государственные расходы.

Итак, она попала в политику в совсем юном возрасте. Десяти лет от роду в 1935 году она уже разносила листовки с призывами голосовать за консерваторов. «Интуитивно и по воспитанию я всегда была чистейшей консерваторшей. Я могла сколько угодно читать многочисленные статьи и книги представителей левых, но у меня не было ни малейшего сомнения относительно того, какую партию я поддерживаю». По вечерам она часто обсуждала с отцом прочитанное. К примеру, книгу Джона Стрэчи, вышедшую в 1932 году под названием «Грядущая борьба за власть», наделавшую тогда много шума. Автор предрекал крах капитализма и воцарение социализма. Альфред легко доказал дочери, что все это ерунда. Что, дела в лавке стали идти хуже? Нет. Разве лавка не приносит обществу пользу, и большую пользу? Приносит. А работали бы сами Робертсы столь же усердно, если бы им пришлось работать на государство, а не на себя? Нет. Итак, труд, процветание и капитализм идут рука об руку. А лень, упадок и социализм идут нога в ногу. Разумеется, доказательства довольно краткие, но эффективные, так что убеждения Маргарет, сформировавшиеся в детстве и юности, остались неизменными на протяжении жизни.

В других областях политические взгляды семейства Робертсов были столь же просты и ясны. Классовые конфликты они воспринимали всего лишь как способы разделить страну на части. «Было очень много такого, что нас объединяло, связывало. И монархия конечно же была одним из звеньев этой связующей цепи. Моя семья, как и множество других, испытывала чрезвычайную гордость за империю. Мы полагали, что империя принесла закон, прекрасную систему управления и порядок на земли, которые никогда бы иначе их не имели и о них не знали».

Положение дел на международной арене не переставало внушать тревогу. С 1933 года в Германии царил нацизм. Многие семьи, где строго придерживались традиций, видели в Гитлере прежде всего человека, способного покончить с забастовками, стать чем-то вроде крепостной стены, защищающей Запад от большевистского хаоса, защитника порядка, человека, вновь заставившего Германию работать. Однако семья Робертсов обладала поразительной ясностью ума и трезвостью взглядов, а потому никогда не покупалась на такую чушь. Члены этого семейства были против политики умиротворения и примирения, объединявшей в общей самоубийственной тактике невмешательства сверхосторожных консерваторов и лейбористов-антимилитаристов. Правда, Альфред не испытал ужасов войны 1914 года: его просьбы о добровольном поступлении на военную службу шесть раз получили отказ из-за его сильной близорукости. Возможно, он и не мог себе представить весь ужас «стальных бурь», но его брат и множество товарищей погибли под огнем. Альфред принадлежал к числу тех, кто полагал, что свобода имеет свою цену и иногда эта цена равна цене крови. Однако он был немножко «мюнхенцем», испытал, по его признанию, при вести о Мюнхенском соглашении «трусливое облегчение», поскольку считал, что Великобритания еще не готова к войне. На эту тему в доме много читали. От прочитанных книг холодела спина и пробирала дрожь. Спустя 50 лет Маргарет еще помнит эти книги: «Ярмарку безумств» Дугласа Рида, написанную как раз накануне аншлюса и ставшую беспощадным обвинением германского режима и слабости западных демократий, ласкающих дикого зверя перед тем, как он их пожрет; вспоминала она и книгу «Масло или пушки», появившуюся осенью 1938 года, или еще более многозначительную и сильную книгу Яна Вэлтина «Без родины и без границ», в которой разоблачались и варварская политика нацистов, направленная против евреев, и союз национал-социалистов и коммунистов, что проявилось в советско-германском пакте^[55]. «Эта книга, — пишет Маргарет, — без сомнения, сыграла большую роль в том, что я стала рассматривать нацизм и коммунизм как две стороны одной медали». И она дала себе клятву, что перед «красным медведем» она не совершит тех же ошибок, что были допущены перед «коричневым дьяволом».

К тому же яд антисемитизма совершенно не проник в семью Робертсов, хотя он и был распространен в среде лавочников. На свой лад Робертсы даже были «праведниками». Сестра Маргарет Мюриэл переписывалась с одной девочкой из Австрии, с Эдит, дочерью банкира-еврея из Вены. Почувствовав надвигающуюся угрозу, он обратился к

Альфреду с просьбой приютить у себя Эдит, пока он уладит свои дела. Увы, он сам так и не добрался до Англии. Но Эдит была спасена, радушно принята в доме на Саутворт-роуд, а затем и в других домах друзей Альфреда по клубу «Ротари». Нацизм обретал конкретные черты. Эдит привезла с собой в Грантем воспоминания о налетах нацистов, о погромах и желтых шестиконечных звездах на одежде. Маргарет вспоминает, что рассказы Эдит потрясли ее, и в ее памяти навечно запечатлелись образы: вот Эдит запрещают сесть в трамвай, потому что она еврейка, вот Эдит вынуждена мести улицы в Вене под насмешливые возгласы прохожих, потому что она еврейка, вот Эдит осиротела, потому что она еврейка.

Вскоре война уже наносила удары по окрестностям Грантема, а на сам город обрушился шквал массированных бомбардировок. Ведь этот город был важным железнодорожным и дорожным узлом, компания «Бритиш Маркс» производила на расположенных там заводах оружие и боеприпасы, а авиабаза бомбардировщиков представляла собой важнейшую стратегическую цель для противника. Так что Маргарет видела войну вблизи. Она слышала взрывы бомб во время двадцати одного налета люфтваффе и видела, как из дымящихся руин извлекали тела семидесяти восьми погибших горожан. В доме не было бомбоубежища, и при воздушных тревогах семейство проводило долгие тревожные вечерние часы под дубовым столом в столовой, где царил почти полный мрак из-за затемнения с едва мерцающим огоньком маленького фонарика, и прислушивалось к звукам взрывов. Света вообще часто не было, когда же он был, все жадно слушали радио. Маленькие флажки, воткнутые в карту мира, позволяли следить за продвижением нацистских полчищ. Дурные вести следовали одна за другой: Седан, Дюнкерк, падение Малайи, крушение «Принца Уэльского», взятие Гонконга, потеря Бирмы. Несмотря ни на что, Робертсы верили: Англия непобедима. Однажды во время вечерней прогулки в 1942 году отец сказал Маргарет: «Мы не знаем как, мы не знаем когда, но мы победим, и мы никогда не усомнимся в нашей победе». Маргарет проглатывала все книги о войне, которые только могла найти: «Рональд Картленд», в которой знаменитая романистка Барбара Картленд воздала честь своему брату, погибшему во Франции в 1940 году; «Последний враг», написанную летчиком Королевских военно-воздушных сил незадолго до того, как он был сбит и погиб в горящем самолете; «Время величия» американца Герберта Эйгара, вышедшую в 1944 году, где был дан анализ упадка моральных ценностей Запада, что и привело Гитлера к власти.

Не стоит и говорить о том, какой радостью наполнилось сердце

Маргарет 8 мая 1945 года. Все усилия и жертвы оказались не напрасны. Война выиграна, и ее отец, мэр Грантема, при полном параде, с гордостью неся на груди цепь городского советника, возглавляет шествие по Сент-Петерхилл в честь победы. В едином порыве слились в тот миг и патриотическая гордость, и гордость дочерняя.

Она извлекла еще один урок. «Если христианский народ, культурный и процветающий, такой, как немецкий народ, мог попасть под власть Гитлера, то нельзя считать, что цивилизация достигла должного уровня окончательно; надо было постоянно поддерживать огонь, а это означало, что праведники должны были бороться за свои принципы», — напишет она позже.

Выбор карьеры

Патриотического энтузиазма и политических пристрастий недостаточно, чтобы прокормить человека. Для Маргарет Робертс с конца 1942 года встал вопрос о выборе своего поприща в жизни. Она была амбициозна и потому не могла думать ни о чем, кроме университета. Так как во власть или в элиту вел только один путь — через Оксфорд или Кембридж, то не было и речи о том, чтобы она отправилась учиться куда-то еще. «Я рассматривала это просто как самое лучшее, — вспоминает она, — и если я хотела чего-то добиться в жизни, я должна была туда поступить». И это действительно было необходимо, потому что в тогдашней Англии эти университеты представляли собой «единственный кусочек туалетного мыла для простолюдина», так как позволяли достойным молодым людям подняться над своим происхождением и общественным положением. Разумеется, при наличии стипендии! Ведь Альфред Робертс никогда бы не смог оплатить гигантские расходы ее четырехлетнего пребывания в Оксфорде или Кембридже.

Мэгги решила принять участие в конкурсе на получение стипендии в Саммервилл-колледже (женском колледже Оксфорда) в области химии. Почему она выбрала химию? Потому что одна из ее школьных преподавательниц, мисс Кей, пробудила в ней страсть к этой науке, потому что этот путь соответствовал настроениям практичной девушки, понимавшей, что, будучи специалистом в данной сфере, она без особого труда найдет себе работу в Соединенном Королевстве, находящемся в состоянии реконструкции после войны. Впоследствии она горько пожалела о своем выборе, потому что изучение химии было далеко не лучшим

«курсом подготовки» для человека, мечтавшего заниматься государственными делами.

Но сейчас надо было преуспеть в конкурсе на вступительных экзаменах. А это было делом куда более серьезным, чем взять верх над подружками-сверстницами из Грантема. Желая затруднить доступ к своим вратам, Оксфорд требует от всех сдачи экзамена по латыни, даже от тех, кто собирается изучать естественные науки^[56]. В школе же, где училась Маргарет, как и в большинстве классических школ, латынь не изучали. Маргарет хотела пройти ускоренный курс латыни, но новая директриса, мисс Дороти Гилли, воспротивилась этому, поскольку в это время университеты Бирмингема и Бедфорда известили ее, что готовы принять «юную надежду Грантема». «Вы слишком амбициозны», — в сердцах бросает она Мэгги. Но такой грубый отказ не остановил Маргарет, которую не мог устроить скромный провинциальный университет, где она, разумеется, может стать прекрасным инженером-химиком, но всего лишь одним из многих. Она добилась от отца согласия нанять ей частного преподавателя латыни и за год достигла уровня знаний тех, кто изучал латынь пять лет. Итак, она была готова к участию в конкурсе, который состоялся в декабре 1942 года. На 200 кандидатов было всего 17 мест. Маргарет оказалась восемнадцатой, и ее занесли в «список ожидания», пообещав, что примут в 1944 году. Ей предстояло провести год впустую, и поскольку отец не мог допустить и мысли о том, чтобы содержать «бесполезный» рот, Маргарет вернулась в школу, где стала замещать отсутствующих по разным причинам учителей. Однако ей повезло: за три недели до начала первого семестра 1943 года одна из кандидаток отказалась от стипендии. И вот Маргарет отправилась в Оксфорд, самый блестящий, наряду с Кембриджем, университет королевства. Триумф был полный. Она восторжествовала над учителями, недооценивавшими ее, и над директрисой, не то тайно ее ревновавшей, не то ей завидовавшей. Маргарет не забудет обиды. Когда в 1960 году, став членом парламента, она прибудет в Грантем, где будет встречена с великой помпой, бывшая ученица сухо прервет речь мисс Гилли, увлекшейся какой-то длинной латинской цитатой.

Отцовское наследство

Когда 4 мая 1979 года королева назначит Маргарет Тэтчер премьер-министром, в первом же интервью, данном журналистам, она скажет:

«Всем, абсолютно всем я обязана моему отцу». Стоит заметить, что как только Маргарет начала свое восхождение к вершине власти, ее в Грантеме больше не видели. Она плакала от ярости, когда лейбористы, победив в борьбе за мэрию в 1952 году, прервали политическую и общественную карьеру ее отца, занимавшего должность олдермена, хотя, по обычаю, старого первого городского советника от должности прежде не отстраняли. Альфред Робертс тогда высокомерно процедил: «Почти восемь лет я с честью носил эту мантию и полагаю, что сейчас я с честью от нее избавляюсь». Это было еще одно оскорбление, за которое она поклялась отомстить. Но вообще общалась она с отцом мало. Когда в 1970 году он умер, как гласит легенда, слушая в одиночестве по радио речь своей дочери, некоторые не слишком любезные биографы даже иронизировали над этим.

Но не следует преуменьшать влияние, оказанное бакалейщиком из Грантема на будущую «Железную леди». Он привил своей дочери любовь к труду, к экономии, научил ее понимать, что есть добро и что есть зло, и передал ей дух миссионерства.

На протяжении всей жизни Маргарет была неутомимой работягой. В то время как многие министры отдыхали, давая своему секретариату право предоставлять в их распоряжение цифры и выкладки, она долгие часы проводила в кабинете, изучая документы, чтобы сделать собственные подсчеты, которые позволяли все расставить по своим местам. Захлестнутые потоком приводимых ею цифр и деталей, многие ее противники не могли противостоять ее напору и компетентности. Она знала, что пощады дилетантам от политики не бывает, и потому работала как одержимая.

Разумеется, Мэгги не входила в число привилегированных. Она знала, что шиллинг — это шиллинг и что его надо заработать ценой пота. Она также знала, что государственные доходы — это результат труда и рабочих, и предпринимателей. Будучи родом из Грантема и выйдя из своей среды, она могла спокойно отослать к справочникам по марксизму тех «прогрессистов», что родились с серебряными ложками во рту.

Маргарет всегда будет пребывать в твердом убеждении, что политика и мораль связаны самым тесным образом. Наперекор умонастроениям эпохи, она возненавидит релятивизм. Для нее есть добро и есть зло, есть правда и есть ложь, есть истинное и есть фальшивое, есть черное и есть белое, и в ее палитре нет места серому. Она полагала, что если кто и думает иначе, то это потому, что это человек неискренний, непорядочный, а быть может, и злонамеренный. Вот откуда склонность видеть в сопернике врага, а вернее,

воплощение темных сил и грядущего Армагеддона. Такая убежденность придавала огромные силы, но в то же время была и большим недостатком, так как лишала гибкости.

Наконец, Маргарет, как хорошая дочь пастора, всегда воодушевлялась идеей миссионерства. Каждое из ее сражений будет похоже на крестовый поход. С ее приходом на Даунинг-стрит, 10, к власти «пришла пасторская кафедра с Финкин-стрит», по словам Джона Кэмпбелла, автора книги о Маргарет Тэтчер.

Глава третья

ОТ ОКСФОРДА ДО ФИНЧЛИ

Конечно, Саммервилл-колледж — совсем не Корпус-Кристи-колледж, не Бейллиол-колледж и не Крайст-Черч, самые прославленные и престижные колледжи Оксфорда, чьи стены украшены портретами премьер-министров. Это даже не Леди-Маргарет-холл, самый шикарный из женских колледжей, аристократический и в некотором роде англиканский. Саммервилл-колледж — это скромный колледж, более открытый в социальном плане, недавно созданный, а потому менее «патрицианский», чем другие, и менее религиозный.

В Оксфорде — питомнике элиты

Однако и здесь Маргарет не чувствовала себя комфортно. Она была всего лишь скромной провинциалкой, оказавшейся в гуще молодых девушек, гораздо более бойких, чем сама. В колледже она жила в такой холодной комнате, что ее можно было назвать ледяной, и жизнь ее скрашивали лишь воспоминания о доме. «Я тосковала по дому, и мне там ужасно не нравилось», — пишет она, но не говорит о том, что чувствовала себя плохо от обилия комплексов. Соученицы смеялись над ее чопорным видом, одеждой, безупречной по качеству тканей, но отвратительного покроя; хихикали они и над ее акцентом уроженки Средней Англии, и над ее внутренней напряженностью, и над ее твердостью дочери пастора, что ей, семнадцатилетней девушке, придавало вид школьной учительницы. Одна из соучениц вспоминает о ней, как о «юной девушке, немного излишне пухленькой, всегда безупречно причесанной, аккуратно одетой, церемонной <...>; когда она говорила, создавалось впечатление, что она только что вышла с урока риторики». Другая вспоминает, что Маргарет была стеснительной и чувствовала себя неловко: «Этой девушке всегда было не по себе, и она постоянно задавалась вопросом, что можно делать и чего нельзя». Разумеется, Маргарет несла на своих плечах всю тяжесть полученного ею воспитания.

Во время еженедельных торжественных обедов в колледже, куда участники должны были являться в смокингах и длинных вечерних платьях, она всегда мучилась. В столовой было три стола для студенток.

Один, стоявший ближе всех к столу «для высокопоставленных особ», где сидели профессора и преподаватели, предназначался для студенток-иностранок, второй — для студенток, не получавших стипендии и обучавшихся на платной основе, третий, самый скромный, — для стипендиатов. Оксфорд постоянно напоминал ей о ее происхождении. Ее сотрапезницы были столь же нелюбезны. Правда, она постоянно надоедала им своими бесконечными разговорами об отце, которого представляла едва ли не выдающимся деятелем, хотя он был всего лишь главным городским советником в маленьком промышленном городке.

В этом университете, выглядевшем еще более ужасно из-за отсутствия молодых людей, ушедших на фронт, у Маргарет были лишь ее «старые спутники», скрашивавшие ее жизнь: прогулки в одиночестве, учеба и религиозное сообщество. В первые месяцы ее пребывания в Оксфорде, в 1943 году, общественная жизнь там была довольно бедной. Маргарет часто одна бродила по городу, вокруг Крайст-Черч-Медоу или по берегам Темзы. Ее властно влекли к себе здания, выстроенные в романо-норманнском стиле. Готическая архитектура Модлин-колледж (Колледжа Магдалины) приводила ее в восторг. Ничего общего с Грантемом! Но она сама по-прежнему оставалась в изоляции от студенческого сообщества.

Маргарет посещала Уэсли-Мемориэл-черч (Уэслианскую мемориальную церковь), коллективные уроки по катехизису и пила чай с членами методистского кружка, воодушевляемыми пастором Джильсоном. Ее даже направляли произносить проповеди в соседние приходы. Маргарет также примкнула к некоторым сообществам любителей хорового пения, стала принимать участие в спевках Хорового общества Баха и объединенного хора двух колледжей, Саммервилл и Бейллиол; она исполняла вместе с хором «страсти по Матфею», «Мессию» Генделя, «Немецкий реквием» Брамса. Короче говоря, она оставалась девушкой с Финкин-стрит.

Правда, оставалась еще учеба. Увы, химия ее уже не увлекала: наука оказалась слишком теоретизированной, осуждавшей на одиночество, слишком безликой, то есть не способствовавшей проявлению личности. Чем дальше, тем больше Маргарет понимала, что изучение естественно-научных дисциплин ее никуда не приведет. «Королевская дорога» — это ПФЭ (политика, философия, экономика). Но было слишком поздно! Вино было уже налито в бокал, надо было его выпить. И она работала, упорно, тяжело, методично, серьезно, как всегда, и добивалась хороших результатов, но ничего более. Итак, химия станет для нее всего лишь обязательным трамплином. Преподавательница, бывшая ее тьютором, то

есть научным руководителем, госпожа Джанет Вом, придает своим воспоминаниям о Маргарет привкус желчи: «Она была превосходным химиком второго класса». Правда, эта мисс Вом всегда была яркой лейбористкой. Более объективна Дороти Ходжкин, получившая Нобелевскую премию в 1964 году: «На Маргарет всегда можно было положиться, если требовалось написать умную, взвешенную статью <...>, но я никогда не думала, что она будет интересоваться химией». В 1947 году Маргарет закончила Оксфордский университет с весьма достойным дипломом, посвященным протеиновой структуре грамицидина В, недавно открытого антибиотика.

А как обстояли дела с любовными интрижками? Ведь учеба — это обычно годы флирта, первых сердцебиений, опрометчивых клятв в любви навеки, которая кончается на следующий день. Но, похоже, Мэгги была исключением из правил. Прямая, жесткая, чопорная, холодная, робкая... Любовные похождения были ей чужды. Ее единственной любовью оставались жажда успеха, честолюбие, амбиции. Однако не следует забывать, что шел 1945 год, война закончилась, и победный колокольный звон предвещал возвращение воинов-освободителей.

Это были уже сформировавшиеся молодые люди, они заполняли лужайки университетского городка и плавали на лодках по Темзе. Это были те же «Стипендиаты» Киплинга, герои Первой мировой войны, о которых Маргарет мечтала в ранней юности. У них уже был жизненный опыт, который так привлекает в тех, кто познал все страдания больших кровавых литургий, но были в них и беспечность выживших, желание наилучшим образом использовать все мгновения жизни. Маргарет признается, что к этому времени и ее жизнь немного переменялась: она открыла для себя радости танцев, пила алкогольные напитки, пробовала закурить и ходила в театр, чтобы насладиться Шекспиром или Чеховым. От открытия радостей жизни до опьянения в объятиях героя — всего один шаг, но она его не сделала. Вернее, сделала только раз. Шла ли речь о любви или о честолюбии? Нет, она не помышляла о флирте, а сразу же задумалась о замужестве. Опять этот невероятный дух серьезности! Она не осталась равнодушна к шарму молодого баронета, сына графа, очаровавшись человеком, уже бывшим заметной фигурой в партии тори. Дело зашло довольно далеко. Маргарет пригласили провести уик-энд в имении красавца-баронета. Но его мать тотчас же пришла в ужас от простонародного акцента претендентки на роль жены баронета и от ее болтовни, раздражавшей всех. Такая вульгарность, такая пошлость в царстве сдержанных высказываний, намеков и недомолвок! Маргарет

всегда будет недоставать той естественности, которая, по словам Оскара Уайльда, «есть нечто сублимное, тонкое, неуловимое, чему невозможно научиться, что можно только унаследовать». Короче говоря, надежда на обретение дворянского герба улетучилась.

Первые шаги в политике

Союз консерваторов Оксфорда

Итак, у Маргарет осталась одна страсть: политика. Она была глубоко оскорблена и уязвлена неблагодарностью, проявленной британцами в отношении Черчилля. Он был творцом победы, но в июле 1945 года его отстранили от власти, выгнали, как грязного бродягу. «Я просто не понимала, как с ним могли так поступить», — пишет она в мемуарах. Словно желая взять реванш, Маргарет усиленно принялась за дело, решив проникнуть в «его» среду. Разумеется, она не могла вступить в «Каннинг-клуб» или в «Юнион», самый знаменитый кружок, где велись бесконечные дебаты, в ходе которых многие депутаты и министры от партии консерваторов оттачивали свое оружие и упражнялись в риторике, ведь туда допускались только мужчины, а женщины могли лишь слушать их с трибун.

Взоры Маргарет обратились к организации студентов-консерваторов, к так называемой Оксфордской университетской Консервативной ассоциации, быть может, менее известной, но очень серьезной. Там она заслужила «продвижение по службе» и славу хорошего организатора. В 1944 году вошла в состав правления ассоциации, в 1945-м стала казначеем, а в 1946-м — председателем. Она творила там чудеса. Это были послевоенные скудные годы, карточная система действовала строже, чем во время войны, но Маргарет всегда доставала все, что было нужно для клубных вечеринок.

А в стране происходили перемены. Энтузиазм, вызванный приходом лейбористов к власти, ослабевал. Обещания, данные в период предвыборной кампании 1945 года, не покончили ни с карточной системой, ни с нищетой, а миллион англичан, чьи жилища были разрушены во время войны, все еще ждали домов, обещанных Эттли. Так что тори имели теперь уже гораздо больший успех, по крайней мере, в самых «шикарных» колледжах. В Оксфорде именно Маргарет была одним из движителей возрождения партии консерваторов. Когда она только вступила в Консервативную ассоциацию, в ней насчитывалось около четырехсот

членов, а к концу ее «председательского срока» в ассоциации было уже более тысячи членов.

За пределами круга консерваторов она так и не обрела друзей. Саммервилл-колледж имел репутацию учебного заведения, где царили прогрессистские идеи. Кроме того, в послевоенные годы ветер социализма раздувал паруса над кампусами. Одна из соучениц Маргарет, Энн Дейл, рассказывает о том, насколько всех раздражала приверженность Маргарет идеям консерваторов: «Мы всегда насмехались над Маргарет Робертс <...>, когда она пыталась нам продать билеты на бал клуба консерваторов... Она казалась такой чопорной, такой уверенной, такой нетерпимой к идеям других». Ей не сулили «великого» будущего, ибо «в те счастливые годы мы не думали, что кто-то, такой скучный и нудный, как она, сможет подняться до первых рядов». Но Мэгги смеялась над теми «бандерильями», которыми пытались ее уязвить. Напротив, они ее раззадоривали. Ее преследуют, травят? Ну и пусть! Она-то знает, что должна осуществить свою миссию. Ее не приглашают в гости и к ней не приходят? Ничего, придет день и она возьмет реванш. Сейчас как раз настало время «не идти за толпой», как говаривал ей ее отец.

К тому же активная деятельность Маргарет в Консервативной ассоциации открыла ей доступ в мир элиты партии консерваторов. Она организовывала дебаты с Питером Торникрофтом^[57], Алеком Дуглас-Хьюмом, сэром Энтони Иденом, «наследником Черчилля»^[58]. Кроме возможности бывать на конференциях, вызывавших большой интерес Мэгги, принадлежность к правлению ассоциации позволяла ей принимать участие в особых обедах, устраиваемых в честь почетных гостей, куда приглашали лиц, имевших заслуги перед партией; давали эти обеды в известном ресторане Оксфорда. Для Мэгги, возможно, это была единственная возможность обратить на себя внимание и обзавестись адресами и номерами телефонов тех, кто мог бы пригодиться в дальнейшем.

Однако светские обязанности и развлечения наводили на нее скуку. Ничего не поделаешь, это было всего лишь средство для достижения цели, а не сама цель. Маргарет создавала рабочие группы при Центральном бюро партии, то есть создавала нечто вроде «мозговых центров» для выработки политики в разных сферах. Кстати, это было время, когда партия консерваторов, еще не пришедшая в себя от поражения, нанесенного ей лейбористами во главе с Эттли, с большим трудом пыталась выработать последовательную доктрину. Часть лидеров партии полагала неизбежным

частичное обобществление экономики. Состоявшее из деятелей столь различных между собой, как Р. Батлер, Квентин Хуг и лорд Хичингбрук, это движение, именовавшееся «прогрессистским консерватизмом», зашло довольно далеко. Один из рупоров этого движения, Джулиан Эймери, высказывался в том духе, что «либеральный капитализм так же мертв, как и аристократический феодализм».

Маргарет не спорила и не ссорилась со «старыми крокодилами», красовавшимися на трибунах. Но в одном из докладов рабочей группы, который она составила вместе с Майклом Кинчин-Смитом и Стэнли Моссом, уже появились ростки того, что впоследствии станут называть тэтчеризмом: «Возможность индивидуума вести достойную жизнь должна быть главным критерием любой политики <...>. Человек важнее системы <...>. Частное предприятие — двигатель всякого прогресса». Особенно Маргарет настаивала на необходимости создания нового образа партии консерваторов, нового имиджа партии честных и порядочных людей, рабочих, мелких собственников, мелких предпринимателей, «ибо политика партии консерваторов в глазах общественного мнения представляет собой всего лишь цепь административных, управленческих решений частных проблем, связанных в некоторых сферах с дурацкими предрассудками и с эгоистическими интересами зажиточных людей».

Маргарет вернулась к этому вопросу в марте 1946 года, на конгрессе Федерации консерваторов — выпускников университетов и Ассоциации юнионистов, проходившем в гостинице «Уолдорф» в Лондоне. Без сомнения, не случайно она посвятила одну из первых своих публичных речей необходимости радикальных изменений в консерватизме, чтобы он «перестал выглядеть одновременно несерьезным и устаревшим». Ее программа не предусматривала создания «совершенно бесклассового и совершенно лицемерного общества», а призывала к созданию такого общества, в котором каждый мог бы развивать свои способности, быть созидателем и героем собственной жизни. В этой программе рассматривалась не только экономика. Были в речи нарождающейся звезды и некие черчиллиевские нотки, призыв, обращенный к человеку, ниспосланному Провидением, было и нечто пророческое. Маргарет завершила речь такими словами: «Мы все слышали, как про наше время говорили, что это будет эпоха обычного, заурядного человека. Но не забудем про то, что нужны и люди необыкновенные».

Ежегодная конференция партии консерваторов в Блэкпуле, на которой Маргарет в октябре 1946 года присутствовала в качестве представительницы университетской Консервативной ассоциации,

окончательно убедила ее в том, что лидеры партии, за исключением Черчилля, не являются теми выдающимися деятелями, в которых так нуждается страна. Она была поражена контрастом между рядовыми делегатами, готовыми к активным действиям вплоть до рукопашной, и правящей верхушкой партии, «готовой от своего имени во имя консерватизма согласиться на установление социализма в Британии». По мнению рядовых делегатов да и самих руководителей партии, высшие должностные лица уже потерпели поражение. Чужие идеи поразили их разум, как заразная болезнь. Как тогда тонко подметил наш соотечественник Бертран де Жувенель, чьи слова Маргарет Тэтчер процитировала в своих мемуарах, «в глубине души эти породистые борзые, с самых юных лет воспитанные для осторожного управления и для ведения любезных разговоров, были весьма близки к тому, чтобы признать свое поражение на выборах 1945 года окончательным»^[59]. Как раз этого юная Маргарет не хотела ни за что на свете. Вот почему она довольно сдержанно и настороженно приняла партийный манифест 1947 года под названием «Промышленная хартия». Этот документ предусматривал сохранность единства тори путем принятия принципа кейнсианства, но с условием согласования этого принципа с определенными требованиями в сфере эффективности и конкурентоспособности. В нем не были затронуты вопросы увеличения государственных расходов ради поддержания занятости на определенном уровне, как и вопросы планирования и ведения диалога между социальными партнерами. Также не было речи и о национализации. Экономика должна была просто немного изменить вектор развития в сторону большего либерализма: в стране должно было стать поменьше чиновников, поменьше контроля, поменьше налогов. Учитывая тот факт, что подобные документы не слишком удобочитаемы, они «не мобилизуют толпу».

Однако Маргарет хранила молчание по сему поводу. Она копила свои аргументы, дабы выложить их в тот день, когда придет ее черед действовать и говорить. В этот период она много читала, в основном книги, о которых мы поговорим позже, когда будем рассматривать основы тэтчеризма: «Дорога к рабству» Фридриха фон Хайека, «Кто есть народ» и «Наши новые хозяева» Броугана (Брогана), «Ноль» и «Бесконечность» Артура Кестлера, «Открытое общество и его враги» Карла Поппера. При чтении этих основополагающих книг Маргарет не обрела новых убеждений, они просто дали ей в руки оружие, чтобы подкрепить уже сформировавшиеся идеи: что социализм ведет к установлению тоталитаризма, что капитализм — это единственная система, способная

гарантировать свободу личности и процветание, что марксизм — это опасная химера, скрывающая за слащавыми речами отвратительную окровавленную морду. В этом смысле Маргарет безо всякого кокетства могла утверждать, что «ее идеи окончательно сформировались в Оксфорде».

Именно в эти годы она осознала, что желает стать членом парламента, депутатом палаты общин. Это стало мечтой, причем вполне достижимой. В тот период как раз было увеличено вознаграждение депутатам (с 400 до 1000 фунтов стерлингов в год), что позволяло небогатым депутатам жить на парламентское жалованье. Кроме того, по инициативе лорда Вултона партия консерваторов приняла решение избавить кандидатов от расходов на их избирательную кампанию. Короче говоря, теперь не было обязательным иметь солидное состояние, чтобы стать членом парламента от партии тори^[60]. Итак, Маргарет теперь могла вступить в борьбу за депутатский мандат. Она утверждает, что такую мысль внушил ей в 1946 году один ее друг на коктейле у Маргарет Гудрич, из ее редких знакомых по Грантему, прошедшей курс обучения в Оксфорде и затем сделавшей карьеру актрисы, причем актрисы успешной. Так вот, якобы этот друг Маргарет сказал ей после того, как она произнесла блестящую речь: «То, чего вы действительно хотите, так это стать членом парламента». Возможно, это было как озарение, как искра, как щелчок, предрешивший все расставить по местам. Но вообще-то это маловероятно, потому что подобные решения редко принимаются наспех, они являются результатом серьезной внутренней работы и постепенного возмужания. Может быть, ей хотелось слыть как бы призванной гласом общественного мнения, что более лестно. В любом случае это решение Маргарет было не только проявлением ее приверженности партии тори, но также свидетельством ее смелости и мужества, даже дерзости, потому что в то время в палате общин была только одна женщина-депутат от партии консерваторов, леди Дэвидсон.

Да, но какой путь ей предстояло еще проделать! Пройти курс обучения красноречию при Центральном бюро партии, завоевать доверие партии, получить одобрение, найти подходящий округ, где освобождается место депутата, и лишь затем быть избранной. Мисс Робертс понимала, что все это не осуществится в один миг. Покидая Оксфорд в 1947 году, она знала, что прежде всего ей придется позаботиться о том, чтобы заработать себе на жизнь, как знала и то, что «химии недостаточно, чтобы стать членом парламента». Поэтому, едва завершив учебу и приступив к работе, она вновь бросает себе вызов: «Я должна изучить право», ибо эта дисциплина

— королева законодателей.

Молодой химик

Дипломированной особе, только что закончившей Оксфорд, всего лишь 21 год. Похоже, она испытала кое-какие трудности при найме на работу. Маргарет рассылала свои резюме по всей стране и участвовала в собеседованиях, но своих собеседников, вероятно, отпугивала слишком твердым характером, а также явно ощутимым желанием командовать и все реорганизовывать. В ходе собеседования в Ай-си-ай (Имперском химическом тресте) директор службы человеческих ресурсов делал заметки, которые ей удалось впоследствии прочесть: «Эта девушка является слишком сильной личностью, чтобы работать у нас».

В конце концов Маргарет устроилась на работу в «Бритиш зайланит пластикс». Это была развивающаяся компания, сумевшая воспользоваться послевоенным бумом и модой на пластические материалы; впоследствии она была перекуплена еще более крупной компанией «Бритиш пластике». С производственных линий этой компании сходили товары народного потребления и материалы для промышленности, в том числе и такие, как фото-и киноплёнка, изоляционные материалы, обеспечивающие непроницаемость и герметичность.

И вот Маргарет оказалась запертой в лаборатории вместе с семьюдесятью исследователями в местечке Мэннингтри, пригороде Колчестера, в 50 километрах от Лондона.

Жизнь была всякой, но только не радостной. Сослуживцы, из которых только десять человек обладали университетскими дипломами, ей не нравились. Персонал лаборатории состоял из людей малокультурных, ограниченных, с которыми Маргарет не о чем было разговаривать. Это были ученые и исследователи-естествоиспытатели, далекие от проблем большого мира, которых интересовали только их скромные исследования и их скромная жизнь. К тому же при найме на работу ее соблазнили тем, что она станет помощницей начальника отдела, а в результате она оказалась наравне с другими сотрудниками работающей в паре над изучением атомов углерода. Она вновь ощущала свое одиночество. Ее сослуживцы снимали жилье совместно, по двое-трое человек, она же предпочла снять отдельную комнату у молодой вдовы, чей муж погиб на войне. Одета с головы до ног в вещи от «Берберри», Маргарет своим внешним видом отличалась от других научных сотрудников, одетых небрежно и порой выглядевших

замарашками. Она всегда носила «элегантную одежду, элегантные деловые костюмы и элегантные перчатки», вспоминает ее квартирная хозяйка, а сын директора компании утверждает, что «она была единственной женщиной в лаборатории, про которую можно было сказать, что она прекрасно выглядела». Маргарет ни от кого не скрывала своих политических амбиций и смотрела на всех сверху вниз, по крайней мере, так ее воспринимали и называли «Герцогиней», «Снобкой Робертс» или «Тата Мэгги» («Задавака Мэгги»).

Настоящая жизнь Мэгги протекала в других местах: в приходе местной методистской церкви, а в особенности в клубе молодых консерваторов Колчестера. В конце 1947 года она взяла в свои руки управление клубом, и за год число его членов выросло с трехсот пятидесяти до трех тысяч человек. При ней резко увеличилось количество собраний и митингов, которых в 1948 году было более девяноста. Тогда как для большинства молодых консерваторов важно было просто хорошо провести время среди людей одних с ними убеждений, быть может, найти родственную душу, то для Маргарет работа в клубе была подготовкой к политической борьбе. Она энергично руководила работой так называемой «группы 39/45», в которой велись оживленные диспуты о том, как извлечь уроки из опыта, обретенного в годы войны. Формально она являлась всего лишь одной из второстепенных фигур в этой группе, на деле же очень быстро стала ее лидером.

Но все происходящее в Колчестере было всего лишь легкой забавой, «развлечением для уст». Что действительно интересовало Маргарет, так это Центральное бюро партии консерваторов, генеральный штаб, где решались вопросы формирования правительства. В 1948 году она представляла Ассоциацию выпускников Оксфордского университета на конгрессе партии в Ландадно. Лейбористы, находившиеся у власти, приняли решение отменить так называемый плюральный вотум^[61], и Мэгги считала себя просто обязанной взять слово, чтобы защитить эту многовековую привилегию университетов королевства. В последнюю минуту ее выступление решено было заменить выступлением делового человека из Сити, к тому же убежденного сединой на военной службе. Какое разочарование для Мэгги! Но в этот миг судьба сделала крутой поворот. Один из ее старых друзей по Оксфорду, Джон Грант, сказал ей, что Джон Миллер, председатель Союза консерваторов Дартфорда, в графстве Кент, уже более года ищет достойного кандидата на место депутата^[62]. Увы, это был бесперспективный округ, в котором невозможно было одержать победу,

поскольку лейбористы имели там преимущество в 20 тысяч голосов, ибо проживали в нем в основном рабочие, занятые в тяжелой промышленности, традиционный электорат лейбористов. Да и сам Джон Миллер сначала не слишком был вдохновлен такой перспективой. Не грозит ли консерваторам катастрофа с этой женщиной в костюме из дорогой ткани, оказавшейся среди рабочих в спецовках, лицом к лицу с мужским братством посетителей пабов? Но одного обеда с ней было достаточно, чтобы ветер подул в противоположную сторону. Председатель местного Союза консерваторов и председательница Союза женщин Дартфорда были покорены.

Пройдя в 1948 году предварительный отбор в Центральном бюро партии консерваторов и получив одобрение, в 1949-м Маргарет впервые предстала перед исполнительным комитетом окружной партийной организации Дартфорда. Атмосфера была напряженной. Многие старые партийцы задавались вопросом: что собирается делать эта женщина в краю закопченных стен и дымящихся доменных печей? Как и четыре других претендента на вакантное место, Маргарет должна была произнести пятнадцатиминутную речь, а затем ответить на вопросы. И она впервые публично «завела свою песню», которую затем повторяла без устали: «Правительство должно сделать то, что сделала бы любая хорошая хозяйка при ограниченных средствах: посмотреть счета, поразмыслить над расходами и исправить допущенные ошибки». Маргарет вложила в свои слова такую патристическую страсть, усиленную к тому же постоянными упоминаниями о понесенных во время войны потерях и трудах Черчилля, что произвела на собравшихся большое впечатление. Она предала порицанию налоговую политику и придирчивый контроль администрации, так как эти меры, по ее мнению, сковывали дух предпринимательства. На Маргарет обрушился шквал вопросов. Блистая познаниями, она поразила всех своей компетентностью, заходя все узнав об этом округе. Несмотря на ворчание одного из конкурентов, почему предпочтение должно быть отдано «какой-то двадцатитрехлетней девчонке», она легко его одолела в споре, как и других, хотя конкуренция была довольно острой. Среди кандидатов, к примеру, был Энтони Кершо, выпускник Итона, образец консерватор-дворянина, который также будет заседать в палате общин с 1955 по 1987 год и даже председательствовать в Комиссии по иностранным делам с 1979 по 1987 год.

Одобрение Центрального бюро было всего лишь формальностью. К тому же Маргарет со своей свеженькой девичьей мордашкой могла внести живую, омолаживающую струю в партию консерваторов, состоящую из

почтенных джентльменов, облаченных в солидные костюмы в полоску из магазинов на Сэвил-роуд. Она завоевала сердца некоторых партийцев, обретя таких горячих сторонников, как Берил Кук, бывший уполномоченным лицом партии в графстве Кент.

Маргарет было 24 года, и она впервые была выдвинута партией как кандидат, вступающий в борьбу за мандат депутата. Теперь очередь была за ней: она должна была показать, что сумеет повести свою «армию» в бой, высоко держа знамя партии консерваторов. Пришло время действовать.

Дартфорд — первый опыт электоральной борьбы

Маргарет пообещала избиркому блистать остроумием, показать себя во всей красе и все отдать своему округу. Сказано — сделано! Она покинула Колчестер, переехала в Дартфорд и нанялась на работу в лабораторию предприятия Дж. Лайонза в Хаммерсмите, к западу от Кенсингтона, где производили продукты питания. Теперь она ежедневно приобщалась к жизни, которую вели многие англичане, принадлежавшие к среднему классу и жившие в пригородах, а работавшие в крупных городах: вставала в шесть часов утра, садилась в автобус, доезжала на поезде до Чаринг-Кросс-Стейшн, затем снова садилась в автобус. И так каждый день, туда и обратно. Работа оказалась смертельно скучной: надо было проводить тестирование органолептических качеств мороженого, печенья или консервов. Но какое это имело значение, ведь она стала ближе к «своему» округу.

Из-за нехватки времени, а на сон оставалось всего лишь четыре часа, Маргарет вынуждена была множество дел делать одновременно, совмещая работу, встречи с уважаемыми гражданами округа, чаепития с уполномоченными лицами партии, то есть с членами семейства Миллеров, а также поквартирный обход домов. Она не пренебрегала ни одним поводом, чтобы познакомиться с избирателями, хотя даже дата выборов еще не была определена.

Там, где многие консерваторы побоялись бы испачкать свои холеные руки, пожимая руки слишком уж плебейские, там, где многие женщины побоялись бы грубой мужской фамильярности, Маргарет легко и просто шла на контакт — на заводах, среди холмов, на кухнях, в пабах или в грязных, мрачных дворах социальных домов. Когда лейбористы преграждали ей проход, она приглашала их на собрания Союза консерваторов, и они признавали себя побежденными. Она производила

фурор своими упоминаниями о «корзине домохозяйки» и тем, что вместо общих рассуждений, столь дорогих политикам, говорила о фунте ростбифа, килограмме муки и стоимости жизни. Ее колкости в адрес лейбористов били в цель, попадая в самую точку, тем более что мясо и хлеб пока еще выдавались по карточкам и на память приходили длинные очереди безработных 1930-х годов. К тому же Маргарет атаковала лейбористов на их же собственном поле. Как-то в 1948 году Анейрин Бивен, принадлежавший к крайне левому крылу партии лейбористов, забыл про правила честной игры, которой так славились английские политические деятели, и обозвал консерваторов «грызунами-паразитами». Маргарет с блеском этим воспользовалась. Вместе с другими молодыми тори она прикрепила к бутоньерке маленькую синюю крыску, а синий цвет — традиционный цвет партии консерваторов, и объявила конкурс среди членов партии, входивших в Союз консерваторов Дартфорда: кто приводил десять новых членов, получал звание «отвратительных грызунов-паразитов», кто приводил 20 — «мерзких грызунов-паразитов», а те, что приводили более тридцати новых членов, именовались «королями крыс». Успех был обеспечен. Менее чем за полтора года число вновь вступивших в партию выросло на 40 процентов!

Маргарет к тому времени уже сумела обзавестись новыми друзьями и верными сторонниками. Тогда как большинство политиков доверяли своим секретарям благодарить рядовых членов партии за повседневную работу — расклейку плакатов, раздачу листовок, участие в благотворительных базарах, она благодарила их лично, отправляя каждому благодарственное письмо. Только в мае 1949 года она разослала более семисот таких писем.

Маргарет не забывала также использовать свою женственность, хотя и не отличалась особой красотой. Надо признать, что она со своим острым носом, серо-голубыми глазами с металлическим отблеском, застывшей улыбкой, иногда напоминавшей оскал, со своим несколько старообразным лицом и старомодным видом не принадлежала к числу тех, кто заставляет чаще биться сердца. Она казалась слишком суровой, чопорной, жесткой. Но постепенно она постигала науку публичного поведения и сумела заставить людей оценивать ее по достоинству. С плохо скроенными платьями и костюмами, коими она столь невыгодно отличалась от других студенток в Оксфорде, было покончено. Теперь она всегда была элегантно одета, превосходно пострижена, носила шляпку. Казалось, она интересовалась каждым, с кем приходилось общаться, и люди поддавались ее очарованию, в том числе и представители прессы. В 24-летнем возрасте ее уже представляли как «самую гламурную из кандидаток в депутаты», как

хрупкую юную девушку, оказавшуюся в политическом болоте среди крокодилов от политики. «Лайф» и «Иллюстрейтед Лондон ньюс» посвящали ей статьи, а следом за ними и некоторые немецкие газеты и журналы. Короче говоря, она была «запущена на политическую орбиту», становилась известной и не собиралась останавливаться.

Вместе с тем она понимала, сколь важна для нее поддержка национальных лидеров. Ей удалось заманить Энтони Идена, наследника Черчилля, на большой митинг консерваторов, проходивший на городском стадионе Дартфорда. И на других соискателей депутатского мандата от графства Кент она производила очень сильное впечатление, а ведь среди них находился и Эдвард Хит, будущий премьер-министр, который остановит на ней свой выбор, назначив на должность министра образования.

Наконец в 1950 году настал «час истины». Выборы были назначены на 28 февраля. В качестве соперника Маргарет выступал Норман Додд, лейборист «старой школы», уважавший своих противников в зависимости от твердости их убеждений. В лице Маргарет он получил, что хотел. Он согласился на публичные дебаты с ней и даже танцы в общественном месте, а когда в какой-то газете было замечено, что он больше ценит ее женское очарование, нежели ум, вынужден был позаботиться о том, чтобы газета напечатала опровержение.

Занимая крайне правую позицию, Маргарет чувствовала себя превосходно, потому что ее линия совпадала с линией партии, перегруппировавшейся под лозунгом Черчилля: «Дайте им свободу», то есть свободу предпринимательства; партия консерваторов обещала также остановить национализацию и предоставить благоприятные условия для инициативы в сфере экономики. Маргарет напоминала тем, кто слушал ее, что «в 1940 году не голос процесса национализации сказал нам, что мы правы, и дал нам возможность одержать победу над тоталитаризмом. Это сделал голос свободы». Она возмущалась по поводу девальвации фунта стерлингов. Она сулила, что при консерваторах можно будет «смотреть доллару в глаза». Она восклицала: «Мы верим в свободу западного образа жизни. Если мы будем следовать по этому пути упорно и с верой в сердце, нам нечего бояться коммунистической России!» Она всегда воодушевлялась, когда кричала: «Бей красных!»

Начались недели, которые она назвала «самыми изматывающе-тяжелыми» в своей жизни. «В отличие от современных избирательных кампаний мы проводили собрания при большом наплыве народа», — пишет Маргарет. Несмотря на холод и сырость ветреного и ледяного

февраля, «мы очень часто ходили от двери к двери, а чтобы немного отдохнуть, произносили речи, используя мегафон». Воодушевление дебютантки привлекало толпы любопытных, в особенности женщин. На ее митингах в среднем присутствовало около трехсот человек, а у Нормана Додда — не более семидесяти. Она повсюду ходила в своей черно-белой шляпке, украшенной синей гвоздикой, словно это был шлем полководца, к которому, завидев этот шлем, должны были присоединиться воины; конечно, это выглядело довольно забавно, особенно когда она, по ее же словам, «взбиралась на ящики с мылом в торговом центре». Она была далека от осторожности, к которой привыкли партийные старцы, и из их несколько невнятной программы выбирала для себя лозунги, повергавшие в шок: «Голосуйте за правых, чтобы пойти влево!» или: «Конец хаосу, всех в тюрьму!» У Маргарет не было чувства ложного стыда, не было комплекса крупной буржуазии перед лицом денег, не было поиска консенсуса; для нее главным была борьба, в которой можно было победить только кулаками на ринге.

Действовала Маргарет настолько эффектно, что представитель, делегированный на выборы Центральным бюро партии, писал: «...члены партии полагают, что у нее есть шанс, и я опасаясь их разочаровывать, говоря им правду». Действительно, чуда не произошло. Она получила 24 тысячи голосов, а Норман Додд — 38 тысяч. Но она «отхватила» у него шесть тысяч голосов по сравнению с предыдущими выборами! Превосходство лейбористов над консерваторами сократилось на треть! Короче говоря, в другом округе, где победа была бы возможна, она бы ее наверняка одержала.

Этот хороший результат парадоксально выявил и удивительную уязвимость этой умной женщины. «Одна гадалка, предпочитавшая использовать драгоценные камни, а не хрустальный шар, попросила меня снять мое жемчужное ожерелье, чтобы она могла к нему прикоснуться, — пишет Маргарет в мемуарах, — и она передала мне сообщение, внушавшее большой оптимизм, она сказала: „Вы станете великим деятелем... как Черчилль“. С тех пор я считаю это ожерелье своим талисманом, и он никогда меня не подводил». Да, будущая «Железная леди» не была исключением из сильных мира сего, она была жутко суеверной, как Людовик XI и Николай II, как Рудольф II Габсбург и его алхимики, как Франсуа Миттеран и Элизабет Тессье.

В любом случае успех Маргарет был столь значителен, что председатель парламентской группы от графства Кент, сэр Альфред Боссом, пригласил ее на обед, который дал в честь вновь избранных

депутатов в своей резиденции по адресу Карлтон-Гарден, 5. Для нее это было чем-то вроде «посвящения в члены парламентского сообщества». Этот роскошный дом стал центром светских развлечений тори. Хозяин дома представлялся в качестве наследника леди Лондондерри, великой организаторши празднеств консерваторов довоенной поры. Все знаменитости из мира политики и деловых кругов бывали там, вернее даже толкались, стремясь выделиться. Быть принятой в этом доме означало быть «посвященной в рыцарское достоинство» и стоило дорогого. Сэр Боссом навсегда остался другом Маргарет.

Кстати, вообще-то результаты выборов по всей стране в 1950 году оказались для консерваторов весьма плачевными, потому что они не добрали пяти голосов до абсолютного большинства. Таким образом, Эттли мог остаться у власти. Но было ясно, что это всего лишь отсрочка.

В октябре 1951 года Англию вновь призвали к избирательным урнам, и Маргарет опять предстала в качестве кандидата. Она была счастлива, так как ничто не доставляло ей такого удовольствия, как «пойти на штурм в неблагоприятной среде, в окружении врагов». Политическое положение и война в Корее были на руку консерваторам. Маргарет удалось «отгрызть» у Нормана Додда еще более тысячи голосов. Черчилль, на этот раз победивший на выборах, вернулся во власть. Что касается Маргарет, то она скоро покинет Дартфорд, ибо ей требовался более подходящий округ, где она могла бы одержать победу. Как бы там ни было, она оставила по себе хорошую память. Местный Союз консерваторов преподнес ей в подарок роскошное серебряное блюдо и выразил свои чувства в таких выражениях: «Теперь благодаря Вам Дартфорд нанесен на карту».

Муж, который ей нужен: Деннис Тэтчер

Годам, проведенным в Дартфорде, она обязана «решающей» встрече. В феврале 1949 года семейство Совардов, игравшее заметную роль в Союзе консерваторов, дало обед в честь Маргарет. Среди приглашенных был молодой человек, 33 лет от роду, высокий, элегантный, с положенной британскому джентльмену полуулыбкой, некий Деннис Тэтчер. Он в то время был генеральным директором «Атлас презервейтив компани», прекрасной процветающей компании, основанной его дедом, производившей краски и прочие химические средства. Он уже многое испытал в жизни, пережил и перестрадал, в том числе женитьбу на взбалмошной, ветреной девице, чертовски хорошенькой, которая его

соблазнила, привела к алтарю, а затем весело ему изменяла направо и налево, пока он рисковал жизнью на фронте в Италии. «Дьявол во плоти» забавен и привлекателен только в произведениях Радиге и ему подобных писателей, но не в жизни. Для Денниса возвращение на родину стало возвращением не героя, а рогоносца, поруганного и осмеянного. Он развелся, решив начать жизнь заново и больше не иметь дела с очаровательными легкомысленными красотками. Он хотел создать прочную семью с какой-нибудь порядочной, солидной, как говорится, «основательной» девушкой, пусть и менее «гламурной», чем его первая жена. Он ждал своего часа.

В тот вечер, в феврале 1949 года, он вел себя более свободно, нежели обычно, так как был чуточку пьян. Консерватор старой школы, очень похожий по типу на майора времен колониальных войн, закованный в броню викторианских принципов и имперской уверенности в непогрешимости Британии, он любил простые истины и ценил схватки и стычки. После окончания обеда он предложил себя в провожатые почетной гостье. Маргарет согласилась. Во всем этом не было ничего похожего на удар молнии. Вот как она описала их встречу: «Он знал о политике примерно столько же, сколько и я, а в экономике понимал гораздо больше. Его профессиональный интерес к живописи и мой — к химии представляли собой узы не слишком романтические, но свидетельствовали об общей страсти к науке <...>. Путь мы тогда проделали не очень длинный, но у нас, как оказалось, было достаточно времени, чтобы найти еще кое-какие общие точки соприкосновения и совпадения интересов. Деннис много читал <...>. Казалось, он знал наизусть все статьи из „Экономиста“ и „Банкира“».

Мэгги тоже хотела иметь рядом с собой скалу. У нее не было лишнего времени, чтобы тратить его попусту со всякими пошлыми фатами. Итак, несмотря на очень напряженный ритм жизни мисс Маргарет, они регулярно встречались в маленьких итальянских ресторанчиках в Сохо или в более роскошных заведениях, таких как «Уайт Тауэр Фитцровия» («Белая башня Фитцровия»). Иногда ходили в театр или в оперу, но больше всего любили споры на политические темы в тиши возле камина. Деннис помогал ей в проведении избирательной кампании. Он соблазнил ее своим шиком и элегантностью. «У него был свой стиль, и он был умен. Он был влюблен в спортивные машины и ездил на „ягуаре“». Какой же резкий контраст он составлял с простоватыми желторотыми птенцами из Грантема, с теми грубыми мужланами, которых она встречала на собраниях пресвитериан, с теми пьяными фермерами, за одного из коих вышла замуж ее сестра! Если

он и не мог ввести ее в высшее общество, то все же это был «славный добрый малый», выпускник паблик скул, вполне обеспеченный, способный дать ей благосостояние и уверенность в жизни. Его возраст внушал ей доверие. Быть может, она, сама того не сознавая, старалась найти человека, похожего на ее отца, кем она так восхищалась, некоего нового Альфреда Робертса, который мог бы подставить ей крепкое плечо. Да и физическое сходство этих двух мужчин просто поразительно. Маргарет пишет: «Так как он был на десять лет старше меня, то он и жизнь знал лучше». Кроме того, он воевал. Она могла себя чувствовать превосходно в тени офицера, ведшего своих солдат в атаку на покрытом редкой растительностью берегу у Монте-Кассино под шквальным огнем артиллерии линии Густава.

Даже в то время, когда Деннис ухаживал за Маргарет, они оставались очень независимы друг от друга. Для нее главным была политика, для него — матчи регби, крикета, партии в гольф, автогонки и охота. В декабре 1950 года он подарил ей хрустальную пудреницу с серебряной крышечкой. Она была очень взволнованна, чувствуя, что приближается нечто серьезное. В сентябре 1951 года Деннис попросил ее руки, окончательно решив, что «это она». Ее жизненная сила, ее воля, ее смелость вдохновляли его и даже восхищали. К тому же он понимал, что она не будет надоедливой язвой, требующей, чтобы он всегда был около ее юбки, и просящей ласк и баловства. Он сможет и дальше вести привычный образ жизни и делать карьеру. Что до нее, то и она понимала, что он будет хорошим, достойным мужем, уважающим ее жизненный выбор, не требующим от нее быть смиренной домохозяйкой, которую держат в доме только для того, чтобы она ежевечерне приносила ритуальную рюмку виски, в ожидании того, когда господин соизволит сесть за стол. Для человека, родившегося в 1915 году, это был замечательный союз. Он был совершенно согласен с тем, что сказала однажды Мэгги в интервью, данном «Санди диспеч»: «Женщина должна сохранять мир с мужем. Если у нее нет интересов вне семьи, ей не о чем будем с ним говорить». Без сомнения, она думала о своей матери...

Словом, в ответ на его предложение она сказала «да», тем более что и сэр Боссом ей посоветовал «довести дело до удачного завершения». Чтобы действительно устремиться в пучину политики, ей необходимы были материальное благополучие, которое освободило бы ее от всяческих забот, а также муж, которого не стыдно было бы представить избирателям, достойные дети, дом, куда можно было бы приглашать гостей. Да, трудно было бы придумать что-то менее романтическое, но трудно было бы себе представить и что-то более надежное.

Это был приемлемый, удобный брак, заключаемый на основе сходства

характеров, но гораздо более прочный, чем множество союзов, заключаемых скоропалительно под воздействием весны, страсти и распадающихся слишком быстро в осеннюю пору умирания любви. Эта чета будет жить очень хорошо. Деннис согласится играть роль принца-консорта. К большому сожалению биографов, всегда падких на всякие пикантные истории, в их жизни невозможно найти хотя бы малейший сучок или задоринку. По-видимому, они оба раз и навсегда отказались от мыслей о незаконных любовных похождениях. В семействе Тэтчеров викторианская мораль не была лицемерием, достойным Тартюфа. Сорок пять лет спустя Маргарет напишет: «Мой брак — это одно из самых лучших дел в моей жизни». После смерти Денниса (26 июня 2003 года) она так до конца и не оправилась. Первые симптомы болезни, подтачивающей сегодня ее здоровье, проявились именно тогда. Кэрол, их дочь, напишет в книге, посвященной отцу: «Это был счастливый брак, это было соглашение, основанное на общих ценностях и на молчаливом согласии предоставить друг другу свободу <...>. В нем не было проявлений собственнического чувства, а были только уважение и верность».

Свадьба состоялась 13 декабря 1951 года. По обычаю церемония бракосочетания должна была бы происходить в Грантеме, так сказать, «у невесты». Однако обычаями пренебрегли, и церемония совершалась в Лондоне, в Уэсли Чэпел (Уэслианской церкви), в «методистском соборе», в районе Барбикан. Будущая мисс Тэтчер несомненно хотела забыть «самый скучный городок Англии» и «душок» лавки и хотела, чтобы это забыли другие. В то время она еще не пользовалась своим простонародным происхождением как щитом против нападок тех, кто упрекал ее в политике, «благосклонной» по отношению к привилегированным слоям общества; напротив, она хотела быть леди... На свадьбе, кроме ее родных, из Грантема со стороны Маргарет никого не было; были друзья Денниса и кое-кто из мира политики. Мэгги была великолепна в синем бархатном костюме и в роскошной шляпе, украшенной страусовыми перьями. Можно было подумать, что она только что сошла с картины Викторианской эпохи. Это была представительница мира Джеймса Айвори, а не мира Кена Лоуча. Венчание совершил пастор Скиннер, друг, когда-то открывший для Маргарет прелесть Лондона. Однако был у этой свадьбы некий привкус вероотступничества, потому что Деннис принадлежал к Англиканской церкви и женился вторично по канонам методистской церкви, потому что в те времена Англиканская церковь не позволяла разведенным вступать в брак повторно. Но старый Альфред чувствовал, что его дочь сближается с Англиканской церковью. Этот старый человек мог бы сказать об этом браке

так: «Полпути к Риму пройдено», а в его устах такие слова не звучали как комплимент.

Прием, устроенный в честь молодоженов, более походил на собрание тори, чем на семейный праздник. Сэр Альфред Боссом предоставил для такого случая свою резиденцию в Карлтон-Гарден и организовал празднество на поле для игры в гольф, где были установлены шатры с закусками и шампанским; он надеялся, что на фоне коротко подстриженного газона будут по достоинству оценены те, в ком он надеялся увидеть «звездную чету» британской политической жизни. Он и представить себе не мог, насколько жизнь превзойдет все его ожидания.

Свадебное путешествие, похожее на свадебные путешествия многих молодоженов, было наполнено отдыхом и развлечениями, но не была предана забвению и работа. Они улетели на две недели на Мадейру, где остановились в отеле «Райдс», образчике старых гостиниц, где все было обустроено на английский лад и соответствовало вкусу англичан, где к обеду выходили в смокингах, а потом выкуривали сигару в тени апельсиновых и лимонных деревьев. Но на второй неделе Деннис уже должен был совершить краткий вояж в Португалию, чтобы провести переговоры об экспорте красок. И все равно для Мэгги это был чрезвычайно приятный и полезный опыт. Она впервые летела на самолете, впервые по-настоящему отдыхала, впервые покинула пределы Соединенного Королевства...

Она была готова к новой жизни.

В ожидании подходящего округа Мэгги производит двойню

Брак и обретенное материальное благополучие, однако же, не способствовали ускорению политической карьеры Маргарет, напротив, она, казалось, топчется на месте. Вплоть до 1959 года она больше не испытает хмельного состояния избирательной кампании, того счастья борьбы, когда в качестве ставок фигурируют национальные интересы.

Правда, у Маргарет нашлось множество иных дел. Прежде всего, ей пришлось заняться обустройством собственного гнезда, «своего дома», столь дорогого сердцу каждого британца. Сейчас слишком сильны тенденции рассматривать молодую Маргарет Тэтчер в образе будущей «Железной леди». Но в то время она была просто молодой женой, как все молодые жены, ну, или как почти все. Она переехала в квартиру Денниса в доме на Суон-корт, в районе Челси. Как и всякая молодая жена, она хотела

«наложить свой отпечаток» на облик холостяцкой квартиры Денниса. Именно тогда у нее проявилась черта характера, которая останется навсегда. Она считала, что многое может делать сама куда лучше, чем любой специалист. И хотя доходы молодой четы позволяли ей нанять оформителя или, как сейчас говорят, дизайнера, она сама выбирала ткани, ковры и обои в лавках на Кингз-роуд. Более того, она сама клеила обои, взобравшись на стремянку. Кроме того, она, наконец, могла немного пожить в свое удовольствие, ходить по магазинам, покупать модные вещицы, не опасаясь отцовского неодобрения. «Быть молодой женой и вести столь приятный образ жизни — всегда такое наслаждение <...>. В 50-е годы это был настоящий рай <...>. Карточная система была отменена <...>. После скуки функциональной одежды мода завоевывала доверие при помощи широких юбок от Диора, платьев с изящными лифами и шляп в стиле Аскота».

Это было время, когда умер старый король Георг VI. Коронование молодой Елизаветы в июне 1953 года принесло свежий ветерок молодости и создало атмосферу задорной радости во всей стране. Чувство счастья — заразное чувство. Маргарет с волнением вспоминает о том, как они с Деннисом, «страстным приверженцем монархии», купили себе места на закрытых трибунах перед Вестминстером. Эта своеобразная выставка предметов роскоши и драгоценностей была как бы знаком окончания тяжелых и скудных времен войны, знаком возвращения благополучия, которое, как полагали, будет вечным, причем верили в это настолько свято, что некоторые комментаторы уже заговорили о «новом елизаветинском золотом веке». Вместе с Деннисом Маргарет отправлялась в отпуск в Рим или Париж, давала званые обеды, ходила в театр. Она любила жизнь и открывала в ней для себя что-то новое: «После двадцати лет страданий и жертв люди хотели развлекаться и пользоваться благами жизни <...>. Мы с Деннисом развлекались так же, как и большинство людей, и даже гораздо более, чем некоторые».

Хотя Маргарет и жила в Челси, районе интеллектуалов и артистов, она была очень далека от того кипения, умственного и духовного, что будоражило этот район. Однако в воздухе веял дух великих людей, когда-то проживавших там: Томаса Мора, Эразма Роттердамского, Данте Габриэля Россетти, Рескина и Генри Джеймса, а также многих других. В 1950-е годы это было царство «сердитых молодых людей». Вместе со своими пьесами, представленными на сцене театра «Ройял Корт», Джон Осборн бросал в лицо истеблишменту «горящие головни», которые никак не желали гаснуть. Челси стал своеобразным пантеоном английской молодежи; этот район,

воспетый музыкантами из группы «Роллинг стоунз», превратился в храм поп-музыки, в центр моды благодаря Мэри Куант, воспламенявшей чопорное, сдержанное либидо «старой доброй Англии» изобретением мини-юбки. Маргарет Тэтчер совершенно не ощущала духа времени. Кстати, она сама признавала себя «несовременной»: «Для меня рок-н-ролл в самом начале, когда загремели имена Билла Хейли и Элвиса Пресли, был всего лишь временным, вернее, кратковременным увлечением журналистов, которое и недели не продержится». Несомненно, нельзя быть более здравомыслящей и трезвой. Да, действительно, она не принадлежала к своему поколению...

В эти счастливые годы Маргарет познала и радость материнства. В августе 1953 года она родила двойню, Марка и Кэрол, появившихся на свет на полтора месяца раньше срока. Согласно легенде, Деннис, веривший в то, что роды пройдут успешно, в тот день отправился на международные соревнования по крикету, проходившие в Суррее, на стадионе «Овал». «В тот день он узнал две хорошие новости: что Англия выиграла „Эшиз“, кубок, вручаемый победителю на матчах по крикету между Англией и Австралией, и что он стал отцом двойняшек». Кстати, врачи якобы не сумели определить, что у Маргарет будет двойня, так что это действительно была приятная неожиданность. Если эта история и оспаривается некоторыми биографами Маргарет^[63], то все же она во многом соответствует тому мифу о Маргарет Тэтчер, который сложился благодаря некоторым чертам ее характера. Да, она любила все делать быстро и хорошо, вот и родила сразу двойню. И прекрасно! Не придется больше переносить тяготы беременности, можно будет подумать и о другом. Кстати, она предпочла не слишком долго возиться с младенцами. Правда, впоследствии она вступит в борьбу против такого явления, как «дети-ключники», то есть дети, возвращавшиеся домой самостоятельно, с ключами, висевшими на шее; она станет воспевать образцовых домохозяек и их добродетели, на себя эти правила не распространяя. Она заявит, что «если семейный очаг и является центром жизни, то все же он не должен быть границей стремлений, честолюбия и жажды успеха».

Вроде бы в этом есть противоречие, но противоречие лишь видимое. Маргарет признавалась, что имела возможность стремиться «к другим горизонтам», потому что могла рассчитывать на доходы Денниса и иметь няню, «чтобы та занималась детьми во время моего отсутствия; мне повезло, я могла быть одновременно и хорошей матерью, и делать профессиональную карьеру». Что правда, то правда — груднички Марк и Кэрол гораздо чаще видели няню Барбару, чем свою мать. Но, по

разумению Маргарет, качество превалирует над количеством. Когда она бывала с детьми, всегда принадлежала им полностью. Когда детям исполнилось пять лет, она провела долгие часы около плиты, чтобы испечь в честь их дня рождения фигурные торты: в виде крепости — для Марка и в виде машины — для Кэрол. На прогулках она всегда им что-то рассказывала. Марк вспоминает, что когда однажды на каникулах они арендовали яхту, так первое, за что взялась Маргарет, было обучение детей искусству хождения под парусом и управления рулем. Как верная дочь Альфреда Робертса, она следила за тем, чтобы ни одна минута не пропадала даром. Но по части суровости она резко отличалась от своего отца. Говорят, она никогда не наказывала своих детей физически, ни разу даже не шлепнула. Возможно, не хотела, чтобы они испытали на себе то, что довелось испытать ей, а может, в этом сказывались ее угрызения совести из-за частых отлучек из семьи.

Отлучки действительно бывали часто. Еще в 1950 году Маргарет записалась на вечерние курсы в «Иннер темпле», в одном из высших учебных заведений «Дома правосудия», где преподавали юриспруденцию. На протяжении трех лет она упорно училась по вечерам или в выходные дни. Многие думали, что ей не удастся завершить учебу. Но в августе 1953 года, едва освободившись от бремени и еще толком не придя в себя, она внесла свое имя в список желающих сдать последний экзамен на звание барристера, то есть адвоката. У нее было всего лишь полтора месяца на подготовку. Она боялась, что материнские заботы затянут ее, как затягивает свою жертву болото, и она бросила себе очередной вызов. «Машина Тэтчер» заработала и двинулась вперед, чтобы никогда уже не останавливаться. В начале 1954 года она стала адвокатом-стажером. Пройдя несколько этапов стажировки, она начала специализироваться в области налогового права. Первая адвокатская фирма, которой она предложила свои услуги, отказала ей, так как сотрудники фирмы не хотели работать с женщиной, однако уже вторая фирма, адвокатская контора Боннер в Линкольнз-инн, открыла ей свои двери. Ее страсть к точности и умение выяснять самые мелкие детали, ее талант всюду доискиваться до правды, ее способность откапывать факты и находить самые невероятные толкования законов, ее пыл, проявляющийся в работе, — все это очень скоро обеспечило Маргарет довольно лестную репутацию. Она не боялась читать балансы и проводить долгие утомительные часы в спорах в налоговых органах. Ее выводы в отношении доверенных ей дел всегда отличались краткостью, точностью, убедительностью аргументов. Несомненно, она могла бы сделать блестящую карьеру как адвокат, но

юриспруденция наводила на нее скуку. Из своего опыта, полученного в судах, она вынесла понимание двух очень важных вещей: святости закона^[64] и чрезвычайной роли сбалансированной налоговой политики, столь необходимой для экономического процветания страны. В остальном же ей казалось, что применение и осуществление законов, созданных другими, — это тяжелая и нудная умственная работа. Что же в этом хорошего? Она хотела сама создавать законы!

Чтобы стать законодателем, надо было стать членом парламента, а для этого необходимо было найти подходящий округ. Но даже при наличии такого округа успех еще был не очевиден, ведь в партии консерваторов женщин-парламентариев можно было пересчитать по пальцам одной руки. И тогда Маргарет опубликовала статью в «Санди грэфик» под заголовком «Вставайте, женщины!»: «Женщины могут и должны играть роль лидера в создании новой елизаветинской эры...» Это был почти феминистский манифест. Она высказывала сожаления по поводу того, что женщинам часто приходится прерывать многообещающую карьеру, чтобы заниматься детьми. И Маргарет рисовала картины благословенного будущего, которое она конечно же не увидит при жизни, когда «женщина сможет стать, почему бы нет, канцлером Казначейства или министром иностранных дел». Двадцать восемь лет спустя она станет премьер-министром...

А пока вклад ее в общественную жизнь был гораздо скромнее. Она, разумеется, посещала Ассоциацию юристов-консерваторов, где завела очень полезные знакомства; именно там она встретила Тони Барбером и Айри Нивом, членом парламента с 1953 года, который будет руководить ее избирательной кампанией в 1975 году. Она выступила с докладом, который решительно повлиял на ее будущие политические битвы. Это была яростная атака на совершенно невероятную власть, которую захватили тогда профсоюзы, знаменитые тред-юнионы, и называлась эта «горящая головня» довольно провокационно: «Гигантская мощь». В докладе поочередно разоблачались такие явления, как практика «закрытых» предприятий (куда принимали на работу лишь членов своих профсоюзов), забастовочные пикеты, нарушавшие право на свободу работы, забастовки солидарности, практика открытого голосования простым поднятием рук на выборах, а также юридическая неприкосновенность профсоюзов.

Однако не это обеспечило ей «подходящий округ». С 1953 года она практически поселилась в Центральном бюро партии. Из-за семейных обстоятельств она хотела заполучить солидный округ километрах в пятидесяти от Лондона, что было мечтой каждого кандидата в депутаты — «золотое местечко» в часе езды от Вестминстер-холла. Но таких округов

было мало, за них кандидаты ожесточенно дрались, идя порой на самые большие подлости. Несмотря на помощь таких деятелей, как Верил Кук и лорд Хьюм, вице-президент партии, она пять раз потерпела поражение, не дойдя до самых выборов и будучи отвергнутой местными союзами консерваторов: трижды перед выборами 1955 года, в Холборне, в Кентербери и Орлингтоне, и дважды перед выборами 1959 года, в Бекенхеме и Мейдстоне. И всякий раз ее «упрекали» в том, что она — женщина, что слишком молода и неопытна, но более в том, что она — женщина. Женщины вопрошали: «Что она сделает с нашими детьми?» Мужчины выражали свое беспокойство: «Не внушит ли она дурные мысли нашим женам?» И всякий раз отдавали предпочтение не ей, а «достойному» консерватору «старой школы», прошедшему через Итон или Рагби, выдрессированному с детских лет на исполнение роли вожака с патерналистскими наклонностями, короче говоря, превосходному джентльмену, а не этой торнадо в юбке...

Маргарет никогда не приходила в отчаяние. По ее понятиям, стыдно не упасть, а стыдно не суметь подняться. И она поднималась, всякий раз с еще большей яростью в сердце. В 1958 году Берил Кук обнаружил «освобождавшийся округ», округ Финчли, к северу от Лондона. Старый сэр Джон Краудер после нескольких десятилетий парламентской жизни решил передать депутатский мандат в другие руки. Пришла очередь миссис Тэтчер вновь попытать счастья перед местным Союзом консерваторов...

Финчли — начало длинной истории

Вероятно, в 1958 году Финчли был округом «последней надежды», по крайней мере, для выборов 1959 года, позже могло не хватить времени завоевать доверие электората. Это место было для Маргарет просто идеальным. Всего в пяти остановках метро от центра Лондона! В округ входили два крупных городских поселка, Финчли и Фрайерн Барнет, и простирался он вплоть до лесопарка Хэмпстед-хит и дворца-музея Кенвуд-хауса. В социологическом плане это был настоящий рай для консерватора, поскольку эти пригороды были населены в основном представителями среднего класса, занятыми в промышленности, задавленными налогами и очень привязанными к своим домам и семьям. Короче говоря, здесь были представлены собственность, знания и долг, то есть три дополняющих друг друга элемента, обеспечивающих победу консерваторам. В 1955 году они победили в Финчли с преимуществом в 13 тысяч голосов.

Мэгги предстояло преодолеть жестокую конкуренцию, ведь округ был воистину золотым. Местный Союз консерваторов был в полном подчинении у сэра Джона Краудера. Однако, по мнению представителя Центрального бюро партии, здесь требовалась хорошая «новая метла», так что шанс у Маргарет был. И она вложила в свою кампанию все силы. Как обычно, она блистательно произносила речи, прославлявшие основополагающие принципы Британии, и рассуждала на темы, представлявшие национальные интересы. Кроме того, она глубоко погрузилась в изучение всех местных проблем, начиная с трудностей, связанных с каким-то жалким тупиком в Финчли, и кончая расписанием вывоза мусора на юге Фрайерн-Барнет. Наконец она была внесена в шорт-лист вместе с тремя другими кандидатами. Наступил великий день — 14 июля. Представ перед исполнительным комитетом местного Союза консерваторов, она сделала все, чтобы решение было принято в ее пользу, хотя еще раз ощутила, сколь роковым для нее может стать то, что она — женщина. В то время как все кандидаты сидели на возвышении вместе с супругами, миссис Тэтчер была одна, поскольку муж уехал по делам. По рядам прошел ропот, кое-кто даже подсмеивался. Она поднялась с места и произнесла блистательную речь. Раздались аплодисменты, похоже, вполне искренние. Но затем посыпались вопросы, и как неизбежный припев — вопросы о семейной жизни. Как она справляется с двумя детьми? Почему ее муж не с ней? Разве это хороший пример для будущих мам? Но Маргарет принадлежала к числу тех, кто заранее верит в победу. Ее самым опасным соперником был Т. Лангтон, ведь он обладал всеми качествами, требовавшимися для прекрасного члена парламента от партии тори: деловой человек, выпускник паблик скул, награжден Военным крестом. К тому же его поддерживал сэр Краудер, не желавший видеть в качестве своего преемника «бой-бабу в хорошо сшитом костюме». Результаты баллотировки оказались «очень плотными». В первом туре Маргарет набрала 35 голосов против 34, полученных Лангтоном, остальные голоса распределились между другими кандидатами. Во втором туре она все же одержала победу, набрав 46 голосов против 43, полученных ее основным соперником. Все бросились к Маргарет с поздравлениями. Главная цель была достигнута. Теперь Мэгги была облечена доверием и властью, теперь она могла носить депутатский значок цвета партии консерваторов.

Доказательством того, что чета Тэтчеров вела независимый друг от друга образ жизни, может служить тот факт, что Деннис узнал хорошую новость только несколько дней спустя. В аэропорту, вылетая из Йоханнесбурга в Лагос, он взял в руки старый номер газеты «Ивнинг

стандарт», где прочел сообщение о том, что теперь округ Финчли, возможно, будет представлять в парламенте новый депутат от тори, миссис Маргарет Тэтчер. Статья была написана в хвалебном тоне, хотя и не без печати мачизма, и называлась «Консерваторы выбирают красоту».

Уже 31 июля Центральное бюро партии консерваторов подтвердило тот факт, что Маргарет Тэтчер будет представлять партию на выборах. Местная газета «Финчли пресс» поздравила жителей округа с кандидатом, «чья речь нисколько не напоминает те клише, из которых состоят обычно речи женщин-политиков». На протяжении года и трех месяцев Мэгги «обрабатывала» свой округ, точно так, как она это делала в Дартфорде, затрагивая самые серьезные вопросы, которые изучила досконально, а также приглашая таких известных деятелей, как Кит Джозеф, министр труда Иэн Маклеод, канцлер Казначейства Питер Торникрофт или министр по вопросам пенсий и социального обеспечения Джон Бойд-Карпентер. Она уже чувствовала себя в округе как дома, организовывала митинги, даже не удосужившись сообщить о них сэру Краудеру, который пока еще оставался депутатом от округа, о чем не следовало забывать. Она раздражала его своим поведением до такой степени, что он обратился с жалобой в Центральное бюро партии, чтобы ее призвали к порядку и чтобы она, так сказать, «не хоронила его раньше времени». Но ее это нисколько не трогало. Когда в округ прибыл Кит Джозеф, она предложила ему бросить в толпу собравшихся несколько хорошо продуманных изречений: «Жизнь — это частное, личное дело каждого. Работа правительства состоит в том, чтобы убрать все препятствия с пути личности, а не в том, чтобы заставлять индивидуума силой приспосабливаться к определенному образу жизни». Она выступала с осуждением слишком завышенных налогов, в особенности муниципальных, а также критиковала практику выделения субсидий отраслям и предприятиям промышленности, пришедшим в упадок, ибо «в эпоху тракторов глупо выделять субсидии на тягловых лошадей».

Итак, Маргарет оставалось завоевать свое место в парламенте. В сентябре 1959 года, когда они вместе с Деннисом и детьми проводили каникулы на острове Уайт, она узнала, что Макмиллан принял решение провести выборы в октябре, в соответствии с британской традицией, позволяющей премьер-министру самому назначать дату выборов, которая ему кажется наиболее благоприятной.

Перед Маргарет открылась финишная прямая. В ее округе лейбористы не представляли особой угрозы, но зато гораздо более опасными казались либералы. На протяжении XX века либералы стали третьей партией в

стране, правда, они никогда не могли получить много депутатских мандатов, потому что у них отбирала голоса «бритва» системы униноминального голосования, то есть возможности голосования только за одну кандидатуру, при одном туре выборов, так как эта система дает преимущество крупным партиям, ибо само ее существование принуждает избирателя к «полезному» голосованию. Но периодически у либералов случались взлеты. Кстати, и в округе Финчли они тогда питали кое-какие надежды, ведь кандидатка от тори была еще неопытна. Кандидат от либералов, Айвен Спенс, относился к числу изысканных денди с аристократичными манерами, был прекрасно образован и обладал блестящим умом, к тому же являлся героем войны и смелым охотником на хищного зверя. Он способен был вскружить кое-кому голову. В особенности он рассчитывал завоевать голоса еврейской части населения округа, а это была существенная часть, более 20 процентов имеющих право голоса. Тори не пользовались поддержкой евреев, так как были здорово дискредитированы в их глазах недопустимыми высказываниями руководителей Союза консерваторов в Гольф-клубе Финчли, требовавших запретить деловым людям еврейской национальности становиться членами клуба. Айвен Спенс надеялся «создать себе определенный капитал» на этом скандале.

Напрасный труд! Маргарет уже поработала в этой сфере и сделала все с большой легкостью, потому что ей совершенно не свойствен был антисемитизм, отчасти присущий истеблишменту партии тори. Кстати, она воспользовалась этой историей, чтобы установить тесные отношения с представителями еврейской общины, которые впоследствии будут ее верной опорой, в особенности с раввином Якобовичем, которого она практически заставит возвыситься до пэрства в 1987 году.

Результат оказался бесспорным, как говорится, «не подлежащим обжалованию». 8 октября 1959 года Маргарет Тэтчер была избрана в парламент, получив 26 697 голосов. Ее соперник-лейборист получил всего 13 437 голосов, а Айвен Спенс — 12 260. Наконец-то она заняла то место, которое будет занимать без перерыва на протяжении тридцати трех лет. В возрасте тридцати четырех лет она вошла в Вестминстер, в новый мир, к которому ей предстояло подобрать ключи.

Глава четвертая

ОТ ПАЛАТЫ ОБЩИН ДО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Можно представить, сколь велика была радость Маргарет Тэтчер 20 октября 1959 года, в момент открытия заседания парламента королевой Елизаветой II. После тронной речи в палате лордов Маргарет заняла место в четвертом ряду в палате общин, на тех самых скамьях, обтянутых зеленой кожей, что были свидетелями того, как яростно спорили там Гладстоны и Дизраэли, как депутаты дважды проголосовали за вступление Англии в две мировые войны, как Черчилль изливал потоки своего красноречия и извергал водопады недовольного ворчания и даже откровенной брани. Она думала о «старом льве», которого благоговейно слушали по радио в столовой дома в Грантеме. Теперь ей предстояло следовать его путем. У нее на руках были хорошие карты. Отныне она была членом «клуба», клуба британских политических деятелей. Конечно, пока она занимала в нем очень скромное место. Пока...

На разведку в палату общин

Для простого посетителя проникновение в Вестминстер — уже потрясение. Это одновременно и Реймс, и Сен-Дени, Святейший престол и королевский некрополь, Пантеон, Национальное собрание и сенат. Всякий бывает поражен величием этого места, удивительным единством этого ансамбля, хотя строили его начиная со времен царствования Эдуарда Исповедника вплоть до эпохи великих мастеров неоготического стиля, сэра Барри и господина Пьюджина. Можно сказать, что Вестминстер — это собор, возведенный во славу Альбиона. Между Биг-Беном и башней Виктории возвышается на берегу Темзы великий символ величия Англии. Короли там сочетались браком^[65], венчались на царство, а потом ложились в землю, где спят теперь вечным сном. Там же находятся могилы великих людей, поэтов и политиков, и тени Мильтона, Дизраэли, Шекспира, Гладстона, Джеймса и Байрона охраняют покой монархов, как и сотни теней их «старших» братьев, обозначающих особый «путь Британии». Здесь же заседают палата общин и палата лордов, составляющие парламент, это своеобразное обещание свободы, данное миру в дар на несколько столетий раньше Великой французской революции. Здесь обрела

свою форму политическая модель, приводившая в восхищение Вольтера, превозносившаяся Монтескье, восхваляемая Токвилем, модель, которую пытались копировать повсюду, но нигде не создали равной: Вестминстерская модель.

Для человека, ставшего депутатом парламента, первое посещение этого здания производит еще более сильное впечатление, чем на случайного посетителя. Это сложнейший лабиринт залов, канцелярий, кабинетов, переходов и коридоров; в здании насчитывается более тысячи помещений. Представьте же, какой шок испытала 34-летняя женщина. Разумеется, Маргарет уже была знакома со зданием. Она довольно часто присутствовала на заседаниях палаты общин, занимая место на галерее для публики, а иногда попадала на такую же галерею и в палате лордов. Некоторые депутаты приглашали ее в центральный зал и принимали ее в своих кабинетах. Но теперь пришел ее черед заседать в парламенте и завоевывать свое достойное место среди 650 депутатов. В то время среди членов парламента насчитывалось всего 25 женщин. «Это очень мужское место», — пишет Мэгги, имея в виду, что все там в основном предназначено для мужчин. Разумеется, в парламенте предусмотрительно были оборудованы «комнаты для дам-членов парламента», то есть женские туалеты.

Маргарет выделили кабинет, и ее секретарь, Пэдди Виктор Смит, всегда находился при ней, в соседней комнате, где устроились еще и множество помощниц-ассистенток. Словом, условия для работы были созданы превосходные! Но было еще кое-что... Был клуб, как поговаривали, самый приятный, самый комфортный клуб Англии, с курительной, с чайной гостиной и библиотекой, заставленными глубокими диванами в стиле «Честерфилд», где можно было подготовиться к выступлению, сжимая в руке стаканчик с бренди и уютно устроившись на одном из них. Это было некое убежище, даже логово блестящих дилетантов, этих политиканов «старой породы»; эти люди, не обладавшие стойкими убеждениями, заполняли нутро этой «берлоги». Это было место, где можно было откровенно повеселиться. В баре нередко можно было увидеть, как лейбористы и консерваторы пожимали друг другу руки и дружески похлопывали друг друга по плечу после того, как на заседании буквально рвали друг друга в клочья. Хорошо отрепетированная небрежность и легкомыслие производят здесь наилучшее впечатление. Случалось и так, что премьер-министр и лидер оппозиции садились и клали ноги на стол, почти упираясь друг в друга каблуками ботинок. И никто не видел в том ничего дурного, никому и в голову не приходило

осудить такое поведение. Конечно, эта среда была чужда Маргарет. Она ничего не понимала в той атмосфере детской беззаботности, что царила в клубе, ибо считала ее почти святотатством. Как сказал о Маргарет будущий министр Джеймс Прайор: «Мы принимали жизнь с хорошей стороны, а она... она была не из нашей стаи», а Питер Ролисон, один из депутатов-консерваторов, уточнил: «Она редко улыбалась и никогда не шутила».

Маргарет приходилось с нуля изучать парламентские обычаи. Она сама говорит, что «должна была пропитаться, проникнуться атмосферой палаты общин до такой степени, чтобы эта атмосфера стала второй натурой, а также в полной мере освоить общепринятый стиль ведения дебатов, чтобы стать типичным политическим английским деятелем, причем относящимся к числу уважаемых, то есть к числу членов палаты общин».

Само заседание палаты общин является настоящим спектаклем, что верно, то верно. Открывается заседание шествием процессии, во главе которой торжественно и чинно выступает парламентский пристав, несущий позолоченную булаву, символ независимости парламента, его суверенитета. Следом за ним выступает спикер палаты общин, то есть ее председатель; голова его увенчана белым париком, он облачен в темную мантию, на груди — пышное кружевное жабо. Далее следуют капеллан, главные организаторы парламентских фракций, парламентские партийные организаторы и члены парламента. Сам зал заседаний палаты общин не производит особого впечатления, его и сравнить нельзя с залом заседаний палаты лордов, где скамьи обтянуты красной кожей, повсюду позолота, а под роскошным пурпурным навесом возвышается королевский трон. Зал заседаний палаты общин — это просторный зал в неоготическом стиле, вытянутый в длину, стены его покрыты простыми деревянными панелями; вдоль стен зала идет нависающая над ним галерея для посетителей. На том месте, где в палате лордов установлен королевский трон, в палате общин, в глубине зала, — место спикера. Депутаты размещаются на скамьях, стоящих слева и справа от центра зала, в зависимости от принадлежности к большинству или к оппозиции. Зал разделен на две части линией, прочерченной по полу, которую парламентарий никогда не должен пересекать в ходе дебатов, кроме случая, когда он решил «перейти в другой лагерь». В первом ряду восседают переднескамеечники, то есть министры, а на стороне оппозиции — члены теневого кабинета^[66]. На задних скамьях располагаются заднескамеечники, другими словами, простые депутаты, не имеющие министерских постов.

Парламент заседает с понедельника до полудня пятницы. Когда идет

заседание, на вершине Биг-Бена горит свет, тем самым воздается честь законодателям. Около 5 процентов времени посвящается рассмотрению законопроектов, вносимых рядовыми членами парламента, 40 процентов — рассмотрению законопроектов, вносимых правительством, а остальное время — письменным или устным запросам депутатов.

Дебаты подчинены очень строгим формальным правилам. Депутат не должен напрямую обращаться к министру или к своему коллеге-депутату из противоборствующего лагеря, ему позволено обращаться только к спикеру; депутат также при упоминании имени другого депутата должен обязательно назвать его «почтенным членом парламента от такого-то округа»; министр имеет право именоваться «достопочтенным». Голосование обязательно производится лично, ни в коем случае не через представителя или «по доверенности», как это происходит в Национальном собрании во Франции, когда депутаты не посещают заседаний. Депутаты проходят друг за другом перед спикером: сторонники законопроекта — направо, а оппозиционеры или противники — налево. Счетчики голосов тщательно выполняют свои обязанности. Чтобы избежать ситуации, когда невозможно набрать большинство голосов из-за отсутствия на заседании некоего количества депутатов, в английском парламенте существует практика взаимного неучастия в голосовании правящей и оппозиционной партий палаты общин. В начале парламентской сессии каждый депутат как бы «выбирает себе пару», то есть достойного соперника. Маргарет себе в пару выбрала Чарли ПANNELA, депутата-лейбориста от Западного Лидса, который не скрывал своего восхищения отвагой молодой коллеги и тем путем, что она проделала. Между ними никогда не будет обмена жесткими ударами, напротив, они всегда будут относиться друг к другу с уважением.

Для новичка функционирование парламентской группы было делом таинственным и непонятным.

В лоне самой Консервативной партии существовал так называемый «Комитет 1922 года», объединявший всех депутатов без портфелей. В 1950-е годы его влияние было очень ограничено, а затем стало постепенно возрастать, и в 1965 году члены комитета изберут лидера Консервативной партии. В 1959 году Маргарет «брала» там свои первые уроки. С большой любезностью, не лишенной привкуса патернализма, ей там советовали не нападать на более сильного, не сосредоточиваться на серьезных проблемах внешней политики или на вопросах финансирования общественных нужд, находящихся в компетенции правительства, а рекомендовали заниматься более частными вопросами, где она могла бы «оставить свой след». Если Маргарет и дала себе клятву не играть второстепенные роли,

предостережение все же имело эффект. Ей предложили подчиниться строгой дисциплине парламентской группы, и она подчинилась. Тогда в ней не было ни малейшего намека на инакомыслие и раскольниковство.

Напротив, Маргарет с благодарностью выслушивала мнение главного организатора партийной фракции, руководившего депутатами «от большинства» при помощи своих заместителей, парламентских партийных организаторов, которых называют «кнутами»; каждый из них отвечает за 25 депутатов. Их роль состоит в том, чтобы обеспечить дисциплину голосования. Задача эта гораздо труднее, чем может показаться, ибо британские парламентарии по традиции пользуются гораздо большей независимостью, чем их собратья во Франции. Нередко случалось так, что закон бывал принят благодаря голосам оппозиции и без участия всей партии большинства. Это истинная правда, и, в конце концов, в палате общин возникла система трех типов инструкций, даваемых депутатам парламентскими партийными организаторами. В случае крайне важного для правительства голосования депутатам отдается практически письменный приказ о том, как следует голосовать: в повестке дня данный вопрос подчеркнут тремя красными линиями, это означает, что «почтенный член парламента» должен обязательно проголосовать в соответствии с линией партии под угрозой применения к нему в случае неповиновения суровых мер административного взыскания (кстати, зачастую чисто теоретических). В других случаях обходятся одной или двумя линиями при подчеркивании, это свидетельствует о том, что депутатам в данных вопросах предоставляется большая свобода выбора. Результатом введения этой системы является тот неоспоримый факт, что британский парламент — это все, что угодно, но только не регистрационная палата. Несмотря на все увеличивающийся вес исполнительной власти, дебаты в палате общин имеют огромное значение для страны. Случаи падения правительства из-за вынесения вотума недоверия довольно редки, гораздо чаще правительство подает в отставку потому, что оно не сумело добиться принятия закона. Красноречие, умение дать достойный ответ на каверзный вопрос, чувство аргументации, остроумие и острый язык, таким образом, являются там «стратегическим оружием». У Маргарет в таком оружии недостатка не было. Она очень быстро отметила для себя, что «искренность, логика и глубокое знание предмета спора могут привлечь интерес, вызвать уважение и даже обеспечить вес и влияние в глазах представителей обеих сторон палаты».

Столкнулась в парламенте Маргарет и с некоторыми обычаями, которые можно было бы назвать «фольклорными». В день представления

бюджета самые радикально настроенные консерваторы являлись на заседание в сюртуках, шелковых жилетах и в цилиндрах, а самые экстремистски настроенные лейбористы — в спецовках и докерских шлемах. При голосовании и для того, чтобы поддержать оратора, там произносят слово «Ай», пришедшее из староанглийского языка. Несчастный, по забывчивости произнесший «Yes», немедленно получит ужасное клеймо тупицы и грубияна. Таких неписаных правил, запечатлеваемых в памяти в результате частых посещений Вестминстера, там существуют десятки. Мэгги постигнет их очень быстро, в особенности те, что касаются первой речи члена парламента. При жеребьевке ей выпал третий номер, и теперь она была уверена, что очень скоро перестанет быть незаметной и неизвестной личностью.

Первая речь как толчок судьбы

«Первая речь депутата парламента» при точном переводе с английского звучит как «речь юной девушки». Это типично британское явление. В начале каждой сессии парламента бумажки с именами пяти-шести вновь избранных депутатов бросают в шляпу и проводят жеребьевку, определяя, в какой очередности они будут представлять проект закона по своему выбору. Многие из депутатов получают возможность выступить только к концу срока своих полномочий, а то и не получают вовсе, в случае досрочного роспуска парламента. Итак, удача, этот необходимый всякому великому человеку союзник, сопутствовала Маргарет. Оставалось подождать несколько недель, и она произнесет свою первую речь в палате общин.

Правда, надо было выбрать подходящую тему для выступления. Теоретически выбор представлялся свободный, но на деле требовалось проявить тонкость и изворотливость ума, умение сделать хитрый расчет и сохранить политическое равновесие, при этом сумев обратить на себя внимание. Сначала Маргарет подумывала о том, чтобы в первой речи предложить реформу процедуры наказания за неуважение к суду, за неявку в суд или за невыполнение его распоряжений. Но генеральный прокурор отсоветовал ей поднимать этот вопрос, потому что он слишком «технический» и малопривлекателен для широкой публики. Она вернулась в сферу своих глубоких убеждений и захотела внести законопроект, запрещающий практику так называемых «закрытых предприятий», в духе статьи «Гигантская мощь», опубликованной в 1958 году. Тема была не

просто животрепещущей, а жгучей. Вся Англия с незатихающим интересом следила за «делом» одного из служащих авиакомпании «Бритиш оверсиз эруэйз корпорейшн», некоего Роукса, который был уволен после того, как вышел из профсоюза корпорации, причем уволен по настоянию профсоюзного комитета. Он обратился в суд, чтобы добиться осуждения профсоюза и заставить профсоюзных деятелей возместить ему понесенный ущерб. Маргарет хотела устремиться на помощь человеку, ставшему жертвой совершенно нетерпимого нарушения свободы личности^[67], однако в этот момент правительство испугалось, не желая вызвать гнев профсоюзов и профсоюзных боссов. Главный организатор парламентской фракции сообщил Маргарет, что она не получит поддержки большинства. Еще одна бесплодная попытка. Она начала понимать, что в партии консерваторов времен Макмиллана иногда лучше ничего не делать.

Третья попытка оказалась удачной. Маргарет атаковала привилегии местных властей создавать особые комиссии, чтобы избежать пленарных заседаний, куда по закону, принятому еще в 1908 году, допускались представители прессы. Эти комиссии, работавшие при закрытых дверях, мостили путь для усиления налогового бремени и самых худших подтасовок, совершаемых вдали от чужих ушей и взглядов. Для Маргарет это был вопрос ее убеждений: «Общественные службы должны оправдывать трату денег налогоплательщиков». Некоторые были удивлены тем, что она оседлала именно этого «боевого коня». Действительно, свобода прессы в дальнейшем никогда не будет «в ее вкусе», но в тот момент это стало для нее поводом завоевать расположение прессы, что было ей необходимо, когда ее еще почти никто не знал. К тому же местные власти постепенно становились предметом ее ненависти и отвращения. Финансируемые частично за счет средств государственного бюджета, а частично за счет местных налогов, которые эти власти устанавливали сами, они были ужасно «бюджетопрожорливы». Маргарет тогда подумала, что публичное рассмотрение доходов и расходов местных властей может стать наилучшей защитой от опрометчивых обещаний и перерасхода бюджетных средств^[68]. Правительство опять обуял страх. Некоторые депутаты, бывшие лоббистами местных властей, заволновались, причем и лейбористы и консерваторы одновременно. Генри Брук, министр жилищного строительства и местного управления, публично заявил, что текст законопроекта вышел не из-под его пера, но что он его поддерживает при условии, что в него будут внесены изменения и поправки, несколько его смягчающие. По обыкновению кто-то из министров курировал новичка-

депутата при составлении первой речи. К счастью, в данном случае выбор пал на Кита Джозефа. Он в основном разделял взгляды этой молодой особы, так жаждавшей содержательно выступить перед депутатами. Но, несмотря на совпадение взглядов, они должны были учитывать интересы правительства и те довольно жесткие рамки, в которые их поставили. Маргарет испытала на себе практику сокращения текстов, лишаящих их самой сути и остроты. Она стала учиться тому, как использовать одних лоббистов в борьбе против других, в особенности лобби депутатов против лобби журналистов. Однако, несмотря на все ее старания, текст вносимого ею законопроекта действительно потерял значительную часть своего первоначального содержания. Да, собрания комиссий будут открытыми для прессы, но в особых случаях члены комиссии могут проголосовать за конфиденциальность, то есть за закрытые заседания. Короче говоря, закон мог быть обойден. Кстати, в 1962 году в «Таймс» была опубликована статья, в которой выражались сожаления по поводу того, что этот закон практически не применяется в жизни. Для Мэгги это была в некотором смысле пиррова победа, потому что она представила на рассмотрение закон, получивший молчаливое одобрение правительства, но текст его уже был совсем не ее текстом. Она поняла, что для архонтов партии консерваторов нужно, чтобы все как бы менялось, но при этом оставалось неизменным. Это первое лобовое столкновение с истеблишментом показало ей, как закон можно лишить его сути. Но тогда, в 1959 году, она ничего не могла поделать. Ее разум и чувство политического деятеля приказывали ей выдержать это испытание, смолчать и целовать руки, которые она не могла укусить. И все же она хотела произнести такую речь, которая будет занесена в анналы палаты общин.

Маргарет позаботилась, чтобы на том заседании, когда она будет произносить свою первую речь, присутствовало как можно больше народа, ведь это ее единственный шанс «сделать себе имя». Своим красивым почерком она написала более двухсот писем коллегам-депутатам, приглашая их принять участие в голосовании, и не просчиталась, так как зал был полон. Когда 5 февраля 1960 года она выступила вперед, чтобы взять слово, она знала, что идет ва-банк. Одета в безупречного кроя костюм голубовато-стального цвета, она ровно 27 минут представляла текст законопроекта, ни разу не заглянув в свои записи, поражая всех четкостью и точностью изложения и изливая на слушателей поток фактов и цифр, сравнимый с непрерывным огнем. Она напомнила, что Англия и Уэльс ежегодно тратили на содержание местных властей более 1,4 миллиарда фунтов, выделенных государственным бюджетом, рассказывала

даже анекдоты о том, что муниципальные советы превратились в места «оккультных сборищ» лейбористов или тред-юнионистов; она несколько раз провозгласила священный принцип: «Мы имеем право знать, как тратятся наши деньги! Гласность — это самое лучшее и самое эффективное средство, чтобы осуществлять контроль над незаконными действиями». Когда Маргарет села, вся палата общин знала, что родился новый превосходный оратор. Она преуспела там, где Дизраэли провалился, выставив себя в довольно смешном свете, произнося первую речь. Она могла теперь надеяться на очень многое, ведь ее законопроект был принят 152 голосами против 39. Пресса была единодушна. «Настоящий триумф!» — такова была «шапка» в «Дейли телеграф»; «Родилась новая звезда!» — возвещала «Дейли экспресс»; «Слава и Маргарет вчера стали друзьями!» — восторгалась «Санди телеграф». Коллеги-депутаты тоже присоединились к хвалебным возгласам. Р. Батлер, министр по связям с палатой общин, выразил ей свое восхищение. Отныне в партии консерваторов Маргарет Тэтчер стала восходящей звездой новичков «урожая» 1959 года.

Заднескамеечники

Блестки Вестминстера не вскружили Маргарет голову. Она помнила, что прежде всего является депутатом от округа Финчли, и остерегалась оставлять без внимания «свой» округ и пренебрегать его интересами. Маргарет знала, что это — единственная надежная гавань, где она всегда сможет укрыться от шквальных ветров политической жизни. У нее есть свое место, есть свое кресло депутата, и она должна его сохранить во что бы то ни стало. Она проводила в округе не менее двух дней в неделю, иногда — уикэнд, а часто и вечера на неделе. Вместе со своей личной секретаршей (нанятой Деннисом и дававшей Маргарет большое преимущество перед многими ее коллегами, не имевшими возможности позволить себе такую роскошь) Мэгги отвечала на все письма, а таковых в первые месяцы ее депутатства было более двух тысяч в месяц. Она продолжает наносить визиты в дома, в квартиры, выманивая людей на лестничные площадки и ведя с ними разговоры, несмотря на то, что избирательная кампания уже завершилась.

В палате общин Маргарет завоевала репутацию неутомимой работяги. Она сама проводила исследования и долгие часы просиживала в библиотеке, придиричиво рассматривая пункт за пунктом доклады,

памятные записки, мемуары, отчеты о дебатах, опубликованные в «Хансарде» (издании, где собраны официальные стенографические отчеты заседаний палаты общин. — Пер.). Иногда случалось захватывать часть ночи, чтобы отточить свои уколы и тайные удары. Она записывала свои шокирующие аргументы на крошечных клочках бумаги и на визитных карточках, которые прятала в кулаке. Так создавалось впечатление, что она никогда не заглядывает в свои записи. Несмотря на сумасшедший ритм жизни, она всегда выглядела безупречно, прекрасно одетая, неизменно улыбающаяся с высоко поднятой прекрасно уложенной головой. Барбара Касл, бывшая одним из знаменитых ораторов партии лейбористов, вспоминает, как была поражена гардеробом Маргарет. Она насчитала там восемь пар аккуратно выстроенных по линейке туфель, а над ними — восемь деловых костюмов соответствующего цвета. Мэгги решила сделать свой шарм своим козырем.

На протяжении тех лет, когда Маргарет была «заднескамеечником», то есть рядовым депутатом, она поначалу не блистала какой-то особой оригинальностью. В некоторых сферах по ее высказываниям можно было угадать, какие позиции она будет занимать в будущем, в других же сферах она удивляла.

Между такими понятиями, как «превентивный» и «репрессивный», или «властный», она выбирала второе. Она участвовала в работе комиссии, на которую была возложена обязанность рассмотреть вопрос об уместности возврата к практике телесных наказаний, отмененной лейбористами. Маргарет явно принадлежала к «партии розог и кнута», к «партии сурового палочного режима». Она чувствовала, что «совпала по фазе» со старыми военными, входившими в состав комиссии. В свое время, обучаясь в паблик скулз или в Сандхерсте, они получали хорошие порции ударов розгами, наносимых зачастую руками их же товарищей, и от этого не умерли. Маргарет выступила за введение телесных наказаний, потому что, по ее мнению, «против некоторых молодых людей, получающих удовольствие от проявлений насилия, совершаемого ради насилия, против некоторых юных преступников, предстающих перед судами, столь ожесточенных, столь порочных и столь аморальных, только применение жестокого наказания и может быть эффективным». Всякая иная форма наказания, по ее мнению, может быть воспринята как проявление слабости, как некая форма снисходительности, которая не так уж далека от «благожелательного благословения», то есть от попустительства. Разумеется, эта битва была проиграна заранее. Только четверть депутатов-тори проголосовала за то, чтобы вновь ввести розги в качестве наказания в

уголовный кодекс. Закон был похоронен. Но зато теперь всем стало известно, что Мэгги на стороне закона и порядка.

Маргарет также отличилась и в ходе дебатов по вопросам, связанным с бюджетом. Она обожала «рыться» в государственных расходах, разоблачать расточительство и разбазаривание средств, говорить о недостатках государственной службы. Во время рассмотрения бюджета она поддерживала канцлера Казначейства, но «пожелала ему мужества и силы духа в общении с его помощниками из Казначейства». Она констатировала, что «после полутора лет парламентской жизни» ее более всего занимала «степень мастерства при расходовании государственных денег и при совершении государственных расходов». «Мы охотимся за сотнями тысяч фунтов, но даем утечь миллионам». Далее она добавляла: «Самое худшее — иметь видимость контроля при полном отсутствии средств или орудий контроля». В этой Маргарет уже проглядывал образ «Железной леди», той, что безо всяких угрызений совести будет беспощадно урезать расходы на общественные нужды.

Зато в вопросах, связанных с Европой, ничто не позволяло угадать в Маргарет ту непреклонную защитницу национальных интересов Англии, которой она станет. Кстати, в мемуарах она признает, что сильно изменилась: «Я прежде всего рассматривала ЕЭС в плане торговли <...>. Сегодня я полагаю, что генерал де Голль был гораздо прозорливее нас». Правда состоит в том, что в то время вопрос о вступлении в Общий рынок был чрезвычайно важен для Соединенного Королевства. Это был грандиозный замысел, мечта! Макмиллан поставил на карту все доверие своих избирателей. В 1961 году он подал официальную заявку о вступлении и с нетерпением ждал ответа Франции, долго водившей его за нос и заставлявшей ждать ответа. Маргарет поддерживала идею о том, чтобы Англия следовала этим путем безо всяких оговорок. Она констатировала прогрессирующее ослабление связей Англии со странами Содружества, вроде бы символически очень сильных, но в экономическом смысле постоянно ослабевавших. Она отмечала также, что некоторые из руководителей стран третьего мира, всякие Кваме Нкрумы и Кениаты, на самом деле являлись врагами западных ценностей. Колониальный пыл, владевший ею в юности, уступил место реализму. Она еще не побывала в Соединенных Штатах и еще не пала под действием чар «великих просторов». Она тогда полагала, что будущее королевства тесно связано с континентом, и говорила об этом без обиняков: «Суверенитет сам по себе — не цель. Нехорошо быть независимым и одиноким, если это влечет за собой крушение нашей экономики и утрату нашего влияния». Она приняла

структуру европейского «здания» и даже возлагала на нее определенные надежды.

В любом случае Маргарет производила сильное впечатление во всех сферах. Говоря о ее парламентской деятельности, депутат от лейбористов Джон Манн отмечал: «С такой скоростью движения Маргарет Тэтчер способна ворваться на четверке лошадей в министерство иностранных дел».

Младший министр

События в самом деле развивались быстро. В октябре 1961 года Гарольд Макмиллан пригласил Маргарет на Даунинг-стрит, 10, куда она прибыла в роскошном костюме цвета сапфира. Она ожидала, что ей будет поручено откомментировать тронную речь, ведь этой чести часто удостоивались талантливые молодые депутаты. К ее великому удивлению, премьер-министр спросил ее, согласится ли она взять на себя обязанности младшего министра в министерстве пенсий и социального обеспечения. На мгновение Маргарет утратила дар речи. Вообще-то она предпочла бы еще немного подождать со столь высоким назначением, учитывая малый возраст двойняшек. Но от такого предложения не отказываются, и она с восторгом согласилась. Прошло всего два года после того, как она была избрана депутатом, и вот она уже член правительства! Первая из тех, кого избрали одновременно с ней в 1959 году. Если верить тэтчеровской легенде, все обстояло именно так.

Но реальность, возможно, была немного прозаичнее. После отставки Патриции Хонсби-Смит, решившей вернуться в «частный сектор», то есть в бизнес, гораздо более доходный, чем правительственный пост, в воздухе ощущался ветерок грядущих перемен. На тот момент в правительстве было три женщины. Макмиллан хотел сохранить эту «квоту». В парламенте было всего 13 женщин, депутатов от партии консерваторов. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что у Маргарет были все шансы попасть в правительство, особенно после блестящей первой речи. Даже странно, что она сама об этом не подумала и не предприняла никаких действий... Но, согласитесь, быть приглашенной — гораздо более лестно, чем выиграть в борьбе ценой интриг.

Кстати, пост был не так уж хорош. Все зависело от того, что человек, его занявший, станет там делать. «Путевой лист» был весьма краток и расплывчат. Когда Маргарет спросила Макмиллана, чем ей предстоит

заниматься в министерстве, он ответил прямо: «Позвоните управляющему делами правительства и поезжайте в министерство завтра, часам к одиннадцати, осмотритесь и уходите. Если бы я был на вашем месте, то не оставался бы там слишком долго». По разумению премьер-министра, она, ясное дело, была женщиной, состоящей на службе, почти прислугой, а сам штатный министр до того, как ему довелось с ней поработать, полагал, что она — из «хитрых штук» Макмиллана.

Итак, Маргарет стала младшим министром; эта должность вполне сравнима с должностью заместителя министра во Франции в период Третьей республики. Она — не член кабинета, куда входят все штатные министры, даже не государственный министр, на которого возложены обязанности по управлению департаментом министерства. Ее работа довольно неблагоприятна. Она должна была разбираться с частными проблемами отдельных граждан, а проблемы бывали очень спорные, и ей приходилось доходить до министра, а в некоторых случаях представлять дела на рассмотрение палаты общин. На протяжении трех лет, что Маргарет провела в великолепном здании, выстроенном в георгианском стиле на Джон-Адам-стрит, она работала под руководством трех приходивших друг другу на смену министров: Джона Бойд-Карпентера, Нейла Макферсона и Ричарда Вуда. Первый покорила ее своей обходительностью и вниманием, к двум другим она осталась почти равнодушна.

Хотя работа и была неблагоприятная, Маргарет за это время узнала очень много интересного о функционировании Уайтхолла, квартала (штаба) министерств. Она открыла для себя тайны государственных служащих, этой касты высокопоставленных чиновников, с которыми будет скрещивать шпаги на протяжении всей дальнейшей жизни. В большинстве своем это были господа «из хороших семей», образцы британских джентльменов, обученные манерам и получившие «окончательную отделку» в паблик скулз, любившие клубы, крикет, охоту на лис и презиравшие карьеризм, шумиху и женские школы... Они смотрели сверху вниз на эту невысокую женщину, злюку и стерву, к тому же происходившую из семьи, «которую не следовало относить к категории достойных посещения с визитом». «Из нее ничего особенного не выйдет», — говорил сэр Эрик Бойер, управляющий делами министерства, полагавший, что может дать на сей счет верный прогноз. Очень скоро он сменил тон, так как спеси у него поубавилось, как, впрочем, и у других высокопоставленных чиновников министерства. Маргарет была как торпеда. Она хотела все понять. Она хотела усвоить правила социальной защиты. Ее врожденный талант к подсчетам и к праву

ей оказался очень полезен. Она не жалела времени на то, чтобы отсылать обратно чиновникам знаменитые «красные чемоданчики», эти потерянные министерские портфели, чтобы ей прислали дополнительные разъяснения. Она всех приводила в отчаяние своей щепетильностью в отношении мельчайших деталей дел. Она без колебаний брала в руку красный карандаш и подчеркивала фразы, ставила вопросительные и восклицательные знаки в текстах отчетов и докладов, которые считала не слишком точными. Она заработала в министерстве прозвища «школьная училка» и «эта кровавая женщина».

Кроме того, должность и обязанности позволяли Маргарет заглядывать довольно далеко в другие сферы, выходя за пределы компетенции департамента, так как вопросы социальной защиты были связаны с деятельностью других министерств: здравоохранения, занятости (труда), жилищного строительства и финансов. За несколько месяцев она превратилась в некое подобие опасного паука, опутавшего своей паутиной большинство важных институтов и учреждений страны. Теперь ей было известно, кто и как управляет страной. «Я узнала, — пишет она, — что у высокопоставленных чиновников есть собственная программа действий, которая далеко не всегда совпадает с программой политика <...>. Исполняя обязанности младшего министра и находясь в подчинении у трех сменявших друг друга министров в одном и том же департаменте, я с интересом отмечала, что высокопоставленные чиновники высказывали им разные мнения, иногда и по одной и той же проблеме <...>. Я помню, что сказала им тогда: „Это не тот совет, что вы давали предыдущему министру“. Они мне ответили, что тот, предшествующий, министр, как они знали, не был готов выслушать то мнение, которое они высказали нынешнему». Она запомнила полученный урок. Система государственного управления — это тяжелая, неповоротливая машина, движущаяся сама по себе и проводящая собственную политику, к тому же обладающая огромной способностью похоронить любые реформы... Позднее она будет все это наблюдать и за всем этим следить.

Маргарет честно проводила политику правительства в области социального обеспечения. Прежде всего она решила обратиться к истокам и перечитать доклад Бевериджа. И тотчас же наткнулась на всяческие отклонения. Беверидж предусмотрел создание двойной системы социального обеспечения, цель которой защитить граждан от несчастий и непредвиденных жизненных обстоятельств. Для тех, кто оказался абсолютно без денег по причине невнесения взносов в кассу социального страхования, из-за растраты этих денег или из-за невключенности в

систему социального страхования, была предусмотрена система национального вспомоществования, финансируемая из средств, собранных в виде налогов. При увеличении числа плательщиков взносов и при изменении демографической ситуации значение системы национального вспомоществования должно было бы уменьшаться. Но на самом деле все было наоборот. Обращений о выплате пособий становилось все больше и больше. Явно были забыты все предостережения, содержащиеся в докладе: «У людей, пользующихся социальным страхованием, не должно создаваться впечатление, что вознаграждение за праздность, каковы бы ни были ее причины, может выплачиваться из бездонного кошелька». Она не уставала повторять эти прекрасные принципы, дабы о них не забывали, но при этом умела быть очень человечной. Она стала поборницей интересов вдов. В то время вдова, начинавшая работать, тотчас же лишалась пенсии мужа. Маргарет считала, что это несправедливо, поскольку таким образом получается, что работающие подвергаются наказанию по сравнению с теми, кто ничего не делает. Она критиковала не систему страхования и вспомоществования, а систему, не предусматривавшую достойной компенсации. Для Маргарет это был вопрос морали, ведь церковь методистов с Финчли-стрит была совсем рядом.

Маргарет не оставила в министерстве социальной защиты своего особого следа, и это естественно, ведь не она определяла его политику. В частных разговорах она жаловалась на «эту чудовищную систему», на эти «юридические извращения», в палате общин чеканила фразы, провозглашая принципы здравого смысла: «Мы не можем платить безработной женщине больше, чем работающей». Она поддерживала идею «отложенной пенсии», то есть капитализации определенной суммы для увеличения базовой части пенсии, как всегда руководствуясь принципом накопления сбережений. Но она так ярко блистала в парламентских спорах, что ей стали отводить в палате гораздо более значительную роль, чем роль младшего министра. В марте 1962 года Бойд-Карпентер поручил ей защищать законопроект, касавшийся некоторых социальных пособий, ставших одной из причин обесценивания общественных ценностей. Закон был сложным, текст — трудным, предмет обсуждения — «чувствительным», так что выражение доверия было налицо, если учесть, что правительство хотело, чтобы закон стал «проходным». В течение сорока минут Маргарет произносила блестящую речь, защищая предложенные меры восстановления справедливости, разрывая в клочья тезисы Лейбористской партии и выражая сожаление по поводу их политики: «К несчастью, эта партия сделала свой выбор в пользу тех, кто

не работает, а не тех, кто честно заработал свои деньги». Она была точно в цель, приводила примеры, конкретные случаи, говорила о вдове из Бирмингема, о железнодорожнике из Манчестера, об одноглазом мужчине из Дартфорда. Несколько месяцев спустя, когда Макмиллан реорганизовывал кабинет министров, который сотрясли скандалы, связанные с Профьюмо и Филби, Маргарет вновь оказалась «в первой линии». В отсутствие штатного министра она сама защищала политику правительства в сфере социального страхования. Ее нелегко было вывести из себя. Депутату-лейбористу, задавшему ей вопрос, «каковы будут условия отставки Макмиллана», она ответила, что «спросит об этом своего министра, когда будет такового иметь». Она была столь великолепна, что «Гардиан» в одной из статей делает вывод: «Казалось, она вполне способна их всех отправить в отставку и выполнять их работу». Маргарет еще не стала силой, но уже обрела веский голос.

Если она и поддерживала правительство Макмиллана и кабинет пришедшего ему на смену Алека Дуглас-Хьюма, это еще не значит, что чувствовала она себя комфортно. «Было бы неправдой, — пишет она в мемуарах, — говорить больше. Но для того, кто верит в здоровые финансы, в потенциал свободного предприятия и в общественную дисциплину, для того источников озабоченности и тревог хватало». Манифест, написанный от лица партии консерваторов к выборам 1964 года, задел ее тем, что довольно откровенно выражал идеи сторонников корпораций. В нем как успех был представлен факт создания Совета национального экономического развития, нечто вроде комиссариата по осуществлению плана экономического развития страны, а также и осуществлению политики в области доходов при посредстве национальной комиссии по доходам. Маргарет считала, что только рынок может устанавливать цены и определять уровень заработной платы, только рыночные отношения способны определять самые рентабельные и доходные отрасли, а не чиновники, удобно устроившиеся за стенами Уайтхолла. У нее возникло ощущение, что ее собственная партия повернулась спиной к дорогим ее сердцу ценностям и похоронила идею свободы предпринимательства, так или иначе приняв идею смешанной экономики, мягкого социализма, где вектор развития то движется немного в сторону личных свобод, то вновь немного отклоняется в сторону коллективизма. Она вменяла это в вину всем, но в особенности Макмиллану: «Отдавая предпочтение экономической экспансии, а не финансовой стабильности, и доверяя добродетелям и достоинствам планирования, он таким образом боролся с дефляцией и с безработицей, такой, как была в 1930-е годы, чему он

являлся свидетелем, будучи депутатом от округа Стоктон-он-Тиз <...>. Вероятно, виды из Грантема и из Стоктона открывались под разными углами зрения, а потому и вещи виделись по-разному».

Но в тот момент Маргарет ничего не могла сказать. При такой партийной программе она, пожалуй, сдержаннее всех оценивала шансы партии консерваторов на выборах 1964 года. У британцев создалось впечатление, что силы правительства были на исходе. Разрываемое скандалами, словно заминированное изнутри делами о шпионаже, униженное высокомерным вето генерала де Голля, наложенным на вступление Англии в ЕЭС, правительство, казалось, было неспособно указать стране ясное и четкое направление движения. Амортизация, износ власти были налицо. К тому же в партии лейбористов появился новый лидер, очень подвижный Гарольд Вильсон. С помощью красноречия и блестящего владения социалистической риторикой он мог пообещать достичь светлого будущего ценой очень небольших усилий.

Несмотря на показной подъем, организованный Алеком Дуглас-Хьюмом в конце срока, поражение было неизбежно. На несколько лет консерваторы были отправлены на скамьи оппозиции. Маргарет лишилась даже портфеля младшего министра.

Правда, она все же получила кое-какое удовлетворение, будучи с блеском переизбранной в Финчли, несмотря на новый скачок либералов, зарегистрированный на частичных выборах, в частности в Орлингтоне. Маргарет победила с преимуществом в девять тысяч голосов, одолев соперника-либерала Джона Пардо. В округе она была очень популярна. «Люди искренно любят ее за приветливость, за то, с каким сочувствием она относится к каждой проблеме», — писала «Финчли пресс». Маргарет придерживала свои остроты и колкости для противников в палате или ложных друзей, ведь ложные друзья хуже врагов. Теперь она в оппозиции, и это хороший повод поразмыслить над причиной поражения. Она говорила близким: «Мы плохо сыграли свою роль и потеряли работу в 1964 году».

Величие и рабство семейной жизни

Маргарет, как ей казалось, стали понемногу забывать, но ведь она еще была женой и матерью. На первый взгляд она была вполне довольна жизнью. Семья покинула квартиру в доме на Суон-Корт, ставшую тесноватой. Деннис купил просторный дом в Кенте, в Фарнборо, под

названием «Дормерз». Крохотная квартирка в Грантеме, расположенная над лавкой, все дальше уходила в воспоминания. Всю юность Маргарет мечтала о собственном садике, и теперь она его обрела. Большой дом с дюжиной комнат был окружен небольшим парком площадью около гектара. Для молодой дамы, депутата парламента, этот дом стал настоящим убежищем отшельника. Впервые она стала похожа на англичанку своего сословия, со всей страстью увлекшись садоводством. Палата депутатов была предана забвению, а вместе с ней и стрессы! Вооружившись резиновыми сапогами и перчатками, она бросилась в наступление на заросли колючего кустарника, перекапывала заброшенные участки и заросшие клумбы и грядки. Маргарет не была бы собой, если бы и садоводством не занималась со всей ответственностью и прилежанием. «Я прочитала все, что надо было знать об азалиях, о рододендронах и георгинах», — пишет она. За несколько лет запущенный парк превратился в образец порядка и чистоты. Ничто не выходило за определенные рамки, все было предельно аккуратно, ровненько, по струнке... Короче говоря, это было прекрасное олицетворение коттеджной Англии.

«Для двойняшек „Дормерз“ был раем», — вспоминает Маргарет. Но это было не такой уж правдой, как может показаться. Они были на попечении нянек, сначала Барбары, потом Эбби, и видели мать только за завтраком. По вечерам, часам к шести, они имели право ответить на телефонный звонок из палаты общин. Как только заседание заканчивалось, мать звонила им, чтобы пожелать спокойной ночи. И все. Но ведь детям этого было мало... Деннис тоже всегда был в разъездах. Месяц каникул, проведенный в Эссексе или на острове Уайт, не слишком многое менял в их жизни. Миссис Тэтчер была рядом с ними, но не одна, а со своими стопками досье, а мистер Тэтчер то и дело уезжал, чтобы судить матчи регби или участвовать в матчах игры в крикет.

Так что дети росли «трудными», хотя всегда выглядели безупречно, в своих отглаженных английских штанишках и платьицах, со столь же безупречными галстучком и фартучком. Им не оставляли выбора. Как множество женщин скромного достатка и происхождения, слишком быстро добившихся материального благополучия, Маргарет превратила своих детей в принца и принцессу из волшебной сказки. Но волшебная сказка может очень скоро превратиться в кошмар. «Настоящие маленькие лорды Фаунтлерой^[69]», — вспоминает о них один из злых языков. Если Маргарет и не была в семье злой феей Карабос, какой ее представили некоторые биографы, но она не была и доброй феей, дарящей одни улыбки. Кэрол вспоминает свое детство лишенным обыкновенных детских радостей:

материнского лица, склоняющегося над тобой перед сном, отцовского поцелуя, дающего силы; запомнился только превосходно содержавшийся дом, с изредка, в тяжелые моменты, проявлявшимися чувствами, — нежность, ограниченная «профсоюзными рамками...». Что касается Марка, то он стал жутким сорванцом, бездельником, ленивым, тщеславным, хвастливым. Он был абсолютным маменькиным сынком, всегда хотел быть правым и не терпел замечаний. У него был материнский характер, за исключением трудолюбия, взрывная смесь, в которой соединились лень и гордыня. Тем не менее при помощи частных репетиторов его все же довели до приличного уровня школьных знаний. В 1964 году двойняшки были готовы к отъезду в интернат, в прекрасные паблик скулз, разумеется, Марк — в Харроу, а Кэрол — в школу Святого Павла. В Харроу — но не в Итон, откуда ответили отказом...

Когда Маргарет была уже избавлена от забот о детях, ей доставил кое-какое беспокойство Деннис. У него начались неприятности с «Атлас компани». Как большинству средних и мелких предприятий, компании угрожали кризисы, связанные с нехваткой оборотных средств, с ликвидностью товаров. И когда такой кризис наступил, Деннис воспринял это катастрофически. Не для себя лично, потому что легко мог бы найти должность управляющего другой компанией, но для членов его семьи, живших только на доходы, приносимые компанией. Ему необходимо было найти какой-то выход из создавшегося положения.

В конце 1964 года Деннис не выдержал и сломался. Маргарет никогда не было рядом, предприятие его уходило под воду, а он никому не мог довериться. Некоторые биографы утверждают, что с ним тогда случилось то, про что говорят «седи́на в бороду, бес в ребро», но это маловероятно. Он просто расплачивался за слишком тяжелый груз, который нес на своих плечах, и в декабре 1964 года уехал один в Южную Африку, чтобы подумать и расставить точки над «i». Маргарет была ошеломлена. Она ничего этого не замечала и не ожидала ничего дурного! Поставленная перед фактом, она не знала, что думать. Деннис, такой надежный, такой сильный... Неужели он подвержен депрессии? А если еще присовокупить к этому шоку ощущения от потери власти консерваторами, можно сказать, что конец 1964 года и начало 1965-го были для Маргарет действительно тяжелыми временами. Прекрасная тэтчеровская машина забуксовала. Маргарет, никогда ничем не болевшая, где-то подхватила воспаление легких, и 30 января 1965 года, день похорон Черчилля, провела в постели. «Старый лев» держался долго. Увы, она не смогла даже воздать последние почести тому образцу, что сейчас покидал этот мир, вынужденная

довольствоваться тем, что написала пылкую статью в «Финчли пресс», скромно названную «Самый великий из нас»; она также перенесла на самое себя любимое изречение своего кумира: «В войне — решительность, в поражении — презрение, в победе — великодушие, в период мира — добрая воля».

Мощная механическая машина вновь заработала и двинулась вперед. После каникул, проведенных в Швейцарии и посвященных зимнему спорту, Деннис, «старый добрый парень», стиснул зубы и снова взял руль в свои руки. Он решил пока не поздно продать «Атлас компани» фирме «Кастрол», занимавшейся производством и продажей смазочных масел. Это было самое лучшее решение из всех, что он когда-либо принимал. Он получил хорошую цену, 530 тысяч фунтов, и в результате стал миллионером. Более того, фирма «Кастрол» предложила ему остаться во главе предприятия и войти в состав совета директоров фирмы. Так он покинул мирок малых предприятий, чтобы войти в большой бизнес, и не через какую-нибудь лазейку, а через парадную дверь. Теперь он имел право на жетоны для получения вознаграждения за присутствие на заседаниях советов директоров корпораций химической промышленности, и его нередко можно было встретить в кулуарах «Берма ойл компани» или «Бритиш петролеум», а также их филиалов и дочерних компаний.

Что до Маргарет, то долго оставаться в постели было не в ее стиле. В феврале 1965 года она вновь приступила к работе в палате общин, теперь уже в рядах оппозиции, и время, проведенное на скамьях оппозиции, окончательно сформирует ее идеи.

В оппозиции

«Если вы за семь лет сменили шесть министерских портфелей, то смело можете заниматься любой проблемой», — пишет Маргарет в своих мемуарах.

И это правда. Можно сказать, что с 1964 по 1970 год она не сидела без работы. В качестве рупора оппозиции она поочередно несла ответственность за работу с министерством пенсий и социального страхования, с министерством жилищного строительства, с министерством экономической политики. В 1967 году она стала членом так называемого «теневого кабинета» сначала как теневой министр энергетики, затем транспорта и, наконец, образования. Стоит ли говорить, что подобный широкий диапазон интересов и приобретенный опыт стали для Маргарет

весьма эффективной подготовкой к исполнению самых высоких обязанностей.

В теновом кабинете, находясь на посту тенового министра социального страхования, она продолжала, теперь уже в оппозиции, то, что начала, будучи среди депутатов от партии большинства: вела взрывные работы по разрушению нарядной, элегантной системы, увь, нуждавшейся в обновлении. На трибунах во время дебатов она не щадила никого, в особенности лейбористов Гарольда Дейвиса и Нормана Портланда, исполнявших в правительстве те же обязанности, что и она в теновом кабинете. С какой-то злой радостью она метала в них убийственные бандерильи своего красноречия. Несчастному заместителю министра, осмелившемуся вмешаться в ее объяснения, она бросила в лицо замечание, что «достопочтенная персона должна подучиться делать уроки дома». Другого заместителя министра она спросила, видел ли он бедных вдов не по телевизору, а в реальной жизни. Она обожала состояние возбуждения и так говорит об этом: «Я чувствую, как в кровь обильно поступает адреналин, когда вижу, как они готовятся напасть на меня, и когда я готовлюсь им ответить. Я уже начеку и говорю себе: „Давай, Мэгги, ты совершенно одинока. Никто тебе не поможет“. И это мне нравится».

Она не довольствовалась одной только парламентской деятельностью, но также работала над подготовкой к смене правительства, к новому приходу консерваторов к власти. Став членом группы по выработке национальной политики в области страхования, группы экспертов, в которую входили Кит Джозеф и Айри Нив, она размышляла над новой пенсионной системой. Вышеуказанные имена стоит запомнить. Эти люди станут главными вдохновителями Маргарет и ее самыми близкими советниками. Как бы там ни было, опубликованный в то время доклад явно свидетельствовал о характере будущих реформ: пенсионная система должна была стать самодостаточной или обеспечивающей себя к 2000 году. Частные пенсионные накопления должны были прийти на смену общественным деньгам, выделяемым государством. Проявляя осторожность, тори не приняли выводов комиссии. Но Маргарет не забудет содержания доклада. В 1979 году она сможет заняться претворением основных его принципов в жизнь.

В министерстве жилищного строительства она с радостью встретила своего старого «патрона» Джона Бойд-Карпентера. Кстати, в тот момент лейбористы буквально на блюдечке подали ей законопроект, против которого можно было ополчиться. Они хотели увеличить часть бюджетных средств, выделяемых государством на покрытие местных расходов

административно-территориальных образований и органов местного самоуправления, в ущерб местным налогам, которые должны были быть пересмотрены в зависимости от размеров доходов, приносимых сданной внаем собственностью и установленных Земельной комиссией. Маргарет «ухватила свою кость» и больше не выпустила ее. До самого конца этот вопрос будет ее коньком, если не сказать, боевым конем. В 1990 году она будет изнемогать под его тяжестью, желая во что бы то ни стало ввести подушный налог, который возложил бы всю ответственность на местные власти, так как им было бы предоставлено право устанавливать ставку налогообложения. Но пока что, лишенная власти и осужденная на бездействие, она могла только говорить о высших принципах и посмеиваться: «Миссия муниципального совета, который не будет нести ответственность за ставку налогообложения, будет совершенно замечательной. Он сможет все обещать и никогда не будет нести ответственность за издержки своих расходов». И тут опять возникла тема ее первой речи!

Маргарет сделала себе блестящую рекламу, написав статью для «Дейли экспресс» под названием «Этот налог на дом и сад». Она обрушилась с яростными нападками на идею повышения местных налогов в зависимости от площади участка, занимаемого собственностью. Она вонзала острие шпаги туда, где было для Англии самое болезненное место, потому что этим местом были «дом» и связанные с семейным очагом радости семейной жизни, а также чистенький садик, ухоженный и ровненько подстриженный газон и ярко-алые розы, выглядевшие так чудесно, несмотря на дождь. Читая статью Маргарет, средний англичанин чувствовал, что она говорит о том, что именно его собираются обобрать, ободрать как липку, а не кого-то другого.

А в это время в партии консерваторов шел процесс омоложения. Аристократичный Алек Дуглас-Хьюм в 1965 году уступил место Тэду Хиту. Вероятно, Маргарет должна была бы почувствовать, что они в чем-то очень близки. Ведь он происходил из очень простой среды, они вместе делали первые шаги на политическом поприще в Кенте, и считалось, что он принадлежит к правому крылу партии. Но ему явно не хватало некоторых качеств, столь необходимых для государственного деятеля: харизмы и обаяния. Маргарет, в которой не было ничего от кокетки-мидинетки^[70], сомневалась в этом холодном человеке, не любившем женщин. К тому же он производил впечатление ужасно голодного. Он так жаждал власти, что готов был пойти на любые компромиссы, чтобы ее заполучить и сохранить. Его хищная улыбка не скрывала волчьи клыки. Если уж иметь флюгер, то

хотя бы первоклассный и наделенный шармом, пусть даже из числа тех, кого можно назвать чистыми оппортунистами. Маргарет предпочла бы видеть на месте Тэда Хита Реджи Модлинга. Но Кит Джозеф заставил ее изменить свое мнение, уверив ее в том, что «Тэд Хит действительно хочет заставить Великобританию встать на ноги». Маргарет охотно поддержала Хита, но быстро в нем разочаровалась. «Он воспринял и смешал слишком много модных идей».

Когда в марте 1966 года Гарольд Вильсон назначил дату новых всеобщих выборов, Маргарет не питала никаких иллюзий. Она считала, что программа Консервативной партии представляла собой «мягкое сладкое тесто под названием маршмеллоу». Манифест, озаглавленный «Действия, а не слова», по ее мнению, был собранием 131 предложения, не содержащего ни одной ясной идеи. Она сомневалась в том, что этот перечень в духе бесконечных стихов Превера может воодушевить и увлечь толпы избирателей. К тому же лейбористы еще «пребывали в состоянии благодати», как бывает после каждых выборов. Она не ошиблась, консерваторы потерпели сокрушительное поражение, а лейбористы одержали победу, обретя большинство в 97 депутатских мандатов. Но она сама сохранила за собой округ Финчли, причем с блеском.

С этой минуты некоторые деятели из окружения Тэда Хита стали задаваться вопросом, не следует ли пригласить Маргарет в состав теневого кабинета. Но Хит отказывался это сделать под тем предлогом, что «если она однажды туда войдет, то потом невозможно будет ее оттуда выгнать». Слова оказались пророческими: это она его оттуда выгонит десять лет спустя...

Итак, она стала рупором Казначейства и экономики. Ее патрон, министр финансов теневого кабинета Иэн Маклеод, был кем угодно, только не либеральным ястребом. Это был консерватор старой школы, очень приверженный идее единой нации, превосходно образованный, восхитительно любезный и совершенно лишенный стыда и совести. Маргарет прекрасно с ним ладила. Он был снисходителен к порывам и капризам этой молодой женщины, излишне торопливой, на его взгляд. Несравненный организатор, он сумел привить ей навыки работы в команде. По утрам он собирал свою команду, составлял распорядок дня, раздавал поручения и требовал отчетов о проделанной работе. Регулярно он организовывал «заседания мозгового центра», умея заставлять людей работать в обстановке здорового соревнования. Он учил Маргарет особым хитростям и уловкам политической жизни. Наделенный трезвым умом, проницательностью, здравомыслием, этот человек, искушенный и

циничный, был мастером дворцовых интриг, устройтелем капканов и западней в прихожих, тонких операций в дворцовых покоях; разумеется, эта деятельность не приносила славы, но, увы, она была неотделима от жизни людей публичных. Он срывал перед Маргарет завесу с того мира, который ей еще не был известен, с мира, весьма далекого от методистских грез Альфреда Робертса.

Маргарет с великой радостью разбирала нелепости и глупости, которыми были наполнены бюджеты, составленные Джеймсом Каллагеном, министром финансов от партии лейбористов, читай — социалистов. Не входя в детали ее парламентских схваток с противниками, напомним только об одной из минут ее славы. В мае 1966 года лейбористы приняли решение ввести новый налог, так называемый выборочный налог регулирования занятости, который обрушивался только на предприятия, оказывавшие населению различные услуги, и вводился этот налог для того, чтобы выделять дополнительные субсидии тем секторам промышленности, которые находились под угрозой деиндустриализации, то есть сокращения производства из-за падения спроса на продукцию, а соответственно, сокращения рабочих мест. Эта мера была всего лишь жалкой декорацией, за которой пытались скрыть глубокие трещины, и не могла спасти те секторы промышленности, что были приговорены техническим прогрессом к исчезновению. Но принятия таких мер требовали профсоюзы, и лейбористы предпочли подчиниться^[71]. Для Маргарет не составило большого труда доказать министру-социалисту, что принятый закон поставит в невыгодное положение предприятия по обслуживанию населения, при этом ничего не улучшив в положении промышленности. Но она пошла еще дальше, спросив господина министра, каковы будут последствия принятия этого закона для работающих женщин, пользующихся на дому различными услугами. Министр, не обратив на ее слова особого внимания, посчитал, что сможет вывернуться, совершив замысловатый пируэт, а потому пошел в контратаку: «Похоже, distinguished член парламента забыла, что эта мера касается только работодателей, а не работников». Промах, причем грубый, был очевиден, и Маргарет не упустила случая его подчеркнуть: «Но ведь в данном случае женщина-работница выступает в качестве работодателя!» Полный нокаут! Маргарет не замедлила воспользоваться своим преимуществом и заявила: «Полагаю, distinguished джентльмен нуждается в женщине в Казначействе!» Это был триумф. В «Таймс» появилась статья под заголовком «Блондинка сулит гибель» (это можно было понимать двояко: как разруху в стране и как падение правительства. — Пер.), а Иэн Маклеод

сделал вывод: «После вчерашней речи Маргарет мысль о том, что когда-нибудь у нас сможет появиться на посту премьер-министра женщина, не показалась мне такой уж абсурдной».

Ведя баталии в палате общин, Маргарет вместе с тем углубляла свои познания в сфере экономики, посещая Институт экономических проблем. Это была лаборатория по выработке идей, некий мозговой центр, который впоследствии будет иметь огромный успех в англосаксонском мире. Институт был основан в 1950-е годы Артуром Селдоном и Энтони Фишером. Энтони Фишер, деловой человек, составивший себе состояние на торговле курами, хотел войти в политику, сделав ставку на экономический либерализм. Он отправился с визитом к Фридриху фон Хайеку, чьи работы, в особенности книга «Дорога к рабству», в то время пользовались огромной популярностью среди либералов. Хайек принялся отговаривать его от осуществления уже разработанного плана. Он сказал: «Выиграйте битву культур, выиграйте битву идей, прежде чем выиграть битву политическую». Можно вспомнить высказывание Маттье Ленэ: «Если люди, составлявшие авторский коллектив Института экономических проблем, писали свои труды, нисколько не заботясь о грядущих выборах, ни о том, как воспринимают их труды в мире политики, то со временем <... > они привлекли к себе внимание этого мира»^[72].

Мэгги была одной из «новообращенных». До сих пор она полагала, что следует «создать благоприятный духу предпринимательства климат в обществе, и некий круг людей добродетельных, и некую сферу, в которой рост производства позволит иметь большую прибыль и устанавливать более низкие налоги, что в свой черед будет еще в большей мере стимулировать рост производства». Она находит на конференциях и в трудах Института экономических проблем те дополнительные теоретические познания, которых ей так не хватало. Под руководством Энока Пауэлла, лидера правого крыла партии консерваторов, она постепенно приходит к убеждению, что всякая политика в сфере доходов, волюнтаристская или нет, обречена на провал. «Надо было сломить власть профсоюзов, ибо слишком мощные профсоюзы могли заставить поднять уровень реальной заработной платы гораздо выше предлагаемой рынком; эта преувеличенная оценка заставляла членов профсоюзов терять работу и обрекала на безработицу как членов профсоюзов, так и людей, не являвшихся таковыми». Но этого было недостаточно. Маргарет начала понимать суть того, что «не только тред-юнионы были причиной инфляции, требуя роста заработной платы, но в гораздо большей степени ее причиной было правительство, увеличивавшее денежную массу». Из всего

она сделала вывод, что «единственным способом разрешить эту проблему было изменение политики в сфере денежного обращения, сокращение расходов и уменьшение власти профсоюзов, причем первые меры следовало принять для прекращения роста инфляции, а третью — для снижения уровня безработицы...». Вот Маргарет и вступила на путь, ведущий к монетаризму! Она будет следовать по этому пути на протяжении тех лет, пока оставалась в оппозиции, и станет полной монетаристкой в 1974 году, вместе с Китом Джозефом.

Склонность Маргарет к экономическому либерализму усилилась в результате путешествия по Соединенным Штатам весной 1967 года, которое организовало американское правительство для самых многообещающих английских деятелей. Редко инвестиции, вложенные в пропаганду, оказывались делом столь же рентабельным, как в случае с Маргарет. Она впервые пересекла Атлантику. Брат с «великих просторов» вдруг обрел совсем иной вид. Теперь она смотрела на него восхищенными глазами Химены, взиравшей на великого Сида. Очарованная экономическим динамизмом, гостеприимством, патриотизмом, бесклассовым обществом, ну если и не бесклассовым, то уж по крайней мере бескастовым, Маргарет не замечала нищеты некоторых городских кварталов, не слышала яростных речей противников войны во Вьетнаме. Ее воодушевляли эти открытые люди, которые принимали ее в своих домах и показывали свои города с явной гордостью. Встретив в НАСА^[73] своего бывшего избирателя из округа Финчли, она вдруг осознала, что доброй старой Англии грозит серьезная опасность, а именно «утечка мозгов» в Америку, где лучшие условия жизни и труда, особенно в сфере научных исследований, а также гораздо более низкие налоги. Отныне Маргарет безустанно будет стараться удерживать лучших из лучших англичан на родине. Она также убедилась в том, сколь важны для общества меценатство и частная благотворительность. Все ей кажется более красивым, более свободным, лучше организованным под солнцем Нового Света, где государство занимает в жизни своих граждан довольно скромное место. После этого путешествия она сделала «вираж», отойдя от избранного было направления движения в сторону Европы, и стала ориентироваться почти только на «великие просторы» и Дядю Сэма.

Если экономические воззрения Маргарет становились все более жесткими, то это отнюдь не означало, что она превращалась в безнадежную реакционерку. К тому же у нее были трезвый разум политика и столь же обостренное политическое чувство. Она не последовала за «ископаемыми консерваторами», пошедшими крестовым походом против абортотворцев и против

того, что гомосексуализм перестали считать уголовно наказуемым деянием. Она знала, что эта битва проиграна, еще не начавшись. К тому же она вспомнила из своей адвокатской практики, как наблюдала в судах «на скамьях позора» несчастных «производительниц маленьких ангелочков» и гомосексуалистов, вступивших в половые отношения с совершеннолетними молодыми людьми с их согласия. Теперь она считала, что тогда по отношению к этим беднягам совершалась несправедливость, а потому она безо всяких колебаний и без угрызений совести проголосовала вместе с лейбористами. Когда это было необходимо, она умела оставаться свободной.

Такой была Маргарет Тэтчер в октябре 1967 года, когда Тэд Хит призвал ее в теневой кабинет. Он не мог поступить иначе. Ее звезда взошла на небосводе слишком высоко и блистала слишком ярко. Лучше было иметь ее в составе кабинета, чем за его пределами. По крайней мере, там ее будет сдерживать «правительственная солидарность».

В теневом кабинете

Восемь лет спустя после вхождения в палату общин Маргарет Тэтчер вошла в состав теневого кабинета. Она находилась на самой середине своего восхождения к вершине власти. Через восемь лет она станет лидером партии консерваторов, но в 1967 году вынуждена была работать под руководством Хита. Свидетельством ее все увеличивавшейся политической притягательности может служить тот факт, что с самого начала ей доверили не одно из «женских» министерств: здравоохранения, социального обеспечения или образования, а министерство «мужское», от которого пахло углем, атомом и мазутом, — министерство энергетики! Какой путь пройден! Она уже была уверена в том, что станет министром, когда консерваторы снова придут к власти, разумеется, если в ее жизни не произойдет какая-то катастрофа.

Во время заседаний теневого кабинета в канцелярии лидера партии консерваторов в Вестминстере перед всеми предстала великая Тэтчер, которая все время брала слово, всеми хотела командовать, всем распоряжаться, всех поучать, по любому поводу имеющая свои мысли и идеи, кстати, особенно в тех сферах, что не входили в ее компетенцию. Она полагала, что таким образом заведет себе новых друзей. Питер Ролисон, теневой генеральный атторней^[74], вспоминает, что «она говорила без умолку; не думаю, что она понимала, сколь она всех раздражала».

Постепенно Маргарет стала успокаиваться. Но все же за исключением Кита Джозефа и Эдварда Бойла, ее старого приятеля со времен Оксфорда, члены теневого кабинета смотрели на нее как на инопланетянку, с которой лучше не общаться слишком часто. Она не входила в круг приближенных к Тэду Хиту лиц, не была членом так называемых «внутреннего кабинета»^[75] и «кухонного кабинета»^[76]. Даже если Маргарет с течением времени и стала поспокойнее, все равно многие опасались ее порывов.

За границей Маргарет также нередко «принималась за свое». Так, в ходе визита в Вашингтон в 1967 году она на языке, который можно было бы назвать каким угодно, только не дипломатичным, обрушилась с упреками на директора МВФ (Международный валютный фонд. — *Пер.*), француза, выпускника Национальной школы администрации, имевшего несчастье ратовать за умеренную интервенционистскую политику^[77]. За десять минут она объяснила ему теорию рыночной экономики. На это высокопоставленный чиновник не нашелся, что ответить. Члены британской делегации были изумлены. В своей депеше министр иностранных дел в заключение написал, что она вела себя «как слон в посудной лавке». Да, приглушенная, обволакивающая атмосфера показной любезности, царившая в канцеляриях и кабинетах высокопоставленных сановников, была не для нее.

Но в своем министерстве она, как всегда, блистала и поражала всех беспримерной работоспособностью. Господа-члены теневого кабинета умели приятно проводить время. Сам Тэд Хит частенько отдыхал на своей яхте. Сэр Дуглас-Хьюм посещал бега и делал ставки. Лорд Каррингтон проводил уик-энды в красном сюртуке, с удовольствием наблюдая за тем, как свора его гончих вела охоту на дичь. По выражению одного из этих господ, Маргарет «не была членом клуба». Для нее наркотиком были досье, отчеты, доклады.

За несколько месяцев Маргарет стала всезнайкой в вопросах использования угля, тепло-и электростанций, в вопросах импорта нефти. Она со страстью занималась проблемами, которые обещали дар небесный для Англии, а именно, открытием богатых запасов нефти и газа в Северном море. Также она стала сторонницей использования атомной энергии, дабы лучше обеспечить энергетическую независимость страны.

Маргарет нередко обрушивалась с нападками на правительство. Ужасная трагедия предоставила ей еще одну возможность. В 1966 году в Уэльсе, в городке Аберфане 28 взрослых и 116 детей погибли в результате обрушения террикона, то есть отвала горных пород, находившегося в

ведении и юрисдикции Национального управления угольной промышленности. Позднее она напишет, что «воздержалась от слишком поспешных заключений, а в своем докладе показала, до какой степени во всякой крупной организации чиновникам свойственно полагать, что кто-то другой уже принял все необходимые меры и что именно этот другой и будет нести за все ответственность». Вполне трезвый анализ ситуации. Но в пылу сражения Маргарет утратила осторожность, принявшись упрекать руководителя Национального управления угольной промышленности в том, что он не прибыл на место трагедии. Она полагала, что руководитель любого ранга должен быть всегда впереди, «на бруствере траншеи», особенно когда пришла беда. «Когда происходит трагедия, руководитель, занимающийся делами ведомства, должен отправиться на место трагедии как можно скорее <...>. Он отвечает за все и должен показать людям, что он прибыл, чтобы увидеть произошедшее и выразить им свое сочувствие». Она требовала, чтобы «полетели головы», и сделала вывод: «Гораздо проще держать под контролем частное предприятие».

Маргарет разнесла в пух и прах политику субвенций^[78], предусмотренных Законом об угольной промышленности, ибо, по ее мнению, «нет никакого смысла посылать людей в шахты-колодцы, где, несомненно, будут погибшие, чтобы добывать уголь, который никто не купит». Она обрушилась с яростной критикой на высокопоставленных чиновников, которых хорошо знала, «ибо у них нет опыта коммерческого банка, прекрасно знавшего бы, что делать с углем». Про себя она, конечно, думала, что, если бы эти господа были хорошими работниками, давно бы уже работали в частном секторе и зарабатывали гораздо больше. Их синекура в Национальном управлении угольной промышленности была для нее свидетельством их некомпетентности.

В глубине души Маргарет хотела бы видеть энергетику приватизированной. Вместе с группой экспертов, воодушевленных Ником Ридли, она предложила Тэду Хиту план приватизации отрасли. Он ответил отказом, опасаясь политических последствий такого шага. Именно тогда Маргарет поняла, что ничего важного нельзя будет сделать, пока руководящие высоты занимает эта команда. Она вспомнила, как Хит во время поездки в Шотландию сказал: «К добру или к худу, но центральное правительство уже взяло на себя ответственность почти за половину деловой активности Великобритании, и это не может измениться». Для Мэгги эти слова были знаком смирения и покорности судьбе, уступкой, а ведь таких слов в словаре госпожи Тэтчер не было. Но в данный момент она могла лишь терпеть и запоминать. Партия консерваторов раскололась.

Росло и крепло правое крыло, куда входили такие деятели, как Кит Джозеф, Саймон Дженкинс, Джеффри Хау, Энок Пауэлл.

Последний являлся чем-то вроде наставника в этой группе. Он никогда не был особенно близок к Маргарет, но очень ее вдохновлял: «Енох из всех нас был самым блестящим; он был историком, экономистом и богословом одновременно, питая подлинную страсть к классическим знаниям». В 1968 году правительство лейбористов внесло в парламент проект Закона о расовых отношениях, целью которого было пресечь всякую расовую дискриминацию. Иммиграция стала политической проблемой. Время «мирной волны» иммиграции, прибывавшей из стран Содружества, прошло. Некоторые законы, вводившие квоты, ужесточили правила проникновения в королевство по сравнению с теми, что существовали до 1960 года. В 1967 году вопрос стал безотлагательным. Бунты, носившие явно этнический характер, сотрясали некоторые бедные предместья крупных городов. Изгоняя всех граждан азиатского происхождения по одному только внешнему виду, марксистская Кения уже подносила зажженный фитиль к бочке с порохом. Десятки тысяч вынужденных иммигрантов не имели другого выхода, как обратить взоры к старой колониальной метрополии. Мать-отчизна не могла не раскрыть объятия свои сыновьям, находившимся на грани гибели. Но в широких народных массах напряжение нарастало и становилось ощутимым. Вероятно, не отдавая себе в том отчета, Энок Пауэлл переступил красную черту. В речи, встреченной оглушительными аплодисментами в одном из рабочих пригородов Бирмингема, он посулил «море крови», если «этому цветному вторжению» не будет поставлен заслон. Его речь не была откровенно расистской, но он употребил такие выражения, которые политическому деятелю не прощают. Уверенный в поддержке теневого правительства, 21 апреля 1968 года Тэд Хит принял решение изгнать Пауэлла из теневого кабинета, вопреки мнению Маргарет, высказанному по телефону. Для правого крыла это был тяжелый удар. Один из его «тяжеловесов» пал. Для самого же Пауэлла это было началом пути вниз. Как многие слишком яркие политики, однажды увлекшиеся и не уследившие за своим языком, он на время укрылся в рядах систематической оппозиции, а затем превратился в своеобразного маргинала. В 1975 году он договорился до того, что стал призывать голосовать за лейбористов и, в конце концов, был предан забвению. Он забыл, что вне государственного аппарата для таких, как он, нет спасения... А вот Маргарет из этой истории урок извлекла. Она не будет скрывать своего отличия от других, но никогда не дойдет до точки разрыва, не переступит черту. Приключения одиночки — не для нее, для

нее этого мало. Она знает: выиграть можно только вместе с партией, и эту партию надо изменить, и изменить изнутри.

«Что не так с политиками?»

Очень быстро Маргарет получит возможность претворить в жизнь эту стратегию. По случаю ежегодной конференции Политического консервативного центра Тэд Хит предложил ей произнести торжественную речь на тему, «которая может заинтересовать женщин». Она сама могла выбрать тему и воспользовалась этой возможностью. По ее замыслу эта речь должна была быть не просто речью, а обвинительной речью, в которой большинство наблюдателей и комментаторов увидят первоначальную модель тэтчеризма. Однако и в этой речи она удержалась в заданных рамках и не перешла Рубикон, ведь это бы означало, что она отходит от линии партии.

Название речи уже было своеобразной программой: «Что не так с политиками?». Она подвергла жесткой критике политику консенсуса. Она во что бы то ни стало требовала «политики убежденности». Она говорила о том, что «демократия предполагает политическую альтернативу и наличие правительства, оппозиционного правительству, находящемуся у власти, наличие второго правительства, готового взять бразды правления страной <...>. Никакая крупная партия не может выжить на иных основах, кроме как твердой убежденности в том, что она собирается делать». После того как Маргарет разоблачила то, что она называла «ложью призыва к консенсусу», она поставила свой диагноз и тому, что считала бедой Англии: «Истинная проблема состоит в проникновении политики в те сферы, где ей совершенно нечего делать». Необходимо предоставить каждому возможность свободно развивать свои таланты. Это прежде всего вопрос морали, а потом уже вопрос экономики. «Деньги сами по себе не самоцель, они позволяют вести тот образ жизни, который был выбран». Деньги, то есть их наличие, позволяют все, в том числе и проявление милосердия. Добрый самаритянин смог прийти на помощь своему раненому собрату только потому, что он был хорошо обеспечен. Итак, сначала нужны деньги, а затем придут и решения всяческих проблем, и потекут они рекой из этого источника. Можно сказать, что в данном случае Институт экономических проблем оказал на Маргарет большое влияние. Теперь она была убеждена, что экономический волюнтаризм ничего не решает. «Мы так настаиваем на контроле за доходами, что забываем о роли

правительства, суть которой состоит в том, чтобы контролировать денежную массу и управлять спросом». Она завершила свою речь неизбежным призывом к строжайшей экономии бюджетных средств и к освобождению сил людей, способных к предпринимательству. При чтении этого текста трудно не заметить, какой страстью он проникнут, ведь в нем изложены принципы, которые будут предопределять грядущие сражения Маргарет: политика убежденности, противопоставленная политике консенсуса, скромное и строгое государство, политика монетаризма. Но в этой речи ощущается и наличие политического чувства, чувства возможного, реального. Маргарет не касалась тем, к обсуждению которых консерваторы еще не были готовы: денационализации, отказа от волюнтаризма, отказа от политики цен и доходов, определяемых в результате договоренностей, достигнутых при содействии государства. Она обо всем этом не говорила, поскольку поняла, что «нет политики, которая чего-то стоит без учета реальности». К своей силе убежденности она теперь присовокупила умение ловко маневрировать.

В ожидании выборов в министерстве транспорта и министерстве образования

Перечитанная по прошествии времени речь, произнесенная на конференции Политического центра консерваторов, приобретает особый смысл. Но тогда она прошла почти незамеченной. Тэд Хит решил вступить в борьбу с профсоюзами. Тред-юнионы начали серьезно осложнять жизнь лейбористского правительства, причем до такой степени, что правительство решило провести реформу под названием «На месте конфликта», целью которой было ограничение власти профсоюзов, но успешно завершить эту реформу не удалось. Когда же консерваторы вновь пришли к власти, положение дел только ухудшилось. Но в этот момент для Тэда Хита резкий, язвительный тон речи Маргарет был всего лишь незначительным нюансом, а не выражением совершенно иного взгляда на вещи.

Вот почему Тэд Хит без колебаний назначил ее в 1968 году министром транспорта, коим она пробыла несколько месяцев. В связи с этим назначением она впервые побывала в СССР. Естественно, ей показывали самые лучшие достижения советского режима: московское метро, самолеты, такие как Миги и создания КБ Сухого^[79], чудеса «Аэрофлота», даровавшего целому народу возможность путешествовать. Но Маргарет не

так глупа, чтобы ее могли ввести в заблуждение. Она видела и окружающую серость, пустые магазины, бегающие глаза. Она ощущала, что КГБ вездесущ. Когда она находилась в гостиничном номере, то не смогла настроить телевизор. Она никому не звонила, но вдруг в дверь постучали два техника, объявившие, что они пришли отремонтировать телевизор. Как оказалось, камера наблюдения, установленная в ее номере, зафиксировала ее «разборку» с образчиком советской бытовой техники. Для Маргарет это был мир Оруэлла. Она уже тогда была антикоммунисткой. Но, в отличие от большинства гостей с Запада, она не боялась ставить своих собеседников на место. Так, однажды ее повели в музей, перед которым она увидела статую кузнеца, перековывавшего мечи на плуги, дабы вспахивать пашню. С большой гордостью советский Цицерон принялся объяснять Мэгги: «Вот это и есть социализм». Бедняга не ожидал, что на него обрушится поток слов: «А вот и нет, это же из Библии, из Ветхого Завета, где сказано: „И перекуют они мечи на орала...“». Засим последовало смущенное молчание...

Через несколько месяцев Маргарет оказалась в министерстве образования. Как это часто бывает, это министерство было «взрывным материалом», и от министерского портфеля явно пахло порохом. Общество вело яростные баталии вокруг того, что во Франции называется «единым колледжем». Итак, обсуждался вопрос, нужно ли обучать всех учеников в общих учебных заведениях или, напротив, в конце обучения в начальной школе проводить особый экзамен, позволяющий провести отбор самых лучших из них, с тем чтобы направить в особые учебные заведения, где таланты будут развиваться, чтобы впоследствии эти дети смогли сделать отличную карьеру. Лейбористы решили заменить все классические школы, колледжи и лицеи, куда можно было поступить, только пройдя через вступительные экзамены, так называемыми компрехенсив скулз, где были бы объединены все ученики. Вначале, по их замыслу, такие меры были факультативны и местные органы образования могли сделать выбор между двумя системами, но циркуляр от 1966 года делал реформу почти обязательной. Модная доктрина утверждала, что в результате слияния учеников в единую массу произойдет «переплавка» и получится амальгама, в которой даже самые слабые подтянутся вверх; к тому же предполагали, что сей процесс будет способствовать большему смешению различных слоев общества. Никто, казалось, не задумывался над тем, что эффект может быть прямо противоположным и общий уровень, вместо того чтобы подняться, может снизиться, так как дети из более обеспеченных слоев наверняка уйдут в частные школы; никто не думал о том, что, в конце

концов, одаренные дети из семей со скромным достатком будут осуждены пребывать в атмосфере посредственности и тем самым лишены возможности совершить восхождение по социальной лестнице. Но таковы были убеждения Маргарет: «Я знала, что достигла своего нынешнего положения благодаря хорошему общему образованию, бесплатному или почти бесплатному, и я хотела, чтобы и у других был такой же шанс».

Маргарет упразднила бы компрехенсив скулз, но консерваторы ее не слышали. Общественное мнение склонялось в пользу введения этих мер, только некоторые местные органы образования пытались оказать противодействие реформе, к тому же, как довольно резко отмечает Маргарет в своих мемуарах: «<...> многие консерваторы не интересовались проблемой общего образования, так как они сами и их дети учились в частных школах; они составляли группу людей, желавших, чтобы их убедили в полезности этих мер с помощью аргументов, подтверждающих их своевременность и необходимость с политической точки зрения». Она понимала, что если придет к власти вместе с партией, должна будет проводить политику, не совпадающую с ее убеждениями, но, по крайней мере, она постарается предоставить свободу выбора местным органам образования и спасти лучшие классические школы. Кстати, полагая, что базовые образовательные учреждения являются фундаментом всякого образования, она заставила вписать в программу консерваторов пункт о значительном улучшении начального школьного образования, а также о том, что обязательное образование должно распространяться на детей до шестнадцатилетнего возраста. Настояла она и на том, чтобы в программе было сказано о предусмотренном двукратном увеличении мест в университетах. Если необходимо, она без колебаний могла настаивать на увеличении государственных расходов в тех секторах жизни государства, которые считала стратегически важными.

Маргарет также организовала настоящий крестовый поход против так называемого «пермиссивного общества»^[80]. В конце 1970-х годов все старые структуры начали трещать по швам. Маргарет с изумлением и даже страхом констатировала, что «произошел полный разрыв между традиционным христианством и авторитетом государства». В довольно ядовитой статье она настаивала на том, что «молодежь следует учить чувству ответственности, ибо свободен ли человек, подчиняющийся своим инстинктам?». Нет, утверждала она, такой человек не свободен, «ибо он — раб своих страстей».

В результате этих сражений число врагов Маргарет множилось, но росло и число друзей. На скамьях лейбористов Уилли Гамильтон

высказывал предположение, что «она станет скинхедом от партии консерваторов». Многие смеялись над ее попытками спасти некоторые классические школы, ведь если вся система образования не будет состоять только из компрехенсив скулз, то тогда средняя школа будет представлять собой «систему, работающую на двух скоростях». Ее обвиняли в том, что она хотела создать «апартеид, систему, предусматривающую возможность особого развития для некоторых привилегированных, а для остальной массы — статус лиц второго сорта». Воодушевленный предоставившейся возможностью уязвить Маргарет, один депутат-лейборист обвинил ее в том, что она поставила крест на самых слабых, так как «треть населения будет приговорена к тому, чтобы стать угольщиками или малярами». У Маргарет появилась прекрасная возможность посмеяться над этим «снобизмом шиворот-навыворот», когда лейбористы, претендующие на то, что они являются представителями рабочего класса, на самом деле смотрят сверху вниз на работников физического труда. И она ее не упустила, в заключение добавив, что «страна вообще-то нуждается и в угольщиках, и в малярах».

В конце десятилетия над лейбористами стали собираться тучи. Забастовки, рост безработицы, инфляция, девальвация фунта стерлингов... Правительство Вильсона уже было в конце пути. Оно вступило в бесконечные переговоры об уровне заработной платы с профсоюзами, требовавшими ее повышения, причем постоянного. Выборы предвиделись в самом скором времени.

В конце января 1969 года Тэд Хит собрал в Селдсоне всех членов своего кабинета, чтобы выработать направления будущего манифеста консерваторов. В различных работах можно прочесть, что это собрание стало началом крутого разворота тори вправо. Это верно лишь отчасти. На этой встрече в основном подтвердились избранные направления: жесткая миграционная политика, сокращение общественных расходов и в особенности стремление образумить и подчинить профсоюзы, о чем речь уже шла в опубликованном несколькими месяцами ранее партийном документе «Что касается работы». Однако на ней не рассматривались планы денационализации промышленности и осуществления контроля над денежной массой. Маргарет не удалось навязать большинству собравшихся свои взгляды ни по поводу компрехенсив скулз, ни в сфере монетаризма. Ее довольно грубо осаживали даже по поводу, казалось бы, незначительных деталей. Так, например, она высказала пожелание в дальнейшем несколько уменьшить размеры пособия многодетным семьям, поскольку крупные пособия только способствуют повышению рождаемости в бедных семьях, а

это значит «плодить нищету». Но эти холеные господа из теневого кабинета не могли себе представить, что женщины способны рожать только для того, чтобы увеличить свои доходы. Вопрос о «халявных деньгах от ширинки» тогда еще не стал модной темой, подтвердившей правоту Маргарет. И все же, несмотря ни на что, она написала, что «Тэд Хит хочет вновь вывести Великобританию на правильный путь». По ее мнению, имея намерение вразумить профсоюзы, он уже прошел половину этого пути. Итак, она вступила в избирательную кампанию 1970 года, полная надежд и проникшись доверием к своему шефу.

Атмосфера в обществе была благоприятной. Тэд Хит, выступая на телевидении, произвел впечатление человека честного, добропорядочного и неподкупного. Он создал себе политический капитал своим скромным происхождением и мог обещать британцам новый стиль поведения правительства. Кроме того, сам Гарольд Вильсон невольно поспособствовал его успеху, называя Хита на митингах «человеком из Селдсона», словно в названии этого городка было что-то оскорбительное. Однако реакция получилась прямо противоположная той, что ожидал Вильсон: избиратели узнали самих себя в жителях этого городка, столь же далекого от туманных и сумбурных теорий лейбористских технократов, как и их собственные города и городки. Результаты оказались «на высоте». В июне 1970 года консерваторы выиграли на выборах. В Финчли Маргарет победила с преимуществом в 11 тысяч голосов, то есть получила еще на две тысячи голосов больше, чем в 1966 году. Ей было 45 лет, и перед ней открывались блистательные перспективы стать министром действующего правительства.

Дела Денниса тоже процветали. Незадолго до выборов он купил «Маунт», роскошный особняк елизаветинского стиля, стоящий посреди очаровательного английского классического парка. Итак, власть и преуспевание... У Маргарет было все для того, чтобы прожить лучшие годы своей жизни, но было и нечто, вызывающее огорчение. Ведь ей придется проводить в жизнь не собственную политику и довольствоваться положением подчиненной, а она так хотела поставить свою силу воли на службу Великобритании. Но об этом она не смела и мечтать. Журналисту, задавшему ей после выборов вопрос, не станет ли она в один прекрасный день премьер-министром, она ответила: «Нет, никогда при моей жизни женщина не станет премьер-министром. У людей слишком много предрассудков».

Сейчас же Маргарет предстояло стать министром образования. На следующий день после выборов Тэд Хит утвердил ее в должности, которую

она занимала в теневом кабинете, и 22 июня 1970 года она обосновалась в величественном здании на Керзон-стрит, где располагалось министерство образования и науки. Она стала полномочным министром и была готова «стать, с одной стороны, пугалом, а с другой — предметом особой ненависти для учителей и преподавателей», как она шутливо написала в мемуарах.

Глава пятая

В МИНИСТЕРСТВЕ ОБРАЗОВАНИЯ, ПОЖИРАЕМАЯ «МАМОНТОМ»

1969 год называли эротическим, а 1970-е годы — волосатыми или длинноволосыми. По всей Англии, от кампуса Оксфорда до газонов и лужаек Гайд-парка, хиппи был королем, марихуана — королевой, а марксизм был их шутком, вне зависимости от того, какого он был «оттенка»: маоистского, маркузианского или ситуационистского^[81]. Свободная любовь, секс до пресыщения, джинсы, разбросанные повсюду... Студенческая молодежь с удовольствием предавалась этим милым штучкам, чтобы эпатировать буржуа. Именно в этот кипящий котел цвета розовых игрушечных слонов и красных прогрессивных идей, поднятых до ушей воротников, самовязанных шарфов и дубленок мехом внутрь Тэд Хит и бросил Маргарет Тэтчер с ее аккуратнейшей укладкой волос, покрытых лаком, с ее жемчужным колье, костюмами цвета сапфира, невероятными шляпами и с ее очень жесткими идеями.

Столкновение культур

В Великобритании министерство образования традиционно доверяли интеллектуалам или, по крайней мере, людям ярким, склонным к борьбе идей и к умозрительным философским размышлениям и рассуждениям. Маргарет Тэтчер имела ученую степень магистра химии, и всё. Она с презрением относилась к расплывчатым идеям и вялым прогрессивным течениям, она питала страсть к действию. Чиновники, работавшие у нее в подчинении, описывали ее как «полный ноль в философии», как «консерватора-экстремиста», как женщину, которая «в интеллектуальном плане далеко не достигла пика». В партии консерваторов, в основном состоявшей из выпускников «Оксбриджа», из людей прослушавших знаменитый курс философии, политики и экономики в Оксфорде, какие-нибудь Эдварды Бойлы или лорды Хейлшемы могли оставить по себе добрую память, ведь они умели вести ученые споры о педагогике, выпуская на ветер потоки слов и так мало совершая действий. Маргарет была полной противоположностью этих господ, и контраст был поразителен. Хотя ее назначение на должность министра образования было как бы

продолжением ее функций в теневом кабинете, эту работу вряд ли можно назвать синекурой. Если бы Тэд Хит хотел преподнести Маргарет отравленный ядом подарок, он поступил бы именно так.

Действительно, Маргарет пришлось сразу же столкнуться с высокопоставленными чиновниками ведомства, людьми благовоспитанными, элегантными, изысканными, но к работе равнодушными, привыкшими к стилю руководства, «основанному на консенсусе», потому жесткий стиль ее директив и требование их выполнения были восприняты в штыки, как она пишет в мемуарах. Эти господа на гражданской службе разделяли идеи «социализма, пронизанного уверенностью в завтрашнем дне», то есть верили в автоматическую способность социологов и составителей различных планов создать модель лучшего мира. «Для них в их поведении не было ничего циничного. Для них, людей, не отдававших себе отчета в том, какие последствия для качества образования будет иметь введение единообразия, равенство в системе обучения было трамплином на пути к социальному равенству, польза которого в их глазах — неоспорима». Надо сказать, что так называемые прогрессивные идеи были в моде в этой среде, так как высокопоставленные чиновники, работавшие в министерстве образования, часто испытывали чувство неудовлетворенности и даже втайне считали себя неудачниками. Это было не то место работы, которое выбирали и которого добивались, его скорее сносили, как испытание. Разве могло оно сравниться с министерством иностранных дел или с министерством финансов?! Вот чиновники от образования и утешались тем, что работают «ради счастливого будущего». И Маргарет, судя обо всем трезво, пишет: «У меня друзей среди них не было».

Попав в министерство образования, она будет тратить уйму времени на горячие споры со своим чиновничьим аппаратом. Первой мишенью ее нападков стал управляющий делами министерства, сэр Уильям Пайл. Аристократ, по мнению многих, «человек гениальный, сдержанный», любитель курить трубку, видевший только блестящую сторону вещей и явлений, он считал Маргарет «наглой» и «малоодаренной» и всегда противился ее попыткам отстранить от должности чиновников, отказывавшихся выполнять ее указания. Один из инспекторов министерства так вспоминает о ней как о министре: «Это же убийца! Она же уничтожает идеи, репутации и людей! Если вы с ней не согласны, то <...> лишитесь работы. Она составляет себе о ком-нибудь мнение за десять секунд и редко его меняет <...>; я думал, что она создана из льда <...>; даже когда она была взволнованна, ее манеры оставались безупречными».

Маргарет не выносила пристрастности своих подчиненных, полагая, что чиновник должен следовать в русле политики, избранной властью, и хранить верность только одному «господину» — государству. Она была шокирована, когда заметила, что некоторые чиновники делят свою «верность» между правительством и профсоюзами. На конгрессе Национального союза учителей в сентябре 1970 года она с неудовольствием констатировала, что между элитой ее министерства и вожаками профсоюзов существуют многочисленные дружеские связи: «На банкете они обменивались шуточками и понятными им намеками; всё, вплоть до жестов, свидетельствовало о том, что в их отношениях есть нечто гораздо более серьезное, чем простая любезность; там ощущалась настоящая взаимная симпатия».

К министрам, ведающим отдельными вопросами по поручению премьер-министра, и к своим заместителям она относилась так же, как и к другим высокопоставленным чиновникам. По ее словам, из троих один был другом, второй — врагом, а третий сохранял нейтралитет.

Другом Маргарет был лорд Экклз, истинный консерватор, министр, занимавшийся по поручению премьер-министра вопросами искусства и исторических памятников. Он когда-то возглавлял все министерство и, учитывая его богатый опыт, не был на самом деле подчинен Мэгги; роль его была почетной и второстепенной. К тому же его ведомство располагалось не на Керзон-стрит, а на Белгрейв-сквер. А потому он почти ничем не мог помочь своей молодой коллеге, чью викторианскую энергию, а также умение говорить правду в глаза он высоко ценил.

Врагом Маргарет стал Уильям Ван Штаубензее, верный друг и преданный слуга Тэда Хита. Маргарет поняла, что он находится в министерстве, чтобы наблюдать за ней. Отношения с этим «агентом», которого ей подсунули, чтобы за ней шпионить, были ужасны. Она загружала его тяжелой, нудной, малозначительной работой, не предоставляла ему никакой информации, а когда он отбыл заниматься «ирландскими делами», наградила его напоследок замечательным прозвищем «недалекий медведь».

Нейтралитета придерживался лорд Белстед. Она относилась к нему немногим лучше, нежели к предыдущему. Впоследствии он сделал вполне приличную карьеру, став в 1980-е годы председателем палаты лордов, а она написала, что сей «блестящий господин был послушным сердцеедом, но совершенно отсталым и неспособным действовать так, как нужно».

Сменившие этих господ в 1972 году Норман Сент-Джон-Стевас и лорд Станфорд также будут на второстепенных ролях. В 1981 году Сент-Джон-

Стевас, «оставшийся в стороне» от правительства консерваторов, вспоминал о Маргарет периода 1972 года не очень любезно: «Я удивлялся тому, что у нее есть свое определенное мнение <...>, даже если оно и было неправильным, ложным. Я удивлялся тому, что она все видела либо черным, либо белым, ведь мой мир был окрашен во все оттенки».

Настоящими союзниками Маргарет были люди из секретариата ее министерства. В отличие от Франции, где секретариаты министерств уже давно стали центрами власти, в Англии система частных или личных советников была еще в зачаточном состоянии. Маргарет Тэтчер первая нашла в них опору. Заведующий секретариатом Филипп Халси, личная секретарша Маргарет и технические советники стали сердцем Керзон-стрит, к великому несчастью старых заправил министерства.

С теми же, кто был близок Маргарет по духу и убеждениям, она поддерживала самые теплые отношения. Эта женщина, про которую говорили, что она создана из льда, могла быть очень внимательной и благородной. Многие припоминают, как она сама готовила кофе в зале для заседаний или на кухне в министерстве яичницу-болтунью, если заседание затягивалось допоздна. Она знала вкусы каждого из сотрудников и, не считая нужным беспокоить обслуживающий персонал, для одних делала омлет, другим варила яйца вкрутую, и память никогда ее не подводила. К тем, кто верой и правдой служил ей, она относилась «внимательно», «человечно», «по-матерински заботливо». Человек либо был членом ее клана, либо нет, третьего было не дано; к членам своего клана она относилась как курица к своим цыплятам. Она их поддерживала, ободряла и продвигала вперед. Власть была для нее страстью, службой, идеалом, долгом, а не гонкой за привилегиями. Простота была манерой ее поведения, и в этом она не имела ничего общего с представителями английской элиты, превращавшими летописи монархии в продолжение своих собственных изукрашенных гербами «потолков», то есть тех уровней, что они достигли; отличалась она в этом и от представителей французской элиты, довольно урчавших под грузом золота Республики, возлежа на коврах мануфактуры Савонри, унаследованных от старого режима.

Но приятные моменты в отношениях с единомышленниками практически ничего не меняли в малопривлекательном характере того министерства, которое было вверено заботам Маргарет. Для женщины, сделавшей борьбу с излишними общественными расходами частью своего кредо, было особенно неприятно возглавлять министерство, живущее за счет бюджета и тратившее денег больше, чем ему было предназначено^[82]. В течение трех лет и восьми месяцев, проведенных ею в министерстве

образования, она без устали просила у министерства финансов дополнительные субсидии, защищая свой бюджет. Но для нее это было «министерство ренегатства», ибо вынуждало ее изменять своим принципам. Именно по этой причине она говорила об «ужасном министерстве», назначая в 1979 году Кита Джозефа министром образования.

Министерство образования было не только «министерством ренегатства», но и «министерством бессилия». В основном власть над школами была в руках местных органов образования, которые утверждали программы, набирали учителей, и они же вносили предложения о превращении классических школ в компрехенсив скулз. Что же касается профсоюзов, то они так привыкли к тому, что с ними советуется по любым вопросам, что в итоге де-факто «наложили лапу» на политику в сфере образования. Всякое несогласие воспринималось ими как «акт агрессии против экспертов-педагогов». По словам Мэгги, Национальный союз учителей превратился в «государство в государстве <...>; государство годилось для того, чтобы платить зарплату, но оно не должно было принимать решения». Короче говоря, возглавлять министерство образования было равносильно тому, «чтобы плыть в лодке, вооружившись резиновым веслом». Вскоре тому, что Маргарет бессильна в борьбе с созданием компрехенсив скулз, было представлено убедительное доказательство.

Безнадежная битва против компрехенсив скулз

К исполнению своих обязанностей на Керзон-стрит Маргарет Тэтчер приступила 22 июня 1970 года. Проводя уик-энд в Ламберхерсте, она нацарапала крупными буквами в школьной тетради 15 пунктов, требовавших немедленного решения. На заседание руководителей департаментов, управлений и отделов министерства она прибыла с тетрадью под мышкой. В девять часов утра, не дав работникам министерства возможности изложить свои соображения, она предложила им записать ее директивы. Вырвав из своей тетради исписанные страницы, она протянула их Уильяму Пайлу и сказала, что это и есть руководство к действию. В 9 часов 30 минут заседание закончилось. Редко когда заседание руководства министерства проводилось в столь «малодипломатичной форме».

Главной мерой, принятия которой Маргарет Тэтчер потребовала

немедленно, была отмена циркуляра 10/65 лейбористского правительства, вынуждавшего местные органы образования приступить к превращению классических школ в компрехенсив скулз. По сути, в этом не было ничего революционного. Так как Тэд Хит отказался внести в партийный манифест тори пункт о прекращении процесса «компрехенсивизации», то теперь речь шла только о том, чтобы этот процесс не был обязательным и местные органы власти сохранили бы свободу выбора между «единым колледжем» и старой системой образования. Но манера, в которой все это было сделано, явно была революционной. Два дня спустя после вступления в должность Маргарет собрала пресс-конференцию, чтобы объявить о немедленной отмене спорного циркуляра. Не было никакой договоренности с профсоюзами, никаких обсуждений, согласований и создания специального комитета, было только жесткое проявление политической воли. Пресса разбушевалась. В «Таймс» заговорили о «политическом вакууме», в «Дейли миррор» вспомнили о «лотерее», в «Гардиан» громогласно заявили, что «нация нуждается в единой системе». Профсоюзные деятели метали громы и молнии. Что касается Тэда Хита, то его это «чрезвычайное правление», столь далекое от собственных методов управления, очень раздражало.

Однако это была буря в стакане воды. Оппозиция делала вид, что пребывает в негодовании и возмущении, но развитие системы компрехенсив скулз не встретило преград. Местные органы образования вновь стали «хозяевами положения», в большинстве выбрав общее направление движения. Эгалитаризм^[83] был модным веянием времени. Маргарет Тэтчер ничего не могла с этим поделать. Правда, она, в отличие от своих предшественников, никогда не пользовавшихся своим правом признавать или нет законную силу предложений местных органов образования, взялась тщательно изучать эти предложения^[84]. Она, в частности, приостановила процесс создания крупных школьных комплексов, на 20 лет опередив события и угадав, что они станут бродильными чанами, где будут вызревать невежество и детская преступность. Однако, несмотря на ее прозорливость, из 3600 предложений она оторинула тогда всего 325, то есть менее 9 процентов.

Действуя «точечно», Маргарет смогла спасти несколько хороших учебных заведений, то есть 92 классические школы. Она прикладывала массу усилий, чтобы получать поддержку родителей. На ежегодной партийной конференции в 1972 году она бросила им призыв, прозвучавший как признание в бессилии: «Надеюсь, те, кто верит в будущее классических

школ, произведут в своих округах и за пределами этой крепости столько же шума, сколько они производят здесь и сейчас». Благое пожелание! Общественное мнение сложилось в основном в пользу «общего пути». В ее же собственном округе совет под предводительством некоего господина Барнета (консерватора!) выбрал «единую школу» после того, как был проведен зондаж общественного мнения и выяснилось, что 79 процентов родителей расположены именно к такой школе. Маргарет признается в мемуарах, что все же спасла несколько лицеев, в частности, такие известные, как Крайстс-колледж и Вудхаус, но в остальном потерпела поражение, потому что «очень часто у нее не было другого выхода, кроме как одобрить преобразования».

С 1970 по 1974 год количество компрехенсив скулз увеличилось вдвое. В них уже обучались около 62 процентов школьников. Процесс, казалось, был необратим. Маргарет плохо переносила создавшееся положение, а положение было тем более тягостным, что справа на нее напали те, кто, по ее ощущениям, были ей наиболее близки. Один из ее друзей-политиков, депутат от правого крыла партии доктор Бойсон, жестко выступил против политики правительства в сфере образования. В статье, опубликованной в «Спектейтор», он подвел беспощадный итог процесса нивелирования всех школьников по низшему уровню, порожденному созданием компрехенсив скулз. Несколько месяцев спустя вместе с другими членами парламента он опубликовал «Черную книгу» о системе образования, где пришел к выводу, что политика команды Хита осуждена на неудачу. Исчезновение классических школ, превосходных лицеев, доступных всем хорошим ученикам вне зависимости от их социального происхождения, будет, по его мнению, препятствовать социальной подвижности общества, ибо навязывает детям из семей со скромными доходами учебу в школе-гетто, приспособленной к наиболее слабым ученикам. Только дети из богатых или зажиточных семей смогут посещать частные школы, которые будут их «вытаскивать» или «выталкивать» наверх. В одном докладе он пошел еще дальше и предложил в качестве мотивации для студентов заменить стипендии ссудами и платить преподавателям вознаграждение в соответствии с их заслугами в деле образования. Маргарет могла только аплодировать, ведь взгляды доктора Бойсона были и ее взглядами. Однако, храня верность главе правительства, она вынуждена была резко осудить авторов манифеста. И только потом признала, что «много позже, уже став премьер-министром, смогла действительно провести реформу общеобразовательных школ».

Сейчас же Маргарет могла действовать только в очень узких рамках,

поддерживая 176 учебных заведений, являвшихся «школами прямого субсидирования», то есть классическими и привилегированными частными школами, получавшими дотацию от министерства образования. Она была вынуждена вести жесткую борьбу в их пользу, требуя, чтобы выделяемые им ассигнования с двух миллионов фунтов были увеличены до девяти миллионов. Как она заявила в палате общин, «они подвержены нападкам не потому, что они плохие, а потому, что они хорошие». «Какая ужасная, какая жестокая философия заключена в том, чтобы пытаться закрыть хорошую школу только потому, что она хорошая и другие школы пытаются подняться до ее уровня».

Маргарет поддерживала и другие частные школы, те самые паблик скулз, которые, по ее мнению, были «гарантией для всех наших детей от монополии системы народного просвещения». Она это делала с великим воодушевлением, ибо могла изобличить лицемерие своих противников и растерзать их в клочья. «Назовите мне, — восклицала она в палате общин, — хотя бы одного члена Лейбористской партии, который не послал бы своих детей в паблик скулз!» Как оказалось, нашлось всего трое, которые поступили иначе...

Но эти словесные турниры и пирровы победы на парламентском форуме красноречия были всего лишь крайними средствами. Маргарет знала, что проводимая ею политика — не ее политика, и это ее глубоко уязвляло и мучило. В статье, опубликованной в «Таймс» 12 ноября 1970 года, она словно бросила вызов будущему: «Я не согласна с тем, что все должно на этом и закончиться. Это означает, что школа, где не предусмотрен отбор, является последним словом в сфере образования <...>. Я действительно надеюсь на то, что вскоре появится целая система школ, предусматривающих отбор».

Маргарет Тэтчер — похитительница молока^[85]

Неприятности Маргарет не ограничивались тем, что она вынуждена была проводить политику, которую не одобряла. Ей пришлось пережить настоящую политическую бурю, когда в 1971 году она отменила раздачу бесплатного молока в начальной школе, спровоцировав торнадо, сама того не желая!

Следует заметить, что предложенная Мэгги мера была всего лишь проявлением здравого смысла. В послевоенные годы, когда только-только отменили карточную систему, многие дети страдали от недоедания и его

последствий: худосочия и рахита, но теперь в Англии, «обществе всеобщего благоденствия», уже не было столь бедных семей, которые не могли бы обеспечить детей молоком. А потому довольно часто невостребованный драгоценный напиток прокисал в школьных холодильниках. Когда министр финансов Тони Барбер обратился в министерство образования с просьбой найти способ небольшой экономии средств, никто не возразил в ответ на предложение Маргарет отменить бесплатную раздачу молока и чуть-чуть поднять цену завтраков и обедов в школьных столовых. Кстати, высокопоставленные чиновники сыграли роль подстрекателей, заметив, что лейбористы уже приняли такое решение относительно учеников старших и средних классов. Они конечно же были чрезвычайно рады видеть, как министр их министерства влезает в эту ловушку.

В любом случае лейбористы нашли кость, которую можно было грызть, пресса — тоже. В палате общин оппозиция затянула ту же песню: «Можно оценить поразительную до-библейскую философию этого правительства, отнимающего молоко у детей!» Один distinguished член парламента назвал Маргарет Тэтчер «пещерной женщиной из логова реакционеров», другой принялся объяснять, что «она для министерства образования — то же, чем был Аттила для стран Запада». Газеты также набросились на добычу. «Сан» уже в заголовке вопрошала: «Человечна ли Маргарет Тэтчер?», а «Гардиан» подхватила выражение одного парламентария-лейбориста: «Миссис Тэтчер — похитительница молока».

Для Мэгги наступили несколько наихудших месяцев в ее министерском опыте. Она чувствовала, как ненависть прилипает к ней, словно «слепни к крупу лошади летним вечером». Карикатуры в таблоидах с превеликой радостью представляли ее то в виде огромной злющей волчицы, то в виде Дракулы в юбке, то в виде ведьмы, отнимающей хлеб у малых детей, — выбор был велик. Несправедливость происходящего потрясла эту сильную женщину. Да, она посмела покуситься на некий символ, но не понимала, почему ее преследуют с такой яростью. Правда, в то же время враждебные взгляды действовали на нее возбуждающе, придавая силы выдержать испытание. Она извлекла из всего случившегося великий урок здравого политического смысла: «Я навлекла на себя максимум позора и унижений в политике ради минимума политической выгоды. На протяжении долгих месяцев я находилась в безвыходном положении, попав в ловушку <...>, дав втянуть себя в ссору <...>, чтобы сэкономить 9 миллионов фунтов, которые можно было бы без малейшего ущерба изъять из бюджета министерства снабжения <...>. В будущем, если

уж подвергаться казни через повешение, то уж ради быка, а не ради яйца, и уж конечно не ради несчастного стакана молока».

А пока неудачи преследовали ее. В «увлеченные марксизмом» кампусы она смогла проникнуть только в сопровождении полиции. В Энфилд-колледже даже пришлось призвать на помощь конную гвардию, чтобы проложить ей путь сквозь толпу распоясавшихся, остервенелых студентов, скандировавших: «Тэтчер — вон! Социалистическую революцию — сюда!» Она также столкнулась со студенческими профсоюзами, которые добились в свое время от правительства лейбористов решения об обязательном вступлении в них всех студентов по причине того, что студенты пользуются общественными услугами: страхованием, социальным вспомоществованием и т. д. Маргарет попыталась добиться отмены этого закона, даровавшего профсоюзам невероятные права, но потерпела поражение. Правительство не хотело столкновений с молодежью, зная, какова политическая цена таких столкновений. Маргарет также потерпела поражение, когда попыталась подчинить политику выделения субсидий университетам политике борьбы с наркотиками, с «утратой моральных ценностей и обществом вседозволенности». Руководство университетов тотчас же оседлало таких любимых коньков, как великие принципы независимости высшего образования и свободы получения и распространения знаний. Некоторые ученые мужи, у коих на устах было одно только слово «революция», напомнили о вольностях, дарованных учебным заведениям королевскими грамотами (хартиями) многовековой давности; так было, скажем, в Кембридже. И опять Маргарет вынуждена была отступить. Она также хотела провести реформу в сфере подготовки преподавателей и заставить их провести два года «на тех же скамьях, что и студенты, призванные сделать карьеру в промышленности или в свободных профессиях». Она надеялась, что таким образом они «станут обладать немного большим чувством реальности». Новый взрыв негодования! Ей пришлось создать специальную комиссию для рассмотрения этого вопроса. Возглавляемая лордом Джеймсом Расхолмом, эта комиссия «родила» доклад, не возымевший никакого эффекта. Опять фиаско!

В конце 1971 года Маргарет ожидала, что ее вот-вот изгонят из состава правительства. «Представители правого крыла, так называемые либералы, все эти патлаты, горластые агитаторы из крошечных группок и группировок решили меня убрать, — доверительно сообщила она одному из близких людей. — Быть может, им удастся это сделать». Однако в январе 1972 года она была приглашена на уик-энд в Чекерс, в официальную

резиденцию премьер-министра. Прислав ей такое приглашение, Тэд Хит как бы вновь «усадила ее в седло». Хотя Маргарет в глубине души и не любила его, все же признала, что «в тот день Тэд Хит выказал себя в наилучшем свете, встав на сторону тех, кто изо всех сил старался действовать разумно». Возможно, пригласил он ее для того, чтобы попросить не производить столько шума, не нарываться на скандал, а тихо и спокойно работать. Это вполне вероятно, потому что с того дня она стала превосходным «стойким оловянным солдатиком» министерства образования и науки, не испытывающим болезненных терзаний и жадным до бюджетных средств.

От пугала и жупела до любимицы

Оказались ли оппортунизм и идеологическое разложение заразными болезнями, но только Маргарет Тэтчер образца 1972 года более не пыталась изменить ход вещей, потому как это было ей не по силам. Она не пыталась даже влиять на него, а всю свою энергию направила на защиту бюджета своего ведомства, ведя ожесточенные споры с Патриком Дженкинсом, заместителем министра финансов. Если в том была нужда, она пренебрегала его мнением и напрямую обращалась к канцлеру Казначейства. Она обретала все новых и новых врагов, но все же в основном добивалась удовлетворения своих требований. В то время как положение дел в экономике становилось просто ужасным под градом ударов, наносимых забастовками, скачками инфляции и разразившимся в 1973 году первым нефтяным кризисом, из-за которого цена барреля сырой нефти выросла вчетверо, Маргарет смогла спасти крупные программы министерства. Бюджет на 1974 год, самый «жесткий» из всех бюджетов эпохи правления Хита, предписывал ее ведомству сократить расходы всего на 157 миллионов фунтов стерлингов при общей сумме сокращения расходов в 3,5 миллиарда.

Что Маргарет делала с таким количеством денег? Прежде всего, старалась выполнить обещания, содержащиеся в манифесте партии тори. В отличие от многих политических деятелей она полагала, что предвыборные обещания надо выполнять. Она ввела обязательное школьное обучение до шестнадцати лет, начала осуществлять обширную программу реконструкции старых начальных школ и постройки новых, «так как, — пишет она, — я считала, что это ненормально, чтобы в стране в 70-е годы XX века были школы с протекающими крышами, с техническим

оснащением, находившимся в „зачаточном состоянии“, и с туалетами во дворах». Результаты были впечатляющие. Около двух тысяч ветхих школьных зданий были снесены или отремонтированы в Англии и Уэльсе. Она также занялась вопросом развития политехнических школ, на деле занимавшихся профессиональным обучением подростков, а профессиональное образование в Соединенном Королевстве, с его навязчивым культом джентльмена, по сути являющегося во всем дилетантом, хотя и похвального знаниями, находилось в очень запущенном состоянии. Маргарет также удалось поспособствовать увеличению числа таких детских учреждений, как ясли, особенно в неблагополучных районах. Она хотела, чтобы все имели возможность для «хорошего старта» в жизни, и в этом вдохновлялась словами ее ментора Кита Джозефа, большого либерала перед лицом Вечности и перед Всевышним, но убежденного в том, что государство обязано дать всем равные шансы в первые годы жизни, чтобы «разбить порочный круг бедности и невежества».

Маргарет к тому же поддерживала некоторые проекты, истинную ценность коих открыла для себя во время пребывания в оппозиции, когда боролась против них, тем самым продемонстрировав свою способность постигать новое, чего многие в ней и не подозревали. Характерна в данном случае история с Открытым университетом. Это было «детище» правительства Вильсона, университет, в котором обучение осуществлялось путем переписки (то есть заочное обучение. — Пер.), что позволяло наиболее работоспособным получить солидные университетские дипломы. Тэд Хит выступал против этого проекта, называя его «дорогостоящей забавной игрушкой лейбористов». Проректор Открытого университета сумел убедить Маргарет Тэтчер в том, что это учреждение — замечательное «орудие» для повышения социального положения (так называемый «социальный лифт». — Пер.), а значит, вещь полезная в экономическом отношении. Когда министерство финансов планировало закрыть Открытый университет, Маргарет на пресс-конференции объявила о продолжении эксперимента, не удосужившись даже сообщить об этом премьер-министру. Он был разгневан, что его опередили, тем самым выбив почву из-под ног, но вынужден был пойти на уступку. Через несколько лет стало ясно, что существование Открытого университета — одна из редких удач в системе британского образования, и Мэгги была одним из ее творцов.

Примерно в том же русле она боролась за все меры, способствовавшие повышению статуса человека в социальном плане. Если ей и не удалось

добиться того, чтобы вход в большинство музеев стал бесплатным, она все же смогла спасти практику бесплатной выдачи книг в публичных библиотеках. Маргарет вспоминала Грантем и своего отца, ежедневно возвращавшегося из библиотеки с несколькими книгами под мышкой. Она знала, что путь к восхождению по общественной лестнице ей открыли знания, и ревностно следила за тем, чтобы эта дверца, приотворившаяся для нее, не закрылась для других.

В то время как многие считали, что Маргарет Тэтчер является ярой противницей увеличения государственных расходов за счет выделения определенных сумм на научные исследования, она как раз старалась уберечь от закрытия некоторые крупные проекты, которые считала стратегически важными, хотя не располагала особыми возможностями. Направления в области научных исследований в основном определялись так называемой Группой планирования центральной политики, мозговым центром, зависящим напрямую от Даунинг-стрит, 10. Она была убеждена в том, что «правительство должно сконцентрировать свое внимание на финансировании фундаментальных исследований, а внедрение результатов этих исследований в жизнь и продолжение исследований предоставить частному сектору». Она также полагала, что «наука не зависит от политического курса в той мере, в какой эту зависимость представляют себе некоторые политики <...>, и что большие научные открытия не появляются в результате запланированных исследований, а являются плодами творческих способностей ученых». Несмотря ни на что, при необходимости Маргарет без колебаний поддерживала самые дорогостоящие проекты, казавшиеся просто фантастическими, в том числе и в сфере сотрудничества с европейскими странами. Можно смело утверждать, что ускоритель частиц Европейского центра по ядерным исследованиям своим существованием обязан именно ей. Его будущее находилось под угрозой как раз в 1970-е годы. Лейбористы освободились от всяких обязательств насчет него в 1968 году из-за нехватки бюджетных средств, а консерваторы тоже не были вдохновлены идеей его финансирования. Многие страны противились выполнению своих обязательств. Мэгги колебалась и отправилась «на место», в Женеву. Ей напомнили, что, если бы в 1930-е годы Великобритания не содействовала исследованиям в области атомной энергии, было бы невозможно создание атомного оружия, наличие которого «даровало нам победу в 1945 году и впоследствии защитило Западную Европу от Сталина». Она позволила себя убедить и пошла на финансирование Европейского центра по ядерным исследованиям, ибо «здравый смысл требует иногда делать исключения

<...>, когда нужда в инвестициях превосходит возможности одной нации».

Во всем же, что не касалось предвыборных обещаний и ее собственных убеждений, Маргарет, казалось, согласилась с требованиями системы. В декабре 1972 года она поддержала публикацию «Белой книги» по проблемам образования под названием «Подготовка к наступлению»; этот труд был целиком написан высокопоставленными чиновниками министерства. В документе предусматривались увеличение расходов на образование на 50 процентов за десять лет, увеличение количества преподавателей на 40 процентов, уменьшение числа учащихся в классах с 25 до 18 и постепенное увеличение числа студентов с 350 тысяч в 1972 году до 750 тысяч в 1981-м. Создавалось впечатление, что Маргарет также приняла идею главенства количества над качеством.

За короткое время стало ясно, что Маргарет начала проводить политику «повышения стоимости». При помощи новой команды талантливых пресс-атташе, Терри Перкса и его заместителя Бернарда Ингема, которые впоследствии последуют за ней на Даунинг-стрит, 10, Маргарет Тэтчер вдруг стала популярной. Вторая половина срока действия ее мандата превратилась в настоящий успех. Во время конгресса Национального союза учителей речь Маргарет удостоилась овации стоя, за то, что в ней она ратовала за небольшие «компрехенсив скулз». Журналист из «Таймс» писал, что эта речь была наполнена теплой заботой, разумными доводами и чувством неподдельной любви к детям. В 1973 году в «Таймс» было написано о «невероятном, исключительном политическом возрождении». После публикации «Белой книги» журналист из «Гардиан» пошел еще дальше, утверждая, что Маргарет Тэтчер «прошла половину пути к социализму».

Этот комплимент можно назвать, по меньшей мере, двусмысленным. Для Мэгги он прозвучал как признание ее поражения. Она дала себе клятву, что образумит преподавателей и учителей и заставит их себе подчиниться, но, судя по всему, это ее усмирили и заставили подчиниться, ее, сломленную системой и съеденную «Мамонтом»... Очень честно она подвела итог нескольких лет, проведенных на Керзон-стрит, причем без всякой снисходительности к себе и без самолюбования. «Белая книга» — это один из типичных планов этих расточительных лет. «Оборачиваясь назад, я понимаю, что этот план был кульминационной точкой попыток государства, направленных на преодоление различных проблем в сфере образования путем вложения все большего и большего количества денег в эту систему». Программа строительства новых начальных школ, по ее словам, была ложным приоритетом, потому что «для улучшения качества

образования нужно было нечто иное, нежели кирпич и цемент». Всякие педагогические инновации, введению коих в практику, казалось, было невозможно помешать, являлись ошибкой, ибо «всякое воспитание, достойное этого названия, требует передачи знаний, упражнений по развитию памяти и умений применять на практике то, что было выучено». Далее Маргарет писала: «В исступлении увлечений отвлеченными понятиями, тогда овладевшими всеми, об этих очевидных истинах забыли, и прежде всего педагоги, полагавшие, что лучший способ обучения — это открытия, совершаемые самим учеником». Далее она признавала, что «итог был плачевен». «За три года и восемь месяцев, проведенных в министерстве образования и науки, мы уделяли слишком много внимания функционированию системы образования (возведению новых зданий, закупке дорогостоящего оборудования и в особенности увеличению количества преподавателей и учителей) в ущерб эффективности этой системы (качеству образования, школьной успеваемости и дисциплине)».

Удачи и неудачи в правительстве

Итог был тем более ужасен, что, будучи в составе правительства, она испытала множество разочарований как в политике, так и в людях.

Да, она заседала среди других членов кабинета, но выглядела там несколько чужой. В зале заседаний на Даунинг-стрит, 10, с мебелью красного дерева, обтянутой темно-зеленой материей, где витал дух преисполненных елей речей бывших премьер-министров, ее умение говорить правду в глаза производило впечатление грома и молний. Она брала слово кстати и некстати; ее высокий голос звучал резко. Когда ее не слушали, она стучала по столу пальцем. Без колебаний прерывала речи главных персон кабинета, канцлера Казначейства Тони Барбера, министра иностранных дел сэра Алека Дуглас-Хьюма и (о, ужас!) самого премьер-министра! Тэд Хит ее не любил и давал ей это почувствовать. Он считал Маргарет слишком возбудимой, беспокойной, чуть ли не буйной. Джеймс Прайор, министр сельского хозяйства, вспоминает, что ее «сослали» на дальний край стола и что ее внезапные выступления часто вызывали раздражение. Что касается Уилли Уайтлоу, министра по делам Северной Ирландии и министра по вопросам занятости, который впоследствии будет играть решающую роль в правительстве самой Тэтчер в качестве министра внутренних дел, а затем и в качестве председателя палаты лордов, то он тогда писал: «В отношениях с людьми она тратила свои силы, чтобы

проложить себе путь там, где более „мирные“ методы были бы гораздо эффективнее».

В любом случае Маргарет не питала никаких иллюзий. Она знала, что важные решения принимались в так называемом «кухонном кабинете» людьми, приближенными к премьер-министру, и что она к их числу не относилась. Джеймс Прайор, Питер Уокер, одержимые навязчивой идеей модернизации общественных институтов, или Джон Дейвис, бывший генеральный директор Конфедерации британских промышленников, относились к числу этих избранных. Даже если они и считали себя либералами, они были отмечены знаком некоего корпоративизма. «Итак, у меня в этом кабинете был только один идейный союзник, Кит Джозеф».

Многообещающее начало

Однако в начале Маргарет Тэтчер имела все основания полагать, что дела движутся в нужном направлении. Тэд Хит, казалось, был человеком с характером.

Ведь в манифесте партии консерваторов 1970 года он заявил, что «с того момента, когда решение принято или политика определена, премьер-министр и его окружение должны обладать мужеством выполнять это решение и проводить эту политику; ничто так не повредило положению Великобритании в мире, как бесконечные изменения и поправки, которые мы наблюдали на протяжении последних лет».

На первый взгляд, если Маргарет и ощущала себя в узде, возглавляя министерство образования, избранный путь ей все же подходил. Главные «актеры» или «действующие лица» экономической политики, Тони Барбер, Джон Дейвис и Роберт Карр, министр по вопросам занятости, урезали сумму, выделяемую на общественные расходы, более чем на 330 миллионов фунтов. Было объявлено, что инвестиционные субсидии будут упразднены, что так называемая Корпорация по реорганизации в промышленности, чья миссия и состояла в том, чтобы поддерживать «хромых уток», будет закрыта. Налог на доходы был снижен на 5 процентов, а налог на общества и компании — на 40 процентов. «Это была хорошая программа экономики свободного рынка», — охотно признает Маргарет.

Другая часть экономической программы консерваторов — резкое ослабление власти профсоюзов. Лейбористская Англия Вильсона потеряла в 1969 году столько же рабочих дней из-за забастовок, сколько потеряли все

страны европейской «шестерки». Партия лейбористов, правда, попыталась положить конец этой лихорадочной деятельности, предложив реформу правовых норм, имевших отношение к забастовкам; основные идеи этой реформы были изложены в «Белой книге» под названием «В месте конфликта», где предусматривались обязательное проведение переговоров и введение серьезных ограничений для проведения забастовок солидарности. Но под ударами, наносимыми с сокрушительной силой как тред-юнионами, так и рядовыми членами партии, окончательный текст был лишен своей сути и реформа так и осталась всего лишь благим намерением. А ведь консерваторы в значительной мере были обязаны своим приходом к власти именно обещанию усмирить профсоюзы.

После многочисленных схваток и перепалок в палате общин и бесчисленных забастовок был принят в окончательном варианте Закон об отношениях в промышленности (в августе 1972 года). Он внес некоторые коренные изменения в трудовое право: ограничение неприкосновенности (иммунитета), даруемой зарегистрированным профсоюзам, в зависимости от деятельности их членов; создание специальных судебных инстанций для разрешения трудовых конфликтов и предоставление возможности министру по вопросам занятости либо накладывать запрет на все действия, предусмотренные ходом борьбы за повышение заработной платы, сроком на два месяца, либо вменять в обязанность проведение тайного голосования среди работников, вовлеченных в забастовочное движение. Правда, этого было мало, но в тот момент Маргарет была восхищена. Она надеялась, что этот закон позволит обуздать профсоюзы и будет сдерживать их непомерные требования в сфере заработной платы, которые только способствовали росту инфляции. Но очень скоро ее постигло разочарование.

Текст закона был слишком сложен. Чтобы избежать преследований в том случае, если один из членов профсоюза «переступит красную черту», профсоюзы отказывались от официальной регистрации и становились самостоятельными. Они утрачивали правосубъектность юридического лица и ничем особенным теперь не рисковали. В 1972 году Конгресс тред-юнионов принял резолюцию, в которой профсоюзам предлагалось подавать заявления, чтобы их вычеркнули из списков официально зарегистрированных. Всяческие нововведения, вроде «периодов примирения» или тайного голосования, лишились своей сути. Профсоюзные юристы использовали в интересах профсоюзов недочеты в тексте закона. Подрываемые изнутри и извне агитаторами-троцкистами, преследовавшими в основном политические цели, тред-юнионы

выставляли себя жертвами враждебных уловок и выигрывали в борьбе во время голосования на предприятиях по поводу начала или прекращения забастовок. Тот факт, что лейбористы состояли в заговоре с профсоюзами, стал совершенно ясен, когда в 1972 году пять докеров были брошены в тюрьму Пентонвиль за оскорбление суда; они были арестованы и привлечены к суду за участие в незаконной забастовке солидарности. Большинство депутатов-лейбористов хранили в парламенте смущенное молчание. Некоторые же пошли дальше: Барбара Касл, страстная сторонница новых идей, «пассионария», заявила во всеуслышание, «что это ничего не значит, никто не утверждает, что все должны подчиняться закону», а Майкл Фут, будущий лидер лейбористской партии, закричал: «Смерть судьям!» И это в святая святых, в здании парламента! С того момента стало ясно, что «палка», на которую возлагала такие надежды Мэгги, оказалась довольно хрупкой штукой... И все же Маргарет признавала, что правительство хотя бы попыталось бороться с профсоюзами и применить «палку», то есть жесткие методы.

В сфере «европейских дел» Маргарет могла насладиться успехом Даунинг-стрит, 10. В Англии помнили о тех унижительных вето, что накладывал генерал де Голль, когда Великобританию грубо оттолкнули в 1963 и 1967 годах после долгих месяцев трудных переговоров и вернули к статусу «островного государства». В 1970 году, когда де Голля уже сменил Помпиду, Тэду Хиту удалось изменить направление ветра. Чтобы противостоять вызову «великих просторов», Помпиду предпочел видеть Англию в составе Европы, а не вне ее. В Лондоне наконец начала приобретать конкретные очертания давняя мечта о двенадцати звездах на синем фоне (флаг Евросоюза. — Пер.). И Маргарет была отнюдь не последней среди тех, кто лелеял эту мечту. Та Маргарет, которая впоследствии станет жрицей национального суверенитета, будет яростно сражаться за уменьшение суммы взноса Британии в бюджет Европейского сообщества и прославится своими словами: «Я хочу вернуть обратно мои деньги». Но в ту пору она была яростной сторонницей идеи европейского сотрудничества, убежденной «проевропейкой». В проникновенной речи, произнесенной в Финчли, она с жаром призывала «ко все более тесному объединению», говорила, что «суверенитет — это теоретическая проблема...», сетовала, что «Европа движется вперед без нас, а ведь это очень важно: иметь доступ на этот растущий рынок и не быть вне его и не смотреть, как он проходит мимо нас <...>; после вступления в Сообщество Франция не перестала быть Францией, а Голландия — Голландией». Произнося такую речь, она следовала инструкции, данной правительством,

а не страной и даже не всей партией консерваторов. Среди политических друзей Маргарет было немало таких, кто выступал против вступления в Сообщество. Для Энока Пауэлла, Джона Биффена, Джорджа Гардинера или Нормана Ламонта «присоединиться к Брюсселю» означало отречься частично от национального суверенитета и подвергнуть себя риску вступить в конкурентную борьбу, к которой страна еще не готова; короче говоря, это означало еще раз спустить «Юнион Джек», после того как он уже был спущен как флаг великой империи.

Одно за другим посыпались предупреждения. На вопросы Дерека Уолкер-Смита, что делать с европейскими законами, несовместимыми с законами Англии, а также о совместимости с суверенитетом английского парламента^[86] новых законодательных норм, основанных на принципе главенства законов Сообщества над законами отдельных стран, генеральный стряпчий, то есть главный советник Короны по юридическим вопросам, сэр Джеффри Хау мог дать только очень путаный ответ. Вынужденный признать, что «да, если по недосмотру такой конфликт возникнет, правительство и парламент должны будут заняться его разрешением», он как бы давал понять: давайте сначала подпишем договор, а потом у нас будет время подумать.

Во время голосования о вступлении Англии в Европейское сообщество правительство решило провести свободное голосование среди консерваторов. Идея вступления была одобрена 112 голосами большинства благодаря поддержке 69 лейбористов. Но когда условия вступления и его цена стали известны, то дело приняло совсем иной оборот. Всего лишь 309 голосами против 301 и благодаря заключенному по данному случаю соглашению с либералами договор о вступлении был одобрен. Это было в феврале 1972 года. Мэгги не относилась к числу тех, кто при голосовании сказал «нет». В мемуарах она пишет, что «не осознавала всей важности этого вопроса; в моих глазах и в глазах моих коллег аргументы, выдвинутые Эноком Пауэллом и другими по поводу суверенитета, были всего лишь чистой теорией», и признает, что главная политическая ошибка заключалась в переоценке тех выгод и преимуществ, на которые тогда рассчитывали, а также в том, что без особых переговоров было дано согласие на то, что доля Англии в общем бюджете Сообщества составит 17 процентов.

Маргарет зло подсмеивается в мемуарах над той всеобщей «еврофилией»: «Многие, если не все, больше не пытались понять <...>, что будет лучше для Великобритании; ведь главное, быть хорошими европейцами». Она иронизирует над празднествами под названием

«Фанфары в честь Европы», которыми в январе 1973 года должно было ознаменоваться вступление Англии в Общий рынок. Она смеется над элитой, «купавшейся в эйфории» во время шикарного гала-концерта, данного в Королевской опере, а потом и в Ланкастер-хаусе в честь «того дня, когда королевство перестало быть островом». Тридцать лет спустя это сделать было легко... Смеясь над элитой, Маргарет ведь смеялась и над собой, потому что принадлежала к этой элите по убеждению конечно же, а еще потому, что мечтала о министерстве иностранных дел, как утверждают злые языки. Но дело прошлое! В отношении этого вопроса взгляды Маргарет изменились радикально, а в то время она следовала курсом правительства и чувствовала себя прекрасно.

Время перемены курса

Вернее, то было время многочисленных изменений курса, и эти зигзаги, полуповороты и повороты на 180 градусов покончили с доверием, которое Мэгги питала к Тэду Хиту. В январе — феврале 1972 года произошли три важных события, нарушившие относительное спокойствие правительства консерваторов. В течение двух месяцев рост безработицы перешел рубеж в миллион безработных; такого не было со времен войны. Кораблестроительная компания Верхнего Клайда обратилась к правительству с просьбой о помощи, дабы избежать ликвидации имущества по решению суда. Кроме того, шахтеры, члены Национального союза горняков, начали забастовку, выдвинув жесткие требования. Правительство испугалось.

Тэд Хит, пообещавший в предвыборном манифесте прекратить поддержку так называемых «хромых уток» британской промышленности, с тревогой смотрел на берега Клайда с 1971 года. Верфи Верхнего Клайда были украшением британского кораблестроения, его красой и гордостью, одним из следов прежнего имперского блеска, который еще позволял королевству считать себя наследником былой роскоши. Адмиралтейство и английский флот выжили, но теперь пришло время недорогих кораблей, которые могли быть построены в Греции или на Дальнем Востоке, да где угодно, только не на верфях, затянутых в жесткие рамки профсоюзных нормативных актов, вынуждающих устанавливать умопомрачительную заработную плату.

Первое время правительство действовало как ответственный менеджер: в субсидиях было отказано, но дана была гарантия выделения

кредитов при условии, что руководство согласится закрыть верфь «Клайдбэнк», чья убыточность была очевидна, и передаст специально созданной фирме еще вполне конкурентоспособные так называемые верфи Ярроу, где строились военные суда. Но меры эти оказались недостаточны. В июне 1971 года парламентская фракция консерваторов подвела итоги. Тотчас же заработала профсоюзная машина, и воодушевленные ее деятелями рабочие начали бастовать и устраивать массовые пикеты, а с начала июля оккупировали четыре дока и организовали морскую блокаду Клайда. Верфи Верхнего Клайда стали символом промышленной Англии. Будущий лидер Лейбористской партии, «красный баронет» Майкл Фут^[87], проходил там курс «пролетарского обучения». Он расхаживал в новенькой шахтерской каске в атмосфере всеобщего веселья, среди запахов остывшего гудрона, сосисок, жареной картошки, среди революционных лозунгов, невыполненных обещаний и страхов перед завтрашним днем. Он привлекал туда камеры журналистов, чтобы показать, как «целыми кусками и пластами разваливается Великобритания».

Тэд Хит испугался. Его преследовали образы Великой депрессии. Он боялся, что станет премьер-министром эры нового великого кризиса. 20 января была преодолена роковая черта: количество безработных достигло миллиона человек. 24 января он проинформировал правительство о том, что комитет по экономическим делам принял решение выделить 35 миллионов фунтов, чтобы субсидировать верфи Верхнего Клайда. Немного смущенный Джон Дейвис, министр промышленности, признал, что «у новой верфи было очень мало шансов на успех, на то, что она не пойдет ко дну и что при более низком уровне безработицы <...> он не стал бы ратовать за такую линию поведения». Маргарет Тэтчер полагала, что поддерживать старые предприятия-развалины, а не многообещающие, быстроразвивающиеся компании — ошибка, но она промолчала. Ее положение нельзя было назвать ни «сильным», ни «выгодным». Она ограничилась тем, что написала в мемуарах: «Этот эпизод, вроде бы второстепенный, положил начало целому периоду жизни, и он не принес нам славы». В частном разговоре с Джоном Брюс-Гардинером она выразила сожаление по поводу принятого решения и назвала его «непростительным крутым поворотом».

Это будет не последний крутой поворот. Именно этот момент выбрал Национальный союз горняков для того, чтобы призвать к всеобщей забастовке. В ответ на принятие Закона об отношениях в промышленности профсоюз провел голосование в пользу реформы своего устава, в соответствии с которым теперь для принятия решения о забастовке было

достаточно 55 процентов от участвовавших в голосовании, против двух третей, фигурировавших в первоначальном проекте. В правительстве никто не обратил на это внимания, даже миссис Тэтчер. Тогда к бахвальству тред-юнионов не прислушались, тем более что для усмирения всяческих поползновений вновь начать борьбу за увеличение заработной платы Национальное управление угольной промышленности согласилось значительно поднять заработную плату без того, чтобы этот подъем был связан хотя бы с малейшим ростом производительности труда. В январе 1972 года шахтеры приступили к работе, но вскоре опять проголосовали за всеобщую забастовку («за» — 59 процентов), увлеченные речами агитаторов-экстремистов, таких как Артур Скаргил^[88], главный секретарь союза горняков Йоркшира, не скрывавший, что его целью скорее является отставка правительства консерваторов, чем повышение зарплаты его товарищей из шахт, куда он, кстати, давным-давно уже не спускался. Требованиям значительного повышения зарплаты шахтеры не ограничились; они представили длинный список других требований, «очень длинный», по словам председателя профсоюза горняков Джо Гормли. Вначале никто не встревожился. Министерство по делам государственной службы уверяло, что в стране огромные запасы угля. Кажется, никто тогда еще не осознавал, что нескольких пикетов будет достаточно для того, чтобы блокировать страну, не позволяя снабжать электростанции углем или нефтью. Недостаточно было иметь запасы топлива, надо было еще предусмотреть, чтобы эти запасы находились там, где надо.

Десятого февраля 1972 года положение дел резко изменилось в худшую сторону в ходе заседания правительства, оказавшегося очень драматичным. Накануне было объявлено о введении чрезвычайного положения. Квартал Уайтхолл был заполнен полицейскими, облаченными в специальные костюмы, предназначенные для борьбы с бунтовщиками. Эскадроны конных «бобби» гарцевали на Даунинг-стрит и соседних улицах, сотрясая воздух звоном подков. Джон Дейвис на заседании правительства начал с сообщения о том, что пикеты забастовщиков и агенты-provokatory заполнили страну до такой степени, что через неделю производство электрической энергии будет сокращено из-за нехватки топлива и подача электроэнергии сократится на 75 процентов. Это был первый удар, произведший настоящий шок. Генеральный прокурор указал на то, что Закон об отношениях в промышленности, в соответствии с которым вводились наказания за участие в забастовках солидарности, мог быть введен в действие только с 28 февраля. Говоря иначе, правительство в

данный момент было совершенно бессильно. Это был второй удар. Всеобщее смятение увеличилось, когда прямо в ходе заседания министру внутренних дел Реджи (Реджинальду) Модлингу был подан рапорт от шефа полиции Бирмингема. Тот просил разрешения закрыть склад кокса Сэтли в Восточном Мидлендсе. Он сообщал, что для того, чтобы помешать выходу груженых углем грузовиков, там собрались семь тысяч пикетчиков, противостоявших пятистам полицейским. Штрейкбрехеры, то есть шоферы, не участвующие в забастовке, рисковали подвергнуться линчеванию.

Полиция просила, чтобы ей дали приказ перейти к жестким действиям. У нее не было средств противостоять орде, встречавшей ее булыжниками, бутылками с «коктейлем Молотова» и стальными шариками, запущенными из рогаток. Шеф полиции умолял, чтобы ему разрешили либо отступить, либо освободить въезды на склад силой. «Но в этом случае, — телеграфирует он, — нужны другие средства <...> и могут быть жертвы». Это был третий удар. Правительство пошло на попятную, сдалось. Тэд Хит не стал новым Черчиллем, который приказал открыть огонь по шахтерам в 1927 году, и начал с того, что назначил лорда Уилберфора главой арбитражной комиссии. Комиссия предложила поднять заработную плату на 15 процентов. Тэд Хит склонил голову. В ужасно холодную ночь 18 февраля 1972 года он пригласил представителей Национального союза горняков в свою резиденцию на Даунинг-стрит, 10, и выразил свое согласие почти на всё, кроме чрезмерного подъема уровня заработной платы. Итак, шахтеры выиграли. Правительство Ее Величества склонилось перед толпой и перед насилием, проявленным некоторыми. «Среди правых эта победа стала легендой <...>. В глазах многих политических наблюдателей она доказывала, что никто не может противостоять шахтерам. Вера полиции в себя была поколеблена. Многие из шефов полиции думали теперь лишь о поддержании порядка, забыв о том, что их долг состоял еще и в том, чтобы заставить всех почитать закон», — сделала вывод Маргарет Тэтчер.

Она извлекла из этой истории два урока: «...совершенно непостижимо, как правительство могло так легко успокоиться, получив заверения в том, что запасы угля очень велики», а также «непонятно и то, что было уделено столь мало внимания нашей способности выдержать испытание». Из чего следовал вывод, что судьбы будущих сражений, призванных «заставить профсоюзы действовать, уважая закон <...>, будут решаться не в палате общин, а на практике, в деле, на шахтах, на заводах <...>, там, где устрашение одержало верх над законом».

Но в тот момент настало время отступления. На всех Фронтах Тэд Хит делал прямо противоположное тому, что он обещал. Там, где он поклялся не изменять политику в угоду конъюнктуре, он поменял местами экономические приоритеты; там, где он обещал строгий и суровый бюджет, он предложил бюджет довольно мягкий. Другими словами, он расстался с основной идеей Маргарет, что определенную политику следует проводить довольно долгое время, даже если она может дать на короткое время и отрицательный эффект.

С этой точки зрения бюджет 1972 года был настоящим «горем горьким». Он был затратным, рассчитанным на оживление экономики. Мэгги должна была согласиться на поддержку роста в ущерб финансовой стабильности, на многократное увеличение субсидий сползающим к упадку отраслям экономики и предприятиям, на увеличение расходов на социальные нужды, не говоря уж о согласии на новую активизацию политики в области цен и доходов, превращавшей государство в арбитра на переговорах о заработной плате. Маргарет также отметила, что в бюджете не был поставлен предел, «четкий, ясный, выраженный в цифрах предел росту денежной массы».

Однако если Маргарет уже тогда и критиковала этот бюджет, то, если верить ее собственным словам, делала она это скорее не по причине отсутствия в нем рекомендаций по сдерживанию роста денежной массы, ибо эффективность подобных шагов она откроет для себя много позже, нет, скорее она это делала из-за твердой убежденности в том, что «инфляция есть прямое следствие поднятия заработной платы и увеличения общественных расходов». С этой точки зрения «крутой вираж» 1972 года не вызывает никаких сомнений. Закон о промышленности, принятый в марте того года, словно был порождением манифеста, но не консерваторов, а лейбористов. Журналист «Таймс» с иронией писал о том, что «никогда „хромые утки“ не выглядели столь здоровыми, как в тот момент, когда мистер Дейвис <...> открыл дебаты <...>; в конце этой речи веселье охватило скамьи лейбористов, а молчание консерваторов свидетельствовало лучше, чем любая критика, исходившая из рядов оппозиции, насколько разворот правительства в сфере вмешательства в промышленность и в сфере помощи регионам был всеобъемлющ и полон».

В своих мемуарах Маргарет честно задается вопросом: «Должна ли я была подать в отставку?» Один из ее друзей, Ник Ридли, побуждал ее к этому. Но она отказалась, потому что, как пишет, «не представляла всю серьезность ситуации». Чтобы как-то оправдаться перед самой собой, она утверждает, что тогда еще не выработала иную политику, и это истинная

правда, ведь она станет твердой монетаристкой только в 1974–1975 годах; к тому же она признает, что, если бы к тому времени выработала иную политику, «это ничего бы не изменило», что тоже истинная правда. Она, как всегда, честно добавляет: «Еще одна причина для меня воздать должное, а вернее, выразить признательность и почтение таким людям, как Джон Брюс-Гардинер, Джон Биффен, Ник Ридли <...>, выступившим против этого странного, нелепого поворота».

Однако следует признать, что действительность была гораздо сложнее. Подав в отставку, Маргарет Тэтчер отрезала бы себя от большей части истеблишмента Консервативной партии. Это значило бы попрощаться с многообещающей карьерой ради битвы, из которой она не смогла бы выйти победительницей. Это значило бы также, что политика, осознавшего, что для него нет спасения вне партийного аппарата, постигло ослепление. После того как она затратила столько усилий ради того, чтобы консерваторы выдвинули ее в качестве кандидата в депутаты в округе, где можно было выборы выиграть, Маргарет никогда не поддавалась сладким песнопениям сирен от партии либералов, делавших ей всяческие «авансы». Она-то понимала, что власть можно завоевать только вместе с тори. Она это знала. Что же, если надо подождать, она подождет. К тому же она обладала трезвостью и ясностью рассудка, чтобы не верить в то, что приключения одиночки могут привести к успеху. Многие политические деятели отходили от дел, надеясь на то, что глас народа когда-нибудь призовет их обратно. Но почти все они были преданы забвению. Кроме изгнанника, пребывавшего на вилле «Ла Буассри» на юге Франции и спасенного чрезвычайным стечением обстоятельств (имеется в виду Черчилль. — *Пер.*), глас народа часто для таких людей оборачивался оглушающим молчанием.

Падение — «ужасный урок»

Неприятности, поджидавшие власть предрежащих, не закончились вместе с отступлением 1972 года. Можно вспомнить слова Джона Биффена: «Приучившись ходить раком, то есть задом, правительство, в конце концов, забыло, как двигаться вперед».

Все экономические «индикаторы» мигали красными лампочками. Не следует отрицать роль международной конъюнктуры, где проявились в то время тенденции к росту инфляции, а также и распространение такого явления, как стагфляция (застой с инфляцией), которое в большей или меньшей степени как заразная болезнь будет свирепствовать во многих

развитых странах; но существовала еще одна, типично британская беда, с которой правительство должно было столкнуться и которой должно было противостоять. Плавающий курс фунта стерлингов, введенный в 1972 году, за два года привел к девальвации фунта на 12 процентов по отношению к доллару и на 35 процентов по отношению к немецкой марке. Торговый баланс и платежный баланс постоянно вызывали тревогу. Увы, они никак не становились положительными по причине малой доходности зоны фунта стерлингов для иностранного капитала и малой притягательности предметов, произведенных в Англии, что стало следствием прискорбной утраты производительности промышленности под влиянием вливания государственных средств. Естественно, инфляция имела губительные последствия: 10 процентов в 1971 году, 13 — в 1973-м, 19,5 процента — в 1974-м. Конечно, повышение цен на энергоносители сыграло здесь свою роль, но в основном рост инфляции объяснялся наличием четырех специфических «английских» факторов: чрезвычайно значительные государственные расходы (почти 60 процентов ВВП против 35 процентов во Франции в то время), рост цен на предметы импорта как результат девальвации фунта стерлингов, увеличение массы «горячих денег», выплачиваемых в форме заработной платы, а также отсутствие контроля над всей денежной массой. Первыми жертвами, естественно, стали самые слабые: пенсионеры и получатели фиксированных пособий. Рост промышленного производства конечно же ощущался, но он был недостаточен, ведь в период между 1970–1975 годами в Великобритании ежегодный прирост составлял 1,9 процента по сравнению с 3 процентами в США и 3,4 процента в странах «Большой семерки».

Но вместо того чтобы атаковать причины болезни: завышенные государственные расходы, низкую производительность труда в промышленности, предполагавшую болезненную реструктуризацию, неконтролируемый рост денежной массы, — Тэд Хит предпочел сфокусировать внимание на политике в сфере заработной платы, каковую одну и сочли повинной в росте инфляции. Он принял решение доверить государству заботу о регулировании цен и заработной платы, вместо того, чтобы предоставить эти «заботы» рынку. В политическом смысле он считал, что сумел выкристаллизовать все недовольство, а в экономическом смысле он был втянут в бесконечные переговоры, более или менее эффективные. В марте 1972 года он вступил в трехсторонние дискуссии с участием Конфедерации британской промышленности, Конгрессом тред-юнионов и представителей государственной власти. Переговоры затянулись, а электрики, железнодорожники и трамвайщики вновь

угрожали «блокировать» страну.

И хотя правительство консерваторов пришло к власти, представив избирателям относительно либеральную программу, в соответствии с которой определять уровень цен и заработной платы могли различные «действующие лица» экономики, оно, это правительство, еще раз, быть может, уже лишний, отреклось от своих убеждений. В пятницу, 3 ноября 1972 года, правительство приняло, по словам Маргарет Тэтчер, «роковое решение» о проведении политики замораживания цен и заработной платы в течение девяти дней. В то время инфляция росла более чем на 1,5 процента в месяц, такую инфляцию называют галопирующей. Но вместе со сдерживанием инфляции было практически покончено со свободным рынком, покончено с консервативным либерализмом или с либеральным консерватизмом. Тори стали проводить политику лейбористов. Джеффри Хау, явный приверженец идей либерализма, кичившийся этим, был призван в правительство, чтобы руководить проведением в жизнь политики в области цен и зарплаты, другими словами, чтобы превратить Англию в страну регулируемой, управляемой экономики.

В сфере политики последствия этих решений не заставили себя долго ждать. У депутатов-заднескамеечников возникло ощущение, что их предали. Они возвысили голоса в палате общин и поставили во главе многих важных комиссий людей, выступавших против новой политики: Ника Ридли, Джона Брюс-Гардинера и Джона Биффена. В особенности упорно они боролись за то, чтобы так называемый Комитет 1922 года возглавил Эдвард Дюканн, лидер правого крыла Консервативной партии и заклятый враг Тэда Хита. Причины того, что Маргарет Тэтчер «завоевала» Консервативную партию, кроются именно здесь: поворот на 180 градусов подействовал резкому поправлению партии.

К тому же контроль над ценами и зарплатами не работал. Не входя в детали, Тэд Хит запустил невероятную машину, заработавшую сразу на полном ходу, которая могла бы выйти из воспаленного воображения какого-нибудь марксиста-технократа. Следуя рекомендациям Совета национального экономического развития, который, несмотря на настойчивые просьбы Маргарет, консерваторы, придя к власти, так и не распустили, перед экономикой была поставлена цель обеспечить ежегодный прирост не менее 5 процентов. Параллельно был разработан четырехлетний план регулирования цен и зарплат. После завершения первого этапа, то есть этапа замораживания цен и зарплат, начинался второй этап, ограничивавший рост зарплат 4 процентами, в сумме не более 250 фунтов в год, при этом предпочтение отдавалось росту низких зарплат.

Плановая политика стала еще и распределительной. Третий этап, начавшийся летом 1973 года, ограничивал подъем зарплат на 7 процентов, а по просьбе Конгресса тред-юнионов был проведен довольно сумбурный анализ мер, призванных компенсировать некоторый ущерб, наносимый из-за плохих условий труда низкооплачиваемым трудящимся. Результаты оказались катастрофическими. Социальные конфликты не утихали, напротив, разгорались все жарче. Инфляция продолжала расти. Чтобы финансировать экономический рост, пришлось снизить базовую банковскую ставку в первом квартале 1973 года, что повлекло за собой рост цен, который регулируемая экономика не могла сдержать и который превосходил рост заработной платы. Кроме дефицита бюджета и инфляции Великобритания впервые испытала реальное снижение покупательной способности почти на 3 процента.

Естественно, профсоюзы не могли согласиться с подобным положением вещей. Национальный совет горняков отверг третий этап. Он также отверг предложение Национального управления угольной промышленности о чрезвычайном отступлении от проводимой политики, состоявшем в возможном повышении заработной платы на 16,5 процента в качестве компенсации за повышение производительности труда. Правительство полагало, что невозможно далее отступать от проводимой политики без особо оговоренных условий теперь, когда было решено приступить к третьему этапу. Оно приняло решение противостоять напору профсоюзов. Но было уже поздно. Это было начало конца.

В ноябре 1973 года шахтеры призвали всех рабочих к «бойкоту сверхурочных», что на деле означало конкретное сокращение выработки электричества на 25 процентов. Вскоре о забастовке объявили пожарные, а следом за ними в борьбу вступили и металлурги.

Тринадцатого ноября в ходе бурного заседания правительства было объявлено о введении в стране чрезвычайного положения. Все министерства были призваны внести предложения относительно способов экономии электроэнергии. Промышленные предприятия настойчиво призывали «сконцентрировать» время производства. Маргарет вынуждена была отчаянно сражаться за отопление школьных зданий. Она не хотела, чтобы после обвинений в похищении у детей молока ее еще и обвинили в том, что дети из-за нее простужаются. Некоторые символические меры экономии только усиливали рост напряженности в обществе, например, прекращение телепередач в 22 часа 30 минут. В то время как Тэд Хит надеялся, что его решения ударят по профсоюзам, сделав их непопулярными в стране, произошло прямо противоположное.

Правительство упрекали в том, что оно проводит политику, противоречившую законам.

В декабре положение дел еще более ухудшилось. 13 декабря Тэд Хит объявил о введении трехдневной рабочей недели. Бедная Англия! Бедный Лондон! Можно было подумать, что Англия вновь погружается в военное время. Затемнение, перерывы в электроснабжении. Смог окутывает улицы столицы. По ночам словно из небытия выплывают картины из романов Диккенса: туман, мокрые мостовые, темные улицы, где нет теперь даже газовых рожков... Правительство рассматривает вопрос о введении талонов на снабжение топливом и горючим, тем более что первый нефтяной кризис ничего не изменил к лучшему.

Маргарет в правительстве вынуждена была сопротивляться. Она приобрела опыт, о котором никогда не забудет, как не забудет и о трусости элиты, всегда готовой пойти врукопашную до решительного сражения и всегда готовой уступить и пойти на мировую при виде надвигающейся бури.

В Ламберхерсте одним видным представителем нетитулованного мелкопоместного дворянства был дан прием. Из-за перерывов в электроснабжении дом был погружен в полутьму, только свечи освещали залы своим дрожащим, мерцающим светом. «Можно было подумать, что мы вернулись в военное время», — пишет она. Присутствовавший на приеме высший класс, в черных галстуках и длинных вечерних туалетах, был явно испуган. Все задавались вопросом, не разразится ли завтра новая Октябрьская революция, и обратились к Мэгги, единственному министру, присутствовавшему на приеме: «Сопротивляйтесь. Боритесь с ними. Покончите с ними. Избавьтесь от них. Мы не можем терпеть, чтобы все это продолжалось». Она вышла оттуда приободренной, ожившей, воспрянувшей духом, убедившись в том, что идеи сторонников примирения еще не завоевали все сердца и дух борьбы, помогший Англии выстоять во время массированных налетов немецкой авиации, еще жив.

Ее ожидало жестокое разочарование, когда 5 февраля 1974 года Национальный союз горняков принял решение о всеобщей забастовке (81 процент голосовавших высказался «за») и не оказалось никого, кто мог бы противостоять, профсоюзам. Председатель Объединения британских предпринимателей Адамсон Кэмпбелл, чтобы разрядить обстановку, призвал к отмене Закона об отношениях в промышленности. Маргарет пишет в мемуарах: «Это было слишком типично для британских предпринимателей: они строили из себя храбрецов перед сражением, но когда приходил их черед вступать в бой, то оказывалось, что у них кишка

тонка».

Но тогда было не время жаловаться, раскисать и жалеть саму себя. Решение Национального союза горняков сделало досрочные выборы неизбежными. «Было совершенно необходимо, — пишет Маргарет, — поднять перчатку, принять вызов и выиграть выборы». Вместе с другими политическими деятелями она пыталась убедить Тэда Хита в том, что предвыборную кампанию следует вести под лозунгом «Кто правит Великобританией? Профсоюзы или правительство?». Он согласился, но весьма неохотно. Партийный манифест был озаглавлен так: «Честное и разумное соглашение для восстановления порядка»; по мнению Маргарет, это было «сито, наполненное водой». И никакой направляющей линии! Какие-то жалкие меры, вроде отмены выплаты пособий семьям забастовщиков или снижения ставки ссуды на недвижимость. Короче говоря, сущие пустяки, если учитывать, сколь высоки были ставки в игре.

Премьер-министр был уверен, что выиграет. Он изо всех сил старался свалить всю вину на возникшие трудности, на разразившийся нефтяной кризис, причиной которого стала война в Азии. Он выдвигал в качестве козырной карты благородные идеи, вроде идеи создания правительства национального единства с участием либералов. И — ждал, ждал, ждал. Он даже доверительно сообщил кое-кому из близких ему людей, что опасается получить слишком большое большинство, что может привести к беспокойству и недисциплинированности заднескамеечников.

Маргарет была гораздо менее доверчива. По ее мнению, вопрос: «Кто правит страной?» не прозвучал достаточно громко. Она опасалась, что от консерваторов отвернутся, спасаясь бегством, те симпатизировавшие им избиратели, «которых крутые повороты на 180 градусов отдалили от тори». Она полагала, что, «если бы мы вцепились намертво в главный вопрос, заключающийся в формуле „Кто правит?“, мы заставили бы признать себя в ходе дискуссий и проголосовать за нас».

Два инцидента нарушили вроде бы спокойный ход избирательной кампании в самом ее конце. Первым был доклад Комиссии по заработной плате, в котором говорилось о том, что зарплаты можно повышать, начиная с третьего этапа. Конкретно это означало, что правительство ошиблось и вынуждено уступить под давлением Национального союза горняков, то есть что было много шума из ничего и выборы проводились зря. Позднее выяснилось, что Комиссия по заработной плате, где доминировали лейбористы, ошиблась (случайно или умышленно) в своих расчетах и выводах. Но зло уже было сотворено. «Мы запутались в сложном хитросплетении нитей тонкой ткани политики в области заработной платы,

и, в конце концов, она нас задушила».

Вторым событием стал призыв Энока Пауэлла голосовать за лейбористов, чтобы получить возможность провести референдум относительно вступления в ЕЭС. Это был жестокий, последний удар, которым добивают раненого, и нанесен он был за два дня до выборов. «Надо было, — пишет Маргарет, — не иметь ни души, ни сердца, чтобы так предать активистов партии и ее сторонников в своем округе». Эффект оказался губителен. Правое крыло партии проголосовало за лейбористов или не пришло на выборы.

Результат оказался просто ужасен. 28 февраля выяснилось, что консерваторам до абсолютного большинства не хватило всего 17 мест в парламенте. Это было поражение, лейбористы, получившие 301 место, обошли консерваторов, получавших 296 депутатских мандатов. Тэд Хит продолжал цепляться за власть, предложив Джереми Торпу, лидеру либералов, завоевавших около 20 процентов голосов, войти в правительство. Тот колебался. Премьер-министр предложил организовать конференцию, посвященную системе проведения выборов, на которой выступил бы спикер палаты общин. Это могло означать конец голосования за кандидата на одно место в один тур, которое на протяжении веков служило гарантией институционной и конституционной стабильности Великобритании, обеспечивая ей всякий раз на выборах в парламенте стабильное большинство. Несмотря на желание остаться в составе правительства, Маргарет делала все, чтобы помешать этому скольжению к пропорциональному представительству, которое, по ее убеждению, «лишило бы навсегда Консервативную партию возможности сформировать парламентское большинство». «К тому же, — добавляет она, — британец никого так не презирает, как человека, не умеющего проигрывать; настало время уходить». Либералы отказались пожать протянутую руку. Тэд Хит мог только жевать и пережевывать свою обиду, мечтая в тишине о правительстве «большой коалиции». В последний раз правительство собралось на заседание в понедельник в 16 часов 45 минут. Во вторник премьер-министр отправился в Букингемский дворец, чтобы подать королеве прошение об отставке. Его место унаследовал Вильсон. Первый «правительственный» опыт Маргарет Тэтчер завершился.

В своем округе Финчли она тоже ощутила, что там пронесся ветер отступления. Ее преимущество сократилось с 11 тысяч до 6 тысяч голосов, учитывая всеобщую конъюнктуру, как она пишет в мемуарах, из-за повторного разделения границ избирательных округов, а также из-за утраты доверия большой доли избирателей-евреев, не простивших

правительству тот факт, что на поставки оружия Израилю было наложено эмбарго в тот момент, когда само существование еврейского государства было под угрозой. Только Маргарет Тэтчер и Кит Джозеф в правительстве выступали против. Она не раз проводила встречи с представителями Лиги англо-израильской дружбы Финчли, чтобы напомнить им о своей позиции и о своем поведении. Но ничто не помогло. Кандидат от либералов, адвокат Лоуренс Брэрс, еврей, сумел привлечь на свою сторону множество избирателей, обвинив соперницу в «измене Израилю». В долгой политической карьере Маргарет всего один-единственный раз между ней и ее избирателями-евреями из округа Финчли был вбит клин.

В момент подведения итогов ее работы в правительстве Маргарет могла бы извлечь два урока.

Смысл первого урока состоит в том, что в министерстве образования, либо потому что там у нее не были развязаны руки, либо потому что она не смогла противиться давлению, она показала себя прекрасной исполнительницей и служанкой «Мамонта», ибо ее неукротимая энергия была поставлена на службу общественным расходам. Как это ни парадоксально, после ее отставки именно «Гардиан», орган левых, воздал ей должное: «Во многих отношениях миссис Тэтчер была министром более „эгалитарным“, чем ее предшественники-лейбористы. Ее поддержка политехнических школ, увеличение школьного возраста и новая программа по созданию таких заведений, как ясли, окажут трудящимся гораздо более существенную помощь, чем программа лейбористов». В этих словах можно было увидеть либо проявление слабости, либо признаки мыслительного процесса.

Второй урок, более общий, состоит в том, что Маргарет «выковала» себе очень глубокие и сильные убеждения в том, что касается образа действия правительства. Если ты придержишься правых идей, то не следует проводить в жизнь политику левых, это ни к чему не приведет. Избирателей не завоевывают в лагере противника, их не отбирают у соперника, их теряют в собственном лагере. Результаты выборов 28 февраля были «ужасным уроком». Теперь Маргарет оставалось только убедить в этом собственную партию, «ибо, — пишет она, покидая Даунинг-стрит, — в глубине души я знала, что пришло время перемен не только в правительстве, но и в Консервативной партии».

Глава шестая

ЗАВОЕВАНИЕ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПАРТИИ

Двадцать восьмого февраля 1974 года Тэд Хит проиграл выборы. Лейбористская партия оказалась впереди всех, но абсолютного большинства не получила. 9 октября 1974 года Тэд Хит опять проиграл выборы. На сей раз лейбористы получили большинство в три депутатских мандата. 11 февраля 1975 года Маргарет Тэтчер становится лидером партии консерваторов. 3 мая 1979 года английский народ принимал важное решение. Тори выборы выиграли. 4 мая Маргарет Тэтчер была назначена премьер-министром. Теперь она восседала в кресле, в котором восседали великие люди, такие как Пиль, Дизраэли и Черчилль. «Тэтчерская революция» могла начаться.

Что завораживает при взгляде на этот путь, похожий на след от полета метеорита, так это не описание восхождения, а скачкообразный ход событий, наличие множества великих магических моментов истории, когда стрелка весов судьбы качается, когда все возможно и все что угодно может произойти в любую минуту. Точно так, как Александр Великий преодолевал Геллеспонт (Черное море), как Цезарь переходил Рубикон, как Наполеон переживал день 9 термидора, так и Маргарет играла с судьбой в кости. В любой момент брошенный судьбе вызов мог обернуться полнейшей катастрофой. Но ей сопутствовала неслыханная удача, она ей улыбалась. Играя в покер, Маргарет всегда имела на руках не менее трех тузов. В октябре 1974 года в передаче «Есть ли вопросы?» она говорила, несомненно, искренне: «Я не вижу возможности, чтобы женщина могла стать премьер-министром в ближайшие десять лет»; в номере от 5 октября газеты «Ивнинг стандарт» были приведены следующие ее слова: «Я полагаю, что для женщины будет чрезвычайно трудно добраться до самой вершины»; и всего лишь через пять лет, даже менее чем через пять лет, она с силой откроет двери дома 10 на Даунинг-стрит. Если дочь бакалейщика и сумела этого достичь, то только потому, что она этого хотела. Но произошло это в большой степени и потому, что она получила доброжелательный толчок от судьбы: обстоятельства сложились так, что лидер партии консерваторов был человеком ограниченным, конкуренты — слабыми, несостоятельными, идеи кейнсианства^[89] терпели крах, безответственные политики развили такую деятельность, что страна

погружалась в пучину кризиса.

Консерваторы — это люди, всё забывшие и ничему не научившиеся

Партия консерваторов была совершенно раздавлена поражением, понесенным в феврале 1974 года, тем более тяжким, что обязана этим была только самой себе, а не проiscaм врагов. Тэд Хит искал причины неудачи не там, где следовало. Он не мог понять, что разворот на 180 градусов, совершенный в 1972 году, оттолкнул от него и от партии самых преданных сторонников, обеспечивавших консерваторам победу на выборах. Люди, придерживавшиеся правых идей, на выборы не пошли, остались дома, левые проголосовали за левых, а центристы обратили свои взоры к либералам. Слишком далеко отойдя от программы, принятой в Селдсоне, Тэд Хит пожал бурю. «Он так хотел вновь стать премьер-министром, — напишет Маргарет, — что, в конце концов, сам вырыл себе могилу, потому что способствовал распространению слухов о создании коалиции или правительства национального единства».

Как бы там ни было, Тэд Хит понимал, что новые выборы состоятся довольно скоро. Лейбористам не хватало семнадцати голосов, чтобы иметь в парламенте абсолютное большинство. Гарольд Вильсон, новый обитатель дома 10 по Даунинг-стрит, не мог себе позволить, чтобы в парламенте сложилась такая ситуация, когда бы там образовалось противостоящее ему большинство, способное в любую минуту свалить его правительство. И он просто ждал наиболее благоприятного момента для действий.

Тэд Хит вознамерился выиграть новые выборы любой ценой. Для этого он избрал такую тактику: совершить в своих речах сдвиг к центру и держать от себя на приличном расстоянии наиболее радикальные элементы. По его мнению, забастовка горняков наглядно продемонстрировала, что править страной вопреки воле профсоюзов нельзя. Надо работать вместе с ними, работать над созданием системы общности классовых интересов и проводя политику вмешательства государства в экономические вопросы, политику, именуемую интервенционистской. Состав вновь созданного теневого кабинета свидетельствует о том, что эти идеи владели Хитом. Он сохранил по большей части свое старое правительство, но значительно продвинул своих самых близких сторонников, убежденных последователей идеи интервенционистской политики, вроде Роберта Карра, ставшего в теневом кабинете министром финансов. Этот знатный вельможа, выходец

«Оксбриджа», представлял идейное течение, именовавшееся «Единой нацией», теоретически вдохновлявшееся идеями Дизраэли, но в основном руководствовавшееся идеями кейнсианства; представители этого течения были твердо убеждены в особых достоинствах кейнсианства и проистекавшей из него политики в области цен и заработной платы.

Однако Хит не мог полностью избавиться от представителей правого крыла партии консерваторов. Кит Джозеф тоже претендовал на пост главы Казначейства, хоть в теновом кабинете, хоть в действующем правительстве, ведь в области финансов он был наиболее компетентен, именно там он мог осуществить на практике свои теории, над которыми долго размышлял. Но Хит этого не желал. С другой стороны, он ни в коем случае не хотел, чтобы Кит Джозеф остался вне сферы его влияния, вне тенового кабинета, не желал занять еще одного Энока Пауэлла. Он полагал, что сумеет его нейтрализовать, назначив на должность министра без портфеля в теновом кабинете и возложив на него миссию обдумывания новой правительственной политики. Хит надеялся втянуть Кита Джозефа в теоретизирование. Но на самом деле он сам заложил под свое место динамит. В тени лидера партии Кит Джозеф спокойно разрабатывал доктрину, увлекшую его и его сторонников. По словам Мэгги, «сей ход оказался в такой же мере опасным для Тэда, в какой оказался благотворным для партии».

Сама же Маргарет тогда продолжала верно служить Хиту. В теновом кабинете ей досталось министерство по вопросам охраны окружающей среды, а также в ее ведении оказались вопросы, которыми в реальном правительстве занимались министр жилищного строительства и министр транспорта; в период между февралем и октябрём 1974 года она большую часть времени «посвящала размышлениям над проблемами жилья и местных налогов». На первый взгляд она не брюзжала, не роптала на то, что продолжала проводить прежнюю политику, вслед за лидером. Она работала не покладая рук над тем, что должно было быть одним из стержней программы Консервативной партии: над разработкой программы поддержки вступления во владение собственностью и над реформой местных налогов.

Первый вопрос ей казался вполне легитимным. «Для меня, — пишет она, — при демократическом строе правления вполне нормально, если всякая семья имеет свое жилье <...>. Кроме того, гораздо дешевле помогать людям приобрести жилье в кредит благодаря выплате части процентов ссуды, взятой заемщиком, из средств государственной казны или при помощи внесения взносов <...>, чем строить новое социальное жилье».

Будучи твердо убежденной в истинности этой идеи, Маргарет вырабатывает политику, которую будет в дальнейшем проводить в жизнь.

Но Центральное бюро Консервативной партии желало большего. Оно хотело деталей, хотело получить сказочные цифры и суммы налогов, о которых можно мечтать, чтобы при их подсчете заработали калькуляторы и чтобы избиратель угодил в эту ловушку. Маргарет сочла, что глупо указывать точную процентную ставку при займах, в то время как базовая банковская ставка колеблется и инфляция составляет около 17 процентов. Она полагала, что каждое обещание, когда-то данное, должно быть выполнено и что лучше уж не заманивать избирателя в сети, как когда-то охотники заманивали жаворонков при помощи блеска зеркал, не сулить ему дорогостоящие небылицы, за которые когда-нибудь все же придется заплатить. «Я всегда думала, что мы сможем вести избирательную кампанию, не называя слишком точных цифр», — сказала она тогда Хиту. Она долго сопротивлялась, но 21 июня ее все же обязали публично произнести цифру в 9,5 процента, которая была ниже психологического порога, то есть 10 процентов.

Еще более сдержанно относилась Маргарет к идее продажи социального жилья съемщикам, проживающим в нем. Дело не в том, что идея ей не нравилась, нет. Кстати, по данным социологических исследований, именно этот пункт более всего понравился избирателям в Манифесте Консервативной партии 1974 года. Но в поисках популярности, обеспеченной любой ценой, Центральное бюро хотело пойти еще дальше: а почему бы не продавать эти квартиры в многоквартирных домах по ценам явно ниже рыночных? Маргарет недовольно поджала губы, предвидя, что подобные шаги вызовут гнев типичного электората консерваторов. «Я колебалась, опасаясь, что мы оттолкнем от нас семьи, уже <...> приобретшие по рыночной цене дом на территории частного землевладения и пошедшие ради этого на большие жертвы». Но она была вынуждена уступить, правда, ей удалось немного улучшить проект, внося важные поправки: социальное жилье могло быть продано за две трети от стоимости, но если новый владелец вздумал бы его продать менее чем через пять лет, то тогда большая часть полученного в результате сделки дохода облагалась бы налогом, ведь целью этих мер было обеспечение стабильности в обществе, а не неконтролируемые спекуляции.

При рассмотрении вопроса местных налогов Маргарет вынуждена была временно отречься от своих убеждений. В последний раз она надела мундир славного маленького верного солдатика, сторонника «хитизма». Тяжеловесов из теневого кабинета преследовала навязчивая идея: объявить

о намерении отменить местные налоги, нанеся тем самым тяжелый удар по политическим соперникам. Вместе со своими единомышленниками, в особенности с Чарлзом Беллерсом из отдела социальных исследований Консервативной партии, Маргарет сумела убедить, что делать этого не следует без всестороннего обсуждения. Но, увы, как оказалось, это ничего не значило. 16 августа, когда Маргарет находилась с семьей в отпуске в Ламберхерсте, ее вызвали на Уилтон-стрит, в резиденцию Тэда Хита. Она попала на совещание «слонов», где были Роберт Карр, Джеймс Прайор, Уилли Уайтлоу. Они настаивали на том, чтобы она объявила об отмене местных налогов в течение пяти лет в том случае, если консерваторы придут к власти. Маргарет впала в растерянность. Как это можно будет осуществить? Откуда возьмутся деньги? Должна ли она объявить о том, что затраты на функционирование различных местных служб, в том числе и муниципальных, будут оплачиваться за счет субсидий, предоставляемых государством? Надо ли предусмотреть увеличение государственных расходов на социальные нужды в форме кредитов и дотаций? Тэд Хит, с сигарой в руке, заявил: «Сначала давайте заставим избирателей отдать нам голоса, вновь придем к власти, а там посмотрим». Джеймс Прайор в конце концов сказал: «В любом случае года через два про прошедшие выборы все забудут».

Маргарет была обескуражена этим проявлением цинизма и дилетантизма. Нет, она не была наивной и знала, что в политике не всегда надо говорить правду и только правду; слишком уж большая прозрачность порой граничит с мутностью. Но она также была убеждена в том, что гражданина не следует рассматривать только как машину для голосования, поскольку это не только аморально, но и неэффективно^[90]. Избиратель ведь в конце концов устает от «кандидатов-Дедов Морозов». Здесь в ней, вероятно, проявлялась дочь пастора-нонконформиста. В отличие от английских «патрициев», которые всегда как-то приходят к согласию со своей совестью и считают рядового англичанина тягловым мулом парламентария-консерватора, она стремилась к тому, чтобы политика все же основывалась на морали, насколько это возможно, естественно.

Но в тот момент прагматизм победил, и 28 августа Маргарет объявила о том, что в случае победы ее партии на выборах местные налоги в течение пяти лет будут упразднены, хотя знала, что это абсурд. Пресса, даже считавшаяся консервативной, не одобрила ее. «Таймс» высказалась о таком «типе обещаний, весьма циничных, которые тори критикуют, когда лейбористы находятся у власти». Сами лейбористы тоже не преподнесли ей приятных подарков. Тони Кросленд, ее коллега по палате общин, назвал ее

«Маргарет в стране чудес». Конечно, она кое-что выиграла в публичности. В таблоидах говорили только о ее предложениях, ведь это было единственное что-то новое в программе Консервативной партии. «Эта известность, — напишет она позже, — позволила мне иметь такое влияние на депутатов-консерваторов и консерваторов по всей стране, без которого моя будущая карьера была бы совсем иной».

Но в душе Маргарет уже отделилась от Тэда Хита и его пустой болтовни. Она не верила в возможность победы, основанной на лжи, чувствовала себя «глубоко задетой» и «была в ярости», вынужденная осуществлять «непродуманную политику». Но она чувствовала свою силу, тем паче что в задних рядах Консервативной партии уже вызревала революция, более того, она уже началась.

Консервативная революция на марше. Завоевание умов

Там, в тени, правое крыло уже давно выковалось. Возбуждение царило и вне партии, в таких мозговых центрах, как Институт экономических проблем, возглавляемый Ральфом Харрисом и Артуром Селдоном. В самой партии такие «звезды тэтчеризма», как Ник Ридли, Джон Биффен и Джон Брюс-Гардинер, объединили вокруг себя группу заднескамеечников, получившую название «группа Селдона». Они требовали, чтобы программа, принятая Селдоном, выполнялась точно, а также соблюдались правила «финансовой ортодоксии», предусматривающей контроль над денежной массой. Даже часть Уайтхолла присоединилась к фронде. Считавшиеся раньше незыблемыми догмы кейнсианства, такие как идея поддержки спроса и политики доходов и заработной платы, начали трещать по всем швам. Все стали читать Хайека, вновь открывать для себя Адама Смита; Милтон Фридман, теоретик монетаризма из Чикагской школы, получил Нобелевскую премию по экономике. Началось и бегство с тонущего корабля: высокопоставленные чиновники уходили в отставку; самым известным из них был Алан Уолтерс, член так называемого «частного кабинета», он покинул Тэда Хита в знак протеста против отсутствия внятной политики в сфере денежного обращения. Но пока это было лишь легкое подрагивание поверхности, предшествовавшее рождению ударной волны.

Катализатором стало создание Центра политических исследований Китом Джозефом, министром без портфеля теневого кабинета. В марте 1974 года он получил от Тэда Хита поручение создать некий

исследовательский центр, который занимался бы сравнительным изучением экономик стран Европы, особенно «социальной рыночной экономики», успешно претворяемой в жизнь в ФРГ канцлером Эрхардом, что разительно отличалось от «достижений» английской экономики. По замыслу Хита, этот центр должен был стать чем-то вроде отвлекающего «утешительного выигрыша», игрушкой, способной занять ум Кита Джозефа и удовлетворить его интеллектуальные амбиции. Серьезная ошибка! Это было все равно, что зажечь фитиль, который никогда не погаснет; это было равнозначно запуску адской машины...

Кит Джозеф был замечательным возбудителем процесса выработки понятий. Еврей, придерживавшийся либеральных взглядов, владевший талантом говорить с пафосом, он притягивал к себе людей, мгновенно пробуждая симпатию своими маленькими, живыми и подвижными, как молнии, глазками. Обладавший огромным умом, будучи человеком чрезвычайно образованным с невероятной способностью к анализу и обобщению, он с поразительной точностью и ясностью обращался с самыми тонкими понятиями такой науки, как экономическая теория, никогда не впадая в заблуждение, не путаясь в профессиональном сленге и не блуждая в потемках. Маргарет, посвятившая ему свои мемуары, говорила о нем, что он «был почти слишком ярок, слишком блестящ для политики, но сама политика была бы почти нестерпимо скучна и отвратительна без людей, равных ему». Это был интеллект, в котором так нуждалась партия консерваторов, чтобы реформировать свою доктрину после исторического поворота 1945 года.

В 1960-е годы Кит Джозеф нашел себе союзника в лице журналиста «Дейли телеграф» Альфреда Шермана, которого встретил в клубе. Как это принято в английском обществе, Кит Джозеф любил подолгу рассуждать на разные темы в курительной неоготического стиля в «Реформ-клуб». Среди завитков ароматного дыма, после нескольких порций шерри они познакомились, сочли, что их взгляды во многом совпадают, и поклялись что-то сделать для того, чтобы их идеи одержали триумфальную победу. Альфред Шерман верил со страстью новообращенного; этот бывший коммунист на склоне лет открыл для себя достоинства либерализма в сфере экономики и хотел сражаться, дабы либерализм победил. Центр политических исследований вскоре предоставил им обоим удобный случай для реализации их проектов.

Кит Джозеф стал председателем (президентом) Центра политических исследований, Маргарет Тэтчер — вице-председателем; Альфред Шерман тоже всегда был рядом; благородный меценат Найджел Винсон

финансировал деятельность Центра, оплачивая аренду здания возле Виктория-стейшн; Тэд Хит не принимал участия в работе Центра, «предоставив их самим себе». Вот такие удобные и выгодные позиции они заняли, чтобы вступить в борьбу идей. Замечательный организатор, Альфред Шерман вскоре превратил этот узкий кружок в «место сбора сил большой группы мыслителей-либералов, из которых не все были консерваторами, но все стремились изменить свое мнение и лучше понять, какова роль рынка и каковы недостатки этатизма»^[91]. Вскоре обеды в Центре, дававшиеся по понедельникам и четвергам, стали самыми популярными событиями в общественной жизни, ведь на них бывал «весь консервативный Лондон». Завоевание умов началось, хотя никто не обратил на это внимание. Альфред Шерман дал следующие определения Центру политических исследований: «место, где все приходили в воодушевление», «фактор перемен», «движущая сила перемен», «политический катализатор». Маргарет уточняет, что «ЦПИ был одним из наименее бюрократических общественных институтов; тогда невозможно было говорить о настоящем мозговом центре, ибо ему не хватало тех грандиозных масштабов и той всеохватности, что отличала подобные институты в Америке <...>. Цель его существования состояла в том, чтобы изменить общественное мнение и заставить раздвинуть то, что многие считали „границами возможного“. Ввиду этой цели надо было <...> думать о немыслимом».

Пока собравшиеся в Центре мыслители-интеллектуалы оставались в царстве химер, Тэд Хит прекрасно приспособился к ЦПИ. Но 2 мая Кит Джозеф обратился к теневому кабинету с просьбой рассмотреть вопрос об «увеличении денежной массы в качестве важного фактора инфляции». Тэд Хит довольно резко оборвал его: «Мы все считаем, что политика старого правительства была правильной, но мы продержались у власти недостаточно долго». Маргарет Тэтчер была ошеломлена, но промолчала. Для Кита Джозефа это уже была не игра. Он принял решение обнародовать свои идеи, не ограничиваясь избранными слушателями, посещавшими ЦПИ, теперь он решил начать обширную разъяснительную кампанию по всей стране.

Двадцать второго июня Кит Джозеф произнес в Апминстере речь, прозвучавшую как гром среди ясного неба консервативного конформизма. Он не пощадил никого и ничего, практически уравнив лейбористов и тори: «Путь Великобритании выслан тридцатью годами интервенционизма, добрых намерений и разочарований». По выражению Мэгги, «он отвел всех священных коров на скотобойню». Он раскритиковал лихорадочную

погоню за экономическим ростом, ибо «он очень желателен, но мы не знаем, как долго можно ускорять его». Он без колебаний обрушился с разоблачениями на «сектор государственных расходов, который пускает по ветру богатство, созданное частным сектором»; говорил он и о «противоречиях, присущих смешанной экономике».

Худшее было впереди. Тэд Хит отправил Джефффри Хау к Мэгги, чтобы призвать ее к умеренности. Будучи близкими друг другу людьми, они попытались утихомирить Джозефа. Безуспешно. Вольно или невольно Джефффри и Мэгги, возможно, даже поспособствовали тому, что 5 сентября 1974 года Джозеф произнес в Престоне свою знаменитую речь, где в зародыше содержалась вся политика тэтчеризма, — «Инфляция угрожает нашему обществу». И действительно, инфляция составляла около 17 процентов в год, и причиной ее был неконтролируемый рост денежной массы, другими словами, запущенный станок для печатания денег. Отметив, что «на протяжении многих месяцев, вернее от года до двух лет, проводилась политика вседозволенности в сфере денежного обращения, тесно связанная с ростом инфляции», Кит Джозеф прямо обвинил в попустительстве и правительство Хита, и правительство Вильсона. Он обрушился и на политику в области доходов: «Желать проводить такую политику в сфере доходов, не применяя никаких иных мер, чтобы сдержать инфляцию, вызванную постоянным увеличением денежной массы, равнозначно тому, как если бы захотеть, чтобы из шланга не текла вода, но при этом не закрыть кран <...>. Нам хорошо известны эти аргументы. Мы выдвигали их, когда находились в оппозиции с 1966 по 1970 год. Зачем же тогда вновь проводить такую политику в сфере доходов? Без сомнения, мы хотели бы верить в ее эффективность вопреки всему, ибо мы слишком боялись и боимся единственно верного решения: проведения безотказной, достойной доверия монетарной политики». Кит Джозеф ясно и четко сказал, что подобная политика конечно же вызовет рост временной безработицы. Маргарет, комментируя его слова, говорит: «Иными словами, мы должны были согласиться с тем, что контроль над денежной массой мог спровоцировать рост временной безработицы»^[92].

Тэд Хит был в гневе. Речь Кита Джозефа стала удачной находкой для лейбористов, ибо он в ней разоблачал «миф» о толпах несчастных безработных, а также говорил о страхе политиков, которых «преследуют воображаемые ужасы массовой безработицы, нищеты, бесконечных очередей за пособиями по безработице, виды отчаявшихся толп людей, потерявших надежду, и зрелища превращенных в руины городов». Лейбористы с удовольствием вели свою игру, разоблачая жесткость и даже

жестокость консерваторов, с презрением относившихся к страданиям трудящихся. Образы эти делали свое дело: били точно в цель. Для бывших безработных 1930-х годов бедность не была мифом, и длинные очереди перед отделениями департамента социальной помощи, которые приходилось выстаивать ради жалкой, нищенской подачи, именуемой пособием по безработице, тоже не были для них мифом. Каждый тотчас же вспоминал про толпы людей в лохмотьях, собиравшиеся вокруг дымящихся котлов Армии спасения.

Однако времена изменились. Очень нескоро, но речи Кита Джозефа возымели действие и, как говорят картежники, игра пошла совсем другая. Кто должен был сдавать? Наконец, логичная, последовательная экономическая доктрина сдвинула с места и опрокинула окружающий конформизм. Наконец-то предложили нечто иное, нежели едва заметную модификацию равновесия между общественным и частным секторами, которое было характерно для политики всех правительств, находившихся у власти после 1945 года.

Какая, в сущности, разница между небесами и адом, если предложено что-то новое?! Оцепеневшая от ужаса перед надвигающимися переменами, замерзшая от тридцати лет бессилия, клонившаяся к упадку Великобритания грезилась о переменах. В дело вмешалась пресса. Впервые Флит-стрит^[93] сблизилась с либералами. Питер Джей и Уильям Риз-Мотт из «Таймс», Сэмюел Бриттен из «Файнэншл таймс» подхватили тезисы монетаризма и принялись их повторять. Обработанное таким образом общество начало испытывать недоверие ко вчерашним идолам, опасаться их. Некоторые даже перешли свой Рубикон, как, например, лорд Джордж Браун, бывший депутат от партии лейбористов, объявивший о своем решении влиться в ряды консерваторов. Завоевание умов шло полным ходом.

Что касается Маргарет Тэтчер, то она уже проделала большой путь, обратилась в другую веру и в ее убеждениях произошли изменения. Теперь она окончательно уверовала в силу монетаризма. Там, где Кит Джозеф легко обращался с понятиями, она должна была найти подходящие лозунги, там, где он демонстрировал графики, она должна была придумать образы, которые могли бы потрясти воображение людей. Но она уже сделала свой выбор. «Я была убеждена в том, что мы должны повернуть партию по направлению к идеям Кита, и сделать мы это должны были предпочтительно под руководством самого Кита».

Но в тот момент надо было выиграть выборы в парламент, и сделать это предстояло под руководством Тэда Хита. Выборы были назначены на 10

октября.

Еще одно поражение Тэда Хита

У Тэда Хита была идея фикс: вернуться во власть. В связи с этим его преследовала еще одна навязчивая идея: как-то ограничить ущерб, нанесенный речами Кита Джозефа в среде избирателей-центристов. После опубликования 10 сентября предвыборного манифеста Консервативной партии он созвал членов теневого кабинета в полном составе. По его словам, избирательная кампания должна была быть проведена на основе манифеста и только, а задача каждого члена теневого кабинета — сосредоточить все внимание на секторе, за который он нес ответственность. Цели были ясны: основной целью критики должен был стать Кит Джозеф, а дополнительными — близкие к нему Маргарет Тэтчер и Джеффри Хау.

К несчастью для Хита, манифест не предлагал ничего особенно нового. Это был набор консервативных банальностей: экономия общественных расходов, снижение налогов, сдерживание роста заработной платы. Единственными новациями были реформы, предложенные Маргарет Тэтчер: снижение ставки по займам до 9,5 процента и отмена местных налогов. Она превратилась в верного адвоката мер, которые одобряла, кривя губы. Она едва-едва верила в их эффективность. Пообещав снизить ставку к Новому году, Маргарет заработала у лейбористов прозвище «Баба Мороз». Но она сознавала, что бесполезно чеканить фразы, высказывая свои убеждения, когда руководство партии их не разделяет.

Будучи уже умудренной опытом, хитрой, как говорится, себе на уме, эта дама от политики шла следом за Тэдом Хитом, но обретала особую ауру, что было несколько неожиданно. Шокирующее, чрезвычайно радикальное предложение об отмене местных налогов оказалось для нее подарком, ибо именно благодаря ему она обрела необычайную популярность у представителей средств массовой информации, совершила путешествие по всей стране от Норфолка до Эссекса, трижды выступала по национальному радио, трижды по телевидению, участвовала во множестве пресс-конференций. Впервые вовлеченная в телевизионные шоу Гордоном Рисом, который впоследствии сыграет одну из главных ролей в ее карьере, она всего за несколько недель стала персоной общенационального масштаба и восходящей звездой избирательной кампании октября 1974 года. Как от Джеймса Прайора или от Роберта Карра ожидали, что они

сумеют «мобилизовать» центристский электорат, так на Маргарет возлагали надежды, что она сумеет «мобилизовать» правое крыло партии.

К несчастью, в манифесте, словно нарочно, содержались весьма двусмысленные намеки на возможную широкую коалицию. Авторы его уверяли, что после выборов «мы проведем консультации с руководителями других партий <...>. Мы пригласим всех, кто находится вне рядов нашей партии, присоединиться к нам, чтобы преодолеть трудности, преследующие Великобританию». В пятницу, 2 октября, Тэд Хит, голова у которого шла кругом и он искал союзников, решился выступить с заявлением о вероятном создании правительства, где будут собраны «все талантливые люди». Маргарет была растеряна. Если во время войны или в другой ситуации, когда возникает угроза национальному единству, такая комбинация и может быть создана, то теперь, как она считала, Англия находилась совсем в ином положении. Тэд Хит безапелляционно утверждал, что «народ требует», но, по мнению Маргарет, в действительности эти требования с душком парламентской нерешительности были следствием политиканских переговоров, ведшихся в кулуарах парламента, а также и просто сделок, например, по поводу короткой рабочей недели. «Дело было не только в том, что я, подобно Англии времен Дизраэли, не любила коалиции; с практической точки зрения подобные речи уменьшали веру во взятые на себя обязательства и в договоренности <...>. А что могло произойти в то время, когда партии начнут свой постыдный торг? <...> В конце избирательной кампании Тэд Хит уже отказывался от обязательств, содержащихся в манифесте, полагая, что так он получит более благоприятный шанс вернуться на Даунинг-стрит».

Но то были всего лишь иллюзии. Выборы невозможно выиграть без единой философии действий команды. Мэгги вероятность поражения казалась тем более несомненной, что даже в своем округе Финчли она чувствовала, как зреет недовольство, и даже опасалась за собственный депутатский мандат. Правые упрекали ее в том, что она была соучастницей поворота на 180 градусов, сделанного в 1972 году. Некий внезапно появившийся Национальный фронт грозил украсть у нее голоса значительной части ее разочарованного электората. Из-за отсутствия достойного кандидата влияние либералов ослабевало. Кроме того, кандидат от Лейбористской партии, некий Мартин О'Коннор, мог соблазнить щедрыми посулами избирателей-центристов, сомневающихся, боязливых, кого пугали радикальные речи Кита Джозефа^[94].

О'Коннор метал громы и молнии в адрес «нашей очаровательной и

интеллигентной представительницы в парламенте <...>, желающей усидеть на своем месте, в то время как наш округ терзает безработица». Гарольд Вильсон его поздравил: «Похоже, вы ставите Маргарет Тэтчер в неловкое положение». Да, в неловкое, но не настолько, чтобы она проиграла выборы в своем округе. Правда, выиграла она их всего лишь большинством в три тысячи голосов, самым маленьким большинством, какое когда-либо имела.

А по всей стране дела консерваторов обстояли гораздо хуже. Они проиграли повсюду, и поражение их было более тяжким, чем в феврале. На сей раз лейбористы получили абсолютное большинство, всего в три депутатских мандата, но все же абсолютное. О чем думала в эти часы Маргарет Тэтчер? Поражение партии, членом коей ты являешься, никогда не бывает приятным событием. Но, возможно, в глубине души она надеялась на это поражение.

Это был удачный случай уладить все дела, рассчитаться с долгами, изгнать «старых баронов» из Центрального бюро партии и наконец, и это самое главное, принести идеи, которые она разделяет, во власть. Она тогда не знала, кто мог бы выиграть выборы, но знала, кто их проиграл: Тэд Хит и его бесхребетная политика. Настало время прочесть над Тэдом Хитом «Ныне отпускаеши...». Его час пробил. «Лично Тэда мне было жаль <...>, — пишет она в мемуарах. — Однако у меня не было никаких сомнений в том, что Тэд должен был уйти. Он проиграл из четырех избирательных кампаний три. Он был неспособен измениться, он был слишком озабочен тем, чтобы защитить свою прошлую деятельность, и не мог понять, что радикальные перемены в политике необходимы».

Уход тех, чьи полномочия истекли. Ослабление соперников

Проблема заключалась в том, что Тэд Хит ее не слушал и не слышал. На заседании теневого кабинета он вел себя так, будто ничего не случилось. На следующий день после понесенного поражения в ирреальной атмосфере похмелья он спокойно заявил, что «избирательная кампания позволила сдержать противника» и что «механизм сработал хорошо...». Так хорошо, что у лейбористов было теперь абсолютное большинство. Руководство Консервативной партии понимало, что теперь проблема — это сам Хит. У него началось нечто вроде невроза, его преследовала навязчивая идея о необходимости сломать правое крыло партии, на которое он возлагал вину за поражение на выборах. Кроме того, он считал себя совершенно необходимым для партии. Великобритания тем

временем столкнулась с проблемой судьбоносного выбора в некоторых сферах, в том числе и с проведением «референдума по поводу Европы» в 1975 году. Хит считал, что только он может помочь достичь желаемого результата, забыв о том, что незаменимых людей нет. Жестокая борьба завязалась между ним и сэром Эдвардом Дюканном, председателем Комитета 1922 года^[95]. Тэду Хиту объяснили, что он должен поставить вопрос о poste лидера партии на голосование. Это самое меньшее, чего требуют от него правила честной игры. Но Тэд не был создан для честной игры. Гордый, даже спесивый, резкий, высокомерный, сильный на словах, но слабый в действиях, Хит к тому же не принадлежал к истеблишменту. Он не принимал правил игры, установленных джентльменами в костюмах в полоску, познававшими жизнь на площадках для игры в крикет или поло при участии пони. Вместо того чтобы подать в отставку, он цеплялся за свой пост, хитрил и изворачивался. По внутрипартийным правилам выборы нового лидера требовали согласия большинства членов Комитета 1922 года. Тэд Хит обратил внимание на то, что состав Комитета не обновлялся после прошедших выборов и необходимо провести новые выборы в лоне самого Комитета. Ему пошли навстречу, уступив его требованиям. Но Хиту не повезло. Исполнительный комитет был переизбран весь, без исключения. В стране букмекеров нехорошо быть проигрывающим. 7 ноября он написал Эдварду Дюканну письмо, в котором сообщил, что согласен подать в отставку^[96] и подчиниться результатам голосования депутатов^[97].

Пресса уже не интересовалась им и шла дальше в своих предположениях, публикуя списки возможных претендентов. Если имя Маргарет изначально и не фигурировало в качестве фаворита, то оно начало появляться на страницах «Таймс», «Ивнинг стандарт» и «Санди таймс» наряду с такими «звездами», как Уилли Уайтлоу, Джеффри Хау, Джеймс Прайор и Роберт Карр. В редакционной статье одной из газет можно было прочесть, что Маргарет Тэтчер «по причине ее способности совершить поворот вправо является серьезной претенденткой, несмотря на то, что другие имеют перед ней фору лишь потому, что она — женщина».

Однако в то время она отвергала подозрения в любых амбициях. 11 октября она заявила для «Ивнинг ньюс»: «Вы можете вычеркнуть мое имя из списков претендентов». 15 октября она сделала то же самое перед журналистом из «Ивнинг стандарт», высказав сожаления, что не имеет опыта работы ни в одном из трех ключевых министерств Уайтхолла: ни в Казначействе (министерстве финансов), ни в Форин Оффисе (министерстве иностранных дел), ни в министерстве внутренних дел.

Что это было? Кокетство женщины от политики, желающей, чтобы ее захотели сделать лидером? Быть может. Или тонкий политический маневр, чтобы отвлечь внимание соперников дымовой завесой? Почему нет? Но более вероятно, что Маргарет, ясно понимая расклад сил, хотела видеть своего несомненного учителя Кита Джозефа в кресле лидера партии. Она пишет в мемуарах (и у нас нет причин сомневаться в правдивости ее слов): «Если я и колебалась по поводу моей возможной номинации в качестве претендента на пост лидера, то ни в коем случае не из желания сохранить позиции Тэда, а скорее из желания, чтобы его место занял Кит. Сказать по правде, начиная с уик-энда, я почти стала возглавлять ведение его кампании».

Но именно тогда судьба нанесла удар, смешавший все карты и ставший судьбоносным. В субботу 19 октября Кит Джозеф произнес речь в Эджбастоме, неподалеку от Бирмингема, которая была посвящена генеральной линии в политике, прежде всего «новому повышению нравственности в Великобритании», необходимости вернуть викторианские ценности, такие как закон и порядок, работа и дух предпринимательства. Но дьявол всегда проявляет себя в мелочах. Увлечшись красноречием, Кит Джозеф принялся бичевать моральную распущенность и предложил как можно шире развивать контрацепцию, ибо «равновесие нашего населения, нашего человеческого капитала, находится под угрозой» из-за большого роста численности детей в семьях низших классов, «наименее способных их вырастить». Эти слова лишили Кита Джозефа всяких шансов стать лидером Консервативной партии. Привыкший выступать в университетских кругах и перед избранной аудиторией, Кит не придавал своим словам никакого значения. «Отсутствие здравого смысла!» — радостно злобствовались в окружении Тэда Хита.

В результате Кит Джозеф оттолкнул от себя партию, общественное мнение, прессу. «Из-под плащей на Флит-стрит» появились ножи (напомним: Флит-стрит — это пресса), Кита стали обвинять во всех грехах скопом: в желании ввести в практику евгенику, проводить стерилизацию бедных и осуществлять контроль над рождаемостью. В газетах замелькало прозвище, рифмовавшееся с его именем (Сэр Кит — Сэр Шит; «шит» означает «презерватив» на английском сленге). Кампания травли продолжалась месяц и была дьявольски жестокой. Он мог сколь угодно долго объясняться, даже извиняться, но только еще больше запутывался и выглядел все более смешным. В глазах всех достаточно было одной речи, чтобы доказать: Кит Джозеф — всего лишь теоретик, в нем нет практической силы, чтобы стать лидером, той человеческой сущности,

которая обеспечивает возможность не только иметь убеждения, но и волю, обуздывать свой язык и свои нервы.

Пока бушевала буря, Маргарет набирала очки. Она была назначена помощницей Роберта Карра в теновом кабинете, и на нее была возложена миссия подготовки закона о финансах. Она со вкусом разгромила Денниса Хили, канцлера Казначейства, представителя Лейбористской партии, а также и его советника Гарольда Левера. Мэгги без колебаний наносила удары «ниже пояса», к великой радости депутатов-тори, еще находившихся под впечатлением от поражения на выборах. «Нам казалось, что она — единственный мужчина среди заднескамеечников», — вспоминает Питер Моррисон, тогда бывший простым депутатом. Когда Левер, имевший солидное личное состояние и женившийся на перспективной в финансовом плане даме, упрекнул Маргарет в том, что она защищает привилегии, она ответила с обезоруживающей наивностью: «Я всегда знала, что не смогу соперничать с ним в Казначействе, потому что существуют четыре способа получать деньги: их печатать, их зарабатывать, брать их займы или... жениться на них. Похоже, он имеет опыт в использовании всех четырех способов». В другой раз, когда Деннис Хили принялся изображать из себя бедняка перед прессой: «Я не делаю сбережений; если у меня есть деньги, я покупаю что-нибудь для дома», — она пустила по рядам палаты общин список объектов недвижимости, принадлежащих Хили, и сказала: «Я счастлива, что мы можем сделать так, чтобы господин канцлер был официально зарегистрирован обществом добросовестных вкладчиков в качестве члена и что стоимость домов в добрых старых регионах, отдающих предпочтение тори, не ускользнула от его внимания». На галерее для посетителей все едва не задохнулись от смеха, когда нос канцлера стал заостряться...

Двадцатого ноября Кит Джозеф нанес визит Маргарет в ее кабинете в палате депутатов. Он объявил, что отказывается от борьбы: «Я сожалею, что не смогу выставить свою кандидатуру; с тех пор, как я произнес ту злополучную речь, представители прессы стоят лагерем перед моим домом. Они были безжалостны! Элен больше не может этого выносить, и я принял решение не выставляться».

Без сомнения, мудрое решение. У него не было ни малейшего шанса выиграть. Отказаться от дальнейшей борьбы на деле означало спасти правое крыло партии и дать шанс другим. Для Маргарет словно внезапно раздвинулся занавес, разошлись тучи, горизонт очистился, и место лидера партии как бы приблизилось. Она может стать кандидатом! Причем не предавая тех, кому она была верна. Вероятно, она тогда сказала своему

собеседнику: «Послушай, Кит, если ты не выставляешь свою кандидатуру, то это сделаю я, потому что наша точка зрения должна быть представлена общественному мнению».

В своих мемуарах Маргарет предстает в образе женщины, ниспосланной Провидением, женщины, призванной сыграть свою роль, подчиняющейся приказам судьбы и ничего не желающей лично для себя. Она даже уточняет: «Мне казалось совершенно невероятным, что я выиграю, но я полагала, что, вступая в соревнование, я привлеку кандидатов более солидных, чем я». Если же знать, каков характер Маргарет, то вышесказанное представляется маловероятным. Если она где-то выставляет свою кандидатуру, то только для того, чтобы выиграть. С большим трудом ее можно представить в образе партизана, готового пожертвовать собой, чтобы открыть путь другим. Кстати, она понимала, сколь дерзок ее выбор, и говорила, что если Тэд Хит одержит над ней победу, то ее карьера политика будет закончена. Она считала, что это будет грустно, но переносимо, ведь есть места гораздо худшие, чем галерея для посетителей в парламенте. Ничто не говорило о том, что она не сможет оправиться от удара и вновь воскреснуть. Чтобы сохранить единство партии, надо было бы ей представить в качестве утешительного приза что-то весьма существенное, быть может, пост министра в одном из трех ключевых министерств. Кстати, такие предположения появились в прессе. Многие уже видели ее первой женщиной на посту канцлера Казначейства. Короче говоря, ее поведение не было ни блефом, ни упованием на волю случая, нет, конечно, это был риск, но риск тщательно рассчитанный. Она сама приняла решение, одна. Даже Деннис сначала не поверил, что она решилась вступить в борьбу за лидерство в партии. Вечером 20 ноября, когда Маргарет довольно поздно вернулась домой на Флуд-стрит, Деннис бросил ей в лицо: «Ты сошла с ума! У тебя нет ни малейшего шанса!» Но в соответствии с их «джентльменским брачным соглашением» он пообещал поддерживать ее до конца.

Двадцать пятого ноября она сообщила о своем решении Тэду Хиту в его кабинете лидера партии в палате общин. Он был взбешен, потому что счел ее решение преступлением, равным «оскорблению королевского величества». В то же время он, ослепленный своим огромным, невероятно раздутым эго, совершенно не мог оценить грозящую ему опасность. Что может сделать эта нахалка, эта деревенщина в старой партии, традиционно хранящей верность старым принципам, в партии, где всем заправляют мачо? Он ограничился тем, что холодно взглянул на нее, невежливо повернулся к ней спиной и пожал плечами. Он так до конца и забывал быть

джентльменом.

А в это время в партии консерваторов возникло брожение. Тэд Хит собирал своих друзей, но без особого усердия. Он полагал, что битва выиграна заранее. Он считал, что у женщины, осмелившейся выступить против него, нет никаких шансов. Кроме того, он свято верил в легитимизм членов парламента; кстати, та же самая ошибка погубит и Маргарет Тэтчер в 1990 году, когда она будет «низложена», то есть отправлена в отставку. В тот момент Хит не учел, что среди парламентариев витал дух разочарования и фрондерства. Он организовал несколько крупных обедов, где депутаты должны были выполнять роли статистов. Он был уверен в том, что его опыта ему вполне хватит. В остальном же он позволял действовать своим приспешникам, коим было поручено тщательно следить за соперницей и устраивать всякие штучки с прессой. После довольно неудачного выступления Маргарет 27 ноября, в ходе которого она посоветовала пожилым людям, жертвам инфляции, если они могут себе это позволить, делать запасы продовольствия, пресса, любезно извещенная камарильей Хита, устроила небольшую подлость. Было выдвинуто предположение, что сама Маргарет будет скупать мясо и это может служить доказательством того, «что у нее есть на это средства» и что она очень далека от простого народа. Затем человек, назвавшийся бакалейщиком с Финчли-роуд, явился на телевидение и заявил во всеуслышание, что Маргарет килограммами скупает сахар. Факты после проверки не подтвердились: оказалось, что и сам лавочник, и его лавка — из мира призраков, потому что на Финчли-роуд не было бакалейной лавки. Но зло уже было сделано. Бывший главный организатор парламентской фракции Консервативной партии, превосходный образец «старого доброго парня» из Рагби, вице-президент фирмы «Хэрродз», сэр Мартин Рейдман выступил по телевидению, дабы разоблачить «всяческие попытки подстрекательства к лихорадочной скупке товаров, способной спровоцировать панику, противоречившую интересам общества». Ну вот, Маргарет была выставлена на всеобщее обозрение как скряга, эгоистка, «буржуйка»; слово было сказано. Целью этой выходки было задеть Маргарет с двух сторон, лишив ее поддержки жителей округов, населенных в основном трудящимся людом, среди которого много было таких, у кого еще было живо деление людей на «них» и «нас», а также и поддержки тех, кто находился на верхних ступенях социальной лестницы; она сама подвергла этот случай анализу и сказала, что «эти упреки играли на струнах снобизма, свойственного членам Консервативной партии, внушая людям мысль, что от дочери бакалейщика нельзя ждать ничего хорошего».

Маргарет уже была «похитительницей молока», теперь она стала «скупщицей продуктов питания». На сей раз она решила защищаться и ответить ударом на удар: «Я видела, как уничтожили Кита, меня уничтожить им не удастся». Она пригласила телевидение к себе домой и продемонстрировала свой холодильник, свои шкафчики и даже подвал и чердак. После этого «кампания» провалилась и угасла. Мучители, получившие приказ от Тэда Хита, поняли, что рискуют стать посмешищем.

Оставалось узнать, кто еще станет кандидатом на пост лидера партии. Назывались имена довольно серьезных претендентов: Кристофера Соумза, зятя Черчилля, Хью Фрэзера и других, но никого из них нельзя было считать сверхсерьезным. Справа был только один весомый соперник: Эдвард Дюканн. Это он принудил Тэда Хита подать в отставку, это он лучше всех был знаком с заднескамеечниками и это у него, вероятно, были самые лучшие шансы на победу. Похоже, Дюканн долго колебался, прежде чем сделать решительный шаг. Он был воплощением «элегантного консерватизма», быть может, излишне «цивилизованного» для нравов того времени.

Айри Нив, главный советник Маргарет, хотел во что бы то ни стало избежать раздела голосов правых. Он вел бесконечные переговоры между претендентами на победу. Роберт Эдли, активный заднескамеечник, написал двум возможным кандидатам письмо, умоляя их прийти к согласию, чтобы избежать переизбрания команды, еще находившейся у власти в партии. В конце концов Эдвард Дюканн решил не вступать в борьбу. Официально по причине того, что дела слишком задерживали его в Сити, а неофициально потому, что не хотел втягиваться в борьбу, которая не давала уверенности в победе. Он предпочел дергать веревочки за кулисами. Это более удобно, а быть может, и более забавно... Он обнародовал свое решение 15 января 1975 года. Выборы были назначены на 4 февраля. Путь для Маргарет был свободен. У нее оставались всего три недели для проведения кампании и для того, чтобы убедить в своем преимуществе 296 депутатов-консерваторов.

Кампания по избранию лидера партии

Одним из главных достоинств Маргарет, придававших ей большую силу, было умение окружить себя нужными людьми. Пока существовала гипотетическая возможность того, что Эдвард Дюканн выдвинет свою кандидатуру, комитет по проведению предвыборной кампании Маргарет

представлял собой неопределенное сборище, в которое входили друзья Маргарет, такие как Ник Ридли и Энгус Мод. Председателем официально числился Билл Шелтон, но все члены комитета были слишком неопытны в парламентских закулисных «торгах и сделках». Отказ Дюканна от борьбы позволял Айри Ниву взять на себя «бразды правления» кампанией. Это был вполне подходящий человек. Богач, воин, герой войны, награжденный Военным крестом, совершивший побег из крепости Колдиц; после войны его «логовом» стал квартал Пэлл-Мэлл. Он любил посещать клубы, был членом многих, везде чувствовал себя как дома, в «Атенеуме», в «Карлтон-клуб», в «Блэк энд Уайт», в «Реформз», где проводил досуг цвет Консервативной партии. После крайне изнурительного дня в палате общин всего-то и понадобилась тихая беседа у камина, чтобы убедить подавленного достопочтенного господина депутата в том, что будущее носит имя Мэгги. К тому же у Айри Нива были свои причины желать Хиту поражения; как-то, узнав, что у Нива случился сердечный приступ, Хит отстранил его от всех дел со своим обычным «тактом»: «Мой бедный друг, ваша политическая карьера закончена...» Теперь настал час заставить Хита заплатить за такую реакцию на визит врача «скорой помощи».

Айри Нив и его команда устроили совершенно беспрецедентную кампанию «от двери к двери». К каждому депутату многократно обращались самые разные люди, указывая на основные недостатки Хита: его дурной характер, несправедливость, проявленную к тому или другому, способность к издевкам и придиркам, а также напоминая, что он уже трижды потерпел поражение на выборах. Они подчеркивали, что женщина могла бы способствовать обновлению образа партии в глазах общественности. Кроме того, депутаты сознавали, что в обществе царит атмосфера всеобщей усталости. Народ ждет хорошей «новой метлы». Если внутри партии они сами не найдут такую «новую метлу», которая произведет в ней генеральную уборку, то рискуют, что в один далеко не прекрасный день их самих выметут вон. Вот почему к пророкам тэтчеризма прислушивались очень внимательно, тем более что агенты Хита довольствовались тем, что делали ставку на его опыт... Итак, каждый вечер Айри Нив и Билл Шелтон объединяли усилия, чтобы тщательно обрабатывать депутатов и вести не менее тщательный предварительный подсчет возможных голосов. И всякий раз Мэгги приходилось сдерживать их пыл, опасаясь услышать от кого-нибудь из депутатов нечто вроде: «Я ведь дал слово, так зачем вам еще и мой голос?»

Айри Нив прекрасно понял, что Маргарет не владеет большим мастерством в этой мышинной возне политических игр. Он посоветовал

ей ничего не менять в своей программе, по-прежнему блистать в палате общин, громко выражать свое мнение и встречаться с группами депутатов или даже лично, наедине с теми из них, кого еще следовало убедить в ее правоте. Никогда прежде Маргарет так часто не видели в гостиной и в чайной палаты общин. Если все знали ее в лицо, то почти никто не знал близко, ведь у нее всегда было слишком много работы и совсем не было времени на пустую болтовню. «Вплоть до того момента, когда надо было вступить в борьбу за руководство партией, — пишет Норман Теббит, ставший одним из самых ярких сторонников Мэгги, — многие из моих коллег не знали Маргарет Тэтчер, да и я сам ее совершенно не знал; думаю, я сам до того обменялся с ней всего лишь несколькими словами, и я конечно же никогда не думал о ней как о лидере партии». Но на сей раз надо было изменить тенденцию на прямо противоположную. И Маргарет стала проводить много времени у себя в кабинете и в кабинете Робина Кука, устраивая дружеские встречи за чашкой чаю или за бокалом вина. Она вела себя скромно, используя свою женственность, была даже ласковой, то есть полной противоположностью Хита с его грубым, резким стилем поведения. Короче говоря, она всем нравилась, и ей удалось избавиться от ее прежнего образа женщины холодной, брутальной и упрямой. Это и положило начало успеху.

Гордон Рис взял на себя заботу о создании ее образа в глазах общественности и прессы. Он научил ее использовать такую хитрую уловку, как пауза, а порой и молчание, объяснил ей, что иногда следует говорить медленнее, понижать голос, надо хорошо его поставить, чтобы он был умиротворяющим, внушающим доверие и сильным одновременно. Она рассталась со своими накрахмаленными шляпками и сменила их на более модные головные уборы. Она даже рассталась со своими перчатками, казалось, доставленными прямиком из магазинчика, где торгуют аксессуарами 1950-х годов. Она предстала в облике обычной домохозяйки, которой приятно видеть, «что у ее детишек хороший завтрак на столе». Ее снимали вместе с Кэрл во время походов за покупками. Лейбористы могли сколь угодно долго поднимать на смех эти мизансцены, слишком хорошо выверенные, чтобы быть правдой, а журналисты в «Дейли миррор» могли сколь угодно долго зубоскалить по поводу того, что «с Маргарет Тэтчер никогда не знаешь, кем же она хочет быть: то ли премьер-министром, то ли лучшей домохозяйкой года», но созданный образ работал в пользу Мэгги. На страницах «Таймс» можно было прочесть, что она «скромна и очаровательна». Она стала почти «невестой» Англии.

В то же время в палате общин она с блеском демонстрировала свои

белейшие, без единого пятнышка зубы. Хотя она не была мастером неожиданных метких замечаний и саркастических высказываний, в тот период у нее всегда было в запасе несколько колкостей и язвительных словечек, подготовленных заранее. Если же она «обнажала шпагу», то всегда поражала цель. Когда Деннис Хили назвал ее «пассионарней привилегий», она ответила так: «Некоторые министры финансов сильны в микроэкономике, некоторые — в налоговой политике, этот же — просто дешевка, профан».

Наступила последняя неделя перед выборами лидера партии. Хит был немного дезориентирован. Он чувствовал, что ветер может изменить направление. Тогда он атаковал свою соперницу и ее «среднеклассовые позиции». Мэгги же только и мечтала о том, чтобы ей представился случай обнародовать свою программу и показать, кто она есть на самом деле. В яркой, блестящей статье, опубликованной в «Дейли телеграф» 30 января под заголовком «Партия тори, какой я ее вижу», Маргарет дала объяснения: «Так вот, если ценности среднего класса состоят в том, чтобы всячески ободрять разнообразие и индивидуальный выбор, чтобы благоприятствовать труду и достойному за него вознаграждению, чтобы возводить преграды перед дирижизмом^[98] и желать широкого распространения частной собственности, тогда, конечно, я защищаю именно это <...>. Если мы потерпели тяжелое поражение на выборах, то произошло это потому, что многие консерваторы стали социалистами <...>. Эта эволюция не только должна быть остановлена, ее нужно повернуть вспять».

В конце января вся команда Маргарет пребывала в оптимистическом настроении. На одном из обедов на Флуд-стрит был произведен предварительный подсчет голосов: 120 за Маргарет и 80 за Хита. Маргарет не поверила. Она отказывалась дать себя успокоить опасными иллюзиями. Тогда Айри Нив достал свою «волшебную палочку». Он обошел всех парламентариев, говоря им, что ради будущего партии сейчас вовсе не нужно, чтобы поражение Хита было уж слишком жестоким, всего-то и требовалось, чтобы он не был переизбран с первого раза. И произошло чудо. Даже колебавшиеся сделали свой выбор. Даже такие центристы, как сэр Джон Роджерс и Пол Брайан, решили объединиться с другими сторонниками Маргарет «под ее знаменем».

Во вторник, 4 февраля, Маргарет провела первую половину дня в комиссии по финансовым вопросам. В половине четвертого она прибыла в кабинет Айри Нива, чтобы там дожидаться результатов. Предоставим ей возможность самой обо всем рассказать: «Я пыталась ни о чем не думать.

Дверь отворилась. Вошел Нив. Говорил он тихо, но глаза его искрились. Он объявил: „Хорошие новости, вы получили 130 голосов, а Тэд — 119“».

Маргарет всегда была практична. Она пишет: «Имея в виду сложившуюся ситуацию, я могла теперь стать лидером партии <...>. Конечно, мы откупили бутылку шампанского, но надо было оставаться трезвыми, с ясными головами <...>. Позже, вечером, мы собрались у Нива на военный совет».

В стране это известие вызвало настоящий шок. С полным на то основанием в «Дейли мейл» на следующий день было напечатано: «Слово „сенсация“ — не совсем точное выражение для того, чтобы описать ту ударную волну, что сотрясла Вестминстер после объявления результатов голосования».

В кресле Тэда Хита

Униженный, осмеянный Тэд Хит объявил о своей отставке. Высокомерный, желчный, он больше никогда не вернется в политику. Чтобы спасти единство партии, подталкиваемый Тэдом Хитом, в борьбу вступил Уилли Уайтлоу. Но он не обладал характером и темпераментом победителя. Он только выполнял свой долг, и всё. С самого начала его отношения с Мэгги были окрашены в тона дружеской любезности. Однажды во время встречи с молодыми консерваторами в Истбурне они вместе, бок о бок стояли на одной трибуне. Маргарет поцеловала Уилли в обе щеки и обратилась к прессе с такими словами: «Мы с ним друзья уже на протяжении многих лет. Мы целовались много раз. Я не думаю, что это причиняло ему большие неудобства». Уилли не знал, что сказать. Он был смущен как никогда.

Предвыборная гонка превратилась в увеселительную прогулку, тем более что кампания Уилли превратилась в подобие балаганного фарса. Желая также создать себе образ простого человека, так удачно использованный Мэгги, он сфотографировался у себя на кухне за мытьем посуды. Но это оказалось уж слишком, как говорится, было шито белыми нитками. Одни и те же козыри не могут выпадать много раз подряд. Газета «Таймс» его не пощадила: «Посуду может мыть каждый, но наша страна нуждается в том, кто сможет ею управлять, а не в том, кто умеет мыть посуду».

Бог был явно на стороне Маргарет. Накануне проведения второго тура голосования она, выступая перед членами Консервативной партии, бросила

знаменитую фразу: «Работяг — поднять и поставить на ноги, лодырей — вон!» Выступление ее в прямой трансляции показывали по телевидению, и все увидели, что эти слова были встречены овацией, да не простой, а стоя. В лагере Мэгги царили победные настроения. Мысль о том, что Англия может стать первой крупной страной Запада, где во главе самой мощной партии в результате выборов встанет женщина, поселилась во всех умах. Такой случай упустить было нельзя. 6 февраля «Дейли телеграф», своеобразный барометр консервативной прессы, переходит на сторону Маргарет, отметив, «что проголосовать за Маргарет — это самый разумный и оригинальный шаг из всех, сделанных партией за последние годы». Чтобы подчеркнуть свой статус фаворита выборной гонки, Маргарет позволяет себе роскошь отказаться от участия в передаче «Панорама», в которой должны участвовать другие кандидаты. Хотя вплоть до самого конца ее терзали страхи, ей теперь оставалось только ждать «сбора урожая». Результат был неоспорим: за Маргарет Тэтчер — 146 голосов, за Уилли Уайтлоу — 79, а остальные кандидаты собрали лишь жалкие крохи: Джеймс Прайор и Джеффри Хау — по 19, Джон Пейтон — 11. Айри Нив мог с радостью крикнуть ей: «Имею честь обратиться к новому лидеру Консервативной партии!»

Маргарет тотчас же отправилась в большой зал, где проводились заседания парламентских комиссий, прямо напротив Вестминстера. Ее первые слова были скромны, даже робки. Можно было подумать, что перед депутатами предстала маленькая девочка, очарованная прекрасным подарком от чудесного Деда Мороза. «Для меня это как сон: увидеть, как имя Маргарет Тэтчер будет вписано в анналы партии после имен Гарольда Макмиллана, сэра Алека Дуглас-Хьюма, Эдварда Хита. Каждый привнес свою лепту при исполнении своих обязанностей, у каждого был свой собственный стиль руководства, каждый был отмечен печатью величия и благородства. Я буду исполнять свои обязанности с чувством смирения, преданно и верно». Но из-под облика нежной и доброй Мэгги уже выглядывала «Железная леди». На вопрос одного из журналистов, не избрали ли ее потому, что она женщина, Маргарет в гневе ответила: «Надеюсь, нет. Избрали, потому что я это заслужила». Да, она женщина, она женственна, но она не феминистка. Она также тогда постаралась протянуть руку Тэду Хиту, но он так никогда и не пожал ее. Однако она заявила на телевидении, что очень надеется на то, что вскоре они смогут «работать вместе ради дела, в которое они оба верят».

Затем Маргарет совершила традиционный визит лидера в Центральное бюро партии. Она тотчас же увидела натянутые улыбки всех работников

бюро, в большинстве своем яро поддерживавших Хита «в его борьбе против интриганки, желавшей занять место калифа». Она читала во взглядах тревогу и далеко не беспричинную, потому что Маргарет была готова к большим переменам. Вечер того дня она провела у Билла Шелтона в Пимлико вместе с Деннисом и всей своей командой. Но прежде чем вернуться на Флуд-стрит к родным и наконец отпраздновать победу, она опять отправилась в парламент, чтобы побеседовать с Хэмфри Аткинсом, главным организатором парламентской фракции тори. Хотя это и был день ее победы, она прежде всего оставалась великим политиком-профессионалом, политиком до кончиков ногтей, до мозга костей, а потому не предавалась хмелю успеха. Даже сейчас она готовилась к завтрашнему дню.

Позволим депутату от лейбористов, Барбаре Касл, тайно восхищающейся Маргарет, описать радость той, кого ей следовало бы считать своей противницей: «Казалось, она была в своей лучшей форме, и я понимаю почему. Она была влюблена, влюблена во власть, в успех, в саму себя <...>. Она была лучшей среди них, она была лучшим мужчиной среди мужчин. Ее избрание многое делает для нас гораздо более труднодостижимым». Другие социалисты также по достоинству оценивали «масштабы торнадо». Тони Бенн, лидер левого крыла Лейбористской партии, предрекал: «Надо быть безумием, чтобы не верить в то, что миссис Тэтчер станет великолепным лидером». Только «старые кайманы» Консервативной партии, такие как Пол Шеннон или Иэн Гилмор, ворчали, что партия тори уподобляется партии лейбористов, выдвигая в лидеры экстремистов. Они полагали, что победить можно, только будучи центристом и опираясь на центристов. Маргарет вскоре им докажет, что можно выиграть, занимая позицию справа.

В номере «Дейли телеграф», вышедшем 12 февраля, был прекрасно описан только что совершенный поворот: «Остается только посмотреть, каким лидером партии станет миссис Тэтчер <...>. Она поднялась над скромной средой своего происхождения ценой больших усилий <...>. Она ничем не обязана ни семейному богатству, ни привилегиям, а потому, вероятно, не будет страдать от типичного недостатка, столь характерного для тори в XX веке: от чувства вины перед лицом денег <...>. Это одна из причин того, почему Великобритания так далеко зашла по дороге коллективизма. То, что госпожа Тэтчер должна была бы предложить Великобритании, так это моральную сторону, недостаток чего так сильно ощущался в нападках тори на социализм. Если бы ей это удалось, то ее приход к руководству партией мог бы ознаменовать радикальные

изменения в характере политической борьбы в этой стране».

Комментатор «Дейли телеграф» был прав. Сегодня нам трудно даже представить размах того потрясения. Впервые лидер партии потерпел поражение «в открытом поле», к тому же от женщины! А ведь она по происхождению даже не была представительницей избранного круга! Она не была дочерью лорда, свихнувшейся на политике, не была сестрой какого-нибудь политика, вдруг воспылавшей любовью к Вестминстеру. Нет, она была дочерью бакалейщика из Грантема, и это она заставила сойти с рельсов поезд, который в свое время с большим терпением и заботой поставили на эти рельсы сэр Роберт Пиль и лорд Биконсфилд. Одним ударом, внезапно Англия окончательно освободилась от общества, где факт принадлежности к определенной среде или касте по рождению играл столь значимую роль. Вместе с приходом Маргарет Тэтчер начался период прихода в политику новых людей, так называемых «публичных людей», вырывавшихся при помощи труда и усилий из тисков предназначенной им происхождением судьбы. Для многих парламентариев это голосование было еще одним камнем, упавшим с фронтона старой Англии.

Глава седьмая

ЗАВОЕВАНИЕ ВЛАСТИ

Путч удался. Заднескамеечники рубанули с плеча и всё решили. А ведь их частенько презирали, их речи слушали с раздражением, их никогда не слышали; так вот, они предпочли сменить старого вождя, относившегося к категории «важных шишек», на чужака, не принадлежавшего к элите. Не следует преувеличивать личный успех Маргарет, он в какой-то мере стал результатом восстания «простых пехотинцев», долгое время бывших послушными исполнителями. Это был триумф людей неизвестных, реванш рядовых. Голосование было прежде всего не «за», а «против», против старых кадров, проигрывавших выборы за выборами, против бесконечных перелицовок старого сюртука, в основном против самого Тэда Хита. Это было голосование не за Маргарет Тэтчер, и в еще меньшей степени за тэтчеризм. Правда, мало кто это понимал, хотя сама Маргарет все оценивала трезво. Она знала, что ее власть очень хрупка и ненадежна, что ее партия разделена более чем когда бы то ни было и что новые правила предписывают отныне лидеру партии ежегодно отдавать свой пост в руки выборщиков из Комитета 1922 года. Вот почему она не могла доставить себе удовольствие вступить в открытую борьбу со сторонниками Тэда Хита, а уж тем более позволить себе такую роскошь, как вендетта. Она также должна была избегать пугать всех слишком правыми идеями. Короче говоря, она знала достоинства терпения, ей также было известно, что иногда, чтобы поднять паруса и тронуться в путь, следовало какое-то время двигаться вперед скрытно. В своих мемуарах, стараясь быть достоверной, она без колебаний показывает себя способной на тонкие и хитрые маневры, то есть демонстрирует себя в какой-то мере отмеченной макиавеллизмом^[99]. Кстати, она тогда доверительно и с достаточной долей цинизма сказала одному из заднескамеечников, пришедшему поздравить ее с успехом: «Вы не увидите того, что я хочу сделать, до того, как пройдут общие выборы». Ее первая речь, произнесенная в качестве лидера, служит тому подтверждением.

Первые месяцы

Газета «Сан» была неправа, утверждая, что Маргарет, став лидером

партии, устроила «ночь длинных ножей», формируя свой теневой кабинет. Во время встречи с Хэмфри Аткинсом, главным организатором парламентской фракции, назначенным на эту должность еще Хитом, но поспешившим заверить Маргарет в своей преданности, она подчеркнула приоритеты: «После столь ожесточенного столкновения с Тэдом надо сохранить достаточную преемственность, чтобы поддерживать единство партии».

Первым шагом Маргарет стала попытка примирения покидающим свой пост бывшим лидером. 12 января она отправилась к нему с визитом домой, на Уилтон-стрит, чтобы предложить должность в теневом кабинете, как это сделал в свое время Гарольд Макмиллан. Но время джентльменов давно прошло. Тэд Хит сидел у себя в кабинете за письменным столом. Грубиян до мозга костей, он даже не встал, чтобы поздороваться, и не предложил ей присесть. Она спросила, не хочет ли он вновь повторить путь во власть, начав с теневого кабинета. Какое-то ворчание, напоминавшее «нет», вырвалось из горла старого захмелевшего медведя. Тогда она предложила ему возглавить кампанию по проведению референдума о «вступлении в Европу», намеченного на июнь. Последовал такой же ответ. Через пять минут разговор был окончен. Но перед домом толпились журналисты! Надо было во что бы то ни стало избежать слухов о разрыве, хотя этот разрыв и произошел. Встреча должна была быть достаточно продолжительной, а потому Маргарет пришлось обсуждать погоду с парламентским секретарем Тэда почти четверть часа, прежде чем с облегчением покинуть этот дом.

Кроме бывшего лидера партии «уходящих» было немного. Занимавший в теневом кабинете пост министра финансов, «прохитовски» настроенный Роберт Карр потребовал пост министра иностранных дел. Он его не получит и примется мстить, разоблачая «эту жалкую горстку людишек, возомнивших, что монетаристская политика — это нечто вроде автоматического механизма». Питер Уокер был принесен в жертву на алтарь злопамятности, потому что именно он, возглавляя практически избирательную кампанию Хита, руководил операцией по дискредитации Маргарет, пустив слух о созданных ею запасах продовольствия. Маргарет могла примириться с соперниками, но не с предателями, применяющими в борьбе запрещенные приемы. Так пусть уходит! Все другие «уходящие» были фигурами незначительными.

Еще более удивительным было распределение «кресел». Уилли Уайтлоу, отправленный на бой почти против своей воли, объявил, что отдает себя в распоряжение Маргарет. Бывший военный, привыкший

служить и выполнять приказы. «В глубине души это был очень верный, очень преданный человек», — пишет о нем Маргарет. Так как он был неудачливым кандидатом, Маргарет назначила его своим помощником, ответственным за передачу полномочий, а позднее — министром внутренних дел в теновом кабинете. Хотя они были выходцами из совершенно разных слоев, впоследствии прекрасно и слаженно работали в паре.

Весь Уайтхолл ожидал, что увидит Кита Джозефа на посту казначея, то есть министра финансов. Но пост сохранил за собой Джефффри Хау по той причине, что у него была репутация сторонника свободного рынка. Осознавая, сколь велики не только достоинства, но и недостатки Кита Джозефа, Маргарет хотела сохранить его при себе в качестве наставника. Не желая, чтобы он публично допускал свои ляпы, она доверила ему пост министра без портфеля, поручив определять стратегические направления развития как в политике, так и в экономике. Если говорить ее словами, Кит представлял собой «мозг», а Уилли и Джефффри — «мускулы».

Другие назначения носили чисто политический характер. На пост министра иностранных дел в теновом кабинете она назначила воскрешенного из небытия Реджинальда Модлинга, отправленного в отставку с этого поста в 1972 году из-за разразившегося тогда политическо-сексуального скандала, которые так любит читающая таблоиды Англия. «Это был не слишком удачный выбор», — напишет позже Маргарет. Реджи Модлинг был ярым поклонником кейнсианства, к тому же нес на себе отпечаток братства по оружию, возникшего в годы войны между англичанами и русскими, верил в «дипломатию маленьких шагов», в государственные переговоры, ведущиеся культурными джентльменами. По мнению Маргарет, он так и не понял, что «время крахмальных отложных воротничков» безвозвратно ушло, а в ее глазах это был непростительный грех для политика! Кроме того, Модлинг отвергал тот радикальный антисоветизм, к которому была склонна Маргарет. Вскоре он покинул теновый кабинет, повозмущавшись в палате общин по поводу «глупости этой невозможной женщины».

На пост министра по вопросам занятости (труда) в теновом кабинете Маргарет призвала тяжеловеса из левого крыла партии, Джеймса Прайора. Он был сторонником переговоров с профсоюзами и Закона об отношениях в промышленности, а также всячески поддерживал прогрессистов. Это назначение свидетельствует, что в то время Мэгги еще не приняла окончательного решения, скрестить ей шпаги с профсоюзами или нет. В 1975 году она знала, что страна еще не готова к решающему столкновению,

которое произойдет только девять лет спустя, в 1984 году.

Кроме Кита еще одним убежденным сторонником тэтчеризма в теневом кабинете был Айри Нив. Она должна была ввести его в кабинет, потому что многим была ему обязана. Его заботам была вверена Ирландия, чему он был рад, поскольку только этот «портфель» его и интересовал по-настоящему. Он также взял на себя руководство частными советниками теневого кабинета и секретариатом.

Во время заседаний теневого кабинета Маргарет вела себя поразительно сдержанно, хотя все еще помнили ее поведение в «эпоху Хита», когда она говорила без умолку, по поводу и без повода. Теперь она больше слушала, в особенности сначала, зная, что умно созданная упряжка теневого кабинета не распряжется. Айри Нив, например, говорил: «Она была относительно демократичной в использовании своего кабинета как источника принятия решений; однако самые важные стратегические решения принимались не кабинетом, а маленькой группкой близких ей людей». Да и свобода, предоставленная Маргарет теневому кабинету, была довольно относительной. Она уточняла: «Вы высказываете свои взгляды в частном порядке, но вы соглашаетесь защищать коллективные решения. <...> роль премьер-министра состоит в том, чтобы прервать все разговоры и сказать: „Вот что мы будем делать“». В конце концов Маргарет справилась со всеми проблемами прекрасно, потому что на протяжении всего периода, когда тори были в оппозиции, никто «не хлопал дверьми» и не уходил из теневого кабинета со скандалом.

В Центральном бюро партии, менее доступном для средств массовой информации, Маргарет взяла бразды правления в свои руки более энергично. На многие посты она назначила своих людей, так как прежние представители партии, заправлявшие в Центральном бюро, сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать ее избранию. Новому лидеру нужны были новый председатель партии, а также новый казначей, новый шеф Исследовательского отдела. Ключевые посты были заняты.

Питер Торникрофт стал председателем и принес свое знание деловых кругов, свою верность Маргарет и свою политическую смелость.

Назначив Алистера Макалпина на пост казначея, Маргарет продемонстрировала свою способность преодолевать предвзятость и предрассудки ради дела. Алистер Макалпин — тори старой закалки и старого рода, отпрыск целой «линии» депутатов-консерваторов, денди до кончиков ногтей. Он обладал достаточным состоянием, чтобы не работать, он был слишком богат, чтобы соблазниться взяткой, слишком благовоспитан и элегантен, чтобы ничего не делать; он «порхал как

бабочка» от одного занятия к другому и был воплощением всех грехов, к которым Маргарет питала отвращение, находя их в изобилии у представителей верхушки партии; он представлял собой смешение светскости и политики. Но за несколько месяцев этот молодой франт превратился в первоклассного «добытчика средств». Его записная книжка открывала для него чековые книжки. Он вел свою игру со всей присущей ему энергией; по совету Маргарет он сменил свой немецкий «мерседес» на более типичный британский «ягуар». На протяжении тех пятнадцати лет, что он занимал свой пост, никогда Консервативная партия не знала затруднений с деньгами.

Приход Энгуса Мода в Исследовательский отдел в качестве главы тоже имел большое значение. Этот талантливый журналист, бывший советником Маргарет с самого начала ее карьеры, призван был выполнить непростую миссию: устранить соперничество между двумя мозговыми центрами, коими тогда были Центр политических исследований Кита Джозефа и Исследовательский отдел Иэна Гилмора. Гилмора подтолкнули подать в отставку, и пришедший на его место Энгус Мод «разминировал минное поле», трансформировав отдел в некий придаток канцелярии лидера партии, чтобы «он мог выполнять задачи секретариата теневого кабинета, а не определять направления дальнейшего развития». Центр политических исследований наконец-то получил право первенства. Цель была достигнута.

Став лидером партии, Мэгги более чем когда-либо прежде была озабочена своим имиджем. Гордон Рис, уже занимавшийся этим время от времени, покинул свой пост в «Электрик энд мьюзикл индастриз» и вплотную занялся вопросом связей с общественностью. Очень быстро он стал ключевой фигурой ее команды. Когда-то он посоветовал ей поработать над своим внешним видом, теперь дал совет серьезно поработать над голосом. С помощью своего авторитета и лести он с успехом заставил ее провести многие часы у специалиста-логопеда, научившего ее владеть дыханием и говорить не горлом, а ртом. Надо — так надо! Без ложного стыда Мэгги вновь побывала скромной студенткой Оксфорда. Она даже встретилась с сэром Лоуренсом Оливье, самым знаменитым актером Англии того времени, чтобы он раскрыл ей секреты мастерства сценической речи.

Гораздо серьезнее, чем прежде, Гордон Рис пошел в атаку на политику связей с общественностью, в особенности с прессой, проводимую тори. То ли в результате избранной тактики, то ли из-за снобизма, но тори всегда отдавали предпочтение «серьезным газетам», таким как «Таймс» или

«Дейли телеграф». Гордон предложил «сменить паруса». Нельзя завоевать массовый электорат при помощи газет, которых простой народ не читает! А потому без колебаний следует работать и с таблоидами, обожающими скандалы, такими как «Сан» или «Ньюс оф уорлд». «Эти газеты, — признает Маргарет, — сыграли ключевую роль в деле ознакомления с ценностями консерваторов избирателей, традиционно голосовавших не за консерваторов».

Итак, у Маргарет теперь был свой кабинет, хоть и теневой, была своя партия, были свои люди, свои советники. Сама же она была только что получившим назначение генералом, оказавшимся во главе войска ветеранов, среди которых затесались несколько новичков; и вот этот генерал был брошен в гущу политического сражения.

Первые парламентские перепалки оказались не в ее пользу. Как мы уже отмечали, для того чтобы блистать в палате общин, ей не хватало той ироничной беспечности, того острого чувства сдержанности в высказываниях, той холодной способности к намекам и недомолвкам, того озорства и пристрастия к острому словцу, что составляют непреодолимую силу английского парламентария. Ей нужно было заранее готовиться к речам, то есть иметь уже готовый текст, или, по крайней мере, располагать цифрами, фактами, заметками, короче говоря, иметь все, что нужно, чтобы хорошо выполнить свой долг. Но ей не хватало чего-то другого, чтобы выполнить долг блестяще. Кроме того, как она пишет, «мы, будучи заложниками необходимости защищать несостоятельные, почти не поддающиеся защите „творения“ правительства Хита, были неспособны совершить прорыв к настоящей либеральной экономике». Это по сути было правдой, ведь у партии не было своей доктрины. Но и по форме Маргарет запутывается. Во время одного из выступлений по вопросу инфляции, 22 мая, после неизбежных заклинаний лейбористов-мачо, восклицавших: «Мэгги, один поцелуй! Один поцелуй!» — правительство принялось выпускать в Маргарет стрелу за стрелой. Деннис Хили констатировал, что distinguished лидер партии тори «говорила с изысканностью железнодорожного расписания». Гарольд Вильсон со своей стороны с еще большим коварством радовался тому, что «Распутин нашей distinguished дамы, Кит Джозеф, был оставлен в собачьей конуре». Отсутствие доктрины, отсутствие пыла приводят к тому, что ее речи в парламенте звучат плохо и приносят вред. В партии начали ходить слухи о ее отставке. А ведь животрепещущая тема для выступлений была: в июле 1975 года число безработных перевалило за символическую черту в один миллион, а в августе инфляция достигла 26 процентов (в год). Чем дальше, тем больше

Маргарет станет избегать выступлений в парламенте, уступая слово своим «лейтенантам».

К счастью, политическая жизнь не ограничивалась покрытыми зеленым сукном скамейками палаты общин. Маргарет одерживала победы и могла наслаждаться успехом. Референдум по вопросу о поддержании связей с ЕЭС был успешен, 67 процентов принявших в нем участие сказали «да». Маргарет бросилась в бой без колебаний, а ведь это выглядело довольно пикантно, если помнить, какой путь она проделала в своем отношении к Европе; кстати, она подвергла критике саму идею проведения референдума, процитировав слова Эттли, что «референдум — великолепное оружие для демагогов и диктаторов». Какое же это счастье, когда кто-то из лейбористов забивает гол в свои ворота! В мемуарах Маргарет, похоже, сожалеет о своих тогдашних проевропейских настроениях. Но могла ли она поступить иначе? Ведь это Тэд Хит заставил Англию вступить в Общий рынок. Противостоять слову «да» означало бы не только сделать так, чтобы Тэд Хит потерял лицо, но и положить на обе лопатки истеблишмент, и так уже довольно сильно пострадавший в схватках. К тому же все происходило в обстановке холодной войны, и процветание Общего рынка было одной из составных частей системы защиты Запада. Кстати, это была одна из тем ее кампании: «Я полагаю, что безопасность — это не только вопрос, касающийся войны и мира, но и вопрос, касающийся совместной работы в годы мира в сфере экономики, занятости и социальной политики». Как бы там ни было, она много выиграла на обсуждении этой темы, а главное — завоевала доверие избирателей. «Таймс» выходит под заголовком «Маргарет Тэтчер заставляет умолкнуть антиевропейские возгласы»; партия консерваторов выходит из очередной передрыги окрепшей, потому что она выглядит объединившейся вокруг «европейской идеи», тогда как Лейбористская партия трещит по швам и рвется на две части.

Частичные выборы также добавили к образу Маргарет несколько новых оттенков. В отличие от других партийных лидеров, боящихся риска и никогда не посещавших какой-нибудь округ, чтобы поддержать одного из кандидатов, она отправилась в Вест-Вулидж, чтобы публично оказать поддержку Питеру Боттомли. Депутат, чей срок депутатства истек, был лейбористом. Да, риск был, но что ей за дело! Она никогда не выглядела такой веселой и доброй, как в сельской местности, ей нравилось пожимать руки и выслушивать жалобы какой-нибудь рассерженной домохозяйки. Ее вмешательство оказалось решающим фактором. Округ сделал поворот вправо, отдав консерватору на 500 голосов больше, чем лейбористу. Для

партии это было хорошая новость, которую так ждали и на которую так надеялись. Она подняла моральный дух членов партии и вернула доверие парламентариев к лидеру партии.

Партийная конференция в Блэкпуле

Окончательно же Маргарет Тэтчер была «посвящена в рыцари партии» в Блэкпуле в октябре 1975 года. Этот триумф был ей нужен, чтобы оценить достоинство своих «генеральских погон».

Надо сказать, что ей сразу же понравилось место, избранное для проведения ежегодной партийной конференции, не имевшее ничего общего с палатой общин, куда проникал неяркий рассеянный свет и где царил дух старого мужского английского клуба. Конференция проходила в здании «Импресс балрум» (Императорского бального зала «Зимних садов»), построенном еще во времена правления королевы Виктории, когда морские курорты и морские купания вошли в моду. Здание было очень большое, величественное, сиявшее позолотой, нежившее взор бархатом и хрусталем; конечно, китча и дурновкусия там было много, порой до тошноты, ибо мраморные орнаменты напоминали кружева, статуи походили на фигурки из карамели или шоколада... Всего там было слишком много и все было слишком красивое, но Маргарет все это ужасно нравилось. Эта невероятная кондитерская очаровала маленькую провинциалку, которой она в глубине души так и осталась. Для нее это была Англия ее сновидений, буржуазная, богатая, пышная и помпезная...

Кроме того, это место навевало хорошие воспоминания. Именно там она делала свои первые шаги в политике как представительница Ассоциации молодых консерваторов Оксфорда, именно там слышала, как рычал и ревел с трибуны Черчилль, именно там черпала новые силы от рядовых членов партии, которым надоели оттяжки и проволоочки «тех, кто наверху». Пренебрежительное отношение ко всему на свете какого-нибудь лорда Бальфура, говорящего, «что он узнает гораздо меньше на партийной конференции, чем от своего лакея», ничего не значило для Маргарет. Избранная на пост лидера заднескамеечниками, она сохранила в себе дух заднескамеечницы. Она любила общаться с «настоящими людьми», с теми рядовыми членами партии, которые день за днем трудились в своих округах, не питая надежд на получение постов, депутатских мест, званий или наград, с людьми, еще сохранившими веру в величие Альбиона, в труд, в семью и не разделявшими цинизма богатеев-счастливчиков. Она любила

этих людей, которых, несомненно, немного идеализировала, людей, которые были «тестом и закваской» будущих побед. Без них невозможно получить большинство голосов в стране. И она искренне их уважала и слушала.

Маргарет знала, что сдает свой «переходный экзамен», и если удастся его сдать, все будет возможно. Если же нет, то тогда она — всего лишь комета, стремительно промелькнувшая на английском политическом небосклоне.

Во время уик-энда перед началом конференции Маргарет спряталась от всех у себя, за городом и исписала 60 страниц своим крупным почерком прилежной школьницы. Она создала канву и начало речи. На неделе она часто встречалась с членами партии, посещала выставки, принимала ответственных за работу с местными ассоциациями консерваторов, в том числе и таких «трудных» округов, как округа Северной Англии и Шотландии. Тогда как Тэд Хит прятался в своей «башне из слоновой кости» (роль которой обычно выполнял отель), чтобы произвести большой эффект при произнесении речи в честь открытия конференции, Маргарет поступила с точностью наоборот. Она была вездесуща, ее любезность и приветливость очаровывали. До Блэкпула делегаты конференции в основном были приверженцами Хита, ее же считали ведьмой-предательницей. Неделю спустя она стала доброй феей^[100]. По вечерам она зубрила свою речь. На ее советников была возложена миссия «нарастить мускулы на костях». Адам Ридли привнес свой вклад в части сведений по экономике, Энгус Мод — по части журналистики и риторики. Они кроили текст речи, всячески выстраивали его, расставляли акценты, чтобы она могла вызвать «гарантированный желанный эффект». Но Маргарет чувствовала, что чего-то не хватает. Она хотела придать своей речи вдохновение, смелость, которые отличали бы ее речь от речей предшественников. Ей хотелось представить слушателям целую философию, даровать им надежду, дать им нечто вроде песни — марша, песни победы, а не каталог небольших дел на тихую неделю, как это делали лидеры Консервативной партии в своих нудных, длинных речах.

И вдруг на Гордона Риса снизошло озарение: он предложил, чтобы ее речь заново переписал Ронни Миллер, успешный драматург, автор исторических пьес, с триумфом шедших на сцене Ковент-Гардена. Сначала Маргарет отнеслась к этой идее сдержанно. Разве Ронни не из «конюшни Хита»? Ронни тоже воспринял идею без особого пыла; он вообще не имел большого желания входить в политику. Но, в конце концов, Маргарет согласилась попробовать. Когда они встретились в Блэкпуле, то сразу

обнаружили друг в друге родственные души. Он процитировал отрывок из речи президента Линкольна, которую особенно любил. Она же вытащила измятый листок с той же речью из сумочки со словами: «Это моя настольная книга, мой молитвенник!» Ронни начал так: «Невозможно достичь процветания и благосостояния, подавляя политику сбережения и накопления. Невозможно придать силы слабым, ослабляя сильных. Невозможно помочь работнику, преследуя и подавляя его работодателя. Невозможно развивать человеческое братство, потворствуя росту классовой ненависти. Невозможно помочь бедным, уничтожая богатых. Невозможно построить ничего крепкого и устойчивого на позаимствованные деньги. Невозможно развивать человеческие характеры и человеческую смелость, отнимая у них независимость и лишая их права на инициативу. Никто никогда не помог человеку, делая для него и за него то, что он мог бы и должен был бы сделать сам». Отныне и впредь все важные речи будут «роннифицированы», то есть написаны Ронни Миллером по уже подготовленной канве. Именно ему Маргарет будет обязана своими лучшими формулировками, вроде ставшей знаменитой: «Леди, стоящая перед вами, не поворачивает назад». И это прозвучало в начале 1980-х, когда дела в экономике обстояли из рук вон плохо.

Но сейчас мы говорим о речи в Блэкпуле. Накануне вечером они все собрались у Маргарет в номере отеля: Гордон Рис, Ронни Миллер, Крис Пэттен и Ник Ридли; они сидели на корточках и ползали на четвереньках по ковру, перекраивая, перестраивая речь и тщательно ее ретушируя. Речь становилась все лучше и лучше, но Маргарет оставалась недовольна. Она попросила, чтобы были убраны все «может быть, возможно, вероятно». «Я — женщина твердых убеждений, а не женщина предположений и вероятностей». Она все более и более тревожилась, боясь, что будет скверно выглядеть и плохо говорить. В пять часов утра появился измученный бессонницей и тревогой Деннис, сказав, что, мол, хватит работать. Маргарет согласилась. Однако речь уже была готова.

На следующий день, представ перед залом, набитым до отказа, и аудиторией, раскалившейся до предела, под звуки торжественных маршей композитора Элгара Маргарет взошла на трибуну. Речь была зачитана превосходно. Маргарет, глядя в зал, перехватывала то один взгляд, то другой. Ее слушали как замороженные. Напряжение нарастало, каждое слово било в цель, в особенности когда она излагала свою философию. Это было довольно общее изложение, чтобы все консерваторы могли признать эти взгляды за свои, но в то же время это было достаточно сильно сказано, чтобы все почувствовали себя наэлектризованными: «Позвольте мне

представить вам мое понимание этого мира: в этом обществе человек будет обладать правом работать тогда, когда он хочет, тратить то, что он зарабатывает, быть собственником и рассматривать государство в качестве слуги, а не господина. Это и есть наше британское наследие. Мы должны будем вновь поставить частное предпринимательство на путь исцеления, не только для того, чтобы дать людям больше причитающихся им денег, которые они могли бы тратить по своему усмотрению, но чтобы иметь больше денег для стариков, больных, инвалидов <...>. Я полагаю, что подобно тому, как каждый из нас обязан наилучшим образом использовать свои таланты, так и правительства обязаны создавать такие условия, при которых мы сможем это сделать <...>. Мы можем продолжать падение или можем остановиться и, усилием воли набравшись решимости, сказать: „Довольно!“».

Это был триумф. Маргарет заканчивала речь совершенно обессиленная, под аплодисменты, достойные поп-звезды. Люди поняли, что она не видит в них всего лишь поживу «сачков для ловли избирателей», чтобы потом забыть до следующих выборов. Она ушла с трибуны и дала волю слезам. «Была ли я достаточно хороша?» Ее стали уверять, что она была превосходна. Ее жизнь продолжала быть суровой битвой с собственными комплексами. Она ее выиграет и станет сильнее всех. На следующий день журналист в «Дейли мейл» восторгался «великой актрисой»: «Если речь шла о том, что надо было сделать резкий поворот вправо, то 90 процентов населения этот поворот сделали». По результатам различных опросов теперь Консервативная партия опережала Лейбористскую на 23 процента, а такого преимущества она не имела со времен поражения Тэда Хита в феврале 1974 года. Теперь Маргарет могла гордо сказать Айри Ниву: «Свершилось! Отныне я — действительно лидер партии!»

Как достичь международного уровня

Если в Блэкпуле Маргарет окончательно утвердила свою власть над национальной казной, ей оставалось еще доказать свою способность управлять международной политикой, достичь такого уровня, чтобы свободно вращаться среди великих мира сего.

Маргарет не изучала историю международных соглашений и международные проблемы, но у нее были собственные убеждения, которых ей хватало и которые ей заменяли разработанную доктрину. Шла холодная

война. С одной стороны находился Запад, воплощение Добра, с другой — мир Советского Союза, воплощение Зла. Слова Рональда Рейгана, давшего определение Советскому Союзу как «Империи Зла», могла бы произнести и Маргарет. Она не делала разницы между нацизмом и коммунизмом, которые считала в одинаковой мере губительными для свободы. Все уступки Востоку казались ей новым Мюнхеном. Она считала, что она, Маргарет Тэтчер, представляет собой для России господина Брежнева то же самое, чем был для Германии господина Гитлера Черчилль: голосом, призывавшим сделать резкий рывок, приступить к перевооружению и полной прозрачности в этой сфере, пока еще не поздно.

Не будем забывать об обстановке, не имевшей ничего общего с началом XXI века. Это была вторая половина 1970-х годов, когда Запад отступал на всех фронтах. Советскими танками уже были подавлены выступления в Будапеште (в 1956 году. — Пер.) и Праге (в 1968-м. — Пер.); американцы довольно жалко выглядели, вынужденные покинуть Вьетнам; Эфиопия Хайле Селассие перешла от «царя царей» Хайле Селассие к «красному царю» Менгисту; ангольские повстанцы из Фронта освобождения захватили власть благодаря военным советникам, прибывшим от Кастро. В Португалии красные попытались, но тщетно, взять под свой контроль «революцию гвоздик». Дивизии стран Варшавского договора стояли на расстоянии одного этапа «Тур де Франс» от французской границы, а в Берлине две армии стояли друг против друга в пятнадцатиминутной досягаемости. Время от времени там под пулями народной полиции ГДР^[101] погибали восточные немцы, выбравшие свободу. Угроза существовала реальная, а не виртуальная. По прошествии времени, конечно, можно сказать, что эта угроза была преувеличена. Но в то время превосходство классических (то есть неядерных) сил стран Варшавского договора не вызывало никаких сомнений: на 10 тысяч танков, на 20 тысяч самолетов, на 1 миллион 500 тысяч человек больше, чем у стран НАТО. Советский флот рос как на дрожжах. На верфях Калининграда строились первые авианосцы. Кроме того, в 1970-е годы технологическое превосходство США было далеко не очевидным. Роль электроники еще не стала определяющей в системах оружия. Каждый еще помнил, какой эффект произвел запуск советского спутника. Мысль о казаках, моющих свои сапоги в Ла-Манше или в Ирландском море, не казалась таким уж диким вздором (разумеется, мысль о возможности применения ядерного оружия выглядела гораздо большим вздором, но все познается в сравнении).

Перед лицом такой угрозы Маргарет полагала, что надо оказывать

сопротивление по всем фронтам и срочно перевооружать армию. Источником, откуда она черпала сведения, являлся вовсе не Форин Оффис, который, как она считала, был «безнадежно мягкотел и вял <...>, наполнен высокомерием, чванством и профессиональным самодовольством». «Это те самые люди, что дали нам Филби и Профьюмо»^[102], — любит напоминать она. Она с удовольствием приписала бы себе высказывание Никсона, назвавшего «гомосексуалистами в костюмах в полоску» чиновников из министерства иностранных дел.

Как когда-то Черчилль перед лицом угрозы, исходившей от «коричневого людоеда», она стала поддерживать личные контакты с теми, кто хорошо знал «красного медведя». Историк Роберт Конквест, автор книги «Большой террор», посвященной сталинским репрессиям, стал одним из самых близких ее советников. Она была потрясена после прочтения книг Солженицына, тогда как раз сумевшего перебраться на Запад. Из этих книг она извлекла два урока: теория домино по-прежнему в силе, всякая страна, которая колеблется, а потом летит вниз, может увлечь за собой и другие страны; она также поняла, что защищать Запад следует не только с помощью военной силы, военное перевооружение должно сопровождаться перевооружением моральным, возрождением веры в западные ценности.

Когда Маргарет вступила на пост лидера партии, политикам более всего не хватало отваги. Американцы, травмированные поражением во Вьетнаме, без устали повторяли одно слово: «разрядка». Немцы во главе с Вилли Брандтом мечтали о нейтральной восточной политике, держа в уме в качестве линии прицела возможное объединение Германии. Маргарет все это расценивала как попытку пустить пыль в глаза. «Разрядка» была для нее сродни «политике умиротворения», которая проводилась между двумя мировыми войнами, когда так желали, вопреки очевидному, видеть «в Гитлере джентльмена» и старались ему во всем уступать, чтобы не подталкивать его к преступлениям, не загонять в угол, а также как-то оправдывать его безумства. Маргарет была в этом абсолютно убеждена. Тем более что советники раздобыли ей статью из «Правды»^[103] от 22 августа 1973 года, где было сказано, что «мирное сосуществование не означает, что борьба между двумя мировыми общественными системами закончена; борьба будет продолжаться, до полной и окончательной победы коммунизма во всем мире». Не верила она и во всякие выдумки господина Киссинджера. Не верила в то, что можно заставить СССР реформироваться, объединив вопрос об экономической помощи с вопросом о переговорах по

поводу ядерного стратегического вооружения (ОСВ-1 и ОСВ-2), а также с вопросом о взаимном сбалансированном сокращении вооруженных сил и с требованием соблюдения прав человека. Она была сама сдержанность и осторожность, когда Гарольд Вильсон в июле 1975 года отбыл в Хельсинки, чтобы подписать Хельсинкские соглашения. В общих чертах речь шла о том, чтобы связать вопрос о нерушимости послевоенных границ в Европе (а соответственно, и о власти коммунистов в Восточной Европе) с недвусмысленным обязательством Советского Союза соблюдать права человека (об этом речь шла в знаменитой третьей части документа). Договор в Хельсинки был подписан. Но на Востоке ничего не происходило особенного. Да, у диссидентов теперь был текст, юридически принуждавший местные власти соблюдать права человека, они могли на него опираться, и всё. Как бы их ни звали: Юрием Орловым в СССР или Вацлавом Гавелом в Чехословакии, они все так же сидели в тюрьмах, они продолжали быть узниками режимов просто за то, что были членами комитетов по соблюдению Хельсинкских соглашений^[104]...

Маргарет Тэтчер все видела в истинном свете. Перед отъездом премьер-министра, 26 июля 1975 года, она обратилась к нему из Челси с торжественным предупреждением: «Мы должны трудиться ради настоящего ослабления напряженности, но в наших переговорах с Восточным блоком мы должны соглашаться со словами и действиями, которые будут способствовать подлинной разрядке. Поток слов, произнесенных во время встречи в верхах (саммита), не будет значить ровным счетом ничего, если он не будет сопровождаться какими-то позитивными действиями советских руководителей, показывающих, что их поведение действительно изменилось». Эти слова были странным образом пророческими, как слова старого льва Черчилля, это был глас вопиющего в пустыне в Соединенном Королевстве, пораженном безволием.

Несколько месяцев спустя, когда Маргарет обрела некоторую уверенность в себе, когда она увидела, что факты свидетельствуют в ее пользу и показывают, что она права (к тому же обнаружив, что лейбористское правительство хочет понаделать «черных дыр» в военном бюджете), она «вбила гвоздь» в Кенсингтоне 19 января 1976 года, произнеся знаменитую речь. Она разоблачила это «лейбористское правительство, которое разрушает нашу оборону в тот момент, когда стратегическая угроза, нависшая над Великобританией и ее союзниками и исходящая от мощной, стремящейся к экспансии силы, велика, как никогда, за всю нашу историю...». Маргарет продолжала свой анализ намерений Советского Союза. Вплоть до прихода к власти Горбачева она своего

отношения к России не изменит. Вся ее политика в сфере дипломатии будет сосредоточена вокруг следующей идеи: «Россией правит диктатура людей терпеливых, имеющих долгосрочные цели, людей, которые сейчас превращают свою страну в первую, самую мощную морскую и военную державу в мире. Они делают это не только в целях обороны. Такая огромная страна, чья территория в большей своей части имеет сухопутные границы, не нуждается в том, чтобы строить самый мощный военный флот в мире только для того, чтобы защищать свои границы. Нет, русские приняли решение установить свое господство над всем миром, и они очень быстро ищут и находят способы стать самой мощной империей, которая когда-либо существовала в мире. Члены советского политбюро могут не заботиться о приливах и отливах общественного мнения. Они делают так, что пушки у них проходят вперед масла, в то время как у нас почти всё проходит впереди пушек». Она продолжает свою филиппику: «Русские сражаются, чтобы победить, они имеют над нами преимущество. Они ведут войну у нас, в наших сердцах, на нашей территории, а не мы на их территории». Она указывает пальцем на подрывную деятельность профсоюзов. Заключительная часть содержала призыв к рывку: «Дайте нам средства гарантировать нашим детям свободу, чтобы они могли нас поздравить с тем, что мы уберегли ее, не продав по дешевке».

Речь прозвучала оглушительно, как пушечный выстрел под небом разрядки. Министр иностранных дел Джим Каллаген опроверг безответственные высказывания «поджигательницы войны». Советский министр иностранных дел Громыко с гневом обрушился на эти высказывания, «наносящие вред советско-английской дружбе». Но английская пресса приняла речь Маргарет скорее доброжелательно, больше не желая, чтобы ей нанесли еще один удар, равный удару господина Гитлера. «Таймс» выходит под заголовком «Запад демонстрирует склонность к попустительству», а «Дейли телеграф» публикует статью под названием «Истина о России».

В Москве же послушные газеты нагромождали горы оскорблений в адрес «лондонской гарпии». Орган Советской армии, газета «Красная звезда», назвала ее «Железной леди с Запада», думая, что оскорбляет ее, а на деле подарив ей своего рода замечательный лозунг, способный разбудить человеческие толпы. Это прозвище было подхвачено ТАСС, распространено всеми новостными передачами, прессой и обошло весь мир. Как иронично отмечает Маргарет в мемуарах, «они не нарочно, а случайно возвели меня в ранг их самого главного противника в Европе; они не могли мне сделать лучшего подарка». Гордон Рис тотчас же увидел,

какую пользу можно извлечь из прозвища. Несколько недель спустя по редакциям всех газет пошло фото Мэгги в военной форме, командующей танком. Так для истории она навсегда останется «Железной леди». Спасибо Советской армии!

Маргарет должна была не только разрабатывать идеи, но и создавать себе имидж. Она никогда не занимала министерский пост в ключевом министерстве, ее никогда не видели рядом с сильными мира сего. Чтобы дать фору готовившемуся покинуть свой пост премьер-министру, а он мог представить в свою пользу такой аргумент, как опыт международных контактов, Маргарет стала очень много путешествовать. Она посетила 33 страны за четыре года. Читать весь список было бы скучно. Скажем только, что она посетила все страны Общего рынка, США, Китай, Индию, Иран, Израиль, все страны Ближнего Востока. Список глав государств, с которыми она встречалась, впечатляет: Джеральд Форд, Джимми Картер, Хуа Гофэн, Анвар Садат, шах Ирана, Индира Ганди, Зульфикар Али, Бхутто, Голда Меир, Хафез Асад, Валери Жискар д'Эстен, Гельмут Шмидт, и список этот далеко не полон. Через четыре года она могла на законных основаниях утверждать, что знает в этой сфере столько же, сколько знает ее соперник-лейборист.

Маргарет нарушала обычаи. Прежде всего в своей партии. Она часто «забывала» о том, что в ходе визитов ее должен сопровождать тот, кто занимает в теновом кабинете пост министра иностранных дел; это свидетельствовало об уважении к нему... Она же предпочитала людей, знакомых со страной, куда она направлялась. В Югославию она брала с собой сэра Фицроя Маклина, старого боевого сотоварища Тито. Упряжка сработала превосходно: она добилась того, чтобы Милован Джилас, один из главных оппозиционеров хозяина Белграда, не вернулся в тюрьму. В Китае ей послужил гидом Дуглас Херд, бывший английский посланник в Пекине. Джона Дейвиса, сменившего Реджи Модлинга на посту министра иностранных дел в теновом кабинете, попросили остаться в Лондоне. Маргарет считала, что важные Дела лидеры должны обсуждать сами. Остальные — всего лишь исполнители, и им не следует портить беседы или фотографии своим бесполезным присутствием.

Поведение Маргарет за рубежом тоже резко отличалось от поведения ее предшественников. У нее была особая манера организовывать свои поездки за границу. В высших сферах эта манера всех повергала в шок, ведь приличия требовали того, чтобы лидера оппозиции сопровождал посол, дабы этот лидер не сказал чего-то лишнего против политики правительства своей страны. Однако Маргарет везде выступала свободно.

В Нью-Йорке в 1975 году она без колебаний принялась разоблачать «социалистическую британскую политику». Каллаген разбушевался. Маргарет ответила: «Я наношу удары не по Англии, а по социализму». Вечером, выступая по Си-би-эс, она еще «добавила в соус перца». Начала она с того, что воспела Великобританию, страну, чьи граждане 72 раза получали Нобелевскую премию, затем выразила сожаление по поводу упадка этой страны и в конце возвестила ее скорое обновление и возрождение: «Мы медленно ищем и находим наш путь. Близятся перемены. Я уже вижу признаки этих перемен <...>. Мы можем страдать от особой британской болезни, но наша конституция разумна, и у нас есть воля к победе». Говоря другими словами, эта прорицательница предрекала падение, то есть отставку правительства лейбористов и приход ее собственного, правительства консерваторов. Она вернулась к этой теме вновь в 1977 году, подвергнув в ООН критике позицию британского правительства по поводу урегулирования в Родезии. Повадки старого английского джентльмена, элегантность прошлых лет, сосредоточенные во фразе: «Права или не права, но это моя страна», — которую следовало говорить за границей, — всё это было решительно не для Мэгги. Да ей это было и ни к чему. Она собрала свой урожай: фото с Джеральдом Фордом, с Солженицыным, а во время второго визита в США, в 1977-м, и с президентом Картером, которого, к слову, она сочла «вялым» и «бесхребетным».

Вояжи в США окончательно убедили ее в необходимости укрепления трансатлантических связей, а также предоставили возможность встретиться с Рональдом Рейганом, ее будущим верным союзником, так сказать, собратом-заговорщиком на протяжении тех восьми лет, что он будет находиться у власти. Кстати, именно Деннис обратил ее внимание на губернатора штата Калифорния, сумевшего «поднять из руин» штат, опутанный долгами и возглавлявшийся до него каким-то безмозглым политиканом. Маргарет рассказывает: «Когда я познакомилась с Рональдом Рейганом, я тотчас же была покорена его шармом, его юмором, его искренностью <...>. Я была с ним согласна по всем пунктам. Вначале американская политическая элита оттолкнула его (но не электорат), как некоего неофита или вольного стрелка, которого не воспринимала всерьез (я это уже где-то и о ком-то слышала)». Рейган отдал ей долг вежливости, прибыв в палату общин в ноябре 1978 года, чтобы выразить ей свое почтение. Маргарет пишет: «Когда он отклонялся, я сказала себе, что многое бы изменилось, если бы такой человек стал президентом Соединенных Штатов». Два года спустя они оба будут возглавлять свои

страны, оба будут у власти.

Маргарет также особое внимание уделяла Германии, куда много раз отправлялась с визитами. Она испытывала симпатию к Гельмуту Шмидту, который, по ее выражению, «был в гораздо меньшей степени социалистом, чем некоторые члены моего теневого кабинета». Она знала, что Германия — одна из главных стран Общего рынка и одновременно — поле боя, которое должны защищать члены НАТО... Ведь именно там может быть либо выиграна, либо проиграна холодная война. Она расставила свои шахматные фигуры, сблизилась с Гельмутом Колем, но поддержала и Гельмута Шмидта, когда он попросил на 3 процента увеличить военный бюджет НАТО и разместить в Европе ядерные ракеты средней дальности, чтобы противостоять ракетам СС-20, недавно размещенным Советским Союзом.

Стоит отметить следующий факт: хотя у Маргарет не было никакого опыта деятельности на международной арене, она никогда не совершала серьезных промахов. Скажем, в вязкой трясине Востока она тысячу раз могла бы оступиться. Ведь она любила Израиль, обхаживала еврейский электорат в своем округе, ее дочь Кэрол даже хвасталась тем, что однажды провела каникулы в кибуце; короче говоря, Маргарет была очень далека от «арабомании», присущей консерваторам. Несмотря на это, она не отошла в сторону от официальной позиции Великобритании, призывавшей соблюдать решения, изложенные в 242-й резолюции ООН, где утверждалось право всякой страны иметь четко определенные границы (в том числе и Израилю). Англия отказывалась признать Организацию освобождения Палестины по причине склонности ее членов к терроризму, и в этом Маргарет поддерживала правительство, но не более того. Когда речь шла о главном, она умела придержать язык и промолчать.

В Европе ей удалось создать для себя совершенно особый статус, так как она много трудилась над созданием Интернационала центристских и правых партий. Ей это казалось тем более необходимым, что с избранием Европарламента путем применения всеобщего избирательного права мир политики непременно должен был стать явлением наднациональным. Вместе с другими лидерами консервативных партий она принесет к купели Европейский демократический союз, официально созданный в 1978 году, в окрестностях Зальцбурга. На замечательной фотографии Маргарет выглядела великолепно: она позировала в длинном вечернем платье, окруженная мужчинами, стоявшими на двойной лестнице замка Клессхейм, и создавалось впечатление, что она — глава европейского правительства или королева в окружении своих верных подданных. Превосходное фото...

Достоинства мускулистого прагматизма

Надо сказать, что путешествия за границу были почти удовольствием на фоне той борьбы с противоречиями, которую она должна была вести в своем теневом кабинете, дабы их разрешить. Между Джеймсом Прайором и Китом Джозефом разница была почти столь же велика, как между Джеральдом Фордом и Тито.

Маргарет сознавала, что Англии брошены два вызова: один из сферы макроэкономики — инфляция, а второй из социальной сферы — давление со стороны профсоюзов и их способность блокировать страну и мешать всем глубинным реформам.

Чтобы сохранить единство Консервативной партии, Маргарет вынуждена была по этим двум вопросам вести бесконечные переговоры, обсуждения, теоретические беседы, столь продолжительные, что голова шла кругом. Можно было подумать, что у Маргарет нет направляющей линии. На деле же она проявляла здоровый прагматизм и чувство «реальной политики». Даже если она и верила в то, что надо осмеливаться «думать о немыслимом», она все же знала, что нет такой политики, которая чего-то стоит вне реальностей.

К вопросу об инфляции были возможны два подхода: монетаристский и контроль над ценами и доходами. Первый подход не имел большинства сторонников среди членов теневого кабинета, многие его просто не принимали. Второй подход уже доказал на деле, что если применять эти меры в одиночку, то они будут совершенно неэффективны. Однако в документе с изложением доктрины партии, опубликованном накануне проведения в Блэкпуле ежегодной партийной конференции 1976 года под названием «Правильный подход», Маргарет сумела совместить их. В «Белой книге» также указывалось на то, что «политика контроля над ценами и доходами не представляет собой долгосрочного решения по вопросу об инфляции, но что будет неразумно полностью и окончательно отвергать ее идею». В сфере отношений с профсоюзами в «Белой книге» также защищалась идея «согласованных действий» (по германской модели), хотя и не уточнялось, идет ли речь об автономных переговорах социальных партнеров или о переговорах по указке и под надзором государства, в частности, под руководством знаменитого Совета национального экономического развития.

Маргарет так научилась всяческому политическим уловкам, что сумела написать предисловие к обстоятельному докладу Кита Джозефа

«Монетаризм сам по себе недостаточен». Так как доклад был очень длинен и сложен, почти неудобоварим, ибо изобиловал цифрами и графиками, то большинство «архонтов» Консервативной партии прочли из всего текста только заглавие. Они были в восторге. Ну наконец-то. Мэгги окончательно отреклась от монетаризма! На самом деле в докладе Кит Джозеф говорил нечто, прямо противоположное заглавию, или, если точнее, шел еще дальше и показывал всё превосходство и достоинства монетаризма. Он подчеркивал, что кроме контроля над денежной массой следовало еще и чрезвычайно жестко сократить общественные расходы и государственный долг, чтобы вся тяжесть дефляционной политики не легла бы только на плечи частного сектора, производителя, создателя богатства. Но левое крыло партии все прочло по-своему и успокоилось, так как дымовая завеса сработала прекрасно.

Четырнадцатого марта в Цюрихе, в ЕЭС, перед сообществом банкиров, Маргарет вновь подтвердила свои убеждения в сфере экономики. Мы еще к ним вернемся, когда будем говорить об основах тэтчеризма. Запомним только, что тогда она с уверенностью, достойной мужчины, в одной речи утверждала идеи монетаризма, политику спроса и предложения, идею проведения массовой денационализации промышленности и идею морального превосходства капитализма. Теоретически адресованное тем, кого Вильсон называл «цюрихскими гномами», то есть руководителям МВФ (Международного валютного фонда), крупных банков и бирж, эти слова конечно же мгновенно преодолели Ла-Манш. Левые завопили. И хитрые «борзые» Консервативной партии залились звонким лаем вместе со сворой.

Маргарет тотчас предприняла «тактический отход». В июле 1977 года в здании Мемориала Иэна Маклеода она занялась разъяснением сути своей консервативной философии, и эти разъяснения походили на своеобразную дань, выплачиваемую всеобщему окружающему конформизму. Она предстала в облике наследницы Дизраэли и наследницы теории «Единой нации». Она напомнила присутствующим, что читала и любила романы Дизраэли, в особенности его роман «Сибилла, или Две нации», где столь явно проявилось его сочувствие к несчастным и обездоленным Викторианской эпохи. Она указала на то, что у нее нет намерений как-либо затрагивать «общество всеобщего благоденствия», ибо «индивидуализм есть создание общественное, рожденное в определенной семье или классе, в некоем сообществе, в лоне народа или нации, где все люди связаны между собой узами взаимной зависимости». Стремясь внушить доверие и успокоить слушателей, она даже добавила: «Мы повернулись спиной к

чаяниям, которые внушила нам „Белая книга“ 1944 года по поводу политики в сфере занятости, не потому, что кейнсианство испортилось, как говорится, прокисло, нет». Она обещала только «установление нового равновесия между обществом всеобщего благоденствия и личной ответственностью».

В области отношений с профсоюзами Маргарет проявила такую же осторожность. Даже если конфликты и носили более локальный характер, чем те, что парализовали королевство при правительстве Хита, они в то же время бывали очень жестоки и влекли взрывы насилия. Конгресс тред-юнионов на глазах у всех открыл двери троцкистским агитаторам. Группировка «Милитант» («Борец») взяла контроль над многими тред-юнионами. Высокие советские должностные лица были приняты там с большой помпой. Общество наблюдало за действиями, совершенно неслыханными в демократической стране. Профсоюз почтовиков в январе 1977 года принял решение бойкотировать доставку писем и телеграмм, адресованных в Южную Африку. В ответ на поступивший по сему поводу запрос правительство лейбористов вынудило отвечать генерального прокурора, который сказал, что речь идет о «законном у страшении». Правда и то, что большая часть бюджета этого правительства зависела от воли профсоюзов.

При виде подобной добровольной сдачи позиций правительством немногочисленны были те, кто решил подняться и возвысить свой голос. В основном эти люди не состояли в партиях, некоторые из них являлись членами Национальной ассоциации борцов за мир, которую возглавлял парламентарий и герой ВВС Великобритании Билл Делиль-Дадли. Им удалось доказать в Европейском суде по правам человека, что практика так называемых закрытых предприятий незаконна и подлежит осуждению как противоречащая праву на свободу высказываний. Но партия консерваторов не пошла по их следам, сочтя, что это слишком рискованно в политическом смысле.

И все же одно событие потрясло, пробудило Англию. Маргарет Тэтчер была вынуждена выйти на линию огня. Случилось так, что на одном небольшом предприятии в Гранвике трое рабочих были уволены за то, что начали так называемую «дикую» забастовку. Профсоюзы тотчас же «ухватились» за представившийся случай. На предприятии началась всеобщая забастовка. Судебные инстанции могли сколь угодно долго утверждать, что увольнение носило совершенно законный характер, но разъяренные представители рабочего класса непременно желали воспользоваться удобным случаем^[105]. Теперь у них была кость, которую

они могли глотать, и они ее уже не выпустят из челюстей. Маргарет Тэтчер вспоминает, какая тогда в стране была атмосфера: «Возникла и сформировалась коалиция левых <...>, чтобы наказать Гранвик <...>. Это стало своего рода „местом свиданий“ для леваков». Даже три министра-лейбориста сменили свои костюмы с Сэвил-роуд на рабочие комбинезоны. И вот они уже в кабинетах забастовщиков. Да, странноватое занятие для министров правительства Ее Величества! В июне фарс превратился в драму. Пикетчики не давали рабочим, не принимавшим участия в забастовке, войти на территорию предприятия. Машины, доставлявшие «штрейкбрехеров», были забросаны булыжниками и бутылками с «коктейлем Молотова». Один автобус перевернулся, второй был подожжен. Полиция, казалось, была бессильна. В обоих лагерях были раненые. Разыгрывались те же сцены, что можно видеть в фильме Кена Лоуча «Виртуозы», хотя все и происходило в лейбористской Англии мистера Каллагана, а не при Тэтчер и не при Блэре.

До чего должны были дойти консерваторы? Члены теневого кабинета давили на Маргарет, убеждая ее в том, что заходить слишком далеко нельзя и что не надо отталкивать профсоюзы. А потому она не подсказывала правительству, что пора прибегнуть к радикальным мерам, хотя и была готова к этому. Она довольствовалась чисто символическими «жестами», попросив Адама Батлера, своего парламентского секретаря, и заместителя Джеймса Прайора сесть в автобус с рабочими, которых пытались линчевать. «Картинка» получилась замечательная! К тому же булыжники, летевшие в них, смелость рабочих и страх, испытанный перед напором преисполненной ненависти разъяренной толпы, не способствовали улучшению имиджа тред-юнионистов среди членов команды Маргарет. Физический страх — лучшее средство, чтобы заставить думать!

Маргарет также написала открытое письмо, адресованное НАФФ (Национальной академии кинематографии и телевидения), полное недомолвок: «Мы полагаем, что сцены дикого насилия, показанные телевидением, сами по себе достаточны для того, чтобы общественное мнение заняло в большинстве своем правильную позицию, и гораздо более эффективны, чем долгие часы дискуссий».

Но когда Маргарет стали задавать вопросы на телевидении в ходе передачи «Неделя и мир», она ничего никому не обещала и всячески избегала предрекать неизбежность открытой конфронтации. Она только заявила, что «если жесткий конфликт и должен случиться, то тогда необходим референдум». Это предложение было хорошо принято прессой и сторонниками «двух течений» в Консервативной партии. Сама же Маргарет

не могла пойти дальше, «так как по таким вопросам, как власть профсоюзов, политика в области доходов или общественных расходов, по-прежнему не существовало согласия среди членов теневого кабинета», пишет она в мемуарах.

Единственная сфера, где Маргарет могла дать волю своим убеждениям, был вопрос об иммиграционной политике. Кроме тех случаев, когда возникала необходимость предоставления убежища «в соответствии с честью и традициями британской нации», и случаев, когда уже были выданы паспорта или были заключены договоренности с некоторыми странами Содружества, Маргарет призывала положить конец политике массовой иммиграции, практикуемой лейбористами. У нее не было никаких комплексов, ведь, по ее мнению, «всякий зажиточный политик может публично проповедовать теорию достоинств толерантности, а затем вернуться в удобное жилище в спокойном квартале, где цены на недвижимость обеспечивают ему все преимущества апартеида, но без его стигматов»; она также считала, что общество, в котором встречаются представители многих разных культур, порождает немало проблем для тех, кто сталкивается с проблемой иммиграции. Она охотно вступала в споры по сему поводу, поскольку считала, что «левые готовы эксплуатировать проблемы, которые они создали сами».

В интервью, данном программе «Уорлд ин экшн» («Мир в действии») в 1978 году, Маргарет представила свое **видение** этой проблемы, которое в то время явно разделяло в большинстве своем общественное мнение: «Люди действительно с опасением наблюдают, как страна заполняется выходцами из иной культуры <...>. Если вы хотите, чтобы в стране существовали хорошие отношения между представителями разных рас, надо успокоить людей относительно количества иммигрантов <...>. Мы должны открыто рассмотреть вопрос о прекращении иммиграции, за исключением, разумеется, тех случаев, когда речь идет о гуманитарной необходимости...» Далее она добавила: «Всякий человек, проживающий здесь на законных основаниях, должен быть уверен, что с ним будут обходиться справедливо и достойно, в соответствии с законом». Естественным образом она дала сигнал к вальсу господ тартюфов, открывающему бал фарисеев. Деннис Хили в связи с этим заговорил о циничном расчете, целью коего было всколыхнуть мутные воды межрасовых отношений. Министр внутренних дел обвинил Маргарет в том, что она, видите ли, «сделала расовую ненависть явлением респектабельным, достойным уважения». Но Маргарет не обращала внимания на эти обвинения, для нее было важно, что она смогла высказать

свои убеждения. Это сказалось на результатах опросов: она набрала еще 11 очков.

Но вообще эти годы в оппозиции были для нее опасным упражнением в сложнейшем танце и контрдансе, в лавировании между двумя противоположными тенденциями в Консервативной партии. Энок Пауэлл отметил сей факт, выразив свое полувосхищение-полуразочарование: «Маргарет может несколько лет прожить, держа что-то в голове и говоря себе: „Я с этим не согласна, мне это не нравится, но я сейчас ничего не могу с этим поделать. Когда я смогу уладить или решить этот вопрос, я это сделаю. Я сейчас жду и воздерживаюсь от вмешательства“».

Именно это она и делала, находясь в оппозиции. Теневой кабинет был своеобразным подобием венецианского карнавала, где каждый носил маску и все головы были забиты задними мыслями, а цель у всех была одна: подставить подножку при исполнении пассакальи другому танцору. Маргарет вынуждена была подчиняться общим правилам, она не могла себе позволить сбросить маску и заставить это сделать других.

Дорога, усеянная ловушками и засадами

Миф о Маргарет Тэтчер часто представляет ее приход к власти как триумфальное шествие от дома 32 на Смит-сквер^[106] до дома 10 на Даунинг-стрит. Это очень и очень далеко от реальности. Да, разумеется, консерваторы стали одерживать победы на местных выборах и на частичных. В 1977 году они даже завоевали большинство в Совете Большого Лондона. Но все эти успехи, сколь бы они ни были ободряющие, не должны скрыть от нас ту массу трудностей, которые Маргарет должна была преодолеть. С 1975 по 1979 год политическая жизнь будет для нее скачкой с препятствиями. И всякий раз она вынуждена будет поднимать своего скакуна сильными ударами хлыста.

Отставка Гарольда Вильсона 16 марта 1976 года и его замена Джимом Каллагеном, причем действительно замена, без выборов, стали для Маргарет очень плохим известием. А Джим, Счастливчик Джим, был ослепителен. Он всегда нравился женщинам, был всегда загорел и блистал довольно едким, злым прямолинейным юмором. Он был моложе Вильсона, и его понятия о любезности явно отличались от понятий его предшественника. Он наносил удары наотмашь, и ему было плевать, что его соперник — женщина. Не слишком искушенная в парламентских схватках, Маргарет пропускала удары, тем более болезненные, что с 1978

года все выступления на парламентских заседаниях в палате общин записывались на пленку и могли транслироваться по радио. Каллаген сам себе сделал подарок из звучных фраз: «Когда distinguished lady побудет лидером оппозиции, а она им будет очень долго (аплодисменты в рядах лейбористов), она станет лучше понимать, что вести переговоры с МВФ — дело очень и очень сложное». В другой раз, улыбаясь вроде бы ободряющей, но фальшивой улыбкой, он сказал ей плутоватым тоном: «Ну-ну, дамочка, не стоит верить тому, что вам рассказывают в прессе о кризисе, о трудностях и о конце цивилизации. Нет, все, что пишут в газетах, — неправда». В мемуарах она его описывает как «замечательного противника».

К тому же у Маргарет иногда возникали затруднения с министрами из теневого кабинета. В 1976 году в палате общин очень живо обсуждали проект закона о национализации предприятий авиационной промышленности и военно-морского кораблестроения. Естественно, консерваторы были против. У лейбористов был небольшой перевес, всего в три голоса. Частичные выборы лишили их двух мандатов. Случилось так, что на заседании у лейбористов было на одного депутата больше, чем у консерваторов. По правилам закон не мог быть принят. Лейбористы потеряли большинство. И тут Каллаген утратил хладнокровие, организовав повторное голосование. Чтобы выиграть, он заставил одного из депутатов выйти из зала. В этом случае составлявший ему как бы пару депутат-консерватор вынужден был воздержаться от голосования. Благодаря этой уловке парламентская арифметика была спасена и закон был принят большинством в один голос. Это было нарушением всех традиций и правил, нечестной игрой, предательством всех британских парламентских обычаев. Быть может, Маргарет и не была истинной английской Леди с большой буквы, но Каллаген вообще вел себя как грубый мужлан. Этим случаем можно было бы воспользоваться, бросив его общественности как пищу, чтобы возбудить страну, так гордящуюся своим парламентом. Маргарет уже готовилась устремиться вперед, обнажив клыки, чтобы вцепиться в премьера-негодяя. Увы, не повезло! Майкл Хезлтайн, член теневого кабинета, бывший рупором промышленности, вскочил с задней скамьи, чтобы схватить палицу, символ независимости парламента. Он замахал ею над головой, выкрикнул несколько ругательств и резко бросил на подставку, что вызвало всеобщий шок. У него явно сдали нервы, но в стране, где так высоко ценится самообладание, подобное непростительно. В результате теперь уже консерваторы оказались в роли обвиняемых. Маргарет могла сколько угодно требовать запрета так называемой

«практики парности» и заблокировать почти на месяц работу парламента, но должного эффекта она не добилаь.

Кроме того, что ее теневой кабинет был разделен на два лагеря из-за приверженности к одной из двух доктрин, Маргарет пришлось столкнуться и с другими серьезными противоречиями в партии тори; самая большая несхожесть позиций наблюдалась по вопросу о большей или меньшей автономии, которую следовало предоставить Шотландии, Уэльсу и Ирландии. Ящик Пандоры был открыт Тэдом Хитом в 1968 году, когда он лелеял надежду на создание коалиции с Шотландской национальной партией (ШНП). Его предложения, сделанные шотландцам в Перте, не были реализованы из-за отсутствия консенсуса по этому вопросу внутри самой партии тори, но были с радостью подхвачены лейбористами, которые увидели в союзе с ШНП возможность укрепить свое большинство в палате общин. Каллаган поставил на голосование в палате общин законопроект о создании национальных собраний в Шотландии и Уэльсе, избранных путем всеобщего голосования. Вначале Маргарет колебалась. Шотландия всегда была трудным регионом для консерваторов. Давление со стороны приверженцев автономии становилось там все ощутимее из-за того, что в Северном море была обнаружена нефть и это сулило большое богатство.

Принцип «близкого родства» теоретически был очень дорог Маргарет, так почему же не сделать приятное Шотландии? Но ее националистические и центристские рефлексы оказались сильнее. Она дорожила наследием единого парламента, существовавшего с принятия в 1707 году Закона об объединении Англии и Шотландии, когда была провозглашена Англо-шотландская уния, парламента, принявшего с того времени неотделимую часть «модели Вестминстера» (или «Вестминстерской модели правления»). Она опасалась, что под прикрытием республиканских идей в страну может вернуться закамуфлированное якобитство^[107], способное погубить королевскую власть и всю страну. Кроме того, многие известные конституционалисты предупреждали ее о «бюрократизации и бесконечной грызне», которыми будет сопровождаться процесс автономизации. К тому же она начинала понимать, что предоставление автономии вряд ли «утихомирит и умиротворит» тех шотландцев, которые требуют для Шотландии независимости. Так что сама идея автономии казалась ей все более абсурдной. В декабре 1976 года, учитывая, сколь высоки ставки в игре, после долгих дискуссий было решено проект закона отвергнуть, для чего все депутаты партии консерваторов будут вызваны на заседание парламента особыми уведомлениями; это означало, что депутат под

страхом сурового наказания вплоть до лишения депутатского мандата должен проголосовать в соответствии с линией партии. Как и следовало ожидать, прощотландски настроенное крыло «воспламенилось». «Я сознавала, — пишет Маргарет, — что не обойдется без отставок». И действительно, два члена теневого кабинета подали в отставку: Алек Бьюкенен-Смит и Малькольм Рифкинд; некоторые депутаты пригрозили тем, что перейдут на скамьи оппозиции. Но ущерб для партии консерваторов все же был минимален, тем более что в феврале 1977 года законопроект был окончательно отвергнут большинством в 29 голосов (из них 22 голоса принадлежали лейбористам). ШНП перестала поддерживать правительство, и у него теперь не было в палате общин большинства. Быть может, Мэгги представился шанс наконец вступить на крыльцо дома 10 по Даунинг-стрит?

На деле все произошло совсем иначе, чем было предусмотрено. Либералы «прибежали на раздачу бесплатного супа для бедняков» и предложили создать союз либералов и лейбористов. Они давно надеялись принять участие в работе правительства и теперь считали, что им представился случай, хотя соглашение носило очень ограниченный характер. Им даже не предложили портфелей, всего лишь пообещав доступ в консультативную смешанную комиссию, введение практики проведения выборов «по европейской модели», то есть всеобщих и прямых, а также активизацию процесса предоставления автономии Шотландии, Уэльсу и Ирландии и разработку законопроекта о введении пропорционального представительства. Маргарет всегда была враждебно настроена ко всяким коалициям, что считала делом позорным и расслабляющим. Она презирала Дэвида Стила, лидера либералов, которого находила эксцентричным, нахальным, спесивым, тщеславным, слабым и легкомысленным, но ей и в голову не могло прийти, что он способен принять столь невыгодное предложение.

Если вы помните, в Великобритании в 1975 году инфляция составляла 26 процентов, а количество безработных перевалило за миллион. В 1976 году дела обстояли еще хуже. Фунт стерлингов рухнул, увлекая за собой правительство Вильсона и выталкивая во власть Каллагена. Цена фунта снизилась почти на треть. Началось «бегство капиталов». Базовая банковская ставка была срочно, по необходимости, установлена на уровне 15 процентов. Но ничто не помогало. Каллаген вынужден был выпросить два кредита у МВФ, но этого оказалось недостаточно, в октябре он попросил третий. МВФ согласился выделить кредит, но с тем условием, что эксперты из МВФ будут следить за строжайшим соблюдением правил при

составлении будущих бюджетов. Короче говоря, Соединенное Королевство было низведено до уровня «банановых республик», приговоренных к тому, чтобы просить помощи у богатых стран. Да уж, хорошая участь для страны, бывшей когда-то главной мануфактурой всей планеты, главным банком мира! Политическая удача, нечего сказать! Не служил ли такой упадок доказательством провала тайной, скрытой социалистической системы, существовавшей уже около тридцати лет? Эксперты МВФ не сидели сложа руки. Они требовали осуществления драконовских программ жесткой экономии (около двух миллиардов фунтов) и навязывали правительству Англии «немой» монетаризм, не называющий себя монетаризмом. В одной из речей, написанной его зятем, блестящим экономистом и дипломатом Питером Джеем, Джим Каллаген вынужден был признать перед ошеломленными членами Лейбористской партии следующее: «Мы полагали, что сможем выйти из рецессии и снизить уровень безработицы, снизив налоги и увеличив общественные расходы. Я говорю вам совершенно искренне: этого выбора больше не существует, а если он когда и существовал, то это была всего лишь инъекция в экономику доз инфляции все более и более крупных, за которыми следовал, ибо это было неизбежно, рост уровня безработицы».

Деннис Хили стал канцлером Казначейства при введении строжайшего контроля в финансовой сфере. Независимо от контроля над денежной массой он пытался навязать максимальный подъем уровня зарплаты не более чем на 10 процентов в 1977 году и на 5 процентов — в 1978-м. Результаты не заставили себя долго ждать. В январе 1978 года уровень инфляции впервые с 1974 года оказался ниже 10 процентов в год, а уровень безработицы, пройдя через рекордный пик в августе 1977-го, снизился на 120 тысяч человек, так что у Каллагена начал появляться образ спокойного патриция, правящего своим царством как добрый и заботливый отец, далекий от авантюризма консерваторов. Впервые за долгое время обе крупные английские партии шли в опросах общественного мнения ноздря в ноздрю. Следующий, 1978 год сулил стать для Маргарет Тэтчер довольно трудным.

1978 год, когда все было поставлено на карту

Этот год действительно оказался очень трудным. Каллаген, гордый своими успехами в борьбе с инфляцией, мог предвещать «серьезный возврат роста инфляции» в том гипотетическом случае, если консерваторы

придут к власти. Профсоюзы присоединили свои голоса к голосам лейбористов и стали угрожать стране «возникновением свободного коллективного хаоса», если к власти придет Маргарет. В лоне собственной партии Маргарет постоянно спорила с такими «тяжеловесами», как Питер Торникрофт, председатель партии, или Джеймс Прайор, который стремился во что бы то ни стало сохранить политику контроля над доходами. Яростные схватки происходили все чаще и чаще. На партийном съезде в Брайтоне Тэд Хит уверовал в то, что счастье ему вновь улыбнулось. Он принялся наносить удары по исповедуемым Маргарет идеям о возможности свободных коллективных переговоров без вмешательства государства и заявил на телевидении, что «свободные переговоры о заключении коллективных договоров являются генераторами гиперинфляции». В опросах общественного мнения он обошел Маргарет на 21 пункт. Партия уже не знала, какому святому себя вверить, страна пребывала в сомнениях. В палате общин Деннис Хили победоносно изрек: «Палата является свидетелем исторического события: Маргарет Тэтчер произносит последнюю речь в качестве лидера тори <...>. Партия находится в последней стадии распада <...>. Ножи и топоры уже наточены». И он был не так уж неправ! Менее чем через год она уже не будет лидером партии! Она станет премьер-министром! А он будет сидеть на скамье оппозиции. Но тогда мало кто мог заключить пари, что так все и будет.

Напряжение было тем более ощутимым, что в воздухе уже ощущалось приближение выборов. В соответствии с британской традицией действующий премьер-министр мог распоряжаться «выборным календарем» в пределах четырех лет действия мандатов, назначив наиболее подходящий момент. Все ждали, что роспуск парламента произойдет осенью. Никогда еще правительство не было столь популярно. Никогда еще оно не имело таких шансов быть переизбранным.

Маргарет решила отреагировать публично и обратиться в рекламное агентство, чтобы там создали оригинальные плакаты. Перед началом кампании надо было нанести мощный удар. Обращение политика к рекламному агентству было первым в Соединенном Королевстве, где все привыкли к дилетантству партийных советников по связям с общественностью. Это было началом проведения избирательных кампаний по американскому образцу, планируемых профессионалами по имиджу, руководимых знаменитыми гуру пиара, ибо, как пишет Маргарет, «политики должны противиться искушению рассматривать себя в качестве экспертов в той области, в которой у них нет должного образа». По совету

Гордона Риса она обратилась в агентство «Саатчи энд Саатчи», которое тогда «блистало на небосклоне инноваций». Тима Белла, ответственного за бюджет партии консерваторов, озарила гениальная идея. Консерваторы решили организовать кампанию под лозунгами «Лейборизм не работает» и «Лейбористская партия — это безработица». На плакате Должна была быть изображена длинная очередь безработных, стоящих за скудной порцией пищи. Мессидж ломал все своды правил, нарушал все законы. Безработица была излюбленной темой разглагольствований лейбористов, никто в прессе никогда не цитировал их противников; манера, в которой был выполнен плакат, оказалась совершенно новой и агрессивной: черная толпа на красном фоне. Вначале Маргарет колебалась. Ведь это реклама Лейбористской партии, не так ли? Тим Белл и Гордон Рис сумели убедить ее в обратном: «Нет, нет, мы подорвем авторитет лейбористов, лишив их доверия избирателей как раз в тех сферах, где они наиболее сильны». Быть может, это было наилучшее политическое решение, которое могла принять Мэгги. Кроваво-красные плакаты вызвали настоящую бурю в том затишье, что царило летом 1978 года. Лейбористы занервничали, запричитали о вероломстве, цинизме, «диких нравах». Но цель была достигнута. Все только об этом и говорили. Летняя передышка в политической борьбе превратилась в битву. Газеты без конца тиражировали плакат. Команда рекламного агентства Саатчи произвела расчеты и пришла к выводу, что при затрате 50 тысяч фунтов на 50 плакатов результат для агентства был таков: доходы от рекламы превысили пять миллионов фунтов. К концу лета консерваторы вновь вышли немного вперед в опросах общественного мнения.

Опросы, без сомнения, оказали влияние на Джима Каллагена, принявшего решение не провоцировать проведение досрочных выборов. Точно неизвестно, кто подтолкнул его на этот поступок, обернувшийся большой оплошностью. В конце августа игра была еще в самом разгаре. При хорошо проведенной избирательной кампании лейбористы могли выиграть. Но Джим Каллаген был слишком уверен в успехе своей экономической политики, надеясь, что весной дела пойдут намного лучше, а перенос даты выборов окончательно посеет разногласия в стане противника. Возможно, он просто хотел еще немного попользоваться прелестями жизни в доме 10 по Даунинг-стрит... В любом случае это было роковое решение, из тех, что ломают судьбы, потому что человек не смог сделать правильный выбор в нужный момент.

В первое время Маргарет была разочарована. 7 октября она узнала, что роспуска парламента не будет. Джим Каллаген объяснил свое решение тем,

что «это не улучшило бы положение дел к зиме». Перед Маргарет стояла довольно простая задача: восхвалять тех «среди нас, кто видит дальше, чем эта зима».

Впоследствии Маргарет, оборачиваясь назад, поздравляла себя с тем, что всё тогда сложилось именно так. «Победили бы мы на парламентских выборах 1978 года? Я полагаю, мы бы их выиграли, пусть с минимальным преимуществом, но выиграли бы. Но если бы мы столкнулись с теми трудностями, с которыми столкнулись зимой 1978/79 года лейбористы, и с недовольством, порожденным этими трудностями, то эта буря, быть может, смела бы нас точно так же, как она смела лейбористов».

Но в тот момент перед консерваторами явно замаячила целая серия трудностей. После временного летнего улучшения и после разочарования, последовавшего после того, как стало ясно, что бюллетени не упадут в избирательные урны, партия вновь погрузилась в изучение результатов социологических опросов. Съезд партии в Брайтоне имел большой успех и способствовал росту партийной популярности. Маргарет призвала на помощь одного из тех, кто сотрудничал с Билли Грэмом, знаменитым американским «телеевангелистом», то есть проповедником, выступавшим по телевидению, чтобы улучшить «мизансцены». Речь Маргарет, произнесенная решительным тоном, понравилась рядовым членам партии, являвшимся ее основой: «Мы сделаем все, что может делать правительство, для возрождения Великобритании, свободной и процветающей. Мы верим в возможность свободных переговоров по поводу коллективных договоров, переговоров реалистичных и ответственных, защищенных от вмешательства государства, а лейбористы — не верят. Мы намереваемся всячески поддерживать конкуренцию, частное предпринимательство и рентабельность, именно мы, а не лейбористы. Мы намереваемся существенно сократить налоговые вычеты из вашего конверта с зарплатой, мы, а не лейбористы». Обратилась она и к рядовым членам профсоюзов: «Синдикалисты, вы же сами себе худшие враги! Почему нет дополнительных доходов? Потому что бесполезные законы, предписания и ограничения часто лишают вас того единственного, что вы можете продать: вашей производительности». Эти слова наделали много шума. Непривычно было слышать, чтобы лидер партии консерваторов обращался к членам профсоюзов.

Маргарет, находясь пока в тени, решительно работала над проектом будущих реформ. Она знала, что члены теневого кабинета к этому не готовы; знала она и то, что рядом с ней всегда будет какой-нибудь Джеймс Прайор или Иэн Гилмор, чтобы сдерживать и ограничивать ее дерзость.

Вот почему еще с лета 1977 года она создала маленькую группу экспертов под руководством Джона Хоскинса, бывшего офицера Службы разведки Ее Величества. Ей нравился этот человек, привыкший работать в тени и подчиняться правилам военной этики, умевший хранить молчание и тайны. Все они, будь то Айри Нив или Джон Хоскинс, были одинаково твердого закала, отважные, верные и молчаливые, не искавшие яркого света софитов. Входявшие в группу Альфред Шерман и Норман Страус написали, в чем должна состоять настоящая политика консерваторов, без всяких табу по поводу монетаризма и борьбы с властью профсоюзов, в документе, названном «Камни через стремнину» и классифицированном как конфиденциальный. Когда Маргарет показала его Киту Джозефу и Энгусу Моду, они пришли в восторг. Когда же она дала его прочитать некоторым членам Центрального бюро партии, те пришли в ужас. Джон Дейвис бросил: «Если мы скажем правду о профсоюзах, то точно проиграем на выборах». Питер Торникрофт даже предложил сжечь все экземпляры документа, чтобы избежать утечки столь опасной информации. Однако в нем была изложена программа будущих тэтчеровских реформ. Так что «библией» Маргарет на десять лет станет секретный меморандум. А в самой партии «червь уже проник в яблоко». События убыстряли свой ход, а профсоюзы играли в них не слишком хорошую роль; так что Маргарет и ее команде пришлось смириться на время.

«Зима недовольства»

Для правительства Каллагана декабрь стал началом агонии. На съезде партии делегаты (в большинстве своем представлявшие профсоюзы, являвшиеся коллективными членами Лейбористской партии) резко высказались против предложенного ограничения роста заработной платы 5 процентами. 12 декабря профсоюзы государственной службы здравоохранения и муниципальных работников тоже отвергли этот законопроект, пригрозив, что в начале года объявят забастовку. Рабочие заводов Форда забастовали и добились увеличения заработной платы на 17 процентов. Правление компании пошло на уступки, и эти уступки были санкционированы правительством. 3 января профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих призвал ко всеобщей забастовке. Соединенное Королевство начало погружаться в хаос. Это было действительно начало «зимы недовольства», как называют эту зиму авторы редакционных статей в английских газетах, намекая на «Эдуарда VII»

Шекспира. На улицах громоздились кучи мусора. «Летучие» пикеты забастовщиков блокировали подъезды к предприятиям. Более одного миллиона человек были осуждены на безработицу «по техническим причинам». Закрывались школы, и из яслей детей отправляли по домам. В моргах скапливались непогребенные трупы из-за отсутствия могильщиков. Они разлагались из-за частых отключений электричества. На улицах, заваленных снегом, вновь стали шмыгать крысы. В Бристоле на демонстрацию вышли 1 миллион 500 тысяч человек; начались стычки с полицией, которая вынуждена была прибегнуть к помощи конных подразделений и даже стрелять в воздух. Забастовщики устраивали заставы на дорогах. Создавались самопровозглашенные советы, именно они и профсоюзы выдавали пропуска для машин. Мазут для котельных более не поступал в дома престарелых. Старики страдали от холода, и ничего нельзя было для них сделать. Главные символы благополучия страны, больницы, и те «пошли следом». Пикеты забастовщиков, ничего не ведавших о медицине, принимали решения относительно того, что должно быть доставлено срочно, а что нет. Раковые больные, у которых болезнь находилась в последней стадии, умирали дома в ужасных мучениях из-за отсутствия медицинской помощи. В телевизорах «картинка» была нечеткой, порой по ней пробежали полосы. Средний англичанин испугался. Ужасные видения теснились в голове. Неужто Лондон уже превращается в Петроград 1917 года? А если к власти придут Советы и в Англии появится ГУЛАГ? Состояние умов было, вероятно, таким же, каким оно было у французов в 1968 году, когда по стране прошли огромные демонстрации в поддержку де Голля под лозунгом «Довольно беспорядков! Довольно хаоса! Да будет порядок!».

Питер Холл, занимавший в то время пост директора Национального театра, превосходно описал царившие тогда настроения. Он, человек, вовлеченный в так называемое прогрессистское движение, с ужасом констатировал: «Нет более такого понятия, как честь, нет надежды, нет гордости. Я говорю, как старый реакционер, но то, что мы имеем сейчас, это не социализм, это красный фашизм <...>. Теперь всем заправляет интерес отдельных секций, партия защищает и поддерживает <...> хулиганов».

Правительство, казалось, утратило бразды правления. В палате общин оно потеряло большинство, лишившись шести голосов при голосовании по законопроекту об обложении налогом тех предприятий, что превысят дозволенный уровень повышения заработной платы, то есть повысят ее более чем на 5 процентов. Атмосфера воцарилась какая-то

сюрреалистическая: в то время как на дорогах почти наступила эпоха Красной гвардии, в палате общин рассуждали о том, что надо бы наказать владельцев предприятий...

Для Маргарет это стало удачей, как будто все само в руки шло. Несмотря на предостережения своего окружения и в особенности «неизбежного зла», Джеймса Прайора, она решила, что пора ей показать, что она достойна носить прозвище «Железная леди». 14 января, выступая в передаче «Уик энд уорлд» («Неделя и мир»), она стала наносить жесткие удары, не слушая сирен, суливших ей неприятности и призывавших: «Будьте осторожны». Чопорная дама, одетая в темные тона, неторопливо, хорошо поставленным голосом говорила: «Всякая власть налагает определенную ответственность <...>. В последние годы профсоюзы обладали огромной властью <...>. И именно по этому вопросу должна вестись дискуссия: что делают профсоюзы со своей властью? Я — член парламента, и я была избрана в парламент не для того, чтобы разрешать им при полной безнаказанности наносить ущерб и причинять вред моим ближним путем применения насилия». Она тотчас же предложила провести реформу законодательства, регулирующего деятельность профсоюзов, выделять субсидии на проведение в профсоюзах тайного голосования, а также отменить выплату социальных пособий участникам незаконных, так называемых «диких» забастовок; возмещать ущерб работникам, ставшим жертвой практики «закрытых предприятий». Страна явно ждала именно этих слов. В опросах общественного мнения партия консерваторов мгновенно взлетела на 11 пунктов.

Эффект выступления Маргарет был дополнительно усилен ужасающим поведением Джима Каллагана. В то время как города задыхались от вони отходов, больные умирали из-за отсутствия помощи, трупы скапливались в холодильных камерах, а телевидение только и говорило о беспорядках в стране, он улетел в Гваделупу, на саммит «Большой семерки», где щеголял в красивой легкой рубашке среди других глав государств под солнцем Антильских островов. По возвращении в аэропорт «Хитроу», 18 января, еще будучи в рубашке с короткими рукавами, он небрежно бросил: «Кризис? Какой кризис?» Это была непоправимая ошибка.

Маргарет Тэтчер хотела тотчас же извлечь пользу из создавшегося положения, попытаться отправить правительство в отставку. Учитывая всю глубину разразившегося кризиса, Гордон Рис, Питер Торникрофт, Ронни Миллер и Крис Пэттен, напротив, советовали ей предложить правительству поддержку в обмен на принятие жестких мер против профсоюзов: введение

запрета на «летучие» пикеты и заставы на дорогах, а также ограничение права на забастовки в жизненно важных секторах экономики. Маргарет встретила это предложение очень сдержанно. Она не хотела «спасать Каллагена, выручать его из беды». Но Питер Торникрофт сумел найти слова, чтобы ее убедить: «То, чего мы просим от вас, это поставить страну впереди партии». К тому же с тактической точки зрения это был очень удачный шаг. Если предложение тори будет принято, часть «грязной работы» сделают сами лейбористы. А если оно будет отвергнуто, Мэгги все равно будет в выигрыше, ибо получит подтверждение своего патриотизма. Представив свое предложение в палате общин, Маргарет повторила его по телевидению в выражениях, напоминавших о великих моментах в истории Англии, о духе периода противостояния фашистской Германии и о призывах Черчилля. Она сказала: «Вся страна столкнулась с кризисом. Сейчас не время ставить партию впереди страны <...>. Если проблема столь тяжела, что почти непосильна, тогда в интересах нации правительство и оппозиция должны действовать заодно по ее разрешению <...>. Мы должны научиться быть единой нацией, если же мы этому не научимся, то однажды увидим, что мы вообще уже не нация». До этого выступления у Маргарет был статус женщины-политика, после него она обрела статус государственного деятеля.

Мяч был подан в лагерь правительства, но оно его отбило, вернувшись к туманным идеям переговоров с профсоюзами. Каллаген еще надеялся с ними сторговаться. Но было слишком поздно. Участники забастовок требовали слишком много и уже вышли из-под контроля своих вожakov и Конгресса тред-юнионов. Спасти положение могла только твердость. Оставался путь Маргарет. Приняв к сведению решение правительства, 31 января она «подняла забрало шлема» и пошла в атаку: «Несколько профсоюзов бросили вызов британскому народу. Они бросили вызов больным, старикам и детям. Они их презирают. Я готова бороться с теми, кто презирает законы этой страны и бросает им вызов». «По логике вещей, — добавляет она, — теперь тори должны взять на себя всю ответственность, которую это правительство не хочет взять на себя».

Положение дел не улучшалось, и отставка Джима Каллагена была близка.

Единственный шанс

Однако правительство падет не из-за социальных конфликтов.

Настоящим злополучным «валетом трэф» для всех правительств с 1969 года стал вопрос об автономии Шотландии и Уэльса. Так как так называемый «пакт о сотрудничестве либералов и лейбористов» не был продлен и его действие прекратилось после выборов, то лейбористы вынуждены были униженно выпрашивать поддержку у уэльских и шотландских националистов. Так, в Шотландии и Уэльсе был проведен референдум по поводу автономии. Предусматривалось, что Закон об автономии, естественно, частичной, должен был набрать более 40 процентов голосов не от принявших участие в голосовании, а от имеющих право голоса. В Уэльсе закон был отвергнут. В Шотландии он получил небольшое большинство, но явно недостаточное, чтобы преодолеть «роковую черту». Шотландская национальная партия объявила о том, что она более не будет поддерживать лейбористов, либералы сделали то же самое, так что пробил час вотума недоверия. 22 марта было объявлено о вынесении вотума недоверия правительству, а голосование по этому вопросу должно было состояться 28 марта.

В течение тех четырех дней, что страна жила как бы в подвешенном состоянии, палата общин стала театром, где был дан замечательный спектакль, «балет интриг», в котором плелись заговоры, давались невыполнимые обещания, рождались беспочвенные надежды. Каждый играл в свой бильярд, каждый хотел обходным путем попасть в лузу, да еще и дулетом. Айри Нив собрал унионистов^[108] из Ольстера и пообещал им дополнительные места в парламенте, если консерваторы одержат победу. Лейбористы стали набивать цену, пообещав протянуть нефтепровод в Англию. Со своей стороны националисты из Плайд Камри (Уэльская национальная партия) выманили у правительства обещание оказать существенную помощь промышленности Уэльса. Клемент Фрейд, весьма эксцентричный либерал, пообещал поддержку тем депутатам, которые проголосуют за его Закон о свободе информации. На слово ему поверили и проголосовать пообещали, но ведь пообещать можно все, а потом одурачить. В стране, где царит обман, нельзя верить на слово никому. А в парламенте процветал лоббизм, и в коридорах стоял шум от передаваемых из уст в уста слухов и всяческих обещаний.

В любом случае в час голосования никто не был ни в чем уверен. Предварительные подсчеты голосов давали результат 50:50. Покидая дом на Флуд-стрит, Маргарет Тэтчер заявила: «Мы надеемся. Я думаю, шансы у нас равны». В мемуарах она признается: «Я не верила, что мы выиграем».

Все депутаты должны были присутствовать при голосовании. Так называемый «принцип парности» более не работал. У каждой партии были

свои заботы. Находившийся почти при смерти один из депутатов-лейбористов был привезен на кресле-каталке на скамьи Вестминстера. Он мог только кивать головой, чтобы сказать «да», или отрицательно мотать ею, чтобы сказать «нет». Он и скажет таким образом «нет» вотуму недоверия, после чего его повезут к двери. У консерваторов возникла проблема другого рода. Так как в ресторанах, обслуживающих членов палаты общин, проходила забастовка, депутаты-консерваторы отправились на обед по своим клубам или в «Савой», чтобы съесть ромштекс или куриное филе. Несмотря на всю важность происходивших в этот час событий, английский джентльмен не отступает от своих привычек. Он же пил спокойно чай, сидя в окопах. Ужасная мания! Сидя в своем кабинете лидера партии, Маргарет метала громы и молнии, глядя на поднос от фирмы «Фортнум энд Мейсон», гневаясь на этих неисправимых гурманов, рисковавших испортить самый замечательный удар из всех, которые она нанесла за всю свою политическую карьеру. Она повсюду разослала гонцов, чтобы они призвали обратно опоздавших.

Дискуссия завершилась, голосование началось. По традиции те, кто поддерживал вотум недоверия, должны пройти через дверь слева от спикера палаты, те, кто против, — справа. После окончания голосования в первый момент прошел слух, что вотум провалился, большинством всего в один голос. Главный организатор парламентской фракции консерваторов Хэмфри Аткинс даже принес Маргарет свои извинения. На скамьях левых на лицах депутатов появились улыбки. Но слух оказался ложным: вроде бы 310 депутатов прошли через левую от спикера дверь, 311 — через правую. Вскоре, однако, стало понятно, какая партия взяла верх: представители тори, на которых была возложена обязанность сообщить о результатах голосования, заняли места слева от спикера, там, где должно находиться правительство. Это было свидетельство того, что они в большинстве. В рядах тори произошел взрыв веселья, послышались возгласы «Ай!». Деннис Тэтчер, находившийся на трибуне консерваторов, возликовал столь бурно, что парламентскому приставу пришлось даже выпроводить его из зала. Но неважно! Вотум недоверия вынесен, правительство низложено, выборы назначены на 3 мая. В палате общин впервые с 1926 года, когда вынужден был в результате вотума недоверия уйти Рэмси Макдональд, уходило в отставку точно таким же образом правительство премьер-министра — лейбориста. Теперь пришел черед Маргарет доказать, что она может победить.

Но не бывает роз без шипов, и радость Мэгги была недолгой. Два дня спустя, когда она находилась в Финчли, в «своем» округе, ей сообщили, что

в палате общин взорвалась бомба и один человек тяжело ранен. Она мысленно перебирала в уме всякие предположения, не думая о самой худшей из гипотез. Когда она прибыла в студию Би-би-си на Портленд-плейс, где должна была выступать, продюсер передачи отозвал ее в сторону. Как оказалось, жертвой теракта стал Айри Нив. Его машина взорвалась при выезде с паркинга Вестминстера. Сам он находился в критическом, то есть безнадежном состоянии. Ответственность за покушение взяла на себя Ирландская национальная освободительная армия, бывшая экстремистским крылом ИРА, то есть Ирландской республиканской армии. «Я была оглушена этим ударом, — пишет она. — Настоящая боль придет позже, вместе с гневом от сознания того, что человек, избежавший стольких опасностей в своей жизни, был убит людьми, гораздо более отвратительными, чем обычные преступники, террористами».

Итак, человека, помогшего Маргарет завоевать партию, сумевшего протолкнуть некоторые ее идеи в умы членов теневого кабинета, выиграть при голосовании за вотум недоверия правительству, этого человека больше не было. Последняя радость, которую он испытал, была радость при вести об отставке правительства. И теперь Маргарет как никогда была преисполнена решимости одержать победу хотя бы в «память об Айри».

Избирательная кампания 1979 года

В самом начале кампании 1979 года на руках у Маргарет оказалось немало козырей. Страна выходила из продолжительного социального кризиса, «из зимы недовольства». Страх перед «красными» и отчаяние овладели довольно внушительной частью общества, выплеснувшись далеко за пределы традиционных слоев, где проходил раскол на «левых» и «правых». Надо сказать, что в таких ситуациях обычно победу одерживают правые. «Бесподобная палата» (1815–1816), «Голубая палата» (Франция, 1919), «Палата цвета хаки», «Ассамблея сил обороны Ольстера» (1968)^[109] — всё это «плоды» серьезных кризисов и больших беспорядков. Отмеченная самим Провидением, Мэгги оказалась в нужном месте в нужный час. Можно сказать, что профсоюзы оказали ей неоценимую услугу...

Кроме того, «подрывная работа» идей кейнсианства и существующего социализма начинает приносить свои плоды, в том числе и в общественном мнении. В своих колонках журналисты, посещавшие Институт

экономических проблем и Центр политических исследований, а также некоторые иные «мозговые центры», воспевали хвалу либерализму. Да и цвета социализма к тому времени здорово поблекли. За исключением представителей левого крыла Лейбористской партии и буйно помешанных приверженцев марксизма, крах социалистической модели общества уже ни у кого не вызывал сомнения. Голос Солженицына долетал до самых отдаленных и глухих провинций. Даже жители «шахтерских районов» понимали, что так называемое «светлое будущее» лязгает гусеницами советских танков, давящих брусчатку на улицах Будапешта и Праги. Картины длиннющих очередей, выстраивающихся у продовольственных магазинов в странах Восточного блока, мелькают в газетах и на экранах достаточно часто, чтобы все узнали, что в странах реального социализма, быть может, пушки есть, а вот масла уж точно нет. Короче говоря, это было время не для красного цвета, даже и перекрашенного в пастельные тона лейборизма на английский манер.

Именно на этой волне Маргарет могла взлететь на самый верх. В Центральном бюро партии ее боялись больше, чем противника, упрасывая быть как можно умереннее и сдержаннее. Члены тайного кабинета тоже использовали свой «вес», чтобы воздействовать на нее именно в этом направлении. Вперед выставляли не Кита Джозефа или Энгуса Мода, а Прайора и Торникрофта.

Предвыборный манифест партии был «округл» и в меру осторожен. Маргарет сумела добиться его достаточной расплывчатости, чтобы потом он дал ей возможность управлять страной так, как она хотела. Эта программа не была «программой Деда Мороза», в ней не содержалось щедрых посулов всяких благ, в остальном же все было и в самом деле довольно расплывчато. Манифест обещал «придать вновь силу и здоровье экономике путем укрощения инфляции и установления равновесия между правами и обязанностями профсоюзов». Кроме классического «припева» относительно разумного управления общественными расходами говорилось о грядущей денационализации предприятий авиастроительной промышленности и кораблестроения, недавно национализированных, но авторы-составители этого текста воздержались от того, чтобы объявить в нем о грядущей денационализации всей британской экономики. Партия консерваторов в случае победы брала на себя обязательство не пересматривать вопрос о повышении пенсий по старости, то есть обещала сделать то, что сулили сделать лейбористы. Разумеется, в манифесте говорилось о том, что будут приняты некоторые меры, столь дорогие сердцу Маргарет, как то: продажа социального жилья тем, кто в нем живет,

разработка и осуществление национальной программы по борьбе с безграмотностью. В документе много и упорно подчеркивалась необходимость усиления исполнения закона и установления порядка, необходимость увеличения жалования полицейским и военным, которые «сталкиваются с все более и более опасными вызовами». Говорилось там и о том, что бюджет армии должен быть пересмотрен в сторону увеличения.

Столько вопросов, но таких далеких от той единственной темы, что действительно страстно волновала англичан: власти тред-юнионов. Вот по этому вопросу манифест был очень сдержан. В нем только содержались предложения ввести практику проведения свободных коллективных переговоров, запрета на «вспомогательные» забастовочные пикеты и на голосование по почте по вопросу об объявлении о начале забастовки, а также фигурировало предложение о возмещении ущерба работникам, ставшим жертвами практики «закрытых предприятий». По сути там не было ничего особенно нового, ничего, что сулило бы те значительные, серьезнейшие реформы, которые будут проведены в 1981 и 1984 годах и окончательно разрушат всемогущество профсоюзов.

В публичных выступлениях Маргарет постоянно сдерживала себя и умеряла пыл своих речей, в то время как в частных беседах она без устали критиковала и бранила выделение субсидий «хромым уткам» промышленности. Так, когда ее спросили о помощи, оказанной компании «Бритиш лейланд», находившейся в плачевном положении, она заявила, что в ее намерения не входит мгновенно прекратить выплату субсидий, потому что «вы не можете сразу же прекратить выплату дотации <...>; ведь это точно так же, как с машиной: чтобы поехать в противоположном направлении, надо сначала затормозить, остановиться, развернуться и поехать по другой дороге».

Если Маргарет, говоря «библейским» языком, и впадала иногда в грех упущения, то есть недоговаривала всего до конца, если она и скрывала частично свои намерения, то все же она не позволяла себе бесстыдной, наглой лжи. Когда ее спросили, будут ли после смены правительства пенсии индексироваться в соответствии с ростом заработной платы, она сказала, что попыбует сделать именно так, все же ничего не пообещав.

В Центральном бюро партии постоянно пребывали в страхе, как бы Маргарет не совершила какую-нибудь оплошность. Там боялись, чтобы в нее вновь не «вселились ее старые демоны». Учитывая то солидное преимущество, которое она, судя по результатам опросов, имела на тот момент, команда, организовавшая ее избирательную кампанию, очень сдержанно относилась к выступлениям на телевидении, а в особенности к

теледебатам «лицом к лицу», предложенным Каллагеном. Маргарет чувствовала себя вполне способной к такому столкновению. Она жаждала отправить его в нокаут на глазах у миллионов телезрителей. Гордон Рис пришел в ужас. Он опасался, что одна-единственная неудачная фраза может мгновенно уничтожить все результаты трудов по наведению лоска, которым он отдал несколько лет. Уилли Уайтлоу, Питер Торникрофт, Гордон Рис и даже Кит Джозеф приложили массу усилий, чтобы отвратить Маргарет от этой идеи. Она, в конце концов, уступила после того, как ей объяснили, что в случае проведения таких дебатов либералы тоже потребуют себе такую же «трибуну». Она же ни за что не хотела, чтобы «этот осел Стил» воспользовался самым фактом проведения дуэли. Итак, она отказалась «скрестить шпаги» с премьер-министром, выдвинув следующий аргумент: «Мы не выбираем президента, мы вскоре сменим правительство». Несколько обезличив избирательную кампанию, Маргарет очень хитро лишила «Счастливого Джима» многих козырей.

Правда, Маргарет все же приняла участие в нескольких передачах, остановив свой выбор на тех, где бы она оказалась поближе к людям, и это всегда был успех. В передаче на радио «Элекшн колл», проведенной Робинотом Деем, она отвечала на вопросы слушателей. Конечно, это был большой риск. Но она вышла победительницей, виртуозно владея собой, ибо, в отличие от других политических деятелей, «допускает, что в прошлом были ошибки». Она превосходно разыграла карту откровенности, естественности и непосредственности, и это сработало. В ходе передачи на радиостанции «Гранада 500», когда три кандидата отвечали на вопросы слушателей из округа, считавшегося самым типичным округом Великобритании, округа Болтон-Ист, Маргарет еще больше подчеркнула свое отличие от соперников: «Мне нравились такие встречи <...>. В каком-то смысле возможность иметь дело с реальными людьми, у которых есть настоящие жизненные заботы и дела, способствовала снятию напряжения. Судя по результатам замеров громкости аплодисментов, я выиграла с большим преимуществом».

Одной из характерных черт этой избирательной кампании было то, что она проводилась с учетом создавшейся в стране обстановки, была простой и эффективной. Прежде всего в изобилии использовались плакаты и листовки. Никто не выдумывал ничего нового, использовали те, что уже так хорошо сработали в прошлом. Тим Белл довольствовался тем, что развил тему «Лейборизм по-прежнему не работает». На плакатах были изображены очереди, выстроившиеся у больницы, у приюта для бездомных, у биржи труда.

В те решающие дни Маргарет избрала тактику «близкого общения». Она «обработывала» страну, разъезжая в автобусе фирмы «Баттл», обыкновенном автобусе, что сновали по проселочным дорогам Англии, только он был выкрашен в цвета партии тори. Ее сопровождала небольшая группа членов ее команды: ее пресс-атташе Дерек Хау, Джанет Янг, Майкл Доббс, иногда Гордон Рис или Ронни Миллер. В те времена электроника была еще в зачаточном состоянии, текстового редактора еще не существовало, как и электронной почты. Тексты речей распечатывали, редактировали и передавали по телефону в Центральное бюро партии, откуда их и распространяли в средства массовой информации. В автобусе был всего один радиотелефон, который часто не работал. Во время остановок все бросались к любому свободному телефону, так что у него образовывалась настоящая свалка. Однажды шофер автобуса вырвал антенну, в другой раз средства связи были повреждены телефонистами-забастовщиками. Но это было не так уж важно, ведь это была избирательная кампания, организованная по старинке; в ней также участвовали фотографы из различных агентств, которых Мэгги умела прекрасно использовать. Итак, ежедневно она посещала два-три округа, одно-два предприятия и заканчивала день речью перед собранием местной ассоциации консерваторов. У нее был дар фотографироваться так, что эти фотографии обеспечивали ей дополнительные очки. Она знала, что ее считали «слишком буржуазной»; находясь в Норфолке, она вышла в поле в простых резиновых сапогах, бросилась к теленку, гулявшему по полю, и обняла его. В течение десяти минут фотографы «расстреливали» ее вспышками фотоаппаратов. Только сопровождавший ее Деннис был встревожен. «Будь внимательна, — шептал он, — осторожнее с ним, как бы он у тебя в объятиях не окочурился со страху, а то это произведет неприятное впечатление». На одной из фабрик она уселась за швейную машинку и пришила карман к спецовке. Мастер, очарованный этим зрелищем, сказал представителям прессы: «Если ее не выберут, я возьму ее на работу». Маргарет была способна ответить на любые вопросы людей с улицы, вроде цены фунта ростбифа или платы за жилье. Однажды ей пришла в голову гениальная идея. В одном из супермаркетов Галифакса она сфотографировалась с двумя хозяйственными сумками в руках; одна была синего цвета, большая, набитая продуктами, которые можно было купить за 1 фунт стерлингов в 1974 году, вторая — красного цвета, маленькая, в которой лежал «эквивалент, который можно было купить за 1 фунт в лейбористской Англии в 1979 году». Вторая сумка была полупуста. Это был наглядный урок результата инфляции. Фотография произвела фурор и

обошла все газеты Соединенного Королевства.

В поисках популярности Маргарет проявляла не только боевой дух, но и смелость. В одном из округов, где были чрезвычайно сильны лейбористы, какая-то простая работница, баба огромного роста, со спутанными волосами и явно нетрезвая, буквально напала на Маргарет. Поток брани ее не испугал. Она оттолкнула своих телохранителей, пытавшихся ее удержать за полы костюма, и стала задавать вопросы этой грубой бабе. Та смешалась, не зная, что сказать, затем опять принялась бранить «всех этих политиканов, не желающих слушать простой народ», на что Мэгги вполне резонно возразила: «Вот удача! Ну, так я вас слушаю». Мгновенно возникшая «ниточка» была толстой и грубой, сродни морскому канату, но сколь же она была эффективна!

Удары, которые наносила сама Маргарет, были тем более сильны, что она не довольствовалась «охотой за голосами» на участках, уже завоеванных консерваторами. Она поняла, что закон и порядок, возможность купить жилье, право работать много и тяжело, но при этом получать более высокую зарплату, возможность работать сверхурочно, — все эти права и возможности являются ценностями, которые разделяет не только большая часть электората лейбористов, но и солидная часть умеренно настроенных членов профсоюзов. Тогда она обратилась к ним в Кардиффе, на участке Каллагена, с обращением, которое радио транслировало по всей стране: «В этой стране существует привычка к идеям социализма, исповедовавшимся людьми умными <...>. В этом социализме было много достоинства и человеческого тепла. Но он был заменен социализмом нетерпимым, социализмом забастовочных пикетов, аппаратчиков и бюрократов. Я полагаю, избиратели, голосующие за партию лейбористов, хотят того же, чего хотим мы, но им мешает их понимание верности и их предрассудки <...>, ошибочно думать, что сегодняшняя Лейбористская партия — это то же самое, чем она была вчера. <...> Если вы горячо любите вашу страну <...>, идите вместе с нами <...>. Мы вам предложим войти в общую политическую семью, предложим политический дом, и вы сможете воплотить там ваши идеалы».

Этот призыв был услышан и хорошо воспринят потому, что немало умеренно настроенных лейбористов в тот момент покидали ряды своей партии, напуганные ее левацким уклоном. В прессе они объясняли, почему это делают. Список таковых был длинен, и в нем фигурировали имена людей очень известных: Редж Прентис, бывший министр, Ричард Марш, бывший министр, лорд Джордж Браун, лорд Роберт, лорд Чалфонт, члены парламента, а также многие другие.

Кроме того, избирательная кампания лейбористов была организована весьма посредственно. Ее итог, который мог бы быть довольно успешным, после всех неприятностей зимы 1979 года склонился к красной черте, символизировавшей опасность провала. Даже при том, что профсоюзы (в особенности Национальный профсоюз неквалифицированных и муниципальных рабочих) сулили «столкновения», если страна «совершит безумный шаг, отдав на выборах предпочтение партии тори», так называемая «зима недовольства» послужила ярким доказательством тому, что Лейбористская партия — это все, что угодно, только не гарантия от забастовок. Консерваторы или лейбористы будут у власти, риск воцарения хаоса реально существовал в обоих случаях. Джим Каллаген мог предложить только самого себя, и всё, но ведь этого было очень мало.

Речи Маргарет, длинные, глубокомысленные, преисполненные пафоса, мессианской значимости и почти религиозного чувства, составляли разительный контраст с выступлениями Каллагена. Ее устами говорила душа Англии, говорили ее торфяники, ее песчаные дюны, ее леса и луга, ее герои и доблестные рыцари, которых она вспоминала. В Эдинбурге она прочла строки Киплинга, где говорилось о душах предков. Ее речь в Кардиффе, в Уэльсе, скорее напоминала проповедь человека, утвердившегося в своей вере после тяжких испытаний. «Если ты получишь благую весть, поделись ею. Для меня политика — дело убеждений. Пророки из Ветхого Завета говорили: „Братья, я желаю согласия!“ Они говорили: „Вот моя вера и вот мое видение, вот во что я верую“. Так вот, если вы в это верите, следуйте за мной. Вот что я говорю вам сегодня вечером. Выметем прочь недавнее прошлое, мрачное и скорбное. Покончим с пораженческими настроениями! Под знаменем выбора и свободы новое пленительное будущее зовет британский народ, будущее, достойное его славного прошлого». Можно сказать, что ветер истории явно дул в сторону Маргарет.

Хотя последняя неделя перед выборами была довольно тяжелой, хотя некоторые опросы и свидетельствовали о минимальном преимуществе (до 0,7 процента) лейбористов, хотя Тэд Хит и пытался влезть в кампанию, к великой ярости Мэгги (он «целился» занять Форин Оффис), — несмотря на всё это карты были сданы, ставки сделаны, кости брошены. Ничто уже не могло ничего остановить. Накануне выборов «Дейли мейл» выходит под шапкой «Женщина, которая может спасти Англию», а «Сан», обычно исповедуя идеи прогрессистов, — под шапкой «На сей раз голосуйте за тори». Эта кампания стала главным уроком по выработке тактики борьбы за избирателей. Для избирателя 1979 года корабли королевы Виктории

оказались тесно связаны с заводами, на которых требовалось провести реконструкцию, и с экономикой, которую нужно было восстанавливать. Маргарет Тэтчер очень талантливо сумела соединить настоящее и прошлое, далекое и близкое, конкретное и абстрактное, ежедневные человеческие заботы и великие мечты людей, повседневность и миф, она сумела присоединить ко всему вышеназванному ту часть недостижимого, которая возвышает человека над самим собой и придает политической деятельности некую мистическую значимость, которую никто у него не может отнять и без которой никакая великая судьба не может свершиться.

«Это была, — пишет она, — самая лучшая моя избирательная кампания, когда я чувствовала себя в наибольшей гармонии с народом».

Победа

День 3 мая Маргарет Тэтчер начала с того, что проголосовала в Челси вместе с Деннисом. Затем она отправилась в свой округ. Вечером она обосновалась в ратуше Барнета, чтобы дожидаться там результатов голосования. Будучи очень суеверной, она ждала того момента, когда можно быть совершенно уверенной в победе. В три часа стало ясно, что догнать консерваторов лейбористы уже не смогут. Консерваторы действительно одержали победу, получив на 44 депутатских мандата больше, чем лейбористы, и на 7 процентов голосов больше. Особенно интересно было то, что хоть преимущество консерваторов и не было самым внушительным за всю историю английского парламента, электорат лейбористов очень сильно был заинтересован кампанией консерваторов. Это было, с одной стороны, свидетельством эффективности кампании, а с другой — воистину исторических перемен. В среде квалифицированных рабочих сдвиг в пользу консерваторов составил 9 процентов, в среде среднего класса — 11. Говоря другим языком, можно утверждать, что центр тяжести страны тогда смещался вправо.

В четыре часа утра 4 мая Маргарет прибыла в Центральное бюро Консервативной партии, чтобы отпраздновать победу. Она была взволнованна, потрясена. Ронни Миллер вспоминает, что «леди редко выказывала волнение, но на сей раз она плакала горячими слезами и часто сморкалась». На следующее утро она вновь появилась в своей канцелярии, в помещении парламентского пристава, где на протяжении всех лет, когда была лидером оппозиции, «держала» свой штаб. Затем она отправилась в Центральное бюро партии, чтобы там дожидаться вызова во дворец. В 14

часов 45 минут личный секретарь королевы сэр Мур пригласил ее прибыть в Букингемский дворец. Беседа с Ее Величеством продолжалась 45 минут. Покидая дворец, Маргарет уже была премьер-министром Соединенного Королевства Великобритании, Уэльса, Шотландии и Ирландии. В качестве лидера оппозиции она занимала в палате общин кресло Черчилля, бывшего ее кумиром во время войны. Теперь она займет его место на Даунинг-стрит, в доме 10.

Как и положено при хорошо отлаженной монархии, служба протокола все отрегулировала мгновенно. У подножия скромной «лестницы премьер-министра», не идущей ни в какое сравнение с пышной парадной лестницей, предназначенной для государственных приемов и любопытных туристов, Маргарет уже ждала машина премьер-министра. Машина лидера оппозиции была передана Джиму Каллагену. В первый раз гвардейцы, несущие караул у стен дворца, отдали честь той, которой они не отдали честь при входе, ведь тогда она была всего лишь особой, которой назначена аудиенция.

На ступенях дома 10 по Даунинг-стрит она прежде всего прочла апокрифическую молитву святого Франциска Ассизского, которую ей посоветовал вспомнить Ронни Миллер: «Да сможем мы привнести гармонию туда, где есть раздор и разногласия, да сможем мы принести истину туда, где есть заблуждение, да сможем мы принести веру туда, где есть сомнения. Туда же, где есть отчаяние, да сможем мы принести надежду».

Остряки не преминули позлословить и позубоскалить по поводу этих слов, так не совпадавших с тем образом Маргарет, который они и многие другие себе создали. Йен Гилмор выскажется в том духе, что, мол, «все это было большим шарлатанством». Но это несправедливо. Ведь Маргарет была так убеждена в истинности своих идей. Она думала, что работает ради добра, справедливости и истины. Позднее в мемуарах она признала, что «невозможно было бы одолеть заблуждения, сомнения и отчаяние без некоторой доли раздоров и разногласий». Ей вовсе не казалось, что она отрекается от самой себя, произнося слова той молитвы. Нет, она себе не изменила.

После молитвы Франциска Ассизского она ответила на некоторые вопросы. Журналисту, спросившему: «Каково впечатление от того, что вы — женщина — премьер-министр?» — она ответила: «Не знаю, у меня нет опыта существования другого пола».

Прежде чем закрыть за собой дверь дома 10 по Даунинг-стрит, за которой ее ждали большие тайны и чрезвычайно тяжелые обязанности,

Маргарет вспомнила о том, что она дочь Альфреда Робертса, бакалейщика из Грантема: «Почти всем я обязана моему отцу. Он научил меня верить во все то, во что я верю <...>. Именно со всем этим я и выиграла эти выборы. И меня чрезвычайно волнует, что все то, что я узнала в маленьком городке, в скромном доме, стало как раз тем, благодаря чему я победила на этих выборах».

На одиннадцать лет и восемь месяцев бакалейная лавка, находившаяся на углу улицы в Грантеме, вошла в политическую жизнь и пришла на свидание с Историей.

Глава восьмая ОСНОВЫ ТЭТЧЕРИЗМА

«Полный итог влияния моей политической деятельности на моих ближних будет подведен только ко дню Страшного суда. Эта мысль смущает, волнует и тревожит. Но я утешаю себя вот чем: когда я восстану из могилы, чтобы выслушать последний вердикт, прихожане церкви Святого Креста будут рядом, по крайней мере, они будут там в качестве свидетелей защиты...» Такими словами заканчивается второй том воспоминаний Маргарет Тэтчер. Надо признать, слова эти необычны для бывшего главы правительства! В конце своих «Воспоминаний надежды» Шарль де Голль говорил о будущем, в конце своих «Военных мемуаров» Черчилль призывал всех на суд веков и народа. Никто не отдавал себя на Божий суд.

Было бы ужасной ошибкой низводить деятельность Маргарет Тэтчер только к экономической составляющей ее программы, было бы невероятным заблуждением видеть в ней лишь усердного ландскнехта так называемого «ультралиберализма» или фанатичную сектантку, исповедующую идеи чистого монетаризма. Однако именно в таком образе она осталась в своих мемуарах. Опубликованная в «Таймс» от 3 февраля 1988 года карикатура представляет нам ее в облике «лорд-протектора»^[110]: она там закована в стальные латы (намек на прозвище «Железная леди») и держит в руке книгу Милтона Фридмана, подобно тому, как на известной гравюре, знакомой всем британцам, Кромвель изображен с Библией в руке. Но все это неправда! В тэтчеризме нет ничего от «изма», который представлял бы собой «...надцатое» воплощение либерализма. Это не система, не идеология, которая может якобы все объяснить, да еще сквозь единственную решетку интерпретации священного текста. Тэтчеризм — это всего лишь совокупность убеждений, напрямую проистекающих из христианской веры. В каком-то смысле Маргарет Тэтчер была для своих соперников и противников гораздо опаснее, чем они думали. В политике она была консерватором, в экономике — либералом, в социальном отношении — традиционалисткой, но прежде всего она была дочерью пастора, втянутой в жестокую борьбу XX века. А все остальное проистекало именно из этого.

В начале была вера. Речь перед Генеральной ассамблеей Шотландской церкви

Речь, малоизвестная и не замеченная большинством библиографов, превосходно выявляет эту связь мыслей, составлявших основу тэтчеризма, с христианской религией, вернее, не просто связь, а родство. Если Маргарет и не была по сути теоретиком, если большинство ее убеждений происходило, как ей казалось, из простого здравого смысла, всё же все они свидетельствовали о наличии внутренней связи с христианством. Вот об этом она без обиняков и говорила перед Генеральной ассамблеей Шотландской церкви 21 мая 1988 года: «Я говорю вам о том, как я воспринимаю ход вещей не только как женщина-политик, но прежде всего как христианка».

Маргарет подчеркнула три основные составляющие своей веры: «Первое: изначально человек был создан Господом с основополагающим правом выбора между добром и злом. Второе: мы были созданы по образу и подобию Господа, и, соответственно, мы должны приложить все силы, чтобы разумно использовать это право <...>. Третье: Иисус Христос, сын Божий, когда был должен совершить судьбоносный выбор, провел время в раздумьях в одиночестве на Голгофе и свободно сделал свой выбор: сдаться. Никто не лишал его жизни, он сам избрал этот путь, сам решил принять смерть».

Кроме того, Маргарет не ограничивала христианскую надежду только поисками путей индивидуального духовного развития. Она придала ей воистину национальный масштаб: «Христианская религия, которая, естественно, включает великие истины иудаизма, духовные и моральные, является основной частью нашего национального наследия». У нее не вызывают никаких сомнений христианские корни Великобритании, ибо «истины и ценности веры бесценны, не только потому, что я в них верую, так как они истинны, но еще и потому, что они даруют моральные побуждения, которые одни и могут привести к миру».

Естественно, по мнению Маргарет, другие религии тоже имеют свое место в Соединенном Королевстве, где веротерпимость является отличительным признаком государственной власти и политики на протяжении столетий. Все религии и все культуры там приветствуются, в особенности те, что происходят из стран Содружества, при единственном условии проявления уважения к «сущности нашей самобытности». Далее Маргарет говорила о том, какие выводы, имеющие значение для общественных дел, она из всего вышесказанного делает. «Не создание богатств как таковое плохо и пагубно, а любовь к деньгам сама по себе. Духовность рождается из выбора, который человек делает относительно своего имущества. Как сможем мы отвечать на многочисленные призывы о

помощи, исходящие от нуждающихся, или вкладывать деньги в проекты будущего, или поддерживать замечательных артистов, художников, талантливых мастеров, создающих свои произведения во славу Господа, если мы до того не работали много и тяжело и не использовали наши таланты на то, чтобы создать необходимое богатство?»

Это почти цитата из какого-то произведения Макса Вебера. Можно подумать, что это иллюстрация к его «Протестантской этике и духу капитализма»^[111]. Маргарет, как набожная дочь Реформации, прекрасно знает Библию. Итак, как знаток Библии, Маргарет вспомнила библейские притчи, прежде всего о талантах^[112], где повествуется о том, как некий человек, отправившись в путешествие, доверил своим слугам разные суммы денег: первому он дал десять талантов, второму — пять и третьему — один. По возвращении он узнал, что первые двое, пойдя на риск, приумножили то, что им было доверено. Господин сказал: «Хорошо, добрый и верный раб, в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего». Третий же предпочел ничего не делать и сохранить то, что ему было дано, а потому закопал свой талант в землю. Господин повелел прогнать его, потому что ему «надлежало отдать серебро торгующим», дабы господин, «пришед, получил бы свое с прибылью». «Ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет».

От имени Евангелия и во имя Евангелия Маргарет даже защищала потребление предметов роскоши. Она напонила о том, как в Вифании^[113] Мария помазала ноги Иисуса драгоценным благоухающим миром. Один только Иуда Искарот осудил это деяние, сказав: «Для чего бы не продать это миро за 300 динариев и не раздать деньги нищим?» Говорить об этом означало приравнять Иуду к разоблачителям богачей, для этого требовалась смелость, ведь борцы с богачами тогда были в чести у некоторых слоев населения.

Почти богословская речь Маргарет завершилась анализом любви к ближнему. «Возлюби ближнего твоего как самого себя» — вот великая заповедь Евангелия, призывающая к любви. Эта заповедь нисколько не колеблет убеждений Маргарет, ибо, как она объясняет, «по словам Клайва Стейплса Льюиса, может действительно случиться так, что мы начнем себя презирать за какие-то дурные наши поступки...». В таком случае человек стремится либо что-то исправить, либо искупить свою вину. Итак, ничто не запрещает исправлять или возвращать к работе того, кто слишком уж поддался очарованию голосов сирен, воспевающих иждивенчество.

Главным в ее речи было заявление, что «каждый ответствен за свои действия». Этот мир, где каждый отчитывается за свои поступки перед Всемогущим, этот мир королевы Виктории, мир викторианских нравов и морали, этот мир — мир Маргарет Тэтчер, и она так описывает его в одном интервью на радио, данном Эн-би-си в 1983 году: «Я была воспитана бабушкой-викторианкой. Нас научили много и тяжело работать, представлять доказательства нашей правоты и нашей работы, быть самостоятельными и жить по средствам и возможностям. Нас учили тому, что после святости самым лучшим качеством является чистота. Нас учили вести себя достойно и проявлять милосердие к нашим соседям. Нас учили чувствовать гордость за нашу страну. Все это — викторианские ценности <...>, которые позволили значительно повысить уровень жизни». В последней фразе проявилась чисто тэтчеровская черта: от анализа великих принципов тотчас же переходить к практическим вопросам.

Как бы там ни было, именно на этих основах она смогла построить свою доктрину, экономическую, социальную и политическую.

Вдохновители

Безусловно, Маргарет Тэтчер не была интеллектуалкой. Она искала скорее не понятия, а гарантии правоты и справедливости. Кит Джозеф так писал: «Для Маргарет Тэтчер характерна способность инстинктивно понимать то, что многие, в том числе и я, понимают только после кропотливого анализа. Конечно, мы обмениваемся мнениями. Но мы не нуждались в глубоких интеллектуальных дискуссиях». Гораздо злее писал один из тех, кого «отблагодарили за службу» в результате реорганизации министерств в 1981 году, Иен Гилмор, утверждавший, что «Маргарет никогда не читает книг; в лучшем случае она прочитывает название и последнюю страницу обложки, где дается краткое содержание...».

Разумеется, это преувеличение. Маргарет часто вспоминает свое духовное родство с некоторыми интеллектуалами, излагает их идеи, пусть даже иногда упрощая, а порой и представляя их в карикатурном виде. При изучении ее речей и мемуаров становится ясно, что она читала или серьезно изучала тексты, на которые ссылается или которые упоминает. Она особенно настаивает на том, что в сфере политики является наследницей Эдмунда Бёрка^[114], ярого сторонника экономического либерализма и некоего политического консерватизма. Она извлекла уроки из его произведений^[115] и из событий его жизни (вхождение в

правительство, в кабинет Портленда в 1782-м): отсутствие духа системы, отказ от отвлеченных понятий, необходимость прагматизма, религиозное влияние и отрицание значения гласа народа перед авторитетом палат. Она впитала молоко его контрреволюционных идей, припав к «соскам» его «Размышлений о французской революции». Приглашенная в Париж в 1989 году на празднование двухсотлетия французской революции Франсуа Миттераном, исполнявшим роль церемониймейстера, Маргарет Тэтчер не смогла не поделиться неким смущением, которое она испытывала от этих пышных, излишне пышных торжеств. В своих мемуарах она пишет: «Для меня, принадлежащей к тому течению, отцом которого был Эдмунд Бёрк, первый пронизательный критик Великой революции, события 1789 года представляют собой постоянный обман в сфере политики. Французская революция была утопической попыткой сокрушить традиционный порядок <...> во имя абстрактных (отвлеченных) идей, сформулированных тщеславными интеллектуалами, но эта попытка провалилась <...> в ходе „чисток“, массовых смертей и войны. Со многих точек зрения она предвосхищала гораздо более ужасную большевистскую революцию 1917 года. Традиционная английская преданность свободе росла и вызревала на протяжении веков; самые характерные ее черты — это преемственность, уважение к закону и чувство равновесия». Хотя Маргарет, казалось, больше помнила о «славной революции» 1688 года^[116], чем о казни Карла I в 1649 году, в интервью газете «Монд» она принялась долбить то, что уже много раз говорила: «Права человека не родились вместе с французской революцией <...>. Их корни — в иудаизме и в христианстве <...>. Мы, англичане, в 1688 году совершили тихую, мирную революцию, когда парламент навязал свою волю королю <...>. Во Франции была совсем иного рода революция Свобода, Равенство, Братство... Я полагаю, что в этом девизе забыли упомянуть о долге и об обязанностях».

Итак, в политическом смысле корни Маргарет явно глубоко уходят в консерватизм, они сами консервативны, то есть контрреволюционны.

В сфере экономических знаний ее «багаж» достаточно классический. Можно сказать, что библиотека Маргарет — это библиотека прекрасного либерала. Книги Адама Смита соседствуют с произведениями публицистов Манчестерской школы, с трудами Карла Поппера, Фридриха фон Хайека и Милтона Фридмана, одного из главных представителей Чикагской школы.

Из произведений Адама Смита Маргарет более всего запомнила понятие «невидимой руки»; этот принцип изложен в его труде «Исследование о природе и причинах богатства народов»: «Преследуя свой собственный интерес, индивидуум чаще всего реализует в большей

степени реально общественный интерес, а не интерес своего преуспевания». Вот почему с момента прочтения этой книги главным для Маргарет стало продвижение в жизнь идеи личной свободы человека, обеспечение каждому возможности работать в своих личных эгоистических интересах, которые одни и позволяют участникам различных торговых и прочих экономических предприятий «иметь рациональные предчувствия и питать рациональные надежды». Роль государства должна ограничиваться ролью одного из равноправных участников и гаранта существования свободного и эффективного рынка. Если мысль Адама Смита и не столь прямолинейна, окрашенная в многочисленные полутона, все же Маргарет почерпнула из нее три ключевых момента: свобода выбора для людей, эффективность рынка и свобода предпринимательства, притом что роль государства сводится к роли арбитра.

Так как в центре размышлений Маргарет были индивидуум и свободный рынок, то она легко узнавала свои идеи в идеях Манчестерской школы, которая в XIX веке вступила в борьбу с протекционизмом. Вообще XIX век был эпохой серьезных дебатов на темы экономики. Купцы из портовых городов и предприниматели из промышленных городов, таких как Манчестер, были ярыми сторонниками свободной торговли, желая торговать беспрепятственно. Со своей стороны производители сельскохозяйственной продукции, как мелкие, так и крупные землевладельцы, требовали во что бы то ни стало установления таможенных барьеров, чтобы они защитили их от конкуренции производителей из других стран. Прошло 150 лет, и те же самые аргументы приводят сегодня противники глобализации. Маргарет выбрала свой лагерь и ясно дала об этом понять. Она была на стороне свободного обмена товарами. Йен Гилмор утверждает, что книги, ставшей символом Манчестерской школы, а именно «Самопомощь» Сэмюэла Смайла, ей хватало в качестве интеллектуального багажа. Она и правда часто вспоминала эту книгу, повторяла ее идеи. В период избирательной кампании 1974 года (которую консерваторы проиграли) она без конца чеканила: «Моя политика направлена на то, чтобы помочь людям самим помогать себе». Конечно, от этой фразы был всего один шаг до утверждения, что творение Сэмюэла Смайла есть единственный источник размышлений Маргарет, но было бы непорядочно это делать.

Еще в Оксфорде Маргарет открыла для себя произведения более близкого к нам по времени Карла Поппера, в том числе «Открытое общество и его враги» и «Нищету историцизма». Это — теоретическая опора, которая позволяет Маргарет опровергать бывшие тогда в моде

тезисы о смысле истории, о так называемом научном характере марксизма и о неизбежном крахе капитализма, осужденного оказаться на задворках истории. Маргарет, будучи по образованию человеком науки, любила такую манеру рассуждения: «Рассматривая марксизм глазами философа, специализирующегося в области философии естественных наук <...>, Карл Поппер располагал чем-то вроде идеального орудия, чтобы показать глупость марксистов, которые утверждали, что открыли неоспоримые законы <...> прогресса». Она может только подписаться под посвящением труда «Нищета историцизма», в котором написано, что книга посвящается «памяти бесчисленных мужчин, женщин и детей всех верований, наций и рас, павших жертвами фашистской или коммунистической идеологий по неумолимым законам исторической судьбы».

Маргарет испытала также большое влияние Фридриха фон Хайека, знаменитого австрийского экономиста, в особенности его работы «Дорога к рабству», опубликованной в 1946 году, в которой автор описывает неизбежное и необратимое, по его мнению, сползание социализма к авторитаризму. Опираясь на примеры фашистских и нацистских режимов, автор старался показать, что сакрализация государства несла в себе зерна будущих драм. Кроме того, он энергично напоминал, что своими корнями фашизм уходил в так называемый прогрессизм, а также о том, что в слове «нацизм» тот же корень, что и у слова «нация», а суффикс — тот же, что у слова «социализм». Созерцая пейзаж Западной Европы в конце Второй мировой войны, Хайек предостерегал от подобного сползания в будущем, даже если реформы будут производиться с наилучшими намерениями. Как говорится, дорога в ад выстлана благими намерениями... Развитие смешанной экономики, экономики управляемой или регулируемой, введение практики планирования или национализации, по его мнению, являются первыми шагами, ведущими к рабству. Он как теоретик рассматривал главную аллегию Джорджа Оруэлла из «Фермы животных»^[117]: «Все требуют равенства, и в конце концов все оказываются под гнетом некоторых избранных». Маргарет часто будет цитировать произведения Фридриха фон Хайека в мемуарах^[118] (12 раз) и речах. Однажды, когда Маргарет спросили, каковы ее убеждения, она со словами «Вот во что я верю» подняла над головой «Конституцию свободы», еще одну очень важную книгу Хайека, в которой автор защищает идею абсолютного превосходства личности над государством. Государство же в этой книге «посажено на голодный паек» влияния, низведено до роли арбитра, беспристрастного законодателя (причем создателя законов,

ограниченных разумными рамками), до машины для смазывания механизма, а также (и это очень важно) до роли хранителя традиций. Для Хайека, как и для Мэгги, экономический либерализм и политический консерватизм шли рука об руку.

Хотя экономический либерализм заставил Маргарет открыть для себя Институт экономических проблем и Кита Джозефа, все же истинным вдохновителем ее идей в сфере экономики был Милтон Фридман, один из тех, кто возглавлял так называемую Чикагскую школу, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1974 год. Блестящий университетский ученый, он выразил свои монетаристские убеждения в уникальной книге-справочнике «Монетарная история США»^[119]. По его мнению, инфляция является прямым результатом роста массы наличных или свободных денег на рынке. Политика контроля над ценами и доходами, не принимающая в расчет денежную массу, обречена на провал. Только жесткий контроль, приводящий к уменьшению денежной массы, может заставить инфляцию снизиться надолго и быть эффективным орудием такого снижения. Осуществление такого контроля — это роль государства, единственная его роль. Но она очень важна, по мнению Фридмана, так как долгосрочные последствия инфляции всегда дурны (в противовес кейнсианским тезисам о возможности нового экономического подъема в результате увеличения спроса). Фридман полагал, что если в краткосрочной перспективе инфляция и может в каком-то смысле финансировать некоторый подъем экономики, то в долгосрочной перспективе она ставит в невыгодное положение всех участников экономической деятельности: инвесторы не могут определить процент окупаемости инвестиций, рабочие должны постоянно добиваться повышения заработной платы, чтобы поспеть за ростом цен^[120], а самые слабые члены общества, пенсионеры и мелкие рантье, видят, как покупательная способность их пенсий и рент постоянно снижается в результате роста цен.

Итак, стабилизация цен — это абсолютная необходимость, позволяющая рынку функционировать эффективно, то есть приводить в соответствие спрос и предложение и механически фиксировать «естественный уровень заработной платы». Увеличение денежной массы приемлемо только в том случае, если в то же время происходит рост национального богатства, то есть таких показателей, как ВВП (валовой внутренний продукт). Единственный способ, позволяющий достичь таких результатов, — это работа над повышением производительности труда. В период 1975–1980 годов эти тезисы были точно в цель, поскольку Европа

жила в ритме стагфляции, то есть инфляции, не сопровождавшейся экономическим ростом. Для умов рассудительных и дальновидных, не ослепленных колдовскими чарами идеологии или последними конвульсиями марксизма, не вызывал сомнения тот факт, что Кейнс ошибался и что надо пытаться прибегнуть к иным средствам лечения болезни. В любом случае Маргарет, как и Милтон Фридман, была убеждена в том, что главная роль государства состоит в том, чтобы гарантировать действенность денежного механизма, обеспечивающего совокупность доходов и расходов государства^[121]. Остается только определить, какие именно механизмы надо использовать и как. Когда Маргарет придет к власти, ей придется решать именно эту трудную задачу. Пока же она была очень хорошей ученицей.

Последним в ряду идейных вдохновителей Маргарет следует назвать Кита Джозефа. Выпускник Харроу и Оксфорда, он не был чистым теоретиком. Мы не обязаны ему созданием незабываемых глубоких работ, предназначенных заполнить полки университетских библиотек в разделах экономических наук. Он не был мыслителем, он был скорее передатчиком идей, именно через него тезисы монетаризма достигли слуха Маргарет. Благодаря Институту экономических проблем и в особенности Центру политических исследований Кит Джозеф изливал свои идеи повсюду, и постепенно они капля за каплей просачивались сначала в умы элиты, затем — в общественное мнение, пропитывая его и привлекая на свою сторону. В своих мемуарах Мэгги воздает Киту Джозефу дань уважения и платит свой долг. Она не только посвятила ему второй том, но еще и написала: «В то время мы верили в то, что можно сделать. Но именно Кит превратил эту веру в нечто конкретное, в какие-то конкретные идеи, которые умные люди должны были разделить». Она признает, что только в 1974 году она пришла к убеждению, что политика контроля над ценами и доходами тщетна и что монетаризм благотворен. Кит был своеобразным инструментом, направлявшим ее по этому «пути в Дамаск», то есть по пути перемены убеждений.

И прежде чем завершить список вдохновителей Маргарет, следует вспомнить еще одну «вдохновительницу», а именно бакалейную лавку в Грантеме. В том месте мемуаров, где Маргарет сурово критикует Кейнса несколькими запальчивыми фразами, она напоминает, что он входил в «группу Блумсбери». В этом и по сей день прекрасно сохранившемся районе Лондона — Блумсбери, где процветают издатели и книготорговцы, в 1920-е годы существовал замечательный «плавильный интеллектуальный котел», где под сенью Британского музея встречались самые великие умы

того времени: Олдос Хаксли, Кейнс, Бертран Рассел, Вирджиния Вулф, Томас Элиот. Но Маргарет не было до этого дела. Она считала, что именно эти взбалмошные, ветреные интеллектуалы и довели королевство до того тяжелого положения, в котором оно оказалось во второй половине XX века, а потому «группа или кружок Блумсбери» превратилась для нее в «группку» или «клику Блумсбери». Короче говоря, к черту всех этих великих литераторов!..

Но что особенно важно в этом месте ее мемуаров, так это следующие слова Маргарет: «Моим Блумсбери был Грантем <...>. Для них капитализм был чуждой и безжалостной системой, для меня же — явлением привычным, знакомым и созидательным. Я знала, что мой отец мог нанимать новых работников, потому что он удовлетворял требования своих клиентов. Я поняла, что международная торговля поставляла чай, кофе, сахар и пряности тем, кто посещал нашу лавку <...>. Чтобы понять экономику рынка, нет лучше школы, чем бакалейная лавка на углу улицы».

Макроэкономические выборы: свобода и эффективность рынка

Пословица гласит: скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. В отношении Маргарет ее можно перефразировать так: скажи мне, кто твои вдохновители, и я скажу, какой будет твоя политика. Редко когда перефразированная пословица была бы столь верна, как эта применительно к Маргарет Тэтчер. Чтобы рынки были по возможности наиболее эффективными, пришло время объявить, что «Кейнс умер» и что рынок победил. В своей знаменитой речи, произнесенной в Цюрихе 14 марта 1977 года^[122], Маргарет даже позволила себе немного «удариться в лирику»: «Капитализм лучше, потому что он начинается с человека, с личности, с его особенностей и его непохожести на других, с его ответственности и с его способности делать выбор <...>. Выбор — это сущность этики <...>. Это то, что мы называем нравственным обществом». Но она не забывает и о практичности: «Двигатель капитализма — это прежде всего механизм производства товаров массового потребления. Это предметы одежды по доступным ценам, это заводы, моторы, машины, доступные многим, и в этом секрет типичного успеха капиталистического способа производства».

Чтобы достичь такого успеха, есть всего лишь одно средство: рынок. Первый противник, которого надо одолеть, это, совершенно очевидно, инфляция, тормозящая процесс инвестирования и пожирающая

накопления. Представленный в виде наброска в «Правильном подходе» план операций по борьбе с инфляцией был в деталях обрисован группой личных советников Маргарет, которая переберется в мае 1979 года в дом 10 по Даунинг-стрит; входили в эту группу Джон Хоскинс, создатель программы «Камни через стремнину» (или «Средства для достижения цели»), Алан Уолтерс, профессор университета Джона Хоскинса, и Брайен Гриффитс, преподаватель Лондонской школы экономики.

Они пришли к выводу, что единственным конкретным решением проблемы был бы строгий контроль над изменениями объема денежной массы. Многие средства будут задействованы для достижения этой цели: введен новый показатель, позволяющий планировать увеличение данной массы на четыре года, применена среднесрочная финансовая стратегия, установлен процент ссуды, достаточно завышенный по необходимости, сокращены государственные расходы и проведено поступательное сокращение государственного дефицита. Кроме этих «рычагов», позволивших установить стабильные рамки для деятельности «экономических агентов», в дальнейшем очень последовательно отменили политику контроля над ценами и зарплатами.

Национальный комитет по ценам и доходам будет распущен, чтобы государство не вмешивалось в переговоры относительно зарплат между социальными партнерами. Свобода цен будет окончательно восстановлена. Главная цель состояла в том, чтобы позволить рынку в полном объеме играть свою роль и одновременно воспрепятствовать государству втягиваться в трудные переговоры по поводу заработной платы, которые в лучшем случае могут «испортить рынку его игру», а в худшем — открыть дорогу продолжительным и дорогостоящим социальным конфликтам в масштабах всей страны. Будет предусмотрена и еще одна мера: представителям Конгресса тред-юнионов будет абсолютно закрыт вход в дом 10 по Даунинг-стрит. Патронам Конфедерации британской промышленности и рабочим, членам различных профсоюзов, было предоставлено право самостоятельно улаживать их дела. Для наемных работников общественного сектора (или государственных служащих) вопрос об увеличении размеров заработной платы будет решаться в пределах рамок, определяемых возможностями государственной казны.

Но сколь бы ни были эффективны и необходимы все вышеназванные меры, их инициаторы, вероятно, не отдавали себе отчета в том, что эти меры со всей силой сталкивались с еще одним основополагающим принципом тэтчеровского либерализма: требованием положить конец контролю над уровнем банковской ссуды и предоставления свободы

осуществления валютных операций и валютного курса. Было принято решение отменить налагавшуюся прежде на банки обязанность вкладывать значительную часть их капиталов в Английский банк, то есть отменить знаменитые «жесткие рамки», установленные лейбористами. Для воплощения в жизнь второй части принципа требовалось полностью отменить контроль над валютными операциями. Свободная конвертируемость фунта стерлингов гарантировала всем, что символ Великобритании соответствовал своей рыночной цене. В умах ярых сторонников свободы предпринимательства эта мера воспринималась как необходимость разорвать цепи и вновь обратить взоры в сторону «великих просторов».

Принцип был превосходен, но он противоречил желанию контролировать размеры денежной массы. Да, в этих двух принципах содержались определенные противоречия. Как регулировать уровень воды в канале, когда с двух сторон открыты шлюзы? Либерализация ставки банковской ссуды, прилив и отлив капиталов могли иногда только сделать тщетными попытки «обуздать» денежную массу. Логика требовала возврата к классической политике стоимости, процентных ставок, налогообложения, одним словом, к политике нормы. Последующие события не замедлили показать, что монетаризм в чистом виде имел свои границы, по крайней мере, с точки зрения таких индикаторов, как среднесрочная финансовая стратегия. Кит Джозеф, хоть и был одним из главных вдохновителей введения монетаризма в практику, однако же подчеркивал недостатки монетаризма и предостерегал от увлечения чистым монетаризмом в своей уже упоминавшейся работе «Монетаризм сам по себе недостаточен».

Чтобы обеспечить большую эффективность британского рынка, как считала Маргарет Тэтчер, необходимо было провести три реформы: приватизацию государственных предприятий, либерализацию рынка труда и развитие свободы торговли.

Что касается государственного сектора, то в дотэтчеровской Англии его размеры были гипертрофированы. Около трети наемных рабочих трудились на национализированных предприятиях, где дезорганизация не имела пределов. Никто не чувствовал ответственности ни за что. Каждый инвестиционный проект на сумму, превышающую пять миллионов фунтов стерлингов, подлежал согласованию с чиновниками соответствующего министерства. Настало время бюрократии, безответственности и огромных потерь. В 1979 году около восьми миллиардов фунтов были затрачены министерством финансов на то, чтобы как-то покрыть дефицит государственных предприятий. Кроме того, политика поддержки «хромых

уток» приводила к недопустимым перекосам в сфере конкуренции. «Одно спасенное рабочее место стоило пяти-шести потерянных, так как для его спасения надо было усиливать налоговый гнет, — пишет Маргарет Тэтчер в мемуарах. — В политическом смысле трудность состояла в том, что всякий видел спасенное рабочее место, в то время как несозданные или потерянные места оставались невидимыми и были рассеяны по всей стране». Либеральная политика в области занятости вызывала ожесточенные споры, такие же, как сегодня порождает глобализация. Да, конечно, много рабочих мест было утрачено, но сколько было создано! Только политика «сальдо» в сфере заработной платы, политика баланса, позволяла оценить все последствия предпринятых шагов, но в то время различные невзгоды оказали влияние на средства массовой информации...

Но для Маргарет выбора не было. Если даже в ее первом партийном манифесте открыто не говорилось о том, что в Англии следует денационализировать множество предприятий, чтобы избежать перекосов на рынке, сделать предприятия более конкурентоспособными и в особенности изменить менталитет нации, дабы «превратить функционеров в акционеров», Маргарет хотела это сделать. Как всегда, мораль у нее находилась в непосредственной близости к экономике. Цель, которую она преследовала, было создание благоприятных условий, которые позволили бы предприятиям «завтрашнего дня» держаться на поверхности; но более всего она хотела, чтобы родился «народный капитализм», который сделал бы каждого собственником, а следовательно, немного ответственным за свое собственное предприятие. Она всегда будет озабочена тем, чтобы наемные работники и мелкие вкладчики могли бы иметь преимущественное право акционера на приобретение дополнительных акций при увеличении капитала приватизированного предприятия. Что касается критиков, иногда возвышающих свои голоса против пенсионных фондов, обвиняя их в спекуляциях, то она от этих критиков лишь отмахивалась. Что такое пенсионный фонд, как не сберегательная касса для наемных работников? Итак, это еще одна форма косвенного народного капитализма. По мнению Маргарет, противники приватизации были и оставались противниками народа. Истина заключается в том, что самые ее свирепые противники — это представители элиты, выпускники прославленных университетов, заседающие в советах, управляющих предприятиями управляемой или регулируемой экономики. В сфере рынка труда или занятости либерализация зависела от того, будет ли проведена необходимая реформа профсоюзов. В первое время Маргарет поддерживала идею проведения свободных переговоров между

социальными партнерами, но в глубине души полагала, что заработная плата определяется рынком и является результатом свободных переговоров между предпринимателем и будущим работником. Только так можно было бы узнать размер «естественной заработной платы», проистекающей из соответствия спроса и предложения. Однажды, когда Маргарет была чем-то раздражена, а ей предложили встретиться с «социальными партнерами», она бросила своим советникам: «Вы когда-нибудь видели социального партнера? Я видела мужчин, женщин, хозяев предприятий, рабочих, а вот социальных партнеров не видела никогда!» Профсоюзы благодаря их способности причинить вред, их природному корпоративизму, способности парализовать страну действительно могли добиться больших преимуществ, которых, по мнению Маргарет, они были недостойны. Освобождение от «нарывов», каковыми Маргарет считала профсоюзы, способствовало возникновению и развитию подвижного рынка труда, несомненно, являющегося одним из основных столпов экономической политики Маргарет Тэтчер.

Последний важный «элемент», который достоин упоминания, это развитие свободной торговли. В бакалейной лавке в Гранте Маргарет наблюдала, как туда прибывали продукты со всего мира. В этом она видела источник процветания как для торговцев из стран-импортеров, так и для торговцев из стран-экспортеров. Она была готова к тому, чтобы Англия открыла свои границы, ожидая, естественно, что другие страны сделают то же самое. Но британский закон не мог заставить пасть протекционизм в других странах. Однако Маргарет намеревалась бороться за то, чтобы едва ли не силой навязать свободный обмен продуктами производства и услугами не только в рамках ЕЭС, но и Всемирной организации торговли, а также в сфере двустороннего сотрудничества с различными странами. В нескольких словах она подвела итог противоречиям во взглядах поборников протекционизма и изоляционизма, которых сегодня назвали бы антиглобалистами: «Если импортные стиральные машины дешевле <...>, потребитель хочет иметь право выбора. Это порочный круг. Владельцы наших фабрик хотят иметь защищенный от иностранцев рынок. Это также требование профсоюзов, опасющихся „социального демпинга“. Но те же самые члены профсоюзов в качестве потребителей хотят иметь открытый рынок. Они не могут выиграть на двух шахматных досках сразу, напротив, они могут на обеих проиграть».

Мэгги считала, что дело владельцев предприятий — производить лучшую продукцию, дело наемных работников — усиленно повышать производительность труда и дело всего населения — соглашаться на

«временную безработицу вследствие недостаточной подвижности рабочей силы», неизбежной при экономических переменах. Маргарет так настойчиво говорила о необходимости повышения производительности труда, потому что в период между 1973 и 1979 годами ее прирост в Англии составил всего лишь 6,3 процента, в то время как в большинстве стран ЕЭС он ежегодно составлял около 30 процентов. В тени субсидий и управляемой экономики Англия дремала в ленивом забытии. Маргарет же провозглашала, что «цель — это подъем уровня жизни для всех при экономике, характеризующейся высокой производительностью труда, высокими зарплатами и пониженными налогами». Короче говоря, речь шла о том, чтобы вновь заставить Англию работать, сменив «политику спроса» на «политику предложения», основанную на свободных, прозрачных, конкурирующих и эффективных, насколько это возможно, рынках.

Как это ни парадоксально, но когда пристально изучаешь экономические основы «тэтчеровского проекта», то начинаешь отдавать себе отчет в том, что они довольно далеки от традиционного протекционизма тори. По иронии судьбы и истории, самый великий премьер-министр от партии консерваторов XX века после Черчилля говорит и думает как либерал XIX века. Последний реванш вигов над тори! Когда Маргарет Тэтчер говорит, мы слышим не голос Дизраэли, а голос Гладстона^[123]...

Достоинства социального неравенства

Невозможно ничего понять в основах «тэтчеровского проекта», если не понять, какова ее концепция равенства. Для Маргарет равенство — это только равенство в праве и возможностях каждого наилучшим образом развивать свои таланты в благоприятной обстановке. Равенство — это ни в коем случае не какая-то «социальная справедливость», которая сократила бы расстояние между бедными и богатыми. Равенство должно лишь дать бедняку возможность стать богатым, если у него есть талант и смелость.

Когда Маргарет руководила министерством образования, Тони Кросленд как-то упрекнул ее в том, что она недостаточно печется о равенстве, ибо пытается ограничить число компрехенсив скулз, но она не позволила ограничить себя рамками «стерильной» дискуссии, которую ей хотели навязать. Она взяла на себя всю ответственность и заявила, что «да, она хочет, чтобы в Англии были превосходные школы для одаренных детей; да, она хочет, чтобы лучшие становились еще лучше». Она

указывает на то, что фактическое неравенство — это неизбежное следствие свободы. «Воспитание и образование — это вопрос перспектив, вопрос будущего, а перспектива как раз и состоит в том, чтобы быть неравными». Как есть люди большие и маленькие, как есть толстые и худые, красивые и некрасивые, так есть одаренные ученики и тупицы. И никто никогда с этим не сможет ничего поделать. Эйнштейн и Моцарт — это исключения. Роль школы заключается лишь в том, чтобы следить за тем, дабы Эйнштейн мог стать Эйнштейном и не был бы осужден на то, чтобы оставаться на краю знаний, потому что происходит из слишком бедной или некультурной семьи. Именно за это она будет сражаться, добиваясь, чтобы строились новые ясли или детские сады, способные послужить хорошей начальной базой. А затем уже пойдет большая игра, в которой сама жизнь будет производить отбор.

То, что подходит для всеобщего образования, то подходит и для других сфер общественной жизни. Как только Маргарет была избрана лидером партии, она еще раз озвучила свои убеждения: «Все мы неравны, но каждый человек имеет для нас одинаковое значение». В этом заявлении ощущается влияние пресвитерианского протестантизма, в купель которого Маргарет окунули при крещении.

Для Маргарет легитимность богатства является просто справедливой наградой за работу и талант. Кроме того, по ее мнению, чем больше страна принимает людей обеспеченных, тем больше шансов, что они инвестируют свои капиталы в развитие этой страны, а это очень важно. В данной сфере на Маргарет оказала большое влияние статья Кита Джозефа, опубликованная в 1976 году в периодическом издании «Тетради» («Кайе») [\[124\]](#) под названием «Масштаб расходов и безработица». Автор доказывал, что расходы людей состоятельных полезнее для общества, чем расходы множества людей со скромными доходами, тратящих ежедневно на несколько пенсов больше. С одной стороны, богатство позволяет делать сбережения. Эти сбережения обязательно бывают предназначены для прямых инвестиций или при посредничестве банков. В любом случае богатство способствует улучшению средств производства, а соответственно, увеличению спроса на продукты и услуги, что, в свою очередь, подвигает на создание новых рабочих мест. С другой стороны, потребление предметов роскоши требует больше рабочих рук, чем потребление предметов массового производства.

Возьмем простой пример: подрубить вручную дорогой шарф фирмы «Гермес» нелегко, это займет гораздо больше времени и сил, чем просто наблюдать за машиной, обметывающей края десяти дешевеньких

шарфиков. Подобный анализ ситуации, сведенный здесь к простейшему примеру, исключил для Маргарет саму возможность существования идеи перераспределения богатств при помощи налогов^[125]. Она считала, что цель налогообложения состоит не в том, чтобы уменьшить разрыв между богатыми и бедными, а только в том, чтобы предоставить возможность финансировать необходимые государственные расходы. Налог должен быть как можно ниже, чтобы привлекать в страну обладателей крупных состояний. Все остальные идеи по поводу налогов были, по мнению Маргарет, всего лишь скрытым социализмом, проявлением постыдной слабости, а в конечном счете и контрпродуктивным гнетом. Налогообложение прибавочной стоимости казалось ей заблуждением, если не извращением, а налогообложение капитала — и вовсе ересью. Будь ее воля, она бы не позволила долее существовать такой организации, как Международный научный фонд со всеми его странными заносами в сфере налогообложения...

Правда, милости, которыми Маргарет собиралась одарить богатых счастливых, требовали от них кое-чего взамен. Она считала, что тот, кто получил больше других, и давать должен больше, и не только для того, чтобы иметь спокойную совесть, но и потому, что это его моральный долг. Маргарет не представляла себе процветания без милосердия. В речи, произнесенной в 1978 году около Гилд-холла^[126], в церкви Святого Лаврентия, официальной церкви корпорации лондонских купцов, возведенной в честь победы Господа и торговцев над врагами Господа, Маргарет развила и уточнила свои мысли. Она начала с похвал «тем огромным жертвам, на которые идут люди, опекая своих близких и дорогих людей: пожилых родителей, детей-инвалидов...», а затем стала попрекать общество всеобщего благоденствия в том, что оно «превратило человека в морального уроды», ибо «если однажды вы внушите людям мысль, что государство может и должно что-то сделать для других людей, то тем самым вы лишаете человечность одной из главных ее составляющих, а именно нравственной ответственности <...>. Вы иссушаете в людях молоко человеческой доброты <...>. Не следует путать такие понятия, как добродетель и коллективизм».

В речи, произнесенной в июле 1977 года в Мемориале Иэна Маклеода, Маргарет привела несколько примеров столь необходимого милосердия. Она настаивала на том, что во времена правления королевы Виктории высоко ценились викторианские добродетели и тогда же были созданы многочисленные благотворительные организации, такие как Национальное

общество по предупреждению проявления жестокости по отношению к детям, Бригада «скорой помощи» Святого Иоанна и Королевское национальное общество спасения на водах. Она конечно же идеализировала эпоху правления королевы Виктории, казалось, забыв о том, сколь тяжела была тогда жизнь. Создавалось впечатление, будто она никогда не читала Диккенса, а трущобы Ист-Энда или Стрэнда никогда не существовали, что подозрительный, мрачный мир Джека-потрошителя был выдумкой газетных писак и что «Баллада Редингской тюрьмы» была лишь фантазией Оскара Уайльда. Маргарет довольствовалась тем, что смешала с грязью «социалистическую пропаганду, которая особенно поносила Викторианскую эпоху».

Но какое имеет значение, что Маргарет иногда заблуждается при прочтении страниц истории! Главное, какие последствия из этого прочтения проистекают, какие выводы, причем практические, делает она из этого! А выводы она делает простые. Главным принципом должна быть личная ответственность за свою жизнь, и каждый должен делать сбережения, обеспечивать себя и защищать от всяких неприятностей и невзгод. Самые богатые должны помогать самым бедным, а государство должно вмешиваться только в крайнем случае, быть «последним прибежищем» нуждающихся. Можно сказать, что это принцип субсидирования, доведенный до крайности.

Общество, по мнению Маргарет, представляет собой множество концентрических кругов ответственности, протянувшихся от индивидуума до государства и включающих в себя семью, Церковь, благотворительные организации и органы местного самоуправления. Но, по ее словам, «главной, основной ячейкой нашего общества является семья». На протяжении всей речи она сетовала по поводу утраты семейных ценностей, что и является причиной всех бедствий, невежества, преступности, пьянства и наркомании. Стараясь дать определение тэтчеризму, преподавательница университета Патриция Морган напишет эссе под названием «Семья против контркультуры». Правда то, что семья для Мэгги — это лучшая защита от «превратностей жизни». Она всегда сама отдавала приоритет карьере в ущерб своей семье, если верить тому, что написано в мемуарах ее дочери Кэрол, но при этом следует учитывать тот факт, что Мэгги в собственных мемуарах без ложного стыда обрушивается на «отсутствующих родителей» и говорит о своих сожалениях по поводу того, что «теперь становится слишком легко развестись и что с этим связан большой риск дестабилизации тех браков, что проходят неблагоприятный период». Она возмущается тем, что «несмотря на общедоступность

контрацептивных средств, количество абортс постоянно увеличивается». Она обрушивается на «ярких сторонников гомосексуализма, которые не только требуют себе права на личную жизнь, но и требуют еще и общественного одобрения „гейского“ стиля жизни, равенства по статусу семьи геев с обычной, гетеросексуальной семьей и даже права эксплуатировать сексуальную неуверенность подростков». Маргарет была яркой консерваторкой, если не сказать реакционеркой; в любом случае она была сторонницей «морального порядка», однако имела достаточно вкуса и здравого смысла, чтобы придерживаться «общих идей» в публичной жизни. Она никогда не пересекала черту дозволенного. Ни в одном из текстов ее речей нельзя найти ни одного намека, который позволил бы заподозрить, что она намерена покуситься на законы, легализующие гомосексуальные связи или абортс. В сфере школьного образования она мечтала об истинной свободе выбора для родителей, об образовательном ваучере (о поручительстве), позволяющем родителям отправить детей в школу по своему выбору. Но это была область благих пожеланий, без реальных политических обоснований.

В итоге Маргарет придаст своей семейной политике конкретное содержание лишь в сфере вступления во владение собственностью. Для нее семья — это, конечно, люди, но это конечно же еще и имущество, а также и деньги, откладывавшиеся фунт за фунтом на протяжении всей трудовой жизни. Первое средство обеспечить себе защиту от невзгод, первое доказательство успеха — это стать собственником, разве не так? Один из столпов социальной политики тэтчеризма — это идея позволить съемщикам социального жилья стать его собственниками путем выдачи ссуд и займов, предусматривавших солидные скидки, или путем продаж на очень благоприятных условиях. Она видела в этом лишь несомненные преимущества. Для нее это способ позволить людям самого скромного достатка обзавестись имуществом, с другой стороны — способ наполнить казну, чтобы построить новое социальное жилье, а также способ решения еще одной проблемы: сделать мобильными наименее квалифицированных рабочих, потому что жилье легче перепродать, чтобы купить новое, чем найти новое социальное жилье, а следовательно, способ борьбы с безработицей. Короче говоря, все это являлось средством превратить нацию съемщиков жилья, получающих помощь в порядке социального обеспечения, в нацию собственников, то есть, по понятиям Маргарет, в нацию свободных людей. Когда Маргарет войдет в дом 10 по Даунинг-стрит, это станет одним из ключевых направлений ее политики.

В остальном же от теории до практики дорога была длинной. В сфере

социальной Маргарет никогда ни с кем не делилась своими намерениями атаковать Государственную службу здравоохранения, систему страхования на случай болезни или же наступления старости. Она намеревалась способствовать развитию системы дополнительных пенсий и накоплений средств в особых фондах... В идеальном мире Мэгги не должно было бы быть «общества всеобщего благоденствия», а также «общественных» пенсий и «общественных» школ. Там должны были бы быть только ответственные граждане, подписавшие все бумаги на все необходимые страховки и жертвующие часть своих средств на благотворительность. Но этот мир — не мир реальности. Маргарет казалась жесткой, лишенной сострадания, полностью затянутой, словно в корсет, в суровые требования викторианских идей самопомощи. Но на деле в социальной сфере она всего лишь слегка коснулась «общества всеобщего благоденствия», не причинив ему существенного вреда. Ее речи часто во многом опережали и превосходили ее помыслы.

Однако в день ее отставки, 28 ноября 1990 года, Маргарет еще раз энергично провозгласила свои принципы. Одному депутату, сказавшему ей, что «теперь бедные стали еще беднее, жилье у них стало хуже и обеспечены они еще хуже, чем раньше, по сравнению с богачами, и конечно же этим результатом нельзя гордиться», Маргарет, хорохорясь, ответила: «Это не столь уж важно! Уровень всех доходов стал выше, чем в 1979 году! Но distinguished депутат сейчас сказал по сути вот что: он бы хотел, чтобы бедные стали беднее, если бы и богатые стали бы беднее. Да, вот такая политика! Политика социал-демократов! Да, у него это просто вырвалось. Он сказал это не нарочно, но все же само собой вырвалось!»

Все социальные основы политики Маргарет Тэтчер совершенно четко выражены в этой резкой отповеди-окрике и абсолютно понятны. Что значит неравенство, если оно приносит преуспевание! Именно под таким углом зрения следует рассматривать десять лет спустя эпоху «царствования» Маргарет.

Закон и порядок

В 1970-е годы идеи норм, правил и стандартов были не в моде. Это было время участия рабочих в управлении предприятиями; все вопросы должны были обсуждаться на переговорах, дискутироваться, причем довольно подробно. Естественно, Маргарет Тэтчер отказывалась принимать это «размазывание» ответственности, ведь для нее это на деле

означало ни больше ни меньше как исчезновение власти и авторитета. Она, кстати, приняла на свой счет слова депутата Десмонда Доннелли: «Я очень опасаюсь, как бы Великобритания не погрузилась в море, корчась от смеха».

Для Маргарет существовал один выход из создавшегося положения: вернуть закону его главенство и его силу. Конкретно это означало, что закон, символ английских свобод и главенства парламента, должен соблюдаться и почитаться всеми, притом что сам закон должен касаться только сути определенного вопроса. Роль государства заключается в том, чтобы следить, как закон исполняется, и принуждать всех к его исполнению, а не в том, чтобы издавать множество декретов и указов по исполнению закона, что превращает государство-арбитра в государство-администратора. Нужно меньше государства, но лучшего качества, — сильное государство, которое не запутается в сложных узорах администрации, не упустит смысл законов и различных постановлений и предписаний. По сути, государство, по мысли Маргарет, должно было более или менее ограничиваться своими «королевскими привилегиями».

К этим убеждениям Маргарет пришла, когда изучала право. «Из того, что я узнала в университете, — пишет она в мемуарах, — я восприняла абсолютно ясную идею о том, что разделяло демократические и недемократические (антидемократические) режимы: первыми управляет закон, а вторыми — сила». Однако, по ее признанию, она не находила «отклика на этот принцип» в изучаемых юридических текстах, особенно в налоговом праве, ибо о них нельзя было сказать, что их главными достоинствами являются юридическая безопасность и ясность. Почему? Просто потому, что Великобритания превратилась в бюрократическое государство, где чиновники обладают огромной неограниченной властью. Открытие это Маргарет сделала при чтении произведения знаменитого английского знатока международного права конца XIX века А. Дэйси, автора классической работы «Закон о Конституции», по мнению которого «закон о конституции во всех своих частях проистекает из двух главных принципов, которые очень постепенно были выработаны и претворены в жизнь более или менее осознанными усилиями многих поколений английских законодателей и политических деятелей: из суверенитета парламента и из владычества, превосходства закона над всеми и вся; суть последнего принципа можно точно выразить, сказав, что никакая власть не может возобладать над законом в этой стране». Чтение трудов Хайека, в особенности его работы «Закон, законодательная деятельность и свобода», укрепило в Маргарет убежденность в священном характере законов.

В своей знаменитой речи, произнесенной 20 ноября 1968 года перед членами Консервативного политического центра (или Центра политических консультаций) и опубликованной под названием «Что не так с политиками?», Маргарет на первом месте назвала утрату смысла закона, чтобы объяснить охлаждение граждан к общественным интересам и вообще к государству. Обилие текстов убивает сам текст. Что может быть хуже для политического несварения желудка, чем законодательное пирожное «наполеон»? «Настоящая проблема, — писала Маргарет, — это вторжение политики в те области, где ей нечего было делать». Итак, государство должно сконцентрироваться на исполнении законов, очень бережно принятых и разработанных. Как говорится, претор не занимается пустяками...

Но если закон должен вторгнуться в какую-то сферу, то прежде всего он должен быть принят без проявлений слабости, без переговоров и согласований, во всяком случае, под защитой от давления «улицы». По мнению Маргарет, не было ничего столь же противоречившего независимости властей, представительной системе и Вестминстерской модели, чем профсоюзы, устраивавшие забастовки и демонстрации, чтобы оказать давление на демократически настроенных депутатов. «Улица» не является «четвертой властью» и не должна ею быть. Поддаться ее давлению, уступить ей означало бы выставить на посмешище восемь веков парламентаризма, предать «английские свободы», которыми «восхищался весь мир».

Той самой зимой, которую прозвали «зимой недовольства», Маргарет в ответ на вопрос, что она рассчитывает сделать, чтобы выиграть в очередной схватке с тред-юнионами, отвечала, что сделает это по закону, а не при помощи бесконечных пустых разговоров. Она считала, что Даунинг-стрит — не восточный базар. Лейбористы и профсоюзные боссы без конца повторяли, что надо вести переговоры. «Эта идея, — сказала тогда Маргарет, — столь же нелепа, сколь нелепа и мысль о том, что довольно давно лорд Шефгсбери, великий реформатор тори, увидев, какие условия тогда были на прядильных фабриках и на мануфактурах, якобы сказал: „Я все это улажу, заключив соглашение с промышленниками...“ Вы что же, думаете, он бы выиграл? Конечно же нет! Напротив, он сказал: „Есть вещи, которые могут быть улажены только по закону!“».

Никогда Маргарет не изменит своей убежденности в главенстве закона. Во имя закона она будет сопротивляться 14 месяцев во время ожесточенной всеобщей забастовки горняков, когда всю Англию будут сотрясать волны яростных демонстраций. И она победит в этой борьбе во

имя закона! Профсоюзы потерпят поражение, будут разбиты! Во имя закона она попытается ввести знаменитый подушный налог. И во имя закона она сама будет сброшена со своего пьедестала, сама станет жертвой большинства, полученного ее партией в парламенте. Но никогда Маргарет не отступит от этого принципа, никогда его не предаст.

Возможность альтернативы — это естественная часть самой сути главенства закона надо всем. Истинная демократка, Маргарет допускала, что большинство в парламенте может быть утрачено, что какой-то депутат может быть лишен мандата, а премьер-министр отправлен в отставку. Ведь это означает, что избирателям предоставлено право настоящего выбора. Политическая жизнь должна быть подчинена тому же принципу свободного выбора, который управляет жизнью индивидуумов. В свое время острой критике была подвергнута одна известная фраза из ее статьи, опубликованной в «Дейли телеграф» 17 марта 1969 года под заголовком «Консенсус или выбор». Маргарет там призналась в том, что она «не женщина консенсуса, а женщина убеждений». Это не значит, что она упряма, еще в меньшей степени это означает, что она желает борьбы ради самой борьбы. Но Маргарет полагает, что соглашательство, бесконечные переговоры, большие и малые коалиции неизбежно приводят к политической астении, политическому бессилию. Важные решения в результате не принимаются. И все время приходится ждать, ждать, ждать... Именно по причине главенства закона, как считала Маргарет, при демократии надо предлагать людям возможность сделать выбор, ибо «принять политику консенсуса означает „ничего не делать“, а принять политику возможной альтернативы — значит „заставить ход вещей измениться“». Эту политику она будет применять и к самой себе. Когда в ноябре 1990 года большинство в парламенте покинет ее, она не стала делать попыток хитрить и изворачиваться, придумывая различные избирательные комбинации. Она, как говорится, «удалилась на Авентинский холм»^[127]. Ее не выбрали. И она ушла.

Книги-завещания порой говорят об авторах гораздо больше, чем те склонны думать. В своей последней работе, книге «Стратегия», опубликованной в 2002 году, Маргарет Тэтчер в самом конце вспоминает о том, как она с Деннисом совершала прогулку по лугу Раннимид. Именно там, на этом лугу, на берегу Темзы, неподалеку от Виндзора, собрались в 1215 году английские бароны, вооруженные и облаченные в воинские доспехи, чтобы потребовать от Иоанна Безземельного подписания Великой хартии вольностей, и король подписал эту Великую хартию, которую теперь считают основополагающим текстом английских свобод. Киплинг

посвятил Раннимиду замечательную поэму «Камыш Раннимиды», в которой говорится: «Ваши права были завоеваны на Раннимиде; никто, ни один свободный человек не может подвергаться преследованию и не может быть лишен имущества без закона и суда перед пэрами». Свободные люди, которыми правит закон, и право неприкосновенности личности — вот что собой представляет по сути мечта о законе и порядке, как ее понимала Маргарет Тэтчер.

Принципы международной политики: не иметь никаких принципов

Основы международной политики, по мнению Маргарет Тэтчер, очень просты. Она — не теоретик. В самом начале «Стратегии» в качестве достойного примера она приводит книгу Генри Киссинджера «Дипломатия», в которой дана исчерпывающая и красочная картина различных моделей международных отношений, управлявших миром с момента подписания Вестфальского договора в 1648 году, и признает, что не способна создать столь же блестящую теорию.

Принципы политики Маргарет элементарны, даже примитивны, но очень эффективны. Итак, она считает, что «государства имеют тенденцию действовать в своих интересах, не учитывая интересы других народов».

На практике для Соединенного Королевства это означало прежде всего необходимость вести борьбу с коммунизмом и Советским Союзом везде, где это возможно, всячески укрепляя «трансатлантические связи», отдавая им приоритет. Этот принцип уже многократно и внимательно изучался. Можно лишь напомнить, что на конференции в фонде «Наследие», состоявшейся в декабре 1977 года, Маргарет так объясняла свою позицию: «Социализм был явной неудачей <...>, мы должны были бы его выбросить на задворки истории <...>. Мы не должны были рассматривать ни одну страну, находящуюся под влиянием Советского Союза, только потому, что Советский Союз этого требует, в качестве дружественной или нейтральной <...>. Мы должны были вести битву идей с коммунизмом, и мы должны были предоставлять материальную и моральную помощь тем, кто хотел бороться за то, чтобы вернуть своей стране свободу».

Этот принцип означает действовать быстро и эффективно, не затрудняя себя тем, что генерал де Голль назвал когда-то «штуковинами» или «штучками», где в первых рядах находится ООН, «эта машина для создания неудобочитаемых документов». Если говорить еще яснее, то это

означает принципиальную враждебность к многосторонним отношениям и ко всем сложностям, связанным с ними, ибо при таких отношениях предполагается учитывать интересы всех сторон.

Наконец, во всем остальном это означает «плыть по возможности по ветру», следуя курсом интересов королевства и с учетом международной обстановки. Это единственная сфера, где Маргарет готова пренебречь моралью. Кстати, она в этом признается без всякого стыда в мемуарах: «В конце концов, идеал не принимается в расчет в международных отношениях, где часто на переговорах идет речь о компромиссах. Даже если я и имела возможность заменить руководителя одной страны на другого <...>, мне редко предоставлялся случай заменить плохого на хорошего, гораздо чаще доводилось менять плохого на худшего. Те, кто когда-то радовался свержению шаха Ирана, сегодня должны признать печальную истину: режим правления мулл или имамов еще более суров к своим подданным, еще сильнее их угнетает, нежели режим шаха, к тому же поддерживает терроризм и подрывную деятельность за пределами Ирана, тогда как режим шаха был фактором стабильности в регионе». Итак, Маргарет весьма сдержанна в отношении дипломатии по соблюдению прав человека, неконкретной и непродуманной. Она полагает, что несправедливость часто бывает лучше, чем хаос или смута, приводящие к еще большей несправедливости. Таким образом, на практике она намеревалась проводить политику наименьшего зла.

«Огненные колесницы» — тэтчеровский проект в картинках

Чтобы понять тогдашнее состояние некоторых умов, приведем в качестве примера фильм «Огненные колесницы», снятый в 1981 году, который можно назвать иллюстрацией в картинках и музыке ^[128] к тэтчеровскому проекту. Хотя фильм Хью Хадсона очень известен, но все же вспомним самые яркие его эпизоды (кстати, в основе фильма реальная жизненная история). Молодой студент-еврей, Гарольд Абрахамс, поступил в Тринити-колледж в Кембридже. У него нет ничего общего с большинством его соучеников, выходцев из аристократических семейств или семей из высшего слоя буржуазии. Он, видите ли, неблагородного происхождения. Гарольд наталкивается на насмешливые взгляды, слышит оскорбительные намеки, в том числе и от обслуживающего персонала. Но вместо того, чтобы жевать и пережевывать свои обиды, он бросает вызов соученикам во время соревнований по бегу членов клуба любителей легкой

атлетики и одерживает победу среди готических стен дворика Тринити-колледжа, потому что бегаёт он превосходно. Так начинается длинная история успеха Гарольда Абрахамса, подружившегося с Эриком Лиделлом, пресвитерианцем, чемпионом по бегу с прозвищем «Летающий шотландец». Они участвуют во многих соревнованиях и, в конце концов, выигрывают каждый по золотой медали на Олимпийских играх 1924 года. На первый взгляд история довольно классическая. Если бы не было Ла-Манша и демократического флёра, можно было бы подумать, что смотришь фильм Лени Рифеншталь^[129], то ли «Триумф воли», то ли «Боги стадионов».

Но мессидж в данном фильме весьма тонкий. Прежде всего, в нем показано, что никто не является заложником своего происхождения. Абрахамс становится чемпионом только потому, что очень этого хотел. Он вырвался из оков своего низкого происхождения, потому что развивал свои таланты, терпел боль, боролся изо всех сил ради успеха. Одновременно фильм является иллюстрацией параболы таланта и похвалой спасительному, созидательному неравенству. Ещё один урок фильма состоит в том, что никогда нельзя предавать свои нравственные убеждения. Пресвитерианец (как и Маргарет) Эрик Лиделл не хотел участвовать в забеге в воскресенье, которое следует посвящать Господу, а именно на этот день были назначены соревнования по бегу на 100 метров. Эрик Лиделл ни за что не хотел пренебречь своими библейскими ценностями. Несмотря на просьбы всех членов олимпийской команды и даже принца Уэльского, он отказался. В итоге ему пришлось участвовать в соревнованиях по бегу на 400 метров. И Провидение пришло ему на помощь. Он одержал победу. Нравственность и личная ответственность составляют невидимую основу этого шедевра.

Быть может, самое главное в фильме то, что он заканчивается гимном Великобритании, гимном во славу великой страны. Прибывшие из разных уголков королевства и даже из ее заморских территорий (например, из Леванта) молодые люди, слившиеся с нацией по своей воле и желающие прежде всего служить именно нации, а не себе, сумели совершить немыслимое и невозможное: выиграть самые престижные соревнования Олимпийских игр. Они представляли собой средоточие британской нации, ее сгусток, о чем мечтала Маргарет Тэтчер: о братстве всех талантов, собравшихся под сенью «Юнион Джека»^[130].

Глава девятая

РАССВЕТ: ПЕРВЫЙ МАНДАТ

«Это маленький шаг для Маргарет Тэтчер и гигантский шаг для женщин»^[131] — под такой шапкой вышла газета «Гардиан» 4 мая, в тот день, когда Маргарет вошла в дом 10 по Даунинг-стрит. Но Маргарет не слишком гордилась тем, что ее шаг к власти, оказывается, был гигантским шагом для всех женщин. Участь женского пола как такового была ей по сути безразлична^[132]. Ее дело — это судьба Великобритании, страны с явной поломкой механизма, которую надо вновь завести и заставить двигаться вперед; ее дело — это судьба старой империи, оказавшейся на самом краю отсталости или недоразвитости, страны, обладавшей когда-то трубным гласом, а теперь пребывающей среди стран, принужденных к молчанию.

Пресса, зарубежные средства массовой информации на все лады комментировали тот факт, что женщина впервые стала главой правительства крупной демократической страны Запада, но не могли оценить всей важности этого события, казавшегося кое-кому анекдотическим, не понимали, что перевернута страница истории, что пропитанные духом социализма послевоенные мечты вскоре будут зарыты на кладбище мертвых идей и что именно Маргарет выступит в роли могильщика. Тридцать лет спустя ее идеи, пусть и в смягченном виде, завоюют мир. Соединенные Штаты вернутся к либерализму. Всемирная торговая организация так или иначе станет всем навязывать принципы свободной торговли, Центральный Европейский банк провозгласит эпоху правления ортодоксального монетаризма, а устаревшие идеи кейнсианства станут всего лишь прихотью чудаков.

Однако в тот момент Маргарет вступила в управление страной, находившейся на грани коллапса. Чтобы облегчить нашу задачу, мы отдельно рассмотрим ее искусство ведения государственных дел и ее искусство внешней политики. Она возложила на себя обязанности прямо-таки с воинственной решимостью. «Я не могу выносить, — заявила она на следующий день после выборов, — зрелища Великобритании, клонящейся к упадку <...>. Нашему поколению не дано будет создать новую империю <...>, но нам дано будет положить конец трем десятилетиям отклонения от истинного пути, трем десятилетиям капитуляции». В глубине души

Маргарет полагала, что она одна могла сказать «нет» неумолимому и безжалостному ходу вещей. Кстати, Маргарет без прикрас пишет об этом в мемуарах и вспоминает слова первого из Питтов, лорда Чатама^[133]: «Я знаю, что могу спасти мою страну и что никто другой не может этого сделать». Она признает, что так говорить несколько самонадеянно, но допускает, что ее веселость и возбуждение проистекают из «внутренней убежденности». Итак, в короткий срок она должна сформировать свое правительство, свой кабинет, который будет наилучшим барометром соотношения сил в Консервативной партии. В правительстве у нее будет всего лишь несколько ярых сторонников, и это свидетельствует о том, что в 1979 году «тэтчеризм» был всего лишь слабым, хрупким зародышем, способным погибнуть при любых осложнениях.

Кабинет компромиссов

На первый взгляд правительство Маргарет Тэтчер ничем не отличалось от предыдущих правительств консерваторов^[134]. В нем было шесть бывших итонцев^[135], три баронета, два наследственных лорда. Все действующие министры были выходцами из Оксфорда, за исключением одного. Он и сама Маргарет оказались единственными, кому не довелось посещать паблик скулз. В социальном плане правительство почти заслуживало той ужасно снобистской и вместе столь «британской» фразы, которую произнес Гарольд Макмиллан однажды у себя в клубе: «У мистера Эттли было только три бывших итонца, а у меня — шесть. Итак, дела при консерваторах обстоят в два раза лучше».

В политическом смысле в правительстве Тэтчер не было ничего революционного. Маргарет отдавала себе отчет в соотношении сил. Большинство важных постов занимали бывшие «хитовцы», то есть члены правительства Хита и его сторонники, весьма далекие от тэтчеровского радикализма. Из двадцати двух членов правительства преданных и ярых сторонников Маргарет было всего лишь пять человек. Так как она полагала, что экономика — это сердце ее программы, то она приберегла для своих сторонников портфели экономического сектора, а другим оставила право мечтать об осуществлении всяческих «великих проектов и планов», каковые в любом случае не могут быть воплощены в жизнь из-за отсутствия финансирования.

Ко всеобщему удивлению, Казначейство не досталось Киту Джозефу, ментору Маргарет, ее гуру, как его называли некоторые. На этот пост

Маргарет назначила Джеффри Хау, бывшего «хитовца», но строгого защитника ортодоксальной веры в монетаризм, являвшегося умеренным монетаристом. Это назначение Маргарет долго и тщательно обдумывала. Хау нравился представителям различных консервативных кругов. Со своим красноватым цветом лица, с крупными очками и со своей нарождающейся полнотой он действовал на многих успокаивающе. Можно было подумать, что перед вами Джон Буль собственной персоной, типичный английский сквайр, словно сошедший с гравюры Эллиотта. У Джеффри Хау было достаточно врожденной благовоспитанности и изысканности, чтобы очаровать пэров, достаточно добродушия, чтобы сглаживать острые углы радикальной политики, и к тому же у него был достаточно крепкий позвоночник, чтобы держаться прямо во время бури или кризиса. «У него были особая жилка, особый нюх, — пишет Маргарет в мемуарах, — которые и помогли ему стать превосходным канцлером Казначейства. Именно ему приходилось принимать самые трудные решения. Он ни разу не дрогнул. По моему мнению, это были его лучшие годы в политике».

Кит Джозеф вынужден был довольствоваться министерством промышленности. Маргарет, давая ему определение «философ в действии», понимала, что иногда его одолевают туманные идеи и он склонен к пустым мечтаниям. У него возникали трудности при воплощении в жизнь его теорий, даже если они были верны. В министерстве социального обеспечения в период правления Хита этот яркий защитник идеи снижения государственных расходов проявил себя как министр-транжира, причем ужасный транжира, ибо на него производили сильнейшее впечатление те картины нищеты, что ему открывались. В министерстве промышленности ему тоже будет очень трудно и больно «сворачивать шеи хромым уткам», от которых у британской экономики уже началась гангрена. Вид закрывающегося завода исторгал из его груди горькие вздохи. Даже если в мемуарах Маргарет и пишет, что он был и остается ее лучшим другом в политике, она все же была права, не назначив его на Даунинг-стрит, 11^[136], потому что это было не для него.

Заместителем министра финансов по части бюджета Маргарет тоже назначила своего сторонника Джона Биффена, проявившего себя еще в теневом кабинете самым пылким пропагандистом ее политики. Она дала ему в помощники блестящего молодого банкира Найджела Лоусона, монетариста высшей пробы. В министерстве торговли ее верным другом был Джон Нотт.

В экономическом секторе только Джеймс Прайор, возглавивший министерство занятости, не принадлежал к «группе Тэтчер». Это был

консерватор «старой формации», ярый сторонник идеи «единой нации». В теновом кабинете он уже продемонстрировал свое отличие от Маргарет и ее сторонников. Он был противником всех резких мер, которые могли бы задеть интересы профсоюзов и вызвать их недовольство. Сама же Маргарет, прежде чем вступить в противостояние с профсоюзами, хотела быть уверенной в том, что экономика страны сможет выдержать такое противостояние. И Джеймс Прайор казался ей наилучшим «джокером» в колоде, чем-то вроде ласковой руки хитреца, которая будет ласкать злых собак, пока не появится топор, чтобы их обезглавить. Ее намерения были ясны. В мемуарах она объясняет, почему назначила его на этот пост, а через несколько лет выгнала, воспользовавшись необходимостью перестановок в правительстве: «В нашей стране, да и в самой Консервативной партии было еще такое чувство, что Великобританией нельзя управлять без согласия профсоюзов. Потребовались долгие годы, чтобы положение изменилось. Если бы мы с самого начала раскрыли секрет, сколь радикальна будет реформа профсоюзов, несмотря на их противодействие, это бы подорвало доверие к правительству, вернее, это бы стало для него приговором. Джеймс был символом нашей умеренности».

Но в глазах Маргарет умеренность одного вовсе не означала паралич для всех. Как было принято, правительство разделялось на несколько комитетов, среди которых для нее был самым важным комитет «Э», то есть комитет по вопросам экономики. В нем заседали Джеффри Хау, Кит Джозеф, Джон Биффен, Джон Нотт, Джеймс Прайор и, естественно, сама Маргарет Тэтчер. Министр по проблемам занятости обычно оказывался там в меньшинстве при обсуждении любых вопросов. «Тэтчеристы» всегда могли рассчитывать на поддержку комитета «Э», представляя намеченные ими реформы на общих пленарных заседаниях правительства. Если умеренный член комитета и не всегда «молча сидел в своей будке», то его, по крайней мере, всегда держали на коротком поводке. Это была политика так называемого «санитарного кордона».

Другие назначения можно было бы назвать классическими. Следует отметить только, что Тэд Хит, желавший вернуться во власть через Форин Оффис, то есть став министром иностранных дел, так и не дождался осуществления своих желаний. Слишком часто он отталкивал дружески протянутую руку Маргарет, а теперь было поздно. Ему ничего не оставалось, как жевать и пережевывать свои обиды среди заднескамеечников, ведь теперь он был простым депутатом, одним из многих. Премьер-министр отдала предпочтение лорду Каррингтону. Это был человек весьма умеренных взглядов и «высокого класса». У него не

было ничего общего с дочерью бакалейщика, желавшей управлять страной как бакалейной лавкой и разбудить ее, если понадобится, как вздремнувшего приказчика или продавца. Дипломатия была у него в крови, он знал, как работают государственная и министерская машины, и умел с ними обращаться, а еще у него были качества, которые Маргарет особенно ценила: верность и бескорыстие с привкусом легкого презрения к корыстолюбию других. Иметь возможность взять и все же не взять — воистину королевский жест...

Возглавить министерство внутренних дел Маргарет поручила Уилли Уайтлоу, своему скромному помощнику. Кстати, он совмещал этот пост с постом вице-премьера. Правда, он разделял не все взгляды Маргарет. Далеко не все! У него была, так сказать, гораздо более ярко выраженная социальная или общественная жилка. И все же он был самый верный ее сторонник среди верных. «Крупный феодал» до кончиков ногтей, «верный вассал короля», он всегда будет рядом с Маргарет, чтобы сглаживать углы, принимать и смягчать удары и, если нужно, их предупреждать.

В остальном правительство достаточно точно воспроизводило очертания теневого кабинета.

Вне правительства, в тени, Маргарет создала группу личных советников, политический отдел, заседавший в доме 10 по Даунинг-стрит. Возглавлял эту группу Джон Хоскинс, автор и создатель «Камней через стремнину», шокового документа, предлагавшего проведение реформ задолго до выборов 1979 года. В закулисные власти и в большой тайне он часто вносил дерзкие предложения, иногда даже поверх голов министров. Маргарет нужна была эта группа советников, верных и преданных, чтобы заставить двигаться того хладнокровного крокодила, которым представлялось ей правительство, это сборище разных людей с противоречивыми стремлениями, часто «нейтрализовавшими» друг друга. Она не строила себе иллюзий на их счет и уже разделила их на две категории: своих противников она называла «мягкотелыми», а своих сторонников — «жесткими». Стоит ли уточнять, что в ее устах слово «мягкотелый» не было комплиментом. Только в одной сфере «жесткие» были в большинстве, а именно в экономике. И это не случайно. Именно с оздоровления экономики Маргарет рассчитывала заставить Великобританию воспрянуть.

Оздоровить макроэкономические основы

В определении симптомов британской болезни, проявившихся в 1979 году, эксперты были единодушны: инфляция, выражающаяся двузначными цифрами, бюджетный дефицит, относительный рост государственных долгов, ставший обузой национализированный сектор, дефицитный и с чрезмерно раздутыми штатами. «Тэтчеристы» присовокупили к ним практику иждивенчества, неполную загрузку предприятий^[137] и слишком большую власть профсоюзов. Маргарет решила действовать постепенно, шаг за шагом, отложив борьбу с профсоюзами и иждивенчеством на потом. Первая ее верноподданническая речь, написанная для королевы в июне 1979 года, была удивительно умеренной, настоящая старая речь в духе тори, каких палата депутатов выслушала множество: в ней содержались обещания снизить налоги, сократить государственные расходы, провести реформу профсоюзов, отказаться от контроля над ценами и доходами. По поводу профсоюзов премьер-министр так ответила на вопрос одного из заднескамеечников-лейбористов: «Я никому не объявляю войну, и я надеюсь, что и мне никто не объявит войну». Единственным новым элементом было обязательство разработать и провести через палату общин знаменитый закон о местных властях, в котором была бы предусмотрена возможность отдать в собственность социальное жилье тем квартиросъемщикам, которые этого пожелают. Это было начало «народного капитализма», еще не получившего своего наименования.

Истинная реформа проявляется не в речах, а в действиях, в особенности в законе о финансах. Реформирование государственного бюджета осложнялось водопадом разнообразных факторов, постоянно накапливавшихся и увеличивавших опасность провала. Прежде всего, оставались обещания, данные еще лейбористами, такие как повышение пенсий, предусмотренное еще Джимом Каллагеном, а также обещание следовать рекомендациям, содержавшимся в докладе Клегга по поводу паритета «государственных и частных доходов» (то есть доходов в государственном и частном секторах), что фактически означало увеличение на 10 процентов заработной платы государственных служащих. Был и еще один фактор: укрепление курса фунта стерлингов, явившееся результатом высоких процентов ссуды и того обстоятельства, что фунт стал «нефтевалютой», «нефтефунтом» после открытия богатых месторождений в Северном море. Существовали личностные факторы, привнесенные самой Маргарет Тэтчер: она хотела поднять жалованье полицейским, деморализованным проповедями вседозволенности, а также собиралась ежегодно увеличивать бюджет вооруженных сил на 3 процента в реальном денежном выражении в ответ на просьбу НАТО, с тем чтобы не усугублять

и без того уже наметившееся нарушение равновесия между странами НАТО и странами Варшавского договора. Маргарет Тэтчер пишет: «Тогда мы чувствовали себя в безвыходном положении, загнанными в тупик».

Вместе с Джеффри Хау и группой личных советников Маргарет не покладая рук работала над составлением нового бюджета, обнародованного 12 июня, то есть пять недель спустя после вступления в должность. Этот бюджет был очень жесток. Джеффри Хау признается в своей книге «Взгляд из дома № 11 по Даунинг-стрит», что прежде, чем выступить с речью в палате общин, выпил две большие порции джина с тоником.

Все меры, предусмотренные в бюджете, были направлены на сокращение расходов, на использование ресурсов и на контроль со стороны государства над валютными операциями. В области расходов сокращать что-либо было трудно. Однако Джеффри Хау удалось сэкономить 2,5 миллиарда фунтов стерлингов, «заморозив» найм чиновников и даже сократив их количество (за год с 732 до 705 тысяч), а также ограничив расходы местных властей, введя специальный налог на рецепты врачей (что сделало услуги государственной службы здравоохранения не совсем бесплатными); он также «оторвал» размеры базовых пенсий от прибавок к зарплатам, а также сократил суммы некоторых пособий и дотаций. Цифра, в которой выражалась сумма экономии, была довольно скромной для гигантского бюджета в 160 миллиардов фунтов, но все же в ней отразилась воля сломить и повернуть в противоположную сторону существовавшую ранее опасную тенденцию.

Но наиболее явно процесс реформирования проявился в сфере ресурсов. У государства есть только два основных способа финансирования своих нужд: налог и заем. Чтобы ограничить инфляцию и избежать отклонений в государственных финансах, в бюджете предусматривалось введение нового идентификатора: потребности государственного сектора в заемных средствах, — и устанавливался его предельный уровень, который никогда не должен быть превышен. Итак, его размер был определен в сумме восемь миллиардов фунтов стерлингов, что составляло 5 процентов ВВП (валового национального продукта). Показатель этот довольно высок, если сравнивать с сегодняшними критериями (в соответствии с Маастрихтским договором), равными 3 процентам, но его следует сравнивать с 10 процентами, которых Англия достигла при лейбористах в 1975 году.

Не имея возможности еще больше сократить расходы, Маргарет вынуждена была решиться поднять налоги. Но ведь она сделала снижение налогов едва ли не главным аргументом своей предвыборной программы!

Она полагала, что снижение налогов, за счет которых и оплачиваются общественные нужды, необходимо для стимулирования экономики. После двух уик-эндів, проведенных в загородной резиденции премьер-министра, в имении Чекерс, где она выслушала советы Джефффри Хау, продемонстрировавшего воистину стальные нервы, Маргарет согласилась рассмотреть вопрос об увеличении налогов, чтобы оздоровить государственные финансы, но при одном условии: их увеличение ни в коем случае не должно ослабить дух предпринимательства и охладить пыл самых деятельных и усердных англичан. Другими словами, о перераспределительной функции налогов следовало забыть окончательно. Только косвенные налоги могли быть увеличены, прямые налоги должны были снижаться. Правда, и это решение Маргарет приняла против своей воли, зная, что эта мера будет непопулярна и приведет к росту инфляции. Но у нее не было выбора. «При повторной встрече мы решили идти напролом. Снижение налога на прибыль было жизненно необходимым, даже если оно должно было сопровождаться равным повышением налога на добавленную стоимость (НДС). Решающим аргументом в данном случае было то обстоятельство, что повышение НДС могло произойти только в самом начале созыва палаты после выборов, когда наш мандат был еще совсем „свежим“. Если бы мы стали ждать, питая надежды на то, что экономический рост или сокращение государственных расходов „выполнят работу за нас“, мы рисковали бы тем, что никогда бы не смогли произвести структурных изменений, необходимых для нового подъема экономики». Конкретно это означало, что базовая ставка налога на прибыль должна быть снижена с 33 до 30 процентов, налог на предельный доход — с 83 до 69 процентов, а НДС, ранее взимавшийся в размере от 8 до 12 процентов в зависимости от произведенного продукта, должен был составлять 15 процентов на все продукты.

Наконец Джефффри Хау объявил о постепенной отмене контроля над валютными операциями. Реформа должна была завершиться к 27 октября. В первый раз с 1937 года фунт стерлингов обрел плавающий курс, подчиняясь бурям и штормам мировой экономики. Это была настоящая революция. Активные участники экономической деятельности должны были работать на опережение и обеспечить себя на случай риска, связанного с валютными операциями. Но, по идее сторонницы свободной торговли Маргарет Тэтчер, «отмена контроля над валютными операциями не только расширила свободу людей и предприятий, она поощрила иностранных инвесторов к инвестированию средств в английскую промышленность и английских инвесторов к инвестированию средств в

промышленность других стран». В долгосрочной перспективе так бы и произошло.

Но в краткосрочной перспективе эффект всех этих мер был катастрофическим. Это был настоящий «большой взрыв». Парламентари-лейбористы ухватились за возможность пошуметь. Деннис Хили в палате общин заговорил о «волке в овечьей шкуре», Майкл Фут — «о самом реакционном бюджете за 100 лет». Газета «Сан» опубликовала статью под заголовком «Война с бедными»; «Дейли миррор», проявляя осторожность, объявила: «То ли она выиграет, то ли мы проиграем».

Правда, цифры были ужасны. Повышение НДС механически повлекло за собой сокращение внутреннего спроса и потребления, а повышение курса фунта стерлингов уничтожило конкурентоспособность (и без того слабую) британской промышленности. Увеличилось количество банкротств. Безработица опасно приблизилась к двум миллионам человек. В декабре 1979 года инфляция достигла 21,9 процента за год, цена фунта стерлингов взлетела к 2,4 доллара, рост денежной массы (показатель МЗ), который надеялись удержать в пределах 7–11 процентов, преодолел уже 17 процентов. Всё, казалось, разладилось. В декабре впервые лейбористы «обошли» консерваторов в опросах общественного мнения. Опять пришлось поднимать процент ссуды в январе 1980 года с 14 до 17 процентов. За пышными фразами монетаристской риторики, казалось, вновь зазвучали старые добрые дефляционные рецепты.

Это решение столкнуть наемных работников и предприятия в ходе операции «Правда», когда цены, зарплаты и деньги будут иметь свою истинную рыночную цену, стало отправной точкой политики тэтчеризма. Все началось именно с этого. Для больной Англии 1979 года это было настоящее потрясение, шок, какого страна не знала со времен Великой депрессии 1930-х годов.

Однако же именно эта горькая пилюля позднее вытащит Англию из рутины и косности того тяжелого положения, в котором она оказалась. Но в начале 1980-х Мэгги могла только констатировать нанесенный ущерб и робко надеяться на улучшение. В интервью корреспонденту «Таймс» она доверительно сообщила о своих самых сокровенных убеждениях: «Для этого правительства важны не первые сто дней, а первые пять лет и последующие пять лет. Мы должны думать о том, что мы будем делать после следующих выборов, и после еще одних, и после еще одних. Мы должны дать этой стране новое направление движения <...>. На это потребуется время». Да, на это потребовалось много времени, почти три года, чтобы на небе, наконец, разошлись тучи.

На протяжении всех этих лет у Англии будет ощущение того, что она с каждым днем все глубже погружается в пропасть, совершая нисхождение в ад, получив в лице Маргарет козла отпущения. И Маргарет выстоит, одна против всех, против всей страны, против экспертов, против большинства своих министров, которые будут уговаривать ее сделать разворот на 180 градусов, пойти против себя самой...

На дне пропасти. «Эта леди не поворачивает назад!»

Годы 1980-й, 1981-й и начало 1982-го были конечно же самым тяжелым периодом, который Маргарет довелось преодолеть, находясь в доме 10 по Даунинг-стрит. Экономика находилась в ужасном состоянии, профсоюзы злились, в Центральном бюро партии и даже в ее собственном кабинете против нее начали плести заговоры.

Англия производила впечатление разоренной, разграбленной страны. В марте 1980 года уровень инфляции достиг 22 процентов в год, 2,8 миллиона англичан были безработными, фунт стерлингов оставался неприступным, а процент ссуды был завышен. Промышленности никак не удавалось закрыть тройную пробоину, образовавшуюся из-за ее очень посредственной производительности, ее «дорогих» денег и высокого валютного курса, ибо производители, работавшие на экспорт, оказывались в очень тяжелом положении. Малые предприятия закрывались тысячами (всего 400 тысяч) и выбрасывали на улицу своих работников. Когда малые умирают, большие простужаются. Впервые даже такой колосс, как «Импириал кемикал индастрис», сообщил о квартальных потерях. Сити лихорадило. Президент «Импириал» грозился покинуть Англию. Уполномоченный представитель Конфедерации британских промышленников заявил: «Хорошо говорить, что промышленность восстанет из пепла, в который она превратилась <...>, но что будет, если мы все уйдем вместе с пеплом?» Маргарет осталась в одиночестве, против нее теперь выступали и промышленники, и наемные рабочие, но она не сдвинулась с места ни на йоту. Она признает, что «высокий валютный курс создаст некоторые трудности отдельным экспортерам, но эту цену надо заплатить, чтобы снизить налог, налагаемый инфляцией». Она даже полагает, что «...настал благоприятный момент для того, чтобы перейти от экономики фабричной к экономике вахтового обслуживания, которая создаст, обязательно создаст необходимые в будущем рабочие места».

Второй бюджет Джеффри Хау в марте 1980 года ничего не изменил в

правилах игры. Маргарет хотела еще уменьшить такой показатель, как потребность государственного сектора в заемных средствах. Лобби промышленных предприятий устроило настоящую осаду правительственных комиссий и комитетов, чтобы избежать сокращения бюджетных ассигнований. Маргарет вынуждена была удовлетвориться сокращением расходов на 900 миллионов фунтов^[138] и принятием особого, «фискального» бюджета, целью которого было поощрение создания предприятий путем снижения налогов для инвестиций венчурного капитала или путем создания свободных экономических зон в наиболее пострадавших районах. Джеффри Хау присовокупил к бюджету еще один новый индикатор, знаменитую среднесрочную финансовую стратегию, призванную спланировать желательную «эволюцию» денежной массы на долгие годы. Это «орудие», — никогда не работавшее с особой точностью, так как процесс расчета объема денежной массы постоянно сталкивался с непреодолимыми трудностями^[139], — «заставило пролиться много чернил» и было представлено противниками тэтчеризма как некая панацея монетаризма, некая ставка в игре, на которой якобы и строилась вся политика «Железной леди». Это мнение несправедливо. Прежде всего, это не было незыблемым принципом или обязательным для исполнения приказом, слова которого навечно выгравированы на мраморной плите. «Это было», как о том недвусмысленно заявлено в «Красной книге», «средством определения денежной массы, ясно выраженное как цель, которой следует достичь: оно, вероятно, может нуждаться в регулировании время от времени в зависимости от обстоятельств».

Если монетаризм и вошел в дом 10 по Даунинг-стрит, он был не единственным новым жильцом. Маргарет всегда заботилась о том, чтобы отмежеваться от образа ограниченной дамы, склонной к теоретизированию, для которой деньги являются всего лишь приличным одеянием, скрывающим лохмотья нищеты общего вида экономики. В палате общин она сказала: «Монетаризм — это всего лишь здравый смысл <...>, это честные деньги; это означает, что деньги опираются на производство товаров и услуг». Что касается «среднесрочной финансовой стратегии», то Маргарет признает, что она, по сути, не функционировала. На 1980 год планировали рост денежной массы на 6–10 процентов, а он скакнул на 18! Но, вообще-то, это было не столь уж важно. Маргарет пишет в мемуарах, что «среднесрочная финансовая стратегия могла повлиять на прогнозы лишь в той мере, в которой люди верили в нашу решимость ее придерживаться. Устойчивость, надежность и доверие зависели от

устойчивости и надежности правительства и в последнюю очередь от качества моей собственной политической позиции и от моей верности нашему делу, в чем я никогда никому не позволила усомниться ни на секунду. У меня не было намерений склониться перед требованиями нового подъема экономики; среднесрочная финансовая политика, сначала бывшая всего лишь честолюбивыми чаяниями, превратилась в краеугольный камень политики, увенчавшейся успехом».

Но для этого надо было держаться во что бы то ни стало, присовокупив ко всем упомянутым мерам усиленную власть над государственными расходами и поддержание высокого процента ссуды до тех пор, пока инфляция не стабилизируется. А это становилось делать все труднее и труднее. Многие члены кабинета не понимали, как при наличии трех миллионов безработных можно было держать тесемки денежного мешка завязанными, а замок кошелька — запертым. «Мягкотелые», а именно Джеймс Прайор и Питер Уокер вступили в борьбу. Они полагали, что «порог в три миллиона безработных в политическом смысле переступить нельзя», и предрекали, что вот-вот могут начаться бунты. Иэн Гилмор, не ценивший и не уважавший Маргарет, утверждает, что «она совершенно не сознавала, что рецессия носила глобальный характер, и не отдавала себе отчета в том, что сама создавала внутреннюю рецессию, еще более ужасную». Некоторые эксперты, призванные на помощь, такие, как Йорг Ниханс из Берна, подвергли критике отсутствие «градуализма», то есть теории постепенных реформ: «Если правительство продолжит проводимый сегодня процесс сокращения денежной массы, у вас будет не только рецессия, но и катастрофа». Даже такой близкий Маргарет человек, как Джон Биффен, предложил «сделать паузу». Но Маргарет цеплялась за идею. Хау, Кит Джозеф, Алан Уолтерс, вернувшийся из Нью-Йорка, говорили ей, что нужно время, что экономика не реформируется указами и что рациональное, разумное урегулирование различных вопросов может занять месяцы, если не годы. Деннис, кстати, тоже ей говорил, что она на верном пути.

Маргарет упрекали в том, что она смеется над страданиями безработных. Би-би-си ежедневно показывала закрывающиеся заводы, рабочих в спецовках, кричащих о том, как они ненавидят эту безжалостную женщину, не удостоивающую даже сочувствием людей, обреченных после тридцати лет тяжелого труда на нищенскую пенсию. В старых промышленных районах Северной Англии и Уэльса безработица достигла 20 процентов, а в районе Манчестера — 30. Низшие слои английского общества страдали ужасно.

Пока же Маргарет оставалось только произносить разумные речи и заботиться о своем имидже. В ходе передачи «Ньюс оф зе уорлд» летом 1980 года она постаралась выразить безработным сочувствие: «Я чувствую, что мы с этими безработными близки. Я не знаю, как они живут, не имея работы». Вероятно, это было сказано искренне. На партийной конференции она заговорила о «человеческой трагедии», ибо «достоинство и самоуважение исчезают, когда мужчины и женщины осуждены на безделье». Она признает свое бессилие: «Я не могу творить чудеса». Но в глубине души она считала, что безработные, по крайней мере некоторые из них, тоже ответственны за свое положение. В своих речах она часто приводила в качестве примера отца Нормана Теббита, одного из ее молодых младших министров. Он был безработным в 1930-е годы, но вместо того, чтобы ходить на митинги и демонстрации с членами тред-юнионов, он садился на велосипед и ехал от деревни к деревне, от городка к городку, чтобы найти работу. И всегда находил! Норман неизменно находился рядом с Мэгги, готовый подтвердить, что он никогда не страдал от голода, даже в годы Великого кризиса. В каком-то смысле шоковая терапия, примененная Маргарет, была своеобразным курсом «морального перевооружения»^[140].

Маргарет действительно с удовольствием стала использовать другой имидж, который превосходно сочетался с ее женской сутью, а именно имидж врача. Летом 1980 года в большом интервью, данном журналисту «Таймс», она выступила в роли эскулапа, находящегося у изголовья больного Соединенного Королевства: «Мы приняли все необходимые меры, и дело пойдет на лад <...>. Это как с пациентом: наступает момент, когда он страдает от болезни и принимает лекарство. Какое-то время он страдает и от болезни, и от горького лекарства. Но вы не прервете курс лечения, потому что вы знаете, что прием лекарств необходим для излечения».

Однако тех, кто требовал поворота на 180 градусов, перехода к политике, отмеченной печатью нового оживления экономики при выделении денег из казны, было много. Прошло почти два года, заставивших Хита отказаться от своих добрых старых консервативных принципов, когда была преодолена красная черта и число безработных достигло одного миллиона человек. А Маргарет? «Чего она ждет?» — задавалась вопросом примерно половина членов ее кабинета, полагая, что она приближается к «избирательной катастрофе». После двух лет работы в должности премьер-министра у нее был самый низкий показатель популярности: всего 19 процентов. И вот 10 октября, в Брайтоне, на конгрессе Консервативной партии, она приняла решение «сжечь корабли».

Маргарет сыграет в игру, в которой можно выиграть удвоенную ставку или потерять все, но она не сделает резкий поворот на самой середине брода. В то время как в кулуарах волновались и суетились министры, в то время как было даже произнесено имя преемника, некоего Джеффри Риппона, Маргарет завершит свою речь одной из тех исторических формулировок, секретом которых она владела, формулировок, у многих оставшихся в памяти. Приведенная Ронни Миллером в лучшую свою форму, она призвала в свидетели тысячи делегатов и произнесла: «Тем, кто, затаив дыхание, ждет, когда будет произнесена формула, приобретающая известность благодаря средствам массовой информации, — „поворот“, я могу сказать только одно: „Вы можете делать поворот на 180 градусов, если хотите, но учтите, что эта леди не готова изменить курс. Эта леди не поворачивает назад! Я это говорю не только вам, но и нашим заграничным друзьям, а также и тем, кто нашими друзьями не является“». Ее слова были встречены овацией стоя. Основа основ партии вновь торжественно приветствовала Маргарет, возводя ее в рыцарское достоинство. Она теперь могла продолжить проведение своей политики и нанести удар шпагой по «мягкотелым».

Но эйфория была недолгой. Маргарет вновь захватила рутина, а ведь за ней по пятам следуют дурные вести. «Мягкотелые» вылили в прессу ядовитые замечания, которые не смели высказать на заседании правительства. Маргарет решила «всем показать пример»: 5 января 1981 года господин Сен Джон Стевас был отправлен в отставку со словами благодарности. Он был председателем палаты общин и судьей герцогства Ланкастер, так что обладал лишь ограниченной властью. И все же его сменил Фрэнсис Пим. Стеваса не очень любили, так что его уход никого особо не задел, но это было предупреждением для других. Команда «жестких» была усилена Джоном Ноттом, взявшим на себя заботу о министерстве обороны, а также несколькими министрами и заместителями министров; это были люди, прошедшие жесткий отбор, избранные из избранных: Леону Бриттену было доверено Казначейство, а Норману Теббиту и Кеннету Бейкеру — министерство промышленности.

Правительству требовался хороший удар хлыста, что правда, то правда. В энергичной речи, произнесенной в палате общин в конце февраля 1981 года, премьер-министр подтвердила, что по-прежнему придерживается избранного курса: «Когда правительства некоторых стран пытались стимулировать рост занятости путем вливания денег в экономику, это приводило только к росту инфляции. Инфляция порождала рост цен, рост издержек производства, а это означало утрату конкурентоспособности.

Немногие рабочие места, создаваемые в таких случаях, быстро теряются вместе с другими. Получается замкнутый круг: убыстряется рост безработицы и инфляции, процесс постоянно возобновляется, и всякий раз уровень и того и другого только увеличивается». Общественность заволновалась; причем как правые, так и левые проявили беспокойство. «Санди таймс», обычно придерживаясь консервативных взглядов, в конце февраля публикует статью под заголовком «Нет, миссис Тэтчер, вы ошибаетесь». Даже заднескамеечники испугались за свои депутатские мандаты. Они, люди достаточно близкие к Маргарет, не могли равнодушно наблюдать, как в их округах, будто грибы после дождя, появлялись и множились временно бездействующие промышленные зоны. В конце февраля Иэн Гоу, личный парламентский секретарь премьер-министра, передал написанный им в крайне мрачных тонах меморандум, где говорилось «о значительном ухудшении морального состояния наших депутатов, в особенности по причине постоянно возрастающей тревоги из-за масштабов рецессии и безработицы». Маргарет также упрекали в некотором бездействии по отношению к профсоюзам и в определенной апатии в деле уменьшения государственных расходов.

Итак, в бюджете 1981 года крылись все опасности. Его обнародования ждали как некоего переломного момента: одни надеялись на поворот на 180 градусов, другие его боялись. Три четверти членов кабинета требовали повышения расходов, чтобы воспрепятствовать рецессии или затормозить ее. Мэгги все время думала об инфляции. К тому же она знала, что одним из основных неблагоприятных факторов для британской экономики являлся завышенный уровень процента ссуды. По ее мнению, единственное средство, способное его снизить, — это уменьшение государственного долга; следовало уменьшить знаменитый показатель потребности государственного сектора в заемных средствах, то есть еще и снизить расходы. Чтобы составить этот «ключевой» бюджет, она окружила себя экспертами, которым доверяла: среди них были Джон Хоскинс, Алан Уолтерс, Дуглас Уосс и конечно же Джефффри Хау. Кабинет призвали обойтись без острых дискуссий. После долгих колебаний, тогда как Казначейство требовало удовлетворить потребности государственного сектора в заемных средствах в размере 13 миллиардов фунтов, Маргарет удалось уговорить Джефффри ограничить этот показатель 10,5 миллиарда. Повышение налогов было неизбежно. Вместо того чтобы повысить ставки прямых налогов, ввели новые налоги на табак и алкоголь. Дело обстояло так, что «фискализм» начал приходить на смену чистому и жесткому монетаризму. Если инвестиции в промышленность всячески поощрялись

по-прежнему, то снижения налогов не произошло, хотя оно первоначально и предусматривалось. Многие субсидии ради экономии средств были отменены, в особенности те, что выплачивались различным органам местного самоуправления, часто находившимся под контролем Лейбористской партии. Однако, несмотря на все предпринимаемые меры, расходы продолжали расти, особенно из-за постоянного увеличения пособий, выплачиваемых в качестве возмещения ущерба, причиненного безработицей, что было вызвано оздоровлением экономики. Таким образом, государственные расходы выросли с 44 до 47,5 процента от ВВП. Правда, структура их финансирования действительно стала более здоровой.

Этот бюджет нельзя было назвать дефляционным (о чем свидетельствует увеличение государственных расходов в процентах к ВВП), его можно было бы назвать как угодно, но только не бюджетом нового экономического подъема. Среди левых новый лидер Лейбористской партии Майкл Фут, сменивший на этом посту Джима Каллагана, громко заявлял, что «у него не хватает крепких слов, чтобы заклеить этот бюджет, который будет последним бюджетом консерваторов надолго». В самом правительстве «мягкотелые» были ошеломлены и сражены. С ними даже не проконсультировались! Проект бюджета был передан им накануне его представления в палате общин! Слишком поздно, чтобы организовать... Иэн Гилмор, Джеймс Прайор и еще кое-кто попытались организовать обед, чтобы «разбудить членов кабинета». Тщетно. Питер Каррингтон отказался войти в круг участников заговора; экономика не являлась сферой его компетенции. Уилли Уайтлоу же оставался верным сторонником Маргарет и направил всю свою энергию на то, чтобы «выкосить траву» под ногами участников зарождавшегося мятежа.

Представление бюджета в марте 1981 года произвело эффект громового разряда. Стало ясно, что «Железная леди» ничего не собирается менять. Она, кстати, заработала еще одно прозвище, ТИНА, от начальных букв выражения «There is no alternative» («Нет альтернативы»). Пресса запыхалась. Профессионалы по части написания всяческих петиций и воззваний, а также экономисты, проникшиеся идеями неокейнсианства, как говорится, «полезли на крепостную стену», то есть пошли на приступ: 364 экономиста из университетских кругов и пять бывших главных советников Казначейства подписали манифест и направили его в «Таймс» для публикации, дабы он оказался в этом деле решающим документом. В нем были и такие строки: «В экономической теории не существует базы, на которой можно было бы обосновать убеждение правительства в том, что при снижении спроса будет положен конец бесконтрольной инфляции и что

за этим последует автоматическое возрождение рынка занятости. Политика, проводимая правительством сегодня, только усугубит депрессию, разрушит промышленный фундамент нашей экономики и создаст угрозу как экономическому положению нашей страны, так и социальному». Невозможно было бы вторично собрать столько дипломированных специалистов, которые бы так ошибались: в конце 1981 года инфляция начала существенно снижаться, приближаясь к 12 процентам в год, чтобы затем, между 1983 и 1987 годами, колебаться от 4 до 5 процентов. Базовый процент ссуды в 1981 году снизился на 2 процента. Фунт стерлингов «воспрял духом», и его курс к декабрю 1981 года составил 1,81 доллара. Наконец, 30 июля 1981 года Джеффри Хау мог объявить в палате общин о том, что рецессия в Англии завершилась. После падения промышленного производства на 17 процентов по сравнению с 1979 годом промышленность, наконец, стала оживать. Увы, уровень безработицы еще был высок и нестабилен. В 1982 году безработица достигнет 13 процентов, но затем начнет постепенно снижаться и к 1990 году составит 5,8 процента... Никогда прежде ученые мужи не выставляли себя на такое посмеище. Они только увеличили недоверие Маргарет к самозванным экспертам и к ученым в мантиях...

В сентябре 1981 года Маргарет уже почувствовала себя достаточно сильной, чтобы «снести несколько враждебных голов» в кабинете министров. Она пока еще не нападала на «тяжеловесов», но атаковала кое-кого из светских львов, принадлежавших к «мягкотелым», кто наносил ей вред и раздражал своим дилетантизмом, хитрыми увертками и уклонением от своих обязанностей, а также своими записными книжками с адресами и телефонами «нужных людей», толстыми, как «книга Бёрка». Гилмор, Соумс и Карлайл стали жертвами перестановок в правительстве. Каждый отреагировал по-своему. Иэн Гилмор, лорд-хранитель печати (министр без портфеля), покидая дом 10 по Даунинг-стрит, пробормотал себе под нос: «Выбросив несколько человек за борт, все равно не спасешь корабль, который несет на скалы». Карлайл, министр образования, обошелся тем, что поплакал, уткнувшись носом в свой министерский портфель, ставший крушением всех его надежд. Лорд Соумс, председатель палаты лордов, счел себя оскорбленным, ведь он — зять Черчилля, одного из столпов истеблишмента Консервативной партии! Исключив его из состава кабинета министров, Маргарет показала, какова ее позиция: ей нечего делать с людьми, отличающимися одним лишь благородным происхождением, а также с обожающими роскошь дилетантами. Возможно, с ее стороны это было своеобразным «оскорблением величества», что придавало законную

силу ей самой, а ее происхождение и отношение к ней кое-кого из знати могли служить ей оправданием. Лорд Соумс мог сколько угодно всем объяснять: «Она меня выгнала так, как я никогда бы не выгнал ни одного сторожа из моих охотничьих угодий; правда, для этой „кровожадной женщины“ и у меня в доме места не нашлось бы, разве что в моей своре». Что касается Прайора, то его в наказание «отправили в Северную Ирландию», то есть назначили министром по делам Северной Ирландии, поручив самое тяжелое министерство; там его могли ждать только удары в виде постоянно множившихся покушений и действий юнионистов, не желавших ни на йоту отступить от своих прав и пожертвовать хотя бы толикой своих тесных уз с Коронай.

Эти перестановки позволили назначить Нормана Теббита, сына безработного, желавшего вновь заставить Англию работать, министром по вопросам занятости. Сколь бы резкими ни были эти перестановки, они стали окончательным доказательством того, что Маргарет всем управляет и ничто не заставит ее изменить курс. «Таймс» превосходно передает, каково было общественное мнение на фоне этих событий: «Окончательное впечатление, сформировавшееся после этой перестановки, говорит о том, сколь ясны теперь своеобразие и стиль госпожи премьер-министра. Она подтвердила свое господство в сфере политики и свою веру в проводимую ею политику <...>. Если она преуспеет, а под преуспеванием мы подразумеваем возрождение британской экономики <...>, — это будет замечательным личным успехом. Если она потерпит поражение, ее в этом обвинят».

В любом случае Маргарет уже достаточно крепко держала в руках бразды правления, чтобы попытка в октябре 1981 года вызвать брожение в рядах Консервативной партии, совершенная Тэдом Хитом и прочими, завершилась на партийном съезде (конгрессе) жалким провалом и лопнула как мыльный пузырь. У нее на руках были все козыри для продолжения своей политики, даже притом что в то время мало кто верил в ее победу на ближайших выборах. Эти козыри она выиграла своим упорством и благодаря крайнему прагматизму в областях, столь дорогих ее сердцу: в борьбе с профсоюзами и в сфере реформы государственного сектора экономики, особенно в сфере национализированных предприятий.

Шоковая терапия: добродетели умеренности и сдержанности

Будучи тонкой и хитрой бестией не только в политике, но и в

экономике (в экономике, пожалуй, даже больше), Маргарет прекрасно сознавала, что невозможно реформировать всё сразу.

Ни одно правительство не могло противостоять фронде профсоюзов, что создавало впечатление, будто страной невозможно управлять без них. Вильсон и Каллаген, хоть и являлись лейбористами, вынуждены были склониться перед ними.

Тэд Хит пережил две унижительные забастовки; пережить-то пережил, но вторая его «смела». Маргарет хранила в памяти эту бесславную отставку под давлением профсоюзных деятелей из Национального союза горняков. Она ни в коем случае не хотела, чтобы с ней случилось что-либо подобное. В памяти у нее сохранился и печальный опыт с Законом об отношениях в промышленности, продвигавшимся Тэдом Хитом и Робертом Карром, которые пытались путем принятия одного закона решить раз и навсегда все проблемы, связанные с чрезмерной властью профсоюзов. Маргарет выбрала политику «медленного и постепенного откусывания кусочков»: раз за разом, год за годом протаскивать через парламент законы, которые будут постепенно разъедать профсоюзную гидру.

Вместо того чтобы сделать крупные национальные профсоюзные объединения своими привилегированными партнерами в проведении экономической политики и регулярно проводить с ними консультации, Маргарет подчеркнуто раздражала их боссов. Переговоры по поводу заработной платы, как она считала, являются делом социальных партнеров, а не правительства, и потому ей нечего на них делать. Что же касается генеральной политической линии, то она определяется парламентом и кабинетом министров, а профсоюзы в соответствии с конституцией не должны играть в этих вопросах никакой роли. Маргарет проявила любезность и приняла руководителей Конгресса тред-юнионов несколько недель спустя после выборов. Но встреча прошла плохо. Брайен Малруни утверждал, что никогда он не получал столь дурного приема на Даунинг-стрит, какой устроила Маргарет: «Веяло ледяным холодом <...>. Это было началом реального „развода“ между правительством и тред-юнионами». У Маргарет от встречи осталось тоже скверное впечатление: «Они не хотят учитывать экономические реалии <...>. Время сэндвичей с огурцами за счет налогоплательщиков на Даунинг-стрит прошло». Она почти не будет их принимать, предоставив эту нелегкую задачу министру по вопросам занятости. Удалив таким образом вожakov профсоюзов от вершины государственной власти, Маргарет поспособствует тому, что они постепенно станут отходить от общества в сторону маргинализации.

То же самое случится и с большими «обеднями с певчими», то есть с

регулярными переговорами по поводу цен и зарплат: они будут отменены. Так как и цены, и зарплаты были постепенно освобождены, то переговоры стали проводиться по отраслям промышленности, а затем и по отдельным предприятиям. Прошло время крупных раундов переговоров, широко освещавшихся в средствах массовой информации, на которых профсоюзные лидеры выступали почти как заместители министров, ощущая поддержку улицы.

После углубленного изучения результатов социологических опросов Маргарет сделала выбор и предпочла опираться на общественное мнение и на мнение рядовых членов профсоюзов, уставших от повторяющихся забастовок, блокирующих страну и пожирающих их зарплаты. За исключением нескольких политизированных подстрекателей люди хотели получить «новый, более высокий уровень жизни и работу получше», именно это и отмечает в своих записях премьер-министр. Первые, кто несет наказание за забастовки, — это забастовщики, ибо они первыми от них и страдают. Такой фильм, как «Виртуозы», превосходно показывает, что когда профсоюзы кашляют, в дом без приглашения входит нищета. В своей довольно язвительной и резкой речи, произнесенной в Блэкпуле 12 октября 1979 года, Маргарет напомнила о том, что «дни, когда от забастовок страдали только хозяева, миновали; сегодня забастовки затрагивают членов профсоюзов и их детей так же, как и нас».

Главным же «козырем» премьер-министра был Джеймс Прайор. Если Маргарет его и не любила, даже откровенно презирала, говоря о нем, что это «расчетливый политик, который полагает, будто миссия консерваторов состоит в том, чтобы отступить, сохранив порядок в своих рядах, перед неизбежным триумфом левых», все же она признавала, что именно ему обязана тем, что принятие первого закона о профсоюзах после ее избрания не вывело страну на улицу, ведь законодательная система это позволяла.

Разумеется, первые предлагаемые меры были очень ограничены. Закон, предложенный к рассмотрению в декабре 1979 года, «довольствовался» тем, что запрещал забастовочные пикеты и забастовки солидарности, а также предписывал возмещение ущерба работникам, уволенным или не нанятым на предприятие по причине проведения политики «закрытого предприятия». В законе, кроме того, предусматривалось финансирование из государственной казны голосований, организованных через почту, перед началом забастовки. Но дальше закон «не шел». Для Маргарет и наиболее консервативной части партии закон был шокирующим, поскольку сохранял в силе принцип «закрытого предприятия»^[141] и провозглашал признание принципа

отсутствия ответственности профсоюзов в случае незаконных действий одного из его членов^[142].

Страна в тот момент была возбуждена нашумевшим делом, получившим название «Дело „Дейли экспресс“ против Мака Шейна». По случаю забастовки лондонских журналистов провинциальные газеты перепечатывали официальные сообщения «Пресс Ассошиэйшн» (частного информационного агентства. — Пер.). Национальный профсоюз журналистов оказал давление на своих членов, чтобы они прекратили сотрудничать с «Пресс Ассошиэйшн» и бойкотировали сообщения агентства. Само же агентство добилось того, что суд вынес профсоюзу предупреждение, предписывающее прекратить недопустимый нажим на своих членов, не имевших прямой связи с изначальным конфликтом. Когда профсоюз обратился с кассационной жалобой в палату лордов, избрав ее в качестве судьи, палата признала правоту профсоюза по той причине, что «подобные действия только способствуют расширению профсоюзного конфликта». Это означало признание полнейшего иммунитета профсоюзов перед тем побочным ущербом, который они могли причинить своими действиями. Маргарет в свою очередь оказала давление на Джеймса Прайора, чтобы он включил в проект закона статью об иммунитете профсоюзов, гарантированном уже упоминавшимся законом от 1906 года. Он отказался и положил на чашу весов прошение об отставке. Около сотни заднескамеечников подписали петицию с просьбой о том, чтобы закон был более суров. Маргарет отказалась одержать верх такой ценой. Ее сторонники были в ярости. Началась фронда среди тех, кого она считала своими. Хоскинс, Гардинер, Шерман предостерегали ее от подобного отступления, говоря, что оно напоминает «увертки и уловки Тэда Хита». В «Дейли экспресс» написали: «Если вы не предпримете действий сейчас, этот закон станет надгробным камнем правительства тори». Но все было напрасно. Маргарет Тэтчер оставалось только склонить голову перед Джеймсом Прайором. Так впервые она оказалась в кабинете министров в меньшинстве. Весной 1980 года ей еще недоставало силы, чтобы вступить в схватку со «слонами» или «тяжеловесами» партии консерваторов. К великому гневу министра по вопросам занятости, она заявила в палате депутатов, что это «всего лишь первый этап длительного процесса реформирования законодательства». То же она повторила и на телевидении в ходе передачи «Панорама»: «Это часть пути <...>. Надо многое сделать, чтобы идти дальше».

И Маргарет была совершенно права. Законодательство, касающееся профсоюзов, будет впоследствии постепенно отменено или

реформировано, «распущено петелька за петелькой», но не Джеймсом Прайором, а другими. В тот момент предложенный им закон, очень умеренный, обладал двумя достоинствами: он затормозил чрезмерный рост власти профсоюзов и не позволил никого вывести на улицу (только несколько тысяч ярых «синдикалистов», то есть членов профсоюзов, помахали красными флагами около Трафальгар-сквера). Этот закон стал свидетельством того, что «развод» между профсоюзами и общественным мнением возможен и с каждым днем трещина между ними углубляется.

Кстати, всё сложилось достаточно удачно для Маргарет, так как теперь она могла управлять решением довольно скользкого вопроса о национализированных предприятиях и бесчисленных «хромых утках» из их числа, чей дефицит в 1979 году поглощал до 5 процентов государственного бюджета. Приватизация национализированных предприятий являлась центральным пунктом тэтчеровского проекта. Но невозможно было выставить на продажу на рынке предприятия, которые год за годом несли огромный ущерб, за исключением нескольких еще рентабельных компаний, совсем недавно национализированных лейбористами.

Так что задача Кита Джозефа, которую ему предстояло решать в министерстве промышленности, была необычайно трудной. Теперь ему, убежденному стороннику приватизации, предстояло превратиться в управляющего государственными предприятиями, на которых была занята, напомним, треть британской рабочей силы. Конкретно это означало, что он должен научиться лучше ориентироваться в невероятно непрозрачной и противоречивой среде государственного холдинга, что представляла собой организация под названием Национальное управление по предпринимательству, которая распоряжалась всеми сделками в столь различных областях промышленности, как производство автобусов, компьютеров, авиастроительства или кораблестроения. Следовало сделать конкурентоспособными и рентабельными национализированных монстров, которых гангрена разъела до костей в результате бюрократических приемов и наличия чрезмерно раздутых штатов. Это будет задачей тем более трудной, что в отличие от частных предприятий в данном случае государство окажется на переговорах с профсоюзами обязательно в первом ряду.

Заниматься вопросами оздоровления государственного сектора гораздо легче, когда находишься в оппозиции, чем когда занимаешь министерский пост. Кит Джозеф был зажат между противоречившими друг другу императивами: требовалось управлять доставшимся наследством, избежать

социального взрыва, противостоять требованиям повышения заработной платы, сделать производство более рациональным и экономичным, финансировать необходимые инвестиции и не увеличивать государственные расходы. По последнему пункту у Кита Джозефа был провал, по крайней мере, сначала. В 1979 году национализированные предприятия обходились британскому налогоплательщику в 2,2 миллиарда фунтов, а в 1980 году эти расходы составили 3,4 миллиарда.

Кит Джозеф добился удовлетворительных результатов в сталелитейной промышленности, вполне достойных в автомобильной и, увы, катастрофических в угольной. У него был талант действовать точно и быстро, чтобы заставить производить изменения хоть и болезненные, но необходимые. Ничто в его поведении не напоминает того «тэтчеровского гусара», каким его часто описывают.

Разумеется, Кит Джозеф начал с того, что отправил к их химерам и охотничьим сворам тех джентльменов-корпоративистов, которые руководили крупными государственными компаниями и предприятиями. «Патроны» таких компаний, как «Бритиш рейл» — сэр Питер Пакрек, «Бритиш стил» — сэр Чарлз Вилен, Национального управления угольной промышленности — сэр Дерек Эзра не сумели противостоять буре. Они были заменены менеджерами, пришедшими из частного сектора, из ассоциированных частных банков, таких как «Лазард брадерз»; их переманили огромными деньгами, посулив платить так, будто сами они из чистого золота.

«Бритиш стил» стал первым из главных национальных конгломератов, на которые собирался «напасть» Кит Джозеф. За пять предыдущих лет в него было вложено пять миллиардов фунтов. В первом полугодии 1979 года потери «Бритиш стил» уже составили пять миллионов фунтов, и еженедельно они увеличивались на семь миллионов фунтов к концу года. Министр поставил перед менеджерами весьма амбициозную задачу: привести предприятие в состояние равновесия к концу 1980 года. Этого возможно было достичь только ценой больших жертв. Одна тонна стали, произведенная «Бритиш стил», требовала почти вдвое больше рабочего времени, чем та же тонна, произведенная на заводах континентальной Европы. Единственным решением было применение драконовских мер, а именно резкое сокращение штата предприятия. 10 декабря 1979 года Совет управляющих (директоров) «Бритиш стил» проголосовал за сокращение пятидесяти двух тысяч работников, более всего в районах Корби Шоттон и Порт-Тальбот. Это была почти треть штата, поскольку штат «Бритиш стил» тогда составлял около 176 тысяч человек.

Как это ни парадоксально, в то время как опасности более всего подвергались именно рабочие места и когда забастовки могли только усугубить ситуацию и усложнить процесс терапии, деятели из профсоюза металлургов решили вступить в борьбу за повышение заработной платы. Они требовали совершенно нереального повышения — на 20 процентов, хотя производительность труда на заводах «Бритиш стил» была самой низкой в Европе. Маргарет Тэтчер посоветовала Киту Джозефу не уступать и предоставила право новому президенту «Бритиш стил», Йену Макгрегору, право вести переговоры. 2 января было принято решение о начале забастовки. Правительство не противилось ее проведению. Когда Каллаген резко обрушился на премьер-министра с упреками, что «она спокойно сидит, когда страна находится на грани паралича», Маргарет ответила, что «металлурги сами уничтожают свои рабочие места» и что «размеры отрасли промышленности определяются тем, что можно продать, качествами и характеристиками ее продукта». Она добавила, что «возмутительно и оскорбительно видеть, как множество людей, которые могли бы быть лучшими производителями стали в мире, не желают воспользоваться удобным случаем, а устраивают забастовку, чтобы потребовать еще больше денег от налогоплательщика». Маргарет чувствовала себя тем более спокойно, что забастовки солидарности не начались. Рабочие и служащие стали всерьез опасаться за свои рабочие места. Они предпочитали получать не слишком много, пусть даже мало, чем не получать ничего. «Зима недовольства» отчасти повернула общественное мнение в обратную сторону. Министр промышленности и торговли подтвердил, что, несмотря на несколько пикетов яростных забастовщиков и пожар на одном из складов, частные предприятия металлургической промышленности смогут продержаться много недель на имеющихся запасах. Значит, сходить с ума от страха не было причин. Забастовка завершилась в апреле, так и не достигнув поставленной цели: блокировать страну. Наемные рабочие добились значительного повышения заработной платы (на 15 процентов), но эта прибавка будет быстро съедена инфляцией. Более того, они, являясь заложниками своих старых корпоративистских рефлексов, еще больше сосредоточились на размерах зарплат тех, кто останется, чем на судьбах тех, кто будет уволен по сокращению. Безработные не собирались этого забывать. В каком-то смысле это была первая победа Маргарет: в стане врага начались разногласия, а она получила возможность проводить настоящую политику повышения производительности труда в промышленности.

Два года спустя, имея только 88 тысяч наемных рабочих, «Бритиш

стил» начала приносить прибыль. Пять лет спустя корпорация была успешно приватизирована. Освободившись от обязательств участвовать в разрешении социальных конфликтов и находясь на гребне волны беспокойства, захлестывавшей страну, правительство приступило к эффективному реформированию промышленности. «Бритиш стил» стала первым символом этого процесса, символом своеобразной культурной революции.

Правда, реформировать другие предприятия было гораздо труднее, к примеру «Бритиш лейланд» («БЛ»), Ситуация там была столь же катастрофична, как и на «Бритиш стил». Производительность труда там составляла всего две трети от европейского уровня. Из-за отсутствия новых моделей доля продаж продукции «БЛ» на рынке новых автомобилей упала с 33 процентов в 1974-м до 16 процентов в 1980 году. Государственные субсидии в 1979 году составили более 50 миллионов фунтов и должны были составить около 225 миллионов с целью финансирования создания новых моделей. В самом начале Маргарет хотела, чтобы компания «БЛ» была распродана по частям, по крайней мере самые рентабельные предприятия, такие как «Ровер», а все остальные, если их продать не удастся, — закрыть. Но президент «БЛ», динамичный и талантливый Майкл Эдвардс, предпринял настоящую осаду министерств. Не нужно было без устали сновать по Уайтхоллу, чтобы каждый понял, сколь велик риск: 150 тысяч рабочих мест должны быть упразднены, примерно столько же у субподрядчиков, да еще оставался дефицит торгового баланса в сумме более 2,2 миллиарда фунтов. Естественно, профсоюзы принялись грозить крупными неприятностями и требовать увеличения заработной платы. К тому же в компании разразился громкий социальный конфликт: профсоюзы потребовали восстановления в должности Дерека Робинсона по прозвищу «Красный Рокко», который устроил акт саботажа в мастерской в Лонгбридже. Весь 1980 год Маргарет и Кит, прибегая к уловкам и уверткам, бились в сетях забастовок, захватов предприятий и боролись с предложениями различных планов нового подъема в экономике, более или менее правдоподобных. 6 октября 1980 года Маргарет, похоже, приняла решение со всем этим покончить. Когда все ожидали от нее обещания рекапитализации (дополнительных вложений) в сумме одного миллиарда фунтов, она во время традиционного ежегодного обеда обратилась к представителям Общества производителей автомобильных моторов и торговцев, которые вместо столь ожидаемого одобрителного толчка получили холодный душ: «В этом году у нас самый низкий уровень производства автомобилей с двадцатых годов <...>. Это прекрасный

пример того, что что-то неладно в британской промышленности: высокая заработная плата не компенсируется более высокой производительностью труда; низкие доходы, а соответственно, и небольшие инвестиции, слишком небольшой интерес к исследовательской работе <...>. Отчего у нас столь низкая производительность труда? Из-за раздутых штатов предприятий. Из-за нежелания перемен. Из-за забастовок и перерывов в работе». Казалось, правительство хотело оставить «БЛ» на произвол судьбы...

Однако это был последний крик бессилия. В ходе рабочей встречи 12 января 1981 года на Даунинг-стрит, где у Маргарет собрались Кит Джозеф, Джеффри Хау и Норман Теббит, они сошлись во мнении, что цена, которую придется заплатить, слишком высока. А ведь все они были убежденные «тэтчеристы». Но закрытие целой отрасли автомобилестроения, притом что она значила для районов Оксфорда и Вест-Мидлендса, было неприемлемо в политическом смысле и для правительства, и для партии. «Прагматизм победил, — с грустью констатирует Маргарет, — надо было осознавать политические реальности <...>; мы согласились с планом, предложенным компанией, и с еще большей грустью мы предоставили 990 миллионов фунтов <...>. На каждый вопль с требованием увеличения государственных расходов в ответ следовал тяжкий вздох тех, кто должен был оплачивать эти расходы».

Путь, избранный для «БЛ», может рассматриваться как пример прагматических действий, увенчавшихся в конечном счете успехом, потому что в большинстве своем предприятия, входившие в эту корпорацию, смогли подняться после того, как государство оказало им помощь в виде щедрых денежных вливаний.

Зато в ситуации с шахтерами Кита Джозефа, а соответственно, и Маргарет ожидало настоящее поражение. Эти чумазные горлопаны, свалившие в 1974 году Тэда Хита, в 1981 году заставили зашататься кресло под Маргарет Тэтчер. Она никогда им этого не простит. В тот момент ее позиция была слабой. В феврале 1981 года Национальное управление угольной промышленности объявило о закрытии тридцати трех нерентабельных шахт и увольнении тринадцати тысяч шахтеров. Национальный союз горняков, объединявший в своих рядах 96 процентов шахтеров, немедленно взорвался. Надо сказать, что это самый «красный» из британских профсоюзов. Дэвид Хауэлл, министр промышленности, хотел оказать сопротивление. Мэгги полагала, что «поражение в борьбе с шахтерами было бы воистину гибельным». Эту битву нельзя было проиграть символически. Тогда Мэгги обратила взор к своим ближайшим помощникам; она надеялась, что Хауэлл занял подготовленные позиции

перед сражением и отдал нужные распоряжения, однако страшно разгневалась, узнав, что уже добытый уголь остается на складах в шахтах. Иными словами, электростанции располагали запасами топлива всего на несколько дней, а атомных электростанций в стране было явно недостаточно, чтобы «прийти им на смену». Через несколько дней, самое большее через несколько недель страна вновь окажется на коленях перед людьми с серыми лицами и легкими, пораженными силикозом. В таком положении столкновение было невозможно. «Все, что мы могли сделать тогда — это ограничить наши потери и отложить битву на потом», — сказала она Уилли Уайтлоу. Маргарет избежала прямого столкновения. Шахты не должны были быть закрыты. Британский налогоплательщик ежегодно будет выплачивать около 400 миллионов фунтов (и это будут чистые потери), чтобы удовлетворить этих господ из Национального союза горняков. Чего не знали профсоюзные боссы, так это того, что их победа была последней, это была пиррова победа, которая вскоре приведет их к поражению, так как Маргарет отдала жесткие распоряжения министру внутренних дел и министру энергетики подготовиться, чтобы страна могла оказать сопротивление в следующий раз. Перед лицом «этих красных, что подобно моли, разъедают ткань страны», она надела рыцарские доспехи. Речь уже шла не об экономической битве, даже не о политической, а почти о крестовом походе против саботажников, губящих страну. Это было столь явной истиной, что Маргарет объяснила одному заднескамеечнику, посмевавшему попрекать и проклинать ее за временное отступление: «В ходе переговоров об угле следует мыслить как полководец, а не как бухгалтер. А полководец порой должен мыслить не как Наполеон, а как Фабий Кунктатор»^[143].

Суровое испытание закона и порядка

Восстановление закона и порядка занимало едва ли не центральное место в избирательной программе Маргарет Тэтчер. Тем не менее порядок часто нарушался во время первого срока ее премьерства террористами из ИРА, совершившими множество кровавых подвигов, а также и обиженной судьбой молодежью из пригородов, которая в 1981 году воспламенила часть Англии.

Вопрос о Северной Ирландии относится к числу тех неразрешимых проблем, тех сгустков, тех нарывов планеты, которые неумолимо и безжалостно требуют от человечества уплаты дани в виде крови и

страданий, вроде Балкан, Палестины, Израиля. После провозглашения свободного государства Ирландии, большинство которого составляли католики (в 1921 году), северная часть страны, провинция Ольстер, где большинство населения — протестанты, осталась накрепко, упрямо привязанной к английской короне. Ольстер являлся частью Соединенного Королевства, был представлен депутатами в парламенте в Вестминстере, управлялся с 1920 года местным парламентом под названием стормонт. Католики были представлены в этом парламенте незначительным меньшинством отчасти потому, что действительно составляли меньшую часть населения, а также потому, что в основном принадлежали в массе своей к самым обездоленным слоям общества. Короче говоря, католики находились под впечатлением (далеко не всегда ложным или неоправданным), что представляют собой нелюбимое меньшинство, с которым дурно обращаются и которое обрекают на молчание. Начиная с 1972 года и знаменитого «кровавого воскресенья» католики и протестанты вступали в столь жесткие, даже жестокие столкновения, что в 1974 году Ольстер был передан в прямое управление государственной власти Англии. Каждая община создавала свои отряды самообороны: юнионисты — фаланги оранжистов, а католики — подпольные группы в составе ИРА, Ирландской республиканской армии, проводившей теракты и покушения как в Северной Ирландии, так и в Англии.

Двадцать седьмого августа 1979 года Маргарет находилась в загородной резиденции премьер-министра «Чекерс» и там узнала, что лорд Маунтбеттен, двоюродный брат королевы Елизаветы II, погиб в результате взрыва его яхты, когда занимался рыбной ловлей неподалеку от деревушки Мулламор. Герой войны, последний вице-король Индии (то есть наместник английской королевы), бывший командующий Средиземноморским флотом умер бесславной смертью, весь истерзанный осколками, вместе с тремя членами семьи. Подрывники из ИРА поймали его яхту в ловушку, не испытывая ни малейшей жалости к неповинным людям, сопровождавшим его.

Спустя несколько минут телефон зазвонил вновь. Офицер Генерального штаба сообщил Маргарет, что 18 солдат были убиты в Уорренпойнте, на границе с Ирландией. В своем мрачном и кровавом мастерстве ИРА достигла высокой степени изощренности: первая мина взорвалась, когда по дороге следовала военная колонна. На место трагедии быстро прибыл вертолет, дабы оказать помощь раненым. Вторая мина, поставленная рядом и управляемая на расстоянии, была взорвана, чтобы уничтожить прибывших на помощь. Тогда погиб командир Шотландского

гвардейского полка.

У Маргарет не доставало слов, чтобы охарактеризовать должным образом «этот вызов, брошенный цивилизованному миру». В этих обстоятельствах «Железная леди» проявила свой характер полностью. Она тотчас же отправилась в Ольстер, посетила раненых, встречалась с солдатами, нанесла визит в штаб, а также и мэру Белфаста. Она без колебаний передвигалась по улицам города, охраняемым только простыми кордонами полиции, сведенными к минимуму. Она обещала жителям города, что у них никогда против их воли не отнимут «Юнион Джек». Посетила она и место трагических событий. Чтобы показать, что с террористами переговоров не ведут и что ответом на их действия может быть либо тюрьма, либо смерть, она сменила шикарный деловой костюм и модную шляпку на военный китель и красный берет полка обороны Ольстера. Не принимая во внимание того, что в дюнах могли скрываться снайперы, она отправилась в Кроссмаглен, чтобы посетить пост королевской полиции и своими глазами увидеть стены, испещренные пулями и осколками. Ее решимость была абсолютно непоколебимой. К тому времени уже более 1200 гражданских лиц и около 600 представителей сил правопорядка стали жертвами взбунтовавшегося отродья. Она будет постоянно совершать попытки найти путем переговоров политическое решение проблемы, ведя переговоры то с умеренными католиками, то с правительством Ирландской Республики, но будет беспощадна к террористам из ИРА, правда, особого успеха не достигнет. Покушения и теракты будут совершаться вновь и вновь.

В октябре 1980 года некоторые заключенные из числа членов ИРА, содержащиеся в английских тюрьмах, начали шумную кампанию протеста для того, чтобы получить статус политических заключенных. Любопытно, что их поддерживали в Европе все те, кто презирал Церковь и священнослужителей: леваки всех мастей, профсоюзы, члены крохотных троцкистских группировок, некоторые люди, являвшиеся агентами КГБ или Ливии, — и все призывали к человечности, когда террористы-заключенные, требуя признания своих прав, устраивали «грязные акции протеста»^[144] и голодовки. 1 марта 1981 года один из лидеров ИРА Бобби Сэндс, отбывавший срок в тюрьме «Мейз» в Северной Ирландии, начал голодовку, к ней подключились его соратники. Чем более его положение ухудшалось, тем большее давление оказывалось на Маргарет. Но она оставалась абсолютно глуха к обращенным к ней призывам. Многие главы зарубежных стран, даже папа римский, даже кремлевский вождь, приложили усилия, чтобы заставить ее дрогнуть. Она не может оставить

человека умирать с голоду, пусть уступит в деталях, только бы он завершил голодовку! Но нет, никогда и ни за что! Если человек решил умереть, то это его свободный выбор! Пусть умрет! Она ясно объяснила всё в мемуарах: «На конечной стадии кризиса я отказалась применять принудительное питание, ибо считаю, что это унижительная, позорная и опасная практика, которую я не могла поддержать и одобрить. Участникам голодовки трижды в день доставляли в камеры пищу, они постоянно находились под наблюдением медиков и пили воду. Когда они теряли сознание, их близкие могли дать указание медикам кормить их путем перфузии (то есть вливаний) <...>. Я надеялась, что члены их семей воспользуются этим правом, чтобы положить конец голодовке». Но этого не произошло. Десять заключенных умерли, в том числе Бобби Сэндс (5 мая). Премьер-министр Ее Величества не дрогнула, ибо «страной не управляют при помощи добрых чувств». Уступить при таком давлении означало бы открыть двери всяческому шантажу, всяким спекуляциям на гуманитарных вопросах. «Можно было, — пишет она, — восхищаться мужеством Сэндса, но невозможно было симпатизировать кровавому делу, которому они поклялись служить». Эмоции, воспламеняемые средствами массовой информации, никогда не заставят Маргарет заменить ими истинную политику.

Что было верно в отношении террористов из ИРА, было верно и для бунтовщиков, которые в апреле 1981 года разорили и разрушили Брикстон (район в Лондоне), а в июле — пригороды Ливерпуля и Бирмингема. Там разразились настоящие мятежи, с грабежами магазинов, поджогами машин, с забрасыванием полицейских и пожарных булыжниками и бутылками с «коктейлем Молотова». За одну ночь в апреле были ранены более 150 полицейских. В этих инцидентах явно присутствовала «этническая составляющая». В большинстве своем эти хулиганы были родом с Антильских островов или иммигрантами из азиатских стран. Но даже не это было самым важным в этой истории.

В каком-то смысле эти события оказались для Маргарет гораздо серьезнее, чем события вокруг террористов из ИРА, так как многие комментаторы усмотрели в них связь между ее жесткой социальной политикой и теми проявлениями насилия, которые все чаще случались в так называемых неблагополучных районах.

Но Мэгги полностью отвергла эти обвинения, испытывая только презрение к этим негодяям, уничтожавшим мир в обществе. Она была убеждена в том, что расовая напряженность и ненависть к полиции «разжигаются левацкими элементами». В Ливерпуле она с трудом

сохранила хладнокровие, когда встретила с «социальными работниками», чья враждебность по отношению к начальнику полиции и его людям ее просто поразила. Черт побери, ведь им зарплату платит государство! Маргарет, будучи дочерью лавочника-бакалейщика до кончиков ногтей, не смогла сдержать горестного восклицания при виде сожженной лавки, первым делом вспомнив об этих «бедных торговцах, так много и тяжело работающих». В Токстедде, где зародился бунт, она констатировала, что «жилье было далеко не в столь катастрофическом состоянии», как ей говорили. Далее она пишет: «Но достаточно было взглянуть на соседние с жилыми домами дворы, поросшие высокой травой и покрытые мусором, чтобы понять, что анализ положения дел был лжив. Людям там было что делать, если бы они того хотели <...>. Люди должны были вновь научиться уважать закон, свое окружение и конечно же самих себя». Короче говоря, она не пролила ни одной слезинки над участью бунтовщиков, напротив, она их осуждала.

Маргарет в краткосрочной перспективе видела только одно решение: усилить полномочия полиции и дать ей большую власть, а также предоставить и больше средств. Она была озадачена, растеряна и даже напугана, когда обнаружила, что силы правопорядка для поддержания этого порядка не располагают ни специальными щитами, ни дубинками, ни пластиковыми пулями, ни водометами. Она поручила Уилли Уайтлоу создать подразделения полиции для борьбы с бунтовщиками, которые были бы достойны так называться. В каком-то смысле это была удачная и очень своевременная мысль. Во время больших стачек 1984 года именно эти подразделения полиции смогут вступать в столкновения с шахтерами, вооруженными тяжелым снаряжением, поднятым из шахт. Маргарет постоянно посещала Скотленд-Ярд, чтобы дать инструкции относительно проведения жесткой линии. Она также обращалась к прокурорам, советуя им в судах требовать применения самых жестких санкций в отношении бунтовщиков. И ни разу она не рассматривала вопрос об изменении проводимой политики.

В конечном счете Маргарет, возможно, была права. Кому какое дело до причин? Важны результаты! В конце июля 1981 года инциденты разом кончились, словно по волшебству. Некоторые увидели в том «воздействие периода отпусков», другие — результативность полицейских мер, принятых «Железной леди», третьи же и вовсе усмотрели эффект «всеобщего хорошего настроения и монархических идей, овладевших всеми умами и душами» в связи с женитьбой принца Чарльза на леди Диане 27 июля.

Но не вновь обретенный мир способствовал тому, что к Мэгги стала возвращаться утраченная было популярность, упавшая ниже 18 процентов. Женитьба члена королевской семьи тоже не была той «ласточкой, что принесла весну» в результате социологических опросов, даже в самом Соединенном Королевстве. Спасение к ней пришло от одного латиноамериканского диктатора, который, себе на беду, решил захватить несколько почти лишенных растительности, голых, обдуваемых всеми ветрами островков, находившихся в 14 тысячах километров от Лондона...

Диктатор приходит на помощь: вторжение на Фолкленды [\[145\]](#)

Есть в истории некие поворотные моменты, когда всё изменяется, чтобы никогда не вернуться к прежнему положению вещей. Вплоть до 2 апреля 1982 года, до вторжения аргентинских войск генерала Гальтиери на Фолклендские острова, Маргарет Тэтчер была одним из премьер-министров, скорее неудачливым, в стране с экономикой, находящейся в упадке, премьер-министром, чья популярность всё падала и падала. Спустя чуть более двух месяцев после того, как острова были отвоеваны, она обрела особый статус великого государственного деятеля, правившего страной в военное время и увенчанного лавровым венком победы.

Однако началась вся эта история для нее скорее плохо, чем хорошо. Некоторые недоброжелатели шептались, что она могла бы предвидеть это нападение, а быть может, и предупредить его. Следует напомнить, что Фолкленды всегда были пунктом постоянных трений между Великобританией и Аргентиной. Крохотная пылинка империи, затерянная в Южной Атлантике... Эти острова перешли под суверенитет Великобритании в 1833 году. Небольшие островки, покрытые торфяниками и ландами, над которыми бушуют штормы и ураганы южных морей, находятся менее чем в 500 километрах от побережья Аргентины. Там нет ничего, кроме 600 тысяч овец, нескольких китобойных шхун и 1800 подданных Ее Величества. Их экономическое значение равно нулю, как и стратегическое. Эти островки были «военным театром» знаменитого морского сражения в 1914 году, когда Королевский военно-морской флот Великобритании одержал блестящую победу, потопив четыре крейсера кайзера Вильгельма II: «Шарнхорст», «Гнейзенау», «Нюрнберг» и «Лейпциг». Кроме этого, в книгах по истории о них нет больше ни одного слова, это просто точка на глобусе, и всё. Кстати, Деннис Тэтчер

признавался, что когда Маргарет впервые заговорила с ним о Фолклендах, ему пришлось заглянуть в атлас, чтобы узнать, где они находятся.

Аргентинцы претендовали на Фолкленды под тем предлогом, что в период с 1829 по 1833 год некий Луи Верне создал там колонию, находившуюся под призрачным суверенитетом молодой Республики Аргентины; затем его оттуда изгнал отряд английских моряков. Мальвины (первоначально Мальдины), как звучит название Фолклендов в аргентинском варианте, по сути являются чем-то вроде мифа. Там нет никаких аргентинцев, никаких залежей полезных ископаемых, вокруг них нет даже континентального шельфа, где можно было бы искать природные богатства. Ровно ничего! Это просто мечта об утерянных землях. Вероятно, для аргентинской молодежи и аргентинских военных эти острова — нечто вроде «утраченных провинций», как бы их Эльзас и Лотарингия^[146].

Форин Оффис прекрасно сознавал, сколь серьезна проблема. В ООН министерство иностранных дел Великобритании пыталось проводить двусторонние переговоры, чтобы найти решение, которое устроило бы всех, тем более что защищать эти одинокие, затерянные в океане скалы, как полагали дипломаты, невозможно. Предпочтительным решением была бы передача островов под суверенитет Аргентины с условием аренды их Великобританией на 99 лет; таким образом Соединенное Королевство сохранило бы на целый век право управления островами. Вопрос об островах не особенно интересовал Маргарет. Она не видела препятствий для его решения, при условии, что жители островов с ним согласятся. Вот здесь-то и было «больное место». Островитяне, эти овцеводы, эти крепкие парни, по происхождению в основном шотландцы или уэльсцы, не имели ни малейшего желания однажды оказаться во власти администрации какой-то латиноамериканской страны с нравами «банановой республики». Они ни за что не желали расставаться с британским гражданством. В 1980 году в Порт-Стэнли, столицу островов, был направлен Ник Ридли, чтобы прозондировать настроения местных жителей, и вернулся с четким ответом: жители и слышать не хотят ни о какой передаче островов Аргентине на условиях их последующей аренды Англией. Но у Маргарет Тэтчер голова была забита другими заботами, в частности экономическими. Она оставила вопрос в «подвешенном состоянии», предоставив Форин Оффису позаботиться о его разрешении.

К несчастью, генерал Гальтиери, новый глава аргентинской военной хунты, пришедший к власти в 1980 году, более чем когда бы то ни было, пристально смотрел на эту «голубую линию Вогезов под латиноамериканским соусом». Положение дел в Аргентине было

ужасающим: безработица достигала 25 процентов среди населения, гиперинфляция составляла более 100 процентов в год; к тому же все громче и громче звучали голоса коммунистов. Успех за пределами страны, какое-нибудь успешное завоевание территории могли покрыть слоем золота изрядно потускневшие галуны генерала. Добавим, что он был обязан своим приходом к власти главе Генерального штаба военно-морских сил адмиралу Анайе, для которого отвоевывание Мальвинских островов было делом глубоко личным.

Информация, пришедшая из Великобритании, показалась генералу Гальтиери в военном отношении благоприятной. В «Белой книге», посвященной вопросам обороны, вновь назначенный министр Джон Нотт ясно указал, каковы будут приоритеты: политика устрашения противника ядерными ракетами «Трайдент» и развитие воздушно-наземных войск, предназначенных для театра военных действий в Центральной Европе. Флот в этих планах выглядел «бедным родственником». Ощущая нажим со стороны Маргарет Тэтчер, оказываемый с целью наведения экономии, Джон Нотт сделал в бюджете военно-морского флота то, что лесорубы называют «прореживанием», ибо флот, по его мнению, был ветхим наследством империи, навсегда канувшей в прошлое. Несмотря на вопли адмиралов, он предложил приступить к разоружению авианосца «Гермес», продать еще один авианосец «Инвинсибл» («Непобедимый»), сократить количество кораблей с шестидесяти до сорока, а также отказаться от основных десантных барж, в том числе и от таких как «Фиэлис» («Бесстрашный»), необходимых для проведения широкомасштабных амфибийных операций. Претворение этого плана в жизнь должно было произойти в течение трех лет. Если бы он был реализован, Англия окончательно перестала бы быть мощной морской державой, способной десантировать на сушу наземные войска. Одержимая идеей советской угрозы, уверенная в очевидном превосходстве американского военно-морского флота с его дюжиной ядерных авианосцев, Маргарет дала свое согласие на претворение этого плана в жизнь, не слишком вдаваясь в подробности возможных последствий. К счастью для нее, к его осуществлению еще не приступили, когда в Южной Атлантике обстановка внезапно стала очень напряженной... Иначе никогда никакой войны из-за Фолклендских островов не было бы.

Находясь в постоянных поисках, на чем еще можно было бы сэкономить, министерство обороны в феврале сообщило о том, что в Англию отзывается «Индьюренс» («Стойкий»), единственный крупный корабль, базировавшийся в Порт-Стэнли. Хотя в военном отношении его

«вес» и был практически равен нулю (три пушки, экипаж и несколько десятков человек, включая морскую пехоту), все же эти действия Буэнос-Айрес воспринял как некий сигнал. Англичане как бы дали понять, что они не хотят умирать за Фолкленды. Отозвать оттуда корабль означало примерно то же самое, что снять и увезти флаг. В любом случае это было воспринято именно так. И в Аргентине ускорилась подготовка ко вторжению. Первоначально в планах аргентинских военных вторжение было запланировано на сентябрь 1982 года, в самый разгар зимы в Южном полушарии, когда ураганы и штормы делают почти невозможной отправку экспедиционного корпуса, так как скорость ветра достигает 100 километров в час, а волны в среднем — десятиметровой высоты.

Но ситуация осложнялась быстрее, чем было предусмотрено. 23 марта 1982 года группа аргентинцев, занимавшихся торговлей железным ломом, высадилась на Южной Георгии, одном из Фолклендских островов, в крохотном покинутом людьми поселке, чтобы разобрать на части старые постройки и ржавеющие суда. Но они не довольствовались тем, что вдоволь поиграли с автогеном, они подняли над островком аргентинский флаг! Это было началом цепи обстоятельств, приведших к военному конфликту. Маргарет, согласовав вопрос с лордом Каррингтоном и найдя, что их мнения совпадают, отдала приказ морякам с «Индьюренс», еще находившимся в районе Фолклендов, очистить британскую территорию от сборщиков металлолома. В то же время МИ-6^[147] сообщила, что аргентинский флот готовится сниматься с якоря. 29 марта был отдан приказ двум ядерным подводным лодкам-ракетоносцам также сниматься с якоря^[148]. Форин Оффис рекомендовал провести демонстрацию силы, постепенно усиливая нажим, но соблюдая меру. Однако при наличии возбужденного до последней степени своим народом генерала, жаждущего броситься в бой и перейти сразу же в рукопашную, все кодексы хорошего дипломатического поведения, к несчастью, перестают действовать.

Вечером 31 марта, когда еще никто не верил в неизбежность вторжения, Джон Нотт пригласил Маргарет в ее кабинет в палате общин, чтобы срочно переговорить, и сообщил, что аргентинцы планируют напасть на острова 2 апреля. «Совершенно потерянный и уничтоженный, — вспоминает Маргарет, — он так выразил точку зрения министерства обороны: если Фолкленды будут завоеваны аргентинцами, то их невозможно будет отвоевать». Маргарет пришла в ярость и коротко бросила: «Если они будут завоеваны, мы должны будем их отвоевать». В этот момент в палату общин прибыл первый лорд Адмиралтейства^[149], сэр

Генри Лич. Он был в гражданском костюме и потому задержан представителями службы безопасности в холле. К тому же он не имел при себе документов, так что понадобилось вмешательство одного из организаторов партии консерваторов, чтобы выйти из этого неловкого положения. Так, Фолклендский кризис начался как опера-буфф, но продолжение было куда более серьезным. Лич продемонстрировал гораздо больший оптимизм, нежели вышестоящий министр. Маргарет пишет в мемуарах: «Он выказал спокойствие, даже безмятежность, заявив: „Я могу собрать флот, в составе которого будут эсминцы (эскадренные миноносцы), фрегаты, десантные баржи, суда сопровождения. Возглавлять его будут авианосцы ‘Гермес’ и ‘Инвинсибл’. Он будет готов выйти в море через сорок восемь часов“». И это не какой-нибудь хвостун попусту бахвалился. Лич сказал, что будет тяжело, неизбежны потери и жертвы, противовоздушная оборона слаба и что у авиации, базирующейся на авианосцах, в распоряжении есть только самолеты с вертикальным взлетом, и у нее, так сказать, «короткие ноги», то есть радиус действия у нее не слишком велик. Однако сам он произвел великолепное впечатление. «Железная леди» успокоилась: «Генри Лич мне доказал, что если нам придется сражаться, то отвага и профессионализм британских войск победят».

Однако пробил час кризиса, в том числе и политического. Оппозиция принялась разоблачать этот акт международного разбоя, который госпожа премьер-министр не смогла предупредить. Она была вынуждена столкнуться с парламентской фрондой не только в рядах оппозиции, но и в рядах своего большинства. Впервые после Суэцкого кризиса 1956 года палата общин собралась на внеочередное заседание в субботу. Напряжение было ощутимым. Некоторые заднескамеечники уже считали, что Маргарет загнана в угол и обречена на отставку. На трибунах консерваторов спорили и размышляли, а быть может, кое-кто и «играл на повышение или понижение». Но ее холодная решимость, мужская уверенность и патриотический порыв разожгли огонь старого гимна «Правь, Британия, морями...», а ведь многие думали, что он уже давно угас навсегда. Речь ее была жесткой и твердой: «Я должна напомнить членам палаты, что Фолклендские острова и их прибрежные воды были и остаются британской территорией <...>. Никакая агрессия и никакое вторжение не смогут изменить этот основополагающий факт. Цель правительства состоит в том, чтобы острова были освобождены от любой оккупации <...>. Население Фолклендов <...> имеет право определять свое гражданство. Их образ жизни — британский, они — граждане Великобритании, подданные Ее

Величества. Воля народа Великобритании — гарантировать это право. В этом наша надежда, и на это будут направлены наши усилия». Даже в рядах левых раздали аплодисменты. Майкл Фут, лидер лейбористов, был охвачен всеобщей эйфорией, сотрясшей Англию. Он поддержал идею отправки экспедиционного корпуса, «ибо вторжение не есть начало оправдания, в нем нет ни малейшей доли законности».

Однако общественное мнение еще не было до конца на стороне Маргарет. Около 60 процентов респондентов при опросах обвиняли ее в том, что она позволила захватить Фолкленды. Однако отправка экспедиционного корпуса способствовала изменению общей атмосферы. «Юнион Джек» развевался над вывесками магазинов, в бутоньерках «цвели» маковые головки. В понедельник корабли экспедиционного корпуса под громкое «ура» толпы стали сниматься с якоря. И вот уже около сотни кораблей, 40 самолетов и 26 тысяч человек, среди которых был и сын королевы, принц Эндрю, служивший на авианосце «Инвинсибл», «на всех парах» неслись по направлению к Южной Атлантике.

Очень быстро вновь восстал из пепла Священный союз, как в лучшие дни войны с фашизмом. Речь шла о том, чтобы победить диктатора, вести борьбу с политикой «свершившегося факта». Но, к своему великому сожалению, Маргарет понимала, что нужен и «козел отпущения». Два министра подали ей прошения об отставке: лорд Каррингтон и Джон Нотт. Первый взял на себя ответственность за то, что не почувствовал приближение кризиса, второй — за то, что не «перевозвооружил» острова, то есть не усилил их защиту, когда на то еще было время. Но Маргарет не могла себе позволить сменить министра обороны в тот момент, когда флот был в походе. Скрепя сердце она согласилась на отставку лорда Каррингтона и на замену его Фрэнсисом Пимом. Но выбор этот был очень труден. Разумеется, Каррингтон — один из «мягкотелых», из тех сторонников консенсуса, что всегда отступают перед возможным столкновением. Но он был одним из тех «вельмож-консерваторов», которые несут на своих лицах отпечаток старинного рода и расы, а также традиции служения королеве. С профилем истощенного орла и искрящимся юмором взглядом, он был самым символом верности. Письмо, которое он написал Маргарет после своей отставки, стоит процитировать хотя бы потому, что в нем раскрываются великие достоинства его души: «Я думаю, что был прав, уйдя в отставку. Климат становился таким, что существовать мне в нем было бы невозможно, любой совет, который я бы вам дал, сочли бы неприемлемым, а меня бы обвинили в том, что я виноват в любой ошибке из-за того, что дал неверный совет. Партия теперь превратится в блок,

который будет за вашей спиной <...>. Хотя я никогда не претендовал на то, что был согласен с вами во всем, мое восхищение вашей отвагой, вашей решимостью и вашим запасом сил бесконечно. Вы заслуживаете победы, и если понадобится хоть что-то, что я мог бы сделать, чтобы помочь вам, вам стоит лишь попросить меня об этом, и я тотчас же все сделаю». Кстати, Маргарет достаточно правдиво описывает свое тогдашнее состояние духа: «Я заменила умного „мягкотелого“ на мрачного „мягкотелого“»...

Пока флот шел к Южной Атлантике, дипломатия вновь вспомнила о своих правах. В тот момент кризиса никто всерьез не думал, что разразится вооруженный конфликт. Англичане старались занять как можно большее число союзников. Большинство стран ЕЭС согласилось встать на сторону Соединенного Королевства, по крайней мере, в вопросе о введении эмбарго на поставки оружия, то есть об установлении торговой блокады Аргентины^[150]. Маргарет Тэтчер пишет в мемуарах: «Франсуа Миттеран был среди наших самых верных друзей вместе с руководителями стран Содружества». Другие источники сообщают, что отношения в то время были более натянутыми, так как президент Франции отказался передать англичанам шифры, позволявшие отводить или перенаправлять французские управляемые крылатые ракеты «Экзосет», проданные Аргентине. Увы, ему приходилось способствовать развитию французской оборонной промышленности... Кстати, Чили, страна, находившаяся под управлением генерала Пиночета, тотчас же пришла на помощь англичанам и предоставила в их распоряжение все сведения, собранные ее радарными^[151].

Что же касалось Соединенных Штатов, здесь Мэгги столкнулась с неожиданными трудностями. Она думала, что США — самый верный союзник Англии, поддерживала с Рональдом Рейганом крепкие личные связи, но в данной ситуации США проявили осторожность, граничащую с робостью. Да, они подвергли критике сам акт вторжения, но все же позаботились о том, чтобы в начале апреля известить всех, что они «не являются врагами ни одной из сторон». Действительно, в то время США стремились к союзническим отношениям со странами Латинской Америки из-за необходимости вести борьбу с подрывной деятельностью коммунистов. Заместитель министра обороны Каспар Уайнбергер тайно помогал англичанам. Он снабжал их ракетами и средствами материально-технического обеспечения. Но одновременно государственный секретарь Александр Хейг занимался дипломатической эквилибристикой самого высокого уровня, совершая бесконечные перелеты из Лондона в Буэнос-

Айрес и обратно. Все предложения натыкались на два краеугольных пункта: предварительный вывод аргентинских войск с островов и вопрос о их принадлежности. Ни одна из сторон не была готова пойти на уступки ни по одному из этих вопросов. К тому же при рассмотрении возможности отзыва вооруженных сил обеих сторон тут же вставал вопрос о временном управлении островами. И это тоже создавало проблему. Следует ли доверить управление ООН или создать смешанную англо-аргентинскую администрацию? Англичане требовали, чтобы флаг Аргентины был спущен до тех пор, пока в ходе переговоров не будет окончательно определена судьба островов. Буэнос-Айрес наложил на это требование формальное вето. Генеральный Секретарь ООН Перес де Куэльяр пытался действовать со своей стороны, но без особого успеха. Всё упиралось в главное: отвод войск и вопрос о принадлежности. Кроме того, в Аргентине восторженные толпы с каждым днем всё больше заполняли улицы, дабы выразить свою поддержку генералу Гальтиери. Он уже понимал, что, если отступит, его просто сметут. Он тоже должен был показать свою непоколебимость.

Переговоры были тем более трудными, что Маргарет Тэтчер очень рано одержала победу в юридической сфере. Международное право было на ее стороне. А потому у нее не было никаких причин выказывать гибкость и уступчивость. С самого начала кризиса благодаря таланту английского представителя в ООН сэра Энтони Парсонса, дипломата старой школы, учившегося искусству дипломатии в кулуарах канцелярий при отце, а затем в правительстве Макмиллана, Великобритания смогла добиться того, что Совет Безопасности принял резолюцию № 502, осуждавшую агрессию Аргентины. С того момента, основываясь на пункте 51 Устава ООН, разрешавшем применение военной силы в случае законной обороны, Англия могла спокойно готовиться к отвоеванию Фолклендов. Маргарет плохо переносила давление со стороны дипломатов, «желавших вести переговоры ради переговоров». Она «чувствовала, что аргентинцы никогда не уйдут с островов без боя, а любое решение, кроме их ухода, было неприемлемо». Следует признать, что втайне по духу и по уму она была военачальником.

Победа на краю света

В доспехах полководца, возглавляющего нацию в состоянии войны, она чувствовала себя наилучшим образом, это правда. На второй день после отправки экспедиционного корпуса она встретилась с Макмилланом,

занимавшим пост премьер-министра во времена Суэцкого кризиса, и спросила его прямо: «Ну как на самом деле воюют?» Единственный совет, который он ей дал: создать «узкий» Военный кабинет, собирающийся ежедневно и включающий по возможности наименьшее число бюрократов. Она поняла, каково правило «нулевой бюрократии». Ничто не могло доставить ей большего удовольствия.

Военный кабинет, или Кабинет военного времени (названный еще Южно-Атлантическим подкомитетом Комитета обороны и войск, находящихся вне метрополии), собирался ежедневно в 9 часов 30 минут либо на Даунинг-стрит, либо в поместье «Чекерс» в уик-энд. В его состав входили «избранные» министры: Фрэнсис Пим из Форин Оффиса, Джон Нотт из министерства обороны, Уилли Уайтлоу в качестве заместителя премьер-министра. Джеффри Хау не был туда допущен по той причине (как написала Маргарет 8 апреля), что, «когда будущее свободы и репутация Великобритании были поставлены на карту, мы не могли размышлять над тем, сколько это будет стоить». В кабинет вошли также начальник Генерального штаба сэр Левин и первый лорд Адмиралтейства (командующий военно-морскими силами) сэр Лич. К этой «команде» присоединился еще советник по юриспруденции, ибо Маргарет, имеющая адвокатский опыт, настаивала на том, чтобы все принятые решения соответствовали международному праву.

Каждый вторник членов кабинета подробно информировали об изменениях в обстановке. Всякий раз, когда это требовалось, Маргарет созывала кабинет на заседание и ставила на голосование решения, означавшие эскалацию напряженности. В деле, когда должна была пролиться английская кровь, она хотела, чтобы решения принимались коллегиально, даже если «автором» этих решений была она сама.

Это было начало настоящей «истории любви» с армией. Маргарет ощущала свою близость с солдатами. Она всегда говорила о «наших парнях», о «наших мальчиках» с дрожью в голосе. Когда ей сообщали о потерях, она бывала потрясена. Многократно члены Военного кабинета замечали, как она потихоньку утирала слезу. Пренебрежительно она посмеивалась только над несчастьями безработных. Тред-юнионисты и «рассерженная молодежь» казались ей негодяями и разбойниками. Но она чувствовала свою близость с самым скромным из пехотинцев, отправленных на край света, на расстояние в 14 тысяч километров от матери-родины, чтобы защищать «Юнион Джек». Без болтливости патриотизма, без пустой риторики, она просто была одной из них, тех людей, у которых нет ничего, что можно отдать, кроме своей жизни, и они

ее отдавали. Она лично писала письма семьям офицеров и солдат, павших в боях (каждой семье!). Это были не формальные, уже готовые письма, которые оставалось только подписать, нет, эти письма были написаны от руки. И всякий раз она требовала, чтобы Генеральный штаб устроил брифинг по поводу обстоятельств героической гибели британских солдат на поле чести. На всех кораблях Королевского военно-морского флота постепенно возникал настоящий миф о Маргарет. Моряки знали, что она может попросить их умереть, но они также знали и то, что она их не бросит. Ее решимость вдохновляла. И в то время, когда переговоры продолжались, «парни» пребывали в твердой уверенности, что на сей раз Англия «пойдет до конца»: Фолкленды не станут новым Суэцким каналом и на этот раз не будет позорного отступления. Маргарет стала для них королевой амазонок. Плакаты с ее изображением украшали длинные коридоры на боевых кораблях, а 3-я бригада пехоты избрала в качестве боевого гимна песню под названием «Армия для Мэгги».

Маргарет с удовольствием знакомилась с офицерами Генерального штаба. Эти люди явно принадлежали к категории «жестких». Они умели отвечать «да» или «нет», они не знали таких слов, как «быть может», полных недомолвок. Ей нравились их искренность и чистосердечие. Разумеется, она сама при общении с ними «принимала позы Черчилля». Перед тем как приступить к боевым действиям, она даже посетила то место, где находился «штаб Уинстона» во время войны. Ведь это был ее учитель, и история, наконец, дала ей возможность пойти по его стопам. Он должен был разгромить Гитлера, она — Гальтиери. Да, пропорции сохранились, только уровни были разные...

Однако же кое в чем Маргарет даже превосходила Старого Льва. Она прекрасно осознавала, что совершенно несведуща в военном деле, в то время как Уинстон Черчилль заваливал Генеральный штаб самыми фантастическими планами ведения боевых кампаний. У Маргарет же хватило мудрости оставить бразды правления армией и флотом в руках генералов и адмиралов. Ни в коем случае она не хотела вмешиваться в ход операций и кому-то мешать^[152]. Она просила, чтобы всякий раз ей представляли все возможные варианты. Затем она принимала решение, а военные его выполняли. Адмирал Левин вспоминает, что «с точки зрения военных она была идеальным главнокомандующим».

Дело приняло серьезный оборот 22 апреля, после захвата (или освобождения) англичанами острова Южная Георгия. Кстати, это было не так-то легко. Два вертолета разбились из-за сильнейшего штормового ветра. Военные опасались, что будет много жертв. К счастью, пилотам

третьего вертолета удалось найти и подобрать командос из специальной военно-десантной службы Великобритании, потерпевших катастрофу. Остров был отвоеван без жертв. Журналисты осаждали Маргарет и спрашивали, будут ли продолжаться военные действия; она же ограничивалась таким ответом: «Радуйтесь хорошим новостям и поздравьте наши вооруженные силы и флот».

Фрэнсис Пим вернулся с новым планом решения проблемы, предусматривавшим передачу островов во временное управление ООН. Он был дипломатом и делал свое дело. Но Маргарет не хотела приступать к осуществлению этого плана до тех пор, пока аргентинцы не уйдут с островов. Она полагала, что поступить так — значит дать вознаграждение за акт агрессии. Итак, предложение Пима было отвергнуто кабинетом министров. Правда, на чашу весов Маргарет бросила свою возможную отставку...

Ход событий убыстрился. 26 апреля Военный кабинет принял решение об установлении особой зоны (зоны, куда не должно было проникать никакое иностранное судно) в радиусе 200 миль вокруг Фолклендских островов как на море, так и в воздухе. Выступая в палате общин, Маргарет повысила тон: «Я должна уточнить, что наш экспедиционный корпус вскоре будет в виду Фолклендских островов. После принятия резолюции № 502 прошло три недели. Так как наш экспедиционный корпус попал в бури и ураганы, бушующие в этом регионе, то выбор военных действий ограничен». Вечером, выступая по телевидению, она вернулась к своим приоритетам, заговорив о возвращении «наших парней» домой по возможности целыми и невредимыми: «Я должна держать в уме интересы наших солдат. Я должна заботиться о их безопасности, их жизнях и сделать так, чтобы они с успехом выполнили свою миссию <...> с наименьшим риском...»

Новый порог был преодолен 2 мая, когда подводная лодка «Конкерор» («Победитель») потопила аргентинский крейсер «Генерал Бельграно» на границе 200-мильной зоны; 368 аргентинских моряков погибли. Противники Маргарет утверждают, что она разрешила военно-морскому флоту потопить аргентинский корабль ради срыва переговоров, вновь начавшихся благодаря усилиям Перу. Эта точка зрения не выдерживает пристального рассмотрения и анализа. Крейсер «Генерал Бельграно», вооруженный ракетами «Экзосет», шел по направлению к английскому кораблю «Инвинсибл». Его сопровождали два эсминца, которые, видимо, совершили маневр с тем, чтобы взять «Инвинсибл» в клещи. Таким образом, командующий экспедиционным корпусом адмирал Вудворд с

полным на то основанием мог счесть, что его авианосцу грозит опасность. Что же касается большого числа жертв, то они стали следствием не какой-то невообразимой британской жестокости, а панического бегства двух эсминцев, чьи команды не пришли на помощь своим тонущим товарищам...

Увы, 4 мая пробил час реванша. Один из аргентинских самолетов, летевший на бреющем полете, сумел обмануть радары, к тому же чилийские ретрансляторы в тот момент были на ремонте. Большая черная птица неслышно скользила над волнами. Находясь в 25 километрах от цели (вероятно, от Порт-Стэнли), самолет атаковал английский корабль «Шеффилд». Корабль получил пробоину, 29 моряков погибли, заплатив своими жизнями за Фолкленды.

Теперь уже никто по-настоящему не верил в мирное решение вопроса. Однако 16 мая Великобритания предприняла последние усилия в области дипломатии. Действительно, отклики Гендерсона в ООН были не слишком доброжелательны: «Это начинает походить на недостойное нападение НАТО на бедную страну третьего мира, не входящую ни в один из блоков». Находясь в поместье «Чекерс», Маргарет подтвердила, что дает согласие на временное управление островами администрацией под эгидой ООН и на последующие переговоры по поводу статуса островов при условии ухода аргентинцев с Фолклендов. Связанный своими националистическими обещаниями, генерал Гальтиери даже не дал себе труда ответить. 20 мая в палате общин премьер-министр заявила, что «все усилия исчерпаны <...>, что на столе более нет никаких предложений <...>, что мы всегда желали мирного урегулирования, а не мирной капитуляции».

Адмиралу Вудворду был отдан приказ перейти к активным боевым действиям. Операции предстояли сложные и рискованные, так как британский флот обладал недостаточным прикрытием с воздуха: всего 40 самолетов «Си Харриер» против 160 аргентинских самолетов. Кроме того, Королевский военно-морской флот не располагал самолетами с радарными установками типа «Авакс», позволявшими засечь самолеты противника. Первая группа десантников высадилась в заливе Сан-Карлос, тогда как аргентинцы ожидали прямой атаки на Порт-Стэнли. «Фиэлис» («Бесстрашный») сумел подойти к берегу, начались высадка войск и выгрузка техники. Аргентинская авиация беспрестанно вела бомбардировку места высадки, но, к счастью, множество бомб было с дефектами и не взрывалось. Пилоты самолетов «Харриер» тоже совершали чудеса, в основном благодаря ракетам «Сайдвиндер» («Боковой удар»), поставленным американцами. К вечеру 22 мая над заливом Сан-Карлос уже

вновь развевался «Юнион Джек». Четыре тысячи человек закрепились на острове. Благодаря густому туману аргентинская артиллерия не могла вести прицельный огонь, и английские войска смогли продвинуться вглубь суши. Но бои шли не без потерь. Несколько кораблей затонуло: фрегаты «Ардент» («Горячий») и «Антилопа», эсминец «Ковентри», транспортное судно «Атлантик конвейор». Самые трагические сцены разыгрывались в заливе Блаф Соу, где в транспортную баржу, битком набитую солдатами, попала зажигательная бомба. Пятьдесят один гвардеец из Уэльского гвардейского полка сгорел заживо на этой барже, названной в честь одного из рыцарей Круглого стола, сэра Галаада (Галахада). Итог мог быть еще ужаснее, если бы экипажи вертолетов не выказали великое мастерство управления машинами, равное мастерству их предшественников, участников битвы за Англию. Они держались низко-низко, почти касаясь воды, и вращением винтов разгоняли нефтяную пленку, чтобы позволить оставшимся в живых отплыть подальше, прежде чем поднять их с помощью лебедок на борт. Солдаты гибли от пуль и снарядов. Полковник Джонс, командир 2-го полка Королевских воздушно-десантных войск, погиб в местечке Гуз-Грин, ведя в атаку свой полк. Несколько дней спустя его заместитель примет капитуляцию аргентинских войск в Порт-Стэнли; произойдет это 14 июня. «Юнион Джек» вновь будет развеваться над отвоеванными Фолклендами. Двести шестьдесят пять британских офицеров и солдат пали смертью храбрых.

В эти дни, когда за острова шли сражения, Маргарет практически не спала. Она постоянно ждала известий, но у нее хватало такта не бомбардировать Генеральный штаб бесконечными запросами новой информации. Она умела ждать. «Да, это и есть война: ждать, ждать и ждать...» — сказал ей однажды Деннис, вспомнивший Монте Кассино. Дочь Маргарет, Кэрол, пишет: «Я уверена, что она предпочла бы стрелять в Гуз-Грин, а не сидеть в доме 10 по Даунинг-стрит». И Кэрол права. Ждать было тем более мучительно, что Маргарет постоянно испытывала давление со стороны деятелей международного сообщества, предлагавших ей отдать приказ о замедлении продвижения войск. Рональд Рейган 31 мая предложил ей проявить «великодушие Уинстона Черчилля». Она ответила, что отказывается это сделать, «чтобы военный успех не превратился в дипломатическое фиаско». 5 июня сэр Парсонс воспользовался правом вето в Совете Безопасности ООН, чтобы избежать принятия резолюции, требующей немедленного прекращения огня. Попробовал вмешаться руководитель внешнеполитического ведомства Ватикана, но тщетно. Вдобавок ко всему Би-би-си тоже «приложила руку», постаравшись

представить войну как бы с двух сторон. По Би-би-си передали интервью со вдовами аргентинских моряков, погибших на затонувшем «Генерале Бельграно». В передаче говорили об англичанах и аргентинцах, вместо того чтобы говорить о «наших» и «врагах», как было во время Второй мировой войны. На взгляд Маргарет, это было непростительной ошибкой телевидения страны, народ которой ведет войну. Что касается архиепископа Кентерберийского, то он без устали призывал всех молиться за аргентинцев, ставших жертвами конфликта. Да, такова уж его роль. Но Маргарет это действовало на нервы, она даже приходила в отчаяние. Если война начата, ее надо выигрывать, а не вести. И все должны быть вместе, все должны держаться позади знамени по стойке «смирно».

Капитуляция Порт-Стэнли стала, разумеется, личным триумфом Маргарет. Но это было еще и нечто большее. Это вызвало какой-то новый дух, вселившийся во всю Англию. Соединенное Королевство восставало из небытия. Когда 14 июня Маргарет вернулась на Даунинг-стрит, ее ожидала большая толпа, встретившая ее приветственными возгласами и пением «Правь, Британия». Именно о «духе» Фолклендов с жаром напоминает премьер-министр своим согражданам в речи, произнесенной 3 июля в Чэлтенхеме: «Мы перестали быть нацией, совершающей отступление. Мы обрели новую веру в себя, порожденную внутренними экономическими битвами и прошедшую суровые испытания в 12 тысячах километров отсюда <...>. И сегодня мы можем радоваться нашему успеху на Фолклендах и гордиться тем, что могут совершить десантники. Но мы это делаем не для того, чтобы подуть на затухающее пламя и вдохнуть жизнь в его последние дрожащие язычки... Мы радуемся тому, что Великобритания оживила тот дух, что заставлял ее воспламеняться на протяжении жизни многих предыдущих поколений и который сегодня загорелся тем же огнем. Страна вновь обрела себя в Южной Атлантике и будет продолжать восстанавливать силы, опираясь на одержанную победу».

Добавить к этому нечего. Вероятно, можно сказать о трех извлеченных уроках...

Первый состоял в том, что потребовалась замечательная, исключительная решимость, чтобы хорошо вести эту войну и выиграть ее. Даже при наличии компетентных генералов, отважного и дерзкого флота, отлично обученной авиации и способных к ведению боевых действий солдат всё было возможно. Если бы Буэнос-Айрес серьезно воспринял готовность англичан дать аргентинцам отпор, если бы отправил к месту столкновения свои элитные части вместо новобранцев, охваченных страхом и истерзанных холодом, события могли бы иметь совсем другой ход. Да,

всё могло быть иначе: экспедиция могла закончиться громким фиаско или, по крайней мере, кровавой бойней.

Второй урок заключался в том, что Англия внезапно, как говорится, «одним ударом» вновь обрела статус мировой державы. Один советский генерал будто бы несколько лет спустя сказал Маргарет: «В тот день мы поняли, что никогда не сможем сбить с ног англичан».

Третий, быть может, самый спорный урок состоит в том, что народы питаются не одним только хлебом, перефразируя знаменитое высказывание: «Не хлебом единым...» И это истинная правда. С рациональной точки зрения Фолклендская война была чистым безумием. Двести шестьдесят пять человек погибли ради 1800 жителей и 600 тысяч овец. Война обошлась Англии в три миллиарда фунтов стерлингов. Журналист-недоброжелатель заметил, что, наверное, лучше было бы дать каждому островитянину по одному миллиону фунтов. С точки зрения рациональности, да! Но эта война имела иное значение; вероятно, здесь уместно вспомнить слова одного из героев «Гамлета» Шекспира, того самого капитана, что ведет своих солдат в Польшу: «Сказать по правде, мы идем отторгнуть местечко, не заметное ничем. Лишь званье что земля»^[153]. Вероятно, честь — это было то самое лекарство, в котором Великобритания более всего нуждалась после трех лет обыденной жизни, когда она была низведена до уровня посредственностей. И с этой точки зрения те, кто пал в заливе Сан-Карлос, в заливе Гуз-Грин или у горы Маунт Тамблаун, умерли не зря.

Для Маргарет Тэтчер эта война стала знаком ее политического возрождения, если не сказать «ее пришествия» во власть. Это был переломный момент.

Политическое возрождение

У премьер-министра хватало такта, чтобы не приписывать все заслуги одержанной победы только себе одной. Она охотно делилась этими заслугами с военными и немного, с большим трудом, — с политиками. 21 июня она прибыла в Портсмут вместе с членами королевской семьи, чтобы приветствовать вернувшийся от берегов Фолклендов «Гермес». Ее иногда упрекают в том, что она немного «превзошла» предписанную ей роль. Дело в том, что традиционно только королевская семья отвечала отдаванием чести на приветствие военных, а она... она тоже сделала этот жест. Это стали комментировать, недоброжелатели подвергли это резкой критике,

карикатуристы изображали Маргарет в образе то Боудикки, царицы бриттского племени иценов, то Елизаветы I, то королевы Виктории. В каком-то смысле ей таким образом воздавали почести, даже не понимая этого! В октябре 1982 года на съезде Консервативной партии ура-патриотическая^[154] истерия достигла наивысшего уровня. Члены партии, делегаты съезда в состоянии, близком к помешательству, размахивали национальными флагами в ожидании Мэгги. Море флагов и флажков! На трибуне находилась вдова полковника Джонса, героя Гуз-Грин, чтобы воздать должное вновь обретенным ценностям Великобритании, символом великого значения коих было самопожертвование ее мужа.

Несмотря ни на что, Маргарет соблюдала осторожность. Некоторые из ее советников настойчиво предлагали ей распустить палату общин сразу же после победы, но она категорически отказалась это сделать. Ведь ее могли обвинить в циничной избирательной политике! Осенью она ясно сказала об этом журналисту из «Дейли экспресс»: «Фолклендская война была вопросом национальной гордости, и я не хочу употребить победу на пользу одной партии». Итак, «палаты общин цвета хаки» не будет. Маргарет тем более могла позволить себе это великодушие в избирательной политике, что ее звезда вновь сияла ярче всех на небосклоне социологических опросов. Более 65 процентов британцев доверяли лично ей. Консервативная партия вновь вернулась на первую строчку всех опросов общественного мнения. Мало кто не предрек бы, что она опять станет премьер-министром. Кроме статуса политического деятеля национального масштаба она выиграла время, столь необходимое ей для продолжения ее «тихой революции». Похоже, и цифры свидетельствовали о том, что она права: 1982 год стал первым годом, когда стрелки экономических показателей сместились к зеленой черте. Казалось, сработала шоковая терапия: рост в промышленности составил всего 0,5 процента, но к концу года, похоже, удалось обуздать инфляцию (рост цен составил лишь 5 процентов за год), базовая банковская ставка была снижена до 9 процентов, а такой показатель, как потребность госсектора в заемных средствах, снизился до 3,5 процента ВВП; несмотря на военные расходы, экономика начала продвижение вперед. Маргарет разделила безработных на две категории и говорила о том, что есть «относительная» безработица. Из трех миллионов безработных около двух миллионов обычно находят работу менее чем за год. Настоящей проблемой для Англии, по ее мысли, являлись безработные (числом около миллиона), долгое время остававшиеся в этом положении. Маргарет, пребывая в ореоле одержанной победы и своих экономических успехов, чувствовала себя достаточно сильной, чтобы

приступить к решению вопроса о профсоюзах и их правах.

Закон Джеймса Прайора всего лишь пробил небольшую брешь в стене. Теперь Норману Теббиту, министру по вопросам труда и занятости, предстояло «продать» новый закон, углубляющий преобразования. Это был второй этап действий, направленных на то, чтобы образумить профсоюзы и заставить их подчиняться государственной власти. Законопроект от 1982 года содержал три очень важные поправки: пункт об отмене неприкосновенности профсоюзов в случае незаконной забастовки, если ущерб от нее достиг 250 тысяч фунтов; пункт о строгом ограничении права на забастовку только в связи с трудовыми конфликтами (то есть с условиями труда, зарплатой, занятостью) и о введении запрета на забастовки по политическим мотивам; наконец, был еще один пункт о введении в практику обязательного тайного голосования при принятии решения о начале каких-либо действий при любом социальном конфликте. Однако Мэгги оставалась настороже. Даже в атмосфере всеобщей эйфории от успехов она следила за тем, чтобы не двигаться вперед слишком быстро. Теббит не требовал ни введения обязательного минимума услуг в основных государственных органах, ни обязательной практики «высказывания в пользу» финансирования деятельности Лейбористской партии. Закон прошел в парламенте без особых трудностей, несмотря на вопли профсоюзных боссов, в особенности Артура Скарбилла, председателя профсоюза шахтеров; эти деятели возмущались тем, что, как они говорили, их хотели «ударить по бумажнику» и задушить в финансовом смысле. Ну что же, в данной сфере Маргарет приступила к выполнению своей программы.

В сфере жилищной политики курс, взятый Маргарет, тоже начал приносить свои плоды. В октябре 1982 года около 400 тысяч семей, в большинстве своем весьма скромного достатка, смогли приобрести в собственность социальное жилье, которое занимали. Это была настоящая революция. Большое число рабочих семей стало собственниками, представителями другого класса, класса мелкой буржуазии! «Это самый крупный акт передачи государственной собственности семьям простых граждан в истории Англии, — заявила Маргарет на съезде партии в 1982 году. — Это необратимые перемены <...>. Теперь семьи имеют что-то, что смогут передать своим детям». Кстати, это были еще и завоеванные Маргарет голоса: от 400 тысяч до 800 тысяч голосов, по оценкам политических аналитиков.

Наконец улучшение экономической обстановки позволяло рассматривать вопрос о первых шагах в сфере приватизации

промышленных предприятий, к чему изначально собирались приступить только «во время второго мандата». Кит Джозеф уже отделил почтовое ведомство от «Бритиш телеком», чтобы лучше различить, что должно относиться к государственной службе, а что можно открыть и для конкурентной борьбы. Сэр Джордж Джефферсон, новый президент «Бритиш телеком», привлек внимание правительства к вопросу об огромных инвестициях, которые потребуются компании для того, чтобы приспособиться к новым цифровым технологиям. Так как государство отказалось быть дойной коровой, оставался только свободный рынок, чтобы финансировать свои нужды. Вопреки мнению Сити и Уайтхолла о преждевременности денационализации Маргарет «подняла перчатку». Пусть идет приватизация! И приватизация компании будет проводиться очень энергично Патриком Дженкином, министром промышленности, и завершится к 1984 году. Около двух миллионов дадут свое согласие на увеличение капитала компании. Так родился народный капитализм. Точно так же обстояли дела и с приватизацией 51 процента акций «Бритиш ойл». Короче говоря, денационализация британской экономики «была на марше».

В сфере страхования и безработицы Маргарет тоже шаг за шагом продвигалась вперед. Она заявила, что хочет, «чтобы был большой разрыв между доходами тех, кто работает, и доходами тех, кто не работает». Для нее нет ничего хуже системы выплат пособий, поощряющей праздность и случайные заработки с выплатой «черной зарплаты», не облагающейся налогом. Но в период действия своего первого премьер-министерского мандата единственное, что смогла сделать Маргарет, так это оторвать размеры пособий по безработице от размеров зарплат. Да, они еще росли с учетом инфляции, но не с учетом роста доходов. Это уже был переходный период.

Однако в других областях, где реформы тоже были необходимы, прогресс оказался очень и очень небольшим. Маргарет конечно же отдавала предпочтение частным страховым компаниям, а не системе социального страхования, финансируемой государством, но на этом этапе она не затронула Государственную службу здравоохранения (ГСЗ), к которой англичане привыкли и к которой были трогательно привязаны. Рабочий документ, в котором предусматривалась постепенная замена ГСЗ системой добровольного страхования, претерпел утечку информации, в умеренных дозах сообщенную английской прессе «мягкотелыми» членами кабинета. Маргарет была в гневе, но перед лицом почти всеобщего возмущения она вынуждена была пообещать на партийном съезде 1982 года, что «ГСЗ будет защищена и поддержана и что принцип, гласящий, что

система здравоохранения должна быть доступна всем, вне зависимости от уровня доходов человека, есть и останется основой основ всей Государственной службы здравоохранения». Она говорила о том, что дополнительное страхование будет призвано обеспечить только более комфортные условия или большую скорость обслуживания. С того момента все действия Мэгги были как бы заблокированы. Она не смогла провести в ГСЗ серьезную реформу, могла только попытаться сделать более разумным управление хозяйственными делами, отделив от основной отрасли такие дополнительные заботы, как стирка больничного белья и питание пациентов. Ничего более серьезного она сделать не могла. Она даже увеличила расходы ГСЗ на 14 процентов, количество врачей на 6500 человек, а число медсестер — на 40 тысяч. По политическим причинам она предпочла не производить переворота в системе. Итак, ее нельзя было упрекнуть в том, что государственные больницы пребывали в довольно плачевном состоянии, ибо она унаследовала от законодателей-лейбористов и от правительства лейбористов систему, пораженную гангреной бюрократии.

В сфере школьного и университетского образования Маргарет тоже ничего не сдвинула с места. Марк Карлайл, министр образования, просто распорядился снизить расходы своего ведомства путем сокращения на 13 процентов суммы дотаций, выделяемых Комитету по распределению субсидий университетам. В краткосрочной перспективе это был успех в смысле сокращения бюджета. В долгосрочной же перспективе эффект от подобных мер внушал определенные опасения. Ведь обычно при финансировании отдается предпочтение престижным учебным заведениям в ущерб образовательным заведениям технологического профиля или заведениям с укороченным сроком обучения, составляющим фундамент экономики сферы обслуживания.

Благодаря этим умеренным реформам (даже слишком умеренным в некоторых областях), а также «большому взрыву» в макроэкономике и первой помехе, поставленной на пути великого могущества профсоюзов, а в особенности благодаря победе на Фолклендах Маргарет могла представить вполне удовлетворительный итог своего правления. На съезде Консервативной партии в октябре 1982 года она могла заявить: «Сейчас мы только на первом этапе <...>, но мы заставили границы социализма отступить дальше, чем какое-либо другое правительство. В будущем мы заставим их отодвинуться еще дальше». Избирательная кампания 1983 года началась.

Выборы 1983 года

Ход дел представлялся в наилучшем свете и при добрых предзнаменованиях. В стане врага царили разногласия. Лейбористская партия «взорвалась» в 1981 году и раскололась на две части в результате «сползания» к марксизму. Левое крыло, возглавляемое Тони Бенном, уже давно боролось за то, чтобы лидера партии избирали на съезде путем тайного голосования. Учитывая тот факт, что на съезде обычно присутствовало большое число представителей профсоюзов, это означало резкое полевение партии. Хотя противники у реформы были, на съезде в Блэкпуле в 1980-м и в Уэмбли в 1981 году она была осуществлена. Богач, представитель крупной буржуазии, одновременно являвшийся убежденным борцом за дело рабочего класса, добродетелями коего он был очарован, Майкл Фут был избран лидером Лейбористской партии вместо Джима Каллагана. Поддерживаемый своим приятелем Тони Бенном, он представил абсурдную программу выхода из ЕЭС, одностороннего ядерного разоружения, упразднения палаты лордов, массовой национализации предприятий, не забыв при этом пообещать установить через несколько дней после прихода к власти «рабочую демократию»....

Самая «умеренная» ветвь партии не могла согласиться с этим сползанием к марксизму, что могло привести к опасной полной «марксизации» и навсегда оттолкнуть умеренный электорат. Четыре старых высших должностных лица Лейбористской партии, Рой Дженкинс, бывший председатель партийной комиссии, Дэвид Оуэн, Уильям Роджерс и Ширли Уильямс, решили создать новую социал-демократическую партию, которая очень быстро пришла к согласию с либералами Дэвида Стила и заключила с ними союз, известный в истории Англии под названием «Альянс».

На протяжении нескольких месяцев это политическое новообразование было в моде, став «любимцем» средств массовой информации. Известные публицисты объявляли о конце двухпартийной системы. Они говорили, что настанет время «сломанной модели», период, которого еще не было. Альянс резво набирал очки в течение первых лет правления Маргарет Тэтчер, когда та испытывала немалые трудности, и одержал победу на местных выборах в некоторых округах. В конце 1981 года за Альянс, судя по опросам, собирались проголосовать около 50 процентов избирателей, он опережал и консерваторов, и лейбористов. Но, как у всех центристских партий, у Альянса был один существенный недостаток: «не иметь ничего, кроме центра, то есть не иметь никаких

окраин», говоря словами Рэндольфа Черчилля. В своей книге о политических партиях Морис Дюверже подверг анализу хрупкое политическое пространство таких союзов: «Мечта партии центра — осуществить синтез самых противоречивых чаяний. Но синтез — всего лишь проявление власти разума и духа. Действие — это выбор, а политика — это действие. Естественное развитие обществ склоняется к двухпартийной системе». Альянс был с самого начала противоестественным образованием, а Фолклендская война нанесла ему последний смертельный удар.

Маргарет назначила выборы на 9 июня 1983 года. Она сознательно решила игнорировать Альянс, который, как она считала, мог собрать очень незначительное число голосов. Она сосредоточила все свои атаки на Лейбористской партии. У нее было немало поводов для нападений. В 1983 году Старый континент испытывал страх. На границах «железного занавеса» советские руководители разместили свои ракеты средней дальности СС-20. Европа со дня на день могла стать полем битвы цвета Хиросимы. В таких условиях предлагать одностороннее ядерное разоружение было равносильно политическому самоубийству. Даже если по инициативе движения «Борцов за ядерное разоружение» несколько тысяч пацифистов и выстраивались цепочкой вокруг военных баз, где США в качестве ответа Советскому Союзу разместили свои крылатые ракеты «круизы» и «першинги», Маргарет смогла без особого труда убедить своих соотечественников в том, что «всякая политика одностороннего разоружения есть политика односторонней капитуляции». Воспоминания о «политике умиротворения» еще были свежи в памяти.

Находясь в ореоле своих военных успехов, представленная в образе весталки национальной безопасности, подталкиваемая робкими признаками начала экономического возрождения страны, Маргарет довольно уверенно представила предвыборный манифест Консервативной партии. Манифест был составлен в том духе, который ей так нравился: он был достаточно пространный и расплывчатый, не содержащий слишком четких обещаний, но достаточно сильный, чтобы загипнотизировать электорат. Этот манифест в качестве лозунга содержал единственный призыв: «Продолжать!» — то есть продолжать оздоровление государственных финансов, приватизацию, подчинение профсоюзов государственной власти, продолжать поддерживать достойных и талантливых, короче говоря, продолжать изгнание социализма из Англии, как с Фолклендских островов изгнали аргентинцев.

Избирательная кампания проходила хорошо. Как и в 1979 году,

Маргарет изъездила страну вдоль и поперек. Она также провела немало времени в дорогом ее сердцу округе Финчли. Лейбористы же проводили свою кампанию излишне суетливо и бестолково. Майкл Фут в своей нелепой одежде и с нечесаными, развевающимися на ветру длинными патлами походил на кого угодно, только не на харизматического лидера. К тому же он наводил на людей страх. Те, кто только недавно стал собственником, теперь опасались за свое имущество, свое жилье, акции или договоры пенсионного страхования. Консерваторы же объясняли, что лейбористы будут способствовать финансированию плана проведения национализации. Кроме того, патриотический дух избирателей был оскорблен словами некоторых депутатов-лейбористов, упрекавших Мэгги в том, что она «кичится тем, что устроила бойню». Дело дошло до того, что семьи солдат, павших в сражениях за Фолкленды, потребовали публичных извинений. Дурное, очень дурное предзнаменование!

В избирательной кампании тори не было ни единой фальшивой ноты, за исключением, быть может, вечеринки конфедерации молодых консерваторов, во время которой один певец поступил весьма необдуманно, запев в присутствии Маргарет песенку сомнительного содержания: «Позвольте сбросить бомбы на Россию». Но особого внимания этот эпизод не привлек, да и кампания уже близилась к концу.

Это было время «массового увлечения» консерваторами. 9 июня тори победили на выборах, получив в парламенте большинство в 144 депутатских мандата ^[155], самое значительное большинство, которое консерваторы имели после войны ^[156]. Выборы стали воистину исторической катастрофой для лейбористов. Настоящий разгром! Получив 27 процентов голосов и 205 депутатских мандатов, Лейбористская партия пала так низко, как никогда еще не падала. Левацкие и пацифистские идеи заставили большую часть ее электората разбежаться. Даже представители тред-юнионов изменили ей: только 40 процентов проголосовали за лейбористов, а 30 — за консерваторов. Альянс же был «расплющен» системой голосования: получив 25 процентов голосов, он получил всего лишь 23 мандата.

Маргарет в своем деле преуспела. Ей ведь пророчили, что ее карьера будет закончена год назад, а она получила новый мандат на пять лет пребывания на Даунинг-стрит.

Глава десятая

ЗЕНИТ: ВТОРОЙ СРОК НА ПОСТУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА

После выборов наступает период благодати и всеобщего благодушия. Все новые премьер-министры переживают эти благодатные моменты волшебной гармонии, когда весь народ сливается в единое целое со своим новым главой, лидером, руководителем и т. д. Улица любит Маргарет, Флит-стрит вдохновляется новизной, народ в превосходном настроении идет на свидание с переменами. Каждый надеется на чудо, которое, естественно, не произойдет. Плюс ко всему Маргарет, «благословенная Маргарет», героиня Фолклендов, может радоваться своему везению, ведь для нее всё сложилось очень удачно, как она пишет в мемуарах: «Новый созыв палаты депутатов после выборов происходил на фоне традиционной военной музыки и церемонии выноса знамени». Теперь у Маргарет, располагавшей большинством в 144 депутатских места и имевшей за плечами несомненную победу в войне, руки были развязаны.

Увы, период благодати и всеобщего благодушия был недолог. Эффект смены правительства бывает как бы смазан, когда речь идет о втором сроке пребывания премьер-министра на своем посту. Менее чем через два года после триумфальной победы 1989 года рейтинг популярности Маргарет упадет до 29 процентов. Но неважно! Ведь второй срок ее пребывания станет периодом самых больших успехов того явления, которое вскоре назовут «тэтчеровской революцией». Массовая приватизация, «большой взрыв» в финансовой сфере, возрождение нации собственников, окончательная победа над профсоюзом угольщиков (шахтеров) после очень тяжелого конфликта, снижение уровня безработицы, а также и другие успехи, достаточно спорные, по крайней мере, с точки зрения правых. Кстати, в те годы публицисты начали оценивать масштабы происходящих перемен. В изобилии выходят книги, посвященные реформам в Англии: «Тэтчеровская революция» Хьюго Янга (1986), «Революция миссис Тэтчер»^[157] Питера Дженкинса (1987), «Тэтчеризм» Роберта Скидельски и др. Второй срок на посту премьер-министра станет периодом чистого «тэтчеризма», освобожденного от таких пут, как «мягкотелые», которых в большинстве своем отправят в «клубы», на скамьи заднескамеечников, где их хорошо выдрессирует госпожа премьер-министр, уверенная в себе и

своей значимости.

Формирование кабинета министров и время «банановых шкурок»

В июне 1983 года Маргарет прекрасно знала, что она хотела сделать: «Оставалось совершить революцию, но революционеров было слишком мало». Процесс формирования нового кабинета требовал новых лиц из числа «революционеров». И действительно, кабинет менял свой облик, «меняя лицо». Среди тех, кто занимал ключевые посты, первой жертвой этих перемен стал Фрэнсис Пим. На протяжении всей избирательной кампании он подвергал критике нравы и действия «Железной леди». На телевидении он допустил непростительную ошибку: предостерег страну от возможного «слишком большого большинства консерваторов», которое, как он сказал, «стало бы плохим, вредным большинством». Это было равносильно тому, как если бы кто-то из военачальников в ходе сражения приказал артиллерии открыть огонь по своим. Для Маргарет это был удобный случай, о котором она давно мечтала. Пим сам протянул ей веревку, чтобы его на ней повесили. И Маргарет не собиралась лишиться себя удовольствия схватить эту веревку и натянуть. Ей ужасно надоела эта знатная особа, эта важная персона, презрительно смотревшая на всех и без устали отпускавшая всякие шуточки на ее счет в Центральном бюро партии. На следующий день после выборов она пригласила его на Даунинг-стрит, чтобы сказать ему без экивоков: «Фрэнсис, я больше не желаю видеть вас во главе министерства иностранных дел». Как написано в мемуарах Фрэнсиса Пима, беседа длилась несколько минут. Маргарет, по его словам, была холодна и держалась надменно, предложив ему в качестве подачки пост председателя палаты общин. Он якобы отказался и предпочел вернуться на скамьи заднескамеечников. Официально «это был вопрос чести», напишет он. В действительности же Пим хотел подготовить бунт, что позволило бы ему однажды разбить Маргарет наголову, как она сама разбила Тэда Хита. Но успехов в деле организации мятежа он так и не добился, как никогда не вернулся на переднюю скамью и не стал лидером партии.

Маргарет хотела назначить главой Форин Оффиса Сесила Паркинсона. Это был убежденный монетарист, ярый сторонник идеи главенства британских интересов над всеми другими, к тому же являлся великолепным образцом «политического зверя». Будучи председателем

Консервативной партии, он мастерски провел избирательную кампанию 1983 года. Паркинсон обладал нюхом куницы, хитростью лисицы, отвагой сокола; этот дерзкий, смелый человек из числа тех, что называют «селф мейд мен», то есть «сделавший себя сам», относился к числу тех любезных джентльменов, от которых Маргарет любила получать знаки уважения и советы. Но, увы, у этого преданного ей человека был один недостаток. Звали этот «недостаток» Сарой Кейз, которая забеременела от него. Сесил оказался достаточно тактичен, чтобы тотчас же известить обо всем премьер-министра; Маргарет поняла, сколь велик «взрывной потенциал» этого дела. Хотя она и ценила высоко прямоту и откровенность своего будущего министра, все же не смогла назначить его на столь значительный пост, как пост министра иностранных дел, и он вынужден был удовлетвориться министерством торговли и промышленности.

Итак, чтобы занять дом 9 по Даунинг-стрит, то есть Форин Оффис, оставался только Джеффри Хау, уже имевший достаточный опыт работы в Казначействе. Это было единственно возможное решение. Впоследствии Маргарет об этом пожалела. В 1990 году именно он станет причиной ее падения, с громким шумом заявив о своей отставке в ходе убийственно-ожесточенного спора в палате общин... Но в 1983 году Мэгги полагала это назначение логичным, ибо, по ее выражению, «в наши дни международные финансовые связи и мировая финансовая система имеют столь большое значение, что министры финансов всех стран должны проявлять интерес и к МВФ (Международный валютный фонд), и к Большой семерке, и к Европейскому сообществу». Но очень скоро она станет его упрекать в «кровосмесительных» связях с высокопоставленными чиновниками министерства, в результате чего новоявленный министр якобы стал «придерживаться линии, пролежавшей в сотне миль от ее собственной <...>, где-то в самом центре грандиозного европейского консенсуса <...>, и его линия стала, в конце концов, столь отлична от ее, что он начал высказывать прямо противоположную точку зрения». Да, действительно, если в сфере экономики они были близки, то в отношении Европы их взгляды совершенно не совпадали.

Самым значимым из всех других назначений было назначение Найджела Лоусона на пост канцлера Казначейства, как тогда писали, «неожиданное для всех». Он останется на этом посту почти до самого конца эпохи правления Маргарет Тэтчер. Деловой человек, банкир, пришедший в правительство из Сити, он обрел опыт, сменив несколько министерских портфелей, в том числе и портфель министра энергетики; он обладал живым, быстрым, блестящим умом и был в высшей степени

либералом и абсолютным реалистом. Он умел быстро принимать решения, брать на себя ответственность при необходимости и преодолевать препятствия, чинимые судьбой. Хотя Лоусон тоже покинет «тэтчеровский корабль» до того, как тот пойдет ко дну, Маргарет в мемуарах обрисовала его портрет в весьма лестных тонах: «Это был человек творческий, замечательный экономист, чья мысль была направлена на созидание, одним словом, креативный экономист. В отличие от креативной бухгалтерии креативная экономика — вещь редкостная и драгоценная. Я очень сомневаюсь, что кто-либо другой, занимая его пост в Казначействе, смог бы продумать с такой ясностью финансовую стратегию, которая руководила нашей экономической политикой <...>. Я стала разделять мнение очень достойных людей, что Найджел чрезвычайно талантлив. На протяжении почти всего срока моего пребывания на посту премьер-министра я не имела причин изменить свое мнение. По поводу большинства моих подчиненных я его никогда не пересматривала». Правда и то, что в конце второго срока премьерства Маргарет многие в открытую говорили о «чуде Лоусона»...

Другие игры по перемене «мест в оркестре» были не слишком интересны, за исключением, пожалуй, назначений Уайтлоу на пост «лидера» палаты лордов, Леона Бриттена — на пост министра иностранных дел, а Питера Уокера — на пост министра энергетики; последнее назначение было, быть может, самым значимым, ибо этот абсолютно чистый представитель лагеря «жестких» должен был подготовиться к столкновению с профсоюзами шахтеров, которое, по убеждению Маргарет, было неизбежно и в котором она рассчитывала одержать победу.

«Прекрасной команде» в скором времени предстояло столкнуться с более или менее серьезными неприятностями и разочарованиями, всегда тягостными для правительства. Этот период сама Маргарет назвала «периодом банановых шкурок».

Прежде всего, на авансцену вылезла история о связи Сесила Паркинсона с Сарой Кейз. Это был один из тех скандалов, что так страстно обожает Англия, потому что в них секс тесно переплетается с политикой, к великому удовольствию таблоидов и добропорядочных домохозяек. В 1983 году Сара Кейз поведала о своих горестях в телевизионной передаче «Личный взгляд». Маргарет выступила публично в защиту своего подчиненного. Будучи верной тем, кто верен ей, она бросила нечто вроде вызова: «Вопрос об отставке не стоит и стоять не будет». В частном порядке она вмешалась в это дело. Сесил поделился с ней своими планами развестись с женой и жениться на молодой женщине. Она его строго, но без

морализаторства, отчитала, сказав, что во имя семейных ценностей, во имя традиций, во имя верности он должен отказаться от этих намерений. Министр-консерватор не бросает свою жену ради молодости. И он покорился. Дело могло бы на этом и загдохнуть. Но во время проведения съезда партии «Таймс» поместила на первой странице интервью с молодой покинутой особой, которая нападала на Маргарет Тэтчер, разбившую ее самые прекрасные надежды, на бывшего любовника, обвиняя его в том, что он проявил слабость перед премьер-министром, оставшись глухим к зову сердца. Она поведала о том, что Сесил Паркинсон дважды просил ее руки, в 1979 и 1983 годах. Отец молодой леди, блестящий полковник британской армии, потребовал возмещения морального ущерба. Народ в бедных лачугах рыдал, да и на съезде Консервативной партии в Бристоле было не до смеха. После такого выступления выход оставался один: отставка. 13 октября Сесил Паркинсон покинул пост министра торговли и промышленности. Ему хватило времени лишь на то, чтобы набросать эскиз реформы Сити, которая станет основой и причиной невероятного взрыва в английской финансовой сфере в последующие годы. До будущих выборов он будет осужден тихо сидеть на своем месте в палате общин, ибо его карьера была разрушена слишком болтливой любовницей^[158]. Маргарет вышла из этого испытания успешно, завоевав «эполеты защитницы законной семьи» и звание «доктора верности». Заднескамеечники громко ей аплодировали. Пресса вела себя примерно так же. В «Санди экспресс» было написано, что она проявила себя «способной к сочувствию, внимательной, терпимой, настоящей христианкой». Кроме того, Маргарет благодаря ловкому маневру с министерскими постами смогла ввести в правительство своего неизменного советника Ника Ридли в качестве министра транспорта. Этот деловой человек, очень прагматичный, как писал о нем Джон Мейджор, «был преисполнен оригинальными идеями, но в политическом плане был крайне некорректен». Как бы там ни было, для Маргарет это был «тяжеловес», способный оказать ей поддержку, и этот «тяжеловес» теперь вошел в правительство. «Это был луч солнца, — пишет она в мемуарах, — пробивший тяжелые тучи, висевшие над нами со времени отставки Сесила. Как Кит, Ник хотел получить пост, для того чтобы осуществить то, что считал справедливым».

Однако политика — дело всегда очень жестокое. У консерваторов дела обстояли не слишком хорошо. Закон о восстановлении смертной казни для террористов и убийц полицейских был отвергнут в палате общин восьмьюдесятью девятью голосами. Против воли правительства депутаты подняли себе жалованье на 31 процент. В рядах ощущалась смутная

тревога и возникла какая-то суэта. В своей первой речи члена парламента в палате лордов Гарольд Макмиллан (доживший до девяностолетия) с дрожью в голосе оплакивал кончину промышленной Англии, Англии угля и стали. Лорд Олтпорт выразил резкий протест против действий Маргарет Тэтчер, этой женщины, «которая разрушит партию и оставит после себя разделенную нацию». Наконец, заволновался и приступил к действиям и Фрэнсис Пим. Восседа на своей скамье, он в 1985 году попытался создать странную, разнородную коалицию под названием «Центрфорвард», надеясь поймать в свои сети заднескамеечников, обеспокоенных тем, переизберут ли их на следующих выборах. В большинстве своем частичные выборы оказались для консерваторов просто катастрофическими. Но все усилия Пима были напрасны. «Железная леди» с высоты своего положения внимательно за всем наблюдала, чтобы нанести, если потребуется, удар. Итак, в ходе одного из заседаний Фрэнсис Пим заявил, что собрал вокруг себя около сотни депутатов, не называя фамилий. Журналисты со всех ног бросились в палату общин, но нашли там не более двух десятков человек, да и то с трудом. Правда, этому факелу суждено было тлеть долго... Час «выбрасывания Мэгги из окна» еще не пробил и пробьет не завтра...

Однако в 1984–1985 годах экономика топталась на месте. Если рост производительности был, если инфляцию удалось обуздать, то безработица продолжала расти, достигнув к концу 1985 года наивысшей точки в 3,2 миллиона безработных. Два бюджета Лоусона, 1984 и 1985 годов, были совершенно «тэтчеровскими»: в них предусматривались снижение расходов органов государственного управления, строгое ограничение расходов местных властей, повышение порога налога на доходы, что позволило 850 тысячам наемных работников более не платить налоги, а также снижение налогов на промышленные корпорации и сообщества с 52 до 35 процентов и снижение такого показателя, как потребность государственного сектора в заемных средствах.

Маргарет ничего не хотела слышать о политике в сфере занятости. Она просто считала, что страна столкнулась с временной безработицей вследствие недостаточной подвижности рабочей силы, которая в конце концов рассосется из-за возникновения новых рабочих мест в сфере услуг и внедрения высоких технологий. Она отказывалась от проведения любой политики искусственного подъема экономики и ограничивала несколькими особыми случаями финансирование создания объектов инфраструктуры, такими как прокладка автодороги М-25 или строительство сорока девяти новых больниц. Она была убеждена в том, что рабочие места не создаются по указу власти. Очень умело в своей речи на партийном съезде в Брайтоне

в 1984 году Маргарет цитировала строки из «Белой книги» 1944 года, написанные под влиянием идей Кейнса, где говорилось, что «рабочие места не могут быть созданы законодательным актом парламента или действиями правительства», добавляя: «Это было истиной тогда. Это истина и сейчас». В Блэкпуле в 1985 году она вновь чеканила: «Мы не ссылаемся на инфляцию <...>. Вы не можете выбирать между инфляцией и безработицей. Вы не можете строить будущее на нечестных деньгах». В том же году в Кембридже она пообещала небольшое изменение политики, но в будущем: «На то, чтобы это заработало, потребуется не менее года. Мы увидим, достаточно ли уже этого, а если нет, то будем действовать иначе». Но фундаментально она ничего не меняла. Макроэкономические показатели тщательно поддерживались на одном уровне Найджелом Лоусоном. Контроль над инфляцией оставался главным приоритетом. Было только одно небольшое изменение, замеченное лишь экспертами-экономистами: постепенный отказ от ссылок на денежную массу. Применяли ли для подсчетов показатели М-1, М-2 или М-3^[159], показатели среднесрочной финансовой стратегии всегда бывали перекрыты. Так чистый монетаризм был заменен классической налоговой политикой, хотя об этом и не кричали со всех трибун. Правда, Найджел Лоусон не отличался особой скромностью и тактом, так что в одной из речей, произнесенной в марте 1985 года в Мэншен-хаус (резиденции лорд-мэра Лондона. — *Пер.*), в самом сердце Сити, он без колебаний заявил: «Процент ссуды — это закон, а процент инфляции — трибунал».

Маргарет назначила министром по вопросам занятости (труда) Дэвида Янга. Вместо того чтобы создавать рабочие места, лишенные реального значения для экономики, он впрягся в создание «Молодежной обучающей программы», призванной в трудных условиях дать молодежи профессиональное образование. Все та же политика: надо раздавать людям лопаты, чтобы он могли вырыть колодцы, а не привозить питьевую воду.

Маргарет была права, когда говорила, что потребуется время. В конце концов, ее крупные реформы и реформа Найджела Лоусона дали положительный результат.

Приватизация, или Начало «народного капитализма»

Во время первого срока пребывания на посту премьер-министра Маргарет Тэтчер была чрезвычайно осторожна. Приватизация коснулась только мелких предприятий и филиалов крупных корпораций, чаще всего

случайно вошедших в круг государственных предприятий. Великая революция, совершенная во время «второго мандата», состояла в том, что была проведена широкомасштабная приватизация. Как ни странно, Маргарет очень мало вспоминает о ней в мемуарах, возможно, потому, что более всего гордилась тем, что выстояла в первый срок, а возможно, и потому, что канцлер Казначейства приложил руку к этому делу не в меньшей мере, нежели она сама.

Философия была проста. Она была высказана в 1981 году Найджелом Лоусоном, тогда бывшим заместителем министра финансов: «Никакая отрасль промышленности, никакое предприятие не должно оставаться под контролем государства, если только на это нет особых причин».

Первым объектом, на который он решил пойти в атаку, была «Бритиш телеком». Эта уважаемая компания, национализированная в 1945 году, была воплощением как всех мифов, так и всех грехов государственного сектора экономики: там были чрезмерно раздутые штаты, наблюдались недозагрузка и недопроизводство, а также отсутствие культуры при работе с клиентами с пользой для потребителя. За пять лет до того никто и представить себе не мог, что такой «корабль» может быть приватизирован. Это была действительно революция, направленная на то, чтобы невозможное стало мыслимым и вероятным. В министерстве промышленности Кит Джозеф уже провел подготовку к этому «маневру», отделив почтовое ведомство, в структурном отношении затратное (убыточное), от телекоммуникаций, потенциально рентабельных.

В 1983 году Маргарет Тэтчер уже не видела причин откладывать дело на потом. Глава группы ее личных советников Джон Редвуд в нескольких словах передал направление ее размышлений: «Теперь вопрос не стоит, купит народ или нет, теперь стоит вопрос о том, как нам всё это сделать чисто технически». Естественно, профсоюзы были против, Лейбористская партия — тоже. Но в стране, где имелось три миллиона безработных, людей, рискнувших бы пойти на крупномасштабную акцию протеста, было немного. Как ни парадоксально, сопротивление скорее ощущалось в кругах, связанных с Сити. Несколько банкиров распространили обращение, в котором говорилось, что лондонский рынок капиталов не способен поглотить такое большое число выставленных на продажу акций и что есть риск полного краха. Гениальный ход придумал шеф группы личных советников Маргарет, предложивший действовать «через головы трусливых банкиров, согнувшихся в три погибели над своими устаревшими методами». Они не верят в успех операции, ну так пусть они ее и не осуществляют! Маленький городской банк «Клейнворт Бэнсон» по

поручению правительства занялся технической стороной дела, правительство же обещало заняться рекламой, привлекая возможных покупателей. В ноябре 1984 года «машина была запущена». Один из филиалов рекламного агентства «Саатчи энд Саатчи» организовал громкую рекламную кампанию в пользу покупки акций «Бритиш телеком». Успех последовал незамедлительно. Два миллиона желавших приобрести акции устремились к окошкам касс, чтобы воспользоваться неожиданной удачей. Правда, акции сознательно были выставлены на продажу по заниженной цене. Надо было заставить покупателей-новичков проникнуться доверием к бирже. Результат превзошел все ожидания: путем продажи дополнительных акций с согласия приобретателей капитал предприятия был увеличен в четыре раза. Несмотря на противодействие профсоюзов, высказывавших сомнения в том, что наемные работники станут выкупать паи своего предприятия, 95 процентов работников «Бритиш телеком» поспешили это сделать. Так синдикалистская солидарность наткнулась на свои границы, потому что здесь уже действовала власть кошелька. Во время первой же котировки курс акций «Бритиш телеком» буквально взлетел, увеличившись на 90 процентов. Да, это был успех, невероятный успех! Заправила Сити вдруг осознали, что акционер — это необязательно человек «комильфо», с которым можно встретиться за обедом в дорогом ресторане или вечером в своем закрытом клубе. Они никогда уже этого не забудут. Во время последующих актов приватизации крупные банки получают сказочные комиссионные...

Следующим в списке была Британская газовая корпорация. Лоусон хотел как можно шире открыть рынок для конкуренции. Казалось, на приватизацию корпорации уйдут годы. Но операция оказалась очень успешной, ее мастерски провели «Банк Ротшильда» и агентство «Янг энд Рубикам». Около 4,5 миллиона покупателей акций на сей раз бросились к окошкам, чтобы приобрести пакеты акций этого огромного конгломерата компаний. На улицах разыгрывались удивительные сцены: в то время как какое-нибудь жалкое стадо профсоюзных деятелей пыталось помешать кандидатам в акционеры добраться до заветных окошечек, размахивая плакатами, разоблачавшими «распродажу по дешевке британской энергетики», толпа выстраивалась в очередь, чтобы заполучить столь вожделенные акции. Люди из всех слоев общества, завсегдатаи биржи или совершеннейшие новички, никогда не выдавшие прежде кругового прохода для маклеров на бирже, — все они покупали акции Британской газовой корпорации, их было 4,5 миллиона человек. В первый же день цена акций подскочила на 50 процентов.

Были приватизированы, то есть выставлены на торги, и другие крупные корпорации и компании: «Роллс-Ройс», «Бритиш эруэйз» (чьи акции во время первой котировки подорожали на 82 процента и чей капитал в результате продажи дополнительных акций увеличился в 11 раз). Только при продаже акций «Бритиш ойл» возникли кое-какие затруднения, так как ценные бумаги были выброшены на рынок в момент самого значительного падения котировок акций и курсов валют на мировых рынках. Уже шли приготовления к приватизации в таких отраслях, как водоснабжение, электроснабжение, сталелитейная промышленность; это должно было произойти в следующий срок пребывания Маргарет на посту премьер-министра.

Готовились к приватизации и активы периферийной сети железных дорог. Однако Маргарет Тэтчер всегда проявляла большую осторожность и противилась приватизации «Бритиш рейлуэйз» (сети национальных железных дорог). По ее мнению, эти ценные бумаги продать будет трудно, так как многие англичане очень сильно привязаны к этому национальному достоянию, а сила общественного мнения весьма велика. Итак, у Маргарет хватило мудрости не трогать железные дороги, но этой мудрости не будет у пришедшего ей на смену Джона Мейджора. И это ему дорого обойдется. Маргарет вела себя очень сдержанно и в отношении почты «Роял мэйл», ведь это ведомство также было окружено воспоминаниями и символами; к тому же оно было столь дорого сердцу Ее Величества...

Несомненно одно: в психологии англичан произошла революция. Доля государственного сектора в экономике уменьшилась на 60 процентов. Разумеется, было о чем поговорить. Лейбористы яростно критиковали сам принцип приватизации и в особенности методы оценки собственности, полагая, что национальное достояние Британии было продано по дешевке. Они даже подсчитали, что сумма недооценки составила в среднем 20 фунтов на человека. Особенно же острой критике подвергалось использование денег, полученных от приватизации. Этого удовольствия не лишило себя и самое традиционалистски настроенное меньшинство в партии тори. Во время речи перед членами так называемой Торийской группы реформ в «Карлтон клуб» в 1985 году Гарольд Макмиллан якобы выступил против «распродажи фамильного серебра». На самом деле он никогда не употреблял этого выражения. Его речь скорее была отмечена печатью ностальгии из-за того, что уходят на сторону целые куски британской промышленности, созданию которой он способствовал со всей искренностью патриота. Кстати, он делал это с тактом хозяина дома, видящего, как один за другим исчезают из дома предметы старины,

«столовые приборы времен короля Георга, красивая мебель из гостиной, а затем и последняя картина кисти Каналетто». Аудитория там была своеобразная: в основном владельцы поместий и замков, — так что стрела попала в цель. Удар был столь ощутим, что на следующий день он вынужден был уточнить в палате лордов, что подвергал критике не принцип приватизации, а только то, как использовались эти гигантские суммы (около 29 миллиардов, полученных в период между 1983 и 1987 годами); другими словами, он подверг критике тот факт, что деньги, и большие, использовались для финансирования обычных бюджетов функционирования, а не инвестиционных бюджетов. Это достаточно логично, тем более что британское правительство представляло в 1986, 1987 и 1988 годах бюджеты, искусственно избыточные из-за огромных доходов от приватизации.

Существовали и определенные управленческие организации, создававшие кое-какие проблемы. Членами правлений этих почти самостоятельных неправительственных организаций в основном были либо высокопоставленные чиновники, либо промышленники, назначенные властями, и эти организации зачастую являлись одновременно и судьями в каких-то делах, и заинтересованными сторонами, что лишало их действия законности и демократичности. Когда в отрасли существует настоящая конкуренция (как в случае с ОФТЕЛ), они могли играть явно антимонополистическую роль. Но если монополия сохранялась (как в случае с ОФГЭС), то тогда польза таких организаций была менее ощутимой, тем более что из состава этих организаций были исключены общества потребителей.

Однако, несмотря ни на что, итог приватизации был весьма позитивен. Кроме того, что Казначейство получило очень и очень значительные суммы (около 15 процентов годового бюджета), значительную роль сыграл еще один фактор: крупные британские предприятия теперь были избавлены от забот по выбиванию субсидий. Они знали, что отныне и впредь должны во всем разбираться сами, ибо государство не будет уже всегда затыкать дыры. Говоря словами Кита Джозефа, «угроза банкротства предприятия пугает и возбуждает и рабочих, и менеджеров, заставляя их лучше обслуживать потребителей. В этом и заключается магия приватизации». Британцы, не впадая в такую лирику, все же были рады констатировать, что качество услуг стало гораздо выше. В частности, в сфере установки телефонов. До приватизации надо было ждать несколько недель, чтобы тебе подключили телефон, а теперь требовалось всего несколько дней. Культура обслуживания клиентов повышалась, и это было несомненное достоинство

приватизации.

Кроме того, развивался настоящий «народный капитализм», что являлось одной из составляющих частей «тэтчеровской революции». Выражение «народный капитализм» не раз срывалось с уст Маргарет начиная с 1986 года. В 1980 году в Англии насчитывалось только три миллиона держателей акций, а в 1990-м — уже более одиннадцати миллионов. Цифры, конечно, относительные. Надо учитывать, что у многих мелких акционеров было всего по несколько акций. Они удовлетворились тем, что после приватизации сходили на биржу и обратно, а затем позволили нескольким сотням фунтов мирно уснуть в ценных бумагах. В 1991 году 80 процентов акций приватизированных предприятий прямо или косвенно были в руках активных участников коллективов-учредителей. Даже если демократия, которая должна сопровождать такое явление, как коллективное владение пакетом акций и участие рабочих в прибылях предприятий, не воцарится завтра, эффект приватизации ощущается уже сегодня, что относится скорее к сфере психологии. Многие британцы в процессе приватизации открыли для себя мир предпринимательства. Акции — это замечательное изобретение, и они не только для «них», они и для «нас» (а ведь раньше для «нас» были только сберегательные кассы). Классовые границы были отчасти разрушены, когда люди пришли на биржу и прошли по круглому проходу для маклеров. Слова «прибыль», «доход», «выгода» теперь уже не ругательства. Этот педагогический эффект открытия предпринимательства был усилен «большим взрывом», произошедшим в финансовой сфере в 1986 году и сопровождавшимся укреплением духа предпринимательства.

«Большой взрыв» и дух предпринимательства

Сити всегда был одним из центров мирового капитализма, хотя, конечно, отставал от Уоллстрит и от Франкфурта^[160]. Так было на протяжении всей второй половины XX века. Сити, зажатый между неоклассическими зданиями Английского банка, построенного Соуном, Королевской биржи и Фондовой биржи, не слишком изменился по сравнению с тем, как выглядел в XIX веке. Там всегда царила немного натянутая атмосфера всеобщей размеренности и чопорности, оставшаяся от Викторианской эпохи. Мужчины там всегда появлялись в шляпах-цилиндрах, костюмах в полоску и рубашках с жесткими стоячими воротничками, держа под мышкой зонтик и сжимая в руке «Файнэншл

таймс». Как это ни парадоксально, но именно Маргарет Тэтчер, самая «викторианская» из всех премьер-министров Англии XX века, «пропела отходную» этому своеобразному миру. 27 октября 1986 года Найджел Лоусон, расширив планы, набросанные Сесилом Паркинсоном, спровоцировал «большой взрыв», открыв Лондон для брокеров-иностранцев. Рынок словно дематериализовался. Всё осуществлялось через компьютер. «Слово чести» британского джентльмена больше не принималось в расчет. Что было важно, так это правила международных финансов. Крупные международные банки устремились к этому финансовому эльдорадо, где акции и облигации теперь стали всего лишь товаром среди прочих товаров. В Европе начался расцвет дополнительных и производных товаров финансового рынка, таких как опционы на фьючерсные контракты и варранты (гаранты) на покупку ценных бумаг. За два года Сити занял первое место среди европейских рынков ценных бумаг. Второй рынок, предназначенный финансировать самых активных мелких и средних предпринимателей, возник там в 1987 году. Сегодня Сити занимает первое место в мире среди рынков обмена валют и третье в сфере страхования. С 1988 года примерно четверть от числа участников сделок, совершающихся в Сити, составляют иностранные банки.

Правила игры изменились. Глобализация наступала. «Многообещающие юноши», «яппи», завоевывали почтенные улицы, такие как Ломбард-стрит и Леденхолл-стрит. Появилась «новая раса» или порода людей, «раса» финансистов со всех концов света, носивших красные подтяжки и галстуки сомнительного вкуса. Это было нечто вроде «бесклассового общества», о котором мечтала Маргарет. Члены этого сообщества не ходили в уважаемые клубы, а ходили в бары или шикарные рестораны, где подаются сэндвичи с цыпленком. Деньги текли рекой. У всех на слуху были сплетни о невероятных зарплатах и еще более невероятных премиальных, выплачиваемых блестящим брокерам по случаю рекордных операций по слияниям-поглощениям, организованных частными банками; операции эти тогда, кстати, приобрели небывалый размах. Район Сити развивался: в 1983 году там работало около 200 тысяч служащих, а в 1989-м — уже более 500 тысяч. Даже в архитектуре проявилась эта культурная революция. Рядом со зданиями «старой школы» «Мидленд банка», словно шампиньоны, вырастали высотные здания. «Нэшнл Вестминстер Банк» почти раздавил своей 200-метровой высотой старое здание «Сити оф Лондон-клуб» с его стариннейшим фасадом, носящим явные следы Андреа Палладио. Даже здание ассоциации страховщиков «Ллойд» тонуло в архитектурном гигантизме. Возведение

нового здания, открытого в конце 1986 года, было доверено Ричарду Роджерсу, одному из тех, кто возводил Бобур в Париже. Это огромный прямоугольник из стекла и стали, окруженный шестью башнями-спутниками, увенчанный огромным прозрачным атриумом. Такое соседство самого современного и самого традиционного порождает у некоторых впечатление «архитектурной шизофрении». Принц Чарлз в ходе одной из бесед в посольстве Франции позволил себе пооткровенничать, принявшись разоблачать и осуждать «это неистовство легких денег, эту отвратительную вульгарность, что искажает облик Лондона и превращает Сити в надменный ночной горшок». Может, так оно и есть. Не будем вступать в эту дискуссию по поводу хорошего вкуса. Но, в любом случае, это ярчайшее свидетельство экономического динамизма, победоносной воли и обновления английской экономики.

Следует подчеркнуть, что финансовый бум не ограничился сердцем Лондона. Снижение налогов, возросшая гибкость рынка труда, появление в финансовой сфере новых операций и профессий, а также советников по имущественным вопросам, имущественных судов — всё это способствовало возникновению новых предприятий. Немалую роль здесь сыграли и массмедиа, и новые средства информации. Так было во всех крупных городах, по крайней мере на юге Англии. Повсюду расцветали не только новые сообщества, но и новые отрасли услуг. Достаточно было прогуляться по центрам городов, чтобы увидеть, как пабы, забегаловки, где подавали рыбу с жареной картошкой, и другие типично английские заведения уступали место новым, современным бутикам, ресторанам иностранной кухни, барам или видеоклубам. Везде совершалась «третья революция». Несомненно, Найджел Лоусон способствовал ее вызреванию. С 1983 по 1990 год были созданы три миллиона новых рабочих мест (надо сравнить эту цифру с 1,7 миллиона рабочих мест, потерянных в традиционных отраслях промышленности). Одновременно рос и дух предпринимательства. На смену мечте устроиться на крупное предприятие и всю жизнь работать там под защитным зонтиком государства и профсоюзов, получая скромную, но гарантированную зарплату, пришла мечта о достижении независимости и, по возможности, о сопутствующих ей деньгах. Между 1983 и 1989 годами около трех миллионов человек попытались счастья, создав свои предприятия. В 1989 году 11 процентов активного населения жили на доходы от рабочих мест, созданных самостоятельно. Это теперь был мир «наших», «нас», мир «нашего народа», «наших людей», как говорила Маргарет.

Образцами для подражания в тэтчеровской Англии стали великие

магнаты, воротилы, «акулы бизнеса», создавшие «тяжким трудом и путем сбережения средств» целые империи. Такими, например, стали Ричард Брэнсон, основатель корпорации «Вирджин», и Анита Роддик, преуспевшая в мире моды; они стали героями этой эпохи предпринимательства. Так как истеблишмент всегда готов принять элиту делового мира, многие из них облагородились, то есть стали дворянами, а некоторые даже обрели титулы пэров при поддержке Маргарет: Майкл Ричардсон, Джеффри Стерлинг и Джек Лайонз. Быть может, английский истеблишмент более дальновиден, нежели французская аристократия накануне Французской революции, он раскрывает свои двери для этих парвеню и нуворишей, поскольку понимает, что это и есть незаменимое средство для того, чтобы обеспечить постоянство своего существования. Даже если некоторые из этих предпринимателей исповедуют идеи, весьма далекие от высокоморальных идей Маргарет Тэтчер (Ричард Брэнсон, например, называет себя не иначе как «дитя 68-го года»), Мэгги все равно ими восхищается, ибо они «взяли в руки свою судьбу, а не предоставили другим право заботиться о них». В любом случае она отдает предпочтение им, а не «старым крокодилам из старой финансовой аристократии», которые, как она пишет в мемуарах, «получили больше других и из-за этого создают себе комплексы, а потому нуждаются в излечении путем налогообложения»... В одном из лучших своих романов «Приятная работенка» Дэвид Лодж, проницательный, очень жесткий критик британского общества и образа жизни, вложил в уста одного из героев, профессора Суолоу, следующие слова: «Я вдруг стал читать в „Гардиан“ страницы, посвященные экономике, и находить их захватывающе интересными, и это после тридцати лет, на протяжении которых я читал только страницы, посвященные искусству, литературе и спорту».

Нация собственников

Развитие предпринимательства было усилено и духом собственности, которому Маргарет Тэтчер придавала такое большое значение. Она мечтала о «демократии собственников», ибо полагала (и не без оснований), что обладание «домом», то есть жильем, столь дорогим сердцу среднего англичанина, является мощным фактором социальной интеграции, а также и развития склонности к консервативным ценностям. Хотя Мэгги в теоретическом плане всегда являлась яркой сторонницей свободного рынка, она так и не уступила своим канцлерам Казначейства,

просившим ее о позволении выровнять порядок ссуд на приобретение недвижимого имущества в соответствии с законами общего права. Она упорно будет держать процентную ставку ссуды на низком уровне, а также субсидировать выплату налоговых вычетов при покупке так называемого основного жилья, и будет это делать по политическим и социальным причинам, осознавая их значимость для общества. Даже невзирая на то, что самые близкие ей по духу люди, такие как Ник Ридли, находили оказание помощи приобретателям жилья опасным для страны, так как инвестиции уходили «на сторону», то есть не способствовали созидательной деятельности. создающей рабочие места, Мэгги твердо стояла на своем. Итак, в 1980 году 55 процентов британцев являлись владельцами своих домов, в 1987-м — 64 процента, в 1990 году — 67 процентов.

Это — явный успех, и достижение его было очень облегчено тем, что органам местного самоуправления правительство вменило в обязанность уступить съемщикам по сниженным ценам жилье в домах с умеренной квартплатой. В 1987 году около миллиона британцев воспользовались такой удачей. В 1990-м таковых было уже 1,5 миллиона; кстати, Маргарет поставила целью, чтобы к концу ее «третьего срока» таковых было два миллиона. Правда, на это ей не хватило времени... Эти капиталовложения в семью так много значили для Маргарет и для мира, существовавшего в ее воображении, что она сама поехала в Шотландию, в Форрес, чтобы вручить ключи первому собственнику такого жилья и миллионному приобретателю.

Система, разумеется, была не без изъянов. Прежде всего, речь шла об ограничении влияния местных властей. Когда пост канцлера Казначейства занимал Джеффри Хау, местные власти имели право реинвестировать в строительство новых жилых домов с умеренной квартплатой не более 50 процентов сумм, полученных от продажи социального жилья, при Найджеле Лоусоне эта цифра снизилась до 20 процентов. Результат не заставил себя ждать. Тогда как в 1979 году ежегодно строилось не менее 160 тысяч квартир, то в 1990-м — не более 35 тысяч. Если выставляемые на продажу дома находились в основном в кварталах, не пользовавшихся дурной славой, то в конце «эры Тэтчер» социальное жилье стало убежищем для населения, которое принято называть «проблемным» или неблагополучным: иммигрантов, бедных, старых или больных. Несомненно, всё это способствовало возникновению неких гетто, хотя этот процесс и без того уже был почти необратим. Кстати, результатом проведения такой политики можно считать и появление орд людей без определенного места жительства, заполнявших центральные кварталы крупных городов, вплоть до Гайд-парка. Эта политика, несомненно,

способствовала всяческим спекуляциям, так как цена недвижимости за три срока пребывания Маргарет у власти выросла в среднем в три раза. Наконец, некоторые семьи из числа приобретших жилье погрязли в долгах, не смогли выполнить взятые на себя обязательства и вынуждены были на унижительных и невыгодных условиях продать жилье, приобретенное с таким трудом. Исследователи полагают, что примерно 3 процента семей оказались в таком положении. Итак, можно сказать, что операция в общем прошла успешно и только реальность, касающаяся маргинальной среды, бросает легкую тень на этот успех. Можно только сожалеть, что Маргарет Тэтчер не настояла на том, чтобы все деньги, полученные от продажи социального жилья, шли на строительство нового социального жилья, что позволило бы вновь и вновь «приводить в действие этот насос». Правда, в то время ей приходилось вести борьбу с «группами местных депутатов», а также борьбу за снижение государственных расходов.

Политика развития частной собственности, и это, вероятно, самое главное, свидетельствует о явном движении британского общества к среднему классу. Если съемщики жилья уже принадлежали к среднему классу, то став собственниками жилья, ощущали себя увереннее в этом статусе. Иметь некую собственность — это и означает быть представителем среднего класса. Нельзя ничего понять в «тэтчеровской революции», если не принимать во внимание эти перемены в состоянии умов.

Всё, о чем здесь шла речь, потом назовут «чудом Лоусона».

«Чудо Лоусона»

Найджел Лоусон в книге «Взгляд из дома № 11 по Даунинг-стрит» пишет, что он мечтал быть «канцлером Эрхардом для Великобритании», вспоминая «отца германского чуда». Можно сказать, что в каком-то смысле он почти осуществил свою мечту. Действительно, 1986 год стал поворотным моментом, когда британская экономика вышла, наконец, на новый уровень.

Рост экономики составил в 1986 и 1987 годах более 3 процентов в год, инфляцию удерживали на уровне менее 5 процентов в год, государственные расходы составили в 1983 году 47 процентов ВВП, в 1986-м — 46 процентов, в 1987-м — 44 процента, а в 1988-м — уже 41 процент; в 1987 году профицит бюджета составил 1 процент, а в 1988-м — 3 процента. Производительность английской экономики росла с невероятной

скоростью. В период 1973–1979 годов ее прирост был около 1,16 процента в год, теперь же он превосходил 4,4 процента. Наконец, и портившая картину безработица начала снижаться. В 1983 году безработных было 3,2 миллиона, что составляло около 13 процентов активного населения. В результате экономического роста, стимулируемого технологической революцией, в 1989 году количество безработных снизилось до двух миллионов, что составило не более 6 процентов активного населения. Маргарет Тэтчер не без оснований утверждала, что безработица будет временным явлением, хотя потребовалось почти семь лет для того, чтобы она снизилась. Средний рост доходов между 1983 и 1987 годами составил примерно 35 процентов. Если рост благосостояния и не был равномерным для всех, то все же около 90 процентов британцев ощутили это, причем одна десятая населения, а именно девятая десятая, то есть самая бедная, увидела, что ее доходы возросли на 6,2 процента, а одна десятая, первая десятая, самая богатая, — что ее доходы возросли на 62 процента. Общественность вновь прониклась оптимизмом. Да и цифры служили тому подтверждением. Хотя можно сказать, что в этом обогащении было нечто обманчивое. Впечатление всеобщего процветания отчасти было результатом кредитования. Уровень задолженности семей вырос вдвое. В воздухе веял дух иллюзий. На глазах новых собственников цены на их дома взлетали вверх вместе с ценой на недвижимость, и они оказывались владельцами огромного богатства... Но, несмотря ни на что, факты — вещь упрямая. В самом деле, дела в Соединенном Королевстве шли все лучше. И творцами этого возрождения были Маргарет Тэтчер и ее канцлер Казначейства Найджел Лоусон.

В речи, произнесенной во Филикстоу в 1986 году, Мэгги прекрасно выразила всеобщую эйфорию: «Кто семь лет назад заключил бы пари, что Великобритания претерпит такие изменения? Всё это произошло не благодаря некоему консенсусу. Это произошло, потому что мы сказали: „Вот то, во что мы верим“ <...>. Это свидетельство того, что происходит настоящий народный крестовый поход. Квартиросъемщики могут воспользоваться удобным случаем купить, то есть выкупить свое жилье; рабочие и служащие могут купить акции приватизированных компаний, члены профсоюзов могут принять решение, чем является закон для тред-юнионов <...>. Социалисты кричат: „Власть народу!“ — и сжимают кулаки. Но мы-то знаем, что они делают: они отдают власть государству».

Разумеется, на самом деле картина была далеко не столь идиллической, как могло показаться. В Англии в период второго срока правления Маргарет Тэтчер были и те, кто переживал трудности и

переносил страдания; таких было меньше, и трудности переносились чуть легче, чем во время первого ее мандата, но все же... Рядом с яппи, пресыщенными и довольными собой, рядом с городами юга Англии, извлекавшими немалую пользу из экономического бума, особенно в сфере услуг, существовали города севера Англии, Уэльса, Шотландии, где закрывалось больше заводов, чем открывалось новых предприятий. В старых шахтерских городках и поселках, в старых металлургических бастионах XIX века чудо Лоусона выглядело отвратительным зеркалом, применявшимся в старину при охоте на жаворонков, то есть приманкой, сулившей гибель.

В атмосфере всеобщего процветания легко забывали о безработных, пенсионерах, инвалидах, о представителях этнических меньшинств, оставшихся на обочине дороги. Конечно, все собирались вокруг телевизоров, чтобы посмотреть сериал Би-би-си «Парни из Блэкстуффа», в котором спокойно и отстраненно рассказывалось о злключениях безработных из окрестностей Ливерпуля, принужденных жить случайными заработками, мелкой торговлишкой или даже скрытым попрошайничеством. Некоторые из зрителей пускали слезу, а другие иногда откровенно смеялись над неудачами героев. Иногда сцены казались излишне сентиментальными и даже неестественными, вроде той, где жены шахтеров воровали свеклу с полей, чтобы покормить детей, и ведь это была не выдумка режиссера, а реальный факт. Но как можно было в это поверить, это же невозможно в стране, где царствует футси^[161]! Общественное мнение, похоже, было недалеко от того, чтобы разделять взгляды Маргарет, убежденной в том, что бедняки и бедолаги зачастую находятся в столь плачевном положении по собственной вине.

Это в обществе ощущалось тем более явно, что система социальной помощи не была разрушена. В то время как во Франции сложился образ Маргарет, без стыда и жалости сократившей расходы на медицинскую помощь в Государственной службе здравоохранения и на социальную помощь, распределяемую департаментом социального обеспечения, у нее на самом деле хватило ума не трогать эти два символа «общества всеобщего благоденствия», к которым британцы в большинстве своем были очень привязаны. Расходы Государственной службы здравоохранения не сокращались (в фунтах стерлингов) на протяжении всего срока правления Маргарет; что касается расходов департамента социального обеспечения, то они даже выросли из-за роста безработицы. Нику Ридли, внушавшему Маргарет мысль, что помощь следует оказывать только «достойным» безработным, она в 1986 году сказала прямо: «Вы правы, Ник, вы правы, но

это невозможно». Это не подлежало обсуждению и должно было оставаться неизменным. Здесь, как и всегда, сработало чувство политика, чувство реальности. Вплоть до 1990 года система останется почти неизменной. Если в Англии и были бедные, то почти не было нищих, а если таковые и встречались, то потому лишь, что сами поставили себя вне общественной системы, в положение, где уже не действует социальная помощь, а всем правят законы маргинальной среды... Вот почему в самом обществе так хорошо усваивались уроки этого «Гизо в юбке»; она постоянно твердила соотечественникам: «Обогащайтесь через работу и через сбережения».

Маргарет к этой тезе добавляла легкий штрих патриотизма, что всегда беспронимательно действовало на сердца ее соотечественников. Примирившись со своим национальным флагом «в кильватере» событий вокруг Фолклендов, англичане подчас с трудом воспринимали тот огромный разрыв, который существовал между культом традиционных ценностей и жадной наживой, с мольбами о прибыли и выгоде, обращенными хоть к языческим богам, хоть к душам предков. Маргарет следила за тем, чтобы наилучшим образом примирять, казалось бы, непримиримые вещи. Время от времени она наносила удары по неразборчивому приобретательству, не очень сильные, но все же ощутимые, и тем самым направляла общее движение в сторону морали и нравственного порядка. Так, она отказывалась узаконить проведение национальной британской лотереи, чего от нее требовал Найджел Лоусон, рассчитывавший таким путем пополнить сундуки государственной казны несколькими миллионами звонких монет. В соответствии с канонами ее веры игра была делом безнравственным, а потому и следовал отказ, хотя предложение делалось по вполне обоснованным причинам, ради финансовой выгоды. Что же касается поисков выгоды, то она узаконит их во имя существующих правил хорошего «управления», которые британское процветание приносит миру как некий особый дар, передаваемый в наследство. В интервью, данном Родни Тайлеру в 1987 году, Маргарет напомнила о том, что «английская нация — это есть нечто, действительно единственное в своем роде, уникальное, что вошло в британский характер, что способствует созданию империи и что помогает дать хорошие законы всему миру». Предприниматели конца XX века стали для своего времени тем, чем были какой-нибудь лорд Рипон или лорд Китченер для XIX века, в колониальную эпоху, то есть героями «Юнион Джека». Маргарет очень хорошо выразила эту мысль: «Человек может взобраться на вершину Эвереста сам по себе, ради себя самого, по своей воле, но на вершине он

установит флаг своей страны».

Обуздание профсоюзов

То, что Англия пережила такой экономический бум, произошло потому, — и об этом надо сказать, — что профсоюзы были приведены к повиновению, обузданы. Рынок труда смог быть либерализован и открыт для конкуренции, потому что Маргарет Тэтчер в 1984–1985 годах одержала безоговорочную победу над профсоюзом угольщиков. Это был нокаут! На так называемом «внутреннем фронте» это явилось, вероятно, одной из самых больших ее побед: сломать, разбить вдребезги корпоративную спесь и чрезвычайно консервативную наглость самого мощного и самого промарксистского профсоюза страны! Этот успех обеспечил ей место в первом ряду пантеона славы правых, и этот успех левые не могут ей простить. Эта страница — одна из главных в истории «тэтчеровской революции», то есть тэтчеровской мифологии. Для нее самой этот момент столь важен, что она посвятила ему целую главу в мемуарах под названием «Восстание мистера Скаргилла».

Рассказывая об этом конфликте, следует поместить его в исторический контекст. В Великобритании НСГ (Национальный союз горняков) был одной из тех «священных коров», перед которой склонялись все правительства, все органы власти (примерно как перед Национальным обществом железнодорожников во Франции). С 1926 года этот профсоюз при помощи средств, полученных в качестве взносов его членов, был одним из основных финансовых источников существования Лейбористской партии. Вильсон в 1968 году, Тэд Хит в 1972-м, сама Маргарет в 1981 году — все должны были склониться перед его мощью: большинство электростанций работало на угле, и НСГ фактически мог лишить страну электричества в течение нескольких дней или недель. Так, в 1972 году Тэд Хит был вынужден ввести трехдневную рабочую неделю, чтобы сэкономить электроэнергию. Мэгги знала, что ей для удачного проведения задуманных реформ однажды придется столкнуться с шахтерами. Она понимала, что это будет борьба не на жизнь, а на смерть. По ее убеждению, если человек вступал в битву, то только для того, чтобы ее выиграть, а иначе лучше от нее уклониться. Так, в 1981 году, узнав, что запасы угля остались на складах шахт, она приняла решение уступить в вопросе о зарплатах, понимая, что не сможет выстоять.

Потому на протяжении нескольких последующих лет Маргарет была

очень озабочена подготовкой к предстоящему столкновению. В обстановке самой строгой секретности в 1981 году она создала специальный комитет под председательством сэра Роберта Уэйда, бывшего сотрудника английских спецслужб. Этот комитет напрямую подчинялся ей; цель его заключалась в том, чтобы в условиях полнейшей секретности найти способы, которые помогут правительству выдержать длительную забастовку. Эта структура, совершенно «непрозрачная», произвела большой объем работ. Около всех крупных электростанций были созданы значительные запасы угля. С тайных счетов были выделены деньги, чтобы электростанции могли тайно пополнять и увеличивать свои запасы топлива. Одновременно множилось число электростанций, работавших на жидком топливе, то есть на мазуте. Были установлены контакты с частными транспортными компаниями, осуществлявшими грузовые перевозки, чтобы уменьшить последствия возможной забастовки железнодорожников. Армия и органы общественной безопасности тоже были поставлены в известность и должны были предложить свои планы обеспечения работы основных служб общественного назначения и государственных органов. В результате предложенных мер довольно большое число офицеров инженерных войск прошло стажировку на электростанциях под официальным предлогом подготовки к отражению возможной атаки советского спецназа^[162].

В Соединенном Королевстве полиция разделена на пятьдесят две региональные полиции, чьи действия более или менее скоординированы; было принято решение создать Национальный оперативный центр, куда должны были поступать все сведения в случае масштабного кризиса. Система была приведена в состояние боевой готовности. Естественно, никто не говорил о том, что всё это делается на случай социального конфликта. Только несколько высших чиновников знали, каков тайный смысл этих приготовлений.

После своего триумфального переизбрания в 1983 году Маргарет ощутила себя готовой к столкновению. Профсоюзное право было реформировано, но не сразу, а по частям, «мелкими шажками», в 1980, 1982, 1983 годах. Отныне пикеты забастовщиков были под запретом; к тому же на профсоюзы возлагалась финансовая ответственность за незаконные действия. Это были «юридические орудия», столь необходимые для борьбы, которых раньше не было. Средства для поддержания порядка были существенно усилены, кстати, отчасти в результате бунтов в Токстедде и Брайтоне. Национальное управление угольной промышленности (НУУП) в этот момент проходило стадию реформ, чреватых взрывом. Маргарет

назначила главой НУУПа Иэна Макгрегора, бывшего руководителя «Бритиш стил», поставившего «Бритиш стил» на хорошие рельсы ценой сокращения семидесяти тысяч работников. Он готовился сделать то же самое и на угольных шахтах, ибо угольная промышленность в 1983–1984 годах теряла из-за излишнего количества работников около 250 миллионов фунтов стерлингов в год. Единственным правильным решением представлялось закрытие нерентабельных шахт в старых угледобывающих районах Шотландии, Лейчестершира, Уэльса и Йоркшира. В те времена около 75 процентов шахт были убыточными... Зимой 1983/84 года Иэн Макгрегор представил свой план оздоровления отрасли. План предусматривал снижение добычи угля на 25 миллионов тонн и увольнение 64 тысяч шахтеров из 202 тысяч и произвел эффект разорвавшейся бомбы; план также сопровождался более или менее секретным списком обреченных шахт.

Правительству противостоял Национальный союз горняков (НСГ), объединявший «чумазных», то есть шахтеров; НСГ был наследником английских профсоюзных традиций и всей мифологии, связанной с историей рабочего класса, куда был вписан лидер шахтеров Артур Скаржилл. Убежденный марксист, он впервые пережил часы славы, когда мобилизовывал забастовщиков для организации пикетов у склада Сэтли в Бирмингеме в ходе знаменитой, воистину исторической стачки 1972 года. Шли годы, но он не успокоился и не остепенился. Этот человек, с седой шевелюрой, риторикой трибуна-революционера и идеями, окрашенными в тона советской идеологии, мечтал о пролетарской революции и счастливом будущем. Он не понял, что Англия уже входила в рай среднего класса. Будучи ярым сторонником прямого действия, убежденный в том, что всеобщее избирательное право является всего лишь выражением формальной демократии в противовес социализму, являющемуся выражением демократии реальной, Артур Скаржилл воображал себя английским Лениным. На следующий день после разгрома 1983 года он бросил в лицо представителям прессы, что не согласится на то, чтобы «четыре года это правительство обременяло и стесняло его», и что «внепарламентские действия — это единственный путь, открытый для трудящихся». Говоря другими словами, он имел в виду, что будущее определяется на улице, силой, вне закона, вдали от Вестминстера и его кодексов. Хорошо сказано, чтобы произвести должное впечатление на какого-нибудь «мягкотелого», но не на Маргарет. Социальный конфликт мог разразиться вокруг темы закона и порядка. Декорации уже были установлены. Тигр из Йоркшира против пантеры из Грантема — это

представление, а вернее, бой гладиаторов мог вот-вот начаться.

Шестого марта 1984 года Национальное управление угольной промышленности объявило о сокращении двадцати тысяч рабочих мест. На следующий день начались забастовки в Йоркшире и Шотландии. Артур Скаргилл сделал свой выбор: он решил не ставить вопрос о забастовке на голосование в Национальном союзе горняков. Он уже дважды оказывался там в меньшинстве при голосовании по вопросу о всеобщей забастовке^[163]. Он решил, что решения о кратковременных забастовках будут приниматься на местном уровне, забастовки будут проходить на отдельных шахтах, а пикеты забастовщиков будут стараться подбить на забастовку своих непокорных собратьев. Он обещал, что сработает «эффект домино». Пожалуй, с его стороны это было признание в собственной слабости. Скаргилл отправил своих посланцев на все шахты, но нельзя сказать, что действовали они с одинаковым успехом. В апреле из 174 шахт 43 еще работали.

В тех редких случаях, когда на шахтах проводилось голосование по вопросу о забастовке, результаты для НСГ были катастрофические; всякий раз забастовка отвергалась. Тогда профсоюзные активисты прибегали ко всевозможным средствам давления. «Летучие пикеты» забастовщиков (то есть незаконные) блокировали все пути к шахтам, чтобы туда не могли попасть желавшие продолжать работу. Кстати, таких оказалось гораздо больше, чем предполагали. Дело в том, что многие шахтеры купили дома в кредит, имели семьи, которые надо было содержать, хотели сменить обстановку в жилищах, улучшить условия жизни и т. д. Они вовсе не склонны были умирать от голода ради гипотетической революции. К тому же теперь участникам забастовки не выплачивались пособия социальной помощи.

Артур Скаргилл решил перейти к прямым действиям с применением невиданного насилия. Участники забастовочных пикетов забрасывали камнями автобусы, на которых возили шахтеров, не желавших бастовать. В ход шли поднятые из шахт болты, штыри, стальные прутья, кирпичи — всё это летело в машины противников забастовок. Полиция, вынужденная стоять между враждующими сторонами, принимала удары на себя. По всей стране конная полиция нападала на забастовщиков, тесня их с пути следования автобусов и машин, а те в ответ перерезали жилы и повреждали суставы на ногах лошадей. Напряжение нарастало. Именем закона, позволявшего принимать превентивные меры, подразделения полиции, перебрасываемые на вертолетах и выполнявшие указания, поступившие из Национального оперативного центра, блокировали машины профсоюзных

активистов, не давая им проникнуть на территорию действующих шахт. Самые жестокие столкновения произошли в мае на подступах к коксохимическому заводу в Оргрейве, где около пяти тысяч демонстрантов пытались помешать эшелонам с углем, следовавшим на сталелитейный завод Скунторпа. Буйство шахтеров граничило с дикостью. Перед телекамерами они размахивали щипцами, ломami и швыряли бутылки с «коктейлем Молотова» в полицейских. Несмотря на специальное защитное снаряжение, десятки полицейских получили ранения.

Если общественное мнение в Англии в ту пору заняло выжидательную позицию и сначала склонялось скорее к симпатии к этим беднякам, которым грозила потеря работы, то после таких варварски-жестоких сцен с этим было покончено. Результат был тем более ужасен для профсоюзов, что пресса раскрыла тайну: НСГ вступил в контакт с Ливией и СССР, чтобы получить от них финансовую помощь. Пресса сообщила, что Ливия предоставила 150 тысяч, советские профсоюзы — 300 тысяч фунтов; просочились слухи и о том, что свою лепту в поддержку НСГ якобы внесла и так называемая Конфедерация афганских профсоюзов. Партия революции, партия насилия к тому же еще стала и партией, находящейся на содержании иностранцев. В Великобритании такое преступление не прощают...

Добавим к этому широко продемонстрированную СМИ жестокость шахтеров по отношению друг к другу: сожженные дома штрейкбрехеров, их разбитые машины, запуганные жены и дети, в адрес которых раздавались угрозы, — и телевидение, и газеты сообщали о страхе, царившем в шахтерских поселках. Полиция была вынуждена устанавливать прямую связь с теми, кто не хотел участвовать в забастовке, чтобы прийти им на помощь в случае нападения. Кстати, все местные лавчонки находились под контролем профсоюзов, так что лавочникам было запрещено продавать продукты братьям-предателям... У Маргарет «в рукаве» были все козыри, чтобы всё взять в свои руки. 9 апреля, выступая в программе «Панорама», она заявила: «Полиция находится здесь, чтобы заставить уважать закон, а не для того, чтобы поддержать правительство. Речь идет не о конфликте между правительством и шахтерами. Это конфликт между самими шахтерами, шахтеров между собой...» После событий в Оргрейве она пошла дальше и говорила спокойно, не боясь сказать лишнее: «Вы видели по телевидению вчера вечером ужасные сцены. Я должна вам сказать, что в данном случае речь идет о попытке заменить царство закона на царство негодяев, власть закона — на власть сброды; и мы этого не потерпим <...>. Я воздаю должное храбрости тех, кто

отправляется работать, прокладывая себе путь сквозь пикеты забастовщиков. Их называют „желтыми“ и „штрейкбрехерами“, а они — львы».

К тому же Маргарет воспользовалась тем затруднительным положением, в которое попала Лейбористская партия. Ее новый лидер, Нейл Киннок, не знал, как вести себя в ходе конфликта. С одной стороны, он не мог оставаться равнодушным к бесчинствам Скаргилла, ибо понимал, что в политическом плане это самоубийственно. С другой стороны, он не хотел, чтобы у кого-то создалось впечатление, будто он поддерживает правительство. А потому он довольствовался тем, что напускал в речах густого тумана и пытался всё сгладить и подсластить, осуждая жестокость и насилие, с чьей бы стороны они ни проявлялись. Он также упрекал Маргарет в том, что она не принимает активного участия в переговорах. Она отвергала эти обвинения. Когда же Конгресс тред-юнионов и другие профсоюзы осудили действия НСГ и отказались от любых акций солидарности, кроме словесных, Нейл Киннок ощутил себя в праве подвергнуть критике забастовщиков. Стоял уже ноябрь, и было слишком поздно. «Железная леди» вкушала удовольствие от ошибки своего противника-соперника. У нее в руках оказались все шахматные фигуры партии, проигранной Нейлом Кинноком. Ему будет потом очень и очень трудно подняться после проявленной преступной слабости.

А забастовка всё продолжалась и продолжалась, вызывая у населения всё большее и большее раздражение. Правительство доказало, что оно может держаться и устоять. Правильная стратегия подготовки предусмотренных на такой случай запасов спасла правительство. Подача электроэнергии не прерывалась. Разумеется, иногда членов правительства и прошибал холодный пот, например, когда докеры пригрозили тем, что прервут поставки импортируемого угля, или когда работники службы безопасности шахт пригрозили присоединиться к забастовщикам. Маргарет тем не менее с высоко поднятой головой противостояла любому нажиму и даже через посредников советовала забастовщикам сдаться. Правда, она предпочитала действовать так, чтобы не травить двух диких зверей сразу. Прежде всего надо было расправиться с шахтерами, а с остальными, как говорится, не горит. Она побуждала руководителя Национального управления угольной промышленности не слишком увлекаться переговорами. О, разумеется, для того, чтобы произвести благоприятное впечатление на СМИ, надо было вести переговоры, хотя, по правде сказать, Иэн Макгрегор был столь же любезен, как тюремная дверь, так что к нему скорее требовалось направить хорошего советника по связям с

общественностью. Но Мэгги не хотела и полупобеды. Она желала видеть НСГ поверженным, ничего не добившимся, вынужденным смиренно склониться в поклоне и просить пощады. Кстати, ей в этом деле очень помогала слепая одержимость Артура Скаргилла, отказывавшегося признать даже такие очевидные вещи, как понятие «нерентабельная шахта». В таких условиях шансов прийти к согласию конечно же было мало, так что одним предстояло победить, другим — признать себя побежденными.

По мере того как страна всё больше увязала в конфликте, Маргарет всё более обретала уверенность в себе. В речи, опубликованной 19 июля в «Дейли экспресс», она представила свою точку зрения без прикрас: «Как мы победили на Фолклендах врага внешнего, так сейчас нам надо победить врага внутреннего, гораздо более сильного и опасного для наших свобод». Ее влияние и сила увеличились в результате действий некоторых шахтеров, не желавших бастовать; они подали иск в Верховный суд Йоркшира, чтобы добиться возмещения за понесенный ими из-за забастовки ущерб. Разумеется, за этой акцией пристально следили телевизионные камеры. Это был большой успех Мэгги. В сентябре Артур Скаргилл был приговорен к выплате истцам лично тысячи фунтов стерлингов, а Национальный союз горняков — к выплате 200 тысяч фунтов. Судебным исполнителям, правда, не удалось получить со счетов НСГ эту сумму, потому что деньги тотчас же после зачитания приговора были перечислены на заграничные счета. Но это стало началом финансового удушения НСГ; он более не мог субсидировать забастовщиков. «Мудрость желудка» начала одерживать победу над смутными политическими надеждами. Национальное управление угольной промышленности этим воспользовалось и пообещало выплатить премию тем работникам, которые приступят к работе до Нового года. Кроме того, в стране продолжались акты насилия. 23 ноября погиб Майкл Флетчер, шахтер, хотевший отправиться на работу: он был убит за рулем своей машины ярыми синдикалистами, сбросившими на машину с эстакады железобетонные блоки. Это было уже слишком! Под Новый год 75 тысяч шахтеров вернулись в забои и приступили к работе.

Третьего марта забастовка завершилась. НСГ ничего не добился. Он был повержен, затравлен, как дикий зверь. Его касса была пуста. Главным победителем было Национальное управление угольной промышленности, а главными проигравшими в конечном счете — сами шахтеры. К 1994 году в Великобритании осталось всего 20 действующих шахт и 21 тысяча шахтеров.

На протяжении всего срока забастовки, почти год, Маргарет держалась

очень твердо. Как бы к ней ни относиться, что бы о ней ни думать, невозможно не восхищаться этой стойкостью. Стратегическая дальновидность, тактическая ловкость, способность организовывать показ по телевидению самых значимых событий, а также особые качества руководителя — всё это продемонстрировало лучшее в Маргарет, столь же блистательной в борьбе против «врага внутреннего», как и в борьбе с врагом внешним. Кстати, своими действиями в ходе этой стачки Мэгги явно очень гордится, судя по ее мемуарам: «Забастовка позволила открыть всем истину, что угледобывающий сектор английской экономики не мог более оставаться под защитой от воздействия экономических сил <...>. Но это была политическая забастовка. И ее исход затронул не только экономическую сферу, дальность ее действия намного превзошла ее пределы. В период с 1972 по 1985 год политическая мудрость требовала смириться с тем, что Великобританией нельзя управлять без согласия профсоюзов <...>. Наша решимость противостоять забастовке принудила рядовых членов профсоюзов противостоять активистам. Это поражение профсоюзов говорит о том, что нельзя было позволить фашиствующим левакам превратить Великобританию в неуправляемую страну». Это высказывание вполне справедливо и сейчас, 20 лет спустя. Кстати, за это время профсоюзы растеряли большую часть своих членов...

Еще одна горячая точка: Ирландия

Если в ходе борьбы с шахтерами Маргарет проявила политическую смелость, то в вопросе об Ирландии речь уже шла о смелости физической. В октябре 1984 года, по обыкновению, состоялся ежегодный съезд (конгресс) Консервативной партии. 12 октября, накануне последнего дня работы съезда, когда лидер партии должен произнести заключительную речь, Мэгги в последний раз просматривала текст своей речи в номере «Гранд-отеля» в Брайтоне. Педантичная, добивающаяся совершенства во всем, она шлифовала речь в окружении приближенных и в компании своего «любимого мастера пера» Ронни Миллера. Наконец, когда было без двадцати три ночи, текст передали группе машинисток. Последний документ Маргарет подписала без десяти три и собралась уйти в свою комнату. В этот миг в отеле раздался оглушительный грохот рушащихся стен. Маргарет подумала, что бомба взорвалась где-то за стенами отеля, возможно, в припаркованной рядом машине. Взрыв задел ее ванную комнату, зеркала разлетелись на массу осколков, но на первый взгляд ущерб

был незначителен. Маргарет убедилась в том, что с Деннисом все в порядке, и поспешила к машинисткам узнать, не пострадал ли текст речи. Она еще не понимала, что взрыв произошел в самом здании и она была на волосок от смерти. Среди ночи полиция срочно эвакуировала ее из гостиницы и разместила в помещении полицейского участка Брайтона. Ронни Миллер, ставший очевидцем произошедшего, описал атмосферу почти дантевского ада в разрушенной взрывом гостинице: «Никто не кричал, не звал на помощь, не было никакого шума, стояла мертвая тишина, и везде была пыль, много пыли, и время от времени откуда-то отваливались куски стен <...>. Это было просто ужасно».

Только находясь в помещении полицейского участка, Маргарет смогла оценить масштаб разрушений. Гостиница была словно выпотрошена. Вид ее напоминал здания, разрушенные войной. Фасада вообще не было. Можно было подумать, что время повернуло вспять и все опять оказались в эпохе «блицкрига». В участок прибывали близкие Маргарет люди: Уилли Уайтлоу, чета Хау, Джон Гаммер, новый председатель Консервативной партии. Кит Джозеф пришел в белой шелковой пижаме, судорожно сжимая в руке красный портфель с министерскими документами. Прибыли и другие члены команды Маргарет, все в пижамах и халатах, всклокоченные, бледные, кое-как одетые. Мэгги рассказали, каков масштаб разрушений и ущерба. Норман Теббит был серьезно ранен, как и его жена (она так и останется навсегда прикована к инвалидной коляске). Один депутат парламента погиб, а всего погибли пять человек. Маргарет была потрясена, но не показывала этого. Полицейские предложили ей поскорее вернуться в Лондон, на Даунинг-стрит, но Маргарет отказалась, объявив, что в программе не будет никаких изменений. Она попыталась заснуть и в семь часов утра вышла ко всем присутствующим, как всегда, безупречно одетая и причесанная. Джон Коул с Би-би-си, который не слишком любил Мэгги, признал, что «даже под самым сильным давлением она была несравненной, великолепной, величественной женщиной-политиком, причем высокопрофессиональным».

Итак, Маргарет приняла решение, что заседание партийного съезда начнется ровно в девять часов, как и было предусмотрено. Алистер Макалпин распорядился открыть магазин фирмы «Маркс энд Спенсер» на час раньше, чтобы все могли привести себя в приличный вид. Побрившись на скорую руку и одевшись во всё новое, партийные руководители поднялись на трибуну. Легендарное британское хладнокровие опять совершило чудо. А тем временем ИРА взяла на себя ответственность за покушение. Единственными изменениями, внесенными Маргарет в

повестку дня съезда, были минута молчания в память о жертвах и краткое вступительное слово: «Это покушение было не только попыткой прервать наш съезд. Это была попытка уничтожить избранное демократическим путем правительство Ее Величества. Вот какова цель того оскорбления, что нам было нанесено. И тот факт, что мы сегодня здесь все собрались, шокированные, но спокойные и решительные, означает не только то, что это покушение провалилось, но и то, что всякая попытка уничтожить демократию при помощи терроризма провалится».

Его Величество Случай еще раз позаботился о Маргарет. Да, ей необычайно повезло: несколько лишних шагов, и «тэтчеровская революция» завершилась бы, даже не начавшись. Хотя внешне Мэгги и казалась спокойной, на самом деле она была глубоко травмирована. Она пишет в мемуарах: «Эту ночь я провела в „Чекерс“, ставшем моим семейным очагом, и беспрестанно думала о тех, кто уже не сможет никогда вернуться домой». Всё произошедшее произвело на нее столь сильное впечатление, что потом во время путешествий по стране и за границей она никогда не будет расставаться с электрическим фонариком, чтобы в случае нового покушения не оказаться в темноте. Несколько недель спустя после убийства Индиры Ганди она скажет Деннису: «Давай пользоваться каждой минутой, они драгоценны».

Кроме чрезвычайного хладнокровия, являющегося признаком совершенно особенного темперамента и характера, она демонстрирует и свое величие, пытаясь найти решение ирландской проблемы и не позволив себе ослепнуть от ненависти или жажды мести. Разумеется, она приказала полиции и армейским частям, ответственным за поддержание порядка в Ольстере, быть беспощадными. Известно, что подразделениям, развернутым в Северной Ирландии, был отдан приказ вести огонь на поражение, и это вовсе не миф. Маргарет была «в высшей степени юнионисткой». В мемуарах она подчеркивает, «что всякий консерватор должен чувствовать себя в глубине души юнионистом», тем более что в 1973 году референдум подтвердил желание большинства населения Северной Ирландии остаться в лоне Соединенного Королевства.

В то же время она прекрасно понимала, что положение, когда закон и порядок сохраняются путем применения чрезвычайных сил, не может продолжаться долго. Надо было найти решение проблемы, которое возможно только в согласии с Ирландской Республикой, ведь именно через нее ИРА получала оружие, технику и прочую помощь. Премьер-министр Ирландии Чарлз Хохи не хотел даже слышать о подписании соглашения об экстрадиции, то есть о выдаче боевиков ИРА Великобритании. Он

постоянно ставил на рассмотрение вопрос о суверенитете Ирландии над Ольстером, ибо Ольстер в конституции Ирландии рассматривался в качестве шестой провинции страны. К счастью, в 1983 году он был заменен на Гаррета Фитцджеральда, политика гораздо более умеренных взглядов. Подталкиваемая американцами, Маргарет согласилась вступить в переговоры, которые должны были привести к заключению первого с 1920 года англо-ирландского договора.

Договор, подписанный в Хиллсборо-Касл 15 ноября 1985 года, стал большим шагом вперед. В пункте первом было зафиксировано, что статус Ольстера может быть изменен только при согласии большинства населения и что в нынешнем состоянии население не желает присоединения к Ирландской Республике. В договоре также было предусмотрено создание постоянного секретариата, задача которого — осуществление сотрудничества двух государств в разных сферах, в том числе в области безопасности и юриспруденции. Ирландская Республика брала на себя обязательство более не поддерживать ИРА и подписать Европейскую хартию о противодействии терроризму. У этого договора была масса достоинств. Он поддерживал саму идею проведения переговоров. Умеренные республиканцы могли найти в этом договоре условия легализации и легитимизации своего движения, чего их пытались лишить ИРА и ее политическое крыло, партия Шинн Фейн. Хотя результаты заключения этого договора проявились не сразу — покушения и теракты продолжались, в том числе и тот, что был совершен в день памяти жертв Первой и Второй мировых войн в Эннискилене в ноябре 1987 года, когда погибли 11 человек, — все же отныне свободное слово могло прийти на смену оружию. Договоры, заключенные в Великую Страстную пятницу в 1998 году, более или менее положившие конец конфликту, несомненно основывались на договоре, заключенном в Хиллсборо-Касл.

В чем состояло величие «Железной леди»? В том, что она тогда сделала свой выбор, и не в пользу юнионистов, не в пользу своих. Лидеры юнионистов, Джеймс Молиню и Иэн Пейсли, громко вопили о предательстве. Правда, большая часть переговоров велась у них за спиной, даже Том Кинг, министр по делам Ирландии, был проинформирован о переговорах в последний момент. По улицам Белфаста маршировали так называемые оранжисты, выказывая такие злобу и бешенство, какие могли сравниться со злобой и бешенством бастовавших шахтеров. Они жгли машины и терроризировали католические кварталы... С трибуны палаты общин Энок Пауэлл заговорил о мошенничестве, «вызывающем лишь презрение». Иэн Гоу, министр финансов, подал в отставку, несмотря на то,

что с Мэгги его связывали узы искренней дружбы. Но она держалась твердо. Суду предвзятости и несправедливости она предпочла суд истории.

Обуздание «феодалов»

У каждой медали есть своя обратная сторона. Если на лицевой стороне Маргарет Тэтчер присутствуют отвага, воля, стойкость, то на обратной — склонность видеть в противнике нечто дьявольское, категоричные суждения, прямолинейность, несговорчивость, короче говоря, авторитаризм. Она не выносила людей и организации, становившиеся поперек ее дороги. На протяжении почти всего срока своего второго мандата она боролась с тем, что, справедливо или нет, называла «проявлениями феодального социализма», «социалистическими магнатами-феодалами», то есть «внутренними врагами».

В лагере этих врагов были и представители университетских кругов. Маргарет очень хотела насколько возможно уменьшить силу и влияние «внутреннего врага». Она не колеблясь окружала себя профессорами, наделенными самым блестящим умом и разделявшими в основном ее идеи^[164], чтобы почерпнуть у них всё самое ценное; она владела искусством излагать простым языком тончайшие понятия, усвоенные ею от таких проницательных интеллектуалов, как Кит Джозеф; но она не любила это сословие как таковое, ибо оно внушало ей подозрения. Она питала глубокую неприязнь к прогрессистским идеям, столь популярным в университетских кругах, с которыми столкнулась в 1970–1974 годах, когда работала в Управлении по экономическим вопросам. Она не могла простить этим кругам тот факт, что в 1981 году 364 известных экономиста подписали петицию против бюджета страны, и говорила об этом открыто. Маргарет объясняла Ральфу Дадендорфу, президенту Лондонской школы экономики, что «профессора привели Великобританию к краху». В одном интервью, данном в 1988 году, она повторила свои обвинения: «Такие революционные доктрины, как коммунистическая, произросли в университетах, и интеллектуалы влили то, что я называю ядом, в разум молодых людей <...>. Они обладали большими достоинствами, но были развращены ими». Однажды, когда какой-то истинный консерватор обратил ее внимание на то, что «красный Дэни», наш национальный Кон-Бендит, иногда задает хорошие вопросы, она ответила, что «было бы лучше, если бы он находил хорошие ответы...». Кстати, следует заметить, что неприятие и даже отвращение были взаимными. Вопреки обычаю,

требовавшим, чтобы премьер-министр получил почетное звание «доктор гонорис кауза» Оксфордского университета, Маргарет Тэтчер в этой чести трижды было отказано преподавательским составом университета — в 1981, 1983 и 1987 годах, причем самым унижительным образом; в последний раз она получила 319 голосов «за» и 738 «против». Проведенный в 1987 году социологический опрос показал, кстати, что только 19 процентов преподавателей высшей школы голосовали за тори.

Естественно, Маргарет не смогла бы подавить или уничтожить этих непокорных преподавателей. Единственное оружие, которым она располагала, был бюджет. И она не отказала себе в удовольствии его использовать. В период ее первого мандата средства, выделяемые Комитету по распределению субсидий университетам, были сокращены на 18 процентов. В период второго мандата суммы эти ежегодно уменьшались на 2 процента. В своей «Зеленой книге»^[165] Кит Джозеф в 1985 году предлагал университетам найти новые, собственные источники финансирования: увеличение набора студентов, повышение платы за обучение, меценатство, сотрудничество с промышленными предприятиями. В период третьего мандата Маргарет Тэтчер начнет новый этап борьбы с университетскими кругами. Денежные средства не будут более распределяться специальной комиссией, в состав которой входили преподаватели, это будет делать особый Университетский учредительский совет, большинство которого будут составлять деловые люди и высокопоставленные чиновники. Разумеется, с неразберихой и беспомощностью было покончено. Получая меньше денег, университеты увеличили количество дипломированных специалистов на 30 процентов, что было ярким доказательством того, что искусство управления, изначально не присущее представителям университетских кругов, при необходимости может быть ими освоено. Правда, эта политика в скором времени привела к пролетаризации высшего образования. В 1987 году молодой преподаватель в Оксфорде или Кембридже получал чуть больше управляющего почтовым отделением...

Еще более тяжкие удары обрушились на сферу научных исследований. Маргарет упразднила Научный совет по исследованиям в области общественных наук. Она полагала, что уже в названии этого совета есть противоречие между самими терминами. Кроме того, ей было известно, что такие «ответвления» научного познания, как социология или психология, часто бывают логовом отъявленных леваков. Она отказалась назначить кого-либо на пост министра науки, полагая, что проведенные ею научные исследования в различных областях позволяют ей самой быть министром

науки в своем правительстве. Результат не замедлил сказаться. Маргарет считала, что частный сектор должен финансировать прикладные исследования, а государственный сектор должен найти достойных партнеров, чтобы финансировать фундаментальную науку. В период между 1979 и 1987 годами бюджет министерства науки сократился с 0,72 до 0,62 процента ВВП. Конечно, таким образом удалось избежать разбазаривания государственных средств, но подобная политика всё более ускоряла процесс «утечки мозгов» (в основном в сторону США). Единственным проектом, который Маргарет поддерживала, употребляя всё свое влияние, был Открытый университет, британский эквивалент объединенных вместе французских Национального центра управления и Национального центра дистанционного обучения, то есть учебное заведение, где производилось дистанционное обучение людей всех возрастов, университет для вольнослушателей, «достойных», если использовать слово из тэтчеровского словаря.

Каков итог этой реваншистской политики? Представители университетских кругов изобличали хроническое отсутствие средств, левые говорили об интеллектуальном обнищании страны. С другой стороны, количество патентов, зарегистрированных в Великобритании в период правления Маргарет Тэтчер, не сократилось, напротив, оно даже увеличилось на 10 процентов во время ее третьего срока. Уменьшится тот, кто из всего вышесказанного сделает правильный вывод...

Другим предметом насмешек Маргарет, своеобразным козлом отпущения, которого она искренне ненавидела, была... Англиканская церковь. Раньше говорили, что Англиканская церковь^[166] — это «Консервативная партия в молитвах». В период правления Маргарет Тэтчер можно было сказать, что это скорее «Лейбористская партия, ведущая военную кампанию». Архиепископ Кентерберийский, духовный прелат приверженцев Англиканской церкви^[167], без устали порицал Маргарет в своих проповедях. В 1981 году в своей рождественской проповеди он принялся изобличать «людей столь жестокосердных, каковым неведомо сострадание, каковые презирают людей и не придают значения голоду». Маргарет могла лишь стискивать кулаки и молча сносить оскорбления. В 1983 году архиепископ Роберт Ранси в ходе поминальной службы в соборе Святого Павла по погибшим на Фолклендах вновь принялся порицать Маргарет в своей проповеди, и создалось впечатление, будто поминальная служба идет по аргентинцам, жертвам этой войны. Конечно же его роль как «божьего человека» состояла в том, чтобы напомнить: перед Божьим судом

все люди равны, но для Маргарет это было огромным оскорблением, и не одна она так считала. Газета «Сан» писала, что «оскорбление было нанесено нашим героям». Публикация в 1984 году документа под названием «Религия в Сити» обострила и без того ужасные отношения до предела. Маргарет назвала этот документ «марксистской поджигательной головней». Она была в ярости, тем более что являлась убежденной христианкой. И в своих словах она была не так уж не права. У нее создалось впечатление, что ее веру предают, а ее Библию пачкают грязью. Она отметила, что в этой работе ничего не говорится о личных усилиях человека и о необходимости смирения, высказав сожаление о том, что Церковь недостаточно печется о моральном перевооружении, в котором так нуждается нация. Более всего ее приводило в бешенство то обстоятельство, что она была почти бессильна в данной ситуации. Она может сыграть в свою игру только при назначении на должности, но после реформы 1976 года премьер-министр мог выбирать иерарха из двух кандидатур, предложенных самой Англиканской церковью. Маргарет с горечью констатировала, что ей «предоставляют право делать выбор только среди леваков». По сведениям из дипломатических источников^[168], дело зашло так далеко, что Маргарет якобы даже подумывала о том, чтобы лишить Англиканскую церковь статуса государственной и ограничить участие государства в ее жизни и ее участие в жизни государства^[169]. Без сомнения, такие мысли возникли у нее под влиянием гнева.

По сути в своей борьбе против «феодалов-клириков» Маргарет оставалось лишь терпеливо сносить удары и восхвалять другие религии, в частности иудаизм. Она пишет в мемуарах, что «хотела бы, чтобы христиане обратили внимание на то, как евреи помогают друг другу и как они несут бремя личной ответственности». Кроме того, что Маргарет всегда искала удобный случай для укрепления хороших отношений с еврейскими избирателями в «своем родном» округе Финчли, она также поддерживала очень тесную связь с главным раввином Англии Якововичем, которому по ее представлению в 1987 году королевой было пожаловано дворянство. В остальном же она могла только сжимать кулаки. В лице магистра Ранси она нашла своего Томаса Беккета, но сама так и не смогла стать для него Генрихом II.

Другой орган, которому Маргарет пыталась заткнуть рот и на что затратила массу сил, — это Би-би-си^[170]. В Соединенном Королевстве Би-би-си — священный общественный институт, вроде королевы или парламента. Работают в этой компании умнейшие, блестящие люди, часто

выходцы из «Оксбриджа», культивирующие такие явления, как провокация и парадоксальное мышление. Хотя чисто номинально Би-би-си подчиняется министерству внутренних дел, свобода высказываний там, похоже, тотальная. Учитывая тот факт, что интеллектуальная элита все более и более склонялась к идеям социализма, основанного на консенсусе, то с приходом к власти Маргарет Тэтчер Би-би-си превратилась в настоящее логово просвещенной оппозиции.

Во время обеда на Даунинг-стрит Деннис Тэтчер якобы однажды сказал Джону Коулу, одному из «звездных редакторов» канала: «Как бы там ни было, на Би-би-си все — троцкисты, это известно». Хотя сама Маргарет не говорила этого прямо, она разделяла мнение мужа. И это положение раздражало ее тем более, что Би-би-си в основном жила на государственные деньги. Маргарет полагала, что если государство платит, то тем самым получает право иметь телевидение и радио, которые будут его поддерживать, то есть находиться в его подчинении, как сказали бы злые языки. Этот вопрос она считала чрезвычайно важным, особенно в контексте холодной войны. По ее мнению, «если западное телевидение использует свою свободу только для того, чтобы показать, что не так в нашем обществе, то коммунистическое телевидение показывает только то, что выгодно правительству». До 1983 года Маргарет не чувствовала себя достаточно сильной, чтобы выдержать столкновение с гидрой телевидения. Она сдерживалась и бросалась в бой лишь изредка, например, когда журналисты хотели обнародовать планы ведения боевых действий на Фолклендах в ущерб безопасности солдат или когда принялись показывать крупным планом аргентинок, вдов моряков, погибших на «Генерале Бельграно». В 1983 году Маргарет приняла решение взять власть Би-би-си в свои руки. Президент корпорации как раз должен был покинуть свой пост, потому что срок его пребывания истек. Обычно в таких случаях его место занимал вице-президент. Им в то время был Марк Бонэм Картер, зять господина Аскуита, известный своими чрезвычайно либеральными взглядами, беспечный прогрессист и сторонник модернизма в религии из-за презрительного отношения ко всему на свете. Маргарет отказалась утвердить его кандидатуру. Она отдала предпочтение Стюарту Янгу, во многом разделявшему ее идеи. После его смерти в 1985 году (в возрасте пятидесяти двух лет) она призвала человека, совершенно чуждого миру телевидения, господина Мармадьюка Хасси, главного редактора «Таймс». Его ей рекомендовал газетный магнат Руперт Мердок, с которым Маргарет была очень близка^[171]. Началось наведение порядка, и очень скоро генеральный директор был отправлен в отставку. Девять из десяти

редакторов были заменены, причем либо членами Консервативной партии, либо сочувствующими тори. Иногда Маргарет просила прямого вмешательства министра внутренних дел, чтобы запретить выход той или иной программы. Леон Бриттен запретил показ интервью предводителей ИРА именем закона об антитеррористической деятельности. Именем закона о защите государственной тайны в 1987 году он запретил показ передачи о спутниках-шпионах «Циркон». Короче говоря, в 1987 году Би-би-си уже пребывала в состоянии «свободы под надзором». Даже столь консервативная по духу газета, как «Санди телеграф», подвергла резкой критике «вендетту, которую тори устроили Би-би-си». Ну, разумеется, Би-би-си до «Правды» было далеко, хотя находились злые языки, приравнивавшие их друг другу, но скорее Би-би-си можно было сравнить с Управлением французским радиовещанием и телевидением времен правления генерала де Голля.

Как ни странно, среди тех, кого Маргарет Тэтчер преследовала и клеймила позором, в первых рядах оказались административно-территориальные образования и органы местного самоуправления. Это действительно странно, так как шло вразрез с традициями тори, демонстрировавшими стародавнюю, многовековую привязанность к графствам и городкам, выбиравшим представителей в парламент, ко всем этим промежуточным органам управления, что составляют структуру нации и скрепляют ее воедино. Наследственные пары были наиболее привязаны к этим явлениям децентрализации власти, покрытым патиной столетий. Но Маргарет не желала этой децентрализации, она ее даже ненавидела. Кое-кто делал попытки найти объяснение почти иррациональному личному отвращению Маргарет к этому национальному наследию британцев. Быть может, она, будучи представительницей городского среднего класса, ничего не знала о традициях и обычаях сельской Англии, пустивших глубокие корни в лесах и полях, среди коттеджей и владений сквайров? Может быть, так оно и было! А может, она не смогла простить муниципальному совету Грантема то, что ее отца в 1952 году сместили с должности олдермена, то есть члена совета графства? Вполне возможно...

Однако в реальности всё гораздо проще. В момент прихода к власти Маргарет констатировала, что около 25 процентов государственных расходов составляют расходы административно-территориальных единиц и местных властей. Как можно контролировать расходы, если государство не распоряжается средствами? К тому же некоторые из этих единиц и органов местной власти превратились в неприступные бастионы лейбористов,

потворствовавших иждивенчеству и социальной зависимости. Маргарет полагала, что таким путем лейбористы стремились увеличить число своих сторонников. На нее произвела огромное впечатление фраза Достоевского, утверждавшего, что «социализм — это феодализм будущего». Примеры общин или городских конгломератов с пригородами, где у власти находились лейбористы, были для нее яркими доказательствами истинности этого утверждения. А потому ее навязчивой идеей стало желание снизить местные налоги.

Кроме всего прочего эти административно-территориальные единицы часто становились очагами провокаций, граничивших с гражданским неповиновением. Дэвид Бланкет в Шеффилде провозгласил так называемую «Народную республику Шеффилда», а в Ливерпуле Дерек Хаттон заявил о том, что лично собирается субсидировать отрасли промышленности и народные промыслы, которым власть отказывает в помощи.

Самой символической фигурой среди так называемых местных баронов был Кен Ливингстон, возглавлявший Совет Большого Лондона. Он был среди представителей местных властей примерно тем, кем был в профсоюзе горняков Артур Скаргилл. Обладая хорошо поставленным голосом, он был великолепным оратором, несравненным провокатором, умевшим обезоружить противника наигранной наивностью, не звавшим себе равных забиякой (из числа тех, кого в XIX веке называли бретёрами), и посвящал все свое время тому, чтобы бросать постоянные вызовы «Железной леди». На фасаде Кантри-холла, где располагался Совет Большого Лондона, Ливингстон в 1981 году установил огромное светящееся панно, на котором высвечивались цифры: так он сообщал о росте количества безработных, а цифры в те времена увеличивались ежедневно. Он совершал вызывающие поступки весьма дурного вкуса, субсидируя все то, что раздражало Мэгги: движения этнических меньшинств, организации сексуальных меньшинств, группы бродячих и уличных артистов. Когда в тюрьмах Северной Ирландии проходили голодовки, он торжественно принимал членов семей голодавших заключенных. В 1983 году он организовал встречу представителей прессы с Джерри Адамсом, председателем партии Шинн Фейн, и с представителями ИРА. Он дошел до того, что сравнил политику Великобритании в Ольстере с политикой Гитлера по отношению к евреям. «На пороге» своего второго мандата Маргарет настроилась «заполучить голову» Кена Ливингстона, «Красного Кена», как его называли. Началось с того, что полномочия по распределению бюджетных средств, которыми ранее располагали местные

власти, были существенно урезаны, затем их вынудили сократить свои бюджеты, в результате чего 18 бюджетов административно-территориальных единиц, где у власти находились лейбористы, были отвергнуты Казначейством, такая же участь постигла и две единицы, где у власти были консерваторы. Правда, мер этих было недостаточно для Лондона, где Совет Большого Лондона на многое претендовал, располагал большим влиянием, имел немало средств воздействия при довольно небольшом круге обязанностей, помимо обеспечения движения и городского транспорта.

Чтобы избежать обвинений в том, что предпринимаемые меры слишком уж зависят от личных чувств самой Маргарет, она в 1985 году приняла решение упразднить все крупные городские сообщества, Совет Большого Лондона в первую очередь, а вместе с ним советы Большого Манчестера, Мейерсайда, Южного Йоркшира, Тайн-энд-Уира и Уэст-Мидлендз. Эти структуры были созданы не так давно и еще не укоренились в сознании и сердцах местного населения. Кроме того, что эти инстанции часто бросали вызов правительству и шли на различные провокации, они воспринимались населением как чисто бюрократические и бесполезные образования. Итак, общественное мнение несколько не было взволновано их упразднением. Как это ни парадоксально, но именно в палате общин у Маргарет возникли большие затруднения при прохождении законопроекта. Старая традиционная приверженность тори к наличию промежуточных органов власти заставила их возроптать против мер, явно направленных на централизацию власти. Закон был принят всего лишь 237 голосами против 217, да и то благодаря тому, что депутатам были разосланы вызовы на заседание, где в повестке дня данный закон был подчеркнут тремя красными линиями, означавшими, что депутат от Консервативной партии должен проголосовать в соответствии с линией партии под угрозой административного наказания. Как бы то ни было, но 31 марта 1986 года Совет Большого Лондона и шесть других советов крупных городских агломераций были распущены. Кен Великолепный в честь окончания своего «царствования» устроил на улицах Лондона праздничные увеселения и дал салют от ступеней Кантри-холла, что обошлось налогоплательщикам в 250 тысяч фунтов. «Серьезная Мэгги» одержала победу над «человеком праздным», исповедовавшим идеи, окрашенные в розовато-оранжевые тона.

Но была ли эта боевая операция столь уж успешной? В случае с Лондоном — маловероятно. Власть перешла к тридцати двум общинам, избравшим членов парламента, и теперь между этими частями города и

«веточками» власти не было никакой координации. Маргарет говорила, что это естественно, что таким образом местным инициативам дается шанс. Она даже пошла еще дальше. В интервью, данном «Ивнинг стандарт», она объяснила, что «Лондон не является и никогда не являлся одной целостной единицей». Она говорила и о том, что «Лондон принадлежит не только лондонцам, а жителям всего Соединенного Королевства». Результатом всех этих действий стало то, что Уайтхолл взвалил на себя всё управление городом, но теперь никто толком не знал, кто за что отвечает. Недостатки транспортной системы и городской инфраструктуры, столь явно проявившиеся в 1990-е годы, совершенно очевидно уходят корнями именно в то решение о сломе «феодальной местной системы власти», принятое Маргарет. Через 15 лет Лейбористская партия, вновь вернувшаяся к власти, введет должность мэра Лондона, избираемого путем всеобщего голосования, и это решение примирит всех: центральная власть почувствует облегчение, сторонники местной автономии — удовлетворение; мэр Лондона станет очень влиятельным лицом, представлявшим одну из крупнейших европейских столиц. Правда, следует признать, к тому времени лейбористы уже успеют сменить кожу.

По всей стране, помимо Лондона, следовало бы произвести оценку реформы управления, предпринятой Маргарет. Нужен ли был Англии централизм в той или иной степени? Является ли нагромождение органов власти друг на друга в виде пирожного «наполеон» гарантией местной демократии или оно представляет собой источник расточительства? Хороша ли децентрализация власти? Сколько вопросов, на которые трудно найти ответ! Единственное, в чем можно быть твердо уверенным, так это в том, что борьба Маргарет против «местных выборных феодалов» означала для Великобритании следующее: больше централизации и меньше промежуточных органов власти. Противники Маргарет говорили об «избирательной диктатуре» премьер-министра. Конечно, это было чересчур! Но всем ясно, что более чем когда бы то ни было власть спускалась вниз, от дома 10 по Даунинг-стрит к населению.

Время скандалов

Каждое правительство неизбежно сталкивается со скандалами, более или менее серьезными. Правительству Маргарет Тэтчер повезло, ибо оно было от них почти избавлено. Конечно, был эпизод с Сесилом Паркинсоном, но это всего лишь частное, личное дело, закрутившееся

вокруг амурной истории, так что вышел плохой водевиль, и ничего более. Некоторые высокопоставленные чиновники, вроде Сары Тисдейл и Клайва Понтинга, подверглись преследованиям за то, что распространяли в прессе «закрытую информацию», имевшую отношение к государственной тайне или вопросам государственной безопасности. Это было достаточно неприятно, но ни честность, ни порядочность членов кабинета и премьер-министра не были затронуты.

С началом того, что вскоре будет названо «делом компании Уэстленд», всё изменилось. Мэгги оказалась под прицелом на линии огня. В конце 1985 года владелец британской вертолетной компании «Уэстленд» попал в очень неприятное положение: портфель заказов компании на три четверти пуст, в перспективе ни одной новой модели, к тому же вся компания опутана долгами. Так что владельцу требовался покупатель убыточного предприятия. Никто с этим не спорил. Американец Сикорски вступил в борьбу за приобретение компании. По причине его тесных связей с американскими вооруженными силами, а компании «Уэстленд» — с британской армией досье Сикорского и досье «Уэстленд» оказались не только на столе министра торговли и промышленности Леона Бриттена, но и на столе министра обороны Майкла Хезлтайна. Эти досье и стали для него «поводом к войне». Хезлтайн был убежденным «еврофилом», то есть сторонником тесного сотрудничества с Европой, а потому хотел, чтобы компания, испытывавшая трудности, была взята под контроль европейским консорциумом, по примеру «Аэрбаса», в котором «Бритиш аэроспейс» и «Дженерал электрик компани» играли бы преобладающую роль. Хезлтайн использовал все свое влияние, чтобы способствовать принятию именно этого решения.

Как и в случае с шахтерами, «дело», причем крайне неприятное, родилось из-за противостояния двух доминирующих личностей. Стоило только раз взглянуть на Хезлтайна, чтобы понять, что он собой представляет. У него были серо-голубые, стальные, умнейшие глаза, которые словно копыя вонзались в глаза собеседника. Когда он улыбался, открывались клыки, впивавшиеся в губы, и казалось, что он сейчас вас порвет на куски с самой очаровательной улыбкой. Он явно принадлежал к породе хищников, а его профиль наводил на мысли о волке или лисе. Он происходил из старинного дворянского рода, был очень высокого мнения о себе и легко представлял себя на месте калифа. Его имя фигурировало в списке возможных «наследников» Маргарет.

Маргарет же его нисколько не ценила. Если он был достаточно разумен, чтобы быть монетаристом, то в то же время был и в достаточной

мере интервенционистом в экономической сфере. Маргарет желала, чтобы выбор военной техники делался на основе чисто военных и экономических критериев, Хезлтайн же хотел превратить министерство обороны в орудие развития промышленности. Например, для того, чтобы заменить корабли, затонувшие у берегов Фолклендов, Хезлтайн хотел распределить заказы на постройку судов между различными британскими верфями. Маргарет же предпочитала, чтобы заказ был передан одной из них, наиболее успешной и гораздо более выгодной для государства. Хезлтайн вынужден был подчиниться. На протяжении нескольких месяцев ничего вроде бы не происходило, но напряжение между Хезлтайном и Маргарет возрастало. Хезлтайну надоело быть на вторых ролях и подчиняться той, кого он тогда еще не называл «этой кровавой женщиной».

Чаша переполнилась 13 декабря 1985 года, когда Маргарет отменила заседание Комитета по экономическим проблемам, где должны были рассматриваться материалы из досье компании «Уэстленд». Она утверждала, что вопрос был решен четырьмя днями ранее на заседании правительства в пользу американцев, в соответствии с пожеланиями совета директоров компании «Уэстленд». Так что, по ее мнению, не было никаких причин возвращаться к слушаниям по этому вопросу. Частично это было правдой. Леон Бриттен, Джеффри Хау и Норман Теббит предпочитали заатлантического партнера. Распространились слухи, будто Маргарет сама рьяно ратовала за партнерство с американцами^[172]. Но Майкл Хезлтайн буквально «вцепился» в это дело и непременно хотел заставить выслушать свои аргументы, питая надежду, что в конце концов их серьезность будет оценена. Отмена заседания стала для него как звон колокола, похоронивший его надежды. Он решил контратаковать, хотя знал, что в этом сражении рискует потерять свой министерский портфель. Быть может, он даже этого хотел. Это был особый способ «покинуть корабль», чтобы потом предстать в ореоле провидца... Итак, он организовал утечку информации. Среди документов, любезно предоставленных прессе, фигурировали документы с весьма неблагоприятными прогнозами относительно того, что британская промышленность может лишиться крупных контрактов с европейскими партнерами, если «Уэстленд» перейдет под контроль американцев. По неосторожности Хезлтайн также приказал проверить почту одного адвоката и отобрать материалы, подтверждающие осуществимость и выгоду «европейского проекта». Это было ошибкой. Для сословия адвокатов профессиональная тайна — святыня. Маргарет никогда не забывала о том, что она сама когда-то носила адвокатскую мантию. Она тотчас же обратилась к генеральному прокурору,

сэру Патрику Мейхью, чтобы он срочно провел расследование о нарушении тайны. В докладе генерального прокурора, представленном премьер-министру, по сути, не было ничего особенного: рассмотрев переданные ему документы, он не нашел в них ничего преступного, но, правда, допустил определенную бестактность, отметив, что в некоторых из них имеются «искажения фактов».

Неведомыми путями секретный доклад Патрика Мейхью попал в руки журналистов «Таймс», и 3 января 1986 года газета вышла «под шапкой»: «По мнению генерального прокурора Хезлтайн манипулирует фактами». На заседании кабинета, собравшегося после этой публикации, Маргарет напомнила о важности сохранения тайны в сложных, требующих особого внимания делах. Ник Ридли, возможно, по ее распоряжению, взял на себя бремя неприятного разговора. В своем выступлении он отметил, что «утечки информации особенно часто происходят в министерстве обороны». Майкл Хезлтайн воспринял эти слова как провокацию. Он бросил свою папку с документами в лицо Нику и покинул зал посреди заседания, куда уже не вернется. Несколько часов спустя на пресс-конференции Хезлтайн подверг резкой критике правительство, находившееся в состоянии «полнейшей деградации» и пасовавшее перед автократией.

Так досье, содержащее сведения чисто экономического характера, стало политической бомбой. И на сей раз в сложном, даже опасном положении оказалась сама Маргарет. Генеральный атторней, сэр Майкл Хейверз, потребовал проведения расследования по делу о распространении в прессе доклада Мейхью. Он пригрозил привлечь к расследованию полицию и юстицию, находя, что произошло нечто совершенно недопустимое: слова его подчиненного каким-то образом стали известны представителям прессы. Маргарет удалось его на время успокоить, и он удовлетворился тем, что расследование было поручено Роберту Армстронгу, сотруднику личной канцелярии премьер-министра. Правда, такое поручение означало, что дело будет «похоронено». Требовалось найти виновного. Стали выяснять, кто держал в руках доклад генерального прокурора. Кроме обитателей дома 10 по Даунинг-стрит, доклад побывал и в министерстве обороны, которое по определению не могло быть под подозрением, и в министерстве торговли и промышленности. Пресс-атташе министерства торговли и промышленности призналась, что с ней по данному вопросу связались журналисты и в отсутствие управляющего секретариатом министерства она доложила об этом Бернарду Ингему, руководителю пресс-службы премьер-министра. И тот якобы сказал только, что ничего не смог бы сделать без согласия Маргарет.

А вот далее всё скрыто завесой тайны. Маргарет утверждает, что ее ни о чем не информировали, указывая на то, что «это вполне нормально, если министерство торговли и промышленности распространяет информацию, а учитывая необходимость и срочность, информация могла сообщаться по телефону...», и добавляет: «Если бы со мной проконсультировались, я бы посоветовала использовать другие средства, чтобы только некоторые факты стали известны общественности». Говоря другими словами, вся вина возлагалась на министерство торговли и промышленности. Но никто в это не поверил. Сама Маргарет или по крайней мере Бернард Ингем были в курсе происходящего. Быть может, они сами и организовали утечку информации. Но какое это имеет значение, ведь это политика. Здесь нельзя обременять себя тонкостями нравственности, в особенности если нужно уничтожить столь жесткого и неуступчивого противника, как Майкл Хезлтайн. И если нужен козел отпущения, то им станет министерство торговли и промышленности. На заседании правительства Маргарет продемонстрировала грандиозное двуличие. Она повернула голову к Леону Бриттену и спросила: «Леон, почему вы нам ничего об этом не сказали?» Ему не оставалось ничего иного, как подать в отставку, под громкий лай всей оголтелой своры. Нужно было, чтобы слетела с плеч чья-то голова, и она слетела.

Лейбористы в палате общин выразили недоверие правительству. 23 января 1986 года Нейл Киннок разразился длинной путаной речью, в которой требовал порядочности и честности, а не лживых, рассчитанных на доверчивую публику заверений людей из окружения премьер-министра. Маргарет рисковала лишиться своего кресла. Британские парламентарии более всего презирали надувательство при расследовании политических дел. Некоторые консерваторы могли в такой ситуации проголосовать за вотум недоверия правительству, ибо никого одурачить не удалось. Но, правда, Нейл Киннок выглядел столь жалким, что лучше уж было согласиться на плутни слишком хитрого премьер-министра, чем терпеть тупую и вздорную наивность лейбориста. Короче говоря, Маргарет всё отрицала. Майкл Хезлтайн, вернувшийся в ряды заднескамеечников, заявил, что «слова премьер-министра поставили точку в этом деле». Правда, он и сам не был совершенно чист, ведь это с него начались утечки информации.

Дело было закрыто, но для Маргарет это был ужасный щелчок по носу. Чтобы прийти в себя, ей потребовался целый год. К счастью для нее, начался «лоусоновский бум», поднявший дух англичан и заставивший их забыть о малоприятном запахе этой политической аферы.

На пути к третьему мандату

Дело компании «Уэстленд» причинило партии консерваторов солидный ущерб. Дуглас Херд пишет: «Мы как правительство заплатили большую цену за нашу временную неудачу, и заплатили все, неся коллективную ответственность». Маргарет прекрасно это сознавала. Она пишет в мемуарах: «Упрек, который, без сомнения, сыграл более всего против меня, состоял в том, что я не слушала других». Ну а говоря иными словами, упрек состоял в том, что у Маргарет была склонность к автократии.

На протяжении всего 1986 года она старалась показываться как можно чаще вместе со своими министрами, нередко с самыми молодыми, демонстрируя, что является лидером команды, сформировавшейся вокруг нее. К тому же она воспользовалась и столь благоприятными факторами, как экономический рост и снижение уровня безработицы. Результат был таков: если в феврале тори в социологических опросах получали всего лишь 29 процентов голосов, то в декабре их популярность составила уже 41 процент, так что они опередили лейбористов, имевших 32 процента. Экономический рост конечно же является замечательным фактором, влияющим на вектор настроений избирателей.

Кроме того, Маргарет, будучи замечательным стратегом в политике, размышляла над тем, как лучше предстать перед обществом, выставляя свою кандидатуру на третий срок. Она пишет, что «надо уберечься от сарказмов по поводу списка представляемых к осуществлению идей <...>, если эти идеи хороши, то почему их не начать воплощать немного раньше?» Она находит ясный ответ, который так излагает в мемуарах: «Мы этого достигли, представив наши реформы в качестве третьей фазы поступательной тэтчеровской программы. Свой первый мандат мы посвятили тому, чтобы поднять экономику и реформировать законы о профсоюзах. Во время второго мандата мы позволили расти нашему богатству и развивали систему участия работников в прибылях предприятий в таких объемах, каких никогда не было. Третий мандат мог бы дать нам возможность позволить скромным потребителям пользоваться тем же выбором и товарами того же качества, к которым имели доступ богатые». Это то, что называется «социальным тэтчеризмом».

В октябре 1986 года на партийной конференции, проходившей под лозунгом «Следующий скачок вперед», она была великолепна во всех смыслах. «Таймс» так характеризует эту конференцию: «Это была

прекрасная идея для консерваторов, ибо они производили впечатление единой команды».

Партийный манифест 1987 года, «лучший из всех, которые Консервативная партия когда-либо обнародовала», был в основном сконцентрирован на социальных вопросах. В нем предусматривалось установить ставку подоходного налога на уровне 25 процентов; особое внимание уделялось трем сферам: образованию, жилью и местным налогам. В манифесте не упоминалось здравоохранение, ибо, по словам Маргарет, «Государственная служба здравоохранения воспринималась многими как краеугольный камень нашей системы социальной защиты, и предложение резко ее реформировать было бы весьма рискованным».

В сфере школьного образования манифест предлагал введение программы-минимум, своеобразного общеобразовательного фундамента, позволявшего унифицировать минимальный уровень знаний молодежи. Предполагалась отмена прежней системы финансирования, так называемой «подушной», что способствовало бы развитию школ с эффективными методами обучения и позволяло бы наказывать с финансовой точки зрения другие, где обучение велось по старинке, ибо цель реформы — поднять общий уровень всех школ. Наконец, школам, в противовес уже существующим компрехенсив скулз, целиком подчиненным местным органам образования, предлагалось обратиться с просьбой о даровании им статуса государственных школ, находящихся в прямом подчинении у центральной власти, а не у местных властей. И здесь централизм стал оружием в борьбе против «местных феодалов».

В сфере жилищной политики, чтобы еще и еще уменьшить роль местных сообществ, предполагались создание кооперативов жильцов, а также передача жильцами прав собственности на их жилье специально созданным трестам, которые станут осуществлять управление этой собственностью и ее обслуживание. Наконец, было обещано, что впервые из государственной казны будут выделены крупные суммы денег на восстановление обветшавших кварталов.

Другими ключевыми моментами новой программы консерваторов стали отмена местных налогов, продолжение приватизации, введение обязательного тайного голосования во всех профсоюзах и принятие закона о праве работников не покидать рабочих мест во время забастовки.

Такие меры не могли не понравиться избирателям, ведь они сулили новый подъем экономики, продолжение процветания, окрашенного в социальные тона, и надежды на стабильное будущее.

После собрания команды Маргарет в загородной резиденции премьер-

министра, поместье «Чекерс», она обратилась к королеве с просьбой назначить выборы на 11 июня 1987 года. Несмотря на соперничество, существовавшее между Центральным бюро партии и домом 10 по Даунинг-стрит, избирательная кампания проходила довольно успешно. Всё те же, уже ставшие ритуальными, действия! Всё тот же сельский автобус, правда, на сей раз битком набитый достижениями новомодных высоких технологий: компьютерами, телефонами, факсами, ксероксами и т. д. Всё те же пресс-конференции по утрам! Всё те же поездки по провинции! Всё те же избитые фразы об опасности, исходящей от лейбористов, наподобие тех, что Маргарет произнесла 2 июня в Эдинбурге: «За маской умеренности скрываются левые экстремисты, в чьих руках сейчас и находится партия. Через несколько дней после избрания лейбористского правительства профсоюзы вновь окажутся у руля, а их главари станут властителями всей нации». Это, быть может, и упрощенная риторика, но она была столь эффективна! Англию все еще страшили эти старые демоны, она боялась возвращения старых кошмаров, с повседневным бездействием, порождающим застой, и со скрытой, тайно вызревающей гражданской войной. Кроме того, Маргарет сыграла на таком факторе, как мода на современность. Она вела избирательную кампанию в духе конца XX века, которой руководили американские телепроповедники. Предвыборные митинги всё более и более походили на предвыборные митинги в США, с лазерными эффектами и прочими техническими новинками страны индекса Доу-Джонса.

И все же Маргарет нервничала более чем когда-либо. Хотя результаты опросов в общем были вполне удовлетворительными, даже хорошими, она боялась проиграть выборы. Ее постоянно терзала тревога! Уилли Уайтлоу предсказал: «Это будет ее последняя кампания, еще одну она не вынесет». Он и представить себе не мог, насколько он был прав! Дочь Кэрол рассказывает, что в конце первой недели предвыборной кампании Мэгги якобы воскликнула: «Давайте откажемся от борьбы! Это конец!» Ее пессимизм углублялся еще и тем, что она была далеко не в лучшей форме чисто физически. У нее был нарыв, доставлявший ужасные страдания, но она не хотела делать операцию, дабы не терять времени. Ей оставалось уповать только на обезболивающие средства и свою стальную волю, позволявшие улыбаться, несмотря ни на что. Возраст, усталость, изнуряющее влияние власти... Кто знает, какой из этих факторов играл главную роль в том, что Маргарет чувствовала себя менее уверенно, чем раньше... Доказательством этого можно считать хотя бы тот факт, что за неделю до выборов она велела опубликовать в прессе огромное количество

рекламы (от чего отказалась в 1983 году). Казначей партии согласился выделить средства, ворча, что «лучше быть у власти, хоть и в долгах, чем богатым, но в оппозиции».

Но чрезмерные страхи Маргарет были почти беспочвенны. Ее соперник Нейл Киннок вел избирательную кампанию неумело, и ее нельзя было назвать иначе как жалкой. Кстати, он очень неплохо начал, с демонстрации душевного клипа, где прогуливался с супругой по пляжу под летним солнышком, держась за руки. Это был образ безмятежного спокойствия и мира, который мог дать отдохновение англичанам, уставшим от бесконечных тэтчеровских вызовов реальности и окружающему миру. Средства массовой информации отмечали, сколь разительно отличались тона выступлений Маргарет и Нейла. Нейл был довольно молод, и его молодость нравилась избирателям. Он выглядел более близким к народу, более гламурным, нежели шестидесятилетняя «Железная леди»...

К несчастью для Нейла, 24 мая он совершил на телевидении непростительную ошибку. Одностороннее ядерное разоружение и так было тяжким грузом для его программы, но вдобавок к этому на вопрос, как, по его мнению, должна будет отреагировать Великобритания в случае вторжения советских вооруженных сил, он ответил: «Используя все возможные средства для того, чтобы сделать оккупацию невыносимой для оккупационных войск». Чтобы проиллюстрировать свои слова, он сослался на пример Афганистана. Хороший образец подражания для столь гордой нации, как англичане, представляли собой эти душманы в лохмотьях, вынужденные скрываться в пещерах, чтобы стрелять «в хвост» советским вертолетам! Это высказывание сделало его избрание невозможным навсегда!

Вскоре Маргарет буквально порвет Нейла в клочья. В речи, произнесенной в Кардиффе, она принялась изобличать, не боясь быть опровергнутой, «политику обороны страны, предлагаемую лейбористами, основанную на ядерном одностороннем разоружении, которую лейбористы превратили в политику поражения, капитуляции, иностранной интервенции и оккупации, а в конечном счете в политику продолжительной партизанской войны. Я не понимаю, как некто, кто мечтает взять в руки бразды правления, может относиться к вопросу об обороне нашей страны столь легкомысленно». В Солихолле Маргарет выказала себя еще более воинственно настроенной. Патриотические чувства — ее излюбленная тема, а потому она и сыграла на них: «Лейбористская партия говорила об оккупации, об оборонной политике под белым флагом. С тех пор как я нахожусь во главе правительства, белый флаг всего лишь один раз

фигурировал в нашем словаре. Это произошло в ту ночь, когда закончилась Фолклендская война и я пришла в палату общин, чтобы сообщить депутатам следующее: „Над крышами домов в Порт-Стэнли развеваются белые флаги“». Восторженные крики и аплодисменты, раздавшиеся в ответ на речь Маргарет, звучали как обещание множества голосов, поданных за тори.

Удары, наносимые Маргарет по лейбористам, причиняли им большой ущерб и были очень болезненны, тем более что все «фитили», зажженные лейбористами, лишь тлели да дымили. То они нападали на Маргарет как личность, называя ее «императрицей», а правительство — сборищем подхалимов и подлых душонок; то упрекали ее в том, что она обращается к частным врачам, а не к Государственной службе здравоохранения, чтобы избежать стояния в очередях в ожидании приема. Вместо того чтобы дрогнуть, попытаться как-то оправдаться, она спокойно взяла на себя ответственность за свой выбор и выбор многих сограждан: «Я поступаю так, как поступают пять миллионов британцев, занимающихся страхованием собственного здоровья, чтобы попасть к выбранному каждым из них врачу». Псевдобомба, подброшенная друзьями Нейла Киннока, разорвалась прямо у них в руках. Журналисты доставили себе небольшое удовольствие, сообщив имена тех членов теневого кабинета лейбористов, кто пользовался услугами частных врачей. Как оказалось, почти все они это делали, в том числе и сам Нейл Киннок.

Как и на каждых выборах, все задавались вопросом относительно шансов Альянса. Соперничество двух лидеров, двух Дэвидов, Оуэна и Стила, окончательно лишило Альянс доверия избирателей. Так что впереди было лишь доброе старое столкновение лейбористов и тори.

Результаты, как говорится, «обжалованию не подлежали». Лейбористы получили 31,7 процента голосов, консерваторы — 43,4 процента, то есть 376 депутатских мест против 229. Альянс получил лишь 22 процента голосов. Маргарет Тэтчер сохранила более чем устойчивое большинство. Это была победа, несомненная, неоспоримая победа, несмотря на то, что увеличивался раскол страны на обедневший север, покрытый временно бездействующими промышленными зонами и разоренными городками, и на процветающий юг, завоеванный консерваторами.

Но в тот момент это не заботило Маргарет. Она вся была во власти чувства одержанной победы, чувства триумфа, что не скрала от представителей прессы: «Говорю совершенно искренне: трижды победить — это замечательно!» Она даже якобы шепнула кому-то из журналистов, что охотно представляет себе, как будет встречать на Даунинг-стрит новый,

2000 год.

К сожалению, все волшебные сказки когда-нибудь кончаются. Англичане в конце концов устанут от железной рукавицы, тяжело лежащей у них на затылке. Маргарет неотянет даже до конца срока своего третьего мандата. Самые прекрасные истории любви часто заканчиваются равнодушием или даже ненавистью. В 1990 году депутаты-консерваторы объявят ей о ее отставке. Она была «заколота кинжалом» своими же, как до нее был «заколот» Тэд Хит.

Глава одиннадцатая

ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ

Существует немало произведений об искусстве управления государством, оставленных государственными деятелями, и великими, и незначительными, начиная с «Государя» Макиавелли, «Мемуаров» кардинала де Реца и «Анти-Макиавелли» Фридриха Великого. И все они представляют собой собрание мудрых изречений, непогрешимых сентенций, совокупность всех тузов и козырей, обеспечивших невероятный успех государственных мужей, как отсутствие этих козырей — поражение. Ничего подобного нет у Маргарет Тэтчер! Никаких претензий на собственную теорию управления! Ее мемуары — это внушительное по объему собрание фактов, цифр, не слишком интересных историй, категоричных, безапелляционных суждений или даже мелочных сведений счетов; всё это собрание занимает 1300 страниц и способно утомить даже самого благорасположенного к чтению читателя, в том числе и биографа госпожи Тэтчер. Ни одного остроумного выражения, ни одного удачного афоризма! Ни одного хорошо обыгранного сравнения, ни одного парадокса! Что касается стиля изложения, то о нем лучше не говорить! Если Маргарет сама является автором сего произведения, то можно сказать, что музы забыли склониться над ее колыбелью. Если же она призвала на помощь «литературных негров», то выбор ее был крайне неудачен! «Военные мемуары» генерала де Голля читатель проглатывает как роман-эпопею, мемуары Черчилля воспринимаются как надгробный монумент, созданный во славу клонящейся к упадку империи; мемуары же Маргарет при чтении наводят на мысль о дополнительном нудном задании, данном учителем нерадивому ученику в качестве наказания.

Для того чтобы найти в ее мемуарах хоть какие-то штрихи, которые могли бы объяснить ее успех, надо читать между строк, выискивая отдельные словосочетания в хитросплетениях фраз, и особенно внимательно следить за теми ее действиями, о которых она рассказывает. Если она и имела убеждения относительно основ ее «политического проекта», если могла четко сформулировать, какими идеями руководствовалась, предпринимая те или иные шаги, то она никогда не давала себе труда определить свой стиль правления. А потому нам придется набрасывать контуры ее искусства управления с большим трудом, пристально изучая те десять лет, что она прожила как человек публичный,

и единственной путеводной нитью для нас будет служить в этих поисках ремарка, встретившаяся в одном докладе о разоружении: «Самый большой идеалист в политике, если он заботится о нравственности, обязан перед самим собой, несмотря ни на что, быть прагматиком». Итак, идеализм в основании, идеализм по сути и практический смысл по форме — возможно, это единственный принцип, который она определила для себя.

Выиграть выборы

В отличие от многих политиков Маргарет Тэтчер не верила в то, что предвыборные обещания оказывают воздействие только на тех, кто столь наивен, что им верит. Вне зависимости от нравственной стороны вопроса она прекрасно осознавала, что невыполненные обещания имеют свойство порождать «эффект бумеранга». Как можно выглядеть заслуживающим доверия завтра, если нарушил обещание вчера? Это убеждение сформировалось у нее довольно рано. Во время предвыборной кампании 1974 года Маргарет выказала большую сдержанность и даже настороженность в вопросе о проценте ссуды на недвижимость, ибо, как объясняет она в мемуарах, ей «претило вытаскивать цифры, как фокусник вытаскивает кролика из шляпы, чтобы нанести тяжелый политический удар и попасть в цель, не поразмыслив всерьез над проблемой». Маргарет считала опасными слишком категоричное изложение убеждений, слишком точные обещания, слишком большую откровенность в высказываниях. Управление страной столь сильно зависит от обстоятельств, что надо создать систему, основанную на нескольких ясных принципах, нескольких четких и важных идеях, которые служили бы своеобразными штырями для того, чтобы на них можно было опираться. Маргарет полагала, что хорошая предвыборная программа — это программа, в которой прочерчены основные направляющие линии, а не каталог из 90, 100 или 110 предложений. Если она считала манифест 1987 года лучшим за всю ее политическую карьеру, то это потому, что она «предпочитала манифест, содержащий небольшое число радикальных и эффектных мер, чем манифест, содержащий небольшие, привлекательные, но одновременно и вызывающие раздражение гроздь малозначительных, вторичных мер». Таково было условие, делавшее предвыборную кампанию ясной и понятной, о чем Маргарет писала: «Как известно специалистам по рекламе и политическим стратегам, самое важное, быть может <...>, — это иметь ясный мессидж». Надо сказать, что содержание так называемого

«тэтчеровского проекта» долгое время препарировали, анализировали, разбирали по косточкам, так что бесполезно к этому занятию возвращаться здесь.

Можно только отметить, что для Маргарет слова о «ясности мессиджа» означали «лобовое столкновение с противником». Страх показаться политически некорректной не вызывал у нее паралича или столбняка. Она считала, что человек может быть либо на ее стороне, либо против нее, и во втором случае от нее не следовало ожидать ни малейшего снисхождения. «Никто никогда не утверждал, что для того, чтобы быть эффективными, реплики, подаваемые в палате общин, должны были быть утонченными». Когда речь заходит о Лейбористской партии, Маргарет наносит прямые точные удары, безо всяких реверансов и экивоков, разит наповал без ложной скромности, ибо, как она поясняет, «левые всегда готовы использовать обсуждение тех проблем, которые они сами и создали». Вот почему, к примеру, по вопросу об иммиграции она не сдерживает ни свой язык, ни перо, потому что «ловкий и зажиточный политик может публично проповедовать добродетельность, терпимость и превозносить их всячески публично, а потом возвращаться в комфортабельное жилище в тихом, спокойном квартале, где цены на жилье гарантируют ему все преимущества апартеида, но без его стигматов». По тем же причинам она не боялась обращаться к простым избирателям, читающим таблоиды, такие как «Сан» или «Ньюс оф уорлд». Ей не присуще то почти священное почтительное отношение к такому изданию, как «Гардиан», которое присуще многим британским политикам, ибо для нее это только образец «газеты для достойных людей». Маргарет же использовала все средства массовой информации, какие только возможно.

Кроме того, Маргарет привнесла в мир политиков-консерваторов еще одну очень серьезную новинку. До того как она пошла в атаку на Смит-сквер^[173], лидеры консерваторов проводили свои избирательные кампании при содействии «генеральных штабов», куда входил довольно ограниченный круг лиц. Они имели столь возвышенное мнение о политике, что сочли бы позором доверять кому-то еще рассуждать на темы своей избирательной кампании. У Маргарет же не было этой спеси или ложной скромности ходячей добродетели. Быть может, именно потому, что она вышла из среды, где в торговле не усматривают ничего постыдного, она и считала, что программа партии или кандидата в депутаты распространяется точно так, как растворяется в воде стиральный порошок. Недостаточно того, что идеи партии или депутата хороши и справедливы, они еще должны зацепить избирателя за живое. Она смиренно признает, что не

является хорошей прачкой. По ее мнению, «политики должны просто противиться соблазну считать себя экспертами в областях, в которых у них нет надлежащего опыта. Если хорошее чувство вкуса или здравый смысл не раз заставляли меня отвергать какие-то предложенные мне лозунги или плакаты, я всегда предоставляла право креативщикам, то есть людям с оригинальными идеями, работающим в сфере рекламы, делать свою работу». Это была настоящая революция в английской политической жизни, которая в последующие годы ширилась и развивалась. Несомненно и неоспоримо одно: свобода Маргарет в сотрудничестве с новыми средствами коммуникации была одним из составляющих элементов ее успеха. Хотя, скажем, эффект, произведенный в 1979 году плакатом, созданным фирмой «Саатчи энд Саатчи»: «Лейбористская партия — это безработица», определить точно невозможно, все же следует признать, что он был значителен. Кстати, Тим Белл и Гордон Рис всегда были советниками Маргарет, официальными или неофициальными.

Точно так же Маргарет скромно и смиренно признавала, что «дар пера» не является ее сильной стороной. Да, у нее есть идеи, у нее есть интуитивная техника аргументации. Она не читала Квинтилиана или Аристотеля, но ей известно, как строится речь. Но она охотно признается в том, что «ей нужен кто-то, обладающий чувством слова и знающий, что делает всю речь текучей, легкой, свободной». Быть может, именно это служит объяснением того различия «литературного качества» ее мемуаров и ее речей, являющихся настоящими шедеврами красноречия. Эти речи в большинстве своем являлись творениями «ювелира слова» Ронни Миллера, который придавал им воистину эпический масштаб, но одновременно и какой-то простой, интимный оттенок, что стало лейблом или брендом избирательных кампаний Маргарет; она хотела и стремилась в своих речах сделать важные экономические понятия доступными для восприятия домохозяйки и придать самой простой, самой банальной из принимаемых мер огромную патриотическую значимость, не впадая при этом в выпренность. Вот с этим багажом она и одержала три победы...

Против консенсуса: управлять для того, чтобы руководить

В отличие от многих политических деятелей, любящих власть из-за тех почестей, что она дарует, Маргарет Тэтчер — прежде всего женщина действия и убеждения. Можно вспомнить ее знаменитую речь 1968 года под названием «Что не так с политиками», произнесенную в Центре

политических консультаций, где она объяснила: «Я не провожу политику консенсуса, я провожу политику убеждения». Завоевание в трудной борьбе дома 10 по Даунинг-стрит и постепенное удаление «мягкотелых» с заменой их на «жестких» только усилили эту ее склонность и направленность ее политики. Во время саммита глав стран Содружества в Мельбурне в 1981 году президент Гайаны Форбс Бернхем любезно, хотя и невольно, подарил Маргарет определение консенсуса, которое ей подошло превосходно: «Консенсус — это нечто, что имеют, когда не могут добиться согласия». Она не раз вспоминала эти слова и перефразировала их, передавая заключенный в них смысл в выражениях, весьма точно определяющих ее политическую практику: «Для меня консенсус, похоже, есть вот что — отказ от всех убеждений, от любых принципов, от всех ценностей и от всех линий поведения ради чего-то, во что никто не верит, но против чего никто не возражает, потому что возразить нечего; консенсус — это попытка избежать настоящих проблем, требующих решения, просто потому, что те, кто должен их решать, не способны прийти к согласию. В борьбе за какое великое дело можно было бы одержать победу под знаменем, на котором начертано: „Я за консенсус“?».

Вследствие таких взглядов Маргарет открыто не доверяла веяниям времени, модным идеям, стандартным мыслям. Она постоянно пускала стрелы в адрес «мер, принятых в качестве уступок реальности, ведь они бывают чаще всего самыми неэффективными». Она выступала против «мер, принимаемых людьми практичными по причинам прагматичным, ведь эти меры чаще всего потом оказываются совершенно неприменимыми и неосуществимыми». Она отдавала предпочтение непопулярным решениям, идущим против течения, если это было нужно, но отличавшимся такими достоинствами, как ясность и логичность. Она была искушенной, хитрой лисой-плутовкой в сфере политической стратегии и знала, что самые решительные меры могут быть приняты только в начале срока правления, когда законность правительства, избранного демократическим путем, абсолютна, несомненна. «Первая верноподданническая речь главы нового правительства задает тон на весь срок его мандата. Если не воспользоваться этим случаем для принятия решительных, радикальных мер, то можно быть почти уверенным в том, что больше такая возможность уже не представится». Чаще всего крупные реформы при Маргарет действительно предпринимались в начале срока ее правления: оздоровление экономики и государственных финансов — в начале первого срока; приватизация и подавление профсоюзов, дабы уменьшить их власть, — в начале второго срока. В период же третьего

срока ее мандата слишком много времени было затрачено на подготовку реформы местных налогов, и именно этим отчасти и объясняются неудача Маргарет и ее вынужденная отставка.

Необходимость оказывать прямое воздействие на события настоятельно требовала особой концепции отношений между премьер-министром и высшими чиновниками, между министрами и чиновниками их ведомств. До прихода к власти Маргарет Тэтчер большинство членов правительства имели привычку в работе полагаться на управляющего делами министерства, который часто оставался на своем посту и при смене правительства. Под его началом образовывалась настоящая камарилья высокопоставленных чиновников государственной службы, в основном прошедших через горнило «Оксбриджа», они предлагали различные решения вопросов, а министр якобы принимал самостоятельное решение. Вообще так обстоит дело в большинстве правительств в мире, кстати, в том числе и во Франции. Мэгги же вознамерилась изменить положение вещей. Она считала, что министр сам должен принимать решения, а чиновники должны ему повиноваться. Она не признавала неповоротливость административной системы, не допускала того, что чиновник может явиться к министру и сказать, будто сделать то или иное невозможно, потому что прежде всегда поступали иначе и потому что исполнителей найти будет невозможно. Нет, они, члены правительства, здесь для того, чтобы экономические вопросы подчинялись политическим! Вот и всё! Она станет строго и сурово отчитывать тех членов кабинета, которые будут пытаться возложить ответственность за свои неудачи на свою администрацию, ибо, как она пишет в мемуарах, «бюрократическая логика никогда не заменяет мнения министра; всякий политик, забывающий об этом, однажды ощутит на себе груз политических последствий».

Мэгги обладала неумемной энергией, бившей через край, и в конце концов нашла ей приложение в лоне своего кабинета: она стала рассматривать своих коллег по правительству в качестве лишь сверхвысокопоставленных чиновников, — произошло это во время ее третьего срока правления. Она весьма простодушно полагала, что «должна доверять только своему мнению и полагаться только на свое суждение в вопросах, касающихся основополагающих проблем, а не пытаться предварительно убедить своих коллег в верности этого мнения или суждения». Результатом такой убежденности стали возникновение и быстрое укрепление тенденции движения к авторитаризму и постепенная утрата способности слушать своих собеседников!

Маргарет стремилась «монополизировать» слово и власть не только в

политике. Она явно старалась распространить свое влияние и на другие сферы, в частности на общество, где ей приходилось выполнять свои светские обязанности. Так, последняя из сестер Митфорд, герцогиня Девонширская, пересказывает в «Воспоминаниях владелицы английского поместья» разговор с Гарольдом Макмилланом, своим дальним родственником. Он рассказал за обедом в Чатсуорте, что недавно обедал с Маргарет. Дебора Митфорд воодушевилась, надеясь услышать рассказ об интереснейшей беседе. Бывший премьер-министр грустно покачал головой и проронил: «Это была не беседа, это был монолог»...

Эта явная склонность Мэгги к личной власти имела следствие, вполне достойное уважения и почтения, а именно чувство политической ответственности. Маргарет была против «аппаратных игр», против сомнительных союзов, позволявших любой ценой держаться за власть. Она считала, что если битва проиграна, надо уходить. Она всегда упрекала Тэда Хита за то, что он попытался сохранить свое кресло в 1974 году, ибо «никого британцы так не презирают, как тех, кто не умеет проигрывать». Она знала, что англичане слишком любят «честную игру». И в 1990 году, когда Майкл Хезлтайн лишит ее абсолютного большинства в партии, она сделает из этого свой вывод. Она не вступит еще в одну битву. Она подаст в отставку.

Хорошая битва в хороший момент

Управлять, чтобы действовать, вовсе не означает вести себя как бешеный бык, который на арене бросается на всякую красную тряпку. Самым полезным для Маргарет опытом, без сомнения, был тот, что она приобрела в «деле о молоке» в 1970 году, когда, будучи министром образования, отменила бесплатную раздачу молока в школах. По смехотворному поводу, сулившему ничтожно малый выигрыш: экономию девяти миллионов фунтов стерлингов для бюджета в 150 миллиардов фунтов, — она вызвала беспрецедентную бурю и получила прозвище «похитительницы молока». Маргарет пишет в мемуарах: «Урок не пропал даром. Я навлекла на себя максимум политического бесчестия и унижений ради минимального политического выигрыша <...>. Я тогда решила никогда больше не совершать такой ошибки <...>: если уж идти на смерть, то ради быка, а не ради яйца, и уж конечно не ради жалкого стакана молока».

Это означало, что при необходимости следовало вступать в борьбу

только по серьезнейшим поводам или вопросам, имевшим для страны большое значение, а не ради незначительных реформочек или жалких, неэффективных мер. Тот крайне неприятный эпизод сделал Маргарет чрезвычайно осторожной в выборе причин для борьбы. Теперь она выжидала, когда можно будет устанавливать свои правила, выбирать поле битвы, короче говоря, полагала, что скрещивать шпаги следует с достаточным на то основанием.

Известно, что Маргарет считала власть профсоюзов слишком большой и находила, что эта власть парализует Великобританию. Она знала, что однажды придется сразиться с профсоюзами и одолеть их, но не хотела воевать на несколько фронтов. Она сознавала, что «если бы с самого начала сорвала покров тайны со всеобъемлющей реформы, которой должны были подвергнуться профсоюзы против их воли и невзирая на их сопротивление, то подорвала бы доверие к правительству и могла бы породить враждебность, с которой мы не были готовы столкнуться».

«Быть готовым» — эти слова стали своего рода навязчивой идеей Маргарет. Во время крупной забастовки шахтеров в 1972 году она писала: «...кажется невероятным, что правительство столь легко поддалось на уверения относительно того, что запасы угля очень велики, не задавшись вопросом, где находятся эти запасы, в нужном ли месте, то есть на электростанциях». В 1981 году она страшно разгневалась на своего министра энергетики Дэвида Хауэлла, не создавшего достаточных запасов топлива; более всего ее разозлило то, что он оставил уголь на складах около шахт, а не доставил его на электро-и теплостанции. «Я была потрясена и подавлена, когда должна была констатировать, что мы оказались по недосмотру втянуты в конфликт, в котором мы не можем стать победителями. Министр энергетики не подумал о том, каковы могут быть последствия забастовки». Констатация факта обжалованию не подлежала. Страна при таких запасах могла продержаться от двенадцати до тринадцати недель. В таких условиях идти на открытое столкновение с профсоюзами было невозможно! Итак, шахтеры в тот раз одержали верх, за что Дэвид Хауэлл дорого заплатил, лишившись своего поста... Вот тогда и был создан тайный комитет, который возглавил Роберт Уэйд. Главной для «Железной леди» была «способность держаться», то есть заставить страну функционировать; на случай забастовки шахтеров должны были быть сделаны достаточные запасы угля. «Способность держаться» нужна была и в других случаях: поддерживать мир в обществе при наличии трех миллионов безработных, дойти до победного конца в войне из-за Фолклендов или довести до удачного завершения «большой взрыв»

активности в Сити. «Способность держаться» подразумевала также и умение выбирать соперников и противников. Маргарет полагала, что можно одержать победу в битве против профсоюзов, так как всегда можно прибегнуть к такому наказанию, как расчетная ведомость. Маргарет, кстати, приложила немало усилий, чтобы предпринимаемые меры оказались еще более эффективными: в закон была внесена поправка, гласившая, что на имущество профсоюзов, в особенности на банковские вклады, может быть наложен арест, если проводимая под их руководством забастовка будет признана незаконной.

Маргарет боролась с профсоюзами, зато никогда не вступала в прямую конфронтацию со студентами, будучи с ними осторожной. Забастовка ведь не приносит им вреда и ничего им не стоит. В худшем случае они теряют один учебный год, в лучшем — она дарит им на несколько недель или месяцев приятный озноб революционной деятельности.

Если решение принято и «способность держаться» подвергнута проверке, тогда, по мысли Маргарет, нет места для колебаний и сомнений. Маргарет не лишала себя удовольствия обрушиваться с яростной критикой на некоторых «британских руководителей, этих хвастунов и фанфаронов, что любили перед битвой строить из себя храбрецов, а затем, когда надо было сражаться, выказывали себя бездушными трусами».

По мнению Маргарет, борьбу следовало вести до полного поражения противника. Она не принимала перемирий, ибо, как пишет, «быстрые смены избранных направлений движения, когда результаты не спешат проявляться, то есть задерживаются, иногда имеют катастрофические последствия и подрывают доверие к правительству». Здесь уместно вспомнить ее слова о себе: «Эта леди не поворачивает назад», сказанные в самый разгар рецессии в 1981 году — в противовес тому повороту на 180 градусов, что сделал в 1972 году Тэд Хит. Можно смело утверждать, что время было главным фактором политической практики Маргарет Тэтчер. Она шесть лет ждала снижения уровня безработицы, целый год — окончания забастовки шахтеров; для нее было неважно, сколько придется ждать, если она знала, что такой ценой можно поднять страну.

Маргарет пришлось взять на себя всю ответственность за свою политику, взвалить на свои плечи все ее последствия, в том числе и утрату популярности. Ее это не смущало и не тяготило сверх меры. «Некоторые выходят из подобных испытаний разбитыми, другие черпают в них новые силы». Именно последнее и делала Маргарет. В начале забастовки шахтеров в 1984 году она сказала членам группы личных советников: «Сейчас начинается решающая битва. Быть может, будут и жертвы. Мы,

вполне возможно, станем самым непопулярным правительством в истории современной Великобритании. На протяжении нескольких месяцев ваши сыновья будут стыдиться говорить о том, что их отцы работают в доме 10 по Даунинг-стрит. Если вы к этому не готовы, лучше уйти сейчас же. Но будьте уверены, потом они будут этим гордиться». Ее анализ был совершенно точен. Когда срок ее правления приближался к середине, уровень ее популярности всегда падал, но всякий раз он поднимался, отчасти по причине откровенно глупой программы лейбористов, когда их лидерами были Майкл Фут и Нейл Киннок, а также и потому, что Маргарет всегда правильно выбирала время, чтобы вступить в схватку с противником, а именно в самом начале срока правления. В остальном же побочные удары и возможный ущерб от них не пугали Маргарет, ибо она понимала, как пишет в мемуарах, что «никакая реформа не осуществлялась без жертв».

Жизнь на Даунинг-стрит, 10

Резиденция британского премьер-министра всегда повергает в изумление любого жителя континентальной Европы, знакомящегося с Великобританией. Он ожидает увидеть нечто роскошное, великолепное, ведь премьер-министр Ее Величества, когда-то руководивший правительством первой мировой империи, — это вам не просто так! Однако же на Даунинг-стрит нет никакого пышного гигантского сооружения, и дом 10 не идет ни в какое сравнение с Матиньоном, с Баллхаусплац или со зданием Государственной канцелярии в Берлине. Это довольно скромное с виду здание, подаренное Георгом II лорду Уолполу, который в свой черед подарил его государству. Здание очень простое, стены выложены кирпичом, и дверь самая простая, даже не двустворчатая. Можно подумать, что это жилище добропорядочных буржуа, вроде тех, что в изобилии можно видеть в Лондоне в кварталах Кенсингтон или Белгравия. На самом деле дом этот несколько больше, чем кажется, так как со стороны сада он соединяется крытыми переходами со вторым зданием и со строениями бывших служб, превращенных в офисы. И все же этот ансамбль выглядит довольно скромно, быть может потому, что неподалеку живет королева, в Букингемском дворце, и вот уж этот дворец создан для того, чтобы в нем во всем своем блеске сверкала вся роскошь королевства. Премьер-министру — груз трудов, королеве — пышность и блеск!

Эта простота очень подходила Маргарет. Она, будучи «орлицей

власти», частенько насмехалась над теми фиоритурами, что доносились из ее «гнезда». В мемуарах она кокетливо шутит: «Мы иногда говорили, намекая на мою юность в Грантеме, что мне нравилось жить над лавкой». Так, в апартаментах премьер-министра ее образ жизни отличался прямо-таки спартанской простотой. Она отказалась от прислуги, проживающей в доме, так как «никакая экономка не смогла бы уследить за нашим беспорядочным расписанием». Когда в резиденции не было официальных приемов, она сама себе готовила на скорую руку завтрак или даже обед, состоявший из салата, яйца, сваренного в воде без скорлупы, и бекона. По вечерам, когда Маргарет покидала свой рабочий кабинет, обычно в 10 или 11 часов вечера, она «могла, наконец, пойти на кухню и приготовить себе что-нибудь». Она добавляет: «Нам были известны все способы приготовления яиц и сыра, и в холодильнике всегда было что-то, что можно пожевать. Обычно Деннис наливал мне стакан чаю». Затем она снова бралась за работу и часто засиживалась до двух или трех часов ночи, скинув обувь и забравшись с ногами на удобный диванчик в гостиной. Эта строгость и суровость не были показными, не являлись хитрой уловкой, предпринятой ради СМИ. Маргарет не пыталась сыграть обычную домохозяйку, она действительно ею была, когда находилась дома. Многие ее советники вспоминают о вечерах, посвященных работе, и о том, как ближе к полуночи вся команда поднималась в столовую в личных апартаментах премьер-министра. Маргарет заглядывала в морозилку, чтобы сунуть несколько блюд в микроволновую печь, и внимательно следила за тем, чтобы каждый из ее сотрапезников остался сыт.

На протяжении десяти лет апартаменты в доме 10 по Даунинг-стрит были для нее «убежищем вдали от мира». Как это ни парадоксально, но в этот период жизни они с Деннисом были наиболее близки. Он уже был на пенсии. Этот мужчина, суровый, не улыбкающий, обладал удивительно здравым рассудком и был верным спутником, разделявшим ее сомнения, ее колебания и ее уверенность в том или ином вопросе. Это был идеальный спутник. Известно, что Маргарет была помешана на мелочах и стремилась к тому, чтобы ничто не ускользнуло от ее внимания: ни одна цифра, ни одно уточнение. Она не желала никому передавать хоть частицу своих полномочий. Она непременно хотела изучить каждое досье лучше, чем каждый из ее министров. Похваляясь тем, что спит не более четырех-пяти часов в сутки, она с гордостью объясняла, что «у премьер-министра не бывает отпуска и каникулы придуманы для дроздов и жаворонков!». К счастью, рядом с ней всегда был Деннис, чтобы сдерживать ее пылкие порывы и смирять ее рвение. Регулярно, в два или три часа ночи он

просовывал голову в дверь гостиной, чтобы напомнить Маргарет о том, что пора ложиться спать... Иногда он даже сердился на нее. Однажды, когда она с особым усердием переписывала речь, он бросил ей в лицо, отправляя в постель: «Мы ведь сейчас все-таки не Ветхий Завет заново переписываем». В мемуарах Маргарет подчеркнуто отдает ему дань уважения и искренне выражает свою благодарность и глубокие дружеские чувства: «Я ни за что не смогла бы оставаться на посту премьер-министра более одиннадцати лет, если бы рядом со мной не было Денниса. Он был очень сильной личностью, и у него всегда были очень четкие представления о том, что следовало делать и чего не следовало. Он был источником очень прозорливых суждений и проникновенных комментариев, он всегда сохранял их для меня и высказывал только мне, систематически отвечая отказом на просьбы об интервью <...>. Работа премьер-министра — работа особая, требующая уединения и даже одиночества. В каком-то смысле это именно так, ведь невозможно руководить из гущи толпы! Но благодаря Деннису я никогда не была одинока! Какой человек! Какой мужчина! Какой муж! Какой друг!»

Мэгги не придавала никакого значения убранству и роскоши своих личных апартаментов, зато считала, что гостиные и прочие помещения для официальных приемов должны немного отражать славу Великобритании. И следила за тем, чтобы они всегда были тщательно убраны и украшены. Она с неудовольствием констатировала, что в момент ее прихода к власти дом 10 по Даунинг-стрит производил впечатление «дома с мебелью, сдающегося внаем»; в нем не было ничего необычного для таких домов, кроме портретов и бюстов ее предшественников; в доме даже не было серебряных столовых приборов! Так что всякий раз, когда в доме давали обед или ужин, хозяин фирмы, поставлявший приготовленные на заказ блюда, привозил и столовые приборы. Маргарет добилась того, что лорд Браунлоу предоставил в ее распоряжение роскошный набор посуды из замечательной коллекции Белтон-хауса. «Его роскошь и блеск преобразили столовую», — пишет она. Кстати, в этом доме также не было никаких произведений искусства. Маргарет «отдала дань» современному искусству, обратившись с просьбой к фонду Генри Мура предоставить в ее распоряжение какую-нибудь скульптуру и несколько картин, которые меняют через три месяца. Она разместила их перед главным входом, как раз напротив главной лестницы, нарисованной Уильямом Кентом и впоследствии в минуту наивысшего вдохновения перестроенной Соуном.

Маргарет уделяла самое большое внимание приемным, белой гостиной, зеленой гостиной и большой столовой с замечательными

неоготическими потолками. «В ходе моих визитов за границу я очень быстро поняла, что во многих наших посольствах находится немало прекрасных произведений искусства, способствующих созданию достойного образа Великобритании. Я хотела, чтобы зарубежные гости, посещавшие дом 10 по Даунинг-стрит, тоже оказывались под большим впечатлением <...>. В Шотландии я смогла добиться, чтобы мне предоставили в распоряжение одну картину Тернера, одну Рейберна, а потом и Далидж-Галери тоже доверила мне несколько картин».

Эти произведения искусства, среди которых фигурировали, естественно, настоящие шедевры, составлявшие славу королевства, стали поводом для возникновения одной анекдотической истории, весьма, надо сказать, пикантной. Говорят, что, когда президент Франции Жискар д'Эстен находился в Лондоне, он обратил внимание Маргарет на то, что в самом соседстве портретов Нельсона, победителя в битве при Трафальгаре, и Веллингтона, победителя в битве при Ватерлоо, скрыта некая насмешка над франко-английской дружбой. Маргарет, откровенно презиравшая Жискар д'Эстена, ответила, что во время ее визитов в Париж ей такой же насмешкой казались портреты Наполеона, постоянно мелькавшие у нее перед глазами. И тут же, как всегда настроенная боевито, она добавила: «Правда, параллель не выдерживает критики, ведь Наполеон проиграл». Эта фраза — всего лишь одна из многих стрел, которыми они обменивались, ибо, по ее мнению, «хотя манеры у него были как у аристократа, зато ум — как у технократа»^[174]. В качестве примера таких «стрел» расскажем еще одну историю, случившуюся во время одного из визитов Маргарет в Елисейский дворец. Когда Валери Жискар д'Эстен принимал Маргарет, в гостиную внезапно ворвался президентский лабрадор и схватил ее дамскую сумочку. Немного смущенный, президент в качестве довода для извинения сообщил, что наглое животное было подарено ему английской королевой. Нисколько не смущенная необходимостью употреблять «дипломатические выражения», Маргарет метко ответила, «что если собака и была английской, то воспитание она получила французское...».

В имении «Чекерс», загородной резиденции премьер-министра, Маргарет установила столь же простые порядки, как и на Даунинг-стрит, но жизнь там проходила в обстановке гораздо большей пышности и роскоши. Она любила этот огромный господский дом, выстроенный в елизаветинском стиле, изобиловавший неоготическими украшениями. Это было ее второе убежище, находящееся вдали от шума, слухов и ловушек Уайтхолла. Она отправлялась туда каждый уик-энд, часто в сопровождении

нескольких экспертов, с которыми могла подробно изучить какой-то вопрос, который успела лишь слегка затронуть в суматохе ежедневных забот. Эта женщина, почти не знавшая, что такое жизнь в сельской местности, приспособилась к атмосфере старой доброй Англии, одетой в твид, к грубоватому обаянию Джона Булля^[175] и его здоровым добродетелям. Она даже начала находить удовольствие в прогулках под дождем в сопровождении Денниса, с накинутой на голову косынкой, словно на эту представительницу городской буржуазии легла легкая тень старой английской аристократии. «Чекерс» — это место, где легко опрокидывались стаканчики виски при колеблющемся пламени каминов, место бесконечных бесед, в ходе которых скрещивали шпаги с университетскими учеными избранные эксперты, такие как Чарлз Пауэлл, советник Маргарет в области дипломатии, Кит Джозеф или газетный магнат Руперт Мердок; они часто бывали в этих стенах желанными гостями. «Чекерс» — это место для размышлений, в которые Маргарет погружалась прежде, чем приступить к действиям. Если она явно не испытывала никакой ностальгии, после того как покинула Даунинг-стрит, то расставание с имением «Чекерс» навсегда «нанесло ей рану прямо в сердце».

Еще один факт, достойный упоминания: в отличие от большинства людей, обосновывавшихся на Даунинг-стрит или в поместье «Чекерс», Маргарет всегда была предельно любезна с обслуживающим персоналом. Секретарши ее просто обожали. Элисон Уорд и Синтия Кроуфорд, сопровождавшие Маргарет повсюду на протяжении тех одиннадцати лет, что она была у власти, без устали пели ей хвалы. Кстати, Деннис постоянно повторял, что Синтия, по прозвищу Крофи, это «вторая дочь Маргарет». Маргарет без колебаний могла сурово обойтись со знатным пэром или с членом своего кабинета, но всегда была любезна и внимательна с теми, кто обслуживал ее, находясь в тени. Историй о таком обхождении множество. Один из служащих, работавших на Даунинг-стрит, отмечает, сколь резко отличались друг от друга Джим Каллаган (лейборист!) и Маргарет: «Джим полагал, что вам совершенно нечего делать в этой жизни, кроме как работать на него, Маргарет же никогда не забывала о том, что у вас дома есть жена, которая, может быть, ждет вас к ужину». В имении «Чекерс» горничная однажды пролила горячий суп на несчастного Джеффри Хау, который, разумеется, не выказал особой радости. Несчастливая девушка залилась слезами. Мэгги встала из-за стола, чтобы ее утешить: «Вы не должны так расстраиваться. Это может случиться с каждым». Можно было бы привести десятки и сотни таких историй, истинных или выдуманных,

неважно. Главное ведь сказано: Маргарет руководствовалась достойным уважением принципом никогда не обращаться высокомерно с теми, кто занимал не столь высокое положение, как она.

Ближний круг

Если сравнивать администрацию премьер-министра Англии на Даунинг-стрит с администрациями глав правительств других стран Европы, следует отметить, что это очень небольшая структура. Около восьмидесяти человек там заняты полный рабочий день; сравним с 400 чиновниками, работающими в Матиньоне, или с 500 — в Государственной канцелярии Германии. Но Маргарет постепенно превратила эту небольшую команду (заменяв в ней многие фигуры) в чрезвычайно эффективное орудие власти. Если в политическом смысле, как мы видели, у нее была сильная склонность к централизму, то в плане деятельности правительства она чрезвычайно усилила роль дома 10 по Даунинг-стрит, в ущерб министерствам и даже парламенту. Она хранила в памяти жуткие воспоминания о чиновниках из ведомства по делам гражданской службы, подчинявшихся ей в тот период, когда она возглавляла министерство образования, считая их пораженцами, корпоративистами и другими «истами», которых она презирала. Она предпочитала окружать себя «своими людьми», своей «преторианской гвардией». В этом смысле при Маргарет Великобритании пережила эволюцию, ибо до того не знала такой формы авторитаризма, за исключением, пожалуй, только правления Черчилля и правительства военного времени. Но теперь положение дел было совершенно иным.

Выбор людей, которых Маргарет призывала к себе в дом 10, соответствовал ее склонностям. В основном это были либо деловые люди, либо люди из разведслужб, либо джентльмены из старой доброй Англии, не поддавшиеся таким общим для представителей британского истеблишмента порокам, как изнеженность и расслабленность. Короче говоря, в каком-то смысле это были мужчины, являвшиеся клонами Денниса... У деловых людей она ценила чувство конкретики, способность быстро воспринимать экономические реалии, отсутствие склонности к этатизму, самостоятельность, скорость реакции и готовность к тяжелой работе. Но, вероятно, лучше всего Маргарет чувствовала себя среди агентов секретных служб или офицеров. В основном всем им было присуще чувство верности и долга, коего так не хватало людям,

привыкшим барахтаться в болоте политической жизни. Кроме того, у этих выпускников Сандхерста или Нейвал-колледжа (военно-морского колледжа) были превосходная выправка и галантные манеры, к чему Маргарет всегда была равнодушна. Вот что напишет Найджел Лоусон в книге «Взгляд из дома № 11 по Даунинг-стрит»: «В большинстве своем премьер-министры не интересовались секретными службами, за которые они, кстати, несут ответственность. Маргарет Тэтчер, напротив, была страстно ими увлечена». И действительно, она требовала, чтобы ей ежедневно клали на письменный стол доклады из МИ-5 и МИ-6. Она читала их очень внимательно и часто призывала к себе руководителей этих служб. Кстати, Маргарет первая создала в доме 10 по Даунинг-стрит Объединенный комитет разведслужб. В глубине души она почти разделяла мнение Фуше^[176], полагавшего, что «хорошее правительство — это прежде всего хорошая полиция».

Первый круг «штаба» Маргарет — это ее личная канцелярия. Возглавлял этот орган главный секретарь личной канцелярии. Люди на этом посту сменялись часто. Первым был сэр Джон Хант, пришедший из ведомства по делам гражданской службы, но оставался на этом посту всего несколько месяцев, так как был недостаточно жестким, чтобы держать на почтительном расстоянии министров и строптивых чиновников. Сменил его Клайв Уитмор, прослуживший подольше. До этого он занимал довольно высокий пост в министерстве обороны, а потому знал его секреты и правила; он очень талантливо «наращивал мускулы» команды премьер-министра, прививал привычку к соблюдению тайн и сдержанность в поведении, что, по мнению Маргарет, гарантировало эффективность действий в политике. Вскоре, в 1983 году, он был назначен на пост постоянного секретаря министерства обороны, и это в 48 лет! Так Маргарет ловко ввела одного из своих верных вассалов в самое сердце этого очень важного департамента, «оккупированного» одним из ее потенциальных соперников Майклом Хезлтайном. Третьим по счету секретарем личной канцелярии стал Роберт Армстронг, итонец до мозга костей, прошедший через Крайстчерч, один из самых прославленных колледжей Оксфорда. Верный, преданный, сдержанный, скромный, хорошего происхождения и прекрасной внешности, он верой и правдой служил Маргарет на протяжении тех семи лет, что судьба даровала ей еще провести в доме 10. Вокруг этих ключевых фигур группировались политические советники: Дэвид Вульфсон, «человек, сделавший себя сам», очень одаренный создатель холдинговой компании «Грейт юниверсал сторз», Норман Страус, Вудро Уайет, чье влияние чрезвычайно возросло к концу «тэтчеровской

эпохи», а также Стивен Шерборн, о котором Маргарет напишет: «Он понимает в политике лучше, чем все члены кабинета вместе взятые». К ним Маргарет присовокупила и других более или менее официальных советников, которых призывала по тому или иному вопросу, таких как Роберт Конквест (из-за его превосходного знания Советского Союза), Ронни Миллер (из-за его литературного дара), Тим Белл и Гордон Рис (из-за их способности к общению), Алан Уолтерс, советник по экономическим вопросам, бывший столь близким по взглядам к премьер-министру, что Найджел Лоусон, канцлер Казначейства, был даже этим обеспокоен.

Эти «советники государя» ужасно раздражали членов кабинета Маргарет Тэтчер, тем более что не одни они группировались вокруг Мэгги. Был еще и второй круг, члены коего иногда переходили в первый; это была знаменитая группа личных советников, на которых возлагалась задача создать целостную политику правительства (а ведь на самом деле это скорее была задача самого правительства). Многие министры видели в группе личных советников «кабинет-2», и они не так уж ошибались. Большинство установок политического курса «эпохи Тэтчер» было выработано в этой группе в обстановке тайны. Первым главой этой группы стал Джон Хоскинс, автор «Катящихся камней», доклада, написанного еще в те времена, когда тори были в оппозиции. Джон был образцом «человека из тени», образцом тех безвестных людей из секретных служб, что были так дороги сердцу Маргарет. Во время войны он служил в знаменитой САС, специальной военно-десантной службе Великобритании; парашютисты из этих элитных подразделений осуществляли миссии, практически невыполнимые, и участвовали в самых дерзких операциях. После войны он, более или менее официально, был причастен ко всем столь же дерзким и хитроумным операциям на бывших территориях империи. Он побывал в Пакистане, Индии, Африке. В группу личных советников Маргарет он привнес культуру сохранения тайны, а также культуру упреждающего плана, осуществляемого неожиданно и с применением силы. В первый год первого срока правления Маргарет он собрал вокруг себя несколько человек; они жили почти затворниками в двух кабинетах дома 10, где создавали по просьбе премьер-министра меморандумы и доклады. После тщательной правки Маргарет эти документы ложились на столы министров с убедительной просьбой, чтобы все меры, предусмотренные в них, были осуществлены. Запись в их «путевом листе» была ясна и понятна: «Встряхнуть Уайтхолл, чтобы уйти оттуда, где мы находимся, чтобы прийти туда, куда мы хотим прийти». Этот образ действий повергал в отчаяние «мягкотелых» и даже некоторых «жестких». Подъем страны не

производится подобно военной операции. Даже Маргарет в конце концов поняла, что Джон Хоскинс кое в чем ограничен. У него не было никакого политического чувства, и он, вероятно, предал бы страну огню и мечу, пролив много крови, если бы Маргарет не укротила его пыл. Но когда он перестал выполнять свои функции, она воздала ему должное; в 1981 году она подчеркнула, что он «привнес много нового и придал стране огромную энергию». Маргарет проследила за тем, чтобы его имя было внесено в список награжденных за службу государству. Так, уходя с поста, он был уже не просто Джоном, а сэром Джоном. Сменивший Джона Хоскинса Брайен Гриффитс был гораздо более умеренным во всех вопросах. Пуританин-морализатор, столь же требовательный к себе, сколь и к другим, наделенный настоящим политическим чутьем, он оказался тем человеком, кому Англия обязана появлением идеи «социального тэтчеризма», ставшей основой партийного манифеста 1987 года. Кстати, создание партийных манифестов было еще одной причиной трений между правительством и Центральным бюро Консервативной партии. Министров и партийных чиновников настоятельно просили поддержать те партийные манифесты, что выработывались в обстановке строжайшей тайны в кабинетах дома 10 по Даунинг-стрит, вернее, их даже не просили, а просто рекомендовали... У них же оставалось право лишь на внесение поправок...

Напряженность становилась все более ощутимой и острой еще и потому, что группа личных советников была не единственной неформальной структурой, созданной Маргарет. Она также создала группу по вопросам эффективности, возглавляемую сэром Дерекком Рейнером, бывшим генеральным директором фирмы «Маркс энд Спенсер»; членам этой группы было поручено «совать свои носы» во все министерства, чтобы отслеживать и вынюхивать, не происходит ли там разбазаривание средств и не дублируют ли некоторые подразделения друг друга. Они должны были прививать государственным ведомствам культуру эффективной, производительной работы. Можно себе представить, сколь «велика» была в министерствах популярность этих «убийц», действовавших от имени правительства. Их называли «рейдерами Рейнера». Известно, что во время первого срока правления Маргарет они заставили сократить число чиновников на 14 процентов, на 23 — в период второго срока и на 13 процентов — в ходе третьего.

Кроме того, время от времени Маргарет Тэтчер организовывала в своей загородной резиденции семинары, на которых обсуждались самые животрепещущие вопросы. В 1983 году главной темой был Советский Союз, в 1985-м — как Англии следует относиться к тому, что происходит в

Южной Африке. Экономика, безработица, преступность тоже не раз становились предметами обсуждений на таких семинарах. Министры соответствующих (заинтересованных) министерств предлагали направлять на эти семинары своих самых искушенных экспертов, но Маргарет лично проверяла списки участников прений, в результате чего большинство фамилий беспощадно ею вычеркивалось. В ходе коллоквиума, посвященного Советскому Союзу, она снабдила представленный ей список таким замечанием: «Я не так всё это себе представляю. Я не стремилась собрать вместе ни всех заместителей министров, ни всех тех, кто имел дело с этой проблемой в министерстве иностранных дел <...>. Я хочу услышать людей, действительно изучавших Россию, русский дух, людей, живших там. Половина из тех, что фигурируют в этом списке, знает о России меньше, чем я». Можно себе представить, какую бешеную ярость вызвали эти слова в кулуарах дома 9 по Даунинг-стрит. Итак, в имении «Чекерс» под надзором Роберта Конквеста, знатока в дебатах, собирались в основном «люди из тени», то есть сотрудники секретных служб, избранные представители университетских кругов и очень немногие официальные лица.

В доме 10 по Даунинг-стрит было еще несколько ключевых фигур, «державших руку на пульсе» страны. Прежде всего, это парламентский секретарь премьер-министра. Именно он осуществлял связь с заднескамеечниками. В период первого срока правления Маргарет «со своей легкой руки», к счастью, назначила на этот пост Иэна Гоу. Он был близок к Айри Ниву, являлся прямо-таки образцом выходца из Интеллидженс сервис, успешно сочетая в себе качества секретного агента и сельского сквайра, больше всего на свете обожающего охоту и виски. Чрезвычайно реакционный по взглядам, он был самым отъявленным юнионистом и более-менее открытым сторонником сохранения власти белых в Родезии и Южной Африке. Но у него имелся невероятный дар: привлекать симпатии других депутатов. С ним говорили на любые темы, охотно и свободно. Ему доверяли, ему поверяли многие тайны, и он владел искусством довести информацию из палаты общин до кабинета Маргарет, никогда при этом не предавая человека, доверившегося ему. В самые трудные дни 1981 года, в период рецессии, он сумел сохранить единство депутатов, напуганных тем, что они могут лишиться своих мандатов и мест, при виде уже вырисовывавшихся контуров грядущей экономической катастрофы. Чтобы его отблагодарить, Маргарет в 1983 году ввела его в состав правительства. Это была достойная награда. Но для нее это явилось потерей, потому что она не смогла найти другого человека, способного так

хорошо поддерживать связь с палатой общин. Вполне возможно, что если бы Иэн Гоу в 1990 году был на своем посту, Маргарет почувствовала бы «ветер фронды», проносившийся по рядам депутатов-тори, но его уже не было рядом с ней. Он покинул правительство в 1985 году, чтобы выказать свой протест против договора, заключенного в Хиллсборо-Касл. Вскоре он погиб, став жертвой покушения боевиков ИРА, заложивших взрывчатку в его машину.

С 1984 года одним из «кошмаров» Форин Оффиса стал специальный советник Маргарет по иностранным делам Чарлз Пауэлл. Он был беззаветно предан Маргарет; она же однажды про него написала, что «он читал ее мысли». Ловкий манипулятор, изворотливый, как ящерица, он плел свою паутину в министерстве, заручившись поддержкой советников, следивших за послами и информировавших обо всем дом 10. Он был «универсальным пауком», державшим руку на пульсе всей британской дипломатии. Не было ни одной важной встречи, ни одного саммита, на которых он не присутствовал, находясь в тени Маргарет. Найджел Лоусон сказал о нем: «Он не думает, он не задается вопросом относительно предубеждений, существующих у премьер-министра, он просто находится рядом, чтобы подумать над тем, как положить ее слова и мысли на музыку».

Всякому почет по заслугам, так что среди советников Маргарет следует упомянуть и всемогущего руководителя пресс-службы дома 10 Бернарда Ингема. Он оставался на своем посту все 11 лет, что она была у власти. Это был невероятно успешный переговорщик, хотя при этом хватка у него была как у британского дога. Само воплощение верности и преданности, под грубой внешней оболочкой он был мягок и нежен, как голубь, но при этом еще и хитер, как змей. Очень быстро освоив науку приручения журналистов, он стал в журналистике настоящим знатоком. Чудесным образом смешивая искренность и откровенность со слухами и неофициальными сообщениями (как говорится, не для протокола), любезность со злобными выкриками, он не имел равных в умении манипулировать прессой или, по крайней мере, оказывать на нее влияние. Когда в прессу проскальзывала какая-либо информация из источников, близких к дому 10 по Даунинг-стрит, можно было быть уверенным, что за этим стоит Ингем. Он организовывал утечки информации просто мастерски, докладывая об этом только Маргарет, с которой виделся ежедневно по утрам, представляя ей краткий обзор прессы. Он работал не на правительство, он работал на Мэгги и для Мэгги, только для нее. Министры его боялись и даже ненавидели. Найджел Лоусон пишет в книге

«Взгляд из дома № 11 по Даунинг-стрит»: «Ингем общается с прессой, и основанием для его общения служит утверждение, что всем хорошим страна обязана Мэгги, а всем плохим — ее министрам». Он был замешан во всех темных и неблагодарных делах. Когда возникала необходимость скомпрометировать кого-то из членов кабинета министров, это он, Ингем, разоблачал его ошибки и недостатки, реальные или только предполагаемые. «Площадка» оказывалась подготовленной, и оставалось только отрубить голову. «Дело Уэстленда», несомненно, дело его рук. Ингем сумел стать столь незаменимым и необходимым, что, когда он вздумал подать в отставку, она была отклонена.

Обладая огромным талантом к ведению переговоров, Ингем смог помочь «Железной леди» заручиться согласием на сотрудничество, пусть даже молчаливое, многих газет. Если Маргарет не удалось полностью заставить склониться перед ней Би-би-си, то в печатных СМИ она нашла драгоценную поддержку. Кроме газет, традиционно поддерживавших консерваторов, таких как «Дейли телеграф» или «Санди телеграф», она пожелала иметь и другие; используя свое влияние, она позволила Руперту Мердоку «наложить свою лапу» на такие престижные издания, как «Таймс», «Санди таймс» или более доступную газету «Сан». Конечно, редакционные команды постепенно подверглись «чисткам» в том плане, что из них были удалены противники правительства и введены его сторонники. Это явно не волновало Маргарет сверх меры; однажды она сказала: «Я нахожу отвратительным, что журналисты, чувствуя, что они вольны писать что угодно, приходят в такое волнение, когда человек, имеющий немного денег и считающий, что у него есть что сказать в средствах массовой информации, покупает их газету». Несомненно, плюрализм мнений не был для Маргарет основной заботой. Она полагала, что, имея в своем распоряжении телевидение, «Гардиан» и такие газеты, как «Индепендент», ее противники имели достаточно просторную трибуну, чтобы высказывать свое мнение. А в остальном, как она считала, капитализм должен устанавливать свои правила; к счастью, капитализм был на ее стороне. И Бернارد Ингем играл далеко не последнюю роль в ее особых партнерских отношениях...

Ослабленный кабинет министров, но сохраненный парламент

Естественным следствием увеличения веса и влияния личной

канцелярии премьер-министра и ее филиалов стало уменьшение роли кабинета министров в качестве органа, коллегиально принимающего решения. Уже давно идея, что премьер-министр является лишь первым среди равных, была в кабинете министров всего лишь фикцией, встроенной в архитектуру британского общества. Премьер-министр был несомненным главой правительства. Но в 1979 году кабинет министров как общественный и административный институт сохранял очевидное превосходство, которое Маргарет предстояло в скором времени существенно урезать весьма показательным образом. Разногласия между «мягкотелыми» и «жесткими», естественно, сыграли в этом вопросе большую роль, как и характер Мэгги. Как только Маргарет приступила к исполнению своих обязанностей, она дала себе такое определение: «Непокорный глава конформистского правительства». Это было плохое начало для идеи коллегиальности. Маргарет хотела иметь силу, способную двигать страну вперед, чтобы эта сила могла противостоять силе, желавшей сохранить статус-кво, бороться с консерваторами, одетыми в костюмы из дорогих магазинов на Савил-роуд и носящих зонты от Брига. Способы, которые применяла Маргарет, чтобы оживить заседания кабинета министров, шокировали многих из них. На заседаниях правительства, проходивших по вторникам с утра, Маргарет сначала излагала свои соображения по какому-то вопросу, а затем выслушивала замечания коллег. Ее образ действий противоречил обычной практике поочередного опроса мнений всех участников совещания. Она так говорила о своей манере поведения: «Когда я председательствую на совещании, я забегаю вперед. Я люблю высказывать свои мысли раньше всех, чтобы увидеть, какие аргументы могут быть приведены, чтобы доказать мне, что я не права». Она заботливо добавляет: «Я не испытываю при этом ни малейших затруднений, если требуется принять новую линию поведения». Такой министр, как сэр Соумс, работавший в правительствах Макмиллана и Алека Дуглас-Хьюма, конечно же был этим глубоко шокирован. «С нами никогда прежде так не разговаривали, всё было решено заранее», — напишет он позднее. Это не совсем правда, Маргарет могла слушать, в особенности в самом начале заседания. Но вообще-то эти заседания ее утомляли, ей становилось скучно, и она довольно часто возлагала на Уилли Уайтлоу, заместителя премьер-министра, обязанность сделать выводы после проведения дебатов. Он же, с его опытом и знанием традиций, с его доброжелательностью всегда умел «закруглить, сгладить углы» и найти решение, которое удовлетворяло бы всех заинтересованных лиц. После его ухода с поста в 1988 году отношения в правительстве стали более

натянутыми. В любых случаях Маргарет без колебаний ставила своих министров в затруднительные положения. Однажды Форин Оффис высказал свое мнение по вопросу о положении дел в Родезии, причем известные факты входили с этим мнением в явное противоречие, и Маргарет без колебаний сказала лорду Каррингтону: «Это происходит от некомпетентности, и это идет с самого высшего уровня». Лорд Каррингтон пишет в своих «Воспоминаниях»: Маргарет «надеялась, что ее министры будут защищать свою точку зрения столь же энергично и твердо, как это делала она сама, в том случае, если они действительно были уверены в своей правоте <...>. Мне казалось иногда, что она получала удовольствие от того, что поддразнивала своих собеседников, чтобы увидеть, как они ей будут отвечать, даже если она говорила вещи неприятные и нелестные, в которые она на самом деле и не верила». Заседания правительства постоянно превращались в своеобразную игру кошки с мышкой. Если «мышка» была достаточно ловкой, она могла и выиграть. Джордж Уолден, заместитель лорда Каррингтона, вспоминает: «Когда вы говорите, взгляд ее голубых глаз того оттенка, что называют электрик, проникает в вас глубоко-глубоко, словно она оценивала вашу искренность или пыталась определить, не намеренно ли внесена неясность в ваши мысли <...>. Но если вы приводили убедительные аргументы и говорили убежденно, если вы доказали, что вы правы, она принимала ваши аргументы». Это, без сомнения, было правдой в период ее первого мандата. А потом Маргарет явно стала соскальживать к «искусству управления» всё более и более авторитарному, автократическому, по выражению клеветников и хулителей. В 1988 году, прежде чем войти в зал заседаний, она сказала одному из тех, кто сотрудничал с ней, работая в ее личной канцелярии: «Когда я возвращаюсь туда, то это для того, чтобы выиграть». Но совершенно очевидно и то, что превращение заседаний кабинета министров в непрерывный матч — это не идеальная находка для поддержания командного духа.

В действительности обычный образ правления Маргарет состоял в том, чтобы обмануть, провести каждого министра, которого она подозревала в излишней слабости и мягкости или что он находится под слишком большим влиянием его же чиновников. В большинстве своем члены ее правительств, в частности те, что занимали пост канцлера Казначейства, со страхом вспоминают об ужасных столкновениях лицом к лицу с «Железной леди», абсолютно бескомпромиссной и непримиримой, постоянно повторявшей, если верить словам Найджела Лоусона: «Этому нет альтернативы», за что в кулуарах Уайтхолла получила прозвище

«Тина» (слово состоит из первых букв фразы «There is no alternative»). Даже Кит Джозеф, «ментор», то есть наставник Маргарет, вспоминает о чрезвычайно неприятном моменте, пережитом им, когда ему пришлось выпрашивать кое-какие субсидии для министерства образования. «У меня было такое впечатление, будто я — школьник, застигнутый на месте преступления». В таких случаях Маргарет могла быть просто ужасной. Тот же Кит Джозеф, вызванный в дом 10 на совещание по поводу дела «Бритиш лейланд», отправился туда, дрожа от страха. Зная, что ему придется пережить неприятную четверть часа, он полушутливо-полусерьезно попросил секретаршу Маргарет: «Вызовите мне на два часа скорую, ведь скоро прольется кровь». После таких встреч, где министры обычно склоняли головы, на пленарном заседании правительства царило всеобщее согласие. Следовавшие одна за другой отставки, реорганизации правительства (то есть многочисленные перестановки в нем), а таковых было 21 за 11 лет, уход «тяжеловесов» Джеймса Прайора, Уилли Уайтлоу, Найджела Лоусона, Джеффри Хау являются ярчайшими иллюстрациями методов правления Маргарет Тэтчер. В 1990 году, после громкого и скандального ухода Джеффри Хау Маргарет оставалась единственной «выжившей» из состава правительства 1979 года. Один из тех, кто ушел в отставку, широко освещавшуюся в прессе, Найджел Лоусон, так излагает свой взгляд на уменьшение роли кабинета: «Она так мало доверяла своим министрам и столь немного им поручала, что это подрывало их авторитет и низводило коллегиальность до нуля».

Зато в свое время очень много писали о том, что годы правления Маргарет Тэтчер стали концом вестминстерской модели управления и ослабления роли парламента. Но это преувеличение, а вернее — совсем не так. Прежде всего, надо сказать, что Маргарет испытывала к парламенту особое чувство почтительного, даже подобострастного восхищения. Для нее парламент являлся главным элементом британского величия, лучшей его частью. Со времен принятия Великой хартии вольностей в 1215 году парламент был солью английских общественных и государственных институтов, тем преимуществом, что превратило небольшой остров, омываемый волнами, в образец для всех свободолюбивых людей в мире. Мы помним, в каком восторженном состоянии она пребывала, когда стала членом палаты общин, ведь тогда осуществилась ее мечта стать членом парламента. Ей предстояло теперь принадлежать «к этой особой породе английских депутатов, представителей которой нельзя встретить более нигде».

Однако совершенно ясно и то, что Маргарет не чувствовала себя в

парламенте комфортно. Он был слишком старомоден, там царил дух клуба для избранных и было слишком много шутников, а ей это не нравилось, так как она любила только «высокий стиль», как говорили в XVII веке, и была настроена серьезно. Депутаты-консерваторы любили юмор, сдержанность в высказываниях и виски. Даже для очень важных голосований они с трудом позволяли вытащить себя из клуба, особенно если ради этого надо было прервать партию в вист. К тому же голос Маргарет плохо сочетался с эхом большого зала палаты общин. Если в разговоре с глазу на глаз она могла в свое удовольствие отчитывать несчастного собеседника, которому только и оставалось, что вжиматься в кресло, то в палате общин ее голос надсаживался, обретал хрипотцу, в нем появлялись поучительные нотки, что придавало ее репликам почти истерический оттенок, ничуть не соответствовавший реальности. Несмотря на это неблагоприятное обстоятельство, она дважды в неделю, по вторникам и четвергам, покорялась необходимости отвечать на вопросы депутатов. Часто это превращалось в некое подобие побоища, из которого Маргарет необязательно выходила победительницей. Но она никогда не соглашалась по совету спикера палаты или главного парламентского партийного организатора сократить количество этих вопросов. Ответить на них было для нее делом чести, квинтэссенцией английского парламентаризма, на которую ни в коем случае нельзя было покуситься. Кстати, она этим очень гордилась и не скрывала своей гордости. «Ни один глава правительства в мире не сталкивается регулярно с таким регулярным прессингом, не имея никаких способов ему противиться». Чтобы показать, насколько она владеет искусством изучать досье, Маргарет чаще всего отвечала на вопросы лично, не давая слова своим министрам. Зато на заседаниях она старалась избегать больших дискуссий на общеполитические темы и доверяла «эти упражнения» членам кабинета, считая, что в этой сфере особыми успехами не отличается. Но это и всё. Она постоянно испытывала ощутимое давление со стороны парламента, несмотря на большие усилия ее парламентских секретарей как-то оградить ее от этого давления. Разумеется, количество законов, принятых после внесения законопроектов рядовыми членами парламента, в период правления Маргарет постоянно уменьшалось и в среднем сократилось на 18 процентов по сравнению с 1970–1980-ми годами. Но это не слишком много значило. Маргарет иногда бывала «бита» перед лицом парламента, где, напомним, голосование в соответствии с линией партии требовалось только в тех случаях, когда главный партийный организатор рассылал депутатам вызовы на заседание, в которых один из вопросов повестки дня был подчеркнут тремя красными

линиями и именно по нему надо было проголосовать так, как рекомендовала партия под угрозой административного взыскания, но это происходило редко. Маргарет проиграла по вопросу о восстановлении смертной казни. Затем она проиграла и по вопросу об увеличении пособий депутатам. С огромным трудом она добилась принятия закона об уничтожении сообществ крупных агломераций и Совета Большого Лондона, который был принят большинством всего лишь в 37 голосов. В процессе принятия вотума недоверия по поводу «дела Уэстленда», в связи с которым Маргарет почти «схватили за руку», как вора, залезшего в чужой карман или в сумку, она рисковала всё потерять, потому что ее могли «свергнуть», как свергают монархов. Многие депутаты-консерваторы уже были к этому готовы. И только бесцветная, посредственная речь Нейла Киннока ее и спасла. Маргарет также не удалось в 1980 году воспрепятствовать трансляции по телевидению заседаний в палате общин. Это был ее личный проигрыш, поскольку она знала, что отношения с телевидением у нее складываются не лучшим образом. Кстати, речь Джеффри Хау, произнесенная в парламенте по поводу его отставки, транслировалась по телевидению, и это выступление породило множество слухов, способствовавших «падению» Маргарет в 1990 году.

С палатой лордов дела у Маргарет обстояли еще хуже. Лорды, свободные от предрассудков, предвзятости и духа партийной солидарности, не раз наносили ей оскорбления, не говоря уже о мелких уколах, и это свидетельство того, что она отнюдь не была любимицей высшего класса. Более двухсот раз к ней обращались с настоятельной просьбой еще и еще раз перечитать представленные ею от имени правительства законопроекты и документы и всё проверить. Так что смело можно утверждать, что парламент сохранял все свои прерогативы, и на протяжении всех трех сроков правления Маргарет трудно усмотреть признаки ослабления его влияния. И говорить об «избирательной диктатуре», как делают некоторые обозреватели, — это чистое злословие.

Лицом к королевскому семейству

Отношения Маргарет Тэтчер и королевы были объектом пристального внимания, домыслов и спекуляций. По слухам, эти две дамы ненавидели друг друга, ревновали всех и вся друг к другу и находились в состоянии борьбы. Флит-стрит наполнилась слухами, пересудами, сплетнями, ложными признаниями, якобы доверенными под большим секретом и не

поддающимися проверке. Тема эта представляла собой золотую жилу, тем более в стране, где королевское семейство всегда было в центре внимания таблоидов. А тут такое: две женщины во главе королевства, стоящие друг против друга! Какой праздник для любителей острых словечек и язвительной критики! Однако сказать что-то конкретное по этому поводу сложно, так как с обеих сторон тайны были сохранены.

Как к парламенту, так и к монархии Маргарет инстинктивно питала глубокое почтение. Она считала, что монархия — это одна из драгоценностей в сокровищнице королевства. Когда в 1990 году она предложила увеличить выплаты королеве по гражданскому листу, то сделала это в выражениях, напроць лишенных двусмысленности: «Огромное число людей видят в королевском семействе главное сокровище Соединенного Королевства <...>. Это символ патриотизма, почтения, преданности и уважения». Итак, преданность Маргарет Короне не вызывает никаких сомнений. Можно задаваться вопросами лишь по поводу личных отношений двух женщин.

Перед королевой, восседающей на престоле с 1952 года, прошла вереница премьер-министров. Она считала делом чести не комментировать действия ни одного из них. Она царит, но не правит (или правит, но не управляет)! Ее роль состоит в том, чтобы быть олицетворением всей нации, и это главное. Все должны узнавать в ней себя: от скромного шахтера из Йоркшира до знатных владельцев Белтон-хауса или Блекхеймского дворца. Вот почему она не может себе позволить спускаться на арену политической борьбы, быть королевой одной части Англии, выступающей против другой.

Молчание — ее единственная сила, она должна быть над партиями. К тому же королева, будучи «государыней старой школы», умеет хранить тайны, ибо для нее существует настоящий культ тайны. В поведении королевы нет ничего общего с аудиовизуальными шалостями какой-нибудь леди Ди, ведущей себя как телезвезда, если не сказать хуже. Нет, королева никогда ничего не скажет. Ее окружение тоже будет хранить гробовое молчание. Нет, с этой стороны ничего не вытащишь!

Маргарет Тэтчер разделяла любовь к сохранению тайны. В мемуарах отношениям с Ее Величеством она посвятила от силы дюжину строк, преисполненных почтительности и уважения. Даже Бернард Ингем, всегда готовый организовать утечку информации, останется нем как рыба по этому вопросу. Так что и с этой стороны надеяться не на что.

Остаются только слухи, циркулировавшие в кулуарах канцелярий, в закрытых гостиницах посольств или в глубинах клубов на Пэлл-Мэлл. Что можно вытянуть из них?

Королеву явно раздражала излишне подчеркнутая вежливость этой представительницы среднего класса, заброшенной судьбой под золотые своды высшего класса. Маргарет не удалось сдать на «отлично» переходный экзамен в Великобритании, где особым шиком считается принадлежность к высшему слою общества, где и по сей день актуальна незабываемая «Книга снобов» Теккерей. Реверансы Маргарет были слишком совершенны, сама она — излишне чопорна, а манеры — натянуты. Маргарет действительно никогда не была раскованной, в ней не было той естественности, о которой Оскар Уайльд сказал, что она — «самая утонченная хитрая уловка, для которой требуется не просто мастерство, а искусство». Говорят, что королева находила просто ужасным то, что Маргарет всегда держалась перед ней абсолютно прямо, никогда не опираясь на спинку стула или кресла. Ее Величество якобы даже однажды сказала кому-то из адъютантов: «Что за мания! Человечество затратило тысячу лет на изобретение спинки стула и кресла, а она сидит так, будто ее посадили на яйцо!» В остальном же об их еженедельных встречах ничего не известно. Похоже, Елизавета II часто предостерегала Маргарет от «резких движений», опасаясь, что решения правительства могут привести к нежелательным социальным последствиям. Она была королевой всех англичан. Она не хотела, чтобы одна часть жителей королевства ощутила себя покинутой ради другой части. Она очень опасалась за социальный мир. Ну а более сказать нечего.

Немного больше известно об уик-эндах в Балморале, куда ежегодно чету Тэтчеров приглашали в ноябре. Для Маргарет это было ужасное наказание, примерно такое же, как дополнительное задание для нерадивого ученика. Двум женщинам нечего было сказать друг другу. Одна любила лишь власть и экономику, другая — природу, охоту, собак и лошадей. Маргарет же скорее всего не смогла бы отличить фокстерьера от ретривера. Она не понимала, что такое жизнь в сельской местности, даже если это королевское поместье. Обслуживающий персонал, более расположенный к пересудам, нежели члены королевской семьи, делился своими наблюдениями друг с другом и с прессой. Так, кое-кто говорил, что Мэгги всегда была одета официально, как положено горожанке, а если и хотела изобразить жительницу сельской местности, то выглядела так, будто сошла с модной картинки фирмы «Холанд энд Холанд». Она страшно боялась надеть резиновые сапоги. Она не понимала, что истинная утонченность проявляется в том, чтобы к месту надеть поношенную куртку от Йена Барбура и потертые тренировочные штаны. Когда с завтраком, обедом, пятичасовым чаем или поздним ужином бывало покончено, Маргарет

опрометью бросалась в свои апартаменты, чтобы «заняться изучением документов», как говорила она. Только Деннис чувствовал себя в Балморале хорошо. Они с герцогом Эдинбургским прекрасно понимали друг друга и превосходно ладили. Оба они были офицерами, оба любили гольф, лошадей и охоту, и Деннис не упускал возможности пострелять куропаток или поохотиться на оленя в Абердиншире. В частных разговорах оба были политически не очень корректны. Маргарет же, как рассказывают, в понедельник уже в пять часов утра была на ногах, одета в костюм и готова вернуться в Лондон; она была счастлива поскорее убежать, ускользнуть из этого мира, который на самом деле ускользал от нее.

В июле 1986 года, когда проходил саммит глав государств Содружества, слухи о противостоянии двух женщин единственный раз просочились в прессу. «Санди таймс» на первой полосе разместила статью под заголовком «Противостояние Букингемского дворца и дома № 10 по Даунинг-стрит». Королева Великобритании была главой Содружества. Она строго отчитала Маргарет Тэтчер по поводу ее позиции относительно санкций против ЮжноАфриканской Республики. Королева очень дорожила титулом главы Содружества, ведь это была как бы последняя ниточка, связывавшая метрополию со старыми колониями, и она опасалась, что суровость и резкость Мэгги завершат разрушение последних остатков империи. Букингемский дворец от комментариев воздержался, Даунинг-стрит — тоже. На этом и остановились. Но Маргарет, похоже, была в ярости. Она была убеждена в том, что, пойдя на исключение из правил, канцелярия Ее Величества организовала утечку информации, чтобы оказать на нее давление. Как бы там ни было, этот случай открытого противостояния двух женщин остался единственным, получившим огласку.

Общеизвестно, что отношения Маргарет Тэтчер с принцем Уэльским были, мягко говоря, натянутыми. Для нее он являлся воплощением всех тех знатных вельмож, которых она так ненавидела. Если он и избегал открыто занимать определенную позицию относительно политических и экономических решений премьер-министра, то не упускал случая раскритиковать решения по архитектурной реконструкции района лондонских доков, Ист-Энда или района верфи, ставших символами «тэтчеровского возрождения». Создав организацию под названием «Принс Уэльс комьюнити венчер», призванную финансировать содержание центров крупных городов, практически брошенных на произвол судьбы, принц Чарлз косвенным образом демонстрировал, что дистанцируется от политики правительства, которая заключается в самоустранении от данной проблемы. Маргарет провести было непросто, и потому она всегда

отказывалась субсидировать благотворительные фонды наследника трона.

Кроме этого, какие еще примеры ревности, якобы существовавшей между Маргарет и королевской семьей, можно было бы привести? И вообще, можно ли говорить о ревности? Это были два таких разных мира, с такими разными судьбами. Дипломаты, служившие в Лондоне, утверждали, что когда Маргарет делала свои безупречные реверансы перед королевой Елизаветой II или герцогиней Кентской, она потом выпрямлялась и стояла прямая, как шпага, а ее глаза цвета стали метали молнии, будто она хотела сказать: «Это я владею истинной властью!» Конечно, это так и было! Кто стал бы у нее оспаривать эту власть?

Некоторые поступки Маргарет тоже подвергались осуждению. Так, после возвращения флота с Фолклендских островов Маргарет ответила на приветствие военных, отдававших ей честь, а ведь это привилегия королевы! В конце правления в тоне Маргарет всё чаще и чаще проскальзывали королевские нотки, она даже стала говорить «мы», что свойственно только монархам. Пресса не замедлила подчеркнуть, что при рождении первого внука Маргарет сообщила: «Мы стали бабушкой». Но очень ли это значимый факт? Как бы там ни было, взаимная вражда не была столь уж сильной, как утверждали. В соответствии с традицией, когда Маргарет покидала свое депутатское место в палате общин, она была пожизненно возведена в благородное сословие, но это было личное пэрство, не передававшееся по наследству. Однако в 1991 году Елизавета II, являющаяся единственным судьей в вопросах пожалования наследственного дворянства, возвела Денниса в ряды титулованных особ, пожаловав ему титул баронета. Если бы королева испытывала к чете Тэтчеров сильную неприязнь, вряд ли она оказала бы им такую честь, ведь ничто не обязывало ее это делать.

«Глаза Калигулы, рот Мэрилин Монро»

Удивительно, но сегодня почти не вспоминают о том, что Маргарет Тэтчер была первой женщиной в Западной Европе, возглавившей правительство! После нее можно вспомнить недолговечное правительство госпожи Крессон во Франции в 1991 году и кабинет Ангелы Меркель в Германии в 2005-м. Но тот факт, что принадлежность Маргарет к женскому полу до сих пор замалчивалась, вовсе не случаен. Маргарет никогда не делала свою принадлежность к женскому полу определяющим фактором своей политической карьеры, а если она это и использовала, то только как

дополнительный козырь при необходимости. Без сомнения, лучше всех понял то, как она использовала свой пол, Франсуа Миттеран, давший ей такое определение: «...странное существо с глазами Калигулы и ртом Мэрилин Монро».

Что касается Калигулы... В Маргарет не было ничего чисто женского, еще меньше в ней было феминистского. Для нее «женский вопрос» в политике значил мало. Она полагала, что, будучи женщиной, вышла в первый ряд в мире мужчин и теперь это возможно для каждой. Однако же для нее не могло быть и речи о том, чтобы принимать особые законы или предпринимать какие-то действия в направлении «феминизации» правительства или палаты общин. Кстати, в свое первое правительство Маргарет пригласила только одну женщину, леди Янг, а с 1983 года по 1990-й в правительстве Тэтчер женщин вообще не было. Ее идеал — это мужественность в политике, то есть мужские качества борца, воина. В то время как многие известные женщины, относящиеся к числу людей публичных, считают, что играть на «материнских нотах», выслушивать и утешать — ловкий, тонко рассчитанный ход, который не зазорно практиковать, Маргарет никогда не позволяла себе изображать «мамочку» Соединенного Королевства и присоединять свой голос к хору плакальщиц, чтобы уменьшить боль, причиняемую всякими «бобо» английского общества. Напротив, она видела себя неким подобием Черчилля в юбке, женщиной, обладающей мужскими чертами. Разумеется, иногда она вспоминала о типично женских качествах, но лишь затем, чтобы в конце концов резюмировать, что женщины обладают большей мужественностью, чем сами мужчины. Она не раз объясняла в своих речах, что «женщины работают менеджерами двадцать четыре часа в сутки», и добавляла: «Если вы хотите услышать речь, позовите мужчину, если же хотите действий, позовите женщину». Но дальше этого она не шла. Маргарет довольно резко и грубо обращалась со своим окружением, примерно с таким же тактом, с каким обходился со своими подчиненными какой-нибудь майор колониальных войск в Индии. Ее, пожалуй, даже можно было представить со стеклом под мышкой. Она не принесла в политику ни мягкости, ни любезности. Напротив! Она не всегда улыбалась, чаще сохраняя суровое выражение лица. Она любила эту маску твердости. Она часто обменивалась с противниками ударами. На заседаниях правительства она нередко бросала кому-то из министров совсем по-мужски: «Замолчите!» В узком кругу ей доводилось употреблять и слова из лексикона извозчиков. В «Санди таймс» ее даже называли Аттилой. Когда Маргарет сравнивали с великими женщинами, то всегда вспоминали самых жестоких, называя ее

то «Екатериной Великой из Финчли»^[177], то Боудиккой^[178]...

Только раз мужественность «Железной леди» дрогнула... Это случилось, когда ее сын Марк пропал в пустыне во время проведения ралли Париж — Дакар. Изумленные телезрители увидели Мэгги в слезах. Она так испугалась за своего дорогого сына, что решила мобилизовать на его поиски военно-воздушные силы и бойцов специальной военно-десантной службы Великобритании. Это было самое неожиданное и даже неприличное зрелище. Маргарет без колебаний отправила сотни людей на смерть, чтобы отвоевать в Южной Атлантике крохотный островок, но когда речь зашла о жизни ее сына, она мобилизовала войска, чтобы его найти. Здесь сразу же напрашивается сравнение (а вернее, противопоставление) с маршалом Латтром де Тассиньи, который, будучи командующим в Индокитае, отправил своего сына на передовую, не желая давать ему никакой поправки; сын его погиб на поле брани. Да, совсем другое дело! Но связано ли это с вопросом пола?

В сфере общественных отношений, в социальной сфере Маргарет всегда мыслила как мужчина. Здесь она была столь же консервативна, как и в политике. Да, сама она сделала головокружительную карьеру и признавала, что женщины имеют право выбора — работать или нет, но всегда напоминала о том, что считает первейшим долгом женщины служение своему очагу, своему семейству. Маргарет выступала против неполных семей, обрушивалась с критикой на матерей, оставлявших детей без присмотра. В ходе избирательной кампании 1979 года в своих речах она настаивала на том, что «семья — это цемент, скрепляющий общество; это пристанище, это больница, это место отдыха и развлечений, это место, где можно найти сострадание и сочувствие. Она работает на благо всего общества <...>; это нечто вроде передней всей жизни; и во всё это именно женщины превращают семью». Невозможно представить речь, в социальном плане более консервативную. Так что при Маргарет Тэтчер в Англии не произошло никакой феминистской революции.

Хотя в каком-то смысле революция все же произошла. «Карлтон-клуб», самый почитаемый и самый консервативный клуб, принимавший в своих стенах всех премьер-министров, но не допускавший туда женщин, не позволил себе отказать в этом женщине, поселившейся в доме 10 по Даунинг-стрит. В 1975 году, когда Маргарет «взяла штурмом» партию консерваторов, многие депутаты-консерваторы были удивлены той любезностью, коей она их вознаградила. Во время войны за Фолкленды матросы развешивали в своих кубриках рядом с фотографиями кинозвезд плакаты с изображением Маргарет. Все они находились под обаянием ее

шарма. Было нечто от завуалированного эротизма в этой идее — драться за даму, за свою «Железную леди». Кроме того, она сама любила окружать себя мужчинами. К примеру, Сесил Паркинсон и Алистер Макалпин ей нравились именно потому, что ухаживали за ней достаточно сдержанно, чтобы не порождать чувства неловкости, но и достаточно ощутимо, чтобы Маргарет чувствовала свою привлекательность. Найджел Лоусон вспоминает в книге «Взгляд из дома № 11 по Даунинг-стрит»: «Маргарет была убеждена в том, что ее авторитет упадет, если она не будет постоянно хорошо одета». Она не придерживалась мужеподобного стиля одежды, столь дорогого сердцам многочисленных миссис Панкхерст, отказывавших себе в удовольствии носить модную фривольную одежду под тем предлогом, что общественная деятельность — дело чрезвычайно серьезное. Нет, Маргарет всегда хотела нравиться, и она посвятила в своих мемуарах целый большой абзац нарядам, которые носила. «Я почти никогда не покупала одежды свободного покроя. Я полагаю, люди хотят видеть своих руководителей, одетых как деловые люди». Чтение страниц, посвященных описанию того богатства, что находилось в шкафах на Даунинг-стрит, порождает трогательное чувство, будто перед тобой маленькая девочка из Грантема, которая терпеть не может те унылые темные платья, что шила ей мать. «Я следила за своей одеждой, как и большинство женщин, и для меня было очень важно, чтобы мой внешний вид соответствовал случаю и обстановке...»

Крофи было поручено следить за гардеробом Маргарет. «Мы вместе обсуждали стиль, цвет, качество ткани, — пишет она. — Более всего мне нравились те черные и темно-синие туалеты, что я заказала для банкета у мэра Лондона». Постепенно она стала одеваться в магазине модной одежды «Акуаскьютум», для которого вскоре стала наилучшим «манекеном». Маргарет не появлялась на людях в повседневной одежде, даже когда это было нужно, она хотела всегда выглядеть «при параде». На партийные съезды или конференции она всегда надевала темно-синие костюмы, а во время зарубежных визитов старалась, чтобы цвета ее одежды сочетались с цветами флагов тех стран, куда она прибывала. В Польше, чтобы показать, какие надежды она питает в связи с намечающимися в стране переменами, Маргарет оделась в зеленое, ибо зеленый — «цвет надежды». Она следила за тем, чтобы не показываться слишком часто в одном и том же костюме или платье. «Крофи было поручено записывать, что я носила на неделе <...>». На основе этих записей был составлен список, где каждый «ансамбль» получил название, связанное в основном с местом, где надевался в первый раз. Читается он как некий дневник путешественника: «Парижская опера,

розовый для Вашингтона, цвета морской волны для четы Рейганов, бирюзовый для Торонто, синий для Токио, серебристый кремлевский, черный пекинский или „английский садик“». Несомненно, ее усилия приносили свои плоды. Ее элегантность, пусть даже немного старомодная, была очевидна. Ронни Миллер даже находил, что в Маргарет было нечто величественное, королевское. «Хотя она и происходила из среднего класса Грантема, она, становясь известной личностью международного класса, обретала вид женщины родовитой, вернее, высокородной, словно в генах произошла мутация». Так что и как женщина Маргарет всегда была на высоте.

Наконец, после всех этих рассуждений об искусстве соблазнять и управлять вспомним еще об одном важнейшем факторе, который невозможно заказать, потому что он не появляется по приказу; итак, вспомним об удаче. Не сопутствуй Маргарет удача, «тэтчеровский эксперимент» мог бы приостановиться в 1983 году и остаться всего лишь неудачным опытом консерваторов, как опыт Тэда Хита и других. Никто бы тогда не говорил о «тэтчеровской революции». Ее время осталось бы всего лишь одним из эпизодов длинной британской истории. Маргарет и сама пишет в мемуарах: «В соответствии с правилом Наполеона генералы должны быть удачливыми». По велению Провидения или по воле судьбы, как угодно, на протяжении всей общественной жизни Маргарет сопутствовала удача. Тончайшее переплетение множества непредсказуемых факторов все же позволило Маргарет на протяжении одиннадцати лет управлять страной, так что не зря ее называли «благословенной Маргарет», благословленной Богом и Удачей.

Глава двенадцатая

ИНОСТРАННЫЕ ДЕЛА

Трудно представить себе Маргарет Тэтчер в роли дипломата. Ее категоричные суждения, ее довольно резкий и решительный тон, ее происхождение, столь далекое от утонченности, привычной для посольств, — всё это, казалось, должно было держать Маргарет на почтительном расстоянии от мировых проблем или, по крайней мере, от тех, кто ими занимается. Кстати, в отличие от всех своих предшественников на посту премьер-министра она никогда не присваивала себе портфель министра иностранных дел. Она признаётся в мемуарах: «Что меня интересует, так это иностранные дела ради иностранных дел, а не дипломатия ради дипломатии». Она питала отвращение к той мании, которой страдали люди в украшенных белыми перьями^[179] шапочках, — мании «подчинять национальный интерес дипломатической тактике и развивать неутолимую жажду нюансов и условий, что, в конце концов, приводит к тому, что затуманивается самый острый взгляд». Она пишет о своем сожалении, «что был создан заколдованный, замкнутый круг международных встреч на высшем уровне (саммитов), который совершенно изменил жизнь премьер-министров со времен Энтони Идена, Алека Дуглас-Хьюма и Гарольда Макмиллана; когда я была в оппозиции, я не скрывала своего скептицизма относительно пользы этих саммитов, а затраты времени и энергии, которых требовало проведение этих саммитов, продолжали пугать премьер-министра, которым я стала, ведь у нас в стране было столько дел».

Однако при этой женщине премьер-министре, представляемой на страницах прессы в виде карикатурного Гарпагона^[180], неистово требовавшего: «Верните мне мои деньги!» на европейских саммитах, и обращавшейся с «иностранными делами» так, как обращается с задолжавшими клиентами хозяйка бакалейной лавки, все же британская дипломатия не изменилась радикально. Так же, как при ее предшественниках, поддерживались особо теплые отношения с Соединенными Штатами и действия блока НАТО в противостоянии со странами Варшавского договора. В сфере строительства Европейского сообщества, вопреки тому образу, который сохранился в памяти многих, Маргарет Тэтчер не была «Миссис Нет»^[181]. Если она и выказала себя в период первого срока ярой защитницей британских интересов, то все же не

отказывалась участвовать в возведении общеевропейского дома на тех условиях, что будет согласна с планами архитектора. Только в сфере отношений с бывшими британскими колониями, вновь собравшимися под сводами Содружества, она привнесла абсолютно оригинальную ноту.

У Маргарет не было никаких иллюзий относительно «большой дипломатической игры», в особенности для державы средней величины: «Я не верила в достоинства броской, шумной дипломатии <...>. Соглашения и договоры, заключенные между главами правительств, не изменяют глубинных реальностей власти <...>. Следует иметь четкие представления о возможностях и границах дипломатии <...>. В некоторых обстоятельствах желание окончательно решить какую-то давнюю проблему может привести к тому, что эта проблема станет еще сложнее и неразрешимее». Маргарет Тэтчер была целиком захвачена внутренними делами, она хотела поднять страну и заставить ее двигаться вперед, как говорится, «вновь открыть закрытую лавку». Так что дипломатия была для нее нудной, тяжелой составляющей работы премьер-министра, а не смыслом ее правления и уж конечно не удовольствием, как для президентов Франции. Для Маргарет она была скорее наказанием...

Главное направление: Америка

Задолго до прихода к власти «Железной леди» особо теплые и доверительные отношения с Соединенными Штатами стали одним из главных направлений международной политики Великобритании, по крайней мере, со времен Второй мировой войны. Черчилль говорил об «особых отношениях» с Америкой по «историческим и родственным причинам». Он мог бы добавить, что со времен войны Форин Оффис и Государственный департамент США поддерживали очень тесные связи и что сам он внес значительный вклад в защиту интересов Запада в ходе холодной войны, начиная с его знаменитой Фултонской речи^[182]. Очень часто ЦРУ и МИ-6 работали рука об руку. Кроме досадного эпизода в 1956 году, связанного с Суэцким каналом, когда американцы, не испытывая никаких угрызений совести, бросили своих союзников, которые, как они считали, ввязались «в опасную авантюру с колониальным душком», в остальном отношения США и Англии были превосходными как при консерваторах, так и при лейбористах, притом настолько, что генерал де Голль противился вхождению Соединенного Королевства в Европейское сообщество под тем предлогом, что Англия «всегда будет делать свой

выбор в пользу США».

Маргарет в этом смысле не была исключением. Она считала, что «опасность идет с Востока» и единственный способ избежать «красной бури» — усиление НАТО, ибо, как она пишет в мемуарах, «едва завуалированной целью Советов вплоть до того момента, когда вновь объединенная Германия приняла решение остаться в НАТО, было посорить Америку с ее европейскими союзниками». И продолжает: «Я всегда считала, что одной из самых главных задач Великобритании была задача позаботиться о провале этой стратегии <...>. Чтобы этого достичь, жизненно необходимо было поддерживать единство стран Запада под руководством Соединенных Штатов». Говоря другими словами, НАТО всегда должно быть впереди ЕЭС или Западноевропейского союза^[183].

В ее глазах это являлось истиной, тем более что диспропорция в военной силе была явно в пользу стран Варшавского договора в сфере обычного, то есть неядерного вооружения: у стран Варшавского договора было в три раза больше танков, в три раза больше пушек, вдвое больше самолетов, а затраты на оборону составляли от 12 до 15 процентов ВВП^[184]. Кроме того, конец 1970-х — начало 1980-х годов были отмечены новыми сполохами холодной войны, по поводу которой тогда было непонятно, то ли она превращается из холодной в ледяную, то ли существует риск ее превращения в горячую. Вся планета становилась ареной столкновения двух блоков, между которыми находились страны третьего мира. И коммунисты явно выигрывали очко за очком. В Анголе, в Никарагуа, в Сальвадоре разгорались партизанские войны под руководством марксистов. Один из главных союзников Соединенных Штатов, Иран, оказался под властью имамов. Если это и не была победа СССР, то в любом случае это было поражение США. Захват в качестве заложников сорока девяти американских дипломатов в ноябре 1979 года превратил в трагический фарс конец срока пребывания у власти президента Картера^[185]. По мнению Маргарет, это был святой человек, «ревностный христианин, чья искренность была просто ослепительной», но вместе с тем он еще раз доказал, что для того, чтобы «управлять великой нацией, недостаточно порядочности и прилежания».

В декабре 1979 года Советский Союз сам «вступил в игру», захватив Афганистан в ответ на призыв о помощи одного из тех, кого можно назвать его креатурой, Бабрака Кармаля. Это должно было стать триумфом СССР, но стало его трясиной, его Вьетнамом, возможно, и его могилой. Но кто тогда мог бы в это поверить?.. Советские танки находились менее чем в 500

километрах от Ормузского пролива, еще один удар, чтобы прийти на помощь кому-то в Пакистане или Иране, и нефтяной поток будет перерезан для Запада. Маргарет вовсе не была удивлена, ибо, как пишет в мемуарах, «давно поняла, что разрядка бесстыдно была использована советскими деятелями для того, чтобы сыграть на слабости и растерянности Запада. Я-то хорошо знала, что это за зверь».

В Европе, где советское превосходство в обычном вооружении было очевидно, СССР вознамерился разместить ракеты среднего радиуса действия, так называемые СС-20, способные менее чем за 20 минут поразить любую цель Старого континента. Об этом Советский Союз и объявил в декабре 1979 года. 13 декабря 1981 года пришла очередь Польше испытать военное положение, введенное генералом Ярузельским. Лех Валенса был заключен в тюрьму. «Солидарность» оказалась под запретом. Советские самолеты совершали демонстрационные полеты вдоль границ. После Будапешта, Праги, Кабула — Варшава. Коммунизм, без сомнения, окончательно проснулся и разбудил всех.

Маргарет отреагировала на всё тем, что подтвердила: Англию и США связывают особые, привилегированные отношения, развитию которых способствует согласие между ней и президентом Рейганом, избранным 4 ноября 1980 года. Она еще до прихода на Даунинг-стрит была очарована и самым этим мужчиной, и его идеями. Рональд Рейган рассматривал СССР как «империю зла» и не собирался «действовать в перчатках»; он не любил излишней хитрости и изворотливости в политике. Этот человек, наделенный здоровым чувством юмора, общительный, щеголявший своими ковбойскими сапогами и оптимизмом, унаследованными от эпохи покорения Дикого Запада, давал Мэгги возможность отдохнуть от «гремучих змей» Уайтхолла в безупречных костюмах в полоску, пробуждая в ней какую-то искорку материнской нежности. Он был для нее вроде безрассудного взрослого сына, во многом преуспевшего, удачливого, но которого следовало направлять и немного обуздывать; он был для нее молодым волком с Дикого Запада, нуждавшимся в многовековом опыте премьер-министра Старой Европы, покрытой патиной времени. Кроме настоящей искренней дружбы (каждый может вспомнить слезы Маргарет, судорожно сжимавшей край звездно-полосатого флага, покрывавшего гроб с телом ее старого друга Ронни в 2002 году) их объединяло еще и единство целей и задач, которые, как они считали, стояли перед обеими странами. Мэгги так характеризует миссию, которую Рейган определил для себя: «Поднять американскую экономику путем сокращения налогов, восстановить мощь США путем укрепления национальной обороны,

вернуть Америке веру в себя». Ту же цель Мэгги поставила и перед собой в отношении Англии! «Десятилетие Мэгги» было еще и «десятилетием Ронни».

Именно Маргарет Тэтчер первой из всех глав зарубежных государств приняли в Белом доме в феврале 1981 года. По крайней мере до прихода в СССР к власти в 1985 году Михаила Горбачева Маргарет полностью равнялась на позицию и линию поведения США. После вторжения советских войск в Афганистан она высказалась в поддержку американских санкций и отказа от ратификации Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2), ставшего результатом введения этих санкций. Она поддерживала идею об оказании финансовой помощи человеку, как говорится, «нерукопожатному», президенту Сальвадора — Дуарте, чтобы помочь ему вести борьбу против марксистов-герильерос, развязавших в его стране партизанскую войну. Она пыталась призвать британских спортсменов отказаться от участия в Олимпийских играх в Москве, правда, без особого успеха, но потом отказалась внести их фамилии в список представленных к наградам, как это было принято. В вопросах перевооружения она предпочитала американское оружие. Например, она согласилась на то, чтобы старые ракеты «Поларис» были заменены ракетами «Трайидент-Н», более эффективными, разумеется, но их эксплуатация настоятельно требовала, чтобы британский флот заменил и все свои подводные лодки. К тому же она не боялась того, что британские компании по производству вооружения перейдут под контроль американцев.

Маргарет прилагала все усилия для того, чтобы способствовать размещению в Европе так называемых евrorакет американского производства, ракет средней дальности «Першинг-П» и крылатых ракет, предназначенных нейтрализовать СС-20. С самого начала предусматривалось разместить их только в ФРГ. Общественное мнение в Германии раздирали противоречия, ибо немцы опасались, что их цветущая сельская местность превратится в поле битвы (причем ядерной!) двух великих держав. Проявив смелость и мужество, Гельмут Шмидт сделал выбор и решил не поддаваться шантажу со стороны тех, кто свирепствовал на улицах под лозунгом: «Лучше быть красным, чем мертвым!» Но он не хотел в одиночку нести груз перевооружения. Мэгги первая согласилась взять на себя часть этого груза. Начиная с 1979 года, несмотря на появление Движения за ядерное разоружение, якобы насчитывавшего в своих рядах более 500 тысяч членов, она объявила, что Англия разместит на своей территории на военных базах крылатые ракеты, в частности в Гринхэме и

Моулзуорте. По этому вопросу она так никогда и не уступила давлению улицы. Она также не поддавалась на уговоры сладкоголосых сирен, в роли которых выступали дипломаты стран Варшавского договора, заморозить развертывание ракет средней дальности, то есть, другими словами, окончательно установить превосходство СССР в Европе и лишить «доктрину равноценного ответа» доверия к ней и реальных возможностей, а ведь она в то время была главной доктриной в недрах Евросоюза. Маргарет также не приняла и «нулевого варианта», — смысл которого заключался в том, чтобы все ракеты средней дальности были убраны с территории Европы, — ибо он на самом деле обеспечивал превосходство стран Варшавского договора, имевших явное преимущество в сфере обычных вооружений. Короче говоря, Маргарет всегда была лучшей ученицей американцев; в речи, произнесенной в Нью-Йорке 23 июня 1982 года на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, она сказала: «Огромная опасность, грозящая миру, состоит не в существовании оружия того или иного типа. Она заключается в намерениях, проявляемых некоторыми странами, намерениях навязать определенные перемены другим народам, а не в „гонке вооружений“, реальной или выдуманной <...>. Я не думаю, что сами вооружения являются причинами войн, и я не верю и в то, что достаточно сократить количество вооружений <...>, чтобы избежать войн».

В борьбе с терроризмом Маргарет Тэтчер тоже была в первых рядах союзников Дяди Сэма. В 1984 году служащая британской полиции Ивонна Флетчер была убита ливийскими дипломатами перед посольством во время демонстрации оппозиционеров. Общественное мнение не было расположено к Каддафи. Всем было известно, что именно он поставляет взрывчатку под названием «семтекс», которую использовала ИРА. Известно было и то, что в Ливии Каддафи тренировал орду террористов, готовых участвовать в любых антизападных авантюрах. Да, его не любили, но его боялись, с ним не хотели столкновения. В декабре 1985 года прибывшие из Ливана, но профинансированные Ливией террористы из группы Абу Нидаля открыли огонь по пассажирам в аэропортах Вены и Рима; 17 человек погибли, многие были ранены. Общественность Великобритании была взволнована фактом гибели людей, но все же полагала, что никаких мер принимать не следует. В течение последующих недель обострились отношения между США и Ливийской Арабской Джамахирией. 24 марта ливийцы открыли огонь по американским самолетам 7-го флота в заливе Сирт. Это была настоящая эскалация террористических действий.

5 апреля бомба взорвалась в Берлине на дискотеке, которую посещали военные армии США; два американца погибли. 8 апреля Рональд Рейган

попросил у Маргарет разрешения использовать британские аэропорты для проведения налетов самолетов F-111 на Триполи. Маргарет была не в восторге, ее министры — тем более. Они опасались, что эта «политика канонерок» может открыть дорогу целой серии акций возмездия. Но если поначалу Маргарет удавалось сдерживать мощь американских ударов, наносимых по стратегическим целям, то 16 апреля ей оставалось только отступить... Ведь американцы вполне могли обойтись и без ее согласия. Уже одно то, что с ней об этом заговорили и ее согласия испросили, свидетельствовало о том, как ее уважали. Налет, правда, был только наполовину успешным. Ливийский президент по воле случая избежал гибели при бомбовых ударах, нанесенных по его Генеральному штабу. Но в политическом смысле этот налет стал тяжким грузом, в том числе и для Маргарет. Она это признает: «Меня охарактеризовали как раблепную служанку американцев, бесчувственную к страданиям их жертв <...>. Телеэкраны сосредоточили свое внимание на заплаканных матерях, а не на важности пораженных стратегических объектов». В смысле человеческих потерь цена этого налета оказалась еще более высокой, чем в смысле политическом. Вполне вероятно, что взрыв «боинга» компании «Пан-Америкэн» в небе над Локерби 21 декабря 1988 года был последствием выбора, сделанного Маргарет. «Но тот факт, что такое небольшое число стран поддержало США в тот трудный период, — пишет она, — только укрепил и без того крепкие связи между нашими двумя странами». Недаром же в «Уоллстрит джорнэл» Маргарет называли «великолепной» и «самым великим премьер-министром после Уинстона Черчилля».

В конце ее третьего срока правления, когда произошло вторжение войск Саддама Хусейна в Кувейт в августе 1990 года, Маргарет тоже первой из лидеров западных государств встала под американский флаг. 22 ноября, в тот день, когда она в последний раз председательствовала на заседании правительства, более тридцати тысяч солдат должны были присоединиться к коалиции, к сильнейшему контингенту союзников. Но ее уже не было в доме 10 по Даунинг-стрит, чтобы отпраздновать победу.

Верность Маргарет США иногда очень хорошо вознаграждалась. Ракеты «Трайидент» были проданы Англии по очень сходной цене. С британскими компаниями были заключены многочисленные контракты в сфере производства вооружений. Мэгги всегда выказывали почтение на самом высоком уровне. В июне 1985 года, несмотря на давление проирандского лобби, очень мощного в США, Великобритания добилась заключения с Америкой договора о взаимной экстрадиции граждан, обвиняемых в преступлениях, на очень благоприятных условиях, что

позволяло ей получать и судить террористов из ИРА, нашедших убежище на другом берегу Атлантики. В 1986 году сенат ратифицировал этот договор.

Но, несмотря на столь явное подчинение Маргарет Тэтчер желаниям «великого американского союзника», роль Англии в политике США оставалась второстепенной, гораздо более второстепенной, чем это пытается показать Маргарет в мемуарах. Довольно часто Рональд Рейган поступал как ему вздумается и только потом ставил свою добрую приятельницу перед свершившимся фактом.

Границы «привилегированных» отношений

Вышесказанное относилось как к серьезным проблемам, так и к событиям, вроде бы не имевшим большого значения, но ставшим воистину символическими.

В качестве таких символических событий приведем два случая: введение эмбарго на поставку товаров, необходимых для сооружения газопровода, который соединил бы Сибирь и Европу, а также вторжение на Гренаду.

После введения в Польше военного положения Рейган 19 декабря 1981 года настоятельно потребовал введения эмбарго на поставку различного оборудования в СССР и применения мер наказания к американским предприятиям, ведущим торговлю с Советским Союзом. Принципиальное согласие Маргарет Тэтчер было получено, но Рональд Рейган даже не потрудился обсудить со своей «привилегированной союзницей» точный список товаров, запрещенных к экспорту в СССР. В первых строках этого списка фигурировали оборудование и материалы, необходимые для строительства газопровода, и от запрета, наложенного на их экспорт, могли пострадать все крупные западноевропейские компании. Гнев Мэгги вызвал не только тот факт, что с ней не согласовали предпринимаемые меры, но и то, что решение американцев, помимо американских компаний и их зарубежных филиалов, затрагивало также и европейские компании, производящие отдельные детали оборудования по американским лицензиям. Другими словами, Маргарет вскипела оттого, что «большой американский брат» присвоил себе право в каком-то смысле решать судьбу британских предприятий. Английская компания «Джон Браун инжиниринг», в которой около трех тысяч рабочих и служащих работали над выполнением заказа для газопровода, обнаружила, что ее портфель

заказов пуст. Такие действия производили тем более странное, если не сказать шокирующее впечатление, поскольку фермеры американского Среднего Запада сохраняли право продавать пшеницу в огромных количествах «русскому людоеду». Между Англией и США вроде бы существовали особые отношения, но Америка в приказном порядке требовала ввести эмбарго, а по счетам заставляла платить других... Несмотря на все усилия, Мэгги затратила долгие месяцы на то, чтобы добиться желаемых изменений в политике США. Да, все это, конечно, не назовешь ударом ножом, скорее перочинным ножиком, но все же нанесшим ощутимую рану самолюбию.

Однако же история с эмбарго была пустяком по сравнению с тем, что случилось осенью 1983 года на Гренаде, маленьком острове в Карибском море, входящем в архипелаг Наветренных островов. Гренада была членом Содружества; 19 октября 1983 года в этой стране произошел «просоветский» переворот. Правда, агенты КГБ или слепые исполнители их воли проделали всё довольно грубо. Премьер-министр Морис Бишоп был убит вместе с пятью министрами, а застенки, и без того достаточно забитые, пополнили свои «коллекции» оппозиционеров. Некоторые главы правительств Восточных Карибских островов призвали американцев вмешаться; все они придерживались консервативных взглядов и опасались, как бы в результате игры в домино, затеянной фанатичными сторонниками Кастро, они сами не оказались выброшенными из своих кресел... Но развязывать под таким предлогом военную операцию против суверенного государства было бы странно, тем более что американцам, находившимся на Гренаде, ничто особенно не угрожало. Однако, опасаясь распространения «марксистской заразы» и, вероятно, еще находясь под впечатлением от нападения на американских моряков в Бейруте (тогда погибли 248 моряков)^[186], Рональд Рейган принял решение отреагировать. Он довольствовался тем, что известил свою добрую приятельницу 24 октября о том, что серьезно изучает просьбу глав государств, обратившихся к США, о необходимости вмешательства. Маргарет, присутствовавшая на обеде у принцессы Александры Кентской в честь посла Соединенных Штатов, велела немедленно ответить по дипломатическим каналам, что «эта акция будет воспринята как вмешательство страны Запада во внутренние дела маленькой независимой страны, сколь бы ни был малопривлекателен установившийся там режим. В более обширных рамках отношений между Востоком и Западом я прошу вас принять во внимание <...> тот факт, что через несколько дней мы должны будем представить нашему парламенту и нашему народу программу размещения крылатых

ракет на территории нашей страны». Увы, напрасный труд! В час ночи Маргарет сняла трубку «красного телефона» и принялась умолять Рональда Рейгана пересмотреть свое решение. Он впоследствии говорил, что пережил тогда «одну из самых тяжелых четвертей часа в своей политической жизни, тем более неприятных, что неприятности исходили от столь дорогой приятельницы». Но вообще-то было уже поздно, так как военно-морские силы США и десантники с военно-морской базы в Эрборне были уже в пути. Американский президент признавал, что в тот момент «обратный отсчет уже дошел до нуля». На рассвете американские парашютисты захватили Гренаду. Мэгги ничего не оставалось, как смириться. Вполне возможно, это были самые худшие ее воспоминания в сфере дипломатии, так как она испытала унижение, и унизил ее тот, кого повсюду представляли как ее лучшего друга. «Я тогда почувствовала себя подавленной и преданной, — пишет она в мемуарах. — В лучшем случае британское правительство было поставлено в такое положение, что казалось совершенно бессильным, а в худшем — мы выглядели коварными мошенниками, обманщиками. Ведь не далее чем накануне Джеффри Хау заявил в палате общин, что ему ничего не известно о каких-либо намерениях американцев вмешаться во внутренние дела Гренады». К тому же всё происходившее не сулило ничего хорошего ни для отношений со странами Содружества, ни для обстановки в самой Англии, поскольку каждый англичанин мог теперь сказать: «Если американцы не прислушались к нам по поводу Гренады, то почему они будут это делать по поводу крылатых ракет?» Но Маргарет ничего не могла предпринять, ей оставалось только терпеть. Вероятно, именно в качестве ответной меры она отозвала на родину британских солдат из Ливана, втянутых в выполнение какой-то миссии ООН, финал которой был непредсказуем. Но затем она решила всё простить и предать забвению, ибо, по ее мнению, «существует некий дипломатический принцип, о котором дипломаты должны были бы вспоминать почаще: не следует вступать в конфликт с другом, если не имеешь никакого шанса выиграть и если цена поражения может означать конец этой дружбы».

Роль Великобритании в большой игре 1980-х годов: СОИ, Горбачев, разоружение

Американские инициативы могли выйти весьма далеко за символические рамки нанесения упреждающих ударов по республикам,

которые обычно относят к разряду «банановых».

Военно-политический мировой пейзаж был коренным, революционным образом изменен программой СОИ (Стратегической оборонной инициативы), которая при огромной поддержке средств массовой информации была обнародована Рональдом Рейганом 23 марта 1983 года. Это был грандиозный, величественный проект, призванный избавить планету от ядерного оружия путем создания в космическом пространстве особого щита из спутников и лазерных установок, способных уничтожить любые стратегические ракеты. В безумных мечтах американского президента этот проект представлялся способом «освободить мир от страха повторения Хиросимы». Ни больше ни меньше! Этот проект был на уровне «великой американской мечты», это был новый Фронтир, который надо было преодолеть, это был новый Дикий Запад в космических масштабах.

Естественно, с Маргарет Тэтчер не посоветовались. Кроме того, что она высказывала серьезные сомнения в научной состоятельности проекта^[187], она также считала, что он очень опасен, ибо вновь ставит под угрозу договор 1972 года, в связи с чем возникал риск, что США превратятся в неприступное убежище и им уже не надо будет проявлять заботу о Европе. Если говорить конкретнее, возникал риск расхождения интересов США и НАТО; этот процесс, называемый в терминологии обороны «расцеплением», уже маячил на горизонте и, по мнению Маргарет, сулил вполне предвидимый конец, проистекающий из доктрины взаимного уничтожения в экстремальной ситуации.

По сему случаю Маргарет сумела наилучшим способом использовать свои козыри привилегированного союзника. Прежде всего, она произвела анализ проекта, организовав рабочий коллоквиум с самыми крупными советскими специалистами в сентябре 1983 года в поместье «Чекерс». Там присутствовали дипломаты, а также университетские ученые, не склонные к конформизму, журналисты и даже тайные агенты спецслужб, прекрасно знавшие, что собой представляет «Красный тигр» изнутри. Анализ проекта выявил многочисленные разногласия, но общее мнение было таково: СССР экономически не в состоянии вложить огромные инвестиции в технологии, необходимые для адекватного ответа на программу СОИ. В свою очередь, СОИ сможет превратить США в неприступное убежище только в том случае, если эта система окажется абсолютно непреодолимой. Однако же история всем своим ходом доказала, что не бывает безупречных доспехов и неуязвимых щитов. К тому же невозможно «остановить развитие науки». По мнению Мэгги, «СОИ только позволила бы достаточному числу

американских ракет не пострадать при первой советской атаке <...>. США могут тогда направить свои ракеты на Советский Союз. Из чего следует вывод, что Советский Союз вряд ли поддастся на соблазн первым применить ядерное оружие».

С того момента Маргарет решительно перешла в ряды сторонников СОИ на том условии, что при осуществлении этого проекта будут соблюдаться особые меры предосторожности, которые она обсуждала в Кемп-Дэвиде с американским президентом 22 декабря 1984 года. В общем коммюнике Рейган сообщил, что программа научных исследований будет осуществляться и далее, что цель проекта вовсе не в достижении всемогущества, а в поддержании равновесия, учитывая, что СССР тоже будет вести исследования, что СОИ должна будет стать объектом переговоров, что идеи ядерного устрашения и равноценного ответа не забыты и что программа СОИ может быть распространена и на союзников. Это была несомненная дипломатическая победа для Великобритании. Одиноким всадник из Калифорнии больше не желал быть одиноким. Теперь эффектом СОИ смогут пользоваться и партнеры США. Европейские интересы будут учтены. Кроме того, и последствия в виде потока звонкой монеты не заставили себя долго ждать. В декабре 1985 года Майкл Хезлтайн, министр обороны, подписал договор о присоединении к СОИ, в рамках которой британским исследователям предстояло принять участие в разработке восемнадцати главных составляющих проекта в области военной промышленности. Так в значительной мере была прекращена «утечка мозгов», а британские инновации получили поддержку в сфере технологий. Несомненно, Маргарет вновь овладела ситуацией. Она считала теперь, что «СОИ президента Рейгана стала главной составляющей победы, одержанной Западом в холодной войне <...>. Оглянувшись назад, — писала она, — я понимаю, что его решение было самым главным и самым плодотворным из всех, принятых им за всё время его правления»^[188].

В эти годы в Советском Союзе появилась прелюбопытная «особь». В то время как наследники Брежнева, Андропов и Черненко, представляли болезненными старцами, погруженными в свою свинцовую диалектику, молодой и симпатичный Михаил Горбачев стал членом Центрального комитета КПСС. Если большинство патентованных советологов не обратили на него внимания, то Маргарет, с ее безупречным чутьем, присущим крупному политическому «зверю», сразу же увидела, как блестит этот самородок.

Когда Горбачев был всего лишь одним из наследников Черненко, Маргарет пригласила его с женой Раисой провести уик-энд в имении

«Чекерс» 15 декабря 1984 года. Сельский вид старого дома в стиле эпохи короля Эдуарда, языки пламени, полыхавшего в неоготических каминах, гостеприимство хозяйки дома госпожи премьер-министра, несомненное очарование Раисы — все обстоятельства содействовали тому, что этот неофициальный визит стал одной из тех встреч, на которых зарождаются великие дела. Маргарет тотчас же оценила, насколько Горбачев отличался от других высокопоставленных советских партийных деятелей. Она не строила иллюзий: это был правверный, стопроцентный коммунист, еще веривший в добродетели социализма, но уже видевший его ужасные недостатки. Прежде всего, она уловила, что этот человек «был очень далек от чревоуещания советских аппаратчиков». «Он улыбался, смеялся, сопровождал свои слова жестикуляцией, играл на интонациях, никогда не терял нить беседы и проявлял боевой дух, — пишет Маргарет. — В конце концов, я поняла, что это его стиль и что именно этот стиль в большей степени отражает его личность, нежели его марксистская риторика. Я начала его ценить...» Из всех глав государств Запада Маргарет первая поняла, что на Востоке что-то происходит. «Прощаясь с ним, — пишет Маргарет, — я питала надежду, что разговаривала с будущим советским лидером, ибо, как я позднее заявила представителям прессы, „это человек, с которым можно вести переговоры и договариваться“». Прекрасное предвидение! 11 марта 1985 года Михаил Горбачев стал главой Советского Союза. Маргарет была единственной, кто уже завязал с ним доверительные отношения. Теперь переговоры по поводу разоружения могли ускорить свой ход, что и случилось, причем даже слишком быстро, на взгляд Маргарет.

Во время саммита в Рейкьявике, 11–12 октября 1985 года, куда Маргарет не пригласили, два руководителя великих держав старались прийти к согласию по поводу ядерного разоружения. Чтобы «заполучить дивиденды мира» и уменьшить дефицит бездонного американского бюджета, Рональд Рейган хотел добиться согласия своего партнера по переговорам почти любой ценой, даже за счет своих союзников. Что касается Михаила Горбачева, то он во что бы то ни стало хотел заблокировать программу СОИ, так как знал, что в этой гонке вооружений СССР не сможет стать победителем. Это был настоящий «дипломатический балет», изобиловавший светской лестью и сопровождавшийся небывалым возбуждением помощников с обеих сторон; переговоры продвигались вперед огромными шагами. Стареющий американский президент, у которого технические аспекты бесед вызвали отвращение, был готов пойти на соглашение, не затрагивающее французские и британские силы

устрашения, но в результате которого военно-морские силы вторжения и количество баллистических ракет были бы уменьшены наполовину за пять лет, раньше, чем было бы уничтожено все стратегическое оружие (что предусматривалось сделать за десять лет). Это была великолепная советская ловушка! Запад был бы отдан совершенно беззащитным на милость противника, он оказался бы лицом к лицу с превосходством стран Варшавского договора в сфере обычных вооружений, и никакая мало-мальски вероятная угроза применения ядерного оружия не смогла бы удержать страны Варшавского договора в пределах «железного занавеса». Русские танки могли бы оказаться на расстоянии одного этапа «Тур де Франс» от французской границы. Однако, к счастью, саммит завершился провалом. Рональд Рейган отказался включать в договор программу СОИ. Он был слишком привязан к своему любимому детищу. А Михаил Горбачев выставил вопрос о включении программы СОИ в договор в качестве неперемennого условия.

Когда Маргарет Тэтчер узнала об условиях заключения договора, она была ошеломлена. «У меня создалось впечатление, — пишет она в мемуарах, — что произошло землетрясение <...>. Я всегда выступала против „нулевого варианта“ для военно-морских сил вторжения, угадав, что именно эти силы как бы компенсировали неготовность Западной Европы к внезапному нападению <...>. Мы могли прийти к тому, что перед нами оказался бы Советский Союз, имевший преимущество в обычных вооружениях, в химическом оружии и в ракетах малой дальности». Маргарет решает до конца сыграть на трансатлантической солидарности, садится в самолет и летит в Кемп-Дэвид. «Никогда еще я не ощущала до такой степени, насколько важны мои отношения с президентом Рейганом». Ей удалось не без труда заговорить его, засыпать своими доводами и убедить в том, что нельзя оставлять Европу беззащитной под прицелом советских пушек, пусть даже их снаряды и лишены ядерных боеголовок. В общем коммюнике, ставшем достоянием общественности после завершения этого визита, давались точные и четкие разъяснения по поводу того, что «процесс сокращения ядерного оружия должен сделать еще более неотложной необходимость устранения диспропорций в обычных вооружениях».

Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности, подписанный 7 декабря 1987 года, явно отражает опасения Маргарет, высказанные ею в Кемп-Дэвиде. В нем особо оговаривались условия содержания и временного сохранения ядерного оружия малой дальности, исключенного из договора, а также необходимость установления паритета в обычных

вооружениях в результате переговоров, которые предусматривалось провести в рамках ОБСЕ. На сей раз благодаря особым, доверительным отношениям между Маргарет и президентом Рейганом негромкий голос Англии смог прозвучать гораздо более эффективно, чем голоса других стран — членов НАТО, либо слишком маленьких, либо страдавших от того, что их общественное мнение слишком склонялось в сторону пацифизма.

Американо-британская координация действий в сфере разоружения, однако, не означала, что Маргарет отказалась от мысли проводить на Востоке свою собственную политику. Мы видели, что она первая заметила и поняла, сколь важен «фактор Горбачева». Исходя из целей своей политики, она поощряла сторонников реформ и подвергала резкой критике заблуждения, недостатки и преступления системы. В 1984 году Маргарет побывала в Венгрии, где поощрила руководителя страны Яноша Кадара, проводившего робкие реформы. Несмотря на свою репутацию «слона в посудной лавке», она выказала надлежащий такт. Экономика этой страны постепенно и все же достаточно быстро либерализовалась, так что возник большой соблазн объявить, что Венгрия уже почти вышла из советской системы. Посланец венгерского президента умолял ее ничего не говорить. На памяти у всех еще были тысячи погибших во время событий 1956 года. Не надо было «дразнить казака». Маргарет ограничилась тем, что отметила некоторые благоприятные изменения в экономике и приложила еще кое-какие усилия для того, чтобы вбить клинья между лучшими (или худшими) участниками Восточного блока.

Двадцать восьмого марта 1987 года она отправилась с официальным визитом в Москву, в Кремль. Возможно, это был один из самых важных визитов Маргарет, и один из самых удачных.

Прежде чем отправиться с визитом в Страну Советов, она «определила свою территорию» и обозначила интересующие ее вопросы, с тем чтобы «выиграть очки». Далее всё складывалось наилучшим образом. 21 марта в речи, произнесенной перед членами Центрального совета Консервативной партии, она изложила свое видение смысла и цели этого визита: «В своих речах, по нашему пониманию, господин Горбачев признаёт, что советская система не работает <...>. Отправляясь на следующей неделе в Москву, я надеюсь найти мир, основанный не на иллюзиях и не на пораженчестве, а на реализме и силе <...>. Мир требует доверия, требует окончания кровавой бойни в Камбодже и Афганистане. Мир означает то, что будут почтительно соблюдаться все обязательства, добровольно взятые на себя Советским Союзом в Хельсинки в 1975 году <...>. Мы будем основывать наши суждения и мнения не на словах, не на интонациях, не на обещаниях,

а на действиях и на результатах». Невозможно было высказаться более грубо и прямо, более антидипломатично, вопреки «духу и стилю Форин Оффиса».

«Железная леди» поехала с визитом в Кремль, чтобы поприветствовать чету Горбачевых, и вот уже она шла в длинном бархатном платье от фирмы «Гант», украшенном крупным изумрудом, по Георгиевскому залу, блиставшему тысячами искорок, воскресавших в памяти величие и роскошь царей всея Руси. Она должна была вести обычную дипломатическую игру, при которой то и дело отвешивают глубокие почтительные поклоны, хотя эффект от этих поклонов и невелик. Она спокойно слушала, как советские академики расписывали успехи социализма. Она смиренно подчинялась необходимости присутствовать на этих «сборищах выдающихся лакеев», как она их называла. Но когда она получала возможность сказать что-то, кроме обычных банальностей, она наносила удары, и очень чувствительные, как в частных беседах, так и на публике. Расспрашивая президента Горбачева о том, что означают на самом деле «перестройка» и «гласность», Маргарет напомнила, что уже однажды, при Хрущеве, была в СССР «оттепель», затем превратившаяся в ужасную «распутицу». Она защищала свои позиции по СОИ, проблемам разоружения, правам человека. Она прилагала усилия, чтобы убедить Горбачева в том, что времена классовой борьбы давно миновали и что Запад стремится поддерживать не «класс богатых», а «богатое общество». Михаил, похоже, не был убежден в ее правоте, хотя, конечно, в глубине души уже понимал, что марксизм — всего лишь одна из теорий, не более «научная», чем остальные, к тому же, вполне вероятно, предназначенная пылиться в архивах истории. Правда, в одном пункте Маргарет его убедить сумела: что цена, которую придется заплатить за реформы, будет несравнима с преимуществами, которые впоследствии принесут эти реформы. Вдобавок она его убедила и в том, что если он хочет, чтобы на Западе и вообще повсюду поверили в «гласность», то должен предоставить ей возможность высказаться, в том числе и публично.

Горбачев позволил ей отправиться в Загорск^[189], в Троице-Сергиеву лавру, в священное место средоточия православной духовности. Несмотря на настойчивые возражения министра-коммуниста из Министерства по делам религий, она покинула торжественный официальный кортеж и смешалась с верующими. Под темными сводами, где витал запах ладана, при колеблющемся пламени свечей, поставленных перед иконами, словно для того, чтобы их охранять, Маргарет погрузилась в глубокие размышления о той разнице, что существовала между ней и этой

чувственной, магической верой, украшенной пением хора басов, расшитыми золотом ризами, блиставшими в тени иконостаса. Дочь пастора не устояла и поддалась обаянию этой веры, поставив большую восковую свечу перед ликом Богородицы... Она пишет: «Вероятно, потребуется нечто большее, чем реформы коммунистической системы, чтобы сдержать мощь этого нового христианского возрождения». Силы, действовавшие в Польше, уже начали работать и на Святой Руси. И Маргарет прибегла к тактике приумножения скандалов и неожиданных разоблачений: отобедала в посольстве с академиком Андреем Сахаровым и его женой Еленой Боннэр, встретила за завтраком с так называемыми «отказниками»^[190]; она также нанесла визит в рабочий поселок, где вышла из «протокольной» «Волги», чтобы побеседовать с простыми рабочими, которые громко приветствовали ее.

Тогда произошло уникальное событие в советской истории, показавшее, если угодно, что система дает трещины и более не верит в себя или, в любом случае, потеряла силу своих противоядий, силу налагать запреты. Итак, Маргарет Тэтчер разрешили дать интервью трем журналистам советского телевидения. Впервые глава государства Запада имел возможность обратиться к советскому народу без «фильтров», без цензуры. В интервью Маргарет настаивала на военном превосходстве СССР, на проблеме одностороннего размещения ракет СС-20, на преимуществах жизни на Западе. Ее даже не прерывали. Очень скромно она сообщает в мемуарах, что «это интервью оказало огромное влияние на общественное мнение в СССР». Это правда; в 1996 году президент Ельцин, давая интервью для «Экономиста», скажет: «Интервью Маргарет Тэтчер ознаменовало конец советской государственной системы». Это, конечно, преувеличение, но в этом высказывании все же есть частица правды, в особенности это становится ясно, если прочесть то, что далее пишет Маргарет: «Интервью в ходе передачи не подверглось никаким сокращениям, в чем я увидела доказательство того, что моя вера в честность Михаила Горбачева не была неуместной». Трезвость, с которой Маргарет оценила нового руководителя Советского Союза, симпатия, перешедшая в дружбу, которую она завязала с ним, — всё это способствовало тому, что на Востоке начала переворачиваться новая страница истории...

На Западе, в Европе, ей тоже пришлось упорно сражаться, и там речь шла о финансах королевства.

Запутанная бюджетная интрига

Тенденция высмеивать позиции Маргарет Тэтчер в отношении Европы проявлялась довольно часто. В лучшем случае ее изображали в виде «евроскептика», причем убежденного, изменившего своим первоначальным убеждениям, когда в начале своей политической карьеры она поддерживала идею построения общеевропейского дома. В действительности, не факт, что ее позиции по отношению к Европе когда-либо сильно менялись. В 1977 году она уже заявляла, что желает «от всего сердца сотрудничать с этой объединенной Европой; сравните ту общность интересов, что существует между нами, и расхождения и разногласия, разделяющие нас, покажутся незначительными». В 1979 году, в период избирательной кампании по проведению выборов в Европарламент, она так определяет свое видение Европы, служащей делу свободы: «Мы верим в свободную Европу, а не в Европу однообразную. Покуситесь на разнообразие государств-членов и вы обедните всё Европейское сообщество <...>. Мы настаиваем на том, чтобы общественные институты управлялись повсюду на континенте таким образом, чтобы это приводило к увеличению личной свободы. Нельзя позволить этим институтам погрузиться в бюрократию. И всякий раз, когда этим институтам не будет удаваться расширять свободу, они должны подвергаться критике и равновесие должно быть восстановлено». Говоря другими словами, Маргарет воевала не за то, чтобы «Европы было меньше», а за то, чтобы «Европа была лучше» и чтобы эта новая Европа служила свободе, восстановив равновесие.

Так вот, первая сфера, где Маргарет попытается восстановить равновесие, была сфера британских взносов в бюджет Сообщества. В 1979 году она объявила о том, что в этой сфере есть дефицит в сумме 1,5 миллиарда фунтов. Почему так получилось? Просто потому, что структура внешней торговли Англии и ее экономики отличалась от структуры континентальной Европы. В 1979 году 57 процентов британского экспорта и 58 процентов британского импорта не имели отношения к странам ЕЭС, а для других стран — членов Сообщества этот процент составлял в среднем 35 процентов. Законы о таможенных сборах составляли одно из главных средств получения доходов ЕЭС, и суммы, которые должно было вносить Британское казначейство, по определению были пропорционально больше, чем суммы, вносимые его партнерами. Это не компенсировалось доходами или, вернее, компенсационными выплатами (практиковавшимися в области сельскохозяйственной политики ЕЭС), ведь около 70 процентов бюджета

Сообщества как раз и было предназначено для проведения общей сельскохозяйственной политики. А сельское хозяйство Англии было очень конкурентоспособным. Оно получало только 5 процентов сумм, вносимых в Европейский сельскохозяйственный ориентационно-гарантийный фонд. Конкретно это означало то, что, если бы в 1980 году ничего не изменилось, Великобритания оплачивала бы 20 процентов поступлений и пользовалась бы только 10 процентами расходов Европейского сообщества, в то время как ее ВВП составлял всего 16 процентов ВВП Сообщества. Для Маргарет, непреклонной защитницы интересов британского налогоплательщика, это было неприемлемо. «Мы стали, — пишет она в мемуарах, — одним из самых бедных членов ЕЭС, занимая всего лишь седьмую строчку в списке ВВП в расчете на душу населения. И однако же от нас требовали внесения самых крупных чистых взносов».

Тэтчеровская машина была запущена, и она больше не остановится. На саммите в Страсбурге 21–22 июня 1979 года, первом европейском саммите для Маргарет, впервые выступая на пленарном заседании, она сразу же сказала застывшим от изумления главам правительств: «Я хочу получить назад мои деньги!» Разумеется, ее коллег повергли в шок дерзость и грубость такого заявления. Британская бакалейная лавка хотела получить то, что ей были должны. Валери Жискар д'Эстен приложил большие усилия, чтобы напустить туману и заговорить ей зубы. Он предложил перенести на более позднее время дискуссию о сумме британских взносов. Но Мэгги заупрямилась, не желая покидать зал заседаний прежде, чем решение будет найдено. «На моем первом европейском саммите я вынуждена была сказать „нет“», — пишет она в мемуарах. Тэтчер добилась от пришедших в растерянность участников саммита решения о создании специальной комиссии, на которую будет возложена обязанность выработать предложения по данной проблеме. Маргарет утверждает с глубоким презрением, которое всегда испытывала к международным встречам на высшем уровне, что ей тогда очень помогло то, что «час был уже поздний; выводов легко добиться, когда время поджигает и когда умы уже встревожены перспективой встречи с великой французской кухней и лучшими французскими винами». Это очень лестно для наших поваров, но все же маловероятно. Маргарет просто начала изводить своими постоянными приставаниями по агробюджетным вопросам глав европейских государств, и это продолжалось пять лет, вплоть до саммита в Фонтенбло в 1984 году, когда все вопросы были окончательно улажены. Линия поведения Маргарет была твердо зафиксирована в ее речи, произнесенной в Люксембурге 18 октября: «Я

должна изъясняться предельно ясно <...>. Великобритания не может согласиться с сегодняшним положением дел в вопросе с бюджетом <...>. В политическом смысле он несостоятелен <...>. Я не могу играть роль Санта-Клауса Сообщества, когда мой собственный электорат просят отказаться от улучшения в сфере здравоохранения, образования и т. д.». Кроме того, она распустила слух, будто собирается приостановить выплату взносов королевства в бюджет Сообщества, чтобы «чиновников бросило в холодный пот». Маргарет утверждает, что именно после этого один высокопоставленный европейский чиновник отпустил реплику: «Соединенное Королевство возвращается назад». Тогда же начались и серьезные неприятности, когда каждый саммит станет местом ведения герильи и переговоров на манер восточных торговцев, любящих торговаться. Лорд Каррингтон, министр иностранных дел, в этих схватках будет одерживать победы. Его сила убеждения, его искусство вести беседы тет-а-тет, его способность поднять «один лагерь на другой» принесут гораздо большие результаты, нежели открытые удары, многократно наносимые Маргарет. Именно в Совете министров иностранных дел, а не в Европейском совете, в обмен на небольшие уступки он и добился 29 мая 1980 года уменьшения суммы британских взносов с 1789 миллионов экю до 600 миллионов на 1980 год и с 2,14 миллиарда до 730 миллионов в 1981-м, то есть почти на две трети. Такие победы означают очень многое и способствуют поддержанию мифа о «Железной леди». В 1980 году один восторженный журналист из «Фигаро» писал: «Обвинять миссис Тэтчер в том, что она хотела „торпедировать“ Европу, потому что с большой решимостью защищала интересы своей страны, это то же самое, что проделывали с генералом де Голлем, когда осуждали его за дурные намерения, усматривая их в защите интересов Франции».

Но дело еще не было улажено окончательно. Здесь столкнулись две философии: философия Маргарет, националистическая, направленная на союз с США, в соответствии с которой самым главным был «справедливый возврат» лишних сумм из британских взносов в бюджет Сообщества. Противостояла ей континентальная философия, в основном французская, которую исповедовали и Валери Жискар д'Эстен, и Франсуа Миттеран. В соответствии с этой философией приоритеты отдавались «интересам всего Сообщества» и торговле между странами — членами ЕЭС. Маргарет не хотела, чтобы бюджет Сообщества диктовал британским предприятиям, какие рынки они должны завоевывать. Столкновение этих двух философий происходило постоянно. В 1982 году Маргарет потребовала, чтобы сумма британского взноса была уменьшена на 1,4 миллиарда экю; после долгих

переговоров эту сумму согласились снизить на 850 миллионов. Победа была половинчатой. Кроме того, в Европарламенте был принят закон об общей для стран — членов Сообщества сельскохозяйственной политике, причем принят вопреки заключенному еще в 1966 году в Люксембурге компромиссному договору, который требовал, чтобы важные решения принимались при наличии единогласия.

Так не могло далее продолжаться. Англия требовала решения проблемы на долговременной основе. Другие страны тоже не хотели больше терпеть подобное положение дел. Надо было вносить изменения в сельскохозяйственную политику. Излишки сельскохозяйственной продукции накапливались. Бюджет истощался. Даже такие сельскохозяйственные страны, как Франция, полагали, что следует действовать: уменьшать цены, устанавливаемые посредниками, приостанавливать обработку земель или вводить «молчаливые квоты», короче говоря, серьезно менять сельскохозяйственную политику, что и было одним из требований Маргарет Тэтчер. Это удалось осуществить в первом квартале 1984 года.

Однако «бюджетная проблема» все же оставалась. В марте 1984 года перед собранием депутатов-консерваторов Маргарет сказала: «Я не хочу замазывать и замазывать трещины, я хочу от них избавиться. Я хочу перестроить фундамент <...>, чтобы мы могли взяться за строительство Сообщества будущего». В конце концов, Маргарет победила в этой битве, как говорится, взяв своих противников измором, в ходе саммита в Фонтенбло в июне 1984 года, правда, победа все равно оказалась неполной. Переговоры проходили трудно, все время упираясь в какие-то препятствия, почти как в водевиле. Жак Аттали в своих книгах «Дословно» и «Это был Франсуа Миттеран» рассказывает об этих переговорах с весьма пикантным юмором, утверждая, что Маргарет, злая, как лебедь, которого дразнят, затаенная в свои безупречные темные костюмы, твердила «нет и нет». Вместо введения особого всеобщего механизма перераспределения средств Франсуа Миттеран и Гельмут Коль предлагали выплату доли британского взноса в бюджет Сообщества при пропорциональном учете того, что Англия получает от Сообщества. Вначале Маргарет требовала, чтобы были учтены все взносы, а потом все же согласилась на введение предложенного ее коллегами механизма. Но она хотела заполучить 70 процентов, французы и немцы предлагали 50 процентов. Всю ночь помощники глав правительств вели переговоры в кабинетах замка Фонтенбло, в то время как их шефы пировали в ресторане отеля «Ба-Брю» в Барбизоне. В два часа ночи Маргарет прибыла на встречу со своей командой. Утром она встретилась с

Гельмутом Колем, который ей сказал, что согласен с предложением французской стороны и готов увеличить долю выплат до 65 процентов, но больше не даст ни одного экю. Маргарет потерпела поражение и понимала это, тем более что под сводами бального зала замка Фонтенбло Миттеран твердо говорит ей, что она должна сделать выбор. Это было уже слишком. Жак Аттали вспоминает, что она «не выдержала, хрустнула, как стекло, едва не залившись слезами; и все же она хотела, чтобы последнее слово осталось за ней, неважно какое». Странное это было зрелище. Маргарет робко просила уступить ей еще один процент, чтобы получилось 66 процентов, две трети, и тогда это могло считаться вполне достойным результатом. Франсуа Миттеран, величественный и милостивый более чем когда-либо, ибо ощущал на себе дыхание королевской власти, уступил, чуть снисходительно сказав: «Конечно же, госпожа премьер-министр, вы его получите. В одном проценте великой стране не отказывают». Окончательное согласие было достигнуто. В ноябре 1990 года «Экономист» опубликовал данные исследований, из которых следовал вывод, что эта частичная победа сэкономила около десяти миллиардов фунтов Британскому казначейству. Хороший успех тэтчеровской дипломатии.

Теперь, когда бюджетная проблема была решена, Маргарет могла заняться созданием Европы своей мечты, Европы Общего рынка.

На службе у Общего рынка

Эту Европу она описала в самом лирическом стиле на одном из банкетов, данных в честь депутатов Европарламента в марте 1984 года: «Это будет сообщество, которое борется за все более и более свободные торговые отношения, уничтожая как в Европе, так и во всем мире препятствия для свободного движения благ, капиталов и услуг; это будет сообщество, коллективно работающее над тем, чтобы Европа могла развивать завтрашние технологии; это будет сообщество, берущее на себя инициативы по решению мировых проблем, употребляющее свое влияние для создания зоны стабильности и усиления демократии во всем мире. Таково мое видение». Для Маргарет конкретно это означало создание единого общеевропейского рынка, который родится 1 января 1993 года под названием Общего рынка. «Речь шла о том, — пишет она, — чтобы придать содержание Римскому договору и оживить его либеральные составляющие, способствующие свободе торговли и ослаблению регулирования экономики со стороны государства; я понимала, как важно было положить начало

этому новому этапу развития Сообщества». Замысел Маргарет заключался прежде всего в создании большой общеевропейской зоны свободной торговли, то есть в каком-то смысле возрождении давно похороненной Европейской ассоциации свободной торговли, при отмене не только уже «павших» таможенных барьеров, но и барьеров административных и законодательных. Короче говоря, в том, чтобы распространить на Европу успешную тэтчеровскую политику либерализации рынка.

В 1984–1986 годах Англия активно включилась в общеевропейский процесс объединения. Она без труда согласилась на вхождение в ЕЭС двух новых членов, Испании и Португалии. Если Маргарет с осторожностью и сдержанностью относилась к политике проведения кооперации, которую считала одной из форм скрытого государственного управления экономикой, то она все же легко согласилась на создание комиссии под председательством ирландского сенатора Джеймса Дуджа, с тем чтобы эта комиссия выработала предложения по улучшению процессов кооперации в Европе.

Несмотря на свои сомнения и колебания, Маргарет согласилась на проведение в июне 1985 года в Милане межправительственной конференции, где в ходе обсуждения должны будут выработаться основы нового договора, улучшающего структуру Европейского сообщества. Ее участие в саммите, проходившем в Люксембурге 2 декабря 1985 года, было очень конструктивным. Там уже вырисовались очертания будущей Европы, оживленной новыми веяниями. Было решено принять общеевропейский договор, соединяющий в себе положения договоров Европейского объединения угля и стали и Европейского экономического сообщества, с тем чтобы создать Европейский союз (Евросоюз). На первый взгляд два этих события стали для Мэгги полупоражением. Воля Великобритании верха не одержала, хотя Англию и поддерживала Дания. Было решено разработать новый договор, в котором будет сохранено название «Союз», что, к досаде Англии, будет напоминать ей о присоединении Шотландии. Однако открылись новые «поля» для сотрудничества и кооперации. Власть Европарламента по новому договору, в особенности в бюджетной сфере, возросла. Комиссия получила новые полномочия. Процедура квалифицированного большинства была расширена. Такие отступления были болезненны для английского суверенитета.

Но основная договоренность все же была сохранена. Общий рынок должен был начать свое существование не позднее 1 января 1993 года. По договору страны-члены сохраняли полный суверенитет в сфере налогов, охраны окружающей среды, социального законодательства и передвижения

граждан. Европейская валютная система стала «прелюдией» создания Экономического и валютного союза^[191] и действовала вне поля деятельности Сообщества. Маргарет Тэтчер еще могла верить, что создававшаяся Европа будет Европой либеральной. Она вела честную игру. В период, когда Великобритания председательствовала в ЕЭС (во втором квартале 1986 года), Маргарет заставила принять множество документов, направленных на помощь малым и средним предприятиям, на ослабление регулирования в области наземного и воздушного транспорта и на стандартизацию технических норм. Согласилась она и на то, чтобы Англия приняла участие в финансировании европейских программ в области этнологии.

Можно сказать, что Великобритания была хорошей ученицей в «классе Европы». В 1989 году из семидесяти восьми общеевропейских документов, которые следовало преобразовать во внутренние законодательные акты, Великобритания преобразовала 50, заняв четвертое место среди двенадцати стран — членов ЕЭС, что дает вполне достойный результат, весьма отдаляющий Маргарет от того образа «еврофобки», в котором ее изображают.

Однако вскоре Маргарет обнаружила, что у нее появился новый соперник: Брюссель и администрация, тянущая свои щупальца по всем направлениям; в частных беседах Мэгги даже говорила о «бельгийской империи». Став председателем Еврокомиссии, Жак Делор быстро стал для Маргарет пугалом и объектом ее ненависти. Между ней и этим бывшим синдикалистом не было ничего общего; она писала, что он на протяжении всей своей карьеры говорил «нет» своим клиентам, в то время как мы в Грантеме всегда учились говорить «да». К тому же господин Делор слишком серьезно относился к своей задаче. Тогда как в глазах Маргарет он не обладал никакой легитимностью власти с демократической точки зрения, ибо ничего не знал об общем избирательном праве; он считал, что на него возложена особая миссия, и потому позволял себе выражать то одобрение, то неодобрение европейским народам. Для «Железной леди» это был восставший из могилы призрак Уайтхолла, призрак мелкого или крупного чиновника, который позволяет себе устраивать для политической власти короткие замыкания.

К тому же у Жака Делора была мания моралиста-проповедника, распределителя различных благ и очков, что более всего раздражало Маргарет. В конце срока председательства Великобритании в ЕЭС, на саммите в Лондоне Маргарет присутствовала «при достопамятном событии, при внезапном появлении господина Делора в качестве

председателя Еврокомиссии, то есть в качестве главного действующего лица». На первом же обеде он предложил увеличить средства Сообщества. Маргарет пришла в ярость, ведь этот зануда даже не позаботился о том, чтобы предупредить о своем предложении глав правительств. Это была первая ошибка, за ней не замедлила последовать вторая. В ходе доклада о председательстве Великобритании перед парламентской ассамблеей в Страсбурге, заранее не известив ни о чем ни Форин Оффис, ни премьер-министра, «господин Делор, — как пишет Маргарет, — с которым я лично прежде не была знакома, погрузился в волны евродемагогии, предназначенной польстить кое-кому из тех, кто находился в зале, в особенности тем, кто страдал антибританскими предрассудками, а также направленной на то, чтобы обесценить значение председательства Англии и потребовать еще денег». Маргарет действительно была в ярости. Она считала, что публично унижена, причем сама же и позволила это сделать. Поднявшись на трибуну, она разразилась язвительными репликами, намекая на то, что если Сообщество пребывает в нищете, то виноваты в этом те, кто управляет его делами, и об этом следовало бы предупредить правительства стран-членов, и заявила, что отныне не даст ни одного лишнего британского пенни, чтобы финансировать ошибки и заблуждения Еврокомиссии.

«Развод» был совершен. Маргарет нашла себе новый объект насмешек: «еврократов» из Брюсселя и их предводителя. Она с горечью констатировала, что «стала свидетельницей глубоких изменений, которым подверглась европейская политика; Еврокомиссия, всегда имевшая склонность к централизованной власти, теперь возглавляется убежденным европейским федералистом, жестким и талантливым, чья философия оправдывает централизм».

Итак, проевропейским позициям Мэгги вскоре тоже предстояло претерпеть глубокие изменения. Уладив проблемы, связанные с британским взносом в бюджет Сообщества, Маргарет проводила образцовую европейскую политику, храня верность своим глубоким убеждениям. Ей удалось «поставить на рельсы» Общий рынок, о котором она мечтала, добиться значительных уступок в институциональной сфере. Но появление у власти Жака Делора коренным образом изменило положение дел. Если ее поворот тогда не был столь явствен, как говорят, то он все же произошел и породил последствия: речь в Брюгге, неприятности, даже ненависть, а в результате и отказ от Европейского валютного союза.

Речь в Брюгге и ее последствия

Последние годы пребывания Маргарет у власти характеризуются неким подобием шизофрении в европейских делах. С одной стороны, Форин Оффис, в частности, вел себя как образцовое министерство иностранных дел европейского государства, принимающего те изменения, что происходят в Сообществе. В 1988 году Форин Оффис с успехом добился прохождения через парламент различных законодательных актов об отмене национальных монополий в сфере частноправовых сделок, заключаемых государственными организациями, в 1989-м — о свободном передвижении капиталов и услуг в финансовой сфере, что для Франции, например, стало настоящим «электрошоком». Кроме того, Форин Оффису удалось воспрепятствовать принятию французского предложения по исключению из области договорных отношений культурной сферы, что сделало бы этот рынок недоступным для мировой конкуренции. Форин Оффис также выразил согласие вернуться к рассмотрению вопроса об увеличении бюджета Сообщества с того момента, как будут отлажены механизмы возврата лишних средств. На саммите в Брюсселе в феврале 1988 года было определено, что расходы Сообщества будут увеличены на 1,2 процента ВВП Сообщества в обмен на оздоровление аграрной политики ЕЭС, на снижение давления с ее стороны на производителей; расходы на проведение этой политики были ограничены и могли составить лишь 75 процентов прироста бюджета Сообщества; кроме того, было достигнуто соглашение о консервации 20 процентов сельхозугодий на пять лет.

Но одновременно с тем, как дела продвигались скорее в либеральном направлении, чего желала Маргарет Тэтчер, отношения с Брюсселем становились все более напряженными, кстати, именно по причине провокационных бестактностей со стороны Жака Делора. Собственно, противостояли две точки зрения: теория предпочтения, отдаваемого интересам всего Сообщества, которую защищал франко-немецкий дуэт, и теория Европы, открытой для свободной торговли всему миру. Эта битва отвратила Мэгги от Европы и привела обратно к Соединенному Королевству. И председатель Еврокомиссии не сделал ничего, чтобы положить целебную мазь на раны британского премьер-министра. Он открывал рот только для того, чтобы представлять Европу все более федерализованной и все более управляемой из центра. В Европарламенте он объявил: существование Общего рынка означает, что через десять лет 80 процентов документов, регламентирующих экономическую деятельность,

будут разрабатываться в ЕЭС. Конкретные страны из законодательной деятельности в экономике будут исключены. Как говорится, государства, на выход... Вот и придет время создавать в изобилии инструкции по поводу состава рубленых бифштексов, навозной жижи или по методике изготовления сыров. Не только в области Коссе заволновались о сыре «рокфор», Мэгги тоже забеспокоилась о том, что будет в брюхе коровы из Саффолка... Будто для того, чтобы поглубже всадить в рану гвоздь, Жак Делор кое-что «добавил». В сентябре 1988 года перед участниками съезда Конгресса тред-юнионов в Борнмуте он наложил дополнительный штрих кистью социалиста: «Невозможно построить Европу только на основе ослабления или отмены регулирования экономики <...>. Главное заключается в том, чтобы мы усилили мастерство управления нашей экономикой и общественной жизнью, нашими технологиями и нашей дееспособностью в финансовой сфере». Он высказал пожелание, чтобы в Европе развивались системы коллективных договоров, и призывал к созданию управляющих комитетов и советов европейских предприятий.

В Англии, в королевстве Мэгги это было воспринято как совершенно лишнее. Вот теперь председатель Еврокомиссии позволяет себе не только продвигать свои пешки в пользу экономического и валютного союза, но к тому же хочет навязать Европе прогрессивную социальную политику, которую Маргарет на протяжении десяти лет старалась выбросить на свалку. Она была вне себя. Ответ не заставит себя ждать и станет воистину историческим. Это произойдет 20 сентября 1988 года в Брюгге, где Маргарет произнесет речь, в которой изложит план построения другой, тэтчеровской Европы, верной идее национального суверенитета при процветании свободной торговли.

Место произнесения речи было символическим, ибо это был «Коллеж Европы», храм будущих еврократов, элитное учебное заведение, где проходили обучение будущие высокопоставленные европейские чиновники. Итак, цель была выбрана верно, как и место нанесения удара. Брюгге — ганзейский город, свободный или, как говорили, вольный город, который сделал торговлю с огромным миром основой своего процветания. Без свободы торговли и без дерзкой смелости местных купцов никогда бы не вознеслись ввысь островерхие крыши его домов и его гордые зубчатые башни и колокольни. Речь Маргарет в Брюгге прозвучала как гром среди ясного неба для брюссельских чиновников, удобно расположившихся в креслах Еврокомиссии. Она напомнила всем о Европе стран-отчизн разных народов, о Европе национальных государств, корнями уходивших в свои исторические реалии, именно о такой Европе она говорила, а не об

огромной «штуковине», как сказал бы генерал де Голль, опутанной сетью бездушных регламентирующих указаний. «Цель была ясна, — пишет она в мемуарах. — Разве британская демократия, разве суверенитет парламента, то есть его верховная власть, разве наше обычное право, наше традиционное чувство справедливости, наша способность самим управлять нашими делами <...>, разве всё это должно было быть подчинено интересам далекой европейской демократии, опиравшейся на очень разные традиции?» Кроме того, на Востоке тоже началось движение, там миру стали открываться новые народы, и Маргарет считала, что сейчас не время создавать крепость под названием «Европа», а напротив, сейчас надо дать Европе шанс стать обширной зоной процветания, своеобразной Европейской ассоциацией свободной торговли от Атлантики до Урала.

Речь была потрясающе убедительной. Вступление к ней звучало как «снискание расположения» собравшихся. Маргарет настаивала на том, что Англия внесла большой вклад в дело создания и обороны Европы, а также убеждала, что «мы должны всегда рассматривать Варшаву, Прагу и Будапешт в качестве европейских городов». Однако самый яркий пассаж она приберегла для середины речи: «Мы не для того старались у себя в Великобритании отодвинуть подальше границы государства, чтобы нам их вновь навязали на общеевропейском уровне вместе с супергосударством, которое будет уже из Брюсселя управлять нами. <...> Добровольное и активное сотрудничество между суверенными и независимыми государствами — лучший способ создать преуспевающее Европейское сообщество <...>. Европа будет более сильной именно потому, что Франция в ней будет Францией, Испания — Испанией, Великобритания — Великобританией и каждая страна останется самой собой, со своими нравами и обычаями и своей самобытностью. Было бы безумием лишить их индивидуальности и всех „подогнать“ под единый средневропейский образец прет-а-порте». Можно было подумать, что эти слова говорит де Голль, вспоминая Гёте, Данте или Шекспира, которые ничего не значили бы для Европы, если бы писали не на немецком, итальянском или английском, а на некоем «универсальном эсперанто».

Обозначив принципы, Маргарет обрушилась с яростной критикой на конкретные вещи, заговорив о необходимости реформирования аграрной политики Сообщества, о функционировании единого Общего рынка при минимуме регламентации, о «Европе предпринимательства», о необходимости ведения переговоров в рамках общего соглашения о тарифах и торговле^[192], о важности НАТО и об опасности разрыва отношений с США в пользу Западноевропейского союза. Заключительная

часть речи не была антиевропейской, но она была явно «проатлантической» и «суверенитетской». Маргарет провозгласила: «Пусть Европа будет семьей народов, всё лучше и лучше понимающих друг друга, пусть эти народы сотрудничают всё больше и больше, но пусть они ценят нашу национальную самобытность столь же высоко, сколь и нашу совместную общеевропейскую попытку создать великое Сообщество. Давайте обретем Европу, играющую свою прекрасную роль в мире, Европу, которая скорее смотрит за свои пределы, чем внутрь себя, Европу, оберегающую это Атлантическое сообщество, эту Европу по обе стороны океана, которая является самой благородной частью нашего наследия и нашей самой большой силой».

Тональность речи Маргарет была столь близка к тональности выступлений генерала де Голля, — хотя их «атлантические» позиции были совершенно различны, — что некоторые комментаторы после окончания речи заговорили о «грантемском голлизме». И это отчасти было правдой.

Речь в Брюгге вызвала бурю в прессе и прочих СМИ, но особых последствий не имела. Франко-немецкая ось была уже слишком крепка... Маргарет Тэтчер не противилась вхождению фунта стерлингов в Европейскую валютную систему, предусматривавшую фиксированные паритеты^[193], к чему Маргарет, правда, подстрекал канцлер Казначейства Найджел Лоусон. Она также не отвергла полностью и предложения, содержащиеся в докладе Делора по проблемам Европейского экономического и валютного союза; предложения эти предусматривали по истечении определенного срока введение общеевропейской единой валюты. Она довольствовалась тем, что затормозила процесс. После того как Маргарет, один за другим, избавилась от канцлера Казначейства и министра иностранных дел, как мы это увидим в следующей главе, она смогла только сделать заявление на саммите в Риме 27 октября 1990 года; в этом коммюнике было заявлено, что переход от второй к третьей фазе создания Европейского валютного союза не произойдет автоматически. Маргарет также удалось удержать Англию в стороне от Европейской социальной хартии. Но в остальном она уже была не в силах остановить движущийся поезд. Для нее наступало «начало конца». Ей оставалось провести на Даунинг-стрит всего один месяц. Она могла только с горечью констатировать, что «Европейское сообщество перешло от дискуссий, ставивших своей целью восстановить порядок в финансах, к грандиозным проектам политического и валютного союза с наличием четкого графика расчетов и платежей». Это было своеобразным поражением Маргарет. В мемуарах она называет главу, посвященную этим событиям, «Вавилонским

экспрессом» и сожалеет о том, что поведение тех, кто правил в Совете Европы, столь не соответствовало серьезности положения дел.

Разумеется, можно задаться вопросом: надо ли управлять Европой как бакалейной лавкой? От внимания Маргарет явно ускользали духовные масштабы европейского наследия, опорами которого были Афины, Рим и Иерусалим. Она никогда не говорила о «европейской цивилизации». Для этой женщины, во всем предпочитавшей конкретику, Европа была и оставалась «внутренним, простым делом, таким, как лавка». Она презирала президента Миттерана и канцлера Коля, которых «больше интересовала политика с позиции силы и политика больших действий, чем конкретные аспекты...». Маргарет же не видела ничего, кроме конкретных интересов, краткосрочных или долгосрочных...

Однако разве последующие события не доказали, что Маргарет была права? Кроме того, что в 1991 году была создана группа настроенных антифедералистски политических деятелей, названная «группой Брюгге» и оказывавшая значительное влияние на законы Сообщества, Англия также приняла решение не присоединяться к евро и не подписывать Шенгенские соглашения; вполне возможно, что эти действия Англии являются прямыми последствиями политики Маргарет. Что же касается расширения Европы на Восток, то разве теперь Общий рынок не представляет собой то единое пространство, к созданию которого она призывала? И разве провал принятия единой Европейской конституции не является в некотором роде «посмертным» политическим триумфом Маргарет Тэтчер?

Управлять имперским наследством

Как это ни парадоксально, но проблема управления колониальным наследством заботила Маргарет довольно мало. Зато ее заботила проблема нации, ведь нация еще существовала и являлась основой королевской власти. А империя была старой идеей, пригодной только для пантеона утраченных иллюзий. Маргарет была реалисткой, а не романтической мечтательницей. Во времена юности она, возможно, и мечтала об уланах Бенгальского полка и о героях фильма «Четыре белых пера». Но теперь Маргарет предпочитала иметь хорошие британские заводы, крупные капиталы и солидные контракты. Королева официально является главой Содружества, организации, объединяющей 48 стран, бывших колоний и доминионов Британской империи, но Маргарет уделяла Содружеству немного внимания. В своих мемуарах она очень редко употребляет слово

«Содружество», потому что для нее это было прошлое. О конференции глав правительств Содружества она обычно говорит мимоходом, употребляя сокращение КГПС. Кроме того, Маргарет не любила генеральный секретариат этой организации, располагавшийся в Лондоне. Руководил им дипломат из Гвианы, Его Преосвященство господин Рамфал, который только тем и занимался, что критиковал британскую дипломатию. Четыреста чиновников, находившихся у него в подчинении, бюджет его организации, на 40 процентов финансирувавшийся бывшей метрополией, деятельность этой организации, лишенная всякой демократической легитимности, а также непомерные амбиции этих «очень известных особ» очень напоминали Маргарет Еврокомиссию.

Кроме того, Маргарет раздражали «большие обедни» по поводу отношений Севера и Юга. Происходило ли это внутри Содружества или в рамках международных саммитов, таких как Канкунский саммит 1981 года, у Маргарет возникало ощущение, что она зря теряет время, так как концепция диалога между Севером и Югом казалась ей ошибочной. Было ошибкой позволять людям верить в то, что существовал единообразно богатый Север, противостоявший единообразно бедному Югу, а кроме того, по мнению Маргарет, такая концепция подразумевала, что единственными адекватными подходами к преодолению бедности и голода были способы перераспределения мировых богатств и ресурсов, а не поощрение саморазвития бедных стран и народов. Маргарет писала: «На самом же деле эти страны более всего нуждались в том, чтобы им был дан наиболее свободный доступ на наши рынки». Кстати, вовсе не факт, что сегодня многое изменилось.

Надо сказать, что каждый саммит являлся для Маргарет испытанием, а их было немало: в Лусаке в 1979-м, в Мельбурне в 1981-м, в Нью-Дели в 1983-м, в Нассау в 1985-м, в Ванкувере в 1987-м и в Куала-Лумпуре в 1989 году. Но, как бы то ни было, Маргарет, ничуть не страдавшая от националистического зуда или чувства вины бывших колонизаторов, как и от неуместной ностальгии, с большим мастерством руководила решением вопросов, связанных с подвластными некогда английской Короне территориями, такими как Южная Родезия или Гонконг. Только Южная Африка создавала для Маргарет определенные трудности. Но там, надо признать, на кон были поставлены большие деньги.

Улаживание «родезийского вопроса» было одним из значительных дипломатических успехов Маргарет Тэтчер. С 1965 года «белый» Юг, который вел за собой Ян Смит, провозгласил независимость, которую признало очень небольшое число стран, среди которых была и Южная

Африка. Англия отказывалась это сделать, одновременно проявляя повышенный интерес к судьбам белых фермеров, в большинстве своем британцев. Гражданская война раздирала страну, более двадцати тысяч человек погибли там за 15 лет. Со всего мира туда съезжались отчаянные головорезы, защитники всяческих утраченных иллюзий, от разочарованных оасовцев^[194] до наемников с Коморских островов. В этом царстве «власти белых» крайне правые находили нечто вроде вымышленной Валгаллы, а леваки — нечто вроде справедливого дела, ради которого можно воспламениться и подняться на борьбу. И все ожидали, что Маргарет, эта мужеподобная женщина, консерваторша до мозга костей, бросится на помощь южанам и Яну Смиту, тем более что Ян Смит согласился на проведение выборов, в результате которых к власти был вознесен епископ Абель Музорева, умеренный черный националист. Маргарет склонялась к этому решению, но так называемые «прифронтовые страны» — Мозамбик, Ангола, Ботсвана, Замбия и Танзания — отказались признать результаты этих выборов. Да, Музорева был бы всего лишь марионеткой в руках Яна Смита, как утверждали представители этих стран, но ведь выборы были проведены в соответствии с правилами, по африканским меркам. Однако какое это имело значение? Никто не собирался сражаться за несколько акров саванны. У Маргарет Тэтчер было чувство реальности. Ведь эти страны находились так далеко от Англии, и там нечего было делать... После саммита Содружества в Лусаке Маргарет согласилась на то, чтобы все стороны процесса собрались в Ланкастер-хаусе 10–21 сентября 1979 года. Конференцией замечательно руководили лорд Каррингтон и Малькольм Фрэнгер, и завершилась она заключением договора, по которому Великобритания должна была временно вновь взять под свой контроль бывшую колонию. На февраль 1980 года были назначены выборы. На десять лет белые гарантировали бы себе 20 депутатских мест из ста. Реализм одержал победу над Маргарет. С властью «белых» должно было быть покончено. Патриотический фронт Роберта Мугабе одержал победу на выборах, получив 57 мест из ста. Поворот в политике, совершенный Маргарет, приветствовали со всех сторон. «Сан» вышла под шапкой «Поведение государственного деятеля». Соглашения, подписанные в Ланкастер-хаусе, считали ее заслугой. «Жесткие» рычали и радовались. Маргарет в мемуарах пишет, что «пошла на подписание соглашений скрепя сердце, ибо другого выхода не было». Не случайно у нее тревожно сжималось сердце^[195]. Спустя 35 лет Роберт Мугабе все больше и больше морит свой народ голодом...

В Гонконге Маргарет тоже проявила склонность к реализму. В этом деле можно было бы найти множество поводов для всяческих юридических придирок и уловок. Великобритании, по сути, принадлежала вся полнота суверенной власти на острове Гонконг. На так называемых Новых территориях и полуострове Коулун (которые занимают, к несчастью, до 90 процентов обжитой территории) она обладала лишь призрачной властью, даруемой договором аренды сроком на 99 лет, и срок этот истекал в январе 1997 года. Министерство иностранных дел и Джеффри Хау не знали, как решить этот вопрос, даже как к нему подступить. Они опасались, что в Гонконге может возникнуть паника, которая завершится отчаянным бегством населения перед лицом «красной угрозы» со стороны Китая. К тому же Индийский океан был переполнен «людьми в лодках», то есть незаконными иммигрантами; часть из них находилась в лагерях «перемещенных лиц», располагавшихся в самом Гонконге. Никто не строил себе иллюзий относительно того, что такое «рай по-советски», даже приправленный китайским соусом. Запад, в особенности Запад Маргарет Тэтчер, не мог позволить, чтобы несколько сотен тысяч китайцев беспрепятственно попали под коммунистический гнет. Во время визита в Китай в 1982 году Маргарет не удалось изменить положение дел к лучшему. Китайцы хотели получить всё: суверенитет и управление. Маргарет быстро поняла, что придется идти на уступки. Еще до того, как китайское руководство объявило о своих намерениях, она написала Джао Дзияну; в послании говорилось, что «в случае, если правительства Англии и Китая придут к соглашению <...>, которое станет гарантией будущего процветания и будущей стабильности острова, которое удовлетворит британский парламент и население Гонконга, а также правительство Китая, я представлю на рассмотрение парламента предложение о передаче суверенитета Гонконга Китаю».

Так британское правительство довольно эффективно зарабатывало очки. Оно имело еще один козырь в рукаве. Дело в том, что процветание британской колонии всегда разжигало зависть «желтых тигров» из Пекина. Они хотели заполучить суверенитет, но не хотели убивать курицу, несущую золотые яйца. После длительных переговоров стороны пришли к соглашению в 1984 году. Лозунг, якобы выдуманный Дэн Сяопином благодаря «премудростям исторической марксистской диалектики», как утверждает один из дипломатов Форин Оффиса, звучал так: «Одна страна, две системы». Предусматривалось, что лозунг этот будет действовать 40 лет. Гонконг сохранит большую степень законодательной автономии, им будет управлять исполнительный совет, члены которого частично будут

избираться. Экономическая система меняться не будет. Гонконг останется в статусе порто-франко, а также его жителям будут гарантированы личные свободы по западному образцу. Наконец, бюджет Гонконга не станет одной из составляющих бюджета КНР.

Маргарет Тэтчер признаётся, что ничто не гарантировало соблюдение этого договора, кроме «заботы КНР о своем имидже на международной арене»; она могла бы к этому добавить еще и желание Китая воспользоваться дивидендами Гонконга, а также то, о чем она тогда еще не знала, а именно ориентацию Китая на авторитарный капитализм, при котором марксизм остается всего лишь ширмой, скрывающей большие геополитические и коммерческие амбиции.

В 1989 году возникла угроза, что соглашение будет с треском провалено. Население Гонконга пришло в ужас от событий на площади Тяньаньмэнь ^[196]. Вчера это случилось в Пекине, так почему не произойдет завтра в Гонконге? Около шестидесяти тысяч человек бежали из Гонконга в том же году, в 1990-м — около восьмидесяти тысяч. Но Маргарет прекрасно отдавала себе отчет в том, что Англия уже не в состоянии гарантировать безопасность кому бы то ни было в Юго-Восточной Азии. Времена восстаний боксеров, опиумных войн и неравных договоров давно миновали. Надо было найти решение, которое могло бы успокоить население, но это должно было быть не военное и даже не дипломатическое решение. Маргарет в Великобритании вела упорную борьбу с незаконной иммиграцией, но она пошла на очень неординарный шаг, разрешив предоставить британские паспорта членам пятидесяти тысяч семей, наиболее необходимых для успешного функционирования острова, то есть более чем 250 тысячам человек. Так была успокоена гонконгская элита, которая осталась на месте и управляла процессом перехода острова из-под власти Великобритании под власть Китая. Передача власти в июле 1997 года совершилась без особых осложнений. Личные свободы граждан и экономические свободы там соблюдаются до сих пор. Так что это можно признать несомненным успехом тэтчеровской дипломатии; правда, следует учитывать еще и тот факт, что за это время в КНР произошли существенные изменения.

Случай с Южной Африкой был гораздо сложнее. После «медового месяца», последовавшего вслед за решением родезийской проблемы, образовалась заноза, осложнявшая отношения Маргарет Тэтчер со странами Содружества. На каждом саммите Маргарет будет вновь и вновь оказываться в положении обвиняемой по причине ее отказа от применения жестких экономических санкций против ЮжноАфриканской Республики,

чего от нее требовали многие африканские страны. Хотя эта страна была изгнана из Содружества в 1961 году из-за проводимой в ней политики апартеида, в глазах Маргарет она оставалась главной фигурой на африканской шахматной доске. Кроме того, что речь шла о сильной, развитой стране, способной быть противовесом советскому влиянию на Черном континенте, эта страна была еще и замечательным резервуаром природных богатств, которых нельзя было лишиться: золота, платины, алмазов, хрома, марганца, ванадия. Белое население (около пяти миллионов человек из двадцати пяти миллионов) обладало правом проживания и в Великобритании. В самом Соединенном Королевстве около 120 тысяч рабочих мест напрямую зависели от торговли с ЮжноАфриканской Республикой. Легко можно себе представить, сколь катастрофические последствия могло бы иметь «крушение» Претории: скачок цен на природные ресурсы, приток беженцев, экономические трудности в Великобритании, не говоря уже о том «пожаре», что мог охватить всю Южную Африку. Итак, Маргарет была против жестких санкций и предпочитала вести «политику морковки», а не «политику палки или кнута». К тому же она ощущала поддержку общественности, ибо англичане чувствовали инстинктивную солидарность со своими братьями по расе. Зондаж общественного мнения, проведенный в 1986 году, продемонстрировал, что около 70 процентов британцев продолжали покупать продукты южноафриканского производства, хотя около 54 процентов из них были убеждены в том, что рано или поздно там придут к власти представители черного большинства.

Маргарет старалась изо всех сил помешать введению санкций. Была ли она сторонницей «власти белых»? Ее муж, без сомнения, был таковым. Когда ему задали вопрос по поводу санкций, он ответил: «Политика — дело моей жены. Я знаю только одно: у них самые лучшие поля для гольфа в мире, и будет очень жаль, если они исчезнут». В отношении Маргарет это маловероятно. В ее мемуарах и речах нет ни намека на расистские высказывания. Но в глубине души Маргарет, будучи прежде всего прагматиком, считала, что Великобритания должна проводить политику защиты своих интересов и не ставить позорное клеймо на одного из своих главных партнеров. К тому же ее раздражали СМИ и оппозиция, которая «не думала ни о чем, кроме Южной Африки». Она хотела, чтобы в ЮжноАфриканской Республике была проведена реформа, «чтобы там стало больше демократии, чтобы там были защищены права человека, чтобы там развивалась свободная экономика, способная принести богатство и поднять уровень жизни как белых, так и черных». Однако это

не означает, что она была «адвокатом апартеида», она считала, что права человека не должны зависеть от цвета кожи человека, но в то же время разоблачала лицемерие, которым тогда отличались как СМИ, так и главы правительств стран Содружества.

На конференции в Нассау 16–23 октября дело было близко к разрыву. Когда Маргарет стали задавать вопросы относительно пассивности Англии, она ответила, что было бы лучше, если бы политики столь же активно занимались изучением вопроса о соблюдении прав человека в СССР. Представителю Уганды, обвинившему ее в расизме, Маргарет напомнила о сотнях тысяч выходцев из Азии, изгнанных из его страны только за то, что они родились не черными, а желтыми. Президент Шри-Ланки требовал от стран Запада введения санкций, но одновременно заявлял, что его страна не сможет разорвать торговые отношения с Южной Африкой, ибо он не хочет, чтобы владельцы чайных плантаций на его родине впали в нищету. Президент Мугабе сказал то же самое. Говоря другими словами, они ратовали за введение санкций, но только при том условии, что «платить по счетам» будут другие.

Похоже, что в то время Содружество едва-едва миновало начало процесса развала. Ходят слухи, будто в дело тайно вмешалась королева, чтобы сподвигнуть своего премьер-министра на демонстративные действия. Ведь она была главой Содружества. Отношения между премьер-министром и Букингемским дворцом были одной из самых сокровенных тайн Великобритании, так что никаких свидетельств и доказательств этого вмешательства нет, есть только слухи^[197]. В конце концов, Маргарет сделала демонстративный жест. Она согласилась на то, чтобы «группа видных деятелей Содружества» отправилась на место с миссией расследования и осмысления положения дел. Это был еще один способ выиграть время, но «единство фасада» было сохранено. Маргарет же писала: «Я по-прежнему не верила в необходимость введения санкций и не была расположена соглашаться на их введение».

Доклад группы, возглавляемой лордом Барбером, бывшим канцлером Казначейства, представленный в июне 1986 года, свидетельствовал о приближающейся катастрофе. Правительство Боты указывало, что оно не готово рассматривать вопрос об окончании эпохи владычества белых в ближайшем будущем. Армия ЮжноАфриканской Республики проводила рейды по базам Африканского национального конгресса (АНК), находившимся на территориях соседних стран: Ботсваны, Намибии и Зимбабве. Маргарет Тэтчер была вынуждена пойти на кое-какие уступки. Вместо того чтобы поддаться антиюжноафриканской истерии, охватившей

руководителей стран Содружества и большинство западных СМИ, она предложила присоединиться к частичным и постепенно вводимым санкциям, предложенным ЕЭС во время саммита на мысе Аг в июне 1986 года: бойкот инвестиций и ограничение импорта угля, стали и других видов сырья.

Собравшиеся в Лондоне представители африканских стран были в ярости от таких мер, которые казались им недостаточными. Маргарет могла сколь угодно долго говорить о том, что первыми от бойкота будут страдать чернокожие, поскольку будут утрачены около 200 тысяч рабочих мест, руководителей этих стран это не заботило. Они хотели, чтобы санкции были введены, и у многих из них были свои причины хотеть этого, ибо многим из них это позволило бы скрыть творимые ими бесчинства. Они даже приняли решение ввести санкции против Англии, подвергнув бойкоту ежегодные спортивные игры Содружества в Эдинбурге. Но Маргарет придерживалась прежнего курса. На конференции в Ванкувере в 1987 году она вновь оказалась на «скамье обвиняемых», но ей это было безразлично. Было нечто сталинское во всех этих осуждениях за намерения, когда «прокуроры», чьи руки были по локоть в крови, соревновались друг с другом на этих процессах, и среди них были чудовищный Мугабе и не менее чудовищный потомок Иди Амина...

В конце концов, политика ограниченных санкций принесла свои плоды. Без хаоса, без взрывов президент де Клерк был избран и стал главой государства; 2 февраля он объявил об освобождении Нельсона Манделы, о легализации АНК и об отмене военного положения. Маргарет выступила за немедленную отмену санкций, попросив министерство иностранных дел поработать над этим вопросом. Спустя несколько месяцев санкции были отменены, поток инвестиций мог вновь возобновиться.

Маргарет приняла энергичное участие в шедших тогда переговорах. Она приняла в имении «Чекерс» Нельсона Манделу 4 июля 1990 года, после того как в мае там же принимала президента де Клерка. Она была поражена мудростью этих двух политических деятелей. Президент де Клерк в чем-то напомнил ей Горбачева, ибо он, по ее словам, «умеет сочетать предвидение и осторожность, необходимые для того, чтобы изменить систему <...> и заставить АНК согласиться на создание такой политической и экономической системы, которая превратит Южно-Африканскую Республику в либеральную страну». Она также высоко оценила и Нельсона Манделу, человека, по ее выражению, «чрезвычайно любезного, чье поведение отмечено благородством и, что замечательно, полностью лишено следов горечи...», хотя, как она заметила, он и

заклучен в некое подобие «социалистической оболочки».

Маргарет полагала, что с такими людьми можно работать над решением сложных вопросов, но что это надо делать поэтапно. Она решительно выступала против избрания мульти-этнической ассамблеи, в которой белые и зулусы из движения «Инката», возглавляемого вождем Бутелези, неизменно оказались бы в меньшинстве. Для того чтобы каждый чувствовал себя в безопасности в создающемся многонациональном государстве, Маргарет настаивала на проведении прямых переговоров между правительством, АН К и «Инкатой» для создания конституции. И она одержала верх. Во время своей последней встречи с президентом де Клерком в имении «Чекерс» 14 октября 1990 года она с удовлетворением могла констатировать, что апартеид как система был сломан.

Санкции, несомненно, этому отчасти посодействовали, как и сдержанность, умеренность в применении этих санкций. Маргарет Тэтчер удалось избежать самого худшего и не допустить, чтобы Южная Африка превратилась в гигантский костер, после которого остались бы лишь руины и земля, покрытая слоем пепла. Спустя 15 лет после ухода Маргарет Тэтчер с политической сцены история показывает, что она сделала правильный выбор. Южно-Африканская Республика является самой процветающей страной в Африке. Апартеид более не существует. Правительство стало действительно многонациональным. На этих развалинах Британской империи прагматизм Маргарет Тэтчер, несомненно, доказал, что он был более эффективным для всех, черных и белых, чем вроде бы благородные, но иногда и лицемерные действия «прогрессивных сил» третьего мира и пр.

В других частях света политика Маргарет Тэтчер не отличалась особой оригинальностью, и вряд ли стоит на ней останавливать внимание. Единственное, что кажется важным, так это ее вмешательство в процесс падения коммунизма.

Перед фактом падения коммунизма

Маргарет признается в мемуарах, что ее неотступно преследовала одна фраза де Токвиля из его книги «Старый порядок и революция»: «Опыт учит, что для плохого правительства самый опасный момент обычно наступает тогда, когда оно начинает реформироваться». Реформы в СССР, такие явления, как «гласность» и «перестройка», казались Маргарет преисполненными больших обещаний, но также и больших угроз. Она

опасалась, что в любой момент «консерваторы», то есть непримиримые и принципиальные коммунисты, могут совершить попытку вновь захватить власть, прибегнув в случае необходимости к силе^[198]. Маргарет вела борьбу со своими министрами финансов, которые хотели «получить дивиденды от мира», снизив вложения в оборону. Удавалось ей добиться успеха лишь частично. Часть ВВП, предназначенная для вложений в оборону и достигшая в 1983 году 5,2 процента, сократилась в 1990-м до 4,8 процента.

Маргарет прилагала усилия к укреплению НАТО. После подписания договоров 1987 года Европа все более и более превращалась в безъядерную зону. В Центральной Европе к тому времени остались лишь тактические ядерные силы ближнего радиуса действия типа ракет «Лэнс», предназначенные для отражения возможного нападения со стороны СССР. На саммите глав государств, входящих в НАТО, в мае 1989 года в Берлине, созванном в честь сороковой годовщины подписания Атлантического договора, Маргарет пришлось жестко спорить, чтобы не был сделан выбор в пользу «тройного нуля», столь дорогого сердцу немцев, так как в результате территория Германии была бы полностью освобождена от ядерного оружия. Саммит завершился подписанием мудреного и запутанного коммюнике, в котором предлагалось в скором времени провести переговоры по вопросу о ядерном оружии ближнего радиуса действия, при условии, что значительно продвинутся переговоры по обычным вооружениям в Европе, тогда проходившие в Вене. Это была победа для Маргарет, но она не имела значительных последствий.

Ветер истории продолжал сметать остатки холодной войны и Варшавского договора. В Польше «Солидарность» выиграла выборы в июне 1989 года. В Германии 10 ноября пала Берлинская стена. В декабре Вацлав Гавел был избран президентом Чехословакии. В Румынии Чаушеску был сметен ветром свободы, дувшим над Европой. Сошедшие с ума от счастья толпы людей, разлученных «железным занавесом» более тридцати лет, падали друг другу в объятия. История обретала новое лицо. Тот облик, который Европа приобрела после Второй мировой войны, окончательно ушел в прошлое. Красные огни коммунизма гасли на Востоке. Больше они не вспыхнут.

Маргарет выпало на долю управлять первыми потрясениями, возникшими после окончания холодной войны. Как и Франсуа Миттеран, она принадлежала к поколению, пережившему войну. И вот теперь она должна была поставить на рельсы новую Европу, в совершенно незнакомом ей контексте. И первым, естественно, встал вопрос о воссоединении

Германии.

Маргарет Тэтчер была обеспокоена этим. Она не дойдет до того, чтобы сказать то, что сказал Франсуа Миттеран: «Я так люблю Германию, что предпочитаю, чтобы их было две», но она не хотела, чтобы вновь объединенная Германия стала доминирующей силой в Европе, а ведь она таковой стала бы хотя бы по причине ее экономического и демографического «веса». По мнению Маргарет, «только добровольные взаимные обязательства, военные и политические, взятые на себя Соединенными Штатами, и тесные отношения между двумя другими суверенными и самыми сильными государствами Европы: Великобританией и Францией, — могут уравновесить мощь Германии». Говоря другими словами, она хотела превратить НАТО в столп постепенного воссоединения. Посреди народного ликования немцев Маргарет хотела набросить на шею немецкого дога американский поводок.

Но канцлер Гельмут Коль был из числа тех, кто полагает, что история не выходит замуж, а иногда подвергается насилию. 11 ноября в бундестаге он говорил о суверенитете народа и о его праве самому решать вопрос о воссоединении Германии. Маргарет Тэтчер пыталась затормозить процесс. Она внушала вновь избранному американскому президенту Джорджу Бушу^[199] мысль о том, что следует сначала поддержать идею существования двух демократических германских государств. Но в ходе парижской конференции 18 ноября Гельмут Коль вновь изложил суть своей позиции. Он даже отказался взять на себя обязательства по поводу нерушимости границ Германии, в частности относительно линии по Одру — Нейсе, границы с Польшей. А история убыстряла ход. Несколько дней спустя Гельмут Коль предложил бундестагу план воссоединения, состоявший из десяти пунктов, целью которого было «создание конфедеративных структур двух немецких государств, с тем чтобы в дальнейшем произошло воссоединение страны, восстановление государственности Германии». 3 октября 1990 года ГДР должна была прекратить свое существование. Парламентарии и население были очарованы перспективами. Маргарет Тэтчер ничего не оставалось, как сдаться. Она могла только попытаться немного изменить направление движения. Правда, новая американская администрация ее не поддерживала и заявляла, что «хочет установить с ФРГ особые отношения привилегированного партнерства». Маргарет не поддерживал и президент Франсуа Миттеран, разделявший ее беспокойство, но констатировавший, что «в Европе нет сил, способных помешать воссоединению Германии осуществиться». Даже Михаил Горбачев дал свое согласие на

воссоединение Германии в феврале, в обмен на несколько миллиардов немецких марок, предназначавшихся на финансирование вывода российских войск из ГДР. Единственное, что могла еще сделать Маргарет, так это попытаться в большей мере привлечь НАТО, чем ЕЭС, но и здесь она потерпела неудачу и с горечью констатировала, что у президента Франции был выбор «либо ускорить шаг в направлении федеративной Европы, чтобы стянуть крепкими узами немецкого гиганта, либо забыть про сей демарш и вернуться к идеям генерала де Голля о защите французского суверенитета и создании нескольких двусторонних союзов, полезных для соблюдения интересов Франции; ну что же, он сделал плохой выбор для Франции».

Европа, возникшая после окончания холодной войны, — это Европа оси, соединившей Францию и Германию, а не Европа англо-американской оси. Маргарет не удалось навязать европейцам свое видение вещей, она ничего не смогла сделать, чтобы задержать процесс воссоединения Германии. Она с недовольным видом вынуждена была принять договор, который в дипломатических кругах называли «два плюс четыре». Маргарет сумела только получить гарантии относительно нерушимости границ в Европе в силу заключенного в ноябре 1990 года польско-германского договора. Ей оставалось провести на Даунинг-стрит еще несколько месяцев. Она видела, как мимо проходит поезд истории, но не могла в него вскочить. Даже если она была восхищена этим триумфом свободы, даже если понимала, что в падении Берлинской стены для некоторых заключался смысл жизни, даже если она являлась членом той группы избранных лиц, куда входили Рональд Рейган, Иоанн Павел II, Лех Валенса и Солженицын, которые потрясли основы коммунизма и наконец свергли его с пьедестала, все равно в ее мемуарах не ощущается проявлений восторга и радости, которых можно было бы ожидать. Почему? Потому что та Европа, чьи контуры вырисовываются, без сомнения, была Маргарет не по сердцу, а еще потому, что сама она осталась на обочине дороги и уже не могла участвовать в дальнейших событиях. Быть может, еще и потому, что предчувствовала многие угрозы для будущего мира. Во время визита в Россию и на Украину в августе 1990 года Маргарет поняла, что Советскому Союзу грозят опасности и что он рискует взорваться и распасться на множество независимых республик, нестабильных и непрочных. Ей не приходило в голову, что это — «конец истории», начинающийся в счастливый час при добрых предзнаменованиях возникающего рынка и возрождающейся демократии, если перефразировать слова известного эссеиста Фукуямы^[200]. Нет, опыт Маргарет нашептывал ей, что новый,

грядущий мир будет миром трудным, беспокойным, злым, непредсказуемым. Мир, существовавший в период холодной войны, был ужасающе жесток, суров, неумолим, беспощаден, апокалиптичен, но, однако же, относительно спокоен и безмятежен под сенью ядерных зонтиков. Завтрашний мир, то есть наш мир — это мир споров и ссор из-за границ, конфликтов, этнических чисток и, разумеется, это мир, в котором существует угроза терроризма. Последний дар, который Маргарет преподнесла Западу, были размышления, высказанные на саммите глав государств — членов НАТО в Лондоне летом 1990 года.

Маргарет предложила странам — членам НАТО расширить периметр их зоны вмешательства: «НАТО следует задуматься над тем, что возможные угрозы нашей безопасности могут исходить с разных сторон. Ничто не может служить гарантией того, что угрозы нашей безопасности останутся у воображаемой черты посреди Атлантики <...>. Вскоре мы опять попадем в очень большую зависимость от нефти с Ближнего Востока, уже в следующем веке. С распространением оружия и военных технологий, разработанных в таких зонах, как Ближний Восток, угрозы территориям стран — членов НАТО могут исходить и из стран, находящихся за пределами Европы. В таких условиях можно было бы назвать мерами чистой предосторожности те меры, которые бы приняли страны — члены НАТО для того, чтобы сохранить возможность играть разные роли во многих местах при наличии более мощных и более маневренных сил». Трудно было бы произнести более пророческую речь. Пятнадцать лет спустя НАТО проводило операции в Афганистане, на Балканах и в Индийском океане. НАТО XXI века — это организация, создания которой добивалась Маргарет.

Кроме того, Маргарет Тэтчер предлагала всему миру встать под защиту американцев. К добру или к худу, но она рекомендовала странам Европы пристегнуться к американской упряжке и не слушать нудные, многословные ооновские речи. Производит большое впечатление то, как четко вырисовываются контуры политики Буша-младшего в ее мемуарах: «Даже если я свято верю в международное право, я не люблю, когда слишком часто прибегают к совету и помощи ООН, ибо под этим подразумевается, что у суверенных государств нет морального, нравственного права действовать по собственной инициативе. ООН <...> никогда не станет сердцевинкой нового мирового порядка. Нет ничего, что могло бы заменить лидера, Соединенные Штаты». В международной политике Тони Блэр, поддерживавший политику США в отношении Ирака, тоже проявил себя как наследник «Железной леди»...

Маргарет не во всем преуспела в международной политике. Некоторые ее чаяния были сметены ветром истории и забыты. На первый взгляд, по крайней мере, в европейских делах, она, по сути, проиграла. Но действительно ли она проиграла эту партию? Эта Европа свободных рынков, которая движется вперед, правда, без головы, потому что ей отказали в конституции, так ли уж она далека от зоны свободной торговли, о которой мечтала госпожа премьер-министр, рассматривавшая мир в качестве бакалейной лавки с многочисленными отделениями и филиалами? И потом, есть еще одна вещь, которую нельзя оторвать от прагматизма Маргарет: это ее дар предвидения и ее прозорливость. Она первая обратила внимание на Горбачева, она предложила по-настоящему конструктивное решение южноафриканской проблемы, она единственная заговорила о том, что НАТО следует переориентировать на опасности, исходящие из новых регионов. Для того, кто не делал международную политику центром своей деятельности, это не так уж плохо...

Глава тринадцатая

ЗАКАТ: ТРЕТИЙ СРОК

Тарпейский холм находится рядом с Капитолийским^[201]. «Кого Бог хочет погубить, того он лишает разума». В эпоху Античности говорили не «бог», а «Юпитер». Редко когда античная мудрость бывает столь приложима к современной действительности, как в случае с Маргарет Тэтчер в период ее третьего срока правления. Начавшийся под возгласы «ура!», под звуки триумфальных маршей и шелест знамен, он завершился самым жалким образом. Вновь начинала расти инфляция. «Чудо Лоусона» превращалось в «крах Лоусона». Самые верные сторонники Маргарет один за другим покидали ее в основном, говоря по правде, из-за ее ошибок и преувеличенного самомнения. Ее падение произошло в ноябре 1990 года. Она потерпела поражение от своих же, будто была пронзена кинжалом, изумленная тем, что ее низложили члены ее же партии и большинство из тех, кого она вознесла на самый верх, даровав самые высокие посты и звания. Брут наблюдал за ней, а «благородные Яго» заполняли кулуары Вестминстера. Она покинула Даунинг-стрит бесславно, в результате настоящей политической расправы. Правда, после ухода Маргарет британский кабинет министров более не давал примеров незыблемого спокойствия и верности, которые являются гарантиями долговечности правительства.

Кабинет утомленных сторонников и молодых амбициозных волков

На первый взгляд кабинет министров, созданный в июне 1987 года, обошелся без серьезных перестановок. «Слоны» по-прежнему были на месте: Найджел Лоусон — в Казначействе, Джеффри Хау — в Форин Оффисе, Дуглас Херд — в министерстве внутренних дел, Уилли Уайтлоу занимался связями с палатой общин. Но все они уже устали от авторитаризма Маргарет. Убежденных сторонников Тэтчер можно было пересчитать по пальцам одной руки: Ник Ридли в министерстве по вопросам охраны окружающей среды^[202], в министерстве социального обеспечения — Джон Мур, в министерстве торговли и промышленности — Дэвид Янг и в министерстве энергетики — Сесил Паркинсон, вернувшийся

из чистилища, куда был спроважен за слишком явную любовь ко всяким пустякам и к «клубничке». Некоторые верные сторонники Маргарет отклонили ее предложение остаться в правительстве. Джон Биффен отказался, потому что больше не мог выносить постоянного вмешательства людей из канцелярии премьер-министра в дела его департамента и желал проводить реальную социальную политику; Норман Теббит отговорился необходимостью проводить больше времени возле своей парализованной супруги, пострадавшей при взрыве в Брайтоне, но это была лишь официальная версия, на самом деле ему надоело подчиняться чужой воле, не имея реальной перспективы повышения по службе. Другие же стали выставлять свои условия.

Питер Уокер, назначенный в свое время министром по делам Уэльса, согласился остаться на своем посту при условии, что ему будет предоставлена полная свобода действий, чтобы поднять эту самую отстающую часть королевства. Карт-бланш он получил и в своем деле преуспел так, что несколько лет спустя Уэльс стали называть «маленькой Японией Великобритании». Что касается молодого поколения, то есть шести новых членов кабинета, возглавляемых Джоном Мейджором, ставшим внезапно, в 36 лет, министром финансов, то они были приверженцами тэтчеризма из оппортунистических соображений. Они оценили по достоинству проведенные реформы, получали удовольствие от того, что восседали на правительственных скамьях, но они не знали героического тэтчеризма времен борьбы с инфляцией, сражения с аргентинцами или эпохи искоренения профсоюзного всемогущества. Короче говоря, это поколение было в правительстве прежде всего ради того, чтобы делать карьеру. В некотором роде долгая жизнь Маргарет Тэтчер в политике была для этих молодых людей своеобразной помехой, мешающей их продвижению вперед. И они сидели как бы в засаде, готовые скорее предать Маргарет, как только она оступится, нежели протянуть ей руку помощи.

Наконец, кабинет министров постоянно сотрясали кризисы, более или менее серьезные. Независимо от двух очень важных отставок — Найджела Лоусона в 1989 году и Джеффри Хау в 1990-м, — ускоривших падение Маргарет, правительство постоянно подвергалось перестановкам, каковых до ноября 1990 года было целых десять, что свидетельствует о разногласиях и напряженности на вершине государственной пирамиды. В октябре 1987 года правительство покинул Уилли Уайтлоу. Состарившийся и одряхлевший, он устал от постоянных смен направлений, совершаемых премьер-министром, чей компас, казалось, сошел с ума. Маргарет хотела

всего и сразу, причем часто вещей противоположных. Он всегда был преданным «мальчиком, подбирающим мячи на теннисной площадке», который после обостренных перепалок между премьер-министром и членами кабинета умел примирить противостоявшие лагеря и возродить дух команды. Однажды Маргарет Тэтчер написала: «Каждый премьер-министр нуждается в своем Уилли». Она была права. Уход верного Уилли в отставку обозначил начало конца.

Уход Уилли был для Маргарет невыгоден и даже вреден по той причине, что с экономикой дела обстояли не лучшим образом, а отношения между домами 10 и 11 по Даунинг-стрит стали просто отвратительными.

Конец «чуда Лоусона»

В 1987 году британская экономика, казалось, обрела все краски. Рост превосходил 5 процентов, инфляция сократилась до 4 процентов, бюджет был профицитным, государственные расходы составляли 43 процента ВВП, безработица опустилась до 7 процентов среди активного населения. В 1989 году всё, казалось, изменилось: инфляция вновь достигла 9 процентов в год, рост остановился, уровень безработицы стабилизировался около 6 процентов^[203]. Означает ли это, что экономическая политика Маргарет Тэтчер провалилась, что Англия вернулась к инфляционным ошибкам конца 1970-х? Конечно же нет! «Основы», как говорят экономисты, оставались здоровыми, а успехи политики Джона Мейджора и в особенности Тони Блэра станут тому блестящим доказательством.

Однако совершенно ясно, что третий срок правления Маргарет — это неудача, вызревшая на фоне инфляции. Маргарет сама это признает в мемуарах: «Я никогда не думала, что мне вновь придется увидеть цифры, которые я видела в то время, когда только пришла на Даунинг-стрит».

Но стоит ли это вменять в вину Маргарет, считая это только ее ошибкой? Не совсем так! В мемуарах она частично возлагает вину на своего канцлера Казначейства, Найджела Лоусона, который «с марта 1987 года начал проводить другую политику, отличную от моей, отличную от той, которую одобрило правительство, отличную от той, которую правительство публично взялось проводить». Маргарет утверждает, что она обнаружила эти отклонения только в ноябре 1987 года в связи с интервью, данным «Файнэншл таймс». Учитывая, что обычно существуют «ножницы» примерно в полтора-два года между началом проведения ошибочной денежной политики и тем моментом, когда ее ошибочность

скажется на инфляции, можно считать вполне нормальным, что ее последствия проявились в цифрах 1989 года. Можно ли верить тому, что Маргарет абсолютно ничего не знала о том, что происходило? Найджел Лоусон защищается в книге «Взгляд из дома № 11 по Даунинг-стрит»: «Говорить о том, что она могла не знать о происходящем, — это оскорблять и ее и меня в равной мере». Со своей стороны Вудро Уайет, один из членов личной канцелярии премьер-министра, пишет в дневнике следующее: «Маргарет подчинялась своему канцлеру Казначейства, который гораздо лучше разбирался в сфере финансов и в счетах, чем она <...>. Он никогда не сомневался в самом себе». Кроме того, он страдал манией секретности до такой степени, что запрещал высшим чиновникам министерства финансов напрямую общаться с обитателями дома 10 по Даунинг-стрит. Мэгги рассказывает в мемуарах, что вынуждена была направить в дом 11 по Даунинг-стрит настоящих шпионов, чтобы заранее узнать, каков будет проект бюджета, составленный в ее собственном министерстве финансов. Лоусон сообщил ей о проекте бюджета только в конце января на «ритуальном обеде», а до этого вся информация была закрыта, и это для премьер-министра! Легко себе представить, какова тогда была общая атмосфера: ложная информация, слухи, урезанные бюджеты, фальсифицированные цифры. Маргарет пишет: «Мы с Найджелом не разделяли общности взглядов, а также между нами не было доверия, которое должно существовать между министром финансов и премьер-министром». Это самое меньшее, что можно сказать...

В то же время Маргарет откровенно восхищалась достижениями Найджела в налоговой сфере, ведь в бюджете на 1987 год он сумел снизить с 60 до 40 процентов предельную ставку налогообложения физических лиц. По сему поводу Маргарет сказала в палате общин: «Это замечательный бюджет. Это — эпитафия социализма». Добавим, что Сити и Флит-стрит, а также и весь «экономический мир» безгранично восхищались этим «канцлером-чудотворцем». Возможно, истинное положение дел находится между версией Найджела и версией Мэгги. Маргарет знала, каковы главные направления движения, но не имела теоретических орудий, чтобы им противостоять, тем более что ее «экономические менторы» Кит Джозеф и Алан Уолтерс сохраняли дистанцию по отношению к политике повседневности. В чем можно быть совершенно уверенным, так это в том, что Маргарет ничего не знала о деталях ежедневной деятельности министерства финансов. Если бы она об этом знала, то, вполне вероятно, положила бы этому конец. Но она была премьер-министром и несла ответственность за всё правительство, а потому не могла переложить

полностью на своего канцлера Казначейства ошибки и заблуждения монетаристской денежной политики.

Их расхождения сосредоточились на подходе к вопросу о европейской валюте, особенно на вопросе о вхождении фунта стерлингов в валютную систему Европы, систему достаточно жестких паритетов, которые по замыслу инициаторов этой системы, в частности Жака Делора, должны были привести к созданию Европейского экономического и валютного союза с единой европейской валютой. В 1985 году Маргарет Тэтчер, вопреки мнению Найджела Лоусона и Джеффри Хау, отказалась от того, чтобы фунт стерлингов вошел в эту систему, так как экономическое положение, по ее мнению, было не очень устойчивым. Если же говорить прямо, более всего она опасалась, как бы всё это не привело к созданию единой валюты, современного евро, чего она не хотела ни за что. Для нее фунт стерлингов был частью национального наследия, как королева, Вестминстер, статуя Нельсона на Трафальгарской площади... Джеффри Хау уговорил Маргарет, чтобы она не закрывала дверь полностью, она согласилась на это, объявив, что Великобритания присоединится к системе, «когда будут созданы соответствующие условия», то есть, по ее разумению, никогда. Очевидно, Найджел Лоусон хотел поторопить Маргарет и даже принудить ее к действиям, доказав ей, что твердые паритеты были вполне реальны. Для этого нужно было, чтобы фунт стерлингов «приклеился» к самой сильной валюте Европы, к немецкой марке. В 1986 году по валютному курсу за один фунт давали три марки. Найджел Лоусон тогда принял решение сделать все возможное, чтобы соотношение оставалось таким же, не позволяя рынку сыграть свою роль регулятора. Он обратился к Английскому банку с просьбой вмешиваться в процесс, покупая или продавая валюту, чтобы сохранить этот паритет. «Так, — по словам Маргарет, — курс обмена валюты стал сам по себе целью, а не просто индикатором денежной политики, одним из многих показателей, и потому вся монетаристская логика была предана забвению».

Маргарет очень ясно объяснила, какие опасности скрывались за этим забвением даже не очень надежного контроля над денежной массой, который был предусмотрен прежней среднесрочной финансовой стратегией. Сильный фунт стерлингов благоприятствовал импорту и препятствовал экспорту. Но он не давал никаких гарантий в сфере инфляции. Действительно, даже повышенных процентов ссуды недостаточно для того, чтобы сдерживать инфляцию, ибо «то, что определяет более или менее цену домов и прочего имущества, не подлежащего экспорту, это на самом деле уровень денежной массы», а

совсем не курсы обмена валюты; проценты ссуды играют в этом деле тоже второстепенную роль. «Если денежная масса увеличивается слишком быстро, цены на не подлежащее экспорту имущество поднимутся соответственно <...>, что приведет экспортирующие секторы к рецессии, а денежные средства будут сосредотачиваться в недвижимости». Кроме того, чтобы финансировать эти постоянные интервенции на рынке, Английский банк продавал кому угодно краткосрочные бонды Казначейства и государственные ценные бумаги. Этот массивный «прилив» капиталов увеличивал денежную массу. Маргарет из этого резюмирует, что «либо делают выбор в пользу поддержания курса обмена валюты на заданном уровне, какова бы ни была денежная политика, либо позволяют, чтобы курс обмена валюты определяли рыночные силы; невозможно одновременно контролировать валютный курс и денежную политику». Экономисты долго еще будут спорить по поводу этой теории. Здесь не место задаваться вопросом о ее верности. Но в чем можно быть совершенно уверенным, так это в том, что данный анализ был вполне справедлив и хорош для Великобритании 1987–1989 годов и что Найджел Лоусон придерживался совсем других взглядов и хотел прежде всего сохранить паритет фунта стерлингов с немецкой маркой; известно, что нарушение этого паритета привело к активизации инфляции.

Другие неудачные решения, одобренные Маргарет, также способствовали новому росту инфляции. 19 октября 1987 года вошло в историю как «черный понедельник» на Уоллстрит. Всего за один день индекс Доу-Джонса снизился на 23 процента. Повсюду ощущалась паника. Как выяснилось впоследствии, это была всего лишь механическая коррекция переоцененных, то есть завышенных ценностей, причем эта коррекция была усугублена информационным «обвалом» по поводу возможностей биржевой игры и получения сверхприбыли; в связи с этим каждый увидел, как на горизонте замаячил призрак кризиса 1929 года. Маргарет не была исключением из правил. Она видела, что страна парализована, что она погружается в рецессию, что она раздавлена неконтролируемым ростом безработицы. Нервы ее не выдержали, и потому она согласилась на два снижения на 0,5 процента ссуды. При росте в промышленности в 5 процентов, не компенсированном равным ростом производительности, эти меры привели к «перегреву», то есть к чрезвычайной экономической напряженности, а соответственно, и к росту инфляции.

В марте 1988 года положение дел еще более ухудшилось, на сей раз в сфере курсов обмена валюты. 2 и 3 марта Английский банк должен был

истратить более двух миллиардов фунтов, чтобы поддержать паритет с немецкой маркой. Но это не могло продолжаться долго. Маргарет заставила Найджела позволить фунту стерлингов нормально то понижаться, то повышаться в цене. Он согласился на то, чтобы фунт стерлингов достиг уровня 3,18 немецкой марки. Возможно, это было началом проявления мудрости. Маргарет в мемуарах задается вопросом: «Не должна ли я была тогда отправить Найджела в отставку? У меня были все основания для этого. Он проводил свою политику без моего согласия и не ставя меня в известность о своих шагах <...>. Но он пользовался поддержкой рядовых депутатов-консерваторов и большинства газет, традиционно поддерживавших Консервативную партию; все они были яркими сторонниками вхождения Англии в Европейскую валютную систему». Другими словами, по политическим причинам Маргарет вынуждена была продолжать работать с Найджелом, тем более что в то же самое время Джеффри Хау на съезде партии в Перте как бы вскользь заметил, что «Соединенное Королевство не сможет постоянно, вечно повторять, что присоединится к Европейской валютной системе в подходящий момент». Мэгги не могла одновременно поссориться с двумя «тяжеловесами» своего кабинета министров. Она будет горько об этом сожалеть: «Мне следовало примириться с мыслью об одновременной потере министра финансов и министра иностранных дел».

Шло время, и положение дел только ухудшалось. В конце 1988 года инфляция достигла 7,9 процента в год. Найджел Лоусон пошел тогда по самому «классическому» пути, избираемому в случае резкого роста инфляции: увеличение процента ссуды. В октябре 1989 года этот показатель достиг 15 процентов. Инфляция, повышенный процент ссуды, нулевой рост производства... Найджелу Лоусону всё удалось... Еще вчера он был «канцлером-чудотворцем», а сегодня «Дейли мейл» называет его «канцлером-банкротом». Кроме того, политическая цена для консерваторов была очень велика, ибо именно их электорат платил самый тяжелый налог при увеличении процента ссуды, — эти представители среднего класса, влезшие в долги ради того, чтобы купить дома, и подписавшие долговые обязательства с изменяемыми процентными ставками.

Чем дальше, тем больше Найджел Лоусон ощущал, что ситуация ускользает из его рук. Стрелки всех индикаторов уже заходили за красную черту. Поднятие процента ссуды уже было недостаточно, а Маргарет не шла на уступки по поводу присоединения Англии к Европейской валютной системе. Найджел Лоусон искал способ уйти раньше, чем неудачи превратятся в поражение, в разгром. В октябре 1989 года Алан Уолтерс,

советник Маргарет Тэтчер по экономическим вопросам, уехавший преподавать в США, вернулся в дом 10. Первое, что он сделал по прибытии, — подверг резкой критике политику завышенного процента ссуды, проводимую Найджелом Лоусоном. Он опасался, что начнется рецессия, и полагал, что не следует опасаться девальвации фунта стерлингов по отношению к немецкой марке. То, что он предлагал, было полной противоположностью политике канцлера Казначейства. Найджел решил воспользоваться удобным случаем. Он заявил, что не согласен иметь у себя за спиной второго министра финансов в канцелярии премьер-министра. Возможно, это была всего лишь уловка, ибо Маргарет в октябре разрешила ему еще раз поднять процент ссуды вопреки мнению Алана.

В любом случае Найджел Лоусон искал огласки, шума, скандала. Статья, опубликованная в «Файнэншл таймс» 8 октября, предоставила ему повод поднять шум. В этой статье Алан Уолтерс остро критиковал его политику. Правда, поднимая шум, Найджел Лоусон забыл упомянуть, что статья была написана в 1988 году и перепечатана из американского научного журнала, так что в октябре 1989 года она никак не могла расцениваться как камень, неожиданно брошенный в его огород. Он сделал вид, что жестоко оскорблен. Нейл Киннок бросился ему на помощь, задав вопрос: как же функционирует правительство, имея двух канцлеров Казначейства? Маргарет ответила, что «советники советуют, а министры принимают решения». Но Найджел уже принял решение. В четверг, 26 октября, он прибыл в девять часов утра в дом 10 по Даунинг-стрит без предварительного согласования и поставил Маргарет перед выбором: либо Алан Уолтерс, либо он. Похоже, сначала Мэгги не оценила его решимость: «Я не приняла его заявление всерьез. Я посоветовала ему не выглядеть смешным. Он занимал высокий пост в государстве, и он унижал себя такими заявлениями. Что касается Алана, то я сказала, что это преданный и верный член моей команды. Он всегда давал мне честные и взвешенные советы, но он всегда держался в рамках тех ожиданий, что возлагались на него <...>. Не могло быть и речи о том, чтобы я отправила его в отставку». Но ничто не помогло: в 17 часов 30 минут новость об уходе Лоусона была обнародована. Это стало настоящим шоком для британского истеблишмента и для Маргарет, оценившей только теперь, сколь велика волна политического шторма. Кроме того, Алан Уолтерс тотчас же тоже подал в отставку, считая свое положение недопустимым. Итак, Маргарет потеряла всё: и враждебно настроенного к ней министра, и верного советника.

Пост Найджела Лоусона унаследовал Джон Мейджор. Маргарет

предпочла бы увидеть в качестве канцлера Казначейства Ника Ридли, кого считала «своим», но знала, сколь склонен он к оплошностям, а в Сити такого не прощают. Вот тогда она и обратила свой взор на Джона Мейджора, уже проделавшего в Казначействе большую работу, но сразу же позаботилась уточнить: «Надеюсь, вы сумеете противостоять нажиму со стороны европейцев и их сторонников». Джон Мейджор тоже вряд ли был счастлив от этого назначения, ведь он унаследовал финансы в очень сложной ситуации, а к тому же только что сменил в министерстве иностранных дел Джеффри Хау, отправленного без особых церемоний несколькими неделями ранее председательствовать в палате общин, одаренного в качестве утешительного приза почетным званием вице-премьер-министра, лишённого властных полномочий.

Уход из правительства Найджела Лоусона был первым звоном похоронного колокола, который будет звучать все громче и громче. Маргарет могла сколь угодно громко заявлять: «У нас теперь есть превосходный канцлер Казначейства и превосходный министр иностранных дел», обмануть этим кого-либо было трудно. Повсюду ее критиковали за то, что она не сумела сохранить своих министров. Норман Теббит доверительно сообщил другому депутату: «Для капитана очень опасно, когда кому-то кажется, будто он отдаляется от своей команды». «Комитет 1922 года» официально предупредил Маргарет о том, что есть риск раскола партии. Кроме того, Маргарет допустила ужасный промах в ходе передачи, которую вел Брайен Уолден 29 октября. Когда он спросил: «Не думали ли вы, что Найджел Лоусон мог бы остаться, если бы вы поблагодарили профессора Уолтерса за работу?» — она ответила с явно наигранным простодушием: «Не знаю, я об этом не думала». Это был абсолютно абсурдный способ защиты, это была розга, протянутая ею для того, чтобы ее саму же и высекли. И Лоусон не замедлил ее схватить. На следующей неделе он рассказал всю историю своей отставки по телевидению и опубликовал свое письмо с прошением об отставке. Там был совсем недвусмысленно упомянут его ультиматум по поводу Алана Уолтерса. Вот так Мэгги была уличена во лжи. Получалось, что она не только плохой капитан, но к тому же еще и обманщица. Над ней действительно сгустились тучи.

Джон Мейджор же действовал немногим лучше Найджела Лоусона. Инфляция начала снижаться только к концу 1990 года. Да, по одному пункту он намного обошел Найджела Лоусона! И это стало еще одним поражением «Железной леди». В июне 1990 года вместе с Дугласом Хердом, своим сообщником из министерства иностранных дел, он заставил

Маргарет согласиться на вхождение Англии в Европейскую валютную систему, ибо, как пишет она, «существует предел для того, чтобы самый решительный, но демократически настроенный глава правительства противился тому, чего от него требовали члены правительства, депутаты парламента от его партии, промышленное лобби и пресса». Но история отомстит за нее и докажет, что она была права. В 1992 году экономическое положение принудит Англию выйти из Европейской валютной системы и подтвердит тот диагноз, который Маргарет дает в мемуарах: «Никто не обладает такой властью, чтобы не считаться с рынком. Я могла бы сказать, что если вы пытаетесь это сделать, то рискуете тем, что рынок отправит вас в кювет. Верить в то, что законы экономики и приговоры рынков могут быть подчинены воле умных людей в мире британской политики, — это безумие. Это безумие нам очень дорого обошлось». Далее она добавляет: «Но, с другой стороны, мысль, что другие умные люди, — а Жак Делор был одним из самых умных людей, которых я встречала, <...> — смогут построить свою Вавилонскую башню на неравных основах старых наций, с разными языками и с различными экономиками, эта мысль гораздо более опасна». Конец этой филиппики конечно же весьма спорен. Но это неважно! В 1990 году Маргарет явно все больше и больше теряла сноровку в политике.

Это тем более верно, что так называемый социальный тэтчеризм больше разделял общество, нежели объединял его, а к тому же то упорство, с которым она защищала подушный налог, новую форму местного налогообложения, отторгало от нее большую часть населения.

Социальный тэтчеризм

Идея «социального тэтчеризма», как и сам термин, — это плод деятельности Брайена Гриффитса, руководителя группы личных советников премьер-министра. Даже если социальный тэтчеризм и включал довольно важные меры в социальной политике, в частности, в сферах образования, жилищного строительства и здравоохранения, то все же он не был своего рода политической эволюцией, а являлся всего лишь небольшим отклонением от прежнего курса. Социальный тэтчеризм часто становился центром скандала, тем более что экономические реформы, которые Маргарет проводила, она проводила ускоренными темпами на протяжении своих предшествующих сроков правления. Сам способ того, как она формулировала стоявшие перед страной задачи, отталкивал от нее

часть тех, кто формировал общественное мнение, в частности, так называемых «экспертов по общественным наукам» всех направлений и «социальных работников» и их посредников на Флит-стрит. В интервью, данном в октябре 1987 года еженедельному иллюстрированному журналу для женщин «Вумэнс оун», она сделала заявление, ставшее полной неожиданностью для тех, кто довольствовался запасом стандартных мыслей; она заявила, что, по ее мнению, «общества как такового не существует; есть отдельные индивидуумы, мужчины и женщины, и есть семьи; государство может действовать только благодаря людям, а люди должны прежде всего заниматься самими собой; это наш долг — отвечать за самих себя, а потом уже заботиться о соседи». Можно себе представить, какие тут раздались вопли негодования. Ведь это означало, что бедняка следовало подчинить доброй воле богача! В определенном смысле Маргарет и не отрицала, что так оно и есть. В мемуарах она уточняет свою мысль: «Общество не представляет собой абстрактный срез совокупности составляющих его мужчин и женщин, а представляет собой живую структуру, созданную именно благотворительными организациями и из благотворительных организаций <...>. Когда я слышала, как люди сетовали на то, что общество не должно позволять сохраняться такой несправедливости, я в ответ спрашивала: „А вы, что делаете вы, чтобы это исправить?“ Для меня общество — это не оправдание и не отговорка, а источник обязанностей и обязательств».

В поддержку таких рассуждений Маргарет призывала некоторых известных публицистов, таких как Майкл Новак, американский теолог и социолог, прославившийся своим трудом «Этика капитализма»; он подчеркивал, что «демократический капитализм» есть не только экономическая система, а совокупность личных добродетелей, нравственных и общественных, постоянно поддерживающих друг друга и сочетающихся друг с другом, чтобы уменьшить страдания одних, одновременно увеличивая процветание других. Маргарет также вспоминала труды Чикагской школы о «возникновении подкласса и о культуре зависимости». Она говорила о том, что «если безответственное поведение не подвергается наказанию, тогда безответственность станет нормой для самого большого числа людей; и что еще важнее, возникает риск того, что они передадут свое отношение к ответственности своим детям».

Наконец, Маргарет постоянно ссылалась, и вполне обоснованно, на «викторианские ценности», «викторианские добродетели», которые кажутся ей альфой и омегой всякой здоровой социальной политики:

«Викторианцы (то есть деятели Викторианской эпохи) уже давно сформулировали то, что мы вновь открываем для себя сегодня: они различали достойных и недостойных бедняков <...>. Наша культура государства-провидения заставила нас забыть <...> об этом различии, и мы оказываем одинаковую помощь тем, кто достойно встречал трудности, боролся с ними и нуждался лишь в легком толчке, чтобы выйти из этих затруднений, и тем, кто просто утратил волю и привычку к труду, а также привычку заботиться о себе самом». Другими словами, суть ее философии заключается в желании помочь людям подняться, но подняться самим, если же необходимо, то при помощи государства, но при условии, что они будут с ним сотрудничать и научатся держать себя в руках. Для нее люди стоят столько, сколько они хотят, и общество должно побуждать их хотеть. Нет ничего более далекого от ее взглядов, чем политика всеобщего иждивенчества и всеобщего оказания помощи, то есть, что еще хуже, неоспоримой дискриминации, которая низводит индивидуума до представителя некой социальной группы. Она признает только существование отдельных конкретных людей и семей, а не расплывчатых категорий вроде «бедных трудящихся», «лиц без постоянного места жительства» или «этнических групп». Маргарет открыто защищает эту философию в своих мемуарах. Но с такой же твердостью она брала за нее ответственность и в то время, когда занимала высокий пост. В заключительной речи на партийной конференции 1988 года Маргарет довольно хвастливо описывала то, что считала «верной дорогой»: «Те, кто заботится о других, сегодня имеют возможность это делать благодаря вновь приобретенному преуспению и снижению налогов. В этом году было собрано более 1,5 миллиарда фунтов стерлингов на нужды частной благотворительности, на то, чтобы отремонтировать и отреставрировать церкви, помочь медицинским исследованиям и накормить голодных <...>. Факт остается фактом: это процветание и преуспение создали не эгоистическое, а благородное общество». Стоит ли доказывать, что эти слова были большим преувеличением, ведь 1,5 миллиарда фунтов — это капля по отношению к тем 1001 бедам, нуждам и невзгодам, от которых страдали самые слабые члены общества. Стоит также сравнить эту цифру с бюджетом государства, тогда достигшим 190 миллиардов фунтов. Можно смело утверждать, что, руководствуясь такими принципами, социальный тэтчеризм не собирался совершать революцию по улучшению положения самых бедных граждан. Но он также не усугубил их участь, ибо Маргарет знала, насколько население Англии привержено идеям общества всеобщего благоденствия. В этой сфере она проявила большую осторожность и кроме

произнесения громогласных, изобилующих показным бахвальством речей не сделала ничего, чтобы подорвать основы этого общества.

Социальные реформы, проводившиеся Маргарет в ходе ее третьего срока правления, в основном затрагивали жилищную сферу, здравоохранение и образование. Они не имели ничего общего с землетрясением, но среди простонародья о них много говорили, а порой и зло их критиковали.

Так называемый «Закон Ридли о жилье» от 1989 года был наименее спорным среди всех законодательных актов того времени. Этот закон не предусматривал выделения дополнительных ассигнований из государственного бюджета на строительство социального жилья, но предоставлял новые возможности: возможность квартиросъемщикам в домах с умеренной квартирной платой объединяться в сообщество, а также возможность передавать право управления имуществом финансовым партнерам, бравшим на себя обязательство обеспечивать ремонт зданий. Сама по себе идея была далеко не глупа. Она уже с успехом претворялась в жизнь в Уэльсе Питером Уокером. Но в Англии она столкнулась с враждебностью, причем с принципиальной враждебностью людей со скромным достатком к инвестиционным фондам, которые и так уже обвиняли во всех бедах. В 1990 году только один дом с умеренной квартирной платой был превращен в «жилищный трест»; к 1996 году их станет всего лишь пять, а затем эта деятельность будет прекращена. Это было полное поражение, которое Маргарет со слишком большой легкостью записывает на счет «враждебности к улучшению условий жизни, глубоко укорененной в умах тех, кто проживает в гетто, укорененной левыми, контролирующими эти гетто». В действительности квартиросъемщики опасались, что частные арендодатели станут поднимать арендную плату, не имея над собой контролера в лице государства. Это были бессознательные страхи, не имевшие под собой оснований, ибо были предусмотрены многочисленные предохранительные меры и квартиросъемщики имели возможность сохранить не менее 52 процентов акций таких жилищных трестов. Однако никто этого не хотел.

Зато другая предложенная мера была увенчана успехом. Эта мера предусматривала страхование от неуплаты арендной платы для честных владельцев жилья, которые согласятся предоставить свою собственность в пользование арендаторам со скромными доходами. Закон предусматривал также процедуру ускоренного выселения должника, не внесшего плату максимум за три месяца. Таким образом, арендодатели получили гарантию того, что они смогут быстро восстановить власть над своей

собственностью, если столкнутся с неплательщиками. Наконец, был введен в практику новый образец контракта об аренде жилых помещений. Он позволял владельцам жилья, задумывающимся над правильностью использования их собственности, вновь получить ее в свое распоряжение в любой момент при условии предварительного уведомления за три месяца. Результаты введения этих мер были воистину впечатляющими. За два года число незанятых жилых помещений уменьшилось с 18 до 9 процентов.

Еще одна проблема терзала тогда Соединенное Королевство: бездомные, обустроивавшиеся на жительство где придется, вплоть до центров крупных городов. Известно, какую роль в увеличении количества этих «новых бедных» сыграли повышение процента ссуды и выравнивание уровня квартирной платы в государственном и частном секторах. Но также следует признать, что к этому слою людей в довольно большом количестве примешивались странноватые молодые люди, беглецы из приличных семей, отдававшие предпочтение не домашнему комфорту, а полной приключений жизни на улице, не говоря уже о прочих маргиналах. Маргарет же видела только эту последнюю категорию. Она считала, что юнцов нужно отправить по домам, а преступников — по тюрьмам. Вот и всё! Она постоянно отказывала Крису Пэттену, «наследнику» Ника Ридли, просившему принять неотложные меры и выделить деньги из особых, чрезвычайных фондов для того, чтобы обустроить, расселить этих несчастных. Только в отношении Лондона она пошла на уступки, поскольку бездомные уродовали роскошные пейзажи Кенсингтона, Сент-Джеймс-парка и Гайд-парка. Даже на берегах Серпентайна стали появляться картонные хижины. Разумеется, Маргарет не хотела, чтобы Лондон стал похож на один из городов третьего мира. Она довольно часто требовала, чтобы «полиция очистила эти зараженные кварталы». Но когда речь заходила о том, чтобы помочь бездомным, она говорила: «Нет, трижды нет», — как она однажды в сердцах бросила в палате общин. Она также отказывалась признать разумной такую меру, как выплата пособий на оплату жилья молодым людям моложе двадцати пяти лет, за исключением особых случаев^[204]. В мемуарах она объясняет почему: «Нельзя решать проблемы поведения человека в обществе и человеческих поступков при помощи кирпичей и цемента». По поводу молодых людей она пишет: «Мы хотели, чтобы они вернулись в семьи, а не жили в Лондоне благодаря выплате пособий». По мнению Маргарет, общее правило было таково: всякая помощь в виде пособий «порочна, потому что она способствует распаду больших семей и образованию более мелких; такое происходит, например, при выплате пособий незамужним или одиноким матерям <...>».

Далее Маргарет пишет: «К несчастью, существует устойчивая тенденция в образованных кругах рассматривать всех бездомных в качестве жертв буржуазного общества, а не буржуазное общество в качестве жертвы бездомных». В этой сфере Маргарет была непреклонна. Так что тем, кто сменил ее на посту премьер-министра, пришлось делать попытки решить эту проблему.

В сфере образования реформы тоже были весьма умеренны. Ничего радикального, ничего революционного они не привнесли. В глубине души Маргарет, вероятно, всегда мечтала о школе по выбору, о такой, которую предлагал Кит Джозеф в лучшие минуты своих интеллектуальных упражнений. Речь шла о том, что требовалось создать «школьный чек» или «школьный ваучер», который родители могли бы истратить на обучение их ребенка в том учебном заведении, которое они выбрали. Конкуренция между школами должна была способствовать подъему общего уровня образования. Хотя идея казалась очень «соблазнительной», она наталкивалась на враждебное отношение министерства образования, сменявших друг друга министров, местных органов образования и большинства населения. К тому же прибегнуть к такой мере означало бы разрушить всё архитектурное сооружение, терпеливо строившееся на протяжении полувека. Маргарет не чувствовала, что у нее есть на это силы. Она даже не осмелилась тронуть так называемые «компрехенсив скулз», которые не без оснований обвиняла в том, что их существование привело к снижению общего уровня образования.

Итак, реформа оказалась реформочкой, даже если по ее поводу было много шума на скамьях патентованных педагогов и специалистов в области образования. Так что же было сделано на самом деле? Не очень много. Благодаря «Закону Бейкера» стало возможным, чтобы компрехенсив скулз вышли из-под опеки местных органов образования и перешли под опеку центральной власти. Менее ста школ из двадцати пяти тысяч сделали такой выбор. Местные органы образования Лондона были упразднены по той же причине, по которой был упразднен Совет Большого Лондона. Суть реформы заключалась в создании местного управления школами. Совет по управлению образовательными учреждениями, состоящий в равной мере из родителей и преподавателей, должен был обрести свободу распоряжаться имеющимися у него средствами. Другими словами, возникала возможность привлекать инвестиции со стороны, а также (и это был революционный шаг!) по заслугам увеличивать вознаграждение преподавателей. Стоит ли говорить, какие в школьных учительских забушевали страсти ввиду конкуренции. Профсоюзы пригрозили общей забастовкой учителей. Но

родители пришли в восторг от возможности контролировать размеры заработной платы тех, кто ответствен за образование их чад. Они были сыты по горло высокомерием «преподавательского корпуса». Состоялось несколько единичных демонстраций, и учителя были вынуждены сдаться, к большому удовольствию всех. В 1993 году более 75 процентов школ остановили свой выбор на системе установления заработной платы учителей в зависимости от их заслуг.

Другой важной мерой было принятие «Национального учебного плана», национальной программы, призванной унифицировать уровень знаний учеников в различных графствах. Прежде местные органы образования утверждали собственную учебную программу. Маргарет же желала, чтобы до шестнадцати лет все подданные Ее Величества получали единое базовое образование. Идея была превосходна, а вот ее воплощение в жизнь оказалось процессом сложным. Два министра, сменившие друг друга в министерстве образования, трудились над этой задачей, Кеннет Бейкер и Джон Макгрегор. Им в головы пришла плохая идея собрать несколько ученых светил в рабочую группу по разработке «Национального учебного плана». Эти влиятельные, уважаемые господа со знанием дела рассуждали о различных научных дисциплинах, полагая, что присутствуют на научном симпозиуме. Министрам не удавалось их удержать от долгих рассуждений. По мысли Маргарет, речь шла всего лишь о том, чтобы выработать основные направления в трех главных предметах: в английском языке, математике и естествознании, — в остальных же предметах мог быть предоставлен свободный выбор. По мнению членов комиссии, следовало регламентировать все предметы обучения. Чем дальше, тем больше Маргарет нервничала. Она хотела получить служебную записку, а не докторскую диссертацию. Кеннет Бейкер потерял на этом деле свой министерский портфель. Джон Макгрегор поступил ничуть не лучше, чем его предшественник. Он позволил заморочить себе голову пустой болтовней университетских ученых, самодовольных и мстительных. Однажды один «высокоблагородный дон» из Оксфорда даже обозвал его невежей, и он это «проглотил». Маргарет была в ярости. Она пишет в мемуарах: «Я никогда бы не поверила, что мы позволим университетской бюрократии создавать нам такие помехи». Она решила взять дело в свои руки. Поставить на место нескольких носителей профессорских тог, к тому же излишне высокомерных — это ей было приятно. Маргарет согласилась с тем, что история должна быть включена в «Национальный учебный план». Однако другие дисциплины, такие как изобразительные искусства или ручные работы, были из него исключены. Перед мнением Маргарет все в

основном склонились, однако же по поводу истории голоса всё повышались. Историки, являвшиеся членами комиссии, мечтали ввести в курс обучения в средней школе наследие «Школы анналов», изучение хода исторических событий, критический анализ текстов, историю экономических приливов и отливов, значение терминов и понятий структур и суперструктур... Разумеется, многие из этих понятий могли бы пробудить интерес у студентов университетов, но, конечно, не у желторотых юнцов, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Маргарет была изумлена подобным ослеплением. Она считала, что речь просто-напросто должна идти о хронологии и фактах. Кроме того, комиссия продемонстрировала возмутительную, маниакальную любовь ко всему «небританскому», а также ко всему тому, где британцы играли не слишком благовидную роль. Маргарет ни в коем случае не хотела, чтобы английская школа стала школой покаяния. По ее мнению, история должна быть той основой, что цементирует нацию, а не собранием критических суждений, которое ведет к ее распаду. В пламенном послании, обращенном к Джону Макгрегору, она призывала его «образумить свою банду ученых»: «Хоть я и не историк, я наивно полагаю, что имею достаточно ясное представление о том, что такое история — это история Великобритании, это важные события ее жизни, это ее хронология, ее великие люди <...>, все то, из-за чего следует гордиться тем, что ты — англичанин. Остальное же должно прийти позже, для специалистов». В конце концов, Маргарет выиграла в этой борьбе, и сегодняшний «Национальный учебный план» — во многом плод ее трудов.

В области здравоохранения правительство Маргарет приступило к серьезной реформе Государственной службы здравоохранения. Но надо «свернуть шею» той клевете, что ярмом висит на эпохе правления Маргарет Тэтчер. Говорят, что она сломала систему английского здравоохранения, проведя в ней приватизацию. Это абсолютно неточно. Уже в 1979 году система оказания бесплатных медицинских услуг, «Национальная служба помощи», функционировала очень плохо. Управление этой службой заставляло вспомнить о романах Кафки, ибо в самой системе действительно было нечто кафкианское. У человека был свой врач, и сменить его на другого было нельзя, он мог попасть только в одну «его» больницу, и это зависело от его места проживания; что более всего было неприятно, так это бесконечные очереди на обследования или операции. Система была столь чудовищно «скроена», что больницы иногда исчерпывали бюджетные средства, выделенные на год, всего за несколько месяцев, так что пациентам приходилось ждать начала следующего бюджетного года, чтобы получить помощь. А ведь это могло закончиться

смертельным исходом. Пресса изобиловала печальными историями пациентов, умерших, так и не дождавшись операции, а также об изуродованных, а то и прерванных жизнях людей, пострадавших от слишком быстрого вмешательства. В 1978 году о Государственной службе здравоохранения газета «Сан» писала: «Это скорее практика применения инвалидной коляски, чем практика лечения, приводящего к выздоровлению». В том же году Джим Каллаген создал Королевскую комиссию, на которую была возложена миссия внести предложения по улучшению системы здравоохранения. Так что Маргарет унаследовала очень сложную ситуацию, усугубленную бездействием Лейбористской партии.

Совершенно очевидно, что Маргарет очень хотела бы перейти к системе частного здравоохранения. В 1987 году она якобы сказала Вудро Уайету: «Каждая семья еженедельно платит Государственной службе здравоохранения 60 фунтов стерлингов. Если бы люди вносили эти деньги в частные страховые фонды, они бы получали гораздо лучшее медицинское обслуживание». Но Маргарет не шла далее благих пожеланий. Она знала, что англичане слишком привержены идее бесплатного здравоохранения для всех. Кстати, в годы ее правления расходы на социальные нужды и на здравоохранение составляли примерно треть расходов государственного бюджета. Если говорить о постоянных величинах, то за эти годы эти расходы увеличились на 40 процентов. Что касается частного сектора здравоохранения, то он расширился ненамного и охватывал уже не 11 процентов населения, а 19. Так что не следует обвинять Маргарет в том, что она вывела из строя систему, к тому времени уже сильно прогнившую и порочную.

Кеннет Кларк возложил на себя обязанности министра здравоохранения в июле 1988 года. Он объяснил, что хочет «превратить бюрократию, едва влачившую существование, в хорошо развивающийся бизнес <...>, но не в коммерческий бизнес, а в бизнес, предоставляющий услуги по лечению и уходу за больными». В 1989 году он опубликовал «Белую книгу», где предложил реформу в двух направлениях: введение бухгалтерской и финансовой автономии больниц и введение в практику воистину революционной меры для Англии, а именно, что пособия для медицинских учреждений следуют за пациентом. Другими словами, это означало, что пациент вновь обретал свободу выбрать себе врача, а врач обретал свободу выбора наиболее благоприятного медицинского учреждения для лечения его пациента. Естественно, проснулись корпоративные рефлексy. Руководство наименее конкурентоспособных

больниц осознало, что вскоре вынуждено будет закрыть свои учреждения, ведь лучшие больницы получают больше пациентов, а следовательно, и больше субвенций. В обюрокращенную медицину вторглась идея конкуренции и произвела там настоящий шок. Чиновникам от медицины более всего хотелось, чтобы всё оставалось неизменным. Опять встал вопрос о корпоративной защите, против которой Маргарет неустанно вела борьбу. Британская медицинская ассоциация^[205], главная профсоюзная организация медиков, опубликовала текст общенациональной петиции. В прессе одна за другой появлялись статьи, повествующие о самых печальных случаях в медицинской практике, а врачи на страницах таблоидов давали длинные интервью, заявляя, что завтра будет еще хуже... Но Маргарет держалась стойко. Вероятно, это будет самая большая ее победа в социальной сфере. В 1994 году 95 процентов больниц высказались за автономию. Что касается времени ожидания медицинского вмешательства в тех случаях, когда речь шла не о жизненно важных показаниях, то сроки эти снизились на 47 процентов после 1992 года^[206].

К несчастью для себя, Маргарет на этом не остановилась. Она превратила подушный налог во «флагман» своих социальных реформ, но, увы, он же стал и ее политическим надгробием.

Странный подушный налог и избирательный ажиотаж

Маргарет Тэтчер ненавидела административно-территориальные образования и местные органы управления. Она упразднила Совет Большого Лондона и еще несколько крупных сообществ городских агломераций. Но этого ей было недостаточно. Она хотела еще раз, причем в последний, вернуться к вопросу о способе финансирования их деятельности, и хотела этого по двум причинам: одна основана на вопросах нравственности и справедливости, а другая — чисто электоральная.

Причина нравственная была сама по себе достаточно верна. Если в среднем около 75 процентов расходов оплачивались казной, а 25 процентов — за счет местных налогов, база обложения которых зависела от застроенной площади и площади землевладений, то было чрезвычайно трудно оценить реальный вес местного налогообложения, ведь надо было бы произвести точнейшие подсчеты, в которых даже опытные налоговики запутывались, а рядовой гражданин был на них просто неспособен. Результат, естественно, был таков: тратившие на свои нужды более всего средств, территориально-административные единицы не стеснялись

«утяжелять» груз налогообложения своих налогоплательщиков. При такой системе из тридцати пяти миллионов английских избирателей 17 миллионов вообще не платили местных налогов^[207], а из восемнадцати миллионов, что их платили, около шести миллионов^[208] пользовались скидками, возможностями частичного возврата сумм или даже полного освобождения от налогов. Короче говоря, местные налоги крайне неравномерно взимались, а многие из тех, кто пользовался различными услугами, ничего за эти услуги не платили. Это была большая удача для демагогов всех мастей, и лейбористов, и консерваторов, которые могли за минимальную политическую цену предложить какую-нибудь благородную социальную акцию. В соответствии с логикой Маргарет Тэтчер, по которой каждый пенни государственных денег должен быть потрачен бережливо, следовало все расходы переложить на налогоплательщиков. Она пишет в мемуарах: «Эта финансовая безответственность объясняет то, что расходы были постоянно чрезмерными. Центральная власть могла сколь угодно твердо и решительно сокращать часть местных расходов, субсидируемую Казначейством, но результат был всегда один: не снижение расходов, а повышение ставок налогов». Идея Маргарет заключалась в следующем: ввести подушный налог под названием «районный налог» по единой ставке для каждого взрослого гражданина, проживающего в определенной административно-территориальной единице, и направлять эти средства на нужды местного сообщества; должны были быть предусмотрены налоговые выплаты (то есть скидки), которые никогда не должны были бы достигать 100 процентов, что привело бы к тому, что каждый гражданин все же вносил бы свою лепту и ему было бы что терять при выборах членов местного экономического совета. Принцип финансовой ответственности должен был главенствовать при проведении реформы. В том же духе должны были быть сведены к единой ставке в масштабах всей страны и профсоюзные взносы. «Таким образом, можно было бы проводить более точные и логичные сравнения деятельности различных местных советов». Отсюда понятно, какой выигрыш надеялась получить Маргарет в электоральном смысле. Так как партия лейбористов традиционно щедро тратила чужие деньги, то в электоральном смысле она неизбежно в скором времени будет наказана. По мысли Маргарет, это был прекрасный способ изгнать лейбористов из их последних бастионов, административно-территориальных единиц.

Но всё это была теория. На деле же, в случае реализации этой программы, проигравших оказалось бы больше, чем выигравших. Средняя

величина налогового бремени, подсчитанная Казначейством, продолжала увеличиваться. В 1988 году она должна была составлять 299 фунтов в год на человека, а в 1990-м, когда будет введен «районный налог», она достигнет уровня 365 фунтов стерлингов. Несмотря на предусмотренные случаи освобождения от налогов, количество граждан, подлежащих налогообложению, увеличивалось с девятнадцати миллионов до двадцати двух, в основном это были представители среднего класса. Кроме того, сначала предполагалось, что новая система налогообложения будет вводиться постепенно, но Маргарет склонилась к «шоковому варианту», то есть к полному переходу на новую систему с 1 апреля 1990 года. Так она надеялась доказать, что лейбористы «потеряли голову». Увы, на самом деле ее потеряла она, опьяненная успехом. Она не слушала предупреждений, доносившихся из сомкнутых рядов политических деятелей. Возвышали голоса и ее противники. Майкл Хезлтайн воскликнул со своего места в палате общин: «Ответственность за введение подушного налога^[209] будет возложена на то правительство, которое введет этот налог! Этот налог войдет в историю как налог тори». Он был чертовски прав! «Комитет 1922 года» тоже призывал Маргарет отказаться от введения этого налога. Безуспешно. «Все испытывающие чувства неудовлетворенности, это просто люди, которые не могут примириться с тем, что они простые, рядовые члены парламента, вот кто они такие», — сказала Маргарет по этому поводу Вудро Уайету. Она зашла слишком далеко. Она везде заявляла, что «районный налог» — это «флагман» ее реформы, и не слышала Криса Пэттена, которые ей предсказывал, что «флагман может увлечь на дно следом за собой весь флот». Она не обращала больше внимания на заднескамеечников, осаждавших ее канцелярию. Она больше не слушала никого. Она не обратила внимания на то, что одновременно подали в отставку советники-консерваторы из Оксфордшира, Йоркшира, Манчестера и Бристоля. Еще менее она прислушивалась к гласу улицы, гласу народа. 31 марта 1990 года огромная демонстрация из сотен тысяч человек прошла по Трафальгар-скверу, громя всё вокруг. Толпа переворачивала и поджигала машины, фа-била и разоряла магазины, разбирала леса реконструируемых зданий и использовала всё, что оказывалось под рукой, в качестве метательных снарядов. Было ранено более сорока полицейских. Никогда с 1926 года Лондон не видел таких сцен народного бунта. Маргарет казалось, что вновь для нее наступили героические времена, как в эпоху забастовки горняков. Но теперь вся страна была против нее. «Патриотизм уплаты налогов» одержал победу над простым патриотизмом. Средний класс теперь был не на стороне Маргарет.

Речи Маргарет в палате общин кажутся удивительно бессодержательными. Она могла сколь угодно долго порицать всех транжир и мотов: «Многие счета по уплате районных налогов, которые получают граждане, сегодня явно завышены. Я разделяю то чувство возмущения, которое они вызывают. Но давайте говорить четко и ясно: возмущение и скандал — это не метод сбора денег <...>. Всё дело в итоговой сумме, которую расходуют административно-территориальные единицы Привилегия проживания в лейбористском округе Уоррингтон стоит на 96 фунтов дороже, чем проживание в соседнем округе Траффорд <...>, но это еще не всё: ужасная „надбавка“ в 339 фунтов за проживание в „лейбористском“ Кэмдене просто поражает по сравнению с „ценой“ проживания в соседнем „консервативном“ округе Вестминстер». Ничего не помогало. Как бы там ни было, в палате общин зрел бунт. Закон о введении подушного налога прошел через палату общин при большинстве в 25 голосов, тогда как Маргарет надеялась, что большинство составит 101 голос. В палате лордов Маргарет «мобилизовала» наследственных лордов, согласившихся поехать по стране. Они сыграли роль «тяжелой артиллерии». И Маргарет выиграла эту битву, неожиданно получив 317 голосов «за» и только 187 «против». Она сочла, что эта победа — ее реванш. Увы, это был ее крестный путь. Во всех средствах массовой информации только и было разговоров, что об этом подушном налоге, за который голоса были получены благодаря привилегированным слоям и поддержке дряхлых старикашек-герцогов, ради такого случая по просьбе правительства нарядившихся в свои мантии с горностаевой отделкой. Газеты без устали приводили ужасные примеры: такой-то аристократ, владеющий 1500 гектарами земли, теперь будет платить всего лишь 300 фунтов стерлингов, тогда как раньше он платил 6 тысяч фунтов, а вот такая-то бедная старушка, изнуренная работой и преследуемая мыслью о необходимости экономии, будет платить 500 фунтов, просто потому, что она сумела купить свой коттедж. В королевстве Оливера Твиста журналисты упорно били в цель. В «Таймс» писали о «глупом налоге», в «Санди таймс» — о «несправедливом налоге». Маргарет Тэтчер была бессильна остановить этот поток обвинений. Она выступала в облике непримиримой, непреклонной, несправедливой леди, являющейся агентом партии привилегированных. Она могла говорить Вудро Уайету: «Все это скоро утихнет, успокоится, они вскоре поймут, в чем заключается разница между старыми добрыми консервативными округами и округами лейбористов», но она оттолкнула от себя сердце Англии, «набросив сеть на средний класс», по выражению Криса Пэттена. Маргарет открыла

интенсивный огонь по своим, по своему электорату.

Спонтанно началась забастовка налогоплательщиков, выразившаяся в отказе платить налоги. Более 50 процентов «районных налогов» в кассу не поступали. Джон Мейджор вынужден был срочно «разморозить», то есть разрешить использовать 3,2 миллиарда фунтов стерлингов, чтобы позволить административно-территориальным единицам функционировать. Это была полная противоположность того, чего добивалась Маргарет. Государственный бюджет должен был увеличить выплаты, предназначенные на покрытие расходов местных властей. В экономическом смысле это было фиаско, в политическом — катастрофа. Редко когда в истории госпожа Удача так ослепляла того, кого она так долго любила, как это произошло с Маргарет. И колокол все громче и громче звонил по ней.

«Крестный путь» для Маргарет был тем более тяжек, что правительство, казалось, действовало во всех направлениях, но настоящей слаженности не было. В первые сроки правления Маргарет законодательная деятельность правительства предопределялась ясными целями, в последний же срок предлагалось множество разнообразных законов, более или менее своевременных. Некоторые как бы принимались в ответ на уже принятые меры, такие, скажем, как приватизация «Бритиш стил» или энергетики, столь успешно осуществленная Сесилом Паркинсоном, сумевшим привнести настоящую конкуренцию между двумя компаниями, при этом нисколько не навредив эффективности работы всей сети. Окончательный запрет практики «закрытых предприятий» был призван действовать в том же направлении.

Правда, другие законодательные инициативы были, по меньшей мере, странны. Приходит на память та жестокая борьба, которая завязалась между Маргарет и Би-би-си, когда Мэгги не смогла оставить безнаказанными некоторые нанесенные ей обиды. В 1988 году Би-би-си отказалась передать полиции фильм об убийстве двух британских офицеров бойцами ИРА, и она послала представителей сил правопорядка провести обыск в студиях. Ей также не удалось воспрепятствовать демонстрации фильма под названием «Смерть на скале», в котором с мельчайшими подробностями показана ликвидация трех якобы ирландских террористов, осуществленная в Гибралтаре специальной военно-десантной службой Великобритании. Министерство внутренних дел утверждало, что ирландцы собирались открыть огонь, и именно поэтому их пришлось убить, хотя фильм явно доказывал прямо противоположное. Но Маргарет до этого не было дела. Она говорила в палате общин: «Можно быть либо на стороне террористов, либо на стороне справедливости и правосудия». Вот

Мэгги и оказалась загримированной под цензора!

Маргарет решила взять реванш. С того момента она делала всё возможное, чтобы увеличить число телевизионных каналов и открыть телевидение для конкуренции. Если ей и не удалось полностью устранить зависимость телевидения от уплаты «теленалога», если ей не удалось повсюду навязать коммерческую модель, она все же заставила принять Закон о радиовещании и телевидении, который предусматривал выставление на торги лицензий независимого телевидения по всей стране в 1991 году. Это был неопиcуемый хаос. Радиосеть в стране едва ли не была полностью дезорганизована. В сфере спутникового телевидения Маргарет яро поддерживала идею конкуренции. В ходе выступления перед «Ассошиэйтед Пресс» Маргарет заявила: «Я говорю „Добро пожаловать“ множеству каналов телевидения, ибо я верю в то, что свободное движение чувств и идей имеет гораздо больше гарантий при наличии большого количества разнообразных каналов, чем при наличии уставов и постановлений. Утверждение, будто поиски аудитории „тащат“ каналы вниз, совершенно необязательно всегда считать верным». Невозможно было более ошибаться, проявляя при этом столь большой апломб. За несколько лет британское телевидение станет самым пошлым, самым вульгарным телевидением Старого континента, со все увеличивающейся долей времени, отводившейся жалким «мыльным операм» и скандальным «реалити-шоу». Невольно британское телевидение опередило свое время, как и сама Маргарет. Вся Европа прошла по этому пути, когда главным на телевидении было не качество, а рейтинг у обывателя. Как бы там ни было, друг Маргарет Руперт Мердок сумел этим воспользоваться. Его уполномочили выкупить «Бритиш скай бродкастинг», соперника «Скай телевижн», не подчиняясь Совету по конкуренции, на том основании, что часть программ — иностранного происхождения... И вот Мэгги снова представлена в прессе в одеяниях nepотизма^[210]!

Во имя священной конкуренции Маргарет взялась за монополию барристеров^[211] в высоких судах. Она хотела, чтобы солиситоры^[212] могли вести тяжбы и защищать дела в судах. Под пудренными париками и мантиями забушевали страсти, пресса наводнилась статьями знаменитых юристов, задававшихся вопросом по поводу обоснованности этого законопроекта. Палата лордов, «верховный судья королевства», изумилась тому, что «Железную леди» охватила законодательная лихорадка, толкающая ее реформировать вековую систему юриспруденции и судопроизводства, функционирующую не так уж плохо. Злые языки

намекали на то, что Маргарет, вероятно, сохранила столь дурные воспоминания о переходе в суды низшей инстанции, что воспользовалась случаем помахать мечом мести. Но это маловероятно, вряд ли она была столь мелочной. Однако и в данном случае гора родила мышь. Чтобы приблизиться к барьеру, отделяющему судей от публики, солиситоры должны были выполнить столько условий, что это становилось почти невозможным. Две профессии остались, как и были, разными профессиями. В разговорах со специалистами Маргарет вынуждена была признать, что есть сферы, где конкуренция обречена на ограничения. Право было одной из таких сфер.

Наконец, Маргарет стала диктовать законы в той сфере, где особенно нельзя было задевать англичанина, в сфере футбола. Хулиганство болельщиков стало настоящей язвой британского общества. Во время соревнований за Кубок мира в Германии в 1988 году английские болельщики выказали редкую дикость, круша всё вокруг и обрушивая ярость на всех без разбора — зевак, болельщиков соперников, полицейских. В 1989 году в жуткой драке во время матча в Хиллсборо погибли 44 человека и несколько десятков получили ранения. Надо было действовать, это было очевидно. Но Мэгги не хотела ждать появления доклада комиссии, ведшей расследование, решив всё регламентировать сейчас же, не раздумывая, подчиняясь инстинкту. Она принудила принять закон, запрещающий доступ на стадион любому человеку, не вписанному в национальный список болельщиков. Это было слишком. Перед входами на стадионы выстраивались длинные очереди. Списки никогда не были в порядке. Между болельщиками, утомленными стоянием в очередях под дождем и разгоряченными пинтами пива, разгорались драки. Так что лекарство оказалось хуже болезни. У английского народа возникло чувство, что поборница свобод пошла в наступление на одно из его основных прав, более фундаментальных, чем любое из «прав человека», на право пойти с друзьями на футбольный матч.

Решительно, она зашла слишком далеко, причем одновременно по многим направлениям. Люди начали думать, что время «Железной леди» миновало. Страна нуждалась в отдыхе. Она устала от воинственных метафор. У страны возникло ощущение, что капитан сбился с курса. Как говорят моряки, если слишком долго плавать по счислению, то в конце концов налетишь на рифы...

От «политических Чернобылей» до смещения с поста

Эти рифы, а именно подушный налог и политика применения крайних средств, не могли не привести к ужасным последствиям. Оставалось только узнать, когда это произойдет. Майкл Доббс скажет в «Ивнинг стандарт» о «повторяющихся политических Чернобылях». И это действительно было так: произошла целая серия небольших политических взрывов, их эффекты наложились друг на друга, суммировались, что и привело к «низложению» Маргарет Тэтчер, и это «низложение» походило на трагический финал то ли шекспировской пьесы, то ли вагнеровской оперы. В этом падении было что-то, роднившее его с убийством Гамлета, что-то, напоминавшее о «Гибели богов», а скорее и о том, и о другом одновременно.

Однако в 1989 году политическая жизнь началась в атмосфере праздника. Несмотря на подушный налог и неприятности с Найджелом Лоусоном, уже отравлявшие атмосферу, тогда на Даунинг-стрит, 10, с большой радостью отметили круглую дату пребывания Маргарет в этом доме. 3 мая 1989 года исполнилось ровно десять лет, как она переступила его порог и стала премьер-министром, дольше всех сохранявшим свое кресло в XX веке, опередив лорда Асквита, занимавшего этот пост восемь лет и 250 дней. Ей оставалось побить два рекорда: рекорд лорда Солсбери, исполнявшего свои обязанности на протяжении тринадцати лет и девяти месяцев в XIX веке, и рекорд лорда Уолпола, бывшего премьер-министром на протяжении двадцати двух лет. Да, действительно, оставалось не так уж и далеко до Книги рекордов Гиннесса. Однако Маргарет настаивала на том, чтобы все торжества прошли скромно. Она опасалась, как бы люди не стали перешептываться, что десяти лет вполне достаточно и нужен другой глава правительства. 4 мая «Комитет 1922 года» устроил роскошную вечеринку в «Савое», рядом с Ковент-Гарденом. Под позолоченной лепниной этой бывшей роскошной кондитерской Викторианской эпохи Мэгги наслаждалась своим торжеством. Через несколько дней она устроила прием в поместье «Чекерс», куда были приглашены лишь самые близкие ей люди, в том числе Руперт Мердок и Джон Мейджор, который все больше и больше выступал в роли ее наследника. Но Маргарет настойчиво давала всем понять, что не собирается выпускать власть из своих рук и передавать ее кому-то. Несколькими днями позже в интервью «Независимому телевидению» она заявила: «Сейчас не время нам засыпать, потому что мы создали замечательную базу. Мы будем продолжать. На протяжении ближайших десяти лет будет очень интересно». Журналисту Джону Коулу, спросившему Маргарет, не настало ли для нее время вкушать счастья быть бабушкой, она ответила: «Я буду счастлива побыть няней, но время еще не пришло». Правда, за год до этого она доверительно сообщила «Таймс»:

«Настанет день, когда какой-то человек сможет делать многое лучше, чем я. Я всё время его ищу. Но я надеюсь, что сама еще буду у власти четвертый срок».

Маргарет заявляла об этом всё громче, поскольку чувствовала, как ее «смена» бьет копытами от нетерпения. Старые друзья, такие как лорд Каррингтон, несмотря на расхождение во взглядах, по-прежнему восхищавшиеся Маргарет, советовали ей уйти в отставку. «Чем раньше, тем лучше». Лорд Каррингтон не надеялся ни на что для себя самого, ведь он слишком стар. Но он полагал, что она возвысит себя, если сама сложит с себя атрибуты власти и могущества. Иметь возможность взять и все же не взять — это деяние, достойное короля, королевский жест. Но Маргарет слишком любила власть, чтобы поддаться призывам тех, кто внушал ей мысль о величественном прощании, когда она сама скажет: «Прощайте». Она предпочитала судорожно цепляться за власть, несмотря на повторявшиеся кризисы.

В кулуарах Вестминстера депутаты всё больше недоумевали. Во время голосования по поводу введения подушного налога один из них якобы спросил Вудро Уайета: «Не сошла ли Маргарет с ума?» Другой выразился так: «Она что, не в себе?» Кроме того, независимо от допускавшихся политических ошибок или одержанных побед на лице Маргарет начали проявляться следы усталости, несмотря на все женские уловки, искусство макияжа и чудеса, творимые парикмахерами. Сэр Питер Моррисон, ее последний парламентский секретарь, признавался, что она часто бывала изнурена и ему приходилось тратить много времени на то, чтобы вычеркнуть из ее еженедельника «ненужные встречи» и «по максимуму защитить ее». В свои 65 лет, чтобы восстановить силы, Маргарет все больше призывала на помощь медицину, прибегала к витаминам и даже к легким электрическим разрядам. Ей требовалось все больше и больше энергии, чтобы нести чрезвычайно тяжкий груз ответственности. Однако она не хотела видеть, как на горизонте собираются тучи, не хотела замечать признаков, предвещавших ее скорое падение.

В 1989 году Консервативная партия впервые с 1979-го дважды подряд потерпела поражение на выборах: в мае на так называемых европейских выборах и чуть позже — на местных, где лейбористы получили 40 процентов голосов против 32 процентов, отданных за тори. Подушный налог сыграл здесь большую роль. Но это дурное предзнаменование Маргарет отмела одним движением руки. Она уже привыкла к тому, что посередине очередного срока правления опросы общественного мнения давали плохие результаты. Правда, имелся один нюанс: на сей раз это были

не результаты опросов, а итоги реального голосования.

Именно по этой причине в октябре 1989 года, впервые с 1975-го, появился кандидат на пост лидера партии, выставивший свою кандидатуру против кандидатуры Маргарет. Никогда еще процедура, выработанная Алеком Дуглас-Хьюмом, не была «запущена» против действующего премьер-министра. Это был раскат грома, преступление, оскорбление величества! Соперник Маргарет не внушал никаких опасений. Звали его Энтони Мейер. Он был превосходным образчиком «консерватора старой школы»: баронет, землевладелец, бывший дипломат, убежденный последователь идей Дизраэли, короче говоря, полная противоположность тем силам движения и развития, что привели Маргарет к власти. Маргарет едва-едва занималась избирательной кампанией. Результаты оказались «на уровне» ее надежд: 314 голосов за нее и 33 за Энтони Мейера. Она находила, что этот успех придал ей новые силы, но не сумела оценить всю важность и глубину нанесенного ей как главе государства оскорбления. Ее ведь лишили священного ореола, ее культ уничтожили. Она уже не была неоспоримым лидером, перед которым каждый был готов склонить голову. Мейер был пробным ударом, но при появлении более достойного кандидата удар мог стать мастерским. Иэн Гоу высказал опасения, что в 1990 году Маргарет могут ожидать большие неприятности. Кеннет Бейкер писал о выборах, что «это плохо как для единства партии, так и для нее самой». Ник Ридли констатировал с тревогой, что «этот результат заставил ее поверить в то, что она еще располагает большой поддержкой в парламенте». Но на деле всё было иначе, просто «плод» еще не созрел.

В самом правительстве в темноте уже заблистали острые клинки, хотя о заговоре еще говорить не стоило. Коллегиальность теперь была просто пустым звуком, так что каждый министр вел свою игру, разыгрывая собственную карту. Самые значимые фигуры среди них, Джон Мейджор и Дуглас Херд, еженедельно встречались в «Карлтон-Гарденз», резиденции министра иностранных дел, чтобы попытаться найти способ как-то сломить бескомпромиссность Маргарет в вопросах отношений с Европой. «Мы оба полагали, — пишет Джон Мейджор в мемуарах, — что с премьер-министром надо теперь обходиться очень осторожно и бережно». Когда подчиненные заключают союз, чтобы как-то обмануть или провести шефа, это никогда не бывает добрым предзнаменованием.

В октябре 1990 года Маргарет одержала свою последнюю триумфальную победу на съезде Консервативной партии в Борнмуте. Рядовые консерваторы встретили ее с воодушевлением. Работяги из окружных избирательных комиссий, помощники и помощницы политиков,

расклейщики плакатов, женщины, клеившие конверты, и разносчики листовок устроили ей продолжительную овацию. Обстановка вообще была «перегретой». Все думали, что выборы обязательно состоятся либо в 1991 году, либо, самое позднее, в 1992-м. И всем было известно, что борьба предстоит нешуточная, что дело может дойти до рукопашной. Запах пороха «вдохнул жизнь в старое войско». Одному журналисту, спросившему у Маргарет, когда она уйдет в отставку, она ответила: «Я об этом даже не думаю». Поднявшись на трибуну, она воспламенила зал зажигательной речью: «Этот год, год 1990-й — лучший из всех, ибо тирания рухнула и свобода восторжествовала в Европе!» Маргарет никогда не бывала такой доброй и довольной, как в те минуты, когда слышался грохот сапог. Саддам Хусейн только что захватил Кувейт. Британские войска погрузились на корабли и направились в Персидский залив. Так что теперь она могла, не рискуя сфальшивить, вновь заговорить с интонациями Черчилля, которые ей так подходили: «Диктаторов можно утратить, их нельзя умиротворить». Во имя национального суверенитета она с яростью обрушилась на идею введения единой европейской валюты, которая «поставит Великобританию под строгий надзор Делора». Она даже могла позволить себе сказать несколько добрых слов о Нейле Кинноке, «премьер-министре в ожидании поста», который навел ее на мысль о людях, стоящих в очереди за жалованьем. Зал так и покатылся со смеху. Когда Маргарет закончила речь, началась овация стоя. Ронни Миллер вспоминает, что «пол ходил ходуном, трибуна сотрясалась». В течение более получаса воодушевленные, восторженные делегаты съезда размахивали табличками, на которых можно было прочесть: «Еще десять лет». Это был апофеоз славы, Маргарет была вполне удовлетворена. Ей даже в голову не могло прийти, что всего лишь месяц спустя она уже не будет премьер-министром. Она думала, что для нее это — новый старт. На самом же деле это была лебединая песня.

Началом «обратного отсчета» стала отставка Джеффри Хау 31 октября. Вскоре собак должны были спустить и на Маргарет, и они уже не выпустят ее из поля зрения вплоть до сигнала к расправе, данного 22 ноября. Решение уйти в отставку, принятое последним из тех, кто входил в состав правительства 1979 года и оставался членом правительства Маргарет, основывалось на сложной совокупности многих причин, глубинных и формальных. Джеффри Хау так и не смог простить обиду, испытанную им в 1989 году, когда Маргарет так грубо освободила его от должности министра иностранных дел. Он ведь преданно служил ей, не совершая недостойных поступков, он ни в чем не провинился. Она же без всяких

церемоний отправила его возглавлять ведомство по поддержанию связей с палатой общин. Повышением по службе это назвать было невозможно. Кроме того, она все чаще и чаще адресовала ему грубые окрики, в особенности по поводу отношений с Европой. Да, между ними возникали разногласия, но между отсутствием согласия и тем, чтобы называть его на заседании кабинета министров «идиотом, находящимся на жалованье у иностранцев», — огромная разница. Вудро Уайет, убежденный сторонник Маргарет, пишет в дневнике: «Я не знаю, что меня шокировало больше: те личные оскорбления, которыми она его осыпала, или та покорность, с которой он их воспринимал». Но, не в обиду будет сказано Маргарет Тэтчер, Джеффри Хау был джентльменом. Он не хотел устраивать скандалы, не хотел лишней шумихи. Он помнил те битвы, в которых они вместе одерживали победы, когда он был канцлером Казначейства. Он согласился принять наказание. Но для Маргарет этого было недостаточно. Она пишет в мемуарах: «Пропасть между мной и Джеффри объяснялась в большей степени личной неприязнью, чем политическими разногласиями <...>. Он никогда не проявлял особо пылкого интереса к своим функциям министра, которому поручено поддерживать связь с палатой общин. Он после этого назначения стал „силой обструкции“ в кабинете и источником раскола в стране». Возможно, так оно и было, возможно. Во всяком случае, Маргарет, как никогда много возомнившая о себе, буквально испытывала удовольствие, публично унижая его. В ходе интервью на телевидении 28 октября Джеффри Хау заявил, что Великобритания в принципе не против единой европейской валюты. Это было мнение Джеффри, но не мнение Маргарет, которая как раз в тот момент боролась на саммите в Риме за то, чтобы ее опасения насчет единой валюты были признаны обоснованными. Маргарет была в ярости. Когда на заседании правительства ей стали задавать по сему поводу вопросы, она отпустила довольно язвительную шутку, прозвучавшую как пощечина: «Джеффри Хау — слишком крупная, значительная персона, чтобы нуждаться в подсказках такого карлика, как Нейл Киннок». Она продолжала настаивать на своем: «Это правительство доверяет фунту стерлингов, верит в него. Я отвергаю концепцию федералистской Европы, которую так яростно защищает Жак Делор, ибо в этой Европе Европарламент станет палатой депутатов от стран Сообщества, Еврокомиссия — исполнительным органом, а Совет министров — сенатом. Всему этому я трижды говорю „нет“». Вот это была публично данная пощечина! В более неофициальной обстановке, на собрании членов кабинета в среду, она с невероятной горячностью и резкостью нападет на Джеффри по поводу задержек в разработке

некоторых законопроектов. Это действительно было уже слишком. Чаша переполнилась. Джеффри хранил молчание. Он решил уйти.

В 17 часов 50 минут Джеффри Хау был в кабинете Маргарет на Даунинг-стрит, 10, чтобы вручить ей свое прошение об отставке. В прошении было менее тысячи слов, и его главная идея заключалась в следующем: «Мы должны остаться внутри Европы». Новость тотчас же была предана огласке. Джеффри воспользовался этим, чтобы объявить, что в следующий вторник он объяснит в палате общин причину своего ухода. «Таймс» вышла под шапкой «Она их всех уничтожила». Было ясно, что корабль дал течь. В кулуарах Уайтхолла каждый задавался вопросом: не поднимется ли с одной из скамеек Вестминстера некий «цареубийца»? Одно имя повторялось повсюду: Майкл Хезлтайн. Он в свое время не смог вытерпеть, чтобы с ним обращались как с тряпичной куклой-марионеткой в «Деле Уэстланда». У него был достаточно серьезный опыт работы, и он относился к тем «плотоядным», которых запах власти возбуждает, как хищников — вид крови. Однако Хезлтайн колебался. Он напишет в книге «Жизнь в джунглях»: «В моем ружье был всего один патрон». Метафора просто великолепна! Понятно, что он собирался вступить в бой только при полной уверенности в том, что попадет в цель.

Маргарет была в курсе того, какие слухи ходили в палате общин. Ей бросили перчатку. Она ее подняла. Но она хотела опередить предателей и потому решила ускорить ход событий. Вместе со своим парламентским секретарем и Кранли Уанслоу, председателем «Комитета 1922 года», она назначила выборы на 20 ноября и определила крайнюю дату выдвижения кандидатур: 15 ноября. Маргарет надеялась, что у Майкла Хезлтайна не хватит времени на ведение избирательной кампании и он откажется от выдвижения своей кандидатуры, не будучи уверенным в победе. Сама же она 20 ноября должна была быть в Париже, на саммите глав правительств. Она настолько верила в свою звезду, что у нее даже притупилась обычная склонность к суевериям.

Двенадцатого ноября Маргарет присутствовала на банкете лорд-мэра в Гилд-холле, то есть в ратуше в Лондоне, и выглядела великолепно. В тот момент, когда ей уже грозила опасность, когда ее упрекали в высокомерии, когда нужно было бы склонить голову и смотреть себе под ноги, она повела себя вызывающе. Одета в черное бархатное платье, с тройной ниткой жемчуга, оттеняющей цвет лица, она выглядела дамой, очень похожей на ту, что запечатлена на портрете Елизаветы Великой. Она хотела выглядеть как королева. В любом случае она казалась воинственной, как и произнесенная ею речь: «Я все еще в строю, хотя в последнее время в меня

то и дело пускали пули, вернее, нет, мне подавали мячи, но подачи эти скорее были враждебны. Но будьте уверены, в игре не будет ни пропущенных мячей, ни излишней осторожности, ни попыток умышленно затягивать игру. И ни один уголок площадки не будет защищен от ударов».

Маргарет вряд ли предвидела эффект, который произвела речь Джеффри Хау в палате общин 13 ноября. Вообще-то он был довольно плохим оратором, говорил скучно, нудно, путано, бессвязно; он был слишком хорошо воспитан, чтобы решиться на резкую тираду, из тех, которые увлекают толпы людей. Но тут Маргарет его недооценила. Перед перевозбужденным залом палаты общин, битком набитым заднескамеечниками и журналистами, Джеффри, как пишет Маргарет, «произнес самую удачную за всю его карьеру речь <...>. Он достиг своей настоящей цели, которая состояла в том, чтобы причинить мне вред. Это была речь знатока, эксперта, речь холодная, взвешенная, иногда слегка поверхностная, и очень ядовитая. Накопившиеся обиды придавали его словам силу, которой они никогда не обладали». С опасной ловкостью он перевернул метафору об игре в крикет, употребленную Маргарет в речи на банкете в ратуше. Упрекая Тэтчер в том, что ее вмешательства в дела были часто несвоевременны и неуместны, он сказал: «Это примерно то же самое, как если бы вы направили своих игроков на линию и, когда первые мячи уже были брошены, они бы обнаружили, что их клюшки сломаны капитаном команды». Весьма коварно он закончил свою речь, распахнув настежь дверь Майклу Хезлтайну: «Пришло время другим людям взять на себя ответственность перед лицом этого трагического конфликта верности, с которым я столкнулся очень давно». Дальнобойность этих убийственных слов была усилена тем, что они тут же были переданы по телевидению. За 18 минут эта речь вырыла могилу Маргарет. Она сама признается, что «хотя и была невозмутима с виду, но на самом деле была потрясена». Понимая, что ее ждет схватка, она еще не осознавала, насколько жестокая. Для Хезлтайна же эта речь стала знаком судьбы, приглашением «выйти на линию». 14 ноября он объявил о выдвижении своей кандидатуры.

Майкл Хезлтайн объяснил, что на этот шаг его толкнули три причины: поддержка той точки зрения на отношения с Европой, которую защищал Джеффри Хау; результат опросов, показывающий, что он является единственным, кто сможет победить на ближайших выборах, а также желание пересмотреть вопрос о губительном подушном налоге. Этого было вполне достаточно, чтобы «соблазнить» многочисленных заднескамеечников. Вплоть до голосования Хезлтайн не покинет кулуаров парламента и чайной, где будет очаровывать депутатов своей вкрадчивой,

хитровой улыбкой и отрывать голос за голосом от кучки тех, кто еще не решался перейти Рубикон.

У Маргарет всё было непросто. Ее избирательная кампания никак не могла начаться. Сама она не хотела ее вести, считая, что это будет признаком слабости. Кроме того, она не верила в то, что может проиграть, как не верил в это Тэд Хит в 1975 году, с той лишь разницей, что у нее за плечами были три победы, а у него — поражения. Она доверила заботу об организации избирательной кампании Джорджу Янгеру, но он был слишком занят обязанностями президента «Банка Шотландии» и свои полномочия часто передавал другим. К тому же реального плана ведения кампании не существовало. В конце концов всё легло на плечи Питера Моррисона, парламентского секретаря Мэгги. Это был очаровательный и блестящий человек, но ленивый и легковверный. Ему не хватало политического веса и влияния, особенно для предстоящей кампании. А для такой кампании нужен был либо Айри Нив, либо Иэн Гоу. Но их уже не было в живых, оба были убиты^[213]. Питер же довольствовался красивыми речами и расплывчатыми заверениями. К его действиям вполне применим анекдот об избрании членов Французской академии: «Я ведь дал вам слово, так почему же вы еще хотите и мой голос?» Когда какой-нибудь депутат говорил Питеру, что будет голосовать за Маргарет, он считал, что голос уже получен. Но разве ренегаты заранее хвастаются своим предательством? Короче говоря, на бумаге он добился прекрасных результатов, даже не подумав о том, чтобы ввести систему двойной проверки, которую ввела в 1975 году Маргарет. Тогда каждому депутату наносили визит еще как минимум два депутата, чтобы удостовериться в надежности его обещаний. Нет, Питер всё «проглатывал» с невероятной наивностью и без колебаний уверял «Железную леди» в том, что она одержит победу, получив 240 голосов против 110.

Правда, Маргарет ему совершенно не помогала. Она не брала на себя труд призвать на свою сторону колеблющихся депутатов. Стивен Норрис, малоизвестный заднескамеечник, вспоминает: «Она утратила контакт с нами и со страной <...>. Выказывая свое равнодушие и некомпетентность, она показала, что заслуживает поражения». В прессе Маргарет допускала одну ошибку за другой. Она сообщила, что собирается провести референдум по поводу единой европейской денежной единицы. Парламентарии восприняли это как пощечину, ведь это было прямое обращение к народу в обход представителей этого народа. Ну и, наконец, завершающий штрих, как говорится, вишенка на пирог: Маргарет покинула Лондон накануне голосования и отправилась на парижский саммит. Она

полагала, что этот поступок подчеркивает ее вес как политического деятеля, однако же он был воспринят как выражение презрения.

В Париже день 20 ноября был посвящен двусторонним встречам и пышным празднествам, устроенным Миттераном. Маргарет завтракала с Джорджем Бушем, обедала в Енисейском дворце, затем произнесла речь, в которой призналась, что была скептически настроена по отношению к Хельсинкским соглашениям, но добавила, что соглашения по разоружению и освобождение стран Востока, по поводу которых на этом саммите будет составлен официальный акт признания, доказывают, что мир изменился и он на правильном пути.

Затем Маргарет отправилась в посольство Англии на улице Фобур Сент-Оноре. Вечером в Версале должен был состояться торжественный прием. В ее комнате все хлопотали и суетились, прибывший парикмахер поправил ей прическу, растрепанную ноябрьским ветром. Затем Маргарет перешла в кабинет, предоставленный в ее распоряжение. Возле нее были Бернард Ингем, Чарлз Пауэлл, Питер Моррисон, посол сэр Ивен Фергюссон и незаменимая Крофи. Все ждали известий, шутили, стараясь выглядеть веселыми, но напряжение все же ощущалось. Внезапно Питер заволновался, что уже не так уверен «в своих цифрах», как прежде. В 18 часов зазвонил телефон. Питер снял трубку. Все ждали, что он скажет. Он опустил вниз большой палец. Всё потеряно. Маргарет получила 204 голоса, Майкл Хезлтайн — 152. Чтобы победить его в первом туре, ей надо было получить преимущество более чем в 15 процентов, то есть не менее 206 голосов. Ей не хватило всего двух голосов, двух жалких голосов. Маргарет оплошно споткнулась. Поток истории вырывался из старого русла.

Маргарет решила бороться. На ступеньках резиденции английского посла она произнесла воинственную речь: «Добрый вечер, господа! Я конечно же удовлетворена тем, что получила более половины голосов консерваторов, и конечно же разочарована тем, что этого недостаточно для победы в первом туре. Я подтверждаю, что намерена выдвинуть свою кандидатуру во второй тур».

Маргарет в тот же вечер достигла невиданной силы человеческого духа. Когда она прибыла в Версаль, все взоры были устремлены на нее. В том рву со львами, что собой представляет власть, каждый подстерегает момент, когда соперник совершит ошибку, каждый ждет, когда он споткнется. Но Мэгги и глазом не моргнула. Она превосходно владела собой и была столь же щедра на улыбки, как и в моменты триумфа. Президент Миттеран превзошел самого себя, выказывая воистину рыцарскую любезность. Вопреки протоколу он, как пишет Маргарет,

«вошел в зал вместе со мной, словно я только что выиграла выборы, а не наполовину их проиграла». В то время как на сцене оперного театра в Версале мелькали балетные пачки и пуанты, она вновь и вновь производила в уме подсчеты и задавалась вопросом: «Как это могло случиться?» Во время торжественного обеда в зеркальной галерее она была очаровательна. Понимая, что это, возможно, ее последний международный саммит, Маргарет хотела блистать как никогда. При прощании Джордж и Барбара Буш заключили ее в объятия, а Гельмут Коль, с которым она довольно жестко спорила по поводу Европы, подарил ей букет роз, с коим она и отбыла в посольство. Жест, достойный короля, и поведение, достойное королевы...

Если в Париже Маргарет еще питала надежды, то в Лондоне они быстро развеялись и она сменила тон. Деннис тут же всё понял. Утешая ее, он сказал: «Брось всё! Отойди в сторону!» Но Маргарет хотела сражаться, хотя позже признается: «Министры, члены правительства были моей слабой стороной, уязвимой точкой». Это, конечно, было правдой. Она совершила роковую ошибку, не собрав их всех вместе, ведь тогда вряд ли кто-либо из них осмелился бы «поднять на нее матереубийственное оружие». Но она принимала их по одному в своем кабинете в палате общин, усаживала на диван прямо против себя. Это было дефиле Тартюфов, бал-маскарад ведьм, переодетых в милых коломбин. Все уверяли ее в своей преданности, но добавляли, что не верят в ее победу и что лучше ей самой подать в отставку, нежели потерпеть унижительное поражение. Каждый выжимал из себя слезу сожаления, но при этом думал о своем месте в будущем правительстве. Она всё понимала. Слова, которые они говорили, повторялись, ведь они обо всем договаривались до того, как входили в ее кабинет. Кроме Сесила Паркинсона, Кеннета Кларка и Ника Ридли все остальные советовали ей выйти из борьбы. Даже Джон Мейджор начал «выворачивать свой пиджак наизнанку», то есть явно собрался переметнуться в другой лагерь. Он слышал зов судьбы. Это был его шанс, и он не хотел его упустить. Он не явился в Вестминстер по той причине, что ему якобы удаляли зуб мудрости, и сообщил свое мнение по телефону. Маргарет описывает этот диалог: «Когда я попросила его официально поддержать мою кандидатуру, воцарилось молчание. Он явно колебался, это чувствовалось <...>, в конце концов он сказал „да“, если таково мое желание. Но ведь мы оба были не дураки».

После таких разговоров у Маргарет больше не было иллюзий. Она знала, что кабинет вполне способен всё перевернуть и склонить большинство в пользу Хезлтайна, просто для того, чтобы наказать ее за

проявленное упрямство. Но она хотела любой ценой преградить путь этому человеку, у которого, по ее мнению, каленым железом было выжжено двойное клеймо: предательства и этатизма.

Двадцать второго ноября Маргарет объявила о своей грядущей отставке. Она заставила, именно заставила Джона Мейджора и Дугласа Херда выставить свои кандидатуры, но официально поддерживала избирательную кампанию Мейджора. Председательствуя на последнем заседании своего кабинета, Маргарет с трудом выдерживала ужасающую, невероятно гнетущую атмосферу. Обычно министры разговаривали, обменивались шуточками, прежде чем войти в зал заседаний, а теперь они хранили молчание, выстроившись в ряд, как школьники, которых застигли на месте преступления и сейчас накажут за шалость. Маргарет переводила взгляд с одного на другого и видела в них многочисленных Яго, которых поймала на столь неблагоприятных поступках, как обман и коварство. Она произнесла очень короткую речь: «Проведя обширные консультации с моими коллегами, я пришла к выводу, что единство партии <...> будет обеспечено гораздо лучше, если я уйду в отставку, чтобы позволить другим членам кабинета выставить свои кандидатуры на пост руководителя страны». Председатель палаты лордов зачитал текст документа, в котором признавались заслуги Маргарет и воздавались ей почести. Этот текст впоследствии будет занесен в регистрационную книгу правительства. Такой чести государственные деятели удостоивались редко, последним был Черчилль. Заседание правительства было объявлено закрытым. Миссия завершена...

Но не совсем... Оставалось еще пережить «отпущение грехов», то есть последнее заседание в палате общин, где Маргарет предстояло отвечать на вопросы. При отсутствии «наследника» Маргарет пока оставалась премьер-министром. Как она пишет в мемуарах: «Я рассматривала каждую фразу в качестве моего завещания, представленного на суд истории». Зал был заполнен до отказа, депутаты «сомкнули свои ряды». Они не хотели пропустить сей «памятный» момент. Все депутаты от Консервативной партии встали при ее появлении в едином порыве и принялись размахивать листочками с повесткой дня, как белыми носовыми платками, словно прощаясь с ней. Какому-то депутату-лейбористу пришла в голову дурная мысль задать ей вопрос, почему она была изгнана из своей партии, если дела в стране обстоят так хорошо. Она вскочила с места и в нескольких словах изложила свое завещание для истории: «Мы уже бывали в самом низу результатов опросов, когда нам приходилось принимать трудные решения. Сущность хорошего правительства состоит в готовности

принимать трудные решения для того, чтобы достичь долгосрочного процветания. Это мы и сделали». Она добавила: «Десять лет назад Восточная Европа жила под гнетом тоталитаризма и ее народы не знали ни прав, ни свобод <...>, и произошедшие изменения — не плоды игры случая. Они — результат проявленной смелости, решимости и упрямого сопротивления, не позволившего нас утратить <...>. Каждый чувствует, о чем идет речь... ведь речь идет о судьбе страны: многовековая история и опыт свидетельствуют о том, что всякий раз, когда возникает необходимость защищать принципы, всякий раз, когда возникает необходимость одолеть зло и обеспечить победу добра, Великобритания берется за оружие. И поскольку мы в нашем лагере никогда не колебались перед принятием трудных решений, это собрание народных представителей и вся страна могут нам доверять». Для своей прощальной речи в качестве премьер-министра Маргарет выбрала риторику «Железной леди». Когда она села, депутаты-консерваторы устроили ей длительную овацию. Многие из них, несомненно, задавались вопросом: «Что мы наделали?» — и, возможно, им не раз являлся в воображении призрак Банко из «Макбета» Шекспира.

Близкие к Маргарет люди сожалели о ее грубом смещении с поста. Ник Ридли говорил о «средневековой дикости», Норман Теббит — о «ловушке в мутной воде». Но если Маргарет и стала жертвой других политиков, то следует признать, что прежде всего она стала жертвой себя самой, своей самонадеянности, своего высокомерия, своего чувства непобедимости. Да, власть сводит с ума. Маргарет являет собой доказательство справедливости этого утверждения. Получи она на два голоса больше, она бы осталась у власти еще на год. Для победы ей хватило бы чуть лучше организованной избирательной кампании. Уходя в отставку, она, правда, могла утешиться тем, что ее сменил Джон Мейджор, выигравший выборы, так как он получил 185 голосов против 131 голоса, поданного за Майкла Хезлтайна.

Маргарет в последний раз посетила поместье «Чекерс». Крофи и обслуживающий персонал загрузили семейный «рейндж-ровер» четы Тэтчер их личными вещами. Деннис с Маргарет отстояли обедню в местной церкви. «Затем, при сумеречном свете зимнего дня, клонившегося к вечеру, — пишет Мэгги, — я увлекла за собой Денниса, чтобы в последний раз обойти вокруг дома, а потом и сам дом».

Двадцать восьмое ноября — последний день пребывания Маргарет на посту премьер-министра. Стоя на крыльце дома 10 по Даунинг-стрит, она щедро одаривала Джона Мейджора пожеланиями: «Этот миг — начало

новой главы, и я желаю Джону Мейджору всяческих успехов. Если ему будут оказывать содействие, он, имея к тому все данные, может стать превосходным премьер-министром. И он станет таковым, я уверена».

Находящаяся рядом с Мэгги Крофи стерла с ее щеки подтек от туши для ресниц; Маргарет пишет, что «это был след от слезы, которую я не смогла сдержать».

В ожидании суда Господа

Не случайно падение Маргарет произошло в ноябре. Это был знак. Всё, что последовало за ним, было бесконечной осенью, прорезанной несколькими молниями. Это было постепенное погружение в темноту, не забвения, нет, в темную ночь возраста и связанных с ним мук.

Вся жизнь Маргарет была лишь полем битвы, площадкой для дуэлянта-забияки, где она старалась нанести лучший удар. Она не знала ничего, кроме работы, усилий, сражений, бессонных ночей и дней без отдыха. Теперь ей не осталось ничего, кроме воспоминаний об одержанных победах и горечи от поражения, нанесенного ей членами ее же партии. Она была в отчаянии и, кстати, признаётся в этом без обиняков в мемуарах: «Я впала в уныние, у меня был упадок духа. Я бы без труда смогла противостоять оппозиции моих потенциальных противников и соперников, я бы их даже уважала за это. Но я была ужасно огорчена отступничеством, предательством тех, кого я всегда считала друзьями и союзниками, я также была удручена тем притворством, которое они проявили, выдавая свое предательство за дружеский совет и за заботу о моей дальнейшей судьбе». Политика — жестокий вид спорта. Отведав лавры этого спорта, теперь она должна была испытать на себе его неумолимый приговор.

Сначала Маргарет питала надежды на то, что сможет еще дергать за какие-то ниточки. Она думала, что Джон Мейджор станет ее верным учеником, будет держать ее в курсе событий и следовать ее советам. Но очень скоро она разочаровалась. Мейджор хотел проводить свою собственную политику, не обращаясь за советами к статуе командора, которая бродит по коридорам Вестминстера. В отношениях с Европой он стал проводить политику Джеффри Хау и Дугласа Херда. Ему оставалось лишь помнить о предупреждениях, которые порой делает преходящая слава, уносимая ветром времени.

Маргарет обосновалась вместе с Деннисом в доме, который они купили в 1986 году в Далвише «на потом», хотя она надеялась, что это

«потом» никогда не наступит. Она тотчас же принялась за работу. Мечтая создать благотворительный фонд, столь же влиятельный, как Фонд Конрада Аденауэра в Германии или «Хэритидж фаундейшн» в США, она создала Фонд Тэтчер и объявила о подписке заявок на приобретение акций фонда, что позволило ей очень быстро собрать около пяти миллионов фунтов капиталовложений. С 1991 года фонд расположился на Чизхэм-плейс, в самом сердце Лондона. Маргарет осыпали почестями. Ей было даровано звание «Почетный гражданин Вестминстера», коего до нее удостоился только Черчилль. В 1992 году она стала членом палаты лордов.

Маргарет выступала с речами перед публикой, но эти речи со временем находили все меньше слушателей, так как она уже начала надоедать своими филиппиками, направленными против Евросоюза и его бюрократов. Публикация ее мемуаров в 1993 и 1995 годах стала значительным успехом, только в Соединенном Королевстве было продано более 1,5 миллиона экземпляров, причем многие покупатели вносили солидный задаток, заказывая книгу заранее, что в результате принесло более 3,5 миллиона фунтов.

Но это был всего лишь успех в сфере книжной торговли, это уже не было политическим событием. Бандерильи, которые она втыкала в политику Джона Мейджора, подвергались яростной критике. Ее сравнивали с Тэдом Хитом, предпочитавшим мусолить, жевать и пережевывать свои обиды, а не служить делу партии. Ее противопоставляли Алеку Дуглас-Хьюму, который согласился верно служить своему преемнику в министерстве иностранных дел. После большой речи, произнесенной в Гааге в 1992 году, она приложила много усилий, чтобы собрать вокруг себя сторонников идеи суверенитета Старого континента, но без особого успеха. Ее речи звучали теперь, как ни странно, фальшиво. Они были из другого времени. Когда она заявила: «Половина Европы испытала на себе гнет советской тирании, вторая половина сейчас склоняется под гнетом тирании Брюсселя», — никто не воспринял ее слова всерьез. Настало время Маастрихтского договора и флага, усеянного дюжиной звезд. Маргарет явно уже не понимала смысла происходящих событий. Она критиковала всё: политику по отношению к Ираку, пассивность, проявляемую в Югославии, отказ от военного вмешательства после бойни в Сребренице. Она была не так уж неправа. Но она впадала в ярость, как лев в клетке, оттого что не могла больше действовать и не имела ни на что влияния. Она продолжала совершать поездки по всему миру, проводила многочисленные конференции, участие в которых часто неплохо оплачивалось. Повсюду ее встречали с почестями. Университеты

присваивали ей звания почетного доктора. Она несла по всему миру идеи либерализма. В 1995 году, в честь ее семидесятилетнего юбилея, королева согласилась председательствовать на торжественном приеме, данном Маргарет в Клэридже. Но всё это было лишь подобием прежней деятельности.

В 1996 году Маргарет отправилась в Фултон, в штат Миссури, в тот самый городок, где Черчилль произнес свою историческую речь о «железном занавесе». Она надеялась, что ее предупреждения вызовут такое же громкое эхо, как и слова ее прославленного предшественника. Но ее едва слушали, когда она говорила о том, что «миру грозит много опасностей, гораздо больше, чем десять лет назад». Ее слушали и слышали еще меньше, когда она заговорила о «странах-изгоях» (которые потом доставят столько беспокойства администрации Буша). Она назвала их: Иран, Ирак, Сирия, Афганистан. И надо было дождаться 11 сентября 2001 года, чтобы все поняли, что она, увы, была тысячу раз права. В 1996 году еще очень и очень многие ценили идеи Фукуямы, предсказывавшего «конец истории» в мире, умиротворенном триумфом капитализма и растущим благосостоянием.

Похоже, в глубине души Маргарет радовалась неудачам своего преемника. С какой-то злой радостью она буквально наслаждалась фактом выхода фунта стерлингов из Европейской валютной системы. Она возглавила крестовый поход против единой европейской валюты, против современного евро. «Таймс» тогда вышла под шапкой «Призрак Маргарет бродит по кулуарам Вестминстера». Увы, всего лишь призрак прежней Маргарет нес на своих плечах мантию пэра Соединенного Королевства. Похоже на то, что поражение Джона Мейджора в 1997 году не рассердило и не расстроило ее сверх меры. Она вроде бы шепнула кому-то из своих друзей: «Не надо беспокоиться по поводу Тони Блэра. Это настоящий патриот...»

Единственной сферой, где Маргарет оставалась еще полезна своей стране, была передача Гонконга под юрисдикцию Китая в 1997 году. Она многократно отправлялась в Гонконг, чтобы помочь Крису Пэттену, последнему губернатору. Она пользовалась своими связями с руководством Китая, чтобы облегчить процесс передачи. Пэттен официально воздал ей почести: «В этих затруднительных обстоятельствах она проявила себя как самый верный и самый лучший друг из всех, что у меня были». Она сумела разрешить очень острый и скользкий вопрос об авуарах в золоте Банка Гонконга, заверив китайское руководство в том, что они не будут вывезены в Соединенное Королевство. 1 июля, во время проведения официальной

церемонии передачи власти, она находилась в первом ряду рядом с Тони Блэром и Робинот Куком. По иронии судьбы свою последнюю значимую роль она сыграла на сцене, где ее партнером был премьер-министр-лейборист, а в конце этого спектакля должен был быть спущен «Юнион Джек», навсегда.

В остальном же Маргарет иногда даже ставила свою страну в затруднительное положение. В 1999 году, когда генерал Пиночет прибыл в Соединенное Королевство для прохождения курса лечения, она принимала его у себя, как бы возвращая ему долг чести, считая, что обязана ему многим за поддержку во время войны за Фолкленды; она объясняла, что сделала это еще и потому, что «он — единственный диктатор, естественным путем приведший свою страну к демократии». Когда он был подвергнут домашнему аресту на основании ордера на арест, выданного испанским судьей Бальтазаром Гарсоном, Маргарет порицала Тони Блэра за то, что «были нарушены традиции английского гостеприимства». Она открыто и даже подчеркнуто многократно наносила визиты свергнутому диктатору...

Кроме того, начали накапливаться проблемы со здоровьем. В 1999 году ей стало дурно во время какого-то совещания. В 2002 году у нее случился не очень тяжелый припадок, вызванный гипертоническим кризом, но пострадала ее память; она больше не могла говорить без записей. Она решила написать последнюю книгу — «Стратегия управления государством». Это был обширный «обзор горизонтов планеты и людских целей». Это увлекательное чтение, ибо оно помогает понять образ мыслей Маргарет; однако кое в чем книга приводит к разочарованию и вызывает ощущение, что автор начинает утрачивать представление о реальности. Сначала Маргарет очень долго рассматривает какой-то вопрос, затем завершает каждую главу пятью-шестью короткими параграфами, набранными жирным шрифтом, напоминающими пункты повестки дня. Создается впечатление, что это подготовка к брифингу главы государства XIX века. В особенности интересна эта книга тем, что доказывает, насколько полно Маргарет разделяет теперь взгляды американцев. И вовсе не случайно первая глава называется «Американский успех». Всё остальное проистекает из него. Она проповедует идею равнения на США; превозносит односторонние действия американцев и ратует за свержение Саддама Хусейна с применением военной силы. Можно подумать, что это говорит Джордж Буш-младший. Она даже позволяет себе помечтать. Еврофобия Маргарет приводит ее к бредовой идее создания Евро-Атлантического содружества с зоной свободной торговли, которое придет

на смену Евросоюзу. Она так презирала и ненавидела Европу, что, в конце концов, пришла к мысли о существовании Старого континента под властью или господством США! Какая катастрофа! Пришло время ей погрузиться в мир тишины и молчания. Кстати, именно это она и сделает несколько недель спустя, по требованию врачей, как она объяснит чуть позже.

Маргарет не получала утешения и от членов своей семьи. Сын Марк жил сначала в США, затем переехал в Южную Африку. Она почти не видела своих внуков. Кроме того, она была вынуждена сносить насмешки прессы, писавшей о делах ее сына, всегда впутывавшегося в сомнительные аферы. В штате Техас его преследовали за уклонение от уплаты налогов, за представление ложных данных в декларациях, из-за обвинений в коррупции, а в Южной Африке — из-за обвинения в попытке организации государственного переворота. Он даже провел несколько дней в тюрьме. В 2004 году его брак распался. Что касается Кэрол, то, по понятиям тэтчеровской этики, ее дела обстоят ничуть не лучше. Она живет в Швейцарии, сожительствуя с инструктором по лыжному спорту. Дочь баронессы Тэтчер позорит ее имя, участвуя в реалити-шоу, как это произошло, например, в 2005 году. Такова жизнь...

Двадцать седьмого июня 2003 года ушел из жизни Деннис; его смерть вызвала по всей стране поразительно горячее сочувствие. На похоронах все увидели маленькую, сгорбленную, худенькую женщину, шедшую за гробом, опираясь на руку Марка. Пресса единодушно воздавала почести этому предельно внимательному супругу, верному спутнику Маргарет, сопровождавшему ее как в самые трудные, так и в самые счастливые минуты ее жизни. «Дейли телеграф» писала о «старом добром парне», любителе гольфа, джина и братства по оружию. Кстати, на похоронах присутствовали военные из Королевской артиллерии, чтобы воздать Деннису воинские почести. Присутствовали на них и те, кто когда-то входил в группу личных советников Маргарет: лорд Пауэлл, лорд Ингем, лорд Паркинсон, лорд Батлер — последняя четверка верных друзей.

От бакалейной лавки до палаты лордов — какой прекрасный путь, но какой ценой! Теперь для Маргарет настало время одиночества в ожидании великого заката, как она пишет в мемуарах, «в ожидании того момента, когда настанет пора предстать перед судом Господа». Сейчас уже можно сказать, что на суде Истории ей будет вынесен довольно милосердный приговор.

Заключение

Подвести беспристрастный итог «эры Маргарет Тэтчер» практически невозможно. Поскольку ее реформы, по сути, носили экономический характер, то почти невозможно ограничить анализ «временем Ч», то есть днем, когда Маргарет покинула дом 10 по Даунинг-стрит. Экономика по определению подразумевает длительный процесс. Несомненные успехи Тони Блэра^[214] являются по большому счету наследием Маргарет Тэтчер. Если мы хотим остановиться на анализе положения дел в 1990-е годы, то следует различать результаты макроэкономические, микроэкономические и их социальные последствия.

В макроэкономической сфере успех был очевиден, за исключением того, что опять наметился рост инфляции в создавшихся условиях, о чем мы уже говорили. Часть обязательных вычетов (налогов, взносов) в ВВП снизилась с 48 процентов в 1975 году до 42 процентов в 1990-м, а во Франции в том же 1990 году она достигла 54 процентов. В 1987, 1988, 1989 и 1990 годах бюджеты были профицитными^[215]. Можно только констатировать, что Маргарет Тэтчер удалось выиграть пари и сдержать обещание поддерживать уровень государственных расходов в разумных рамках в то время, когда во всех странах Европы наблюдалась тенденция увеличивать расходы. Она это сделала ценой большого сокращения штатов государственных служащих. Число чиновников за годы ее правления сократилось на 46 процентов. Однако в Соединенном Королевстве при этом не ощущалось недостатка в управленческих кадрах.

Следствием такой жесткой бюджетной экономии, очевидно, было недостаточное финансирование служб общественного назначения. Даже если социальное партнерство государственных органов и частных лиц частично компенсировало этот дефицит капиталовложений, все же такие сектора, как общественный транспорт, тяжело пострадали от этой политики. Расходы в этой сфере ежегодно снижались в среднем на 5,8 процента с 1979 по 1990 год. В годы правления Маргарет Тэтчер не было начато строительство ни одного крупного объекта, не было выстроено ни одной большой верфи. Строительство первой автодороги осуществилось в 1988 году в связи с открытием четвертой полосы на шоссе М-25. Правительство не финансировало ни строительство тоннеля до Лондона для создания скоростной трассы, ни развитие сети железнодорожного сообщения между аэропортом «Хитроу» и центром столицы. Так что после

Маргарет осталось много трудностей, которые ее наследникам пришлось решать.

Одновременно Маргарет заставила практически исчезнуть «культуру ожидания субвенций», а также гипертрофию национализированных предприятий, несших большие потери и возмещавших их за счет налогоплательщиков. Эта эволюция нашла свое выражение в явном росте производительности, выросшей со 100 до 151 пункта в 1989 году (против роста со 100 до 138 пунктов во Франции). Приватизация в основном была успешной^[216]. В большинстве своем предприятия, выставленные на торги, прошли прекрасный путь, добившись замечательных результатов в финансовой сфере и на бирже. Единственный пример провала приватизации — это провал приватизации железных дорог, но ответственность за него нельзя возлагать на Маргарет, ведь это дело рук ее «наследника» Джона Мейджора, так что и вина целиком лежит на нем. Вообще поразительно, что, когда во Франции задаются вопросом, что плохо работает в Соединенном Королевстве, всегда вспоминают о поездах. Но Маргарет в этом не виновата. Знаменитый фильм Кена Лоуча «Навигаторы», часто представляемый в качестве «разоблачителя» тэтчеризма, явно поражает не ту цель, которую следовало бы поразить.

Главный успех Маргарет заключается в ином. Ей удалось вернуть англичанам дух предпринимательства. В отличие от многих политических деятелей из разных стран Европы она избрала трудный путь: посвятила себя педагогике рыночной экономики. Вместо того чтобы скрывать от избирателей неизбежность перемен и суть этих перемен, она объясняла им необходимость этих перемен, причем простыми и понятными для всех словами. Результат был таков: в годы ее правления было создано более трех миллионов новых предприятий и фирм. Дух предпринимательства ожил и развился благодаря процессу приватизации. Число владельцев ценных бумаг увеличилось с трех до одиннадцати миллионов. Даже будучи владельцем всего нескольких акций, мелкий акционер интересуется тем, что происходит на рынке, и изучает действие экономических механизмов. Несколько фунтов дивидендов, которые он получает ежегодно, помогают ему понять, что прибыль — вовсе не бранное слово.

Разумеется, от всех этих перемен довольно сильно пострадала промышленность. В конце «эры Тэтчер» промышленность давала едва 30 процентов ВВП, в то время как в 1979 году достигала 40 процентов. Своим «наследникам» Маргарет оставила экономику с развитым непроизводственным сектором. Деиндустриализация (то есть сокращение промышленного сектора) Соединенного Королевства — не пустое слово.

Но такая ли уж это катастрофа? Сфера оказания услуг сейчас явно является носителем роста и благополучия. В этой сфере было создано примерно столько же рабочих мест, сколько потеряла промышленность, примерно около трех миллионов.

Создание новых рабочих мест и вообще сфера занятости — это еще один успех «эры Тэтчер». После ужасного начала, когда безработица охватила более 3,2 миллиона человек, то есть почти 14 процентов экономически активного населения, положение было исправлено, и это «оздоровление» — само по себе нечто замечательное. К 1990 году уровень безработицы снизился до 5,8 процента, что представляет почти полную занятость.

Такой результат был достигнут благодаря сочетанию многих факторов, среди которых на первом месте следует указать возросшую гибкость, подвижность рынка труда. Сломив сопротивление профсоюзов с присущей ей жесткостью, отменив множество бесполезных нормативных актов, законов и частных постановлений, способствуя развитию свобод в сфере заключения персональных трудовых договоров в ущерб коллективным переговорам, отучая англичан от иждивенчества, Маргарет, несомненно, вернула Англию к работе, к труду на здоровой основе. Возможно, это была ее самая блестящая политическая и экономическая победа: ввести в разумные рамки такую мощную силу, как профсоюзы, которая регулярно, хотя и с интервалами, парализовывала Великобританию в 1972, 1974 и 1979 годах. Идея забастовок практически покинула умы жителей Англии. Кстати, в годы правления Маргарет число членов профсоюзов постоянно уменьшалось: с тринадцати до семи миллионов.

Никто не будет утверждать, что всё это случилось в один день, без перелома в общественном сознании и без некоторых потерь. Понадобилось почти семь лет применения «тэтчеровского лекарства» для того, чтобы сократить то, что несколько неблагозвучно именовалось «временной безработицей вследствие недостаточной подвижности рабочей силы»; в эти годы, несомненно, было немало горя, много сломанных жизней, когда старые промышленные и шахтерские районы были обречены на бедность, если не сказать на нищету. Последствия этого ощущаются и по сей день. Существует процветающий Юг и пока еще плетущийся у него в хвосте Север. Но и там, и там занятость населения, в конце концов, возросла.

Однако совершенно очевидно и то, что в период правления Маргарет увеличилось социальное неравенство. Можно спорить по поводу цифр. Но если в общем доходы в этот период возросли на 37 процентов, то у 10 процентов населения, относящихся к числу самых богатых, доходы

увеличились на 62 процента, а у 10 процентов тех, кто чуть богаче самых бедных, — всего на 6 процентов. Только у 10 процентов самых бедных доходы уменьшились на 17 процентов^[217]. Это означает, что 90 процентов населения Англии извлекли для себя пользу в «эру Тэтчер». Ей нельзя ставить в вину это возросшее неравенство. Как мы видели, уже в основах «тэтчеровского проекта» было заложено наличие неравенства, Маргарет его принимала и даже считала необходимым. Важно то, что большая часть населения извлекла личную пользу из вновь обретенного благополучия. К числу таких относится 9/10 (девять десятых) населения, это очевидно. Но одна десятая осталась на обочине дороги, зачастую в трагических условиях. И несмотря на утверждения Маргарет, это далеко не всегда были только «недостойные бедняки». Не слишком ли это высокая цена за успех «эры тэтчеризма»? Обойти молчанием этот политический вопрос историк не может.

В любом случае совершенно очевидно, что значительно выиграл средний класс. Одним из основных показателей экономического положения является процент собственников жилья среди населения. Так вот, за десять лет он вырос с 51 до 68 процентов, и такой рост можно назвать чрезвычайно высоким. Народ, состоящий из собственников жилья, думает и действует совсем иначе, чем народ, состоящий из арендаторов жилья.

Наконец, вопреки мифу, тщательно поддерживаемому по эту сторону Ла-Манша, важно напомнить, что «общество всеобщего благоденствия» не было разрушено Маргарет Тэтчер. Расходы на общественные нужды и на содержание системы здравоохранения всегда составляли около 33 процентов расходов государственного бюджета, то есть столько же, сколько и при лейбористах. Маргарет даже в последний срок правления начала проводить реформу Государственной службы здравоохранения, которая впоследствии оказалась весьма плодотворной и способствовала существенному улучшению обслуживания пациентов.

Во Франции часто рассматривают писателя Джонатана Коу в качестве самого талантливого «разоблачителя» всех болезней общества «эры Тэтчер». Название его книги «Завещание на английский лад» было у всех на слуху, потому что о книге говорили все. Автор описывает в ней все мерзости жизни высшего класса и мучения писателя, работающего за нищенские гонорары, чья подруга, в конце концов, умирает из-за того, что ей не была своевременно оказана медицинская помощь, потому что очередь на помещение в больницу оказалась слишком длинной. Но каковы бы ни были достоинства романа, это все же художественное произведение, не дающее истинной картины Англии времен правления Маргарет Тэтчер.

Прежде всего следует заметить, что если проблемы Государственной службы здравоохранения были очевидны, то все же непорядочно ставить их ей в вину. Она унаследовала очень сложное положение дел. Но под пером талантливого романиста всё представлено таким образом, что может и Марго довести до слез... Кстати, автор книги ужасно ошибается, когда представляет «тэтчеровское королевство» населенным патрициями и аристократами из старинных родов. На самом-то деле всё было с точностью до наоборот.

«Тэтчеровская революция» была не только революцией в сфере экономики, но еще и социальной революцией. Она сменила культуру дилетантов на культуру профессионалов, экспертов, специалистов, овладевших самыми передовыми технологиями в сфере финансов и информатики. В труде «Британский кризис в XX веке», опубликованном в 1933 году, Андре Зигфрид уже поставил диагноз и определил одну из основных болезней английского общества; этот диагноз вполне был применим и к 1979 году: «В мозгу англичанина упорно продолжает жить старая британская идея, что практичный ум и умение управлять стоят больше, чем мастерство владения техникой. Поговорите с преподавателями, обучающими молодежь; так вот, кто бы они ни были, их главной заботой всегда было держаться главной линии: прежде всего воспитать джентльменов. Можно сказать, что в шкале ценностей они ставят характер перед умом и знаниями». Именно от этого состояния умов Маргарет и хотела избавиться королевство. К добру или к худу.

Именно поэтому в партии консерваторов Маргарет часто скрещивала шпаги со «старыми добрыми парнями» или с элегантными представителями клики выпускников «Оксбриджа». Более того, она в сущности задалась целью сделать так, чтобы ее преемник был «скромного происхождения», и добивалась своего с большим упорством, действуя несколько более поспешно, чем следовало. Но она своего добила: Джон Мейджор происходил не из «высшей», а из «низшей» Англии.

Маргарет хотела, чтобы на смену «культу происхождения» пришел «культ заслуг и умения работать». Мы уже упоминали «Огненные колесницы» в качестве превосходной иллюстрации тэтчеровского проекта. Мы упоминали культ индивидуума как личности и преодоления самого себя. Но есть еще один элемент, о котором мы умолчали, хотя он, пожалуй, и есть самый главный. Дело в том, что юный Абрахамс, в отличие от своих друзей, бежал не как любитель. Он тренировался у профессионала, и если он одержал победу, то потому, что сделал выбор в пользу технического совершенства, а не полагался только на силу характера и на честную игру.

Вместе с «большим взрывом» в Сити появилось новое общество, чьи члены — выходцы из среднего класса, и это общество становится чем-то вроде «бесклассового общества», в котором «новые деньги», то есть новые финансовые воротилы занимают столько же места, как и «старые деньги», то есть старые финансовые аристократы. Если рабочий класс получил от «эры Тэтчер» довольно мало, то элита выиграла много: она обновилась и стала гораздо более открытой. Многие барьеры рухнули. С этой точки зрения скромная бакалейщица из Грантема совершила настоящую социальную революцию. «Высшая Англия» все меньше и меньше напоминает прежнюю Англию клубов, начищенной обуви и костюмов с Савил-роуд, теперь это все больше и больше Англия меритократии^[218], поднявшейся своими силами «при помощи труда и сбережений». Верхний слой среднего класса развивался и рос очень быстро, будучи порой очень далеким от свода законов и правил старого мира, от его утонченности и элегантности, а также и от его пороков. Сейчас трудно подсчитать, насколько «разбух» этот слой. Но достаточно прогуляться по Сити, чтобы увидеть, насколько изменился состав его «населения». В своей книге «Старая Англия моей юности» Гилен Дисбах с ностальгией писал в 1999 году: «На улицах... не видно ни одного элегантного или хотя бы прилично одетого человека. Англосаксонский характер, красота блондинов и блондинок, гордая, даже высокомерная „а-ля Милфорд“ тоже исчезла <...>. В Лондоне больше не ощущается того пьянящего запаха дорогого табака, морского воздуха и дегтя <...>, что являются одновременно символами приключений и светскости». В этом тоже проявилась «тэтчеровская революция»: появился мир, в котором «яппи» заменили «важных особ».

Кроме экономики и общества изменилось и состояние умов, изменился сам дух страны. В одной из самых известных речей перед членами Консервативной партии Маргарет заявила: «Экономика — это метод, цель — изменить душу». Другими словами, речь шла о том, чтобы произвести коренной переворот в политической культуре Великобритании, заставить Англию окончательно уйти от социализма и бесповоротно выбрать правила рынка, конкуренцию и капитализм.

С этой точки зрения Маргарет одержала блестящую победу не только в своей стране, но и во всем мире.

В Англии лучшим доказательством ее успехов стала трансформация Лейбористской партии под влиянием или «с подачи» Тони Блэра. Лейбористская партия стала такой же капиталистической партией, как и другие. В 1977 году эта партия пережила свой «Бад-Годесберг»^[219], то есть

интеллектуальную революцию, которую немцы совершили у себя в 1959 году. Теперь эта партия называется Неолейбористской партией. Из устава партии была убрана знаменитая статья IV, в которой говорилось, что конечной целью партии является «установление коллективной формы собственности на средства производства». Партия приняла правила рыночной экономики, приспособилась к ним и не отвергает теперь ничего из тэтчеровского наследия. Вероятно, это то, что некоторые журналисты называли «тэтчеризмом с человеческим лицом», ибо железный, неумолимый закон рынка смягчен несколькими щепотками социальных мер. Но в остальном это настоящий тэтчеризм. В 1997 году Питер Моррисон, рупор Лейбористской партии, писал: «В конце концов, мы все стали тэтчеристами». Что касается Тони Блэра, то он без колебаний заявляет: «В 1980-е годы было сделано много хорошего, и мы должны сохранить это». С этой точки зрения успех Маргарет Тэтчер очевиден. Она сумела изменить две основные партии, фигурировавшие на британской политической шахматной доске, превратив их в либеральные партии, примерно такие же как Демократическая и Республиканская партии в США. Так что социализм в Англии умер. Душа страны претерпела глубокие изменения.

Но это изменение состояния умов распространилось и за пределы Англии. Сформировавшиеся в Сити, погрузившиеся вглубь тэтчеровского мира, именно британские эксперты вдохновили новые власти стран Восточной Европы на проведение шоковой терапии, что и было с успехом проделано в Чехии, Польше, Венгрии, в странах Балтии. Именно они распространили в «Новой Европе» после падения Берлинской стены идеи и ценности рынка, конкуренции и свободного предпринимательства. В каком-то смысле Маргарет создала для своей страны новую империю, империю духа и идей, главенствовавшую на том пространстве, что называют Центральной Европой. Теперь «Правь, Британия» вновь звучит над большей частью Старого континента. Понравилось бы это или нет Маргарет Тэтчер, но можно смело утверждать, что Евросоюз в том виде, в котором он сейчас существует, основан на ее идеях и взглядах. Знаменитые «маастрихтские критерии» по поводу контроля над государственными расходами (не более 3 процентов бюджетного дефицита), разработка законодательства в сфере конкуренции, переговоры с Всемирной торговой организацией, монетарная политика в денежной сфере, позволявшая сдерживать инфляцию, — всё это унаследовано от тэтчеризма. Несмотря на все претензии, которые можно было бы высказать в адрес Брюсселя, он стал центром либеральной Европы, по сути очень близкой к экономическим идеям Маргарет. Еще одна одержанная Маргарет победа, одержанная ею в

каком-то смысле вопреки ей самой.

Совершенно очевидно, что леди Тэтчер была для своей страны, для Европы и для всего мира исторической фигурой. Доказательством тому может служить хотя бы тот факт, что в феврале 2007 года она стала первым британским премьер-министром, чья статуя еще при жизни была установлена в холле Вестминстера, лицом к лицу с вечностью наравне с Асквитом и Черчиллем... Во время распада колониальной системы руководитель внешнеполитического ведомства США Дин Ачесон заявил: «Великобритания потеряла империю, она не обрела вновь свою роль в мире». Маргарет вернула Великобритании эту роль.

Слова благодарности от автора

Прежде всего я хотел бы отдать дань сэру Киту Джозефу, который в тот момент, когда я был всего лишь юным учеником, проходившим обучение на дополнительном курсе лица для подготовки к поступлению в «Эколь Нормаль», согласился провести более четверти часа со мной и потратить их на то, чтобы объяснить мне все достоинства монетаризма во время одного приема в посольстве Великобритании. Он был в тэтчеровской Англии примерно тем же, кем был для Пятой республики Жак Рюэфф^[220], обеспечивший ее экономические успехи. Косвенным образом именно сэр Кит Джозеф вдохновил меня на написание этой книги.

Я хочу горячо поблагодарить Фонд Маргарет Тэтчер и его президента за качество и изобилие представленной в мое распоряжение документации. Я хотел бы также поблагодарить многих британских дипломатов и парламентариев, людей очень занятых, но согласившихся уделить мне немного времени.

Я также выражаю благодарность французским дипломатам, работавшим в Лондоне в период правления Маргарет Тэтчер, согласившимся принять меня и рассказать мне кое-какие интересные истории. По причине необходимости соблюдения тайны, что предписывается дипломатическим ведомством, а также в знак почтения к тем высоким постам, которые они занимали прежде, я предпочитаю не называть их имен. Они сами себя узнают.

Эта книга смогла выйти из печати только благодаря искренней дружбе моих компаньонов по адвокатской конторе Франсуа Мартино, Жан Ива Дюпе и Тьерри Массиса, проявлявших понимание, когда я посвящал слишком много времени работе над книгой; скажу также, что Франсуа Мартино увлекся писательским трудом следом за мной и кое в чем даже обогнал меня на этом пути.

Писать можно только при поддержке верных друзей, в особенности если ведешь активную профессиональную деятельность. Я не смогу, наверное, никогда выразить в полной мере, насколько содействие, поддержка и одобрительные слова моего компаньона и друга Бенуа Грюо и его жены Шарлот были для меня ценны во время завершения работы над этой книгой.

Наконец, я хочу выразить признательность моему издателю Бернару де Фаллуа. Чтобы этот труд смог выйти из печати в разумные сроки, он

проявлял любезность, оказывая содействие, когда это было необходимо, и поругивая меня, когда это было полезно, но всегда при этом сохраняя невероятный такт. Он проявил ко мне доверие, приняв мою первую книгу, и помог мне завершить работу над второй.

Прежде чем закончить, я хочу также засвидетельствовать почтение и признательность Кристине Диан, секретарю общины Бовуар, делегатом от которой я являюсь; она, не жалея своего времени, напечатала несколько глав этой книги.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Дом, где родилась Маргарет Робертс, в будущем Тэтчер. Грантем

Место рождения будущего премьер-министра отмечено памятной доской

Отцовская бакалейная лавка в Грантеме

Семейство Робертс: Альфред, Беатрис и их дочери — Маргарет и Мюриэл

Маргарет в 16 лет

Свадьба Маргарет Робертс и Денниса Тэтчера. 13 декабря 1951 г.

Начало карьеры: химическая лаборатория...

...и адвокатская контора

Маргарет с детьми Кэрол и Марком

Работа — главное, но надо же когда-то и отдыхать!

Паб — лучшее место для встреч с избирателями. Перед выборами 1959 года

Эдвард Хит, премьер-министр Великобритании в 1970–1974 годах, в правительстве которого Тэтчер была министром образования

Теледебаты перед выборами 1974 года

Отдых в кругу семьи

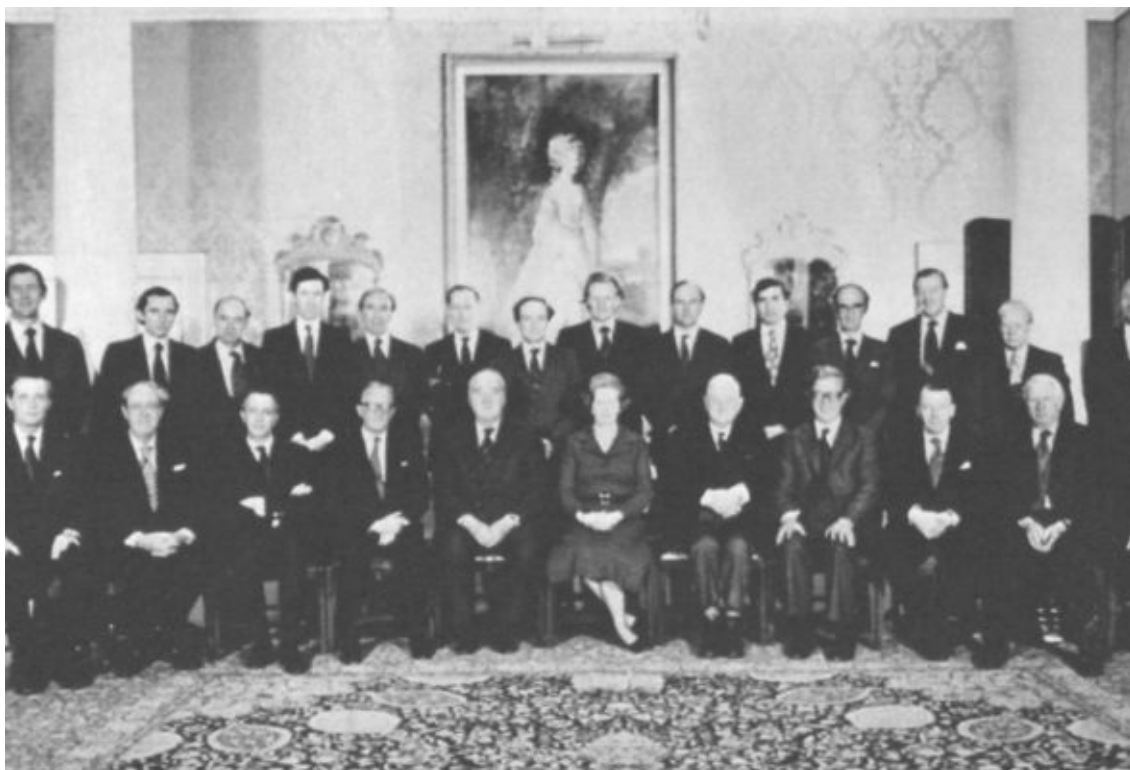
Плакат, так много заставивший о себе говорить: «Лейборизм — это не работает!» Конец лета 1978 г.

Маргарет Тэтчер во время избирательной кампании 1979 года

*Маргарет Тэтчер празднует победу в Центральном бюро
Консервативной партии; рядом сын Марк. 3 мая 1979 г.*

Первое правительство Тэтчер. Май 1979 г.

Знаменитая Даунинг-стрит, где располагается резиденция британских премьер-министров. Лондон

Маргарет Тэтчер и Джеффри Хау

Уильям Уайтлоу

Лорд Каррингтон

«Гранд-отель» в Брайтоне, взорванный ирландскими террористами. В

тот день Тэтчер чудом избежала гибели

*Бобби Сэндс, ставший первой жертвой голодовки заключенных
ирландцев*

Тэтчер, изображенная в образе фюрера: «Говорите, я расист? Что ж, ирландцы и правда особая раса»

Премьер-министр демонстрирует военную мощь Британии

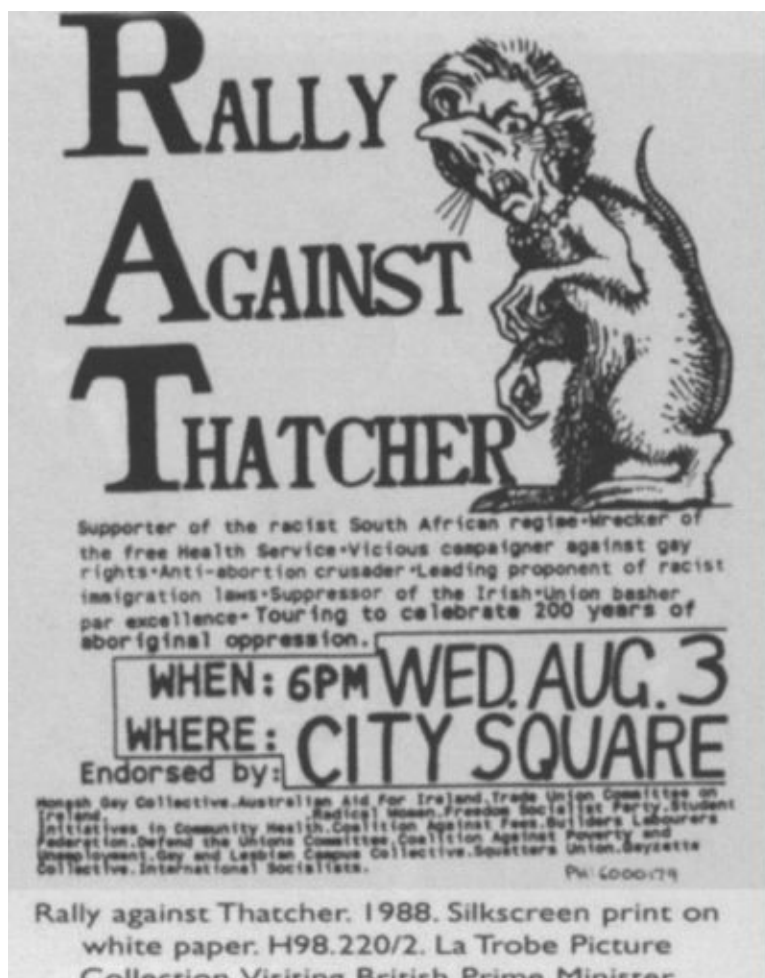
Рональд Рейган рассказывает Маргарет Тэтчер о программе «звездных войн»

Бастующие шахтеры на улицах Лондона. 1984 г.

Карикатуристы изображали Тэтчер то воровкой, залезающей в кошельки англичан,

то «фашистской крысой»

«Железная леди» за работой в личных апартаментах. На полу (слева) один из знаменитых «красных чемоданчиков» с вензелем королевы, в которых доставляют министерские документы

Представление партийного манифеста 1983 года. Сидят: Уильям Уайтлоу, Маргарет Тэтчер, Сесил Паркинсон; стоят: Норман Теббит, Джеффри Хау, Фрэнсис Пим, Майкл Хезлтайн, Том Кинг

Тэтчер с мужем после третьей победы на выборах. Июнь 1987 г.

Маргарет Тэтчер аплодирует Найджелу Лоусону, кого в 1986 году называли «канцлером Казначейства, сотворившим чудо»

Одна из карикатур на «Железную леди», публиковавшихся в английских

журналах

Тэтчер никогда не боялась карикатур...

...особенно тех, что изображали ее в виде Уинстона Черчилля

Две «железные леди» — Маргарет Тэтчер и Индира Ганди

Маргарет Тэтчер на встрече «Большой семерки». 1987 г.

Премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер принимает в своей резиденции на Даунинг-стрит Александра Солженицына. Лондон. Май 1983 г.

Беседа с Андреем Сахаровым. Вашингтон. Ноябрь 1988 г.

Первая встреча с Михаилом Горбачевым

Президент США Рональд Рейган торжественно принимает Маргарет Тэтчер в Вашингтоне

Премьер на трибуне парламента

*Британское Содружество — прежде всего. С президентом Замбии
Кеннетом Каундой*

Закат тэтчеризма. Подпись на карикатуре: «Черт, она заржавела!»

Вылазка на природу с мужем и любимым спаниелем

Маргарет Тэтчер навсегда покидает дом на Даунинг-стрит, 10, после 11 лет и 8 месяцев пребывания у власти; ее сопровождает Деннис Тэтчер. Лондон. 28 ноября 1990 г.

Джон Мейджор — преемник Тэтчер

Баронесса Тэтчер

с дарованным ей гербом

В зеркалах прессы

*Президент США Джордж Буш-старший вручает Маргарет Тэтчер
высокую награду — Медаль свободы*

Одна из последних фотографий с мужем Деннисом Тэтчером

Экс-премьер в окружении своих мемуаров. 1995 г.

С сыном Марком...

...и дочерью Кэрол

Самые влиятельные леди Британии — Маргарет Тэтчер, Чери Блэр и королева Елизавета II

С действующим премьер-министром Великобритании Гордоном Брауном. 2008 г.

Уходящая натура. Экс-президент СССР М. Горбачев, экс-премьер Великобритании М. Тэтчер и экс-премьер Канады Б. Малруни на похоронах Р. Рейгана. 2004 г.

Тэтчер охотно передает свой опыт женщинам-политикам. С украинским премьером Юлией Тимошенко

***Статуя Маргарет Тэтчер, установленная в парламенте
Великобритании. Такой почет при жизни не оказывали никому из
британских политиков***

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР

1925, 13 октября — Маргарет Хильда Роббинс родилась в Грантеме (графство Линкольншир) в семье бакалейщика Альфреда Роббинса и его жены Беатрис.

1936 — поступает в грантемскую школу для девочек.

1943 — начинает изучать химию в Оксфордском университете.

1946 — становится президентом университетской ассоциации консерваторов.

1947–1949 — работа химиком в компании «Бритиш зайланит пластикс» в Колчестере.

1950, февраль — выборы в парламент, на которых М. Тэтчер проиграла кандидату от лейбористов Норману Додду.

Сентябрь — поступление на курсы юристов при Доме правосудия.

1951, 13 декабря — брак с предпринимателем Деннисом Тэтчером.

1953, 15 августа — рождение детей, двойняшек Марка и Кэрол.

Декабрь — получает лицензию адвоката по налоговым вопросам.

1958, июль — избрание кандидатом от консерваторов на выборах в округе Финчли (графство Мидлсекс).

1959, октябрь — избрание в парламент от округа Финчли.

1961, октябрь — становится младшим министром министерства пенсий и социального обеспечения (до 1964 года).

1967, апрель — входит в теневой кабинет оппозиции в качестве министра энергетики.

1970, июнь — занимает пост министра образования в кабинете Э. Хита.

1974, март — уход в отставку вместе с правительством консерваторов.

1975, февраль — избрание на пост лидера Консервативной партии.

Октябрь — съезд консерваторов в Блэмпле.

1979, 4 мая — избрание на пост премьер-министра Великобритании.

27 августа — убийство ирландскими террористами лорда Маунтбеттена и восемнадцати британских солдат.

1979–1980 — масштабная кампания по приватизации британской промышленности, организованная правительством М. Тэтчер.

1981, апрель — расовые бунты иммигрантской молодежи в пригородах Лондона и других крупных городов.

1982, 2 апреля — вторжение аргентинских войск на Фолклендские острова.

2 мая — британским флотом потоплен аргентинский крейсер «Генерал Бельграно».

21 мая — 14 июня — операция британской армии и флота по освобождению Фолклендских островов.

1983, март — поддержка американского плана «звездных войн».

Июнь — победа Консервативной партии на всеобщих выборах; переизбрание М. Тэтчер на пост премьер-министра.

1984, март — 1985, март — всеобщая стачка шахтеров.

1984, 12 октября — взрыв террористами ИРА бомбы на съезде консерваторов в Брайтоне с целью убийства М. Тэтчер и членов ее кабинета.

16 декабря — первая встреча М. Тэтчер с будущим советским лидером М. С. Горбачевым.

19 декабря — подписание соглашения с КНР о возвращении Гонконга под управление Китая.

1985, 15 ноября — подписание англо-ирландского соглашения в Хиллсборо-Касл.

1986, январь — скандал в правительстве, связанный с отставкой министра обороны М. Хезлтайна.

15 апреля — М. Тэтчер официально поддерживает бомбардировку Ливии американскими ВВС.

1987, март — официальный визит в СССР.

Июнь — победа Консервативной партии на выборах в парламент; М. Тэтчер в третий раз становится премьер-министром.

1988, 20 сентября — выступление в «Коллеже Европы» в Брюгге.

1989, 28 февраля — рождение первого внука Майкла (сын Марка Тэтчера).

1990, август — официальный визит в Россию и Украину.

27 ноября — избрание Джона Мейджора лидером Консервативной партии.

28 ноября — отставка М. Тэтчер с поста премьер-министра.

1992 — получает титул баронессы и становится членом палаты лордов.

1995 — выход первого тома мемуаров М. Тэтчер «Путь к власти».

1996 — выступление в Фултоне (США) с речью, предупреждающей о новых глобальных угрозах.

1997 — выходит второй том мемуаров «Годы на Даунинг-стрит».

1999 — выступление на конференции Консервативной партии.

2002 — выход книги М. Тэтчер «Стратегия управления государством».

2003, 27 июня — смерть мужа, Денниса Тэтчера.

2004, 11 июня — первое за долгий период публичное выступление М. Тэтчер на похоронах бывшего президента США Р. Рейгана.

2005, 13 октября — торжественное празднование восьмидесятилетия М. Тэтчер в отеле «Мандарин» с участием королевы Елизаветы II и премьер-министра Т. Блэра.

2007, февраль — Маргарет Тэтчер стала первым британским политиком, чья статуя при жизни установлена в здании парламента.

Биография продолжается...

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Огден К. Маргарет Тэтчер. Женщина у власти. М., 1992.
Перегудов С. П. Тэтчер и тэтчеризм. М., 1996.
Попов В. И. Маргарет Тэтчер. Человек и политик. М., 1991.
- Beckett C.* Margaret Thatcher. London, 2006.
Campbell J. Margaret Thatcher. Vol. 1–2. London, 2000.
Evans E. Thatcher and Thatcherism. London, 2004.
Erickson C. Lilibet: An Intimate Portrait of Elizabeth II. London, 2005.
Foley M. John Major, Tony Blair and a Conflict of Leadership: Collision Course. Manchester, 2002.
Jenkins P. Mrs. Thatcher's Revolution: Ending of the Socialist Era. London, 1987.
Kavanagh D. The Reordering of British Politics: Politics after Thatcher. London, 1997.
Lacey R. Monarch: The Life and Reign of Elizabeth II. N. Y., 1987.
Letwin S. R. The Anatomy of Thatcherism. London, 1992.
Reitan E. A. The Thatcher Revolution: Margaret Thatcher, John Major, Tony Blair, and the Transformation of Modern Britain, 1979–2001. London, 2003.
Seldon A., Collings D. Britain Under Thatcher. London, 1999.
Seward I. The Queen and Di: The Untold Story. London, 2001.
Thatcher M. Statecraft: Strategies for Changing World. London, 2002.
Thatcher M. The Path to Power. London, 1995.
Thatcher M. The Downing Street Years. London, 1993.
Wapshott N. Ronald Reagan and Margaret Thatcher: A Political Marriage. London, 2007.
Young H. The Thatcher Phenomenon. London, 1986.
Young H. One of Us: Life of Margaret Thatcher. London, 1989.
Young H. The Iron Lady: A Biography of Margaret Thatcher. London.

Примечания

Название национального флага Великобритании, закрепившееся с XVII века. В 1606 году король Англии Яков I (Яков VI Шотландский, в 1603-м унаследовавший английский престол) утвердил новый флаг, объединивший в себе английский георгиевский и шотландский андреевский кресты и позже получивший наименование «Юнион Джек»: Юнион — союз Англии и Шотландии; имя Джек, по одной версии, возникло от приватного обращения к Якову — *Jacques*, по другой, связано с морским термином «гюйс» (*голл. geus*) — военно-морской флаг, так как в 1634-м, при Карле I, новый флаг стал гюйсом английских военных кораблей. — *Прим. ред.*

Мизерабилизм (фр. *miserable* — несчастный) — направление в искусстве, появившееся во Франции в 1940-х годах; культивировало идеи трагической обреченности человека, его «покинутости» в мире. — *Прим. ред.*

Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787–1874) — видный французский историк, государственный деятель. Как политик, был сторонником прихода к власти буржуазии, которую называл «средним классом» (к «среднему классу» Гизо относил все социальные слои, кроме аристократии и беднейшей части населения); считал, что положение буржуазии — между аристократией и низшими слоями — позволяет ей выступать связующей силой и быть выразительницей большинства нации. — *Прим. ред.*

Ирландская республиканская армия, ставившая целью достижение полной независимости Ирландии; с 1969 года использовала тактику «городской герильи» (партизанской войны) и террористические методы борьбы как в Северной Ирландии, так и на всей территории Великобритании. — *Прим. ред.*

Джеймс Айвори (р. 1928) — американский кинорежиссер, воспроизводящий в своих фильмах культурную среду традиционного западного общества; прославился экранизацией романов американского писателя Г. Джеймса (фильмы «Европейцы», «Бостонцы») и англичанина Э. Форстера («Комната с видом», «Морис», «Поместье „Говардз Энд“»). Кен Лоуч (р. 1936) — британский кинорежиссер, убежденный социалист, показывающий мир пролетариев («Семейная жизнь», «Песня Карлы», «Хлеб и розы», «Голытьба» и др.). — *Прим. ред.*

Шекспир В. Гамлет. Акт первый. Сцена четвертая. Фраза эта в переводе Б. Пастернака звучит так: «Какая-то в державе датской гниль»; в переводе М. Лозинского: «Подгнило что-то в Датском государстве». — *Прим. ред.*

В «день Гая Фокса» англичане вспоминают о заговоре католиков в 1605 году, когда в подвале парламента были спрятаны бочонки с порохом с целью убийства депутатов и короля Якова I. (Примечания автора, в отличие от примечаний переводчика и редактора, не оговариваются.).

В сокровищнице Короны хранится и Кохинор, один из самых крупных бриллиантов в мире.

На самом деле это частные школы, самые дорогие и самые престижные в королевстве.

Слово является производным от Оксфорда и Кембриджа, названий городов, где находятся самые престижные университеты Англии.

Строки взяты из книги «Сердце Англии».

Кстати, у нас происходит то же самое. Не будем опасаться ради экономии места обозначить определенные параллели, которые проводят некоторые сторонники «теории заката», отдельные «упадочники», изображающие современную Францию в очень темных красках: Николя Баверез в «Падающей Франции», Жак Марсей в «Войне двух Франций», Матье Лене в «Большой детской».

Историк Эдвард Гиббон, прославившийся своей работой «История заката и падения Римской империи», утверждал, что именно утрата основных ценностей и сознания гражданского долга и ответственности стали причиной падения Римской империи.

В кн. «Будущее: это не работает. Провал социал-демократии».

Канцлер ФРГ.

Побеждал на выборах в 1855, 1858 и 1859 годах.

Премьер-министр с 1812 по 1827 год.

Чтобы воспользоваться социальной помощью, безработные должны были пройти через особые комиссии, где изучались и проверялись их доходы, расходы и средства, которыми располагали семьи.

Прозвище лондонцев из низших слоев населения. — *Прим. ред.*

Это понятие восходит ко взглядам Дизраэли — премьер-министра XIX века. По его мнению, Англию населяли две нации, нация бедных и нация богатых, нация высшего класса и нация низшего класса. Во имя сохранения общественного согласия и идей консерватизма, как он полагал, главной целью политики должно быть превращение страны в единую нацию. Этот тезис постоянно повторялся в политической и интеллектуальной жизни Великобритании в XIX и XX веках. Впервые эти идеи Дизраэли выразил в своем романе «Сибилла, или Две нации».

Это название в действительности появилось в результате присоединения к территории, находившейся под властью английской короны, Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии. Часто Англией ради простоты называют всю эту совокупность.

Дж. М. Кейнс — автор капитального труда «Общая теория занятости, процента и денег», опубликованного в 1936 году, в котором главная роль приписывалась государству, призванному обеспечить экономический рост путем стимулирования спроса, особенно при частичном перераспределении богатств пусть даже и ценой возникновения значительного общественного дефицита или печатания денег, что, разумеется, ведет к росту инфляции. Мысль Кейнса гораздо более тонка, чем об этом говорили, она очень сильно повлияла на общество во второй половине XX века.

Государство-хозяин, государство-покровитель, государство как «общество всеобщего благоденствия», обобщенно говоря, — государство социального обеспечения. — *Прим. ред.*

Очень глубокий анализ этого дал Морис Дрюон в работе «Франция во власти Труса», в особенности статуса государственной администрации.

Правительства, возглавляемые Макдональдом в период с 1924 по 1929 год, были коалиционными правительствами.

Заднескамеечниками в Англии называют рядовых членов парламента, в отличие от сидящих на передней скамье переднескамеечников, являющихся либо членами правительства, то есть министрами, либо членами оппозиционного теневого кабинета.

Канцлер Казначейства — министр финансов.

Этот пример был приведен Роланом Марксом в книге «Повседневная жизнь в период проведения социалистического опыта».

Сержан Ж. С. Великобритания Маргарет Тэтчер (1994).

Моруа А. Молчание полковника Брамбла.

Речь идет об утрате мандата, полученного Англией в конце Первой мировой войны.

Покинувшей Содружество из-за осуждения политики апартеида.

Осуждение все же было высказано в 1948 году, что в конце концов привело к выходу ЮжноАфриканской Республики из Содружества в 1962-м. Этот бывший доминион всегда был занозой в британской политике. В начале века Англия вела тяжелые баталии в ходе войны с бурами, чтобы включить в состав ЮжноАфриканской федерации так называемую Оранжевую республику и Трансвааль, возглавляемые президентом Крюгером.

В одностороннем порядке Ян Смит в 1965 году провозгласил независимость Южной Родезии, но она не была признана большинством членов международного сообщества.

Франция имела очень большие интересы в Обществе эксплуатации канала и желала, чтобы Насер перестал оказывать помощь мятежникам из ФНО.

Слова из этого гимна были лозунгом всех экспансионистских и колониалистских движений в XIX и XX веках.

Согласие в обществе было довольно относительным, ибо в период между двумя мировыми войнами, особенно в 1927 и 1931 годах, Англию сотрясали жесточайшие социальные конфликты, не раз усмирявшиеся ценой крови.

Эту фразеологию превосходно проанализировал Жак Шастене в книге «Повседневная жизнь во времена королевы Виктории».

В эту цифру не входят верующие Шотландии, Уэльса и Ирландии.

Герберт Маркузе (1898–1979) — немецко-американский философ, автор работ «Эрос и цивилизация», «Одномерный человек», «Эссе об освобождении», впитавших идеи Ницше и Фрейда. Критиковал буржуазную культуру как орудие шаблонной ориентации ума и позднебуржуазное (индустриальное) общество, создавшее у своих функционеров одномерность мышления; искал рычаги освобождения (в революции, призванной в каждом индивидуе разбудить художника) и в этом смысле возлагал надежды на изначальные эротические влечения, подавленные индустриальным обществом (то есть на «сексуальную революцию»), и авангардистское искусство, выражающее бунт этих влечений против «репрессивного общества». Увидев свои идеи в действии (нигилизм, аморализм, терроризм), в 1970-е отошел от этих концепций. — *Прим. ред.*

ИРА, о которой мы будем подробно и много говорить, анализируя политику Маргарет Тэтчер, примешивала к националистским требованиям, вроде требования независимости Ирландии, марксистскую диалектику различных движений крайне левацкого толка. Неспроста ИРА пользовалась поддержкой СССР.

Так называли рабочих, не являвшихся членами профсоюзов, или тех, кто соглашался работать, несмотря на приказ профсоюзов.

Этот вопрос, естественно, будет внимательно рассмотрен, когда мы будем говорить о том, как Маргарет Тэтчер обуздала и привела к повиновению профсоюзы.

С этими цифрами надо обращаться очень осторожно, так как порядок учета и подсчета изменился, но о тенденции роста они конечно же свидетельствуют.

Следует отличать политический либерализм как от либерализма экономического, так и от либерализма социального.

Один из главных идейных вдохновителей тэтчеризма.

Морис Баррес (1862–1923) — французский писатель, политический деятель; обращался к проблемам нации, общенациональным и местным традициям (в частности Лотарингии, откуда был родом); этой теме посвящена его трилогия «Роман национальной энергии», куда вошли произведения «Лишенные почвы», «Призыв к солдату», «Их лица». — *Прим. ред.*

Встречаются разные варианты написания названия этого городка: Грэнтам, Грейнхэм и т. д., но мы остановились на том, что дает атлас. — *Прим. пер.*

Олдермен — старший муниципальный советник, нанимаемый городскими властями. Полномочия его длились вдвое дольше, чем полномочия простых муниципальных советников, вот почему он пользовался большим влиянием в городском совете. Должность эта, как явление весьма архаичное, была упразднена в 1972 году.

Она, кстати, никогда не принимала всерьез эту абсурдную легенду.

Гинекей — женская половина дома у древних греков. — Прим. ред.

Премьер-министр, представитель *Лейбористской* партии в 1964–1970 и 1974–1976 годах.

Несмотря на то, что у Альфреда Робертса были очень стойкие религиозные убеждения, он иногда во многих сферах проявлял поразительную терпимость. До войны он воспротивился тому, чтобы кинотеатры были открыты по воскресеньям, дабы сохранить в неприкосновенности воскресный отдых, столь священный для пуританской традиции. Во время войны, учитывая страдания и трудности, переносимые солдатами, он сам выступил против этого запрета.

В XIX веке виги, либералы, возглавляемые Гладстоном, были сторонниками идеи свободной торговли, а тори, консерваторы, были сторонниками идеи протекционизма, идеи защиты английских производителей сельскохозяйственной продукции. В первой трети XX века либералов в двухпартийной системе сменили лейбористы, а тори (консерваторы) взяли на вооружение идею свободной торговли.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, заключенный 23 августа 1939 года; с момента нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года договор утратил силу. — *Прим. ред.*

Это был один из способов осуществления политики дискриминации, так как латынь была обязательной дисциплиной во всех публических школах, в то время как в большинстве классических школ латынь не преподавали.

Представитель прогрессистского крыла партии консерваторов.

Премьер-министр с 1955 по 1957 год.

В кн.: Жувенель де Б. Неудачный опыт. Проблемы социалистической Англии (1947).

Лейбористы уже давно финансировали кампании своих кандидатов.

При котором деловые люди из Сити и выпускники университетов могли одновременно голосовать по месту жительства и по месту работы или учебы.

Отбор кандидатов от партии консерваторов производится в рамках первого тура в результате баллотировки по списку, одобренному Центральным бюро партии. Затем после отсева явно непригодных лиц создается окончательный список и производится вторая баллотировка, после чего партия объявляет о поддержке кандидата.

Например, Джоном Кэмпбеллом, автором уже упоминавшейся книги.

В противовес соглашениям, в частности, между социальными партнерами.

На протяжении последних двухсот лет королевские свадьбы проводят в соборе Святого Павла.

В английской политической системе, в основном двухпартийной, партия, находящаяся в оппозиции, создает теневой кабинет, то есть как бы правительство, находящееся не у власти, и члены этого правительства получают портфели, соответствующие портфелям настоящих министров. У этой системы есть свои преимущества: она позволяет оппозиции иметь специалистов, способных быстро стать министрами и в случае победы на выборах готовых взять в свои руки управление соответствующими министерствами. Действительно, за редким исключением, члены теневого кабинета, став членами правительства, исполняли те же обязанности, что и в теневом кабинете оппозиции.

Европейский суд по правам человека осудил практику «закрытых предприятий» 11 января 2006 года.

Кстати, именно на этом вопросе она сосредоточит свое внимание 30 лет спустя, попытавшись реформировать систему местных налогов путем замены их на подушный налог.

Маленький лорд Фаунтлерой — герой одноименной повести англо-американской писательницы Фрэнсис Бернетт (1849–1924) — добрый девятилетний мальчик, сын скромной учительницы музыки, неожиданно ставший наследником огромного состояния, а также титула лорда, и разлученный с матерью. — Прим. ред.

Мидинетка — французская девушка-работница, обычно молодая швея или продавщица несколько фривольного поведения; в широком смысле — простушка. — *Прим. ред.*

В действительности у них не было выбора, потому что в тот период около 70 процентов финансовых поступлений на содержание Лейбористской партии шли из касс профсоюзов, выделявших из взносов членов тред-юнионов огромные суммы, предназначавшиеся для партии. Учитывая это, легко понять причины подчинения правительства диктату профсоюзов.

Ленэ М. Большая детская.

НАСА (англ. NASA — National Aeronautics and Space Administration)
— Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического
пространства США. — *Прим. ред.*

Атторней (англ. attorney) — термин из английского юридического лексикона, служащий для обозначения особого рода адвокатов, а также поверенных в делах, юрисконсультов и т. п.; в ироническом смысле — государственный муж от юриспруденции. — *Прим. ред.*

Узкий круг членов теневого кабинета, объединяющий «тяжеловесов» для принятия важных решений.

Еще более узкий круг, куда входят только самые близкие друзья лидера партии или премьер-министра, при участии которых и вырабатываются стратегия и тактика правительства, действующего или теневого.

Интервенционизм — смешанная экономика, включающая элементы капитализма и социализма; частная собственность на средства производства, регулируемая государством, профсоюзами. — *Прим. ред.*

Субвенция — вид государственного денежного пособия, выделяемого местным органам власти на определенный срок и конкретные цели. — Прим. ред.

Конструкторское бюро (Опытное конструкторское бюро), которое возглавлял авиаконструктор Павел Осипович Сухой (1895–1975), один из создателей советской реактивной и сверхзвуковой авиации. — *Прим. ред.*

Пермиссивное (англ. permission — позволение, разрешение) — терпимое общество, в основе которого принцип разрешения, а не запрета; другими словами, общество, где ничто не запрещено. — Прим. ред.

От имен Мао Цзэдуна, Маркузе и понятия «ситуационизм», как называлось одно из направлений анархистского движения. — *Прим. пер.*

Тэд Хит ни в коем случае не хотел трогать установок, выработанных лейбористами в сфере образования, так что заменить количество качеством не представлялось возможным.

Эгалитаризм (фр. *égalité* — равенство) — концепция общества равных возможностей (уравнительное распределение ресурсов, материальных благ и т. д.); противоположность элитаризму — концепции необходимости разделения общества на элиту и массу. — *Прим. ред.*

Статья 13 Закона об образовании от 1944 года, принятого лейбористами, предусматривала, что «всякое предложение, представленное на рассмотрение министра, может быть им одобрено после того, как он внесет в него по своему желанию изменения или дополнения».

Выражение, впервые употребленное одним из депутатов, стало надолго ее прозвищем.

Суверенитет английского парламента — основа основ конституционного здания Великобритании со времен принятия Великой хартии вольностей в 1212 году.

Соученик Маргарет Тэтчер по Оксфорду, правда, учившийся в другом колледже, где тщательно следил за тем, чтобы к нему обращались в соответствии с его титулом: сэр баронет или достопочтенный баронет.

С ним Маргарет Тэтчер столкнется в яростной схватке во время крупной забастовки шахтеров в 1984 году и одержит над ним победу.

Кейнсианство — экономическая теория английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса (1883–1946), обоснованная им в работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936); общая суть теории: устранение безработицы с помощью крупных государственных заказов предприятиям, пусть даже невыгодных государству, но дающих дополнительные рабочие места, следовательно, увеличивающих покупательский спрос на товары и, таким образом, призванных оздоровить экономику. — *Прим. ред.*

Весьма показателен тот факт, что мало кто из политиков столь же часто, как она, употребляет в мемуарах слова «морально» и «аморально». Понятие морали было одной из основ ее политической позиции.

Этатизм (фр. état — государство) — политика активного участия государства во всех сферах общественной жизни, в основе которой идея подчинения интересов личности интересам государства. — *Прим. ред.*

Временное явление оказалось долговременным, причем ни Маргарет, ни Кит Джозеф тогда, вероятно, не знали, насколько долговременным. Правительство стало проводить политику контроля над денежной массой с 1979 года, и только в 1987 году безработица действительно начала снижаться.

Улица в Лондоне, где традиционно находились редакции крупных газет. Очень часто ее название употребляют в качестве синонима слова «пресса».

При голосовании за одну кандидатуру такая конфигурация могла бы оказаться ужасной. Если бы часть либералов отдала свои голоса лейбористу, а часть консерваторов склонилась в пользу представителей Национального фронта, Маргарет могла бы оказаться второй и потерять свое место в парламенте.

В Комитет 1922 года входят заднескамеечники-консерваторы, не занимающие министерских постов; Комитет несет ответственность за избрание лидера партии. Именно этот Комитет в 1966 году выдвинул Тэда Хита в качестве преемника Гарольда Макмиллана.

Что сразу же сделал в 1966 году Гарольд Макмиллан.

С того времени лидера Консервативной партии переизбирают каждые три года.

То есть государственным регулированием экономики. — *Прим. пер.*

Макиавеллизм — коварная, жесткая политика, основанная на формуле «Цель оправдывает средства», приписываемой итальянскому мыслителю, государственному деятелю Никколо Макиавелли (1469–1527); автор этого изречения, ставшего девизом ордена иезуитов, член ордена Эскобар (см.: Великович Л. Н. Черная гвардия Ватикана. М., 1985). В трактате Макиавелли «Государь» можно найти схожую мысль, но высказанную по конкретному поводу. В этом наставлении, поднесенном в дар новому правителю Флоренции Лоренцо Медичи, Макиавелли взывает к спасителю Италии, разделенной на города-государства, раздираемой распрями, разоряемой иноземными нашествиями, — к государю, способному создать сильное государство и навести порядок для всеобщей пользы: «Какие бы средства для этого ни употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют...» (Глава XVIII). Так мысль, объединенная с иезуитским девизом, стала формулой циничной политики, а Макиавелли — «ответственным» за всех тиранов. — *Прим. ред.*

По инициативе Уилли Уайтлоу она попыталась воспользоваться случаем, чтобы помириться с Хитом, нанеся ему визит в его отеле. Сначала он на это согласился, но потом отказался. Итак, «топор войны» все еще не был зарыт.

На народную полицию Германской Демократической Республики была возложена охрана Берлинской стены.

Ким Филби (1912–1988) — знаменитый «супершпион»; один из руководителей британской разведки, завербованный советской разведкой еще во время учебы в Тринити-колледже Кембриджского университета в 1933 году; в 1963-м тайно переправлен в Советский Союз (похоронен в Москве); награжден многими орденами СССР. Джон Профьюмо (1915–2006) — военный министр Великобритании с 1960 года; в 1963-м из-за связи со стриптизершей Кристин Килер, которая тогда же сблизилась с советским разведчиком Евгением Ивановым (служил советским военноморским атташе в Лондоне), стал героем громкого скандала (так называемое «Дело Профьюмо»); это привело Профьюмо к отставке и явилось одной из причин падения кабинета премьер-министра Гарольда Макмиллана. — *Прим. ред.*

Так как «Правда» была органом политбюро Коммунистической партии, то можно было с полным на то основанием считать, что все сказанное в статье есть официальная доктрина самой партии.

Хельсинкское совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) проходило в три этапа, с 1973 по 1975 год; в нем принимали участие все европейские государства (кроме Албании), а также США и Канада. В Заключительном акте (подписан 1 августа 1975-го) подведен итог Второй мировой войны, подтверждена нерушимость сложившихся границ, сформулированы десять принципов взаимоотношений между государствами-участниками; на одно из первых мест, не без политического прицела, вышел вопрос о правах человека. В мае 1976 года Юрий Орлов создал в Москве Общественную группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений для сбора фактов нарушения прав человека в СССР и информирования правительств стран-участниц, получившую название Хельсинкская группа (помимо Орлова в нее вошли Людмила Алексеева, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Натан Щаранский и еще шесть человек; позже состав расширится). В 1976–1977 годах Хельсинкские группы были созданы на Украине, в Литве, Грузии и Армении. Вацлав Гавел — чешский писатель, диссидент, ставший последним президентом Чехословакии (1989–1992) и первым президентом Чехии (1993–2003) после отделения Словакии. — *Прим. ред.*

Дело в том, что рабочие стали членами профсоюза только после начала забастовки. Именно тогда забастовка стала незаконной с точки зрения Закона об отношениях в промышленности и могла рассматриваться как самовольный уход с рабочего места.

Штаб-квартира Консервативной партии.

Движение сторонников династии Стюартов, развернувшее свою деятельность после революции 1688 года и имевшее множество ярых приверженцев в Шотландии, которое оставило ощутимый след в истории Соединенного Королевства.

Унионист — противник сепаратизма. — Прим. пер.

«Бесподобная палата» — ироническое название французской палаты депутатов, избранной в октябре 1815 года после Реставрации Бурбонов; ее репрессивные законы и нападки на Великую французскую революцию (1789–1794) вызвали возмущение в стране; по настоянию министра полиции палата распущена королем в сентябре 1816 года. «Голубая палата» («Небесно-голубая палата») избрана во Франции по окончании Первой мировой войны; названа по цвету формы военных, составлявших в палате большинство. По тому же «милитаристскому признаку» названа «Палата цвета хаки» в США. «Ассамблея сил обороны Ольстера» появилась при обострении конфликта Ирландии (Ольстер — одна из ее провинций) с Англией в 1968–1969 годах. — *Прим. ред.*

Лорд-протектор — это титул, который сам себе даровал Оливер Кромвель.

Тезис этот оспаривался многими историками. Такие католические города, как Венеция и Генуя, познали процветающий капитализм. Кстати, католическая доктрина не обязательно противоречит взглядам, изложенным Маргарет Тэтчер. В так называемом «Компендиуме социальной доктрины Церкви», несмотря на наличие такого понятия, как «всеобщее предназначение богатств», говорится об основополагающей роли частной собственности: «На собственников возлагается обязанность не допускать того, чтобы принадлежащее им имущество было непродуктивно, а возлагается обязанность предназначать это имущество для производства других благ, в частности, доверяя их тем, кто желает и способен заставить это имущество приносить плоды». Говоря о помощи самым обездоленным, папа римский Иоанн Павел II в своей энциклике «Центезимус аннус» выразил мысль, от которой не отреклась бы и «Железная леди»: «Вмешиваясь напрямую и лишая общество ответственности, государство, оказывая помощь нуждающимся, само же провоцирует утрату человеческих сил, гипертрофию общественных механизмов, движущихся более под воздействием бюрократической логики, чем под воздействием заботы о том, чтобы оказывать помощь тем, кто в ней нуждается, что влечет за собой огромный рост расходов». Понтифик рассматривает случаи, в которых общество со всей присущей ему мощью должно вмешаться (Компендиум. Фр. изд. 2006 г.).

Евангелие от Матфея. Гл. 25, 14–30.

Евангелие от Иоанна. Гл. 12–1.

Эдмунд Бёрк (1729–1797) — английский парламентарий, публицист, идейный родоначальник британского консерватизма. — *Прим. ред.*

В особенности из «Защиты естественной политики».

Эта революция, совершившаяся почти без крови, свергла Якова II Стюарта, сбросила его с трона из-за его склонности к католицизму. Он был заменен Вильгельмом III Оранским, который был вынужден признать и принять «Декларацию прав человека» от 1689 года, в соответствии с которой монарх не мог поднять армию или поднять налоги без согласия парламента. Парламент же добился права созываться регулярно. Закон как источник права был многократно усилен, ибо король более не мог отменить закон, принятый парламентом, или освободить от него кого-то.

В русских изданиях название обычно переведено как «Скотный двор».
— Прим. ред.

Что очень важно, так как политики редко ссылаются на мыслителей или теоретиков.

Встречается другой перевод этого названия: «История денежного обращения в США». — *Прим. пер.*

При этом неизбежны социальные конфликты, сопровождающиеся жертвами и потерями, которые несет экономика.

Подсчет количества денег, необходимых для обеспечения существования государства, очень сложен. Существует несколько денежных механизмов, включающих разные средства платежей. Чаще всего используют для подсчетов тот из них, что включает деньги в виде банкнот и монет, а также банковские вклады до востребования или срочные.

См. седьмую главу настоящей книги.

Гладстон был явным защитником свободы торговли в либеральной партии, его яростные споры с Дизраэли, лидером тори, наполняли особым содержанием политическую жизнь Англии второй половины XIX века.

Издание Центра политических исследований. — *Прим. пер.*

В соответствии с так называемой теорией просачивания благ сверху вниз.

Ратуши лондонского Сити. — *Прим. пер.*

Авентинский холм — один из семи холмов, на которых стоит Рим; в далекой древности в ходе одного из восстаний плебса патриции удалились на этот холм. — *Прим. пер.*

Незабвенная музыка Вангелиса.

Она была любимой кинематографисткой Гитлера и сняла для нацистского режима несколько фильмов, прославляющих спорт, великолепного качества, но идеологически чрезвычайно двусмысленных.

Кстати, об этом она просила Альфреда Шермана в Центре политических исследований: «Думайте о невозможном, и я сделаю возможным невысказанное».

Это явный парафраз слов, произнесенных Нейлом Армстронгом, когда он впервые ступил на Луну, только он говорил о гигантском шаге для человечества; эта фраза не была экспромтом, ее заранее сочинил известный драматург Артур Миллер.

Кстати, Маргарет только пожала плечами, когда один из журналистов провел параллель между ее избранием и битвами миссис Панкхерст, знаменитой суфражистки начала XX века.

Питт Уильям Старший, граф Чатам (1708–1778) — премьер-министр Великобритании в 1766–1768 годах. — *Прим. ред.*

Кабинет или правительство как коллегиальный орган занимает особое место в конституционном здании Великобритании. Премьер-министр официально является «первым среди равных», но на деле с середины XX века его превосходство над остальными становится все более очевидным.

Имеются в виду выпускники Итона, как называют Королевский колледж, расположенный в небольшом городке Итоне неподалеку от Виндзора; Итон, прозванный «фабрикой джентльменов», — одно из самых привилегированных учебных заведений для детей британской аристократии. — Прим. ред.

В доме 11 находится Казначейство, то есть министерство финансов.

Действительно, производительность в Англии в период между 1973 и 1979 годами росла лишь на 6,3 процента в год, в то время как в ФРГ — на 28,4 процента, а в Японии и вовсе на 39,3 процента.

Одновременно введя взимание платы в размере одного фунта за каждое врачебное вмешательство и упразднив стипендии на обучение иностранных студентов.

Так, «Даунинг-стрит, 11» перешел от показателя МЗ к показателю М1 при расчете совокупности доходов и расходов государства, в котором не учитывались срочные банковские вклады.

Вообще «моральное перевооружение» — это христианское движение, проповедующее изменение мира путем преобразования личной жизни. — *Прим. пер.*

Суть принципа состояла в том, что наемные рабочие должны были вступать в профсоюз, члены которого составляли большинство коллектива.

Этот принцип был зафиксирован еще в Законе о спорах и конфликтах с профсоюзами, принятом в 1906 году, в соответствии с которым профсоюз не мог быть подвергнут преследованиям в финансовом плане в том случае, если один из участников социального конфликта совершил какое-то преступление: уничтожение имущества и др.

Фабий Кунктатор — римский полководец и консул, прославившийся своей дальновидной политикой во время Второй Пунической войны. После поражения в битве у Тразименского озера в 217 году до н. э. он прибег к тактике истощения войска Ганнибала, что и принесло ему победу.

Они заключались в том, что стены камер пачкались экскрементами.

Английское название Мальвинских островов.

Эльзас и Лотарингия — исторические области (провинции) на востоке Франции; восточная часть Лотарингии и почти весь Эльзас в 1871–1918 годах, а также в 1940–1945 годах были отторгнуты Германией и составляли в ней провинцию. — *Прим. ред.*

МИ-6, или СИС (Сикрет интеллидженс сервис) — основная разведывательная служба Великобритании. — Прим. ред.

Существует два типа таких лодок: одни предназначены быть просто ракетноносцами; другие, более крупные, могут участвовать в морских сражениях и топить как надводные корабли противника, так и подлодки.

Начальник Генерального штаба военно-морского флота.

За исключением Италии и Испании, поддерживавших с Аргентиной особые связи, а также Ирландии, по всем известным причинам.

Это была одна из причин, по которой Маргарет Тэтчер оказывала существенную поддержку свергнутому диктатору, когда он подвергался преследованиям в Англии; так она это объясняла в своей книге «Искусство управления»; кстати, следует помнить, что между Чили и Аргентиной существует давний территориальный спор.

В этом она была полной противоположностью Картеру, который во время провалившейся попытки освободить американских заложников в Тегеране все время отдавал приказы поверх голов военачальников.

Перевод Б. Пастернака. — Прим. пер.

В оригинале употреблено слово «джингоизм». Это явление равноценно шовинизму во Франции. Само слово взято из песни, которую толпа распевала в 1874 году, когда Англия оккупировала Кипр.

155

То есть 398 мест.

Перевес в полученных голосах менее значим, чем перевес в полученных мандатах, ибо система голосования за одну кандидатуру усиливает эффект имеющегося большинства.

Прекрасная работа, переведенная на французский язык в 1991 году и выпущенная издательством Робера Лафона. Ее автор — журналист «Гардиан» (аналог французской газеты «Монд»).

Сара Кейз работала в аппарате Консервативной партии и любой ценой хотела «заполучить избирательный округ», чтобы стать депутатом. После скандала она опубликовала книгу воспоминаний «Вопрос суждения», имевшую большой успех.

Три показателя денежной массы по определению Совета управляющих Федеральной резервной системы США. — Прим. пер.

Где находится Франкфуртская фондовая биржа. — *Прим. пер.*

Название главного индекса Лондонской биржи, являющегося эквивалентом CAC-40, ведущего парижского биржевого индекса.

Элитные воинские части, находившиеся в распоряжении ГРУ, разведслужбы Советской армии; в их задачу входила и организация предварительного саботажа на стратегических объектах в случае конфликта на Западе.

Устав Национального союза горняков предусматривал необходимость набрать 55 процентов голосов для принятия решения, чего Артур Скаржилл никогда не смог добиться. На протяжении всего конфликта он пытался изменить правила проведения голосования в НСГ, отчего его обвиняли в склонности к насилию, в манипуляциях, и эти обвинения преследовали его постоянно.

В большей степени, нежели внушительная часть политиков-консерваторов, отдававших предпочтение высшим чиновникам.

«Зеленая книга» — официальный правительственный документ. —
Прим. пер.

Сама Маргарет не принадлежала к Англиканской церкви; она происходила из пресвитерианской среды, то есть из среды нонконформистов.

Королева является светской главой этой Церкви.

Эти сведения передал автору один французский дипломат, желающий сохранить свое имя в тайне по причине того, что впоследствии занимал очень высокие посты.

Это означало бы полное отделение Церкви от государства и прекращение финансирования Англиканской церкви государством.

Бритиш бродкастинг корпорейшн — английская радиовещательная компания, ведущая теперь передачи и на каналах телевидения. — Прим. пер.

Кстати, Мердок был одним из главных источников средств Консервативной партии и именно поэтому сумел захватить стратегически важные позиции в британской прессе.

Высказывались предположения (правда, никаких доказательств их истинности представлено не было), будто Маргарет защищала этот выбор потому, что он способствовал тому, чтобы ее сын Марк подписал крайне выгодный контракт на поставку оружия Саудовской Аравии. Эта версия не нашла никаких серьезных подтверждений.

Штаб-квартира Консервативной партии располагается именно там.

Если Маргарет и презирала президента Франции, то и он ей платил тем же. Говорят, что в частных беседах он называл ее только «дочкой бакалейщика».

Джон Булль (англ. John Bull — буквально Джон Бык) — прозвище типичного англичанина; произошло от имени простоватого фермера из памфлета английского публициста Джона Арбенота «История Джона Булля» (1727), а особую популярность приобрело после пьесы Джона Колмена Младшего «Джон Булль, или Семейная жизнь англичанина» (1803); изображается краснолицым низкорослым толстяком с хитрым выражением лица, иногда с подзорной трубой (чтобы рассматривать через Ла-Манш происходящие на континенте события). — Прим. ред.

Жозеф Фуше (1759–1820) — французский политик и государственный деятель; в 1793 году усмирял в Лионе роялистское восстание, производя массовые казни, чем любил похваться. — Прим. ред.

Маргарет сравнивали с русской императрицей Екатериной II по жестокости, возможно, потому, что та взошла на престол путем переворота, при котором был убит ее муж Петр III.

Предводительница племени бриттов, боровшихся с римлянами, которая не щадила своих воинов.

Белые перья — отличительный знак шляп-треуголок послов; сегодня перья носят все меньше, за исключением некоторых королевских дворов, таких как Сент-Джеймский.

Гарпагон — главный герой комедии Жана Батиста Мольера (1622–1673) «Скупой». — Прим. ред.

Аналогия с прозвищем «Господин Нет», которое получил Хрущев после нескольких недипломатичных высказываний и выступлений, в частности в ООН.

Уинстон Черчилль (1874–1965), проигравший власть на выборах летом 1945 года (в 1951-м он вернется на пост премьер-министра) и обеспокоенный ростом послевоенного коммунистического влияния, марта 1946 года выступил с лекцией о международном положении в Вестминстерском колледже города Фултон (штат Миссури, США), куда пригласил президента США Гарри Трумэна (1884–1972). В своей речи, провозгласив сначала, что отныне «Соединенные Штаты находятся на вершине мировой силы» (Америка на тот момент являлась единственным обладателем атомного оружия), Черчилль среди прочего открыто назвал СССР «причиной международных трудностей» и объявил, что оказать сопротивление тирании может только «британская ассоциация англоговорящих народов» — Британское Содружество и США. Иосиф Сталин (1878/79–1953) ответил на его речь в интервью газете «Правда» 14 марта 1946 года: «...Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира...» Считается, что с Фултонской речи Черчилля началась холодная война. — *Прим. ред.*

Союз стран Западной Европы, созданный в 1954 году после провала Комитета содействия экономическому развитию (Европейского оборонительного союза), позволил произвести перевооружение Германии; США не входили в состав его членов.

Сравните эти цифры с цифрами затрат Великобритании, которые никогда не превышали 5,2 процента, даже в период перевооружения, происходившего при Маргарет Тэтчер.

В Тегеране (Иран) 4 ноября 1979 года члены студенческой мусульманской организации захватили посольство США, взяв в заложники 70 сотрудников; негров и женщин освободили, шестерым удалось бежать, а 52 человека на 444 дня остались в заложниках у похитителей. Террористы требовали вернуть богатства, вывезенные шахом Мохаммедом Резой Пехлеви (бежал в январе 1979 года в Египет после массовых бунтов, в октябре оказался в США), а также выдать самого шаха. 20 января 1981 года заложники были освобождены благодаря уступкам США Ирану, в частности были разморожены иранские счета в американских банках. — *Прим. ред.*

Американские морские пехотинцы в 1983 году были направлены в Бейрут (столицу Ливана, где шла гражданская война) как одно из подразделений миротворческих сил ООН; 23 октября того же года на территорию американской военной базы въехал грузовик с пятью тоннами взрывчатки; взрыв разрушил казарму пехотинцев и унес жизни 241 человека (по официальной версии); теракт осуществили боевики группировки «Хизбалла» («Хезболлах»). — *Прим. ред.*

Сомнения вполне обоснованные, поскольку США так и не удалось развернуть эффективную противоракетную систему, направленную против баллистических ракет средней и малой дальности типа СКАД.

Открытые советские архивы свидетельствуют о том, что СОИ сыграла главную роль в реформах в СССР. Представители советской элиты (в основном из КГБ) поняли, что в гонке вооружений СССР победить уже не сможет.

В 1991 году городу Загорску (переименован в 1930-м) возвращено историческое название Сергиев Посад. — *Прим. ред.*

Евреи, которым по соображениям сохранения государственной тайны отказывали в возможности уехать в Израиль. — *Прим. пер.*

Он стал объектом подписания Маастрихтского договора.

Это было время проведения «Уругвайского раунда»; в ходе переговоров участники стремились защитить права европейских производителей сельскохозяйственной продукции. Кстати, тогда многие государства ввели специальные квоты на импорт машин, произведенных за пределами Европы: Франция установила квоту в 3 процента на японские машины, а Италия — в 12 процентов. Речь шла уже о процессе глобализации, хотя он еще так не назывался.

Или, вернее, плавающие, но в определенных рамках.

ОАС (Organization de l'armee secrete; Франция) — правоэкстремистская организация (создана в 1961-м), боровшаяся за сохранение Алжира в качестве французской колонии и против тех французов, кто ратовал за независимость Алжира; «прославилась» тринадцатью покушениями на жизнь президента Франции Шарля де Голля. — *Прим. ред.*

Кстати, Деннис считал, что эти соглашения были не чем иным, как предательством. Он никогда не говорил об этом прессе, но говорил жене и дочери, которая и написала об этом в биографии отца.

Главная площадь Пекина (Китай), где в июне 1989 года была подавлена массовая студенческая демонстрация частями 29-й армии китайских вооруженных сил. — *Прим. ред.*

Существование этих слухов подтвердили автору многие дипломаты, занимавшие в то время посты в Лондоне, но все они, несмотря ни на что, говорят, что не имеют никаких доказательств.

Именно это едва не произошло в августе 1991 года во время антигорбачевского путча. К счастью, путч провалился и победу одержали так называемые «демократы» под руководством Ельцина.

Имеется в виду Джордж Буш-старший, сорок первый президент США, занимавший этот пост с 1989 по 1993 год. — *Прим. ред.*

Автор этой теории гораздо более проницателен и тонок, чем говорят. Он не исключает возможности многочисленных потрясений перед окончательной победой западной модели демократии...

Капитолийский холм был центром власти в Древнем Риме; с Тарпейской скалы сбрасывали осужденных на смерть. — Прим. пер.

Крупное министерство, которое в Великобритании включало также департамент жилищного и гражданского строительства.

Большинство экономистов считают, что 5-процентная безработица — это практически полная занятость.

Для этих целей она позволила Норману Фаулеру основать «Дискреционный социальный фонд», предназначенный для оказания помощи достойным беднякам, престарелым людям или инвалидам, по каким-то причинам не пользующимся социальным вспомоществованием по обычной схеме.

Эта же организация сорока годами ранее угрожала призвать к всеобщей забастовке медработников, если Клемент Эттли предпримет попытку провести национализацию медицинских учреждений в рамках Государственной службы здравоохранения.

Это не означает, что система стала безупречной. Пятнадцать лет спустя британские больницы остаются самыми неконкурентоспособными среди больниц стран Европы.

Это те, кто не относился к числу собственников или арендаторов (квартиросъемщиков).

К их числу относились все те, кто в той или иной мере по разным причинам пользовался социальной помощью.

Подушный налог — так назвали «районный налог» противники Маргарет в память о старой подушной подати, которую все ненавидели; так что название в стилистическом смысле не было нейтральным.

Непотизм (от лат. nepotis — племянник) — раздача доходных должностей, званий, земель близким родственникам; в широком смысле — кумовство. Понятие «непотизм» появилось в Средневековье, когда папы римские, заботясь об укреплении своей власти, стали раздавать высшие церковные должности своим родственникам, поначалу — племянникам (отсюда — непотизм). — *Прим. ред.*

Барристеры — высшая категория адвокатов в Великобритании. —
Прим. ред.

Солиситоры — категория адвокатов, ведущих подготовку судебных материалов для ведения дел барристерами, то есть адвокатами высшего ранга. — *Прим. ред.*

Первый — в 1979 году, накануне триумфа Маргарет, а второй — в 1990-м; оба стали жертвами боевиков ИРА.

Укрошенная инфляция, экономический рост, превышающий тот же показатель в других странах Европы (2,4 процента в 2002 году в Англии против 0,8 процента в зоне евро), а также безработица, надолго стабилизировавшаяся на уровне 5 процентов от экономически активного населения.

Следует все же отметить, что таким благополучием Англия была обязана доходам от продаж нефти, добытой в Северном море.

Приватизация сети водоснабжения сопровождалась ошибками и неудачами, которые стали особо ощутимы после 2000 года по причине существования региональных монополий, препятствовавших тому, чтобы конкуренция сыграла свою роль.

Само понятие бедности изменилось и стало довольно относительным. В 1990 году 50 процентов бедных владели автомобилем, а 75 процентов — видеомэгниетофоном.

Меритократия — власть выдающихся людей. — Прим. пер.

В 1959 году на съезде в городе Бад-Годесберге Социал-демократическая партия <Западной> Германии (СДПГ) приняла программу, в которой отказалась от марксизма в вопросах теории и практики классовой борьбы, способствуя сохранению капиталистического строя. — *Прим. пер.*

Пятая республика — тип (или вид) французского республиканского режима, который был установлен во Франции с принятием Конституции 1958 года. Жак Рюэфф (1896–1978) — французский экономист, сторонник либерализма в экономике (противник ее государственного регулирования).
— *Прим. ред.*